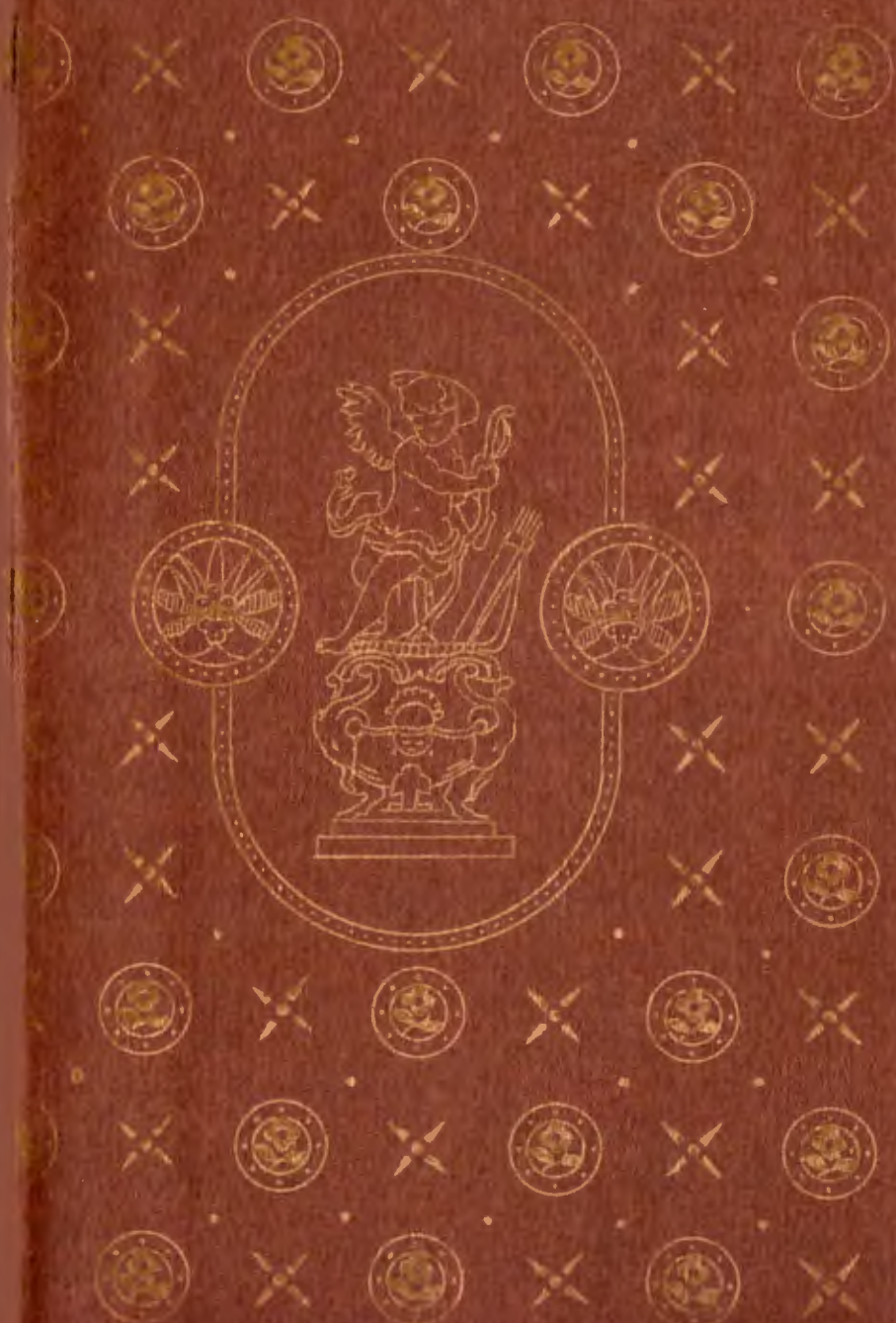

ФРАНЦУЗСКАЯ
НОВЕЛЛА
ВОЗРОЖДЕНИЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ
НОВЕЛЛА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. АНИКСТ

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

Н. ЛЮБИМОВ

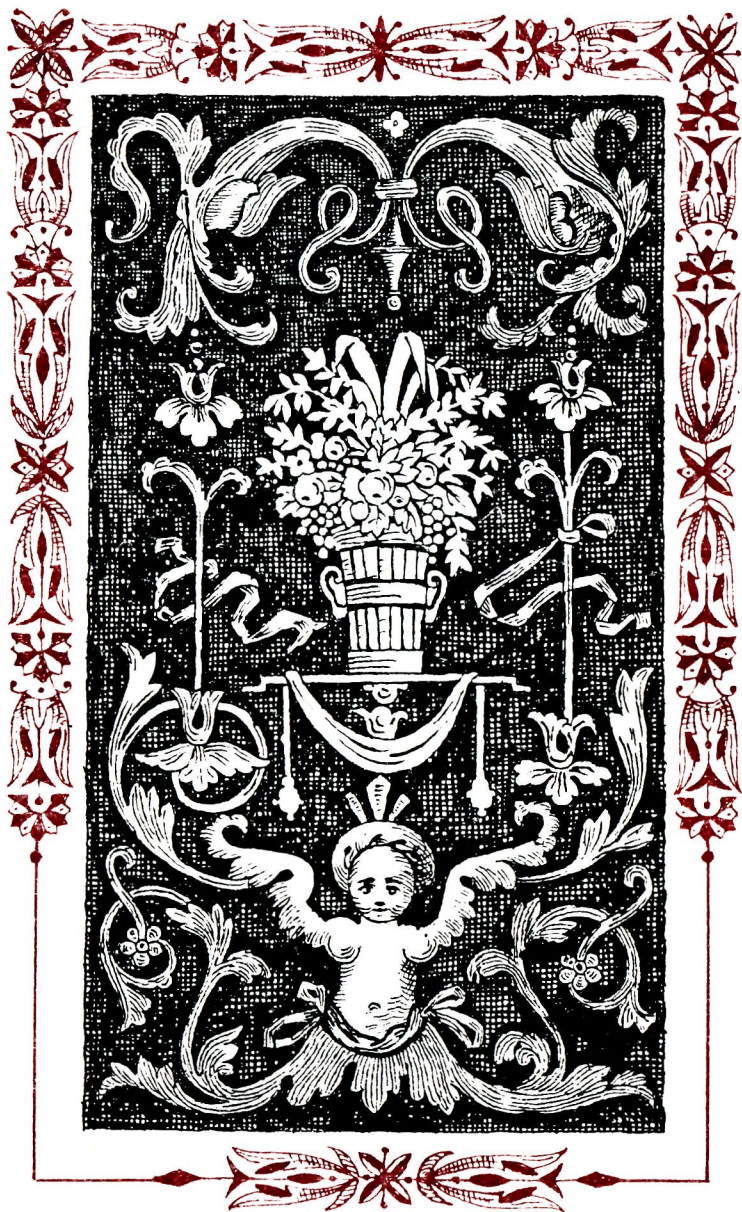
А. МИХАЙЛОВ

Б. ПУРИШЕВ

Б. СТАХЕЕВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

NOUVELLE
FRANÇAISE
DE LA
RENAISSANCE

МОСКВА
·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1988

ФРАНЦУЗСКАЯ НОВЕЛЛА ВОЗРОЖДЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ
С ФРАНЦУЗСКОГО

Художник
Ф. ДОМОГАЦКИЙ

МОСКВА
·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1988

ББК 84.4Фр
Ф 84

Составление,
вступительная статья и примечания
А. МИХАЙЛОВА

Художественное оформление
Д. ШИМИЛИСА

Ф 4703000000-311 161-88
028(01)-88
ISBN 5-280-00444-8

© Состав, переводы, отмеченные в содержании*, вступительная статья, иллюстрации, комментарии. Издательство «Художественная литература», 1988 г.

НОВЕЛЛИСТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В повествовательной прозе Возрождения первое место бесспорно принадлежит новелле, различным ее разновидностям и формам. Это особенно очевидно для французской литературы, где причудливое и неповторимое творение Рабле возвышается одиноким гигантом, где прозаический роман не получил развития (ведь пять книг «Гаргантюа и Пантагрюэля» вряд ли «роман» или цикл «романов»), а вся остальная проза, кроме новеллистической, — это либо мемуары, либо сочинения философские или политические. Была, конечно, массовая литературная продукция — прозаические переработки средневековых эпических поэм и романов — об Ожье-Датчанине, Гильоме Оранжском, о Тристане и Изольде, о рыцаре Ланселоте, о волшебнике Мерлине, загадочной женщине-змее Мелюзине, о Пьере и Магеллоне и т. д., — но все это было настолько ремесленно и серо, что могло адресоваться лишь самому непритязательному, так сказать, рядовому читателю. Люди образованные (или желавшие казаться такими) предпочитали знакомиться с новооткрытыми и впервые изданными произведениями античности или с книгами итальянских писателей-гуманистов — от Данте, Петрарки, Боккаччо до авторов XVI столетия.

Итальянское влияние — в частности в области новеллы, чему положил начало «Декамерон» Боккаччо, — было в ренессансной Франции очень сильным. Но ориентировались, как правило, на самые значительные образцы. Так, из итальянских новеллистов хорошо знали, кроме все того же Боккаччо, Мазуччо, Поджо Браччолини, позже Банделло; им в

основном и подражали. Но широкое и многообразное использование итальянского опыта постоянно сочеталось с воздействием собственных литературных традиций, которые во Франции были особенно богаты и разнородны. Что-то из этого наследия писатели Возрождения решительно отбрасывали, что-то, напротив, широко и плодотворно использовали.

Особенно богата и многообразна была доставшаяся от средневековья повествовательная традиция, памятниками которой были не только полные прельстительных баснословий рыцарские романы, но и отмеченные определенным бытовизмом фаблю, небольшие стихотворные рассказы, описывающие достаточно заурядные события из жизни горожан, вилланов и иных, в основном рядовых представителей средних же слоев средневекового общества.

Эти стихотворные рассказы не удивляли неожиданной рифмой, не восхищали смелой метафорой, не привлекали безудержной фантазией, причудливой запутанностью сюжета. Они брали другим — увлекательностью и живостью повествования, обилием бытовых подробностей, скупю, но емко очерченными характерами персонажей, непредвиденной развязкой, часто сводившейся к остроумному ответу или открытому столкновению кажущегося и сущего, производящему острый комический эффект.

Предтеча новеллы, веселый рассказ в стихах с нарочито бытовой тематикой и подчас довольно острой сатирической начинкой, возник и развился рядом с рыцарским романом и куртуазной повестью. Поэтому фаблю и куртуазные повествования соприкасались. Но чаще — резко противостояли друг другу. Родились они в разных общественных кругах, которые, естественно, тоже резко противостояли и тоже постоянно соприкасались.

В романе и в куртуазной повести исключительность героев бывала обычно подана на некоем нейтральном фоне повседневной жизни. На этом тусклом, неинтересном фоне приключения героев (рыцарей, конечно) и были «новостью», то есть чем-то необычным и непредсказуемым. В фаблю исключительность героев и ситуаций совсем иная. Она тоже дана на нейтральном фоне, но это — исключительность наизнанку. Вместо небывалой смелости, неподкупной верности, вместо преодолевающей все преграды возвышенной, почти мистической любви в фаблю мы находим неправдоподобную глупость, невообразимую жадность, отталкивающее в своей упрощенной изменности сластолюбие и т. д. Про-

зрачным далям сказочной фантазии рыцарского романа и повести, их «возвышающему обману», где все окрашено в яркие и ясные локальные тона, в фаблио противостоял замкнутый, тесный, серенький, очень вещный и реальный мир повседневности. В романе события происходили в некоей почти внереальной действительности. Она была отделена от реальной не только географически, но и во времени. В романе бывали возможны любые операции со временем, ибо мир рыцарства (в понимании его идеологов) существовал постоянно, всегда. Тем самым герои романа были вознесены над реальной действительностью, высоко подняты над ней. Герои же фаблио — не только сведены до нее, но как бы опущены еще ниже, на самое житейское дно. Там тоже происходили примечательные события, тоже можно было отыскать «новость», но связанную с мелкими, микроскопическими происшествиями повседневного бытия. Мир фаблио тоже воспринимался как неизменный, в какой-то мере тоже «вечный», но это была вечность стоячего болота, вечность маленьких кривых городских улочек, тесных лачуг, затхлых помоек и подворотен. Поэтому в фаблио, если действие и не «сиюминутно», то обязательно конкретизировано: в фаблио не только точно (со всей бесцеремонностью вымысла) указано место и время описываемого события (в таком-то городе, в правление такого-то короля и т. д.), но и сгущены бытовые детали.

Герои фаблио были исключительны своими пороками на фоне добропорядочных горожан. Видимо, как раз поэтому в этих стихотворных рассказах так много непристойного, то есть выходящего за рамки общедопустимого, приличного. Здесь не было «реабилитации плоти», которую обычно находят в литературе эпохи Возрождения, здесь вся жизнь была низведена до жизни плоти в ее самых ординарных и примитивных проявлениях. Непристойна и грязна исключительность, противостоящая пристойной заурядности. Этот охранительный морализаторский подтекст постоянно присутствует в фаблио и будет отчасти воспринят и ранней городской новеллой. Для типичного бюргерского сознания исключительность, выламывание из привычных границ и норм — подозрительны и опасны. Но и интересны, а потому притягательны. Это было легко воспринято (но и коренным образом переосмыслено) литературой Возрождения, ибо в зародыше здесь — мотив исключительности и неповторимости человеческой личности, ее автономности, независимости по отношению к повседневным обычаям и нравам, мотив индивиду-

альной инициативы, бросающей вызов устоявшемуся, привычному. Поэтому-то столь настойчивое обращение новеллистов Возрождения к фабульному фонду фаблио не должно нас удивлять.

Исключительность, «неправильность» поведения персонажей фаблио касались и преодоления ими сословных барьеров. Еще задолго до мольеровского Жоржа Дандена или господина Журдена горожанин начал судорожно и незаметно лезть вверх, подгребая под себя неположенные ему привилегии и почести, и одновременно — ехидно подсмеиваться над своим собратом, делающим то же самое. Рыцарский роман вопросы сословного неравенства с аристократической широтой обходил. Для фаблио и ранней новеллы — это одна из излюбленных тем и удобный повод для всевозможных рискованных ситуаций. Тем самым фаблио не отрицали сословную мораль, а напротив — даже ее цементировали.

С этой точки зрения полезно присмотреться к персонажам фаблио и к тем сюжетным ситуациям, в которых они оказываются. Набор героев фаблио довольно широк, набор ситуаций — ограничен. Наибольшее внимание уделяется в фаблио любовным отношениям героев. Семейные ситуации в той или иной мере могут быть к ним приравнены. Вот почему здесь столь част мотив «любовного треугольника»: неопытный в любовных делах муж или муж, слишком занятый своим ремеслом, торговлей и т. п., вынуждают жену завести любовника или легко соглашаться на случайные связи. В этих любовных авантюрах могут принимать участие выходцы из разных социальных кругов — простые горожане или даже крестьяне, состоятельные ремесленники и купцы, представители средневековой интеллигенции — школяры, клирики, врачи, адвокаты и т. д., но также — рыцари, их дамы и оруженосцы, то есть привычные персонажи куртуазных повествований. И в первую очередь, конечно, — священники и монахи, этот предмет постоянных насмешек и разоблачений. Мезальянс фаблио не одобряют; поэтому одинаково осуждаются и разбогатевший виллан, женившийся на благородной, и обедневший рыцарь, взявший в жены купеческую дочку. И вот что примечательно: когда тот или иной персонаж попадает в чуждую ему социальную обстановку, он и вести себя начинает «неправильно». Так, пролезший в благородные виллан обнаруживает отъявленную трусость, знатная дама, вышедшая за горожанина, охотно принимает ухаживания местного кюре,

рыцарь, оказавшийся в городской среде, заводит любовную интрижку с простой служанкой и т. д.

Как видим, в фаблио исподволь пародировались нормы и сюжетные ходы куртуазной литературы, выступавшие здесь в травестированно-сниженном виде. Уже сам интерес к быту, детерминирование поведения персонажа этим бытом были элементами такого травестирования. Поэтому бытовизм фаблио нельзя связывать с чертами или хотя бы черточками реализма. Но бытовизм фаблио был шагом к освоению литературой новых пластов действительности, поэтому и в новелле раннего Возрождения, особенно новелле французской, нельзя не отметить пристального интереса к разным сторонам повседневной жизни человека.

Расцвет жанра фаблио — XIII столетие. Так во Франции; в других странах, например в Англии, бытование фаблио продолжается и на протяжении следующего века. Затем наступает упадок. Он связан как с новой фазой развития литературы, перед которой встают иные задачи, так и с тем, что в области повествовательных жанров начинает доминировать проза (между прочим, стремительную деградацию переживает в это время и стихотворный рыцарский роман). К этому надо добавить, что поздние фаблио (как и вся городская литература на исходе своего развития) проникают в очень сильной степени морализаторским духом: истории о похождениях беззаботных школяров, о сластолюбцах-кюре или о неудачниках-рыцарях уже не столько веселили, сколько наставляли, являли собой пример того, что достойно всяческого осуждения, хотя, увы, и нередко встречается в жизни.

Мы столь подробно остановились на жанре фаблио не только потому, что он стал непосредственным предшественником французской ренессансной новеллы (точнее, одним из предшественников), а потому, что сюжеты фаблио были общеевропейским достоянием и неизменно встречаются в возрожденческой новеллистике разных стран, не только Франции. Но выступают там в очень большой степени преображенными. Ограничимся лишь одним примером.

До нас дошло довольно большое число вариантов одного сюжета фаблио, основные перипетии которого следующие. Некий священник или монах настойчиво и долго добивается благосклонности одной горожанки. Семья ее оказывается в столь стесненных обстоятельствах, что муж советует жене принять богатые дары вздыхателя и назначить ему

свидание. Но пришедшего ночной порой ухажера невзначай убивают. Далее начинаются трагикомические приключения мертвого тела, от которого стараются поскорее потихоньку избавиться все, к кому оно попадает, — сначала семья незадачливого горожанина, затем двое воришек, потом хозяин корчмы, монахи местного монастыря и т. д. Кончается все тем, что этого беднягу считают случайно разбившим себе голову и хоронят. Во второй половине XV века на этот сюжет написал новеллу итальянец Мазуччо Гуардати из Салерно. Внешне — сюжет тот же самый. Но как смещены акценты! У Мазуччо тоже есть сластолюбивый монашек, есть забавные перетаскивания с места на место мертвого тела. Но вместо обедневшего горожанина перед нами знатный (и весьма состоятельный) дворянин мессер Родерико д'Анджайа. Вместо скромной горожанки — гордая красавица донья Катерина, и не помышляющая о какой бы то ни было связи с любвеобильным монахом. Наконец, вместо довольно-таки спокойной развязки — напряженный, едва не трагический финал. И в качестве своеобразного сюжетного обрамления — два по-своему «благородных» поступка мессера Родерико: сначала он убивает монаха, оскорбленный тем, что тот своими ухаживаниями осмелился докучать донье Катерине, а затем открывается в содеянном перед королем Кастилии Фернандо, дабы избавить от незаслуженной казни одного молодого послушника, на которого пало подозрение в убийстве. Перед нами изменения не столько сюжетные, сколько идеологические: в новелле Мазуччо сильно акцентировано оскорбленное благородство дворянина, но и его расчетливая жестокость. Но сюжетные — тоже. В связи с тем что столь заметно выдвинут на первый план образ гордого, высокомерного, необузданного в своих поступках мессера Родерико, оказались заметно сокращенными, по сути дела свернутыми неожиданные и занятные приключения мертвого тела, столь подробно и изобретательно описанные в разных версиях французского фавлю. Средневековая французская повестушка, на уровне сюжета, была открыта для линейного развертывания: перетаскивать мертвое тело можно было сколь угодно долго (зимние ночи такие длинные и темные), тем самым создавая все новые неожиданные ситуации, в которых и заключался основной интерес произведения. Новелла Мазуччо более стройна, замкнута, целенаправленна. Она тоже порой смешна. Но драматизм сюжета в ней значительно усилен, поэтому столь сильны в ней трагические мотивы.

Такие же превращения претерпели под пером ренессансных новеллистов и многие другие сюжеты фавлии.

Отметим, что в последних был очень распространен мотив неистребимой, извечной порочности женщин, будь то склонность к любовным интрижкам, будь то просто любовь к безделью, к сплетням и злословию, будь то постоянное стремление верховодить в доме, что причиняет столько бед доверчивым и безответным мужьям. Антифеминистская струя в средневековой литературе весьма заметна, ее причины многообразны и, возможно, еще не до конца выяснены. Антифеминизм был свойствен более всего литературе позднего средневековья (то есть XIV—XV столетий), вот почему на первых порах в его сфере оказалась и новеллистика, делающая еще свои первые робкие шаги.

В этом отношении очень показателен французский анонимный сборник «Пятнадцать радостей брака», созданный между 1380 и 1410 годами. Он бесспорно замыкает средневековую традицию (с ее бюргерским дидактизмом и мелко-темьем) и стоит на пороге ренессансной новеллистики. Показательно, что книга дошла до нас в нескольких рукописях и нескольких печатных изданиях XV века, причем первое из них, датируемое 1485 годом, совпадает по времени с появлением одной из рукописей (из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде): средневековый способ бытования произведения еще соседствовал с новым, печатным.

По своей тематике «Пятнадцать радостей брака» во многом относятся к средневековой антифеминистской литературе, хотя перед нами не столько инвектива в адрес слабого пола, сколько собрание забавных историй о проделках коварных жен и об их неосмотрительных мужьях. Впрочем, наставительного, дидактического начала в книге отрицать нельзя. Она во многом строится как своеобразный последовательный цикл назидательных историй, в чем-то имитирующий сдобренный яркими примерами схоластический трактат. Это стремление к созданию законченной, самозамкнутой книги стоит отметить, так как это вскоре станет одной из отличительных черт ренессансной новеллистики: редко кто из писателей просто сочинял рассказы, они создавали именно циклы рассказов, объединенных по самому разному принципу, но объединенных — непременно.

По составляющим «Пятнадцать радостей» новеллам разбросаны мелкие черточки, скупо, но точно обрисовывающие быт западноевропейского города на исходе средневековья, особенности жизни рядового горожанина. Автор проводит читателя по всем кругам семейного ада: тут и нескончаемые перебранки со сварливой женой, и утомительная бегодня по лавочкам в поисках всевозможных лакомств, если в жены досталась привереда, и унижительные скитания по ростовщикам и заимодавцам, чтобы раздобыть денег на новое платье жене. Немало в книге и традиционных для средних веков нападок на монахов, которые либо просто склоняют женщин к распутству, либо внушают им неуважение к мужьям.

Все описано и оценено в книге, конечно, с точки зрения мужа, женщине слово не было дано. Это изобличает в авторе писателя и человека позднего средневековья, ибо в фаблио женская точка зрения на семейные конфликты, на взаимоотношения между людьми, вообще на жизнь нет-нет да обнаруживала себя.

Многие (если не все) из тем и мотивов книги мы найдем затем у французских новеллистов второй половины XV и первой половины XVI столетия, даже у Маргариты Наваррской и уж конечно у Деперье, но там все эти темы не занимают доминирующего места. В «Пятнадцати же радостях» весь круг жизненных проблем и соответственно ситуаций этим и ограничивается. Типичный бюргерский морализм еще не был в сборнике преодолен, в этом направлении едва был сделан первый шаг. Но и он был знаменателен: ведь антифеминизм книги вряд ли следует до конца принимать всерьез, ибо осуждение женских слабостей постоянно уступает место в книге неподдельному восхищению хитроумными проделками, находчивостью, изворотливостью женщин; отрицание спорит здесь с утверждением, и в этом споре проглядывают предпосылки новой, возрожденческой концепции человека.

Отметим также пристальный интерес к окружающему горожанина миру вещей, хотя, конечно, бытописание еще не делало новеллу возрожденческой, точно так же как не делало ее такой и обращение к прозе. Однако бытописание и даже областничество станет, как увидим, заметной чертой новеллистики французского Возрождения. И здесь «Пятнадцать радостей брака» находились в русле национальных традиций. Но книге недоставало «гуманизма» — и как определенного рода учености и свободы владения при-

емами повествования, стилем, и как специфического — широкого и раскованного — взгляда на человека и на его земные дела. Поэтому историю новеллы эпохи Возрождения во Франции открывают не «Пятнадцать радостей брака», а совсем другая книга.

Этой книгой был сборник «Сто новых новелл»¹. Автор его неизвестен. Возможно, у книги было несколько авторов, и лишь на последнем этапе весь текст был проредактирован каким-то большим писателем; одно время полагали, что таким автором-редактором был Антуан де Ла Саль (ок. 1385 — ок. 1461), бесспорно самый крупный писатель эпохи (его имя фигурирует среди рассказчиков новелл), но теперь эта точка зрения отброшена. Но другого редактора найдено не было. Об обстоятельствах появления книги мы тем не менее знаем. Она была создана в Женаппе (Брабант) между 1456 и 1467 годами при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго, где литература издавна была в особой чести. В это время у Филиппа гостил дофин Людовик (будущий король Людовик XI), находившийся в ссоре с отцом королем Карлом VII. В 1461 году Людовик вззошел на отцовский трон, но составление книги продолжалось: мы не должны относиться с безусловным доверием к придуманной «автором» обрамляющей истории, рисующей окружение герцога и дофина, из-за вынужденного безделья занимающееся рассказыванием занимательных новелл. У книги, помимо подлинных, были и литературные источники, а ориентация на пример «Декамерона» несомненна.

Тематика новелл книги разнообразна, но во многом идет по стопам фавлю: это все те же истории о ловких женах и доверчивых мужьях, о сластолюбивых кюре, о непроходимо глупых вилланах, о беззаботных пройдохах-школярах, способных облапошить и провести кого угодно. Пересказывают «авторы» и сюжеты некоторых новелл Боккаччо или Поджо. Из-за этого иногда говорят о подражательном характере книги. Однако связь с «Декамероном», который к тому времени был уже широко известен во Франции, ограничивается, пожалуй, одинаковым числом новелл, зачатками обрамления и двумя упоминаниями итальянского писателя. Что каса-

---

¹ См. наиболее обстоятельную работу об этом сборнике: D u b u i s R. Les Cent nouvelles nouvelles et la tradition de la nouvelle en France au Moyen Age. Grenoble, 1973.

ется сюжетных совпадений между отдельными новеллами книги и произведениями Боккаччо и Поджо Браччолини, то просто у них мог быть общий источник, причем наверняка французский. Большинство же новелл восходит к реальным событиям городской жизни того времени (что было убедительно показано Пьером Шампьоном). Эта привязанность как к домашним сюжетам, так и к французской городской среде станет затем важной приметой наиболее жизнеспособного и обильного направления в новеллистике французского Ренессанса.

Городской характер книги (созданной, между прочим, в старинном феодальном замке в придворной среде) проявился прежде всего в тематике составляющих ее рассказов: действие новелл не так уж часто переносится в жилище рыцаря, хотя в книге и есть истории о дворянах, цепляющихся за свои исконные привилегии. События в основном разворачиваются на улочках и в домах средневекового города — в Лилле, Сент-Омере, Камбре, на сельских постоянных дворах, на теряющихся в полях проселках Нормандии, Артуа, Пикардии, Фландрии, Шампани или Бургундии. Как и у следующего поколения французских новеллистов (особенно у Филиппа де Виньёля и Никола де Труа), у авторов «Ста новых новелл» нельзя не отметить откровенного интереса к делам и дням их современников и земляков, которые описаны с прекрасным знанием всех особенностей их жизни, всех тех примечательных и порой довольно скандальных событий, которые легли в основу сюжетов большинства новелл книги. Видимо, в этом смысл использованного в названии сборника прилагательного «новый». Это, таким образом, не перепевы старых историй (в средние века подлинность сюжета нередко определялась его древностью), а повествование о случившемся недавно, то есть абсолютно достоверном, невымышленном.

О многом в сборнике рассказано с подкупающей откровенностью и, как говорится, не стесняясь в выражениях. Но за грубоватым юмором этой книги встает действительно правдивая картина жизни города, а у героев на первый план выдвигаются хитроумие, находчивость, ловкость, не только наличие «личного интереса», но и обладание характером деятельным и целеустремленным. Все эти качества помогают неверным женам избежать гнева ревнивых мужей, выручают простофилю кюре, забывшего объявить прихожанам о начале поста, вызывают из беды деревенского священника, похоронившего на кладбище любимого пса и при-

званного к ответу епископом; находчивость же и инициативность позволяют молодому клирику открыто забавляться с женой своего патрона, а благочестивому отшельнику — вкушать любовь молодой девицы. Это обилие любовных историй отразило прежде всего развлекательный, праздничный характер книги, связанный с травестирующими тенденциями народной карнавальской культуры позднего средневековья. Для многих новелл сборника типичен мотив любовной связи людей разной сословной принадлежности: родовитые дворяне волочатся здесь за простыми служанками, а их жены домогаются любви обыкновенного конюха или лакея. Как правило, подобные коллизии не приводят к трагическим конфликтам и тем более драматическим развязкам, что указывает не только на оптимистический тон книги, но и на отразившееся в ней постепенное вызревание новой, уже внесословной морали. Но многие ситуации трактуются в «Ста новых новеллах» еще в духе «доброто старого времени», то есть достаточно прямолинейно и упрощенно.

Пожалуй, одной из самых важных черт книги было отсутствие в ней антифеминистских настроений; напротив, создатели сборника не без откровенного восхищения описывают замысловатые уловки неверных жен и глумливо смеются над незадачливыми рогоносцами. Нет в новеллах и осознанно сатирического изображения монахов и священников. Если они и оказываются невежественными и глупыми, то природная смекалка позволяет им выпутываться из казальсь бы безнадежных положений, о чем говорится явно одобрительно. Правда, в книге есть и трагические новеллы, например история о неверной жене, попавшей в расставленную мужем ловушку и сожженной заживо, но преобладает в сборнике веселый жизнерадостный тон. Языком сборника, безыскусственным и дающим емкие речевые характеристики в диалогах, восхищался Анатоль Франс, заметивший, что это «язык яркий, сжатый, выразительный. Настоящий исконный французский язык»¹.

«Сто новых новелл» положили начало французской ренессансной новеллистике и во многом определили ее дальнейшие пути². На страницах сборника вместо аллегориче-

---

¹ Франс А. Собр. соч., т. 8. М., 1960, с. 15.

² Об общих особенностях новеллистики французского Возрождения см. работу: Pérouse G. A. Nouvelles françaises du 16e siècle: images de la vie du temps. Genève, 1977.

ских фигур городской дидактики и условно фантастических персонажей куртуазных романов, вместо социально дифференцированных, но схематичных действующих лиц фаблио появляются индивидуализированные характеры с личной судьбой и частными интересами.

В «Ста новых новеллах» перед нами уже сложившийся тип новеллистической книги, который будет затем варьироваться на множество ладов, но в основе своей останется неизменным. В первую очередь, это не случайное, а продуманное собрание новелл, это определенным образом организованный цикл, как бы делающий заявку быть большим, чем просто собрание рассказов. Цикл предполагал и некую общую стилистическую тональность, и единый угол зрения на изображаемое, и более широкое, чем в изолированном рассказе, воспроизведение действительности. Затем, именно в процессе циклизации производилась перелицовка иноземных сюжетов на французский лад (если использовались чужие сюжеты) или же происходило переосмысление старых национальных повествовательных моделей, что столь специфично именно для Возрождения во Франции (в котором некоторые исследователи не без основания видят не только освоение античности, но и возврат к готическому наследию).

На заре Ренессанса, особенно после появления книгопечатания, забавные реалистические истории одинаково находили читателя и в стенах замка или королевского дворца, и в лавке торговца или купеческой конторе, и в монастырской келье, и в тесной аудитории университета, и в крестьянском доме. Это не значит, конечно, что везде характер читателя был одинаков и что авторы новеллистических циклов не тяготели к той или иной литературной традиции, не ориентировались на разного читателя, не отражали жизни и взглядов различных социальных слоев. И все-таки авторы новелл в значительно меньшей степени адресовались к собратьям по классу, по сословию, чем к землякам. Последним бывали понятны намеки, содержащиеся в новеллах, безусловно памятливы те примечательные события, о которых в новеллах рассказывалось. А в своей совокупности новеллисты французского Ренессанса дали очень разнообразную, богатую подробностями и оттенками картину жизни своего времени ничуть не хуже, чем мемуаристы, и бесспорно лучше, чем авторы политических трактатов, обрисовав своих современников, выведя на страницах своих книг представителей всех общественных кругов — от «добротого короля Франциска» и

его придворных до последнего работника на ферме или церковного служки. И начало этому было положено книгой «Сто новых новелл», уже в 1486 году напечатанной в одной из парижских типографий.

До 1549 года, когда появилась довольно плоская переработка «Ста новых новелл» (ее автором был некий Ламотт Руллан), книга издавалась не меньше пятнадцати раз. Это говорит как о ее популярности, так и о том, что потребность в новеллистике была немалая. Она восполнялась и переводами. В 1485 году вышел перевод «Декамерона», сделанный Лораном де Премьефе, в 1496 году — перевод «Фацеций» Поджо, выполненный Гийомом Тардифом. Отметим, что оба эти перевода не то чтобы вольно интерпретировали оригинал, но добавляли к нему обширные моралистические рассуждения (инерция средневековья, как видим, преодолевалась не без труда).

От подобных морализаций была совершенно свободна книга Филиппа де Виньёля (1471—1528), первого вполне оригинального французского новеллиста XVI столетия. Он был уроженцем Меца, провел там почти всю жизнь. Всеми уважаемый и весьма состоятельный городской сапожник и торговец сукном, Филипп оставил немалое и довольно разнообразное литературное наследие (переработки старых эпических преданий, переделки местных средневековых хроник, пространный дневник и т. д.). Самое значительное, над чем он работал между 1505 и 1515 годами, — это сборник небольших рассказов. Автор назвал его вполне сознательно «Ста новыми новеллами».

Книга Филиппа обнаруживает в ее авторе знакомство как с одноименным анонимным сборником XV века, так и с переводами Боккаччо и Поджо. Мецкий летописец тоже хотел создать законченный новеллистический сборник. Но подлинного обрамления Филипп де Виньель придумать не сумел: его книга — это лишь собрание рассказов на самые разные темы. Видимость единства достигается автором тремя способами: во-первых, постоянными отсылками — в зачинах и концовках — от одной новеллы к другой, во-вторых, путем группировки новелл по темам (так, новеллы 2—18 в основном повествуют о служителях церкви, новеллы 33—37 рассказывают о сборщиках пожертвований, новеллы 38—46 выводят в качестве центральных персонажей женщин и т. д.), в-третьих, посвящая по сути дела всю книгу

изображению своих современников и земляков. Последнее, пожалуй, наиболее примечательно и ценно, хотя значение книги Филиппа, при всей ее литературной необработанности и косноязычии, не следует сводить к одной лишь документальности. Ведь не в том дело, конечно, что писатель изобразил свой город и его жителей в различные периоды их бытия и увлекательно поведал о примечательных, забавных, подчас скандальных событиях городской хроники, а в том, что он сумел увидеть в рядовом происшествии напряженный внутренний «сюжет», что он стремился выявить типическое в казалось бы случайном, то есть по-своему осваивал приемы изображения той действительности, которую видел постоянно и, следовательно, хорошо знал.

Своей книгой Филипп де Виньель, как явствует из его «Хроники Меца, Лотарингии и Франции» и дневника, весьма гордился. По-видимому, она пользовалась некоторой известностью в его родном городе. Но печатного станка она так и не увидела (первое ее полное издание появилось лишь в 1972 г.), да автор к этому и не стремился, он вполне удовлетворялся положением местного «летописца» еще в средневековом понимании этого слова.

В этом отношении к Филиппу де Виньёлю очень близок еще один новеллист первой половины века, Никола де Труа¹. Точных сведений о его жизни нет. Мы знаем лишь, что он был уроженцем Труа, столицы Шампани, жил в первой половине XVI века, происходил из состоятельной семьи горожан. Как и Филипп, Никола был в своем городе на виду: опытный мастер-шорник, он часто общался с представителями высшего общества и близкой ко двору интеллигенции. От них-то он и воспринял живой интерес к литературе, начал собирать книги, а затем и сам взялся за перо. Благодаря знакомству со «Ста новыми новеллами» и ранними французскими изданиями «Декамерона», он около 1536 года закончил свой новеллистический цикл, который он многозначительно назвал «Великим образцом новых новелл».

Возможно, литературный талант Никола де Труа был не выше, чем у Филиппа, но начитанность несомненно большей: писатель черпает сюжеты из «Ста новых новелл», из «Пятнадцати радостей брака», из «Декамерона», из «Хроники» Фруассара, из средневекового «Романа о Мерлине», из

---

¹ См. о нем: K a s p r z y k K. Nicolas de Troyes et le genre narratif en France au XVI siècle. Warszawa—Paris, 1963.

«Селестины» Рохаса, чей французский перевод вышел в 1527 году, и т. д. Эта начитанность не могла не отразиться на литературном мастерстве Никола: его повествование живо и динамично, диалоги стремительны и остроумны; писатель часто использует народные речения и поговорки или создает по их модели свои собственные. Старательный бытописатель и хронист своего города, Никола де Труа умеет рассказывать увлекательно и весело. Отгалкиваясь от привычных литературных и фольклорных сюжетов и схем, он воссоздает достаточно пеструю картину своей эпохи.

Как и Филипп де Виньёль, Никола не отдал в печать свой сборник; он увидел свет лишь в 1866 году.

Рядом с Никола де Труа чистым бытописателем-областником выглядит бретонский дворянин Ноэль Дю Файль¹ (ок. 1520—1591). Его многочисленные сборники, такие как «Сельские беседы» (1547) и «Шутки Этрапеля» (1548), представляют собой слегка беллетризованную хронику местных событий с характерами едва намеченными и уж с полным неумением построить занимательную интригу. Между тем Ноэлю Дю Файлю жизненного опыта было не занимать: он прожил жизнь бурную, полную скитаний и всяческих передряг, был солдатом, карточным шулером, школьным учителем и с грехом пополам получил юридическое образование. В 1548 году Дю Файль вернулся в Бретань, обосновался в Ренне, выгодно женился, стал адвокатом и членом городского парламента.

Творчество Ноэля Дю Файля — это один из путей развития французской ренессансной новеллы. Впрочем, применительно к этому писателю трудно говорить собственно о новелле; его рассказы близки к незамысловатым средневековым повестушкам без четко намеченного сюжета, завязки и развязки, и кое в чем предвосхищают бытовой очерк нравов. Дю Файль — областнический бытописатель, его книги — это картины жизни затерявшихся в полях селений и маленьких городков Бретани, которые лишь собором да ратушей отличаются от простых деревень. В книгах Дю Файля живет Франция сельская, с ее старинным укладом, скромными радостями, тяжелым трудом. Его герои схожи с персонажами картин его великого современника Питера

---

¹ См. о нем: P h i l i p o t E. La vie et l'oeuvre littéraire de Noël Du Fail, gentilhomme breton. Paris, 1914.

Брейгеля: крестьянская пирушка, шумные игры ребятишек, крестьянский труд, степенные беседы пожилых крестьян. Из таких неторопливых разговоров и родились «Сельские беседы», книга, также отмеченная продуманным единством. Участники бесед — старики Ансельм, Паскье, Питу и др. — обладают различными характерами: один любит поморализовать, другой — вспомнить веселую историю, третий — погрузить о невозвратном. Порой Дю Файль вводит читателя в жалкую лачугу, где ютится целое семейство, и отнюдь не идеализирует крестьянскую жизнь. Однако писатель защищает уклад жизни доброго старого времени, когда не было «ни докторов, ни адвокатов». Тут Дю Файль выступает как моралист; он клеймит лицемерие, высмеивает стремление сельских буржуа слыть «благородными». На противопоставлении кажущегося и сущего построены и многие комические ситуации его книг.

При всем том Дю Файль не чужд своему ренессансному веку и недаром в молодости скитался он по университетским городам. Он ссылается на Горация и Овидия, на Лукиана и Цицерона, в восхвалении сельской жизни опирается на Катона и Плиния Старшего. Большое воздействие на Дю Файля оказали Рабле и Эразм Роттердамский. У Эразма Дю Файль взял некоторые морально-этические идеи, а также непринужденность его «Домашних бесед», у Рабле — комические приемы, любовь к перечислениям, к построению длинных синонимических рядов. Особенно удается писателю живое изображение жеста персонажа, и в этом он также близок к Рабле.

Анатоль Франс считал Дю Файля «самым изобретательным и плодовитым из новеллистов эпохи»¹. Сила книг писателя в том, что в их основе лежит окружающая его жизнь; это позволило Дю Файлю дать яркие портреты персонажей, наделить их образной и индивидуализированной речью, передать ощущение своеобразной природы Бретани.

Дю Файль писал и во второй половине века; он сочинял новые рассказы-зарисовки, перерабатывал и переиздавал старые. Надо сказать, что в поздних его сочинениях язык отчасти утрачивает сочность, становится перегруженным латинскими цитатами и юридическими выражениями — профессия адвоката сделала свое дело. Увеличивается морализм, сюжет все в большей степени привязывается к назидатель-

---

¹ Франс А. Собр. соч., т. 8, с. 16.

тельной посылке, становясь всего лишь примером, пусть и достаточно красноречивым. Впрочем, как увидим, здесь Ноэль Дю Файль был не одинок.

В 30-х годах одним из самых радикальных и талантливых мыслителей был во Франции Бонавантюр Деперье¹ (1510—1544), автор небывалой по смелости книги «Кимвал мира», изданной анонимно. Творческое наследие Деперье невелико по объему и сохранилось, видимо, не полностью. При жизни писатель напечатал, в 1537 году, лишь две маленькие книжки — «Кимвал мира» и «Предсказание предсказаний». В год смерти Деперье были изданы его стихотворения, а в 1558 году сборник новелл «Новые забавы и веселые разговоры».

Писались «Новые забавы», очевидно, в 1535—1538 годах, в самый благополучный период жизни писателя, когда он состоял в качестве секретаря при Маргарите Наваррской и поэтому был огражден от преследований реакционеров и мракобесов.

Человек высочайшей гуманистической культуры, Деперье в «Новых забавах» как бы скрывает свою образованность. Среди источников его новелл мы не найдем произведений итальянских писателей. Кое-какие рассказы напоминают «Сто новых новелл» XV века и некоторые старинные французские книги. Сам Деперье писал во вступительной новелле: «Неужели для того, чтобы вас позабавить, я не мог воспользоваться теми происшествиями, которые совершаются у нас за порогом, и должен был идти куда-то за тридевять земель?» Действительно, в «Новых забавах» читатель оказывается в самой гуще городской жизни времени «доброего старого короля Франсуа»; мелькают названия исконных французских провинций и хорошо знакомых Деперье городов — Монпелье, Лиона, Орлеана и, конечно, Парижа, «этого рая для женщин, ада для мулов и чистилища для искаателей удовольствий». Сборник Деперье населяет пестрая толпа современников; тут и мелкопоместные дворяне, «из тех что, отправляясь в дорогу, садятся по двое на одну лошадь», и шарлатаны-медики, и уличные торговцы, и степенные юристы, доктора канонического права, жесто-

---

¹ См. о нем: Sozzi L. Les contes de Bonaventure Des Périers: Contribution à l'étude de la nouvelle française de la Renaissance. Torino, 1965.

ченно ругающиеся с селечнойницей с Малого моста; тут и чулочники, портные, ножовщики, башмачники, седельщики, пивовары; тут и благочестивые монахи, «пьющие вино как простые миряне», и веселые кюре, «знавшие латынь лишь ровно настолько, насколько этого требовала служба, а может быть, даже и меньше»; конечно же здесь полно женщин всех возрастов и состояний, то молодых, то старых, то красивых, то отвратительных, но почти всегда играющих в повествовании первую скрипку.

Ритм новелл нетороплив, но жив и весел; повествование льется свободно и легко; иногда автор обсуждает с читателем детали рассказа, советует, как лучше пересказать изложенный им анекдот. В основу книги Деперье легли по большей части имевшие место в действительности события. Но из обыденной хроники городского повседневно писатель создал увлекательнейшие рассказы. Слово «анекдот» употреблено здесь не случайно: в новеллах Деперье присутствуют необходимые элементы этого древнего жанра — краткость повествования, неожиданность и комизм развязки. Однако «анекдотичность» ситуаций многих рассказов Деперье — это только их чисто сюжетная сторона. Писатель в небольшой новелле умел создавать колоритные, индивидуализированные образы персонажей, будь это гуманист-епископ, любитель вина, ученых бесед и молоденьких женщин, будь это находчивый школяр-юрист, неожиданно для самого себя занявшийся медицинской практикой, будь это, наконец, веселые пройдохи без определенных занятий.

«Новые забавы» отмечены незаурядным мастерством; жанровый регистр книги очень широк: есть здесь и большие остросюжетные новеллы, и короткие новеллы-анекдоты, и новеллы-диалоги, и своеобразные «физиологические» очерки, и кусочки непритязательной хроники событий городской жизни. Сборник очень близок к первым книгам Рабле; как и в них, в новеллах Деперье все захлестывает стихия неудержимого веселья. Близость эта подтверждается и сюжетами некоторых новелл, использованными также в «Гаргантюа и Пантагрюэле», непосредственными ссылками на Рабле (например, в новелле V) и такими приемами, как излюбленное Рабле перечисление или комическая точность в больших цифрах. Да и широта охвата явлений действительности, пестрота и многообразие персонажей.

Как у Рабле, со страниц книги Деперье встает не только веселая, но и правдивая картина жизни его времени. Писа-

тель не проходит мимо ее теневых сторон: тут и толпа нищих, и умирающие с голоду крестьяне, и лицемерные монахи, и тупые профессора-педанты. Далеко не случайно вся книга Деперье населена мошенниками — от обыкновенных воришек-карманников до мрачных фигур прижимал и богатеев, дрожащих над своей мощной. Обман, мошенничество, нечестность — это, в понимании автора, не только забавная сторона жизни, это ее доминанта, ее основной непреложный закон. Деперье не осуждает ни слишком предприимчивых молодых вдов, ни бездомных школяров, повторяющих «вийоновские проказы», даже блудливых монахов или слишком расторопных прево, отправляющих на эшафот невинных. Но он с горькой иронией описывает, как для того, чтобы разбогатеть, надо на несколько лет забыть о совести и чести, или о том, что справедливость всегда торжествует, а порок бывает наказан, коль скоро речь идет о повадившейся в городские курятники лисице. В смехе Деперье порой проскальзывают грустные ноты, трагический накал некоторых его новелл несомненен. Но все-таки здесь писатель остается человеком ранней поры французского Возрождения, когда мечты о «золотом веке» еще казались осуществимыми и не развеялись окончательно. Свободен Деперье и от религиозно-мистических настроений, развившихся в общественных кругах Франции несколько позже, не разделяет он и склонности многих его современников к учению Реформации. Писатель проявляет предельный скептицизм в религиозных вопросах и обнаруживает полнейшее безразличие к теологическим спорам. Народные корни юмора Деперье позволяют ему создать не только гуманистическую сатиру на духовенство, но и широкую картину городской жизни, подвергнув с демократических позиций осмеянию все, что было в ней отрицательного и смешного.

Деперье, как уже говорилось, одно время был секретарем Маргариты Наваррской¹ (1492—1549). Сестра короля Франциска I, Маргарита получила прекрасное образование, разделяла прогрессивные начинания брата, покровительствовала ученым и литераторам и сама была выдающейся писатель-

---

¹ Литература о жизни и творчестве Маргариты Наваррской достаточно велика; укажем лишь одну из последних и наиболее содержательных работ, посвященных «Гептамерону»: Сазау-гана N. L'Éptaméron de Marguerite de Navarre. Paris, 1977.

ницей. Наследие ее обширно и разнообразно: она оставила циклы лирических стихотворений, аллегорические поэмы, пьесы, но лучшим, что было создано ею, стал ее сборник новелл «Гептамерон».

В нем по замыслу автора должно было быть сто новелл, но Маргарита успела создать только семьдесят две, поэтому первые издатели книги (1559) и дали ей произвольное название «Семидневника». Писалась книга, видимо, в 40-х годах, в трудное для Маргариты время — после смерти первого мужа (с которым, впрочем, у нее не было особой духовной близости), в период серьезных разногласий с братом, в пору усиления клерикальной реакции в стране.

Итак, внешне книга Маргариты имитирует структуру «Декамерона» Боккаччо (это был один из любимейших писателей автора). Перед нами тоже десять рассказчиков, поочередно развлекающих остальных своими новеллами, есть здесь обрамление, в которое вписываются пестрые истории книги, есть оживленное обсуждение последних. Но «общество» «Гептамерона» вряд ли напоминает кружок молодых флорентийцев, описанных Боккаччо. Идиллии, прекрасной утопии, по законам которой жило «общество» «Декамерона», в книге Маргариты нет. Здесь все значительно будничней и проще: вместо ужасающих картин эпидемии чумы — осенняя распутица да ничтожные грабители с большой дороги; вместо богатых вилл и замков — небольшой монастырь в горах, на неделю-другую отрезанный от внешнего мира; вместо изысканных яств — скромная монастырская пища, вместо песен и танцев — утренняя и вечерняя молитва да чтение Писания. Правда, тенистая лужайка, где собирается маленький кружок рассказчиков, уютна и мила, но это, конечно, не те роскошные рощи, где развлекалось «общество» «Декамерона». Рассказчики французской книги не отделены столь решительно от окружающей действительности, не противостоят ей, как это было с их итальянскими предшественниками. Они не спасаются от действительности, напротив, они от нее только временно отрезаны и стремятся поскорее в нее вернуться. Тем самым обрамление в «Гептамероне» не отъединено от новелл; эти две части книги во многом переплетаются.

В этой книге Маргарита размышляла о прошлом, в том числе и о своем собственном, вспоминала о прожитом и пережитом. Поэтому нельзя не обратить внимания на сознательный автобиографизм «Гептамерона». Отразилось это, в

частности, в фигурах рассказчиков. Всем им отысканы надежные прототипы. Так, считается, что Узиль — это мать писательницы Луиза Савойская, Парламента — сама Маргарита, Ирган — ее муж Генрих д'Альбре и т. д. Но можно взглянуть и иначе: не наделила ли писательница всех своих персонажей или некоторых из них чертами своего характера, не передала ли им свои собственные сомнения и мысли, не нарисовала ли она сразу несколько автопортретов в разные периоды своей жизни? Если это так, то можно предположить, что Узиль — это постаревшая Маргарита, когда ей уже за пятьдесят, то есть как раз в пору работы над книгой новелл; что Лонгарина — это все та же Маргарита, только молодая, недавно потерявшая своего первого мужа герцога Карла Алансонского; что Парламента — это опять Маргарита в период своего второго замужества. Итак, автопортрет Маргариты расщепляется, двоятся и троится, и это создает причудливую перспективу развития женского характера, где рядом с несколько показной бравадой молодости соседствуют возвышенные идеалы и еще не утраченные надежды зрелых лет и мудрая трезвость и уравновешенность старости.

Тем самым споры рассказчиков книги становятся в известной мере внутренними спорами, раздиравшими душу Маргариты, отражением ее колебаний и сомнений, но не в синхронном, а историческом аспекте. Такая повернутость к личности автора придает «Гептамерону» не просто автобиографический, но исповедальный характер.

При всем автобиографизме книги, писательница наделила и себя, и своих воображаемых оппонентов целым комплексом индивидуальных черт, что делает из них живых людей, представителей определенных социальных кругов своей эпохи, очень конкретные, неповторимые характеры. В каждом из этих персонажей нельзя не отметить определенную временную «глубину». Ведь все они обладают своей собственной предысторией. Далекой, о чем говорится мельком и которую можно реконструировать по отдельным фразам обсуждений и по самим рассказываемым новеллам, и недавней, о чем кратко, но красочно и драматично говорится во Вступлении. Они разного возраста, несколько разного общественного положения, но главное — у них довольно-таки разные взгляды и тем более — характеры и темпераменты.

Но при всем этом рассказчики «Гептамерона» — люди одного круга, одного воспитания, сходных убеждений. Все

они принадлежат к высшему обществу и с высокомерным безразличием относятся к своим слугам. Этот подчеркнутый аристократизм может вызвать удивление: эпоха Ренессанса обычно воспринимается нами как время ломки сословных перегородок и растущего демократизма. Между тем аристократизм Маргариты понятен: объяснение его — в самой природе ее книги. Писательница хотела быть правдивой в своих новеллах. Правдива она и в описании общества обрамления, то есть и тут рассказывает лишь о том, что видела и знала. И еще: книга эта обладает несомненной дидактической установкой, и ее адресатами являются прежде всего представители аристократических кругов.

Эта социальная избирательность очень тесно соединяет обрамление с самими новеллами. Впрочем, в последних картина жизни намного шире. Однако Маргариту вряд ли стоит считать дотошным бытописателем своего времени. По ее книге можно, конечно, судить о том, как жили люди того времени, но в значительно большей степени о том, как они чувствовали и любили. Поэтому здесь нет новых героев — лихих авантюристов, смелых путешественников, оборотистых купцов. Нет и столь обычного для новеллистики Возрождения персонажа — ловкого плута, надувающего всех окружающих просто так, ради самого процесса надувания. В героях новелл Маргарита ценит не предприимчивость и находчивость, а силу чувства, его благородство и возвышенность, богатую внутреннюю жизнь. Этим в равной мере наделены как герои новелл, так и персонажи обрамления. Вот почему так мало в «Гептамероне» уличных сцен, изображения городского люда, его забот и забав. Куда чаще действие происходит в замке, причем не в бальной зале, а в укромном кабинете, оранжерее, спальне, на террасе или в парке, и участвуют в нем обычно двое — дама и ее кавалер. Конечно, есть в книге и иные новеллы — с иным местом действия и иными героями, но указанное смещение акцентов в выборе ситуаций и действующих лиц, бесспорно, отличает сборник Маргариты Наваррской от других новеллистических книг эпохи Возрождения. Вот почему в «Гептамероне» интерес заметно перемещается с новелл на их обсуждения, и без последних сами новеллы теряют многое как в своей занимательности, так и в их идеологической нагрузке. Ведь книга Маргариты представляет собой не только цикл пестрых новелл, но и своеобразный трактат на моральные темы, написанный в форме живых и динамичных диалогов. «Гептамерон» — это книга об идеальном придворном и —

шире — об идеальном человеке эпохи, а также о подлинной любви и о личном достоинстве человека.

Сместив центр тяжести в сторону взаимоотношений индивидуумов и личной жизни, Маргарита неизбежно очень многие новеллы посвятила любовной тематике. Почти все персонажи писательницы одержимы любовью и домогаются здесь успеха — кто хитроумными уловками, кто грубым насилием, кто терпеливым, молчаливым «служением», Любовная страсть знакома всем — и принцам крови, и знатым дворянам, и простым горожанам. В ее незримые сети попадают и опытные кокетки, и завзятые придворные волокиты, и простодушные девушки, и благочестивые монашки, и мудрые государственные мужи. Но это не привычное нам ренессансное «раскрепощение плоти». Писательница полагала, что в сфере любовных отношений наиболее всесторонне и полно раскрываются характеры, именно здесь обнаруживает себя подлинное лицо персонажа. Истинная любовь, глубокая и чистая, — это удел сердец возвышенных и благородных; те же, кем движет грубая чувственность, способны на подлые поступки и даже на преступления, хотя они могут принадлежать и к самому древнему аристократическому роду. Но для одних такая низкая страсть — лишь временное постыдное заблуждение, для других же — само существо их натуры. Для самой писательницы, а следовательно, и для тех персонажей, которые выступают рупорами ее идей (Уазиль, Парламанта, Дагусен и некоторые другие), свойственно возвышенное представление о любви, вообще о жизни человеческого духа.

Примерам такой любви, таких высоких душевных качеств человека посвящено немало рассказываемых историй. Но вот что следует отметить. Среди этих любовных историй не так уж много повествований со счастливым концом. Герои многих новелл, горячо (и подчас тайно) любящие друг друга, становятся жертвами либо враждебных им обстоятельств, либо собственной гордыни, собственного превратного представления о добродетели и чести. И напротив, нередко приходят к счастливой развязке те новеллы, где изображены человеческие заблуждения и пороки.

В книге новелл Маргариты Наваррской немало рассказов, исполненных то тонкой иронии, то озорной шутки. Но многие из историй книги печальны. Очень много новелл повествует об исковерканных судьбах, о людской черствости, о глухоте к высоким и благородным порывам. И не

меньше историй о низости и жадности, о сластолюбии и вероломстве, о коварстве и глупости. Несправедливость и зло, царящие в мире, Маргарита показывает подчас в сгущенном, концентрированном виде. Поэтому в «Гептамероне» мы не найдем безответственных или прекраснородушных утопий, каких было немало на заре Ренессанса; здесь доминирует трезвый взгляд на жизнь, на светское общество того времени, и в изображении этого общества нет смягчающих, идеализирующих красок. В этом обществе, каким его рисует писательница, господствует лицемерие, ложная гордыня, тщеславие, сословная спесь, а на периферии этого общества, в среде зажиточной городской буржуазии, эти пороки приобретают порой уж совсем уродливые формы.

Пороками этими заражено и духовенство. Однако было бы ошибкой считать, что наиболее сатирически резко изображены в «Гептамероне» служители церкви. Если сравнить книгу Маргариты со средневековыми фавблию и с предшествующей новеллистикой, то станет очевидным, что антиклерикальная сатира занимает в книге вспомогательное, второстепенное место. Лишь монашество, особенно монахи так называемых «нищенствующих» орденов, вызывает у писательницы откровенную неприязнь — из-за свойственного ему воинствующего лицемерия и полной общественной бесполезности. Поэтому религиозность Маргариты не находится в противоречии с ее антимонашескими настроениями. И вовсе не в этом, как иногда полагают, противоречивость книги. Она — в сочетании высокого представления о достоинствах человека с трагическим осознанием тщетности поисков гармонии в мире и в человеческой душе. Этим «Гептамерон», созданный в кризисный момент французского Возрождения, кое в чем предвещает произведения, которые появятся на его позднем этапе.

Однако историко-литературное значение книги не только в этом. «Гептамерон» стоит на очевидном переломе в эволюции французской новеллы. В книге происходит ее заметная трансформация. Происходит это, видимо, помимо намерений писательницы, которая в большей мере опиралась на новеллистический канон, чем от него отталкивалась. Но это уже совершенно не цикл новелл. Мы уже говорили, что в «Гептамероне» можно обнаружить отдельные приметы философского диалога, трактата на этические темы, а также мемуаров и эссе (вот почему эту книгу так любил Монтень); добавим, что от него прямой путь и к любовно-психологической пове-

сти и барочной новелле, которые появятся в конце XVI и особенно в следующем столетии, а через них — к новеллистике и иным произведениям г-жи де Лафайет и ее современников.

Во второй половине XVI века развитие французской литературы протекает совсем в иных общественных и культурных условиях, чем в первую половину века. Франция переживает острый политический кризис, выразившийся в так называемых Религиозных войнах (1562—1594), которые вели между собой гугеноты и католики и в которых разногласия по конфессиональным вопросам прикрывали противоречия экономические и политические (в том числе и династические). В идеологической и культурной сфере это было, естественно, время ожесточенной полемики по религиозным, философским и политическим вопросам и существенной переориентации в области литературных вкусов и норм.

Хотя в это время создается немало значительных произведений в прозе (в том числе «Опыты» Монтеня), подлинной «властительницей дум» и всеобщим увлечением становится поэзия. Вторая половина века — это период безраздельного господства в литературе «Плеяды»¹, литературной школы, представители которой — Ронсар, Дю Белле, Баиф, Жодель и другие — стали авторами произведений высочайшей эстетической и идейной значимости.

Французская новеллистика второй половины XVI века во многом утрачивает позитивные завоевания писателей первой половины столетия. Обычно говорят о трех основных особенностях новеллистики французского Возрождения — о стремлении писателей создавать не просто сборники, а именно *книги* новелл, отмеченные определенным единством, о пронизывающих эти книги дидактических установках, о тенденции если и не реалистической еще в полной мере, то связанной с вниманием к достоверности и правдоподобию². При всей неполноте и условности этих «черт» (почему бы, вместо дидактики, не говорить об определенном положительном этическом идеале, не добавить такую существенную

¹ Сводку основных сведений о «Плеяде» см. в работе: Chamard H. Histoire de la Pléiade, 4 vol. Paris, 1939—1940. Глубокое осмысление и всесторонняя оценка творческого наследия этого направления даны в книге: В и п п е р Ю. Б. Поэзия Плеяды. М., 1976.

² См.: Kasprzyk K. Op. cit., p. 312—329.

«черту», как демократизм, связанный с воспроизведением жизни самых широких слоев французского общества той поры?) они бесспорно присутствуют в тех книгах, о которых только что шла речь.

Во второй половине века на смену самозамкнутой новеллистической книге приходит просто сборник рассказов, подчас в нескольких томах. И к тому же по большей части — неоригинального, заимствованного, чуждого французской действительности содержания, что в какой-то мере вступает в противоречие с установкой на достоверность.

Так, в 1555 году появляется анонимный сборник под довольно длинным названием: «Некоторые из прекрасных историй о любовных и прочих похождениях». Полагают, что его автором мог быть некий Антуан де Сен-Дени, кюре из Шамфлера. В этой книге большая ее часть является переработкой итальянских образцов (прежде всего Мазуччо), и лишь некоторые новеллы разрабатывают чисто национальные сюжеты и ситуации. Но особенно популярным стал во Франции Банделло. Его рьяными пропагандистами были П. Бозэстю и особенно Франсуа де Бельфоре (1530—1583). Последний в 1560—1580 годах выпустил несколько томов своих переводов-переделок итальянского писателя под красноречивым названием «Трагические истории, извлеченные из итальянских произведений Банделло». Участвовал Бельфоре и в пятитомном коллективном сборнике «Некоторые истории, извлеченные из многих знаменитых авторов», где он, в частности, поместил обработку рассказа о Гамлете.

Было бы слишком прямолинейным связывать пристрастие Бельфоре к сюжетам трагическим и кровавым с эпохой Религиозных войн, которые, конечно, были в достаточной степени жестоки и кровавы. Правильнее было бы говорить о глубоко драматическом восприятии эпохи, выявлении в ней писателем неразрешимых противоречий, коверкающих души, ожесточающих их (что мы найдем уже отчасти у Маргариты Наваррской, а Бельфоре был учеником Маргариты). Многие писатели и поэты второй половины века все более трагически воспринимают жизнь в целом, что нередко приводит их к героическому стоицизму (Ронсар) и к скепсису (Монтень).

Под этим же углом зрения воспринимает действительность и Жак Ивер (1520 — ок. 1571). Его книга, «Весна Ивера»¹, вышла, видимо, уже после смерти автора, в 1572

¹ Здесь перед нами прозрачная игра слов, так как фамилия автора, Ивер, означает «зима».

году. Она состоит из пяти больших новелл, связанных не очень сложным и не очень пространным обрамлением: компания знатных кавалеров и дам, носящих многозначительные символические имена, развлекается в некоем замке, рассказывая перед ужином о случаях трагических и трогательных, о примерах возвышенной любви, истинного благородства и т. д., что, однако, не приносит их носителям покоя и счастья. Что касается образов рассказчиков, то здесь они не очень индивидуализированы; содержание новелл тоже никак их не характеризует, ибо тональность рассказываемых историй одна и та же.

Персонажи новелл Ивера оказываются обычно игрушкой в руках неумолимой и жестокой судьбы; они с неутомимым упорством идут навстречу уготованной им трагической жизненной развязке и сами ускоряют ее — либо накладывая на себя руки (когда удары судьбы становятся слишком неожиданными, незаслуженными и жестокими), либо добровольно отказываются — не от счастья даже, а от возможности хоть как-то поправить свою жизнь, и обрекают себя на одиночество и аскезу, либо просто умирают от избытка чувств (если не от шпаги или яда скрытых или явных недругов). По мысли автора, добро и зло, успех и несчастье разлиты в жизни в равных дозах, и за миг удачи надо тут же платить сторицей. Как говорит один из персонажей обрамления, «счастье и несчастье чередуются столь же неизбежно, как после дождя бывает солнце, а после солнца дождь; поэтому следует помнить, что колесо не перестает вращаться, и, возносясь наверх, ждать падения вниз». Так на словах. А на деле в той действительности, которую рисует Жак Ивер, зло явно клонит весы человеческих судеб в свою сторону, трагическое начало несомненно доминирует.

Казалось бы, писатель довольно точен в своих картинах: в его новеллах фигурируют действительно имевшие место события (скажем, итальянские войны Франциска I), называются известные политические деятели эпохи. Отчасти верно (но, быть может, несколько предвзято) обрисована политика итальянских монархов и пап, царившие при их дворах вероломство, жестокость и одновременно — определенный культ внешней, показной рыцарственности. И на этом достоверном фоне Ивер плетет свои вымыслы. Особенно вымышлены, нарочито разложены по полочкам, а потому явно упрощены характеры его героев. Отсюда и длинноты в описаниях их переживаний, сильных и трогательных, отсюда же —

обилие приподнятых, полных восклицаний монологов, обильно насыщенных примерами из античной мифологии и истории, вообще вся та риторика, которая до краев наполняет книгу Ивера. Тут уже не было ничего общего с лирическим напряжением «Гептамерона», никогда не грешившего ложной патетикой и многословием.

Далеко не случайно отдельные сюжеты из «Весны» были использованы в трагедии конца века (в том числе предшественником Шекспира Кидом в его «Испанской трагедии»). Тот пессимистический взгляд на действительность, который доминирует в «Весне», в еще более сгущенном, гипертрофированном виде обнаруживается в произведениях Франсуа де Россе (ок. 1570 — ок. 1619), чей сборник «Трагических историй» (1614) представляет собой яркий образец барочной новеллистики.

Однако творчество подражателей и последователей Банделло является не единственным вариантом эволюции французской позднеренессансной новеллы. Немало писателей продолжало разрабатывать исконные домашние сюжеты, создавая новеллы-очерки и новеллы-анекдоты, отмеченные «острым галльским смыслом», и рисовать картины повседневной жизни средних слоев тогдашнего общества. Но новеллы эти не складывались в сборники, да и не существовали автономно. Они обильно насыщали, в качестве колоритнейших и веселых примеров, книги довольно неопределенной жанровой принадлежности. В основном это бывали заметки и рассуждения о чем угодно — о любви, о ревности, о вине, о женщинах, о браке и семейном согласии, о вражде и дружбе, о молодости и старости и т. д. Такова книга пуатевинца Гийома Буше «Утра» (1584), таковы «Девять утренних бесед» и «Послеполуденные беседы» (обе изданы в 1585 г.) Жана Дагоно, сеньора де Шольера (1509—1592), такова и замечательная книга Франсуа Бероальда де Вервиля (1556—ок. 1612) «Способ преуспеть» (издана ок. 1610 г.).

Как видим, «новостью» (по-итальянски «новеллой», откуда и сам термин) у писателей французского Возрождения могли становиться самые разные события; это могла быть и весьма реальная, уже достаточно давняя, но продолжающая поражать своей нелепостью, невообразимым комизмом, отчаянной лихостью и т. д. история, и происшествие действительно из ряда выходящее, совершенно

исключительное, неповторимое; это мог быть короткий анекдот, даже просто картинка нравов без острого сюжета и без развязки и длинная история если и не всей жизни, то ее большей, наиболее существенной части, когда нравственные устои персонажей проходят самую строгую проверку и решается их судьба. В любом случае, и тогда, когда событие трактуется как достаточно распространенное, типическое, и тогда, когда оно подается как небывалое, оно должно быть по-своему ярким, а рассказ о нем — занимателен и поучителен. Тем самым речь уже идет не только о сюжете, но и о способах его передачи. Они также могут быть очень разными, но непременно доставляющими удовольствие, увлекающими. Теории новеллы во Франции XVI века создано не было, поэтому авторы новелл разрабатывали этот жанр на свой страх и риск.

Французские новеллисты эпохи Возрождения, при всем различии свойственных им стилистических манер, при всей пестроте разрабатывавшихся ими жанровых разновидностей новеллы, при всей несхожести их жизненных позиций и взглядов (от жизнерадостного, типично ренессансного свободомыслия Деперье до трагического стоицизма Маргариты Наваррской и пессимизма Жака Ивера), решали, каждый по-своему и часто совершенно непохоже друг на друга, сходные задачи. С одной стороны, это было многообразное и широкое воспроизведение жизни различных слоев общества того времени. В известной мере это было бытописанием, «очеркизмом», но в этом бесхитротном описательстве таилось немало реалистических находок и открытий. Затем, это были попытки проникнуть в глубины человеческой души, вскрыть внутренние пружины характера, причем уже вне сословных да и подчас религиозных рамок и даже в их преодолении, в открытой борьбе с ними. Вряд ли можно говорить о каком-то «возрожденческом психологизме» французской новеллы, но и в этой области были сделаны тонкие наблюдения и открытия (например, Маргаритой Наваррской). Наконец, новеллисты французского Возрождения (и тут, конечно, как и их итальянские или испанские собратья) далеко продвинули вперед писательскую технику — приемы воссоздания окружающей человека природы и городского быта, способы передачи движений человеческой души и внешнего поведения человека, способы изображения отдельной личности и толпы, напряженного, искрометного диалога и медитативного монолога и т. д.

Тем самым в ходе своей эволюции на протяжении полутора столетий из «низкого», во многом чисто развлекательного жанра средневековой литературы новелла стала жанром высоким, отмеченным определенным артистизмом и ставящим серьезные вопросы, хотя и не была узаконена классицизмом.

Не приходится удивляться, что новеллистика XVI века стала «арсеналом» и «почвой» для писателей следующего века — от Сореля и Скаррона до Мольера, г-жи де Лафайет и Лафонтена, что мимо их книг не прошли ни Вольтер, ни Бальзак, ни Мопассан, ни Анатоль Франс. Не прошли и обыкновенные читатели нескольких веков, неизменно находившие в этих новеллах и многоликий образ эпохи, и образчики житейской мудрости, и просто увлекательнейшее и в основном веселое чтение.

А. Михайлов

НОВЕЛЛЫ

НОВЕЛЛА XIV

*Рассказана монсеньором де Креки, кавалером ордена
государя герцога*

еликая и обширная бургундская земля не так уж бедна памятными и записи достойными происшествиями, чтобы (для пополнения запаса ныне рассказываемых историй) я не решился огласить и вниманью препоручить то, что в недавнее время там приключилось.

Невдалеке от большой и богатой деревни, на берегу реки Уша, стояла и по сей день стоит гора, где расположился на жилье некий, бог его знает какой, отшельник и, под сладостно-тенистым покровом лицемерия, творил всяческие чудеса, которые не дошли до общего сведения и всенародной огласки до тех пор, пока господь не захотел больше ни терпеть, ни допускать омерзительного надувательства.

Этот святой пустынный, уже одной ногой стоявший в могиле, был, однако же, весьма злокознен, а похотлив не меньше старой обезьяны, но ухватки у него были такие хитрые, что далеко выходили за пределы обычных плутней. Вот послушайте, что он проделал.

Вспало ему на ум, что среди соседских молодок и пригожих девиц больше всего достойна любви и вожделения дочка одной простоватой вдовицы, очень богомольной и к милостыне прилежавшей. И решил он про себя, что ежели сметка ему верно послужит, то отлично он тут полакомится.

Однажды около полуночи, в темную и бурную погоду, спустился он со своей горы в оную деревню и так кружил стезями и тропинками, что один-одинешенек, никем не услышанный, добрался до жилища матери и дочки. Домик был невелик и часто тем пустынною по благочестию его посещаем, так что знал он все ходы и выходы. Тут он взял и просверлил в стене дырочку (не слишком широкую) в том самом месте, где стояла кровать немудрящей оной вдовицы. И берет он длинную и полую тростинку, загодя им припасенную, и, не разбудивши вдовы, над самым ее ухом ту тростинку просунул, а затем тихим голосом произнес троекратно:

— Внемли мне, божья душа. Я — ангел от господя, иже меня к тебе посылает, дабы возвестить тебе и поведать, яко по великой милости, им на тебя ниспосланной, восхотел он приплодом от твоего колена, сиречь от дщери твоей, святую Церковь, невесту свою, воссоединить, укрепить и в подобающем ей величии восстановить — и вот каким способом. Пойдешь ты на гору к святому пустынною и отведешь к нему дочь и объявишь все, что бог тебе ныне устами моими повелевает. Познает он дщерь твою и от них народится сын, богом отмеченный и к святому римскому престолу предназначенный, коий столько добра сотворит, что вполне его можно будет приравнять к святым апостолам Петру и Павлу. Ныне я вспять возвращаюсь, а ты повинуйся господу.

Простая женщина, превесьма удивившись и наполовину уже духом своим восхитившись, поверила, будто в самом деле бог ей весть посылает. Посему крепко она про себя порешила, что не вздумает послушаться. Но, спустя немалое время, снова она задремала, хоть и не очень крепко, ожидая и сердечно желая наступления утра. А тем временем честной отшельник воротился в горное свое уединение.

Сей вожделенный день, наконец, был возвещен солнечными лучами, каковые, сквозь оконные стекла в горницу спустившись, быстро подняли с постели и мать и дочь. Когда они оделись и на ноги встали и с немудреным хозяйством своим управились, спрашивает мать у дочери, не слыхала ли она чего нынче ночью, а та отвечает:

— Право, матушка, ничего не слыхала.

— И впрямь, — отвечает та, — не к тебе в первую

голову обращена сладостная сия весть, хоть и сильно тебя касается.

И тут передает она ей от слова до слова ангельское благовещение, нынешнею ночью свыше ей ниспосланное, и спрашивает, что дочка на то скажет. А добрая девушка, вся в мать, простоватая и благочестивая, отвечает:

— Благословен господь, да свершится, матушка, все по вашему желанию.

— Отлично сказано, — отвечает мать. — Так пойдем же на гору к божьему человеку по слову всеблагого ангела.

Честной отшельник, поджидавший, когда старуха приведет ему дочку, завидел их издали. Тут приоткрывает он дверь наполовину и становится на молитву посреди кельи, дабы они застали его за благочестивым делом. И произошло все так, как ему хотелось, ибо мать и дочь, увидя приоткрытую дверь, не спрося ни что, ни как, внедрились в келью. И застав отшельника в глубоком созерцании, почтили его, как бога. Пустынный же, потупив очи долу, гласом смиренным и надломленным приветствует гостей. А старушка, желая поведать ему причину своего прихода, отводит его в сторонку и с начала до конца пересказывает ему все, что сам он лучше ее знает. Покуда она с превеликим благоговением вела свой рассказ, честной отшельник то и дело упирал очи в потолок и простирал руки к небу, а старуха плакала от великой радости и умиления.

Когда же доклад был окончен и старушка дожидалась ответа, тот, кому ответить надлежало, не стал торопиться, но все же наконец заговорил и сказал следующее:

— Благословен господь! Но думаете ли вы, голубушка, по правде и чистой совести, что все, о чем вы мне сейчас поведали, не есть призрак и обманное привидение? Что вам подсказывает сердце? Знайте, что это дело нешуточное.

— Поистине, святой отец, я слышала глас, что принес радостную эту весть, так же ясно, как вот теперь все слышу, и будьте уверены, что я не спала.

— Хорошо, — сказал он. — Не то чтобы я думал противиться воле создавшего меня; но все же сдается мне, что лучше нам с вами еще эту ночь переждать, и ежели сызнова вам привидится, приходите ко мне, и

господь подаст нам совет и указание. Не следует, матушка, слишком легко доверяться: порою диавол, людской завистник, так ухищряется, что может прикинуться ангелом света. Поверьте, мать моя, что это дело — не безделка. И ежели я не сразу соглашаюсь, то дивиться тут нечему: ведь я же дал создателю обет целомудрия; а вы мне именем его объявляете расторжение оного. Возвратитесь же в дом свой и молитесь богу, а назавтра увидим, что будет. Пребывайте со господом.

После множества всяких выкрутасов распростились гости с пустынником и, разговаривая промеж себя, вернулись восвояси.

Коротко сказать, наш отшельник в час обычный и урочный, вооружившись полой тростинкой вместо посошка, вновь припал к уху той простушки и провецал ей те же или по сути сходные словеса; и, учинивши сие, поспешно укрылся в свое обиталище. Старушка, не помня себя от радости и воображая, будто уже бога за ноги схватила, вскакивает ни свет ни заря и уже безо всякого сомнения сообщает дочери новость, подтверждая намереннейшее видение. Одним словом:

— Идем к божьему человеку.

Вот они пошли, а он, завидев их издали, хватает требник, становится на молитву и в таком виде перед своей кельей принимает от добрых женщин поклон. Ежели вчера она вела о первом своем видении долгую рацею, так нынешняя вышла ничуть не короче; а свят муж знай дивится и наконец восклицает:

— Ей, господи! За что мне сие? Сотвори со мной по воле своей, хоть и не достоин был бы я без пространной твоей милости сотворить столь великое дело.

— Ну вот, батюшка мой, — говорит добрая женщина, — сами вы теперь видите, что это не в шутку, раз что ангел вдругорядь мне объявился.

— Поистине, голубушка, — отвечивал пустыжник, — материя сия столь возвышенная и трудная и необычайная, что ответ я могу вам дать только условный. Не подумайте, будто я велю вам, дожидаясь третьего видения, искушать творца. Но, как говорится, бог троицу любит. А посему прошу вас и умоляю, чтобы еще и эта ночь протекла в одном лишь ожидании милости божией; и ежели ныне он по милосердию своему объявит нам то же, что в прошлые ночи, то мы сотворим во славу его.

Не по душе было доброй старушке сие промедление в послушании создателю, но в конце концов решила повиноваться отшельнику, яко мудрейшему.

Когда же она улеглась, погруженная в думы о великом деле, которое ей все время в голову лезло, распутный лицемер, сошед с горы, подводит ей к уху тростинку, приказывая раз навсегда, яко ангел, во имя господне, чтобы она отвела свою дочь к отшельнику ради объявленной ранее причины. Когда рассвело, она не запомнила сего приказания, но, купно с дочерью возблагодарив господя, направилась с нею к келье; а пустынный, выйдя к ним навстречу, приветствовал и благословил их во имя божие. И добрая мать, ликуя больше всех на свете, не скрыла от него нового своего откровения, после чего отшельник, взяв ее за руку, проводил в свою часовенку, а дочь последовала за ними. И там принялись они воссылать всеусерднейшие молитвы к творцу и вседержителю, сего великого чуда их сподобившему. После краткой отшельниковой проповеди касательно снов, видений, явлений и откровений, нередко людям даруемых, он перешел к делу, ради коего они собрались. И, видит бог, красно и благочестиво увещевал их пустынный, как самим вам нетрудно догадаться.

— Коль скоро господь желает и приказывает, чтобы от меня пошло апостольское потомство, и открыл нам волю свою не раз и не два, а еще в третий напридачу, то следует подумать, сказать и заключить, что великое благо из сего деяния проистечет. А посему я полагаю, что лучше и нельзя сделать, как ускорить выполнение приказа, ибо вряд ли не излишне я промешкал, не давая веры небесному откровению.

— Правду вы сказали, святой отец, — отвечала старуха. — Как же соизволите вы поступить?

— Вы теперь же оставите дочь вашу здесь, — сказал отшельник, — мы с нею станем на молитву, а затем сотворим, что укажет нам господь.

Добрая старушка с этим согласилась, а дочь поступила так же из послушания. Едва отец пустынножитель очутился наедине с девицей, как немедля раздел ее донага, словно собирался сызнова крестить; и поверьте, что сам он не остался одетым. Что тут долго рассказывать? Столь часто и подолгу держал он ее у себя заместо диакона, а не то из боязни пересудов заживал к ней на дом, что наконец чрево ее начало вздуться, чему

она так была рада, что и сказать невозможно. Но ежели дочь радовалась своей беременностью, так мать ликовала во сто раз больше. А проклятый ханжа тоже делал вид, будто доволен, на самом же деле готов был взбеситься со злости.

Бедная одураченная мать, взаправду думая, что пригожая ее дочка породит красавца сына, предназначенного со временем сделаться папою римским, не удержалась, чтоб не рассказать о том ближайшей своей соседке, которая так изумилась, словно у нее рога выросли, однако же слегка заподозрила обман. Недолго скрывала она от прочих соседей и соседок, что, дескать, дочь такой-то от трудов святого отшельника тяжела сыном, которому на роду написано стать римским папою.

— Знаю же я все, — говорила она, — со слов самой матери, а ей открыл господь бог.

Эта весть сейчас же распространилась по окрестным весям.

А тем временем дочка в добрый час разрешилась красивой и здоровой девочкой, чем была весьма удивлена и раздосадована, и простушка-мать — тоже, равно как и соседки, готовившиеся стать восприемницами его святейшества папы.

Новость эта узналась так же скоро, как и предыдущая, и, между прочим, одним из первых проведал о том отшельник, который сейчас же убежал в другую землю, не знаю в какую; затем ли, чтоб обмануть другую молодницу или девицу, или же во пустынях египетских с сокрушенным сердцем принести в грехе своем покаяние.

Как бы то ни было, бедная девушка осталась опозоренной, что весьма прискорбно, ибо была она пригожа, мила и добросердечна.

НОВЕЛЛА XXXI

Рассказана монсеньором де ла Бард

Некий нашего королевства дворянин, оруженосец славный и с громким именем, живучи в Руане, влюбился в одну красавицу и всячески старался войти к ней в милость. Но Фортуна столь была ему супротивна, а дама так к нему нелюбезна, что под конец, как бы отчаявшись, прекратил он свои домогательства. И, может

статься, не так уж он был неправ, ибо дама этот товар забирала в другом месте, а он не то чтобы знал об этом доподлинно, однако же слегка догадывался.

Все же тот, кто ею улаждался, знатный рыцарь и человек многомогущий, был так к оному оруженосцу близок, что вряд ли скрыл бы от него что-либо, кроме этого дела. Правда, часто он ему говорил:

— Знай, друг мой, что в здешнем городе есть у меня зазноба, от которой я совсем без ума; ибо когда я так устану в пути, что силой меня не заставишь паршивенькой мили проехать, так стоит мне с нею остаться, как я проскачу три или четыре, а из них две без передышки.

— А не позволите ли вы мне обратиться к вам с мольбой или челобитной, чтобы только мне узнать ее имя?

— Нет, честное слово, — отвечал тот, — ничего больше ты не узнаешь.

— Ладно же, — сказал оруженосец, — ежели впредь залучу лакомый кусочек, так буду так же скрытен с вами, как и вы со мной неоткровенны.

И настал день, когда добрый тот рыцарь пригласил оруженосца отужинать в Руанском замке, где сам проживал. Тот явился, и они отлично потрапезовали, но когда ужин кончился и они еще немного побеседовали, благородный рыцарь, который в назначенный час должен был отправиться к своей даме, отпустил оруженосца и сказал:

— Вам известно, что нас назавтра ждет большая работа и что надо нам рано встать ради такого-то дела и еще ради такого-то, которые надлежит завершить. Лучше нам будет пораньше лечь спать, а посему желаю вам доброй ночи.

Оруженосец, хитрый от природы, сразу догадался, что добрый рыцарь собирался пройтись по такому делу и для того лишь прикрывается завтрашней работой, чтобы его спровадить, — не подал виду, а только сказал, прощаясь с рыцарем и желая ему доброй ночи:

— Ваша правда, монсеньор. Встаньте завтра пораньше, и я поступлю так же.

Спустившись вниз, наш добрый оруженосец увидел у дворцовой лестницы маленького мула; а кругом не было никого, кто бы того мула сторожил. Тотчас же сообразил оруженосец, что встреченный им на лестнице паж пошел за хозяйским чепраком, да так оно и было.

— Ого! — сказал он про себя. — Не без причины отпустил меня хозяин в столь ранний час. Вот его мул только и дожидается, пока я уберусь, чтоб отвезти своего хозяина туда, куда меня не хотят пускать. Эх, мул, мул, — продолжал он, — ежели бы ты умел говорить, сколько бы ты хороших дел порассказал. А теперь отведи меня, пожалуйста, туда, куда собирается твой хозяин.

И с этими словами он велел своему пажу поддержать стремя, вскочил в седло, отпустил поводья и предоставил мулу трусить рысцей, куда ему заблагорассудится.

А добрый мул повез его из улочки в переулочек, то вправо, то влево, покуда не остановился перед маленькой калиткой в косом тупичке, куда обычно ездил на нем хозяин; а это был вход в сад той самой дамы, которую оруженосец так долго обожал и с отчаяния бросил.

Он сошел с мула и легонько постучался в калитку; тут какая-то девица, караулившая за оконной решеткой, спустилась вниз и, думая, что это рыцарь, сказала:

— Добро пожаловать, монсеньор: вот госпожа ожидает вас в горнице.

Она не опознала его, потому что было темно, а он прикрыл лицо бархатной полумаской. И добрый оруженосец отвечал:

— Иду к ней.

А затем шепнул на ухо своему пажу:

— Иди скорее и отведи мула туда, откуда я его взял, а затем отправляйся спать.

— Будет сделано, монсеньор, — отвечал тот.

Девица заперла калитку и вернулась в свою комнату. А наш добрый оруженосец, крепко раздумывая о своем деле, уверенной поступью идет в горницу к даме, которую он застал уже в нижней юбке и с толстой золотой цепью вокруг шеи. И так как он был любезен, вежлив и очень учтив, то отвесил ей почтительный поклон, а она, изумившись, точно у нее рога выросли, сперва не знала, что ответить, но наконец спросила, что ему тут нужно, откуда он в такой час явился и кто его впустил.

— Сами можете догадаться, сударыня, — сказал он, — что не будь у меня иного помощника, кроме меня самого, то мне бы ни за что сюда не проникнуть. Но, слава богу, некто, больше меня жалеющий, чем вы, оказал мне такое одолжение.

— Кто же это вас сюда привел, сударь? — спросила она.

— Поистине, сударыня, не стану от вас скрывать: такой-то сеньор (и тут он назвал того, кто угощал его ужином) направил меня к вам.

— Ах он предатель и вероломный рыцарь! — говорит она. — Вот как он надо мной издевается? Ну ладно же, ладно: придет день, когда я ему отомщу.

— Ах, сударыня, нехорошо так говорить, ибо никакой в том нет измены, чтоб удружить приятелю и оказать ему помощь и услугу, когда можешь. Вам известно, какая крепкая дружба издавна повелась между ним и мною, и ни один из нас не скрывает от приятеля того, что у него на сердце. И вот недавно я признался и исповедался в той великой любви, которую к вам питаю, и как по этой причине нет у меня в мире ни единой радости; и ежели каким ни на есть способом не попаду я к вам в милость, то невозможно мне долго прожить в мучительных сих страданиях. Когда же добрый сеньор удостоверился, что слова мои не ложны, он, опасаясь великой невзгоды, которая могла для меня из сего проистечь, согласился поведать мне то, что у вас с ним затеялось. И предпочитает он покинуть вас и спасти мне жизнь, нежели плачевно меня загубить, оставаясь с вами. И будь вы такой, как вам следовало бы быть, вы не отказывали бы так долго в утешении и исцелении мне, вашему покорному служителю, ибо вам доподлинно известно, что я неизменно служил вам и повиновался.

— А я вас прошу, — сказала она, — чтобы вы больше со мною о том не говорили и вышли бы отсюда вон. Проклят будь тот, кто вас сюда прислал!

— Знаете что, сударыня? — сказал. — Не в моих видах уходить отсюда до завтрашнего дня.

— Клянусь честью! — сказала она. — Вы уберетесь сейчас же.

— Разрази меня бог! Ничего такого не будет, потому что я переночую с вами.

Увидавши, что он стоит на своем и что это не такой человек, которого можно прогнать суровыми речами, она попыталась удалить его кротостью и сказала:

— Умоляю вас, как могу, на сей раз уйти, и, клянусь верой, в другой раз я исполню ваше желание.

— Ни-ни, — говорит он, — забудьте об этом и думать, ибо я здесь ночую.

И тут он начинает раздеваться, и берет даму, и целует ее, и ведет к столу; словом, добился он того, что она улеглась в постель, а он с ней рядышком.

Не успели они расположиться и преломить всего-навсего одно копые, как вдруг является добрый рыцарь на своем муле и стучит в комнату. А добрый оруженосец слышит его и тотчас узнает; тут начинает он громко ворчать, изображая собаку.

Рыцарь, услышав сие, сильно изумился и не менее того разгневался. Поэтому он снова громко постучался в комнату.

— Кто там рычит? — крикнул тот, что был на улице. — Черт подери! Я это сейчас узнаю. Отворите двери, или я их в дом внесу!

А добрая дама, вне себя от бешенства, подбежала к окну в одной сорочке и сказала:

— Ах, это вы, рыцарь неверный и фальшивый? Стучите сколько хотите. Сюда вам не войти!

— Почему же мне не войти? — спросил он.

— А потому, — говорит она, — что вы самый вероломный человек, когда-либо сходявшийся с женщиной, и недостойны быть в обществе честных людей.

— Ловко вы расписали мой герб, сударыня, — ответил он. — Не знаю только, что вас укусило. Насколько мне известно, я вам никакой измены не учинил.

— Нет, учинили, — сказала она, — да еще самую гнусную, какую когда-либо женщина испытала от мужчины.

— Нет, клянусь честью! Но скажите же мне, кто там у вас в горнице.

— Сами отлично знаете, скверный вы этаким предатель! — ответила она.

А в это самое время добрый оруженосец заворчал, как и прежде, подражая псу.

— Ах, черт возьми! — говорит тот, что на улице. — Ничего не понимаю. Неужто же я не узнаю, кто этот ворчун?

— Клянусь святым Иоанном, узнаете! — сказал оруженосец.

И с этим он вскакивает с постели и становится у окна рядом со своей дамой и говорит:

— Что вам угодно, монсеньор? Грешно вам так рано нас будить.

Добрый рыцарь, узнавши, кто с ним говорит, так остолбенел, что просто чудо. А когда вновь заговорил, то промолвил:

— Откуда же ты взялся?

— С вашего ужина; а сюда пришел ночевать.

— Тьфу, пропасть! — сказал рыцарь; а затем отнесся с речью к даме и сказал:

— Вот каких гостей вы здесь принимаете, сударыня?

— Да, монсеньор, — отвечала она, — и спасибо вам на том, что вы мне его прислали.

— Я? — сказал рыцарь. — Ничуть не бывало, клянусь Иоанном Крестителем! Я даже явился сюда, чтоб занять свое место; да, видно, опоздал. Но раз уж мне ничего другого не достается, так впустите меня хоть выпить глоток-другой.

— Видит бог, вы сюда не войдете, — сказала она.

— Ан войдет, клянусь святым Иоанном! — сказал оруженосец.

И с этим он встал, и отпер дверь, и снова улегся в постель, а она — рядом с ним, бог свидетель, весьма пристыженная и раздосадованная; но впору приходилось ей повиноваться.

Когда добрый сеньор очутился в комнате и зажег свечу, то полюбовался он уютной компанией, собравшейся в постели, и сказал:

— На здоровье вам, сударыня, да и вам, мой оруженосец!

— Покорно благодарю, монсеньор, — отвечал тот.

Но красотка, которой уж до того было невмоготу, — ну вот-вот сердце из живота выскочит, — не могла вымолвить ни слова и совсем уверилась в том, будто оруженосец пришел к ней по желанию и указанию рыцаря, на коего она за это так сердилась, что и сказать невозможно.

— А кто показал вам дорогу сюда, почтенный оруженосец? — спросил рыцарь.

— Ваш мул, монсеньор, — отвечал тот. — Я застал его внизу перед замком, когда отужинал с вами; он был одинок и покинут, и я спросил его, чего он дожидается; а он отвечал, что вас и своего чепрака. «А куда лежит путь?» — спросил я. «Туда, куда каждый день ездим», — сказал он. «Я наверное знаю, — сказал я, — что хозяин твой нынче не выйдет: он пошел спать. Но свежи меня туда, куда он обычно ездит, очень тебя

прошу». Он согласился, я сел на него, и он привез меня сюда, спасибо ему.

— Пошли бог черный год паскудному скоту, который меня выдал, — сказал добрый сеньор.

— О, вы это честно заработали, монсеньор, — сказала дама, когда дар речи к ней вернулся. — Я отлично вижу, что вы надо мной измываетесь, но знайте — чести вам от того не прибудет. Ежели сами вы больше не хотели приходить, так незачем вам было присылать другого заместо себя. Плохо вас знает, кто сам вас не видал.

— Разрази меня бог! Я его не присылал! — сказал тот. — Но раз он тут, я его прогонять не стану. Да, кроме того, тут на нас двоих хватит. Не так ли, приятель?

— Совершенно верно, монсеньор, — отвечал оруженосец, — добыча — пополам. Я согласен. А теперь надо спрыснуть сделку.

И тут повернулся он к поставцу, налил вина в объемистую чашу, там стоявшую, и сказал:

— Пью за ваше здоровье, любезный сотоварищ!

— Отвечаю тем же, сотоварищ! — сказал сеньор и велел налить вина красотке, которая ни за что не соглашалась выпить; но под конец волей-неволей пригубила чашу.

— Ну, ладно, сотоварищ, — сказал благородный рыцарь, — оставляю вас здесь; работайте на славу; нынче — ваша очередь, завтра — моя, с божьего соизволения. Прошу вас, ежели застанете меня здесь, обойтись со мной столь же любезно, как я с вами.

— Так оно и будет, сотоварищ, видит меня пресвятая богородица! — сказал оруженосец. — Можете в том не сомневаться.

Тут добрый рыцарь удалился и оставил там оруженосца, который в ту первую ночь сделал все, что мог. А затем он объявил даме всю как есть правду о своем приключении, чем она оказалась несколько более довольна, чем ежели бы рыцарь его прислал.

Вот так-то, как вы слышали, была дама обманута мулом и принуждена подчиниться и рыцарю и оруженосцу, каждому в свой черед, к сему она в конце концов привыкла и несла крест со смирением. Но хорошо во всем этом деле было то, что, ежели рыцарь и оруженосец крепко любили друг друга до вышеска-

занного приключения, то любовь между ними удвоилась после сего случая, который у других, менее разумных, вызвал бы распрю и смертельную ненависть.

НОВЕЛЛА XXXVII

Рассказана монсьёром де ла Рош

Покуда другие будут думать и вызывать в памяти какие-либо происшедшие и случившиеся события, годные и подходящие для присовокупления к настоящему повествованию, я расскажу вам в кратких словах, как был обманут в нашем королевстве самый ревнивый в свое время человек. Я готов верить, что он не один запятнан был этим недугом; но так как у него сие проявлялось свыше положенной меры, то не могу не оповестить вас о забавной шутке, которую с ним сыграли.

Добрый тот ревнивец, о коем я повествую, был превеликим историком, то есть много видал, читал и перечитывал всяких историй. Но конечная цель, к коей устремились его усилия и изыскания, была в том, чтобы узнать и изучить, чем и как и какими способами умеют жены обманывать мужей. И, слава богу, древние истории, как-то: «Матеолэ», «Ювенал», «Пятнадцать радостей брака» и многие другие, коим я и счета не знаю, упоминают о разнообразнейших хитростях, подвохах и надувательствах, в брачном состоянии совершенных. Наш ревнивец с этими книгами не расставался и не менее был к ним привязан, нежели шут к дубинке. Всегда он их читал, постоянно изучал, и из этих же книг для себя сделал небольшое извлечение, в коем содержались, значились и отмечались многие виды надувательства, выполненные по почину и по наущению женщин над особами их мужей. А сделал он это на тот предмет, чтобы быть лучше защищенным и осведомленным в случае, ежели его жена, не ровен час, захотела бы воспользоваться ухищрениями, подобными помеченным и перечисленным в его книжке.

Жену свою сторожил он так бдительно, ну прямо как ревнивый итальянец, но и при этом не был совсем уверен: настолько сильно захватил его проклятый недуг ревности.

В таком-то положении и приятнейшем состоянии прожил сей добрый человек года три-четыре со своею супругой, которая только тем и развлекалась, только так и избавлялась от дьявольского его присутствия, что ходила в церковь и из церкви в сопровождении змеюки-служанки, к ней для наблюдения приставленной.

Некий веселый молодец, прослышав молву об таком обращении, повстречал однажды добрую даму, которая была и любезна, и собой хороша на славу. Тут он отменнейшим образом изложил ей, как мог, доброе свое желание ей служить, сожалея и сетуя из любви к ней о жестокой судьбине, приковавшей ее к величайшему ревнивцу, какого носит земля, и добавляя на придачу, что она — единственная живая женщина, ради коей он на многое готов.

— А поскольку здесь не могу ни высказать, как я вам предан, ни сообщить много других вещей, коими вы, надеюсь, будете не иначе как довольны, то, ежели позволите, я все изображу на письме и завтра вам передам, умоляя, чтобы смиренная моя судьба, от чистого и недвуличного сердца исходящая, не была отвергнута.

Она охотно сие выслушала, но из-за присутствия Опасности, слишком близко находившейся, ничего не ответила. Все же она согласилась прочитать письмо, когда его получит.

Влюбленный простился с нею, сильно и небеспричинно обрадованный. А дама, по своему обычаю, мило и ласково его отпустила. Но старуха, ее сопровождавшая, не преминула спросить, что за разговор был у нее с только что удалившимся человеком.

— Он привез мне,— ответила дама, — весточку от матери, а я обрадовалась, ибо матушка моя — в добром здравии.

Старуха больше не расспрашивала, и они пришли домой.

Кавалер же на следующее утро, захвативши письмо, бог знает как ловко сочиненное, постарался встретить свою даму и так быстро и шустро вручил ей послание, что стража в образе старой змеюки ничего не заметила. Письмо было вскрыто той, которая охотно его прочитала, когда осталась одна. Суть послания вкратце сводилась к тому, что он захвачен любовью к ней и что нет для него ни единого радостного дня, пока не представится ему время и возможность попространнее ей все

изъяснить, а в заключение он умолял, чтобы она по милости своей соизволила назначить ему подходящий день и место, а также любезно дала и ответ на сие письмо.

Тогда она составила послание, в коем весьма отказалась, желая-де содержать в любви лишь того, кому она обязана верностью и неизменностью. Тем не менее, однако, раз он из-за нее столь сильно охвачен любовью и она ни за что не хотела бы, чтоб он остался без награды, то она охотно согласилась бы выслушать то, что он хочет ей сказать, ежели бы то было возможно или мыслимо. Но, увы, это не так: столь крепко держит ее при себе муж, что и на шаг не отпускает от себя, разве только в час обедни, когда она идет в церковь, охраняемая, и более чем охраняемая, самой поганой старухой, какая когда-либо досаждала добрым людям.

Этот наш веселый молодец, совсем иначе и роскошнее одетый, чем накануне, вновь встретил свою даму, которая сразу его узнала, и, пройдя довольно близко от нее, принял из ее рук вышеизложенное письмо. Не диво, ежели ему не терпелось узнать его суть. Он свернул за угол и там на досуге и вольной воле увидел и узнал положение своего дела, которое, по всей видимости, было на мази. Посему заключил он, что не хватает ему только удобного места, чтобы довести до конца и завершения похвальное свое намерение, а для исполнения оно не переставал он думать и размышлять денно и ночью, как бы ему сие провести. В конце концов пришла ему на ум хорошая уловка, достойная вековечной памяти.

Он отправился к некой доброй своей приятельнице, жившей между домом его дамы и церковью, в которую та ходила. И этой приятельнице рассказал он безо всякой утайки про свою любовь, прося, чтобы в такой крайности она ему помогла и пособила.

— Ежели я что могу для вас сделать, то не сомневайтесь, постараюсь от всего сердца.

— На том вам спасибо, — сказал он. — А согласитесь ли вы, чтобы она пришла сюда со мною побеседовать?

— Ну что ж, — сказала та, — ради вас соглашусь охотно.

— Хорошо, — говорит он, — если сумею отслужить вам такую же службу, и будьте уверены, что не забуду вашей любезности.

И не успокоился до тех пор, пока не отписал своей даме и не вручил письма, в коем значилось, что «так, дескать, я упробил такую-то великую свою благоприятельницу, женщину честную, верную и неболтливую, которая и вас хорошо знает и любит, что она представляет нам свой дом для разговора. И вот что я придумал. Завтра я буду стоять в верхней комнате, что выходит на улицу, а подле себя поставлю большое ведро с водой, испачканной сажей, и опрокину то ведро на вас, когда вы мимо будете проходить. Сам же я буду так переряжен, что ни ваша хрычовка, ни другая живая душа меня не опознает. Когда же вы будете так разукрашены, то сделаете вид, будто опешили, и убежите в дом, а Опасность свою ушлете за новым платьем. Пока она сбегает, мы побеседуем».

Коротко вам сказать, письмо было вручено, и от дамы пришел ответ, что она согласна. Вот настал оный день, и была та дама из рук своего рыцаря облита водою и сажей, так что убор на голове, платье и прочая одежда перепачкалась и насквозь промокла. И бог свидетель, что она отлично притворилась изумленной и сердитой. И в таком облачении бросилась она в дом, будто не чая встретить там знакомых. Едва увидела она хозяйку, как принялась сетовать на свое злосключение, оплакивая то убор, то платье, то косынку; словом, послушать ее, так подумаешь, что конец мира настал. А служанка ее, Опасность, в бешенстве и волнении держала в руках нож и пыталась, как могла, отскрести грязь с платья.

— Нет, нет, милая! Это напрасный труд: этого так сразу не очистишь; все равно сейчас ничего стоящего не делаете; нужно мне новое платье и новый убор — другого лекарства нет. Ступайте же домой и все принесите; да, смотрите, поторопитесь, а то мы в придачу ко всем невздам еще и обедню пропустим.

Старуха, видя, что дело это необходимое, перечить госпоже не посмела: сунула платье и убор под плащ и пошла домой. Не успела она повернуть спину, как госпожу ее проводили в горницу, где поджидал поклонник, с радостью увидевший ее простоволосой и в исподней юбке.

Ну-с, покуда они станут беседовать, мы вернемся к старушке, которая пришла домой, где застала хозяйина; а он, не дожидаясь ее речей, незамедлительно спросил:

— Куда вы девали мою жену? Где она?

— Я оставила ее, — отвечала та, — у такой-то в таком-то месте.

— А на какой предмет? — спросил он.

Тут показала она ему платье и убор и рассказала все происшествие с ведром воды и с сажею, говоря, что она пришла за переменной, ибо в таком виде госпожа ее не решается выйти оттуда, куда зашла.

— Вот оно что? — сказал он. — Матерь божия! Этой уловки нет в моем сборнике! Ладно, ладно, я уж вижу, что здесь такое.

Он едва не сказал, что у него рога выросли; и именно в то самое время они и росли, можете мне поверить. И не спасла его ни книга, ни реестр, куда немало проделок было записано. И надо думать, что эту последнюю так хорошо он запомнил, что никогда не исчезла она из его памяти и не было ему никакой нужды на сей предмет ее записывать, так свежо было о ней воспоминание во все последующие дни недолгой его жизни.

НОВЕЛЛА I

*Рассказана монсьеюром де Ла Саль, старшим дворецким
государя герцога*

Молодые люди охотно пускаются в странствия, и весело им наблюдать да и самим гоняться за мирскими приключениями. И вот в Ланской земле тоже был недавно крестьянский сын, который с десяти до двадцати шести лет все время скитался по чужим землям. И со времени его ухода до самого возврата ни разу отец с матерью не имели от него вестей, так что зачастую приходило им в голову, будто его уже нет и в живых.

После все ж таки он объявился, и один бог знает, какая настала в доме радость и как по случаю возвращения потчевали его из тех малых благ, что господь им отпустил. Но хоть многие были рады его видеть и всячески его чествовали, все же лучше всех его приняла и особенно радовалась его приходу бабушка, мать его отца. Она поцеловала его больше пятидесяти раз и не переставала славословить господя, вернувшего им милого отпрыска и возвратившего его в столь добром здравии. После обильного сего угощения наступило

время ложиться. Но во всем доме было только две кровати: одна — для отца с матерью, другая — для бабушки. Посему приказали родители, чтобы сын спал с бабушкой, чему она чрезвычайно обрадовалась; он же охотно бы от этого отказался, но послушания ради согласился потерпеть эту ночь.

И вот покуда он лежал подле бабушки, не знаю, что его укусило, но только он на нее взгромоздился.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Не ваша забота, — отвечает он, — знайте молчите.

Увидев, что он в самом деле собирается над ней орудовать, принялась она причитать что было мочи и звать сына, спавшего в соседней горнице. Затем встает она с постели и, жалобно плача, идет к нему жаловаться на внука. Тот, выслушав жалобу матери и узнав о нечеловеческом поступке сына, вскакивает на ноги в великом гневе и злобной ярости и грозитя его убить. Сын, слыша такую угрозу, берет ноги в руки и — драла. Отец — за ним, но только без толку: сын-то был легче на ногу. Видя, что это напрасный труд, вернулся он домой и застал мать горько сетующей на обиду, которую претерпела она от его сына.

— Не печальтесь, матушка, — говорит он ей, — я сумею за вас отомстить.

Не знаю, сколько дней спустя наткнулся отец на сына, игравшего в мяч посреди города Лана. И едва он его замечает, как выхватывает добрый кинжал, идет на него и хочет его тем кинжалом проткнуть. Сын увернулся, а отца удержали. Некоторые из бывших там хорошо знали, что это отец и сын, и один из них сказал сыну:

— Послушай-ка, чем это ты перед отцом провинился, что он хочет тебя убить?

— Ей-богу, ничем, — отвечает тот. — Он так не прав, что хуже и быть не может. Он желает мне всякого зла, какое может быть на свете, за один-единственный разок, что я хотел прокатиться верхом на его матери; а он на моей больше пятисот раз скакал, и я никогда словечка не молвил.

Все, слышавшие сей ответ, от души посмеялись и сказали, что он честный человек. И постарались они при этом случае помирить его с отцом, и так тут потрудились, что уладили дело, и все было прощено и с той и с другой стороны.

НОВЕЛЛА LVI

Рассказана монсеньором де Вилье

Не так давно в некотором городке нашего королевства, в герцогстве Овернском, жил дворянин; и, на свое несчастье, был он женат на женщине молодой и очень красивой. О ее добродетели я и поведу рассказ. Эта добрая дама подружилась со священником, жившим по соседству в полумиле оттуда, и стали они такими добрыми соседями и приятелями, что любезный пастырь замещал дворянина всякий раз, как тот уходил со двора.

А была у той дамы горничная девушка, во всех ихних делах поверенная, которая частенько носила священнику весточки и осведомляла его о месте, часе, куда и когда ему являться к барыне. Но в конце концов дело это не так было скрыто от людей, как требуется, так что некий соседний рыцарь, родич обесчещенного мужа, был о том оповещен и сам по мере своего умения и разуменья оповестил того, кого это ближе всего касалось.

Сами понимаете, что сей добрый рыцарь не очень обрадовался, услышав, как жена в его отсутствие утешается со священником, и, ежели бы не тот родич, он жестоко и собственноручно отомстил бы попу, едва только о том проведал. Теперь же, однако, он согласился повременить с мезтью, покуда не накроет их обоих с поличным. И порешили они с тем родственником пойти на богомолье за четыре или за пять лье от дома и повести с собой жену и священнослужителя, дабы посмотреть, как они станут друг с дружкой обходиться. По возвращении из сего паломничества, во время коего отец иерей нес любовную службу по мере сил и возможности, сиречь с помощью нежных взглядов и прочих таких мелочишек, муж подслал подставного гонца, якобы приглашавшего его к какому-то местному сеньору. Он притворился, будто сильно недоволен и уезжает с сожалением; но раз, мол, добрый этот сеньор его приглашает, то он, дескать, не смеет ослушаться. Вот собирается он в путь и уезжает, а другой дворянин, его друг, его родич, говорит, что составит ему компанию: он-де едет домой, и ему с мужем почти что по дороге.

Отец настоятель и барынька, услышав эту новость, обрадовались, как никогда в жизни. И вот они поре-

шили промеж себя и уговорились, что священник распростится и уйдет со двора, дабы никто в доме не возымел на него подозрения, а затем, около полуночи, вернется и войдет к своей даме обычным путем. И немедленно после сего уговора наш священник уходит и откланивается.

А надо вам знать, что муж с тем дворянином-родичем засели в некоей ложбине, через которую нашему священнику надлежало пройти и туда и обратно; никак не мог он ее миновать, чтоб не слишком отойти от прямой дороги. Они видали уходившего попа, но сердце им подсказало, что ночью он вернется туда, откуда пришел; да таково и в самом деле было его намерение. Они пропустили его, не остановив и не сказав ни слова, а сами надумали соорудить великолепную западню с помощью нескольких крестьян, которые услужили им как надо. Эта ловушка вскоре была устроена хорошо и прочно, и немного спустя поймался в нее пробежавший там волк. Сейчас же вслед за ним является отец иерей в коротком платье, с крепким копьем на плече. И, дойдя до места, где была ловушка, провалился он в нее и оказался там вместе с волком, чем сильно был озадачен. Волк же, обновивший ту ловушку, испугался священника не меньше, чем тот его.

Наши два дворянина, видя, как наш священник присоединился к волку, обрадовались донельзя. И молвил тот, кого дело ближе касалось, что живым попу оттуда не выйти и что он там же его прикончит. Другой бранил его за такое желание и не хотел допустить убийства, а довольствовался тем, чтоб отрезать преступнику детородные части. А муж не унимался и настаивал на смерти. В таком пререкании провели они немало времени, дожидаясь, пока рассветет и наступит день.

Покуда длилось это ожидание, дама, тоже поджидавшая своего духовного отца, не знала, что и думать о таком его промедлении. Посему решила она послать к нему свою девушку, чтоб его поторопить. Служанка двинулась по дороге к церковному дому, наткнулась на ловушку и провалилась в нее, подобно волку и священнику.

— Ох, — сказал священник, — я пропал! Дело мое раскрыто. Кто-то подстерег нас на пути.

А муж и его родич, все слышавшие и видевшие, были так довольны, что больше и быть нельзя. И поду-

мали про себя, словно по наитию святого духа, что барыня, весьма возможно, последует за служанкой, ибо они слышали, как девушка говорила, что хозяйка послала ее к священнику узнать, почему это он так запаздывает против уговоренного промеж них срока. Хозяйка же, видя, что священник и служанка долго не возвращаются и уже начинает светать, заподозрила, как бы девушка и поп не сделали кое-чего в нарушение ее прав (ибо легко им было уединиться в лесочке подле того места, где была вырыта западня), и порешила пойти на разведки. Вот она пускается в путь по направлению к церковному дому и, дойдя до ловушки, катится в яму, как и все прочие. Невозможно сказать, кто из всей компании был более озадачен, когда они очутились вместе, но только всяк силился вызволиться из ямы, однако ничего у них не вышло: все уже почитали себя мертвыми и обесчещенными.

А оба виновника, то есть муж дамы и дворянин, его родич, подошли к яме, приветствовали все собравшееся общество и кричали им, чтоб они веселились и готовили себе завтрак. Муж, у которого до смерти чесались руки, ухитрился отослать сродственника посмотреть лошадей, которых они оставили неподалеку в каком-то доме. Едва избавившись от него, он не без труда натаскал множество соломы, сбросил ее в яму и поджег. И сгорело там все общество: жена, священник, служанка и волк. После этого он уехал из страны и послал к королю с просьбой о помиловании, каковое получил без труда. А ныне передавали, будто король сказал, что жаль только сожженного волка, который в грехе остальных был невиновен.

НОВЕЛЛА ХСVI

Вот послушайте, пожалуйста, что приключилось намедни с простоватым, но богатым деревенским попом, который из-за простоты своей внес своему епископу пеню в пятьдесят добрых золотых эку.

У этого доброго пастыря был пес, которого он сызмальства вскормил и при себе держал и который всех собак своей округи превосходил в искусстве бросаться в воду за палкой или приносить шляпу, когда хозяин ее забывал или где-нибудь оставлял нарочно. Одним сло-

вом, во всем, что хороший и умный пес должен знать и уметь, он собаку съел. И по этому случаю хозяин так его любил, что трудно даже рассказать, какое это было обожание.

Случилось, однако же, невесть по какой причине (то ли он перегрелся, то ли перезяб, то ли поел чего-нибудь такого себе не на пользу), что пес этот сильно захворал и от той хвори околел и из сей юдоли прямехенько отправился в собачий свой рай.

Что же сделал добрый пресвитер? Дом его, то есть церковный дом, стоял под самым кладбищем, и вот, видя, что пес его от сего мира преставился, не счел он возможным такую умную и добрую животину оставить без погребения. А посему вырыл он яму неподалеку от своей двери, которая, как сказано, выходила на кладбище, и там закопал его и схоронил. Велел он начертать на оном эпитафию, — этого не знаю, а потому молчу.

Немного времени прошло, как весть о кончине доброго поповского пса разнеслась по деревне и окрестным местам, и так распространилась, что дошла до ушей местного епископа вкупе со слухом о христианском погребении, устроенном хозяином. Посему вызвал епископ того священника к себе повесткою, которую вручил какой-то приказный.

— Увы! — сказал поп приказному. — Чем я погрешил и кто меня вызывает? Ума не приложу, что суду от меня нужно.

— Ну, а я-то, — отвечал тот, — и вовсе не знаю, в чем тут дело; разве только в том, что вы зарыли своего пса в святом месте, куда опускают тела крещеных людей.

«Ах, — подумал священник, — вот оно что!»

Тут впервые пришло ему на ум, как неладно он учинил, и сказал он себе, что дело его плохо и что ежели он даст себя засадить в тюрьму, то быть ему ободренным как липка, ибо монсеньор епископ, слава тебе господи, самый жадный прелат во всем нашем королевстве, да и есть при нем такие люди, которые умеют качать воду на его мельницу бог знает как.

«Итак, придется мне раскошелиться; так уж лучше раньше, чем позже».

Он явился в назначенный срок и прямехонько направился к монсеньору епископу, который, едва его заведя, прочел ему длинную рацею по поводу хри-

стианского погребения собаки и так чудесно расписал его казус, что казалось, будто наш священник меньше согрешил бы, ежели бы прямо отрекся от бога. И под конец всех своих речей приказал он отвести священника в узилище. Когда наш поп услышал, что его хотят бросить в каменный мешок, он попросил, чтоб его выслушали, и монсеньор епископ дал на то согласие. А надо вам знать, что при сем разбирательстве присутствовало множество важных особ, как-то: официал, промоторы, письмоводители, нотариусы, стряпчие, и прокуроры, и многие другие, радовавшиеся необычному случаю с бедным попом, который пса своего предал освященной земле.

Священник же в защиту свою и оправдание говорил кратко и молвил:

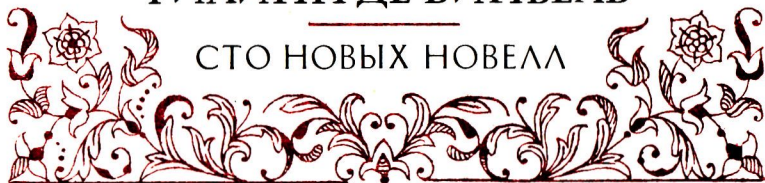
— Поистине, ваше преосвященство, ежели бы вы, как я, знали доброго моего пса (упокой господи его душу), то вы не столь изумились бы похоронам, которые я ему устроил, ибо равных ему не было и никогда не будет. — И тут начал он рассказывать про пса чудеса в решетке: — И ежели был он добр и разумен при жизни, то столь же и более того отличился после смерти, ибо составил превосходное завещание и, между прочим, сведав о вашей нужде и скудости, отписал вам пятьдесят золотых экю, каковые я вам ныне принес.

Тут вытащил он их из-за пазухи и передал епископу, который охотно их принял и тут же одобрил мудрость доблестного пса, равно как и духовное его завещание и учиненное ему погребение.

ФИЛИПП ДЕ ВИНЬЁЛЬ

СТО НОВЫХ НОВЕЛЛ

Новелла 30-я, повествующая о том, как некий сержант из Меца исповедовался в монастыре кордельеров, как он зачал злобу против монаха, наложившего на него епитимью, и как впоследствии сумел ему отплатить.

емало историй о людях простых и бесхитростных было уже рассказано мною: о женщине, что снимала мерку с мужниных башмаков, о купеческом сыне, торговавшем требухой, и много других. На сей же раз вы услышите новеллу совсем иного толка: в ней будет говориться об одном злом и хитром сержанте. Этот сержант, о котором я поведу здесь речь, жил в Меце и, как я слышал от людей порядочных и достойных доверия, был человеком злобным и желчным и слыл подлецом и хитрецом.

Случилось как-то, что ему пришло на ум благочестивое желание исповедаться — уж не знаю, по случаю ли пасхи или рождества. Словом, отправился он в монастырь кордельеров и обратился к одному тамошнему монаху, а тот, будучи насльшан о его поступках и злом нраве, знал, что он за птица; сержант же думал, что ему о нем ничего не известно, иначе нипочем бы сюда не явился. Итак, сержант попросил принять у него исповедь, святой отец согласился и пошел, как положено, в исповедальню. Сержант опустил перед ним на колени, прочитал *Venedicite* и принялся каяться, да так хитро, что перебирал мелкие грешки и проступки, а настоящие пороки обходил молчанием. В общем, то

была исповедь Лиса, который кается в том, что толкнул ненароком курицу Русетту, а о том, что сожрал ее — молчок.

Точно так же поступал наш сержант: о тяжких грехах не заикался, а в пустяках винился. Больше всего корил он себя и опасался гнева божьего из-за чрезмерного пристрастия к мясному. Самое же преступное его деяние заключалось якобы в том, что, проходя как-то мимо дома, где жарилось мясо, он не утерпел и понюхал. И вдыхал этот аромат с таким вожделением, что, верно, оскорбил всевышнего и теперь считал себя достойным вечного проклятия и уповал лишь на милосердие господне. Монах выслушал перечень всех этих ничтожных прегрешений, каковы, вместе взятые, и одного греха не стоили, и спросил, не припомнит ли сержант за собой чего-нибудь еще, тот сказал, что больше ничего нет. Все же монах, зная, что за ним водится, настаивал и назвал несколько тягчайших грехов, в которых, как ему было известно, тот был повинен, но сержант отрекся не моргнув глазом. Видя такую его наглость, монах и говорит, что, понюхав жаркое, он-де тяжко оскорбил бога и что, даже не будь этого, уже одно его пристрастие к мясному — большой грех, который должно искупить, и в самом деле наложил на него епитимью, да такую строгую, что сержант оторопел. За услаждение мясным духом получил он такую же, если не большую, кару, чем если бы исповедался во всех грехах, в коих был на деле виновен. Понятно, что сержант был немало раздосадован, однако виду не подал и, приняв отпущение, встал с колен и пошел восвояси. Предписанную епитимью он, как говорят, выполнил, но обиды не простил, затаил злобу против монаха и ждал случая отомстить.

В скором времени этот самый монах поехал читать проповедь в одно селение, где в тот день освящалась церковь и устраивалось празднество. Происходило сие во владениях некоего дворянина из Меца, который был в дружбе с нашим сержантом. Его-то этот дворянин и пригласил с собою вместе на праздник — он уже много раз убеждался, что сержанта, которого к тому же знали как любимца сеньора, народ боится и слушается больше, чем его самого.

Время было летнее, день стоял погожий, и вот, когда церемония и праздник подошли к концу, сержанту при-

пала охота прогуляться. Проходя мимо одного сада, он увидел лошадь, привязанную к стволу дерева недоуздом да щипавшую траву, а рядом начиналось большое пшеничное поле. Длина привязи была такова, что позволяла лошади отходить довольно далеко от дерева и кружить вокруг него, подходя же к краю поля, она вытягивала шею и принюхивалась, словно была не прочь полакомиться пшеничкой, кабы могла. Однако, как ни близко, но ей было не дотянуться.

Сержант осведомился у местных жителей, чья это лошадь, и услышал в ответ, что ее хозяин — святой отец, читавший проповедь нынче в церкви, он-то и привязал ее пастись. Узнав, что лошадь принадлежит тому монаху, сержант возрадовался — самого монаха он приметил и раньше, но не знал, что у него была с собой лошадь. Тут-то и решил он отомстить за строгую епитимью, что наложил на него некогда брат-кордельер. Зная наперед, что местные судьи ни в чем ему перечить не станут — тому порукой его короткое знакомство с сеньором, он отвязал лошадь и отвел ее к ратуше, в особое помещение для скота, замеченного в потраве.

Когда святой отец пришел за своей лошастью, он не нашел ее на месте. Удивился он и стал спрашивать, не знает ли кто, куда она делась, и ему сказали, что сержант из Меца взял его лошадь и отвел к судье, потому что застал ее за потравой пшеницы. Услышав это, бедняга монах изумился: ему казалось, что лошадь была надежно привязана и что никак не могло случиться, чтобы она забрела в поле, а о епитимье, которую он когда-то наложил на сержанта, он уж давно позабыл. Уверенный в своей правоте, он отправился в суд, жалуюсь, что сержант увел его лошадь ни за что, ибо она была привязана и пшеницы не портила. Призвали сержанта, и он подтвердил свое обвинение: он-де застал лошадь на месте преступления, увел ее на законном основании и требует, чтобы хозяин уплатил штраф. Монах же отпирался, говоря, что его притесняют незаконно и что никакого ущерба не причинено. «Ну и что же, — говорит на это сержант, — все равно того, что она делала, достаточно, чтобы я арестовал ее, и, повторись это еще раз, я бы поступил так же». — «Что же такого она делала, — спросил святой отец, — что вы забрали ее?» — «Что делала? Вытягивала шею, нюхала

пшеницу и явно хотела ее отведать, только привяжь ей и помешала». — «Боже мой! — воскликнул святой отец. — Да какой же, скажите на милость, ущерб причинила моя лошадь, пусть даже она и хотела наестся пшеницы, но ведь она ее не тронула!» — «Хватит того, — говорит сержант, — что она ее нюхала и хотела съесть, ибо намерение приравнивается к деянию». — «Да где вы слыхали о таком законе?» — «У вас на исповеди, святой отец, — отвечает сержант. — Ведь наложили же вы на меня тяжкую епитимью только за то, что я понюхал жаркое, сказав, что пожелать и сделать — это одно и то же, так вот, если хотите получить свою лошадь, платите штраф, иначе она будет наказана по всей строгости».

Тут монах понял злобный и коварный умысел сержанта, понял и то, что положение безвыходное, ибо среди судей не было никого, кто бы осмелился возразить сержанту, а вздумай он жаловаться — все равно окажется не прав, — пришлось ему согласиться на штраф и выложить столько, сколько сержант вздумалось назначить. Да и что ему оставалось делать: из двух зол выбирают меньшее! Уплатив штраф, он сел на свою лошадь и поскорее поехал в монастырь, да еще рад был, что хоть так отделался. Что ж, с иными людьми лучше вовсе не связываться, как говорится, не буди лиха, пока лихо спит.

Новелла 37-я, повествующая о двух сборщиках пожертвований из Меца, о баснях, которые они плели добрым людям, и о прочих их проделках.

Все, что будет сейчас, вам на потеху, рассказано в этой новелле о двух бравых сборщиках пожертвований, произошло не так давно в нашем славном, хранимом господом городе Меце и его окрестностях. Каждому у нас известно, что в 1497 году город посетил метр Жеан Клере, или, как другие называют его, брат Жеан Клере, монах из ордена Проповедников; весь тот год проповедовал он в Меце, особенно же много — в Великий и Рождественский пост, навещался он к нам и в последующие годы, проезжая по провинциям, и я сам видел и слушал его. Проповеди его славились своей силой, на них собиралось обычно столько людей, что в церкви не

умещалась и половина, и многие должны были уйти ни с чем.

Но вот что особенно важно для нашей истории: большинство слушавших метра Жеана К्लере находили его проповеди превосходными, однако ж так думали не все, а дело было в том, что уж очень часто и сурово порицал он сборщиков пожертвований, за то что они дурачат людей, наживаются на торговле индульгенциями и реликвиями и вообще на чем только могут; обзывал их при всем честном народе ворами — словом, так бранил этих сборщиков, что все они — а в Меце их было немало — не слишком его жаловали. Он же велел верующим ничего им не давать и не слушать их рассказы, потому что все они просто-напросто гнусные обманщики. И речи его были так убедительны, что вскоре сборщикам уже не удавалось получить ни гроша, мало того — стоило им начать проповедовать, как все или почти все, кто был в церкви, вставали и расходились, не желая их слушать. Несчастных попрошайек ни во что не ставили и шарахались от них, как от фальшивых денег, так что многим из них, особенно же тем, кто был не слишком горазд врать да болтать, пришлось худо. Но находились такие мастера своего дела, которым все было нипочем, и, что бы метр Жеан К्लере ни сказал и ни сделал против них, они ухитрялись все перевернуть по-своему, всех обратить в свою веру, а кого не могли обмануть, тех обставляли по-другому, о чем и пойдет у нас сейчас речь. Были в Меце среди прочих сборщиков двое приятелей и, как говорится, товарищей по оружию, одного звали мессир Жеан Жорж, другого — не знаю как, и оба были весьма искусны в краснобайстве и надувательстве.

Вот что, к примеру, проделал названный мессир Жеан Жорж в одной деревне, расположенной недалеко от Меца, на пути в Сент-Барб, куда он пришел проповедовать. Обойдя уже много мест и убедившись, что везде подают очень скудно, — так подействовали на тамошних жителей наставления метра Жеана К्लере, — он задумал переиначить его слова, и вот что из этого вышло. Едва только он взошел на кафедру и завел свои уговоры, как почувствовал, что здешние прихожане помнят слова метра Жеана К्लере о его собратьях, и заговорил иначе: «Я не собираюсь, дети мои, задерживать вас понапрасну, но знайте: все вы закоренелые

безбожники, если уж такие умелые проповедники, как метр Жеан Клере и многие другие, коих множество побывало в здешних местах, и те не смогли наставить вас на путь добродетели. Видно, не зря благочестивый метр Жеан Клере называл нас ворами и лгунами! А знаете ли вы, почему он называл нас лгунами? Да потому, что мы имеем обыкновение, благословив весь народ в церкви, начинать проповедь такими словами, как «добрые люди», или «честной народ», или «праведные христиане», а ведь это ложь, всякий знает, что людей добрых и праведных днем с огнем не сыщешь! Вот и выходит, что мы лгуны, это и имеет в виду метр Жеан Клере, а иные понимают его слова превратно. А что, по-вашему, подразумевает он, когда называет нас ворами? Он и тут прав: ведь мы обкрадываем дьявола. Мы похищаем у него обреченные и проклятые души, вырывая их из его лап и передавая в руки Господа — такова сила молитв и добрых дел, к которым мы вас побуждаем и которыми вы обязаны только нам; так же способствуем мы спасению от власти дьявола душ ваших усопших близких, ибо благочестивые дела, подаяния и пожертвования, к которым опять-таки мы вас призываем, вызволяют их из ада. Стало быть, истинно говорит метр Жеан Клере, когда называет нас лгунами и ворами: мы и впрямь лжем, именуя вас добрыми и праведными людьми. Так уясните же смысл его слов, и да послужат они вашему исправлению, дабы вы заслужили себе прощение и облегчили участь ваших усопших близких, и да будет угодно Богу, чтобы впредь не обвиняли нас во лжи за то, что мы зовем вас добрыми людьми».

Мессир Жеан Жорж присочинил еще много таких же нелепых, но выгодных для себя басен, каковые я для краткости опускаю. Случилось так, что в церкви было несколько жителей Меца, которые слышали все эти его речи — проповедник же этого не знал — и после рассказали об этом повсюду, и все, слушая их, покатывались со смеху; когда же это дошло до самого мессира Жеана Жоржа, он ничуть не смутился и, если при нем заговаривали об этом случае, смеялся вместе с другими.

Послушайте теперь, что говорил его приятель, который в то время собирал пожертвования именем Пресвятой Богоматери Овернской и развешивал перед дверями церковей индальгенции, написанные или напечатанные

на больших бумажных листах. Как-то в воскресенье, недели через три-четыре после того, как произнес свою проповедь мессир Жеан Жорж, этот его собрат явился в церковь прихода Святого Симплиция в Меце и, зная заранее, что не успеет он раскрыть рта, как все покинут церковь и разойдутся, он решил сразу сказать или сделать нечто такое, что удержало бы их, — и затея его удалась. Едва ступив на кафедру, он наспех сотворил крестное знамение и произнес, как подобает «In nomine Patris et Filii»¹ и так далее. И тут же прибавил: «Добрые люди и праведные христиане! Заклинаю вас страстями Господними, если есть среди вас в этом храме проклятые еретики и еретички, колдуны и колдуньи, ведуны и ведьмы, пусть не оскверняют своим присутствием проповедь Божьего слова, которую я сейчас начну, и не медля выйдут вон». Вслед за этим приступил он к проповеди, лживой от первого до последнего слова. Те, кто прежде намеревался выйти из церкви, теперь только озирались по сторонам и не осмеливались сделать и шагу прочь из страха, как бы их не приняли за колдунов да ведунов. Все только диву давались: нашел же, хитрец, что сказать!

Однако оказался среди прихожан некий почтенный человек, у которого в тот день была свадьба, так что он должен был немедленно уйти, чтобы не опоздать на венчание, назначенное в другом приходе. Вот он-то первым встал и вышел из церкви, и как только он ступил за порог, за ним следом устремились еще десятка три, не меньше, прихожан, которые и раньше хотели уйти, да только никто из них не решался сделать это первым, чтобы не прослыть еретиком. За ними потянулись и другие, а из тех, кто остался, отнюдь не все подошли с пожертвованиями к святым дарам. Так что, когда бедняга сборщик расплатился с кюре и старостой, ему осталось всего каких-нибудь шесть денье. Сгрел он свои гроши и с досады отшвырнул их прочь. Нечего и говорить, как над ним потешались! А сколько насмешек пришлось ему еще вытерпеть, чуть только он вышел за церковную ограду, где его поджидали самые почтенные и уважаемые прихожане. Ну и обласкали же они его, как только не честили: и негодяем, и мошенником, за то что объявляет еретиками честных людей, если они не

---

¹ Во имя отца и сына (лат.).

хотят слушать его проповедь, — словом, так его отчитали, что он ушел пристыженный, глядя в землю, и уж больше сюда не показывался.

А в следующее воскресенье с ним вышло вот что. На этот раз он собирался проповедовать в деревне и измышлял новую каверзу: ведь просто удержать прихожан в церкви, как он сделал в приходе Святого Симплиция, — это лишь полдела, надо еще, чтобы они внесли пожертвования. Наконец он придумал такой способ принудить к этому прихожан, что, будь они хитрее хитрого, и то бы не отвертелись. Вот проповедник взошел на кафедру и первым делом принялся превозносить свои заслуги — кто не знает, как это у них делается! — и стал настойчиво увещевать, чтобы все покупали его хваленые индульгенции, вступали в братство добрых дел и радели о спасении самих себя, своих жен, детей и душ своих усопших благодетелей, и чтобы все подошли облобызывать реликвии. «Эти реликвии, — говорил он, — имеют чудодейственную силу, дарованную им Богоматерью Овернской, каковая придается сестрой Богоматери Ошской и Богоматери Рабасской, и все три творят чудеса». Он знал, что тамошние жители особенно чтят Богоматерь Ошскую и Богоматерь Рабасскую, потому так и сказал. «Итак, подходите, во имя Божие, и ведите ваших малых деток облобызывать сии святые реликвии, как пристало добрым христианам, — продолжал он, — но только заклинаю вас страстями Господними, если кто из вас знает про себя, что он колдун или колдунья, ведун или ведьма, еретик или еретичка, пусть не пытается подступиться и прикоснуться к реликвиям, не приносит пожертвований, не вступает в братство, ибо, клянусь, человек, запятнавший себя подобными грехами, как бы силен он ни был, не сможет приблизиться к реликвиям, чтобы облобызывать их и принести пожертвование — такова святая сила девы Марии Овернской, во имя которой я собираю подаяние». Так закончил он свою проповедь, и посмотрели бы вы, как прихожане, отпихивая друг друга, ринулись к святым реликвиям, стремясь коснуться и облобызывать их, и все до единого: мужчины и женщины, старые и малые — подходили к проповеднику с щедрыми пожертвованиями. И понятно, — каждый боялся, как бы его не сочли колдуном, еретиком или еще каким пособником дьявола, если он останется на

месте. А иные боялись, что не смогут протолкаться к реликвиям, и тогда о них подумают то, чего на самом деле не было. Так длинный язык помог нашему проповеднику собрать денег больше, чем в страстную неделю, и на эти денежки они с мессиром Жеаном Жоржем вволю попиروвали, радуясь ловкой поделке.

Но и сам мессир Жеан Жорж, как вы сейчас услышите, не отстал от приятеля. Как-то раз, спустя месяц или чуть больше, отправился он проповедовать в одну деревню, расположенную примерно в пяти лье от Меца, и так как путь был далекий, он вышел из города в субботу и к вечеру добрался до места, с тем чтобы там заночевать, а в воскресенье утром начать проповедь. На ночлег он расположился у местного кабатчика, а у того была красивая жена, известная своим легкомыслием. И вот, когда мессир Жеан Жорж с хозяйкой сидели за ужином и болтали о том о сем, она заговорила о сборщиках-попрошайках и со смехом спросила, что ему нужно в их деревне. «Бог свидетель, вам здесь делать нечего. Мы, — говорит, — отлично обходимся без попрошайек. Нам и так есть куда девать денежки». — «Что же — говорит мессир Жеан Жорж, — значит, вы ничего не пожертвуете?» — «Я-то? — говорит хозяйка. — Вот вам крест, будь у меня столько золота, сколько вмещает эта комната, я и тогда не дала бы вам ни денье, потому что вы все лгуны и воры». — «А по-моему, вы заблуждаетесь», — говорит сборщик. «Вот еще! — возразила женщина. — Это истинная правда!» — «Как бы то ни было, — говорит он, — завтра я буду у вас проповедовать и собирать пожертвования во имя святого монсеньора Жерара Тульского, исцеляющего от чумы. Так вот, бьюсь об заклад, что вы подойдете облобызать реликвии». — «Я?» — «Вот увидите!» — «Как бы не так, — говорит хозяйка. — Ставлю золотой флорин, что вы меня не заставите; как бы вы ни надрывались, не пойду, и все тут!» — «Еще как пойдете, — говорит мессир Жеан Жорж, — ставлю столько же, что пойдете, если только будете на своем месте в церкви все время проповеди и не уйдете до тех пор, пока не начнется лобызание реликвий». — «Пусть так, — говорит хозяйка, — я согласна». Заключили они пари по всем правилам, записали условия, передали два флорина верному человеку и, не тратя больше слов, разошлись спать.

На другое утро в час мессы мессир Жеан Жорж уже был в церкви. Когда подошло время проповеди, он поднялся на кафедру и давай молотить языком, расписывать чудеса и милости святого Жерара. «Всем вам, добрый люд христианский, — говорил он, — ведомо, что чума издавна опустошала наши края, как опустошает и ныне. Блаженный святой Жерар наделен силой изгонять мор из здешних мест, ибо он властен над ним в Лотарингии, Германии и соседних странах, как монсеньор святой Себастьян — в Ломбардии и прилежащих землях, а святой Антоний — во Франции, Вьенне и в других местах. И учтите, святой Себастьян помогает только в Ломбардии, а святой Антоний — только во Франции. Для спасения же здешних земель Господь послал святого Жерара, чьи реликвии я вам принес и теперь предлагаю вам всем, от мала до велика, благоговейно приблизиться к ним и принести свои пожертвования. Вы станете членами его братства и обретете его заступничество, но прежде хочу предупредить вас об одной вещи. Слушайте же меня все! Прошу и заклинаю страстями Господними, если есть здесь в церкви хоть одна женщина, которая нарушила супружеский долг, пусть не приближается к реликвиям, не прикасается к ним и не приносит пожертвования, ибо святость этих реликвий столь велика, что прикосновение к ним было бы для такой жены не благочестивым, а греховным деянием. Повторяю же, если есть здесь женщина, замеченная в подобном богопротивном деле и если она знает за собой вину и скверну, пусть не подходит».

Этими словами завершил он свою проповедь. А сказано это было ради его вчерашней хозяйки, чтобы заставить ее подойти и принести пожертвование, ведь как раз о ней и ходили толки, будто она наставляет рога мужу. Она же, услышав такое, поняла, что придется ей либо потерять флорин, либо навлечь на себя еще больше упреков и еще подкрепить злую молву тем, что она осталась на месте. Хорошенько подумав, она рассудила, что уж лучше проиграть флорин, чем быть навсегда опозоренной, тем паче что все остальные женщины потянулись к реликвиям. Пошла и она, да еще постаралась протиснуться вперед, чтобы не оказаться среди последних. А уж проповедник, глядя на нее, был рад-радешенек и крепился изо всех сил, чтобы не рассмеяться в голос. Получил-таки он тот флорин, что был

поставлен в заклад. Ну а когда об этой истории стало известно, сколько было смеху и как только не потешались над бедной женщиной!

Теперь вы знаете, как изворачивались наши сборщики пожертвований после обличений брата Жеана Клере. Дай бог, чтобы не явились к нам после них еще и другие, похуже прежних.

Новелла 53-я, повествующая о том, как несколько гуляк из Меца пошли в кабак и как один из них так ловко заключил сделку, что избавил всю компанию от платы за обед.

В прежние времена водилось немало мастеров подшутить и одурачить добрых людей, и об этих шутках всем известно из книг да из рассказов. Но и теперь, сдается мне, обычай этот не перевелся, и по сию пору находятся ловкачи измышлять все новые и новые проделки, о каких-то небесполезно услышать тем, кто о них не знает, дабы самим не попасться на удочку.

Взять хоть только что рассказанную нами историю о том, что подстроили горожанину по прозвищу Косорожий, который жил у Немецких ворот, не желавшему потратиться на чарку и угостить соседей; по этому поводу я припоминаю еще один случай: не так давно довелось мне повстречать компанию добрых людей, которые собирались пойти погулять в кабак. И был среди них один, всегда упорно отказывавшийся идти со всеми вместе, а поступал он так из скупости — скряга был такой, какого свет не видывал. Вот и в тот раз, когда товарищи стали уговаривать его пойти с ними и не нарушать компании, он ужаснулся, что придется, не дай бог, потратить денежки, и стал отнекиваться.

Тогда один из приятелей, видя, что тот боится раскошелиться, возьми да скажи ему, что он может идти, не опасаясь. «Уж в накладе никто из нас наверняка не останется, — сказал он. — И вообще, не понимаю, почему вы так редко ходите в кабак, ведь сделки, которые там порой случается заключить, принесли бы вам больше прибыли, чем ваша обычная работа. Вот пойдемте теперь с нами, и я обещаю устроить вам такую сделку, в которой вы непременно получите вдвое больше, чем истратите, а вы тогда, чур, заплатите за всю компанию». — «Что ж, идет, — говорит скряга. —

Если я вправду получу барыш, который, как вы сулите, вдвое перекроет расходы, берусь заплатить за всех, если же нет — не обессудьте, терпеть убыток я не желаю». — «Не бойтесь, лишь бы только вы не запросили сверх обещанного». Такими речами заманивал его шутник. А остальные тянули и подталкивали и наконец, хоть и с большим трудом, затащили скрягу в кабак.

Вся честная компания расселась за столом, и пошла гульба, только успевай стаканы доливать. Скупцу, который был здесь редким гостем, все это было в диковинку и, видя такое мотовство, он уж пожалел, что пришел, — знал бы, бедняга, чем все это для него кончится! Ну а пока пришлось и ему не отставать от других.

Когда же приятели напились и наелись вволю и пришло время платить по счету, стали они переглядывать, так как у одних было пусто в кармане, другие напились в стельку. Однако ж платить надо — хозяин требует, что ему причитается. Все молчали, пока не заговорил тот из гуляк, что сулил скупому наживу: «Я, право, удивляюсь всем вам, — сказал он, — ведь до сих пор не было случая, чтобы мы ушли отсюда, не обделавав какое-нибудь выгодное дельце, к тому же все вы слышали, как я обещал такое же этому почтенному человеку, а иначе он не пошел бы с нами. Что ж, коль скоро никто сегодня не заговаривает о делах и выходит, что я обещал понапрасну, я начну сам, но только, чур, получивший прибыль от сделки уплатит по счету за всех. Придется мне самому продать что-нибудь так, чтобы купивший получил вдвое больше того, что заплатит, пусть даже я должен буду выплатить эту прибыль из своего кармана, к тому же берусь доставить ему купленный товар не сходя с места». Приятели отлично поняли, что он задумал, и в один голос приняли уговор, один лишь скупердяй-новичок колебался. Но рассудив, что так или иначе все выиграют, а тот, кто купит товар, еще и удвоит затраченное, он присоединился к остальным.

Вот новоявленный купец вытащил из кошелька серебряную монетку в два денье и сказал: «Почин всего дороже! Раз уж я обещал нашему достойному другу, должен сдержать слово, хоть бы и себе в убыток». Поднял монетку над головой, объявил торг открытым и принялся выкрикивать: «Кто купит эту монету? Кто даст больше? Раз... два...» Держа монетку в вытянутой

руке, он повторял призыв «кто больше», пока наконец кто-то из компании не предложил за монету в два денье один май.

«Один май! Один май!» — стал кричать владелец монетки. Видя, что все молчат, наш новичок отважился вымолвить: «Даю один денье». Шутникам только того и надо было. Тот, что продавал монету, подхватил, потрясая ею над головой: «Один денье — раз. Один денье — два. Раз! Два! Три! Продано!» Засим он вручил скупцу серебряную монетку и сказал: «Держите и владейте на здоровье, а теперь платите за обед, так как вы приобрели за один денье монету, которая стоит два, стало быть, получили в два раза больше, чем истратили, как я и обещал».

Поняв, что его надули, простак заартачился и стал было отказываться, но очутился один против всех: ему стали кричать, что он дал слово и что такой был уговор. Бедный скупердяй убедился, что спорить бесполезно и что, если он будет упрямиться, его, того и гляди, еще и вздуют, и заплатил за всю компанию, но выложил денежки так же охотно, как приговоренный к виселице надевает петлю на шею, и так же радовался, как кордельер из 30-й новеллы, заплативший штрафу за лошадь, или как стражники, расплатившиеся вместо монахов, о которых еще будет рассказано в новелле 58-й.

Новелла 91-я, повествующая о немце по имени Ганс, живущем неподалеку от нашего города, в одном селении герцогства Барруа, а также о проделках его жены и ее товарок.

В предыдущей забавной новелле я поведал вам о том, как некая бедная женщина сыграла весьма злую шутку со своим придурковатым супругом. Ныне же, дабы пополнить собрание подобных историй, расскажу о другом надувательстве, каковое будет еще похлеще того. Слушайте же историю о немце по имени Ганс, его жене и двух ее товарках, которые ловко провели своих мужей.

Неподалеку отсюда, в одной деревушке герцогства Барруа жил да был один немец, слывший самым большим пьяницей во всей округе. Немец пил вовсю, и жена его немка от него не отставала, и вдвоем они пропились до нитки, продали и заложили что только можно, лишь

бы напиваться, так что в доме у них остались одни голые стены. И хотя этот самый Ганс много трудился и зарабатывал дай бог каждому — он был землекопом и ставил изгороди, — но ничто не шло ему впрок: сколько ни заработает, все пропьет. Дошло даже вот до чего: как наступит срок платить сеньору талью, подушной и прочие налоги и подати, мэр со своими присными несут список дворов и душ брейскому прево или еще кому из властей, а когда те подсчитывают собранные деньги, каждый раз оказывается, что платы с одного двора не хватает. Наконец однажды присланные сборщики спросили мэра или кого-то из его советников, почему они приносят не всю сумму. «У вас, — говорят, — столько-то дворов, а денег вы приносите столько-то, выходит, одним двором меньше». Мэр да советники с извинениями признались, что дворов ровно столько, сколько записано, но что есть у них один немец-землекоп, с которого и трех денье не возьмешь, и все про него рассказали: как и на что он живет и как пропивает все, что заработает. Узнав все это, сборщики сказали мэру, чтобы он запретил немцу и его жене ходить в кабак и пить вино там ли, у себя ли дома или еще где, разве только при скреплении какой-нибудь торговой сделки, как велит обычай, а иначе никак.

Вернулись мэр с советниками в селение, немедля призвали онго немца и передали ему этот приказ и запрет, чем немало огорошили его и жену его немку, и некоторое время они так и жили, тоскуя и горюя, что не могут выпить, когда захочется. Но наконец додумались, как им быть. Однажды Ганс, толкуя с женой об их беде, сказал, что нет такого закона, который нельзя обойти. «Вот, — говорит, — я и придумал, как нам с тобой и выпить, и запрета не нарушить». — «Ну и как же?» — спрашивает жена. «У нас, — говорит Ганс, — есть коза, наше самое большое богатство, так вот, я продам ее тебе за сколько-нибудь, и мы закажем хорошего винца и обмоем сделку. А на другой день ты продашь ее мне, и мы снова пойдем в кабак, и никто не придерется — мы обмываем новую сделку».

Сказано — сделано, да так и повелось; чуть не каждый день то Ганс продает козу жене, то она ему, и к концу года у них было не больше добра, чем всегда; об этом доложили мэру, а тот передал всем сборщикам, которые от души посмеялись над этим рассказом. И

тогда они сказали мэру, чтобы отныне и навсегда он оставил Ганса в покое и податей с него не взимал, пусть, мол, живет, как ему хочется, — видно, его не переделаешь.

А вот вам еще одна история. В том же селении по соседству с Гансом жил другой человек, не в пример его богаче, а все потому, что скаред был, каких мало, и даже не ел досыта. От голода у него живот подводило, зато в доме чего только не было: серебра да золота сколько хочешь; когда же наступал срок платить налоги, с него брали куда больше, чем с тех, кто каждый день пировал в кабаке. Но вот однажды, уплатив талью, он обозлился, вернулся домой сильно не в духе и в сердцах поклялся, что больше так жить не станет. «Я, — сказал он жене, — надрываюсь больше всех, считаю каждый кусок и каждый глоток, а все мое добро достается этим чертовым сборщикам. Погляди-ка на соседа Ганса и его приятелей: что ни день, торчат в кабаке, а платят куда меньше моего или вовсе ничего, у меня же отбирают мое кровное. Ну так и я, черт побери, буду теперь кутить да обжираться, как они». Пошарил он глазами по дому, да и говорит своей дочери: «Ну-ка, тащи мне кружку пива и вареное яйцо!» — «Целое яйцо, папаша?» — спрашивает девчонка. То есть неужели, мол, подавать целое яйцо для него одного — обычно-то они с женой съедали на ужин одно яйцо на двоих. «Черт возьми! — отвечает отец. — Сказано же тебе — я решил кутить!»

Судите сами, как не похож этот хозяин на своего соседа Ганса, ежели, задумав разгуляться, он решил выпить кружку пива да съесть целое яйцо вместо половинки; видно, уж суждено ему было навсегда остаться скупердяем, как Гансу суждено остаться пьяницей.

Этот же Ганс часто смешил людей, когда спьяну не вязал лыка и начинал путать слова. Так, однажды, будучи в Меце, он попросил торговца сукном продать ему «квартиру красного сукна на выпивной кафтан», торговец же, услышав такие речи, спросил, откуда он. На это Ганс ответил: «Не видишь, что ли: на мне серая деревня, стало быть, я из куртки, а в город пришел на базар»: — сиречь по его серой куртке сразу видно, что он из деревни; и каждый раз, как был сильно пьян, городил он такую чушь. В другой день, также в Меце, хватив лишку в кабаке, он вздумал купить башмаки

себе и своему сынишке и спросил сапожника, нет ли у него «семилетних башмаков для сафьянового мальчика». — «А для меня, — прибавил он, — носков с длинными туфлями, по старинной моде». А когда сапожник дала смеуху запросил с него слишком много, ссылаясь на то, что нынче все дорожает, Ганс заплетающимся языком промолвил: «Да, рождает, хлеб рождает, вино рождает, сукно рождает, сын рождает, черт рождает — все-все рождает!» А хотел-то он сказать, что и кожа, и вообще все стало больно дорого. Не сторговавшись с сапожником, отправился он приценяться к ножам, но и они оказались ему не по карману. Тогда он показал торговцу свой старый и ржавый нож, который хотел наточить. «Помилуй, да ведь этот нож давно пора выкинуть!» — говорит ему ножовщик. «Неужто он так плох? — удивился Ганс. — Вот, помню, у моего сеньора был нож так нож, упокой Господи его душу, хорошей был закалки, да плохо кончил — умер под пыткой». Тут ремесленник расхохотался и понял, с кем имел дело. А когда он спросил, откуда Ганс пришел, тот отвечал: «Да вот ходил пахать в кабак».

Увидал Ганс, что все над ним смеются, повернулся и пошел домой, то и дело натыкаясь на кусты и заборы — знать, дорога была ему узка. Наконец добрал он кое-как до дому, а там жена, в тот день еще трезвая, порядком выбранила его, набравившись же, спросила, что хорошего купил он в Меце. «Ей-богу, женушка, — отвечал он, — я чуть не купил тебе губку и лоток». Он хотел сказать, что собирался купить ей юбку и платок на шею, но был так пьян, что не смог выговорить, и жена с досады прогнала его с глаз долой на работу. «Ну, так дай мне мопату и латыгу!» — то бишь лопату и мотыгу, — ведь он, как мы говорили, был землекопом. Жена подала ему, что он просил, и примолвила: «Чтоб тебе провалиться! Раз ничего не принес мне из Меца, так и нечего тебе там делать, в другой раз я сама пойду».

Вскоре после этого наша кумушка и две ее соседки сидели как-то на солнышке, пряли да точили ляды, и немка рассказала, что хочет сходить в Мец. Тут же было решено отправиться всем втроем. И вот в один прекрасный день все три женщины вышли из селения и пошли, с разрешения мужей, в Мец, а чтобы не зря ходить, каждая захватила что-нибудь на продажу. Одна — пару сыров, другая — горшок масла, тре-

тя — яйца, и всю эту снедь они сразу же продали за хорошие деньги.

Обошли они все церкви, поглядели на город, а потом решили зайти в кабак перекусить, причем подбила всех на это немка, уверявшая, что там очень дешево берут. А одна из товарок подтвердила: она-де не раз слыхала от мужа, что за каких-нибудь пять-шесть денье тут можно наесться досыта, напитокъ допьяна, да и еду подают преотличную. Третья товарка стала было упираться — и немудрено, ведь это была жена того самого скряги, что пировал целым яйцом. Но наконец ее уговорили и все втроем подались в кабак, мечтая, что за пять-шесть денье их тут станут потчевать ровно принцесс. Хозяйка спросила, чего им подать. «Мы сегодня толком не обедали, — говорит одна из кумушек, — только поели хлеба да запили водой, теперь же хотим угоститься на славу, поэтому, любезная хозяйка, несите нам, что у вас есть самого лучшего да самого вкусного, и ставьте все на стол, да налейте нам доброго винца. Верно я говорю?» — обратилась она к товаркам. И те согласились. «Ну раз так, — говорит хозяйка, — для начала я вам подам свежего бараньего жаркого, которое осталось от обеда, а тем временем поспеют полдюжины цыплят, что заготовлены для ужина — уже ощипаны и начинены. Есть еще парочка куропаток — это кушанье на тонкий вкус, — если велите, подам и их». — «Да-да, — отвечают кумушки, — мы хотим всего отведать, уж пировать так пировать».

Женщины уселись за стол, и не успели еще изжариться цыплята и куропатки, как от баранины остались одни кости. Видя такую прожорливость, хозяйка поскорее подала трех цыплят, а остальных оставила дожариваться. Но и их вмиг уплели и обсосали косточки. Кумушки не только на еду налегали, но и пить не забывали. Хозяйка только диву давалась, сколько в них лезет, и видя, что аппетит их не идет на убыль, выставила перед ними все, что было, а кумушки, которым вино уже бросилось в голову, принялись трещать, как сороки в клетке. Так за болтовней они разодрали куропаток на кусочки и проглотили их, словно то было простое сало, даже не подумав угостить хозяйку ножкой или крыльшком. А уж сколько они выдули вина, — один бог знает. Хозяйка дивилась их расточительности. Когда убрали со стола пустые блюда и кости,

они спросили еще пирога, сыру и фруктов.

Между тем пошел дождь, и женщинам пришлось задержаться на весь день, так что им не оставалось ничего другого, как только сидеть, судачить да потягивать вино. Вот стемнело, подошло время ужина, кумушки же были так сыты, что поели лишь самую малость. Но тут явился продавец печенья и вафель, и им так захотелось попробовать сластей, что немка скупила чуть не полкорзины его товара. Видя, что гости снова разошлись вовсю, хозяйка сказала, что сласти, конечно, недурны, но что у нее найдется к ним ипокрас и кларет. Одна из кумушек спросила, которое из этих вин лучше. «Ипокрас», — ответила хозяйка. «Ну, так несите нам ипокрасу!» Хозяйка велела принести кувшин вина, и его тотчас разлили по стаканам и выпили. Так кумушки и просидели, пока не пришла пора идти спать. Им постелили постели, уложили их, причем они были так пьяны, что едва ли хоть одна из них сообразала, где находится.

На другое утро они еле продрали глаза только часам к семи или восьми и не сразу вспомнили, как здесь очутились. Когда же очухались, то подумали о счете и стали гадать, во что им обойдется вчерашнее. «Уж верно, — сказала одна, — хозяйка возьмет с нас не меньше чем по дюжине денье с каждой, а ежели больше, то мне уж нечем будет платить — это все, что я выручила вчера за яйца». — «Да и я за сыр получила всего тринадцать денье», — сказала другая. «Зато у меня побольше будет, — сказала третья. — Я продала масло за восемнадцать денье. Давайте же спросим у хозяйки, сколько мы должны». Позвали хозяйку, та пришла, посмеялась и поиздевалась над тем, как они заспались, когда же дело дошло до расчета, запросила пятнадцать гро, то бишь по пять су с каждой; услышав это, наши кумушки обомлели и уставились друг на друга, не в силах слова вымолвить. Наконец одна из них заметила хозяйке, что та, наверно, шутит. Но хозяйка после долгих препирательств твердо заявила, что меньше чем по пять мецких гро не возьмет, и так, мол, дешевле некуда. После этого она ушла и велела им готовить деньги. А они, перепуганные, принялись выдумывать, как бы им унести ноги, так как вся их выручка составляла всего-навсего треть нужной суммы. Долго они судили и ряздили и наконец, по совету немки, самой

бойкой из всех, решили сделать так: первым делом, одна из товарок оставит здесь в залог свою меховую накидку, а мужу скажет, будто отдала ее починить.

Кроме того, они дали друг другу слово, что каждая проведет своего мужа, причем постарается сделать это как можно лучше, и тот муж, который будет больше других облапошен, заплатит по счету за всех — так надумала немка. Так они и сделали: снова позвали хозяйку, рассказали, что у них не хватает денег, и уломали ее взять в залог меховую накидку и отсрочить долг до условленного дня. Затем, хлебнув еще понемножку на дорогу, они вышли из кабака, а одна сказала остальным, будто у нее остались еще какие-то дела в городе, и попросила чуток подождать ее, сама же пошла на улицу Тезон, где живут маляры, накупила там разных красок и взяла их с собой, ни слова не сказав товаркам. Когда она вернулась, все трое зашагали по дороге и скоро дошли до дому.

Послушайте же, что вышло из их затей. Никого из мужей дома не оказалось: Ганс-немец сидел в кабаке вместе с мужем другой женщины, и они вдвоем пили и пировали, а третий муж, тот самый скупердяй и выжига, о котором уже была речь, прилежно работал в поле. Вечером все трое вернулись, и первым пришел с поля скряга, Ганс же с приятелем задержались в кабаке допоздна.

Когда скряга вернулся домой, жена встретила его приветливо и радостно и, притворившись веселой, села с ним рядом у камина и принялась рассказывать, чего она навидалась в Меце: какие там красивые церкви, дома, улицы, какие люди, лошади; сочинила, будто видела в монастыре торжественную службу в честь святого Гонория, и прибавила, что в Меце накануне был сильный дождь и гроза, почему они и не смогли вернуться в тот же день. Она трещала без умолку, пока наконец не стало совсем поздно, и муж, видя, что она и не думает собирать на стол, весьма удивился. «Постой, — воскликнул он. — Ты мне совсем голову заморочила своей болтовней. А ужинать-то мы что, не будем?» — «Как ужинать? — говорит жена. — Уж не бредишь ли ты? Да ведь мы уже ужинали!» — «Уже ужинали? Когда же это?» — «Новое дело! Ты что, хочешь еще раз поужинать?» — «Тебя послушать, получается, что так, но мне кажется, я еще и одного

раза не ужинал». — «Ну, так спроси у сына». А мальчугана она накормила загодя, еще до прихода мужа, так что он подтвердил ее слова и сказал, что ужин и правда уже был. «И все же, — говорит муж, — не знаю почему, но мне страсть как хочется есть, и не верится, что мы уже ужинали». — «Ты просто забыл», — говорит жена. И снова принялась ему зубы заговаривать, так что бедняга поверил ей и в конце концов пошел спать без ужина, а женушка таким образом выгадала денежки в возмещение тех, что растрянжирила в кабаке.

А вот что сделали другие кумушки. Та, что купила в Меце краски, развела их и натерла ими себе ладони, а когда вечером пришел муж, встретила его, заговорила как ни в чем не бывало, но вдруг умолкла, тревожно глядя ему в лицо и притворившись удивленной и испуганной, а затем шагнула к нему и заботливо спросила: «Ой, муженек, здоровы ли вы, у вас все лицо в пятнах и вид совсем больной!» Тут она подошла еще ближе, провела руками по его лицу и шее, и красками, которыми были натерты ее ладони, так размалевала ему рот, нос и все остальное, что он стал похож на прокаженного. Муж был под хмельком и потому не почувствовал, что с ним сделали, а жена заголосила, запричитала, скривилась так, что смотреть страшно, и окончательно уверила его, что он болен и что ему осталось недолго жить. Тут же она постелила ему поближе к очагу, раздела его догола и, натирая его разогретыми у огня ладонями, разукрасила всего, с ног до головы. Бедный муж, увидев, на кого он похож, решил, с пьяных глаз, что дело его совсем худо, и, по совету жены, призвал священника и наспех исповедался. После этого жена позвала соседей и соседок, а те при виде его подумали, что он при смерти, и стали спрашивать, что у него болит. Простофиля-муж, все еще плохо соображая, отвечал, что болит все. Наслушавшись притворных охов и вздохов жены больного, все разошлись, с нею же осталась только одна соседка; дождавшись ночи, жена дала мужу какого-то снадобья, от которого он, и без того одурманенный, заснул так крепко, что не почувял бы, даже если б его сожгли живьем прямо на кровати. Тогда жена, только этого и дожидавшаяся, взяла простыни и куски полотна и вместе с соседкой завернула в них мужа и зашила, как мертвого, в саван. А когда рассвело, позвала священ-

ника и церковного старосту, велела принести гроб, в который положили зашитого в саван мужа, и выставила гроб на козлах посреди дома. В тот же час принялись, как положено по обряду, звонить в колокола, и новость о том, что кто-то умер, разнеслась по всему селению и всех взбудоражила.

Когда эта весть дошла до немки, жены Ганса, и она узнала, что новопреставленный давешний собутыльник ее мужа, она побежала в дом и нашла мужа еще спящим — накануне он явился в стельку пьяным и даже не спросил жену, что она делала в Меце, да и теперь еще не совсем протрезвел. Жена стала тормошить его, крича: «Эй, Ганс, Ганс! Будет тебе валяться! Пошел бы посмотрел, как хоронят твоего приятеля, с которым ты вчера напился!» — «Как так хоронят? — говорит Ганс. — Разве он умер?» — «То-то и оно, что умер», — говорит жена. «Кто же его убил?» — «О святой Иоанн! — воскликнула жена. — Он умер в собственной постели, и если ты хочешь поглядеть на него в последний раз, поторопись!» Ганс вылез из кровати и давай искать одежду, но жenuшка ее заранее припрятала, а теперь все торопила, чтобы он шел поскорее. «Иначе, — говорит, — опоздаешь». — «Что за черт, — говорит Ганс, — никак не найду одежду». — «Одежду? — говорит она. — Господи, смилуйся над этим олухом! Да разве ты, дурень, не одет?» — «А разве одет?» — спрашивает муж. «Ясно, одет». — говорит она. «А по-моему, я, черт подери, голый». — «Одетый, тебе говорят! И если идешь, так пошевеливайся!» Она так настаивала и теребила его, что в конце концов он поверил ей, выскочил за порог и, жмурясь спросонья и прикрывая срамные места рукой, так и побежал нагишом. Он поспешал всюю и успел в церковь, когда гроб с его приятелем уже собирались опускать в землю.

На похороны собралось много народу, мужчин и женщин, и при виде голого Ганса одни принялись смеяться, другие — издеваться над ним, женщины закрывали лицо и отворачивались. Кюре же, увидев его в таком виде, притворился разгневанным и строго сказал ему, что он оскорбляет самого Господа. Бедняга Ганс растерялся и не знал, что ответить, но видя, что все стыдят и ругают его, он сослался на жену и поклялся, что считал себя одетым и что его убедила в этом жена. Здесь же был и знакомый нам скряга, и услышав, что

говорит Ганс, вспомнил, как его собственная жена давеча уверяла его, будто он сыт, и послала спать не евши. «Черт возьми, — воскликнул он во всеуслышание, — а ведь так же и моя жена внушила мне вчера, будто я уже ужинал». Тут поднялся такой смех и шум, что покойник, которого уже поднесли к могиле, проснулся, пришел в себя и тоже услышал, о чем говорят вокруг. И в тот самый миг, когда гроб опускали в землю, он поднял голову и сказал: «Вот дьяволыщина, а меня жена вчера убедила, будто я умер, но теперь-то я, слава богу, чувствую себя совсем здоровым». Все, кто был на кладбище, а кюре самым первым, сначала испугались было не на шутку, когда же все выяснилось, принялись хохотать до упаду.

И тогда наши кумушки попросили народ рассудить, кого из мужей больше всех надули. Было решено, что больше всех обманут тот, кто остался без ужина, и вот почему: этого ужина ему уже никогда не съесть; именно скупердяю и пришлось платить по счету. Говорится же: тароватому бог дает, а у скупого черт таскает. Напоследок остается подивиться честности всех трех кумушек. Ничего не скажешь: каждая постаралась на совесть, выполняя обещанное.

Новелла 98-я, повествующая о том, как кюре из Лессе, близ Меца, и его приятель отправились в Рим и как их одурачили по дороге

Я поведал вам множество самых разнообразных, занятных и славных историй, от иных бывал прок, от иных — один вред да позор тем, с кем они случались, а от иных — ни того ни другого, как в новелле о крестьянине и его осле. Теперь же я поведу речь о том, что стряслось однажды с мессиром Николем, кюре из Лессе, близ Меца, и архипресвитером округа Во. Выгоды из этого приключения он не извлек никакой, а убыток потерпел изрядный, и хоть поначалу радовался, да недолго, как вы сами услышите, коли будет охота слушать.

Этот самый кюре, по имени Николь Соваж, был в ту пору еще молодым клириком без места и должности, и вот как-то раз он да еще один такой же клирик — тот со временем стал капелланом в Розериеле — надумали

идти в Рим. Вышли они из Сент-Эньяна под Мецем, родной деревни мессира Николя. А было это вскоре после кончины папы римского Павла. Долго ли, коротко ли, двое приятелей добрались до Ломбардии и тут, миновав город Павию и переправившись через реку По, повстречали одного человека, поджидавшего попутчиков, который назвался уроженцем Марвиля и легко говорил и по-французски, и по-итальянски, и дальше пошли они втроем. Новый спутник рассказал им, что он тоже направляется в Рим, где раньше живал на службе у одного кардинала, которого будто бы коротко знал. Оба друга обрадовались, что им попался такой человек, который будет им вожатым и наставником как по дороге, так и в самом Риме, — а уж он обещал услужить землякам. Ох, и горько же пришлось им потом пожалеть об этой встрече — ведь не прошло и нескольких дней, как новый знакомый ловко окопачил их; но об этом речь впереди.

День или два путники шли без особых приключений, пока не дошли до Кастельфранко, местечка близ города Плезанс, и тут увидали, что навстречу им скачет человек грозного вида, разгоряченный, словно от долгой погони. Всадник приветствовал их, они отвечали тем же. Он спросил, куда и откуда они держат путь, и все трое отвечали, что идут из Лотарингии и прилежащих мест и хотят, если будет на то божья воля, попасть в Рим. «В таком случае, — говорит верховой, — сделайте милость, ответьте мне без утайки на мой вопрос». — «Извольте. Ежели что знаем, не утаим». — «Дело вот в чем, господа, — говорит этот мошенник. — Я скачу прямо из Рима, а вы, коли не лжете, как раз идете туда. Так вот, скажите по совести, не попадался ли вам в пути невысокий человечек, пробирается он, должно быть, тайком да крадком и держится в стороне от дороги». И описал им, как он выглядит и во что одет.

На это тот, что назвался марвильцем, — а на самом деле, как вскоре выяснилось, они с верховым были сообщниками, но притворялись, будто не знают друг друга, — отвечал за всех: «Видит бог, мы не встречали никого, кто бы походил на ваше описание наружностью или одежкой». А затем спросил, на что ему нужен этот человек и не украл ли он чего-нибудь. Сначала всадник не пожелал ничего объяснять, делая вид, что ему недосуг и он ужасно спешит, а только попросил у путников

письменные принадлежности и тут же написал несколько депеш: одну — в Павию, другую — в Милан, третью — в Александрию Пьемонтскую, — словом, по одной на каждую заставу. Покончив с этим, он собрался продолжать путь, но лжемарвилец, знавший всю комедию наперед, удержал его и стал снова упрашивать, чтобы тот открыл им, что же сделал человек, которого он ищет, дабы они остереглись, если встреча с ним опасна. Вторым плут, тоже мастер своего дела и тоже знавший роль назубок, заставил долго себя упрашивать, прежде чем рассказал наконец, что он и еще десяток таких же гонцов разосланы римскими кардиналами на поиски того человека, о котором он их расспрашивал. «Это, — сказал он, — беглый вор. Вы, верно, знаете, что недавно скончался наш папа Павел, упокой господи его душу. Так вот, был у него слуга по имени Яков. И этот Яков украл из казны покойного папы драгоценный камень, которому нет цены: он испускает свет во тьме, излечивает от подагры, помогает от любого яда и хранит своего владельца от всяких прочих хворей и напастей. Кто хоть раз этот камень видел, того не возьмет ни вода, ни огонь, ни иная стихия. Потому и ценится он так высоко, а попади он ненароком кому-нибудь в руки, хоть бы, к примеру, вам, и стоит вам лишь заикнуться об этом, так уж можете смело рассчитывать на любую награду за него, и нет такого бенефиция, который не пожаловала бы вам курия по первой же вашей просьбе, сделают вас, кем захотите: канониками, епископами, приорами или еще кем. Но самое главное вот что: мало найти того, кто владеет камнем, надо еще, чтобы он отдал его по доброй воле, или продал, или на что-нибудь обменял. Если же отнять камень силой, он, говорят, непременно потеряет все свои чудесные свойства». Путники задали гонцу еще много вопросов, и он на все ответил, а затем распростился с ними и ускакал прочь.

Когда он скрылся из виду, лжемарвилец стал говорить мессире Николу, который, как было сказано, тогда еще не имел места, и его приятелю, что не следует принимать на веру рассказни первого встречного. «И вообще, — прибавил он, — было бы настоящим чудом, если бы этот камень вправду обладал такими достоинствами, как говорят; хотя, впрочем, я слышал о нем и прежде, когда жил в Риме, и он будто бы в самом деле

невесть сколько стоит. Вот бы нам с вами найти его — получили бы все, что душе угодно, еще прежде чем воротимся домой. Ума не приложу, как это можно было ухитриться украсть такое сокровище!» — «А ведь правда, будь я неладен! — воскликнул мессир Николь, не почувываящий, как и его приятель, никакого подвоха. — Дело это непростое, зато и добычка изрядная. Дал бы бог нам завладеть этим камешком, не согрешив. Аминь!» — «Да уж верно, вора скоро поймают, никуда ему не деться, — сказал другой клирик. — Видели же, как тот гонец написал на все заставы, а таких, как он, целый десяток, и все идут по следу».

В таких разговорах прошел весь день и половина следующего, трое спутников продолжали свой путь в Рим. Если же приятели заговаривали о другом, лжемарвилец тут же снова заводил речь о камне и о чудесах, которые он сулит своему хозяину.

Наконец они поравнялись с высокой живой изгородью и увидели, что с другой стороны кустарника — а он был весьма густой — идет человек невысокого роста, по всем приметам похожий на описание гонца, и идет он крадучись, не выходя на дорогу. Марвилец увидал его первым и показал товарищам. «Смотрите, господа, — сказал он, — он избегает дороги и как будто чего-то опасается. Уж не тот ли это, кого искал давешний верховой?» — «Провалиться мне на этом месте, так оно и есть», — сказал мессир Николь. «В самом деле, у него испуганный вид, — сказал его приятель. — Надо бы его порасспросить». — «Вот я и говорю!» Принялись они звать незнакомца, но он не откликнулся, а только припустил еще быстрее вперед, так что они еще больше уверились, что это и есть похититель бесценного камня. Тогда они бросились за ним вдогонку и скоро настигли. Лжемарвилец крикнул: «Эй, стой!» — и беглец, на вид бедняк в плохонькой одежонке, притворно трясясь от страха, повернулся к ним, снял шапку и, почтительно поклонившись, спросил, что им угодно. «Нам угодно поговорить с тобой, подойди ближе, — суровым голосом сказал марвилец. — Отвечай, да только не ври, откуда ты и куда идешь». — «Я бедный человек, сударь, иду из Рима искать удачи». — «А скажи-ка мне, — говорит марвилец, — у кого ты служил в Риме?» — «У одного кардинала, — отвечает бедняга. — «Лживый твой язык! — говорит тот. — Ведь я тебя отлично знаю.

Говори правду и не пытайся лгать». — «Простите, монсеньор, не гневайтесь, — заныл беглец, — я действительно служил у папы, а теперь отпустите меня, бога ради, и я пойду своей дорогой». Каждый раз, ответив на вопрос, мошенник делал вид, будто порывается уйти, а лжемарвилец как будто удерживал его и продолжал расспрашивать.

Наконец он спросил, как зовут этого несчастного, а тот, ловкий притворщик, бросился на колени, прося пощады, но ни в какую не называя своего имени. «Все равно, черт побери, мы дознаемся! — вскричал допросчик. — Лучше говори сам, да поскорее!» — «Горе мне, монсеньор, — простонал плут. — Сжальтесь надо мной, меня зовут Яков». — «Яков? Ага, негодяй, ты-то нам и нужен! А ну, показывай камень, который ты украл из папской казны, а не покажешь — конец тебе». — «Отпустите меня, сжальтесь, Христа ради, я простой бедняк!» — «Будь я проклят! — говорит марвилец. — Или ты выложишь всю правду, или прощайся с жизнью!» — «О, помилуйте, добрые господа! — причитает Яков. — Делайте со мной, что хотите, воля ваша!» С этими словами он разрыдался, повалился на землю и заломил руки, прикидываясь, будто его бьет дрожь. «Ну вот что, — говорит марвилец, — встань-ка и покажи нам добром свой камень, не бойся, мы не станем его у тебя отнимать, а дадим за него хорошую цену». — «Горе мне! — снова запричитал Яков. — Правда ваша, этот камень у меня, но я его ни за что не продам, хоть убейте. Берите все, что у меня есть, только не камень, и отпустите меня!» — «Э нет, Яков, так не пойдет. Ты, видно, ничего не понял, а потому поразмысли-ка хорошенько», — сказал марвилец.

Засим он взял мессира Николя и его приятеля за руки и отвел в сторону, а уж они были рады-раदेशеньки, что нашли камень, надеясь получить за него щедрое вознаграждение. «Любезные друзья, — говорит им третий спутник, — вот какую удачу послали нам нынче бог и счастливый случай. Давайте подумаем, как нам поступить. Вы ведь помните, что говорил тот гонец: если камень отнять силой, он потеряет чудодейственную силу. Разумеется, нам ничего не стоит забрать его, но, по-моему, лучше уговорить этого человека и купить камень за любую цену — словом, поладить миром, лишь бы только сохранить волшебную силу камня.

Правда, при мне денег не много, всего два золотых экю да кое-какая мелочь, но если этого окажется мало, чтобы составить мою долю, и если вы при деньгах, я попрошу вас одолжить мне еще. А я обещаю вернуть долг, как только мы придем в Болонью — там у меня живет богатый родственник, который ссудит меня деньгами и к тому же наверняка не отпустит нас голодными. Если же вы мне не доверяете, сделаем так: пусть тот, кто вложит за камень бóльшую долю, держит его у себя до самого Рима». Николу Соважу и его приятелю это предложение пришлось по душе, и друг Николья сказал, что даст три золотых экю, а он сам раскошелился на шесть рейнских флоринов, желая, чтобы камень достался ему.

Порешив на этом, они снова приступили к Якову, и лжемарвилец заговорил так: «Душа моя Яков, ты, конечно, понимаешь, что мы могли бы, если б захотели, отнять у тебя камень, но мы этого не хотим; однако если ты не перестанешь упрямяться и не согласишься продать камень, у нас не останется иного выхода. Пораскинь-ка умом и, мой тебе совет, соглашайся продать камень добром, не дожидаясь, пока у тебя его отнимут силой, а то как бы не пришлось тебе худо. согласишься — получишь два золотых экю от меня, три — от этого господина и шесть золотых флоринов — от другого. Ну что, довольно тебе этого?» Яков же в ответ твердит, что не продаст камень, пусть его хоть на кусочки режут. Не такой, мол, это камень, чтобы его продавать за гроши. И снова давай рыдать и стенать, да так, будто вот-вот умрет. Марвилец притворился, будто ужасно сердит, и говорит ему: «Не продашь камень, так мы и сами его возьмем, а с тобой расправимся и никто знать не будет, куда ты подевался». Снова отвел он в сторонку Николья с приятелем и говорит им: «Вот видите, за такую цену мы камня не получим. У меня-то, сами знаете, больше двух экю и нету. Но если вы одолжите мне еще, я, как сказал, верну в Болонью, и все равно камень понесет тот, кто даст больше других, чтобы все было по справедливости». — «Ей-богу, — говорит приятель мессира Николья, — я уж и так пообещал чуть ли не все свои деньги, но готов дать еще, пусть будет четыре экю». — «Ну и я, — говорит мессир Николь, — прибавлю пару флоринов, и того будет восемь, лишь бы поскорее получить камень». Очень уж разохотился

будущий кюре и очень уж ему хотелось нести камень самому. «Вот это дело», — обрадовался лжемарвилец.

Вот они снова обратились к Якову и сказали, что так или иначе камень должен перейти к ним в руки, да велели показать его. А лжемарвилец стал угрожать ему и увещевать, чтобы тот поскорее уступил, не то ему не поздоровится. «Вот я даю тебе два золотых экю, а этот господин — четыре, а вон тот — восемь золотых флоринов, бери и не торгуйся». — «Что же, господа, — отвечает Яков, — вижу, сила на вашей стороне. Вы грозитесь убить меня, коли я не отдам камень, дорожке которого нет на всем свете. Из-за него я натерпелся страху и рисковал своей шкурой, а вы забираете его почитай что даром — ведь цена, которую вы мне предлагаете за столь благородный камень, ничтожно мала, — но раз уж делать нечего и, видно, придется мне с ним расстаться, то хоть дайте мне еще немного мелочи на дорогу и ночлег, ведь если у меня ее не будет и я захочу разменять золотой, меня, чего доброго, задержат — по моей одежке не скажешь, что у меня могут водиться такие крупные монеты».

Марвилец заметил своим спутникам, что парень говорит дело, и предложил, чтобы каждый дал Якову по мелкой монете, а то, не дай бог, еще и их схватят как укрывателей камня. И сам дал ему два экю и монетку впридачу, за ним приятель Николь дал обещанные четыре экю, а сам Николь — восемь рейнских флоринов и прибавили мелочи примерно на дукат, а затем потребовали камень, и Яков полез за ним. Со скорбной миной и со слезами на глазах попросил он их снять шапки, потому что он, дескать, покажет им такое, чего они сроду не видывали, и они послушались его. Тогда он достал крепкий ларчик и открыл его: внутри, бережно укутанный в вату, лежал камень. Все трое по очереди, с обнаженной головой и преклонив колена, поцеловали камень — так велел Яков. Затем Николь потребовал, чтобы камень доверили ему, поскольку он внес самую большую долю, и компаньоны, выполняя уговор, согласились на это. По совету Якова, камень зашили в рукав его камзола, выше локтя. Покончив с этим, путники собрались было распрощаться с Яковым и двинуться дальше в Рим, но тот принялся плакать и умолять их, говоря, что в полулье от того места расположена застава и что он боится идти туда в одиночку. «Известно же, что

я иду один, и стоит мне появиться, как меня тут же заподозрят. Ради господ бога, пусть кто-нибудь из вас проведет меня через эту заставу».

Услышав это, три спутника переглянулись, и сперва Николь, а за ним и его приятель отказались — ни у того, ни у другого не было никакой охоты идти. Ну а третьему, марвилцу, только того и надо было. «Ей-богу, господа, — сказал он, напустив на себя сострадательный вид, — по-моему, надо пойти с ним. Свою долю за камень, хоть и меньшую, чем ваша, я тоже внес, однако, если вы обещаете подождать меня в таком-то месте, — он назвал, где именно, — в одном лье отсюда, и не обманете, я готов из жалости и милосердия проводить этого беднягу, мы и так отобрали у него камень, неужели же мы еще откажем ему в спасении. Как хотите, а я этот грех на душу не возьму, хотя, если нет у вас совести, вам, конечно, ничего не стоит надуть меня и уйти одним». На это Николь Соваж ответил ему за себя и за приятеля, что судьба мошенника их нисколько не волнует и сами они никуда ходить с ним не собираются. «Однако же, — сказал он, — если вам непременно хочется проводить его, идите на здоровье, мы же даем честное слово ждать вас, где скажете, ровно день, до самого вечера». На том и сошлись. Марвилец остался весьма доволен таким обещанием.

Итак, Николь и его товарищ распростились с Яковом и со своим попутчиком, надеясь вскоре встретиться с ним в назначенном месте, — но где там! — больше уж они его не видели, напрасно прождали два дня, а он и не думал являться. Пока же Николь Соваж с приятелем сидели так и ждали, они все судили и рядили, какую бы награду попросить в Риме за чудесный камень, и никак не могли сговориться. Один мечтал стать каноником, другой — кюре, и оба были не прочь получить по епархии, однако они понимали, что метят слишком высоко, и потому готовы были удовольствоваться меньшим, но зато выхлопотать в придачу денежное содержание.

Прождав немало времени и видя, что товарищ никак не идет, они наконец заподозрили, что он провел их — а так оно, конечно, и было! — и Николь Соваж, будущий лессейский кюре, схватился за рукав, дабы удостовериться, там ли еще камень, когда же нащупал его, не знал, что и подумать, и сказал приятелю: «Нет, дружнице, никакого надувательства нет, камень здесь, в рука-

ве». Он-то опасался только колдовских проделок и попал пальцем в небо. Сколько ни ждали приятели, а о марвилъце ни слуху ни духу — делать нечего, пустились они снова в путь и зашагали по дороге в Рим.

А дней через пять они услыхали толки о неких ловких жуликах, которые дурачат путешественников на дорогах, плетя им разные небывлицы насчет недавней кончины папы. Одни подсовывают простакам кубки из поддельного серебра, другие — ложки, а некоторые всучают фальшивые камни, — словом, кто во что горазд. Слушая эти рассказы, мессир Николь с приятелем задумались, не надули ли и их тоже, и решили проверить и оценить камень во Флоренции. Так и сделали. Добравшись до Флоренции, они распоролли рукав мессира Николя, достали камень и с трепетом отнесли свое сокровище банкиру. На вид, ничего не скажешь, камень был недурен, но банкир, едва взглянув, без колебаний оценил его в два байокко — все равно что восемь денье по-нашему. Мессир Николь и его приятель, разумеется, были огорошены такой ценой, но ничего не сказали, а придя в Рим, стали носить камень по всем ювелирам и шлифовщикам, — они рады были бы хоть вернуть свои деньги, уж и не помышляя о прибыли, но все предлагали ту же цену, что и флорентийский банкир, а то и того меньше.

Наконец швырнули они злополучный камень в Тибр с моста Святого Ангела, и с ним вместе утопили надежды на награды и должности, которые им так хотелось получить. Пришлось им для достижения желанных целей поискать волшебное средство посильнее, каковое средство, именуемое усердием, они нашли, добросовестно служа старшим. За что со временем были вознаграждены сполна. Так пусть же история о том, как когда-то они пошли по ложному пути — и обманулись, послужит наукой всем, кто ее слушал.

НИКОЛА ДЕ ТРУА

ВЕЛИКИЙ ОБРАЗЕЦ НОВЫХ НОВЕЛЛ

БРЮХАТЫЙ МУЖ

Новелла IV: о молодой женщине, которую уверили, будто она обрюхатила своего мужа, и о том, как оный муж передал свою тяжесть их служанке, с полного согласия жены.

Рассказано Жеаном Дюбуа

адобно вам знать историю, случившуюся некогда в Труа, что в Шампани: жил там один добропорядочный купец, молодой и веселый человек, и женился он, по сватовству родителей своих, на красивой и честной девице, да к тому же еще при немалом приданом. И любили они друг друга горячо и сердечно. И следует добавить, что держали они у себя в услужении пригожую девушку, исполнявшую работу по дому.

Вот случилось однажды так, что купец наш принялся заигрывать с молодой служанкою; он ее улегил, склонил к себе, и спал с нею, да притом множество раз и столь усердно, что по прошествии некоторого времени названная служанка объявила хозяину, что впадала в тягость от него, чем юный наш любезник был весьма поражен и удручен. В один из дней отправился он к своему двоюродному брату-лекарю, и тот, видя, как он сумрачен душой, стал выспрашивать, какая беда приключилась. И купец отвечал ему, что взаправду пребывает в великой горести.

— Да что же у тебя стряслось? — спрашивает врач.

— Ах, кузен, — отвечает купец, — такая невзгода налетела, какой в жизни не ждал. Поразвлекся я тут с нашей служанкою, да так, что она затяжелела от меня, и ежели моя жена об этом проведает, не видать мне больше радости до конца дней, ибо ее отец и мать сживут меня со свету, — ведь жена любит меня всем сердцем.

— Всего и дела-то? — восклицает врач, — ну, дружок мой кузен, тут печалиться не с чего, от этой беды мы вам същем средство.

— Увы, друг мой и кузен, — причитает купец, — ничего мне не осталось, как положиться на вашу помощь и содействие, а уж я заплачу вам за все, сколько пожелаете.

— Да не в плате дело, — отвечает ему врач, — а дело в том, что задумал я одну хитрость, и удастся она только лишь, если вы мне доверитесь. Надобно вам сейчас вернуться к себе домой и прикинуться больным, да жаловаться на боль в пояснице и в животе; а мне пришлите с вашей женою свою мочу. Предоставьте мне дальнейшее дело, и я надеюсь, мы его обстряпаем с божьей помощью.

Распрощался с ним купец и вернулся к себе домой как ни в чем не бывало; тут прикидывается он больным, и бедная его жена, не подозревая обмана, принимается нежно утешать и расспрашивать его:

— Ах, милый мой дружок, да что это с вами? Где у вас болит?

— Ой, душенька, — стонет он, — кажется, смерть моя пришла: живот и поясницу так жжет, словно собаки зубами грызут.

На это говорит ему бедная жена: «Мой дружок, надо бы вам помочиться, а я отнесу вашу мочу к лекарю».

— Ох, душенька, — отвечает молодой человек, — и не просите даже, до того ли мне теперь!

Но она все же уговорила его помочиться, и, вся в слезах, принесла эту мочу своему ученому кузену. Он же, видя ее плачущей, тут же спрашивает, что за беда приключилась.

— Ах, кузен, — говорит она, — думается мне, что брат ваш, а мой муж, умирает.

— Иисусе Христе! — восклицает врач, — да как же это? Я только недавно с ним виделся!

Тут она начинает рыдать так горько, что слова не может вымолвить, и только показывает ему на мужнину мочу. Врач долго разглядывает ее, нюхает, а после заключает:

— У того, кто дал эту мочу, должны сильно болеть живот и поясница.

— Увы, именно так, мой друг, — говорит молодая женщина, — как раз на это муж и жалуется.

— Да при чем тут муж? — удивляется врач, — моча, которую вы мне принесли, принадлежит беременной женщине.

— Нет, нет, кузен, — отвечает она, — уверяю вас, что это моча моего мужа, я в этом уверена, ибо сама видела, как он мочился.

— Правда ли? — допытывается у ней врач, — своими собственными глазами видели и уверены?

— Да, — говорит она, — могу дать голову на отсечение.

— Ну, милая моя, тогда вот какое дело: супруг-то ваш брюхат и должен разродиться.

— Как? — восклицает она, — да возможно ли эдакое?!

— Вполне возможно, — отвечает врач.

— Да растолкуйте вы мне, как же это сделалось?

— А вот признайтесь-ка, милая, не случилось ли вам, когда вы с мужем забавлялись в постели, кататься на нем верхом? Говорите всю правду, ежели хотите, чтобы он вылечился.

— Ах, кузен мой, я скажу вам всю правду. Был такой грех, хотя и всего только один раз.

— Ну, клянусь богом, теперь мне все ясно, — говорит врач, — вот с этого-то самого раза он и понес от вас.

Тут бедняжка жена совсем приуныла и стала выпрашивать, нет ли какого средства избавиться от эдакой напасти.

— Есть, — отвечает он. — Вот что следует вам сделать: подыщите какую-нибудь молодую и непорочную девицу и постарайтесь уговорить ее переспать с вашим мужем одну или две ночи, и тогда он передаст ей семя, которое носит. Ведь оно — это семя, вышедшее из вашего чрева, — еще не созрело вполне, и ребенок, который должен вырасти из него, пока вроде бы и не живой. Так что если ваш муж переспит с девицей, то он

передаст ей этого ребенка и таким манером избавится от него и спасется сам.

— Ах, кузен, друг мой, — восклицает молодая женщина, — уж как я вам благодарна за совет. Теперь я знаю, что мы, с божьей помощью, избавимся от этой напасти. Ибо у нас в доме живет служанка — молоденькая девушка, и, думается мне, еще нетронутая. Заплачу ей десять экю, чтобы она была довольна, и уговорю переспать с моим мужем, лишь бы только он вылечился.

— Ну вот и хорошо, — говорит врач, — вот и прекрасно. А чтобы люди о том не проведали, надобно справиться все это тишком у вас в доме. Так ни единая душа ничего не узнает, ибо, выйди такое дело наружу, тут же начнут судачить о вас: «Вот женщина, скажут, которая обрюхатила своего мужа, оттого что любила кататься на нем верхом». А такие сплетни — дело скверное.

На том они и порешили.

— Только прошу вас, кузен и друг мой, — говорит молодая женщина, — зайдите к нам и подбодрите хоть немного моего муженька.

— Ну а как же, кузина! — отвечает тот, — сейчас же вместе с вами и отправлюсь.

И пошли они к несчастному больному, пребывавшему, видит бог, в великом расстройстве. Тут рассказал ему потихоньку врач, о чем беседовал он с его женою и как договорились они о том, что ему надобно будет переспать со служанкою, дабы исцелиться, — то-то развеселился наш страдалец! Тут же призвали они служанку — якобы для того, чтобы поправить постель, и, передав ей все дело, предупредили, что хозяйка будет с нею говорить и что для начала следует ей слегка поломаться, а потом уж и согласиться. После чего врач осмотрел больного и, распрощавшись, удалился. Дама же вызвала служанку в другую комнату и сказала ей так:

— Послушай-ка, Жеанна, голубушка, мне надобна от тебя одна услуга, и я очень прошу, не откажи в ней.

— Сударыня, — отвечает девушка, — из любви к вам я сделаю все, что прикажете, лишь бы только честь моя да ваша от того не понесли урону, а не то я откажусь.

Тогда и говорит ей дама:

— Жеанна, голубушка, не заботься ни о чем. Я жду от тебя важной услуги, большей, нежели ты думаешь:

поскольку нет другого средства помочь беде, придется тебе переспать с твоим хозяином, дабы избавить его от одной скрытой немощи. Но ты не бойся, ничего худого от этого не произойдет.

— Господи боже! — восклицает служанка, — и это вы, моя госпожа, надумали учинить надо мною такое бесчестье?! Да посоветуй мне эдакое кто другой, вам в пору бы отговаривать меня, — по крайности, ежели вы женщина добронравная. Да мне, ей-богу, легче в могилу лечь, нежели согрешить с хозяином. Вдобавок вдруг он мне ребенка сделает, тогда я и вовсе пропащей стану.

— Вот на сей счет, — отвечает ей хозяйка, — ты, Жеанна, голубушка, не беспокойся. Я тебе десять золотых экую дам, и богатое платье справлю, и замуж выдам, только уважь мою просьбу.

Что ж, поспорив еще и поломавшись как следует, Жеанна наконец сдалась на уговоры своей хозяйки, якобы из преданности и любви к ней. Тут же отправилась дама к мужу, дабы сообщить ему радостную новость в присутствии врача, который как раз вторично наведалься узнать, как обстоят дела. И завела для начала такую речь:

— Ну, мой дружок, как вы себя чувствуете?

— Ой, душенька, — муж ей в ответ, — господь свидетель, помираю я.

— Ах, мой дружок, не говорите так, не разбивайте мне сердца. Мы тут с вашим кузенком позаботились о вашем здоровье, хвала господу. Вот послушайте-ка, что он предписал: надобно вам одну или две ночи переспать с нашей служанкою.

— Ай, душенька! — восклицает мнимый больной, — и не говорите мне такого, даже слушать не хочу. Господь свидетель, нет для меня женщины красивее и нежнее вас, как же это я возьму да сменю вас на другую! Да лучше мне умереть, вот как, душенька моя!

Послушать его, так он разливался пред женою еще слаще, чем служанка.

— Негоже так говорить, кузен, — вмешивается врач, — другого средства от вашей хвори нет. И господь наш не осудит вас и не сочтет за грех то, что вы сотворите во имя исцеления вашего.

— Увы, кузен мой, — отвечает тот, — неужто и вы порешили разбить наш брак? Вот моя жена — добрая

женщина, которая любит меня всем сердцем, во всем угождает и не знает куда посадить и как обласкать. Нет-нет, лучше уж я умру.

— А на это скажу вам так, — возражает врач, — что ежели вы теперь умрете, то будете прокляты навеки и угодите прямо в ад: ведь вы сами станете причиною своей смерти, ибо, зная средство, как вам, с божьей помощью, исцелиться, не захотели к нему прибегнуть. Не пойму, о чем вы только думаете, творя над собою эдакое кощунство.

— Увы, друг мой, — стонет больной, — да ведь я и за прелюбодеяние буду проклят.

— Никоим образом, — успокаивает его врач, — господь тому свидетель, что не будете, коли ваша жена на то согласна.

— Уверяю вас, что согласна, дружок мой, — говорит она.

— Ну так знайте, что весь грех на вас обоих, — заявляет муж.

— Ладно, — говорят они, — мы согласны.

— Тогда быть по сему, — заключает он, — пусть ее приведут.

Так они все трое пришли к доброму согласию.

— А теперь, кузина, — сказал врач, — пойдите-ка на кухню да приготовьте мужу хороший ужин, я уговорю его поесть и составлю ему компанию.

И врач с пациентом оба вкусно поужинали. А после трапезы врач распрощался и ушел, служанка же пришла в постель к мужу, и они отличным образом провели вместе эту ночь, дружно занявшись метанием ножей и ни разу не попав мимо цели. На следующее утро врач пришел навестить больного и нашел его много поздоровевшим, а тот рассказал ему про ночные свои забавы и про то, как он ими предоволен, и оба они веселились и потешались безмерно. Так прошло четыре или пять дней, а больной уверял, что живот и поясница все еще у него побаливают. И врач предписал ему переспать со служанкою еще одну или две ночи, дабы успешно завершить лечение.

— Ну что ж, — сказала на то простодушная жена, — пусть будет так, лишь бы только он выздоровел, по мне и то хорошо.

Вот как истинно добрая жена должна печься о своем муже! Да клянусь райским блаженством, я хотел бы

иметь столько же экию в кошельке, сколько същется на свете жен, которые ни в какую не согласились бы на эдакую штуку, — ручаюсь, денег набралась бы такая прорва, что и королем Франции быть не пожелаешь.

Стало быть, пришлось нашему страдальцу спать со служанкою до полного своего выздоровления, спасибо за то смышленому лекарю. По прошествии должного срока служанку разнесло, как бочку, и хозяйка ее сдержала свое слово: дождавшись, когда та опростается, выдала ее замуж, ибо, как ей казалось, сама и была всему делу виновницей.

МУЖ ПОБИТЫЙ, НО ДОВОЛЬНЫЙ

Новелла VIII: о сводне, оказавшей содействие одному молодому слуге, влюбленному в свою госпожу, которая послала своего мужа в сад, сказав, что ее слуга там ждет, и пошел тот муж и был изрядно побит.

Рассказано Жемчужиною с моста

Нет истории правдивее той, что произошла однажды в городе Перпиньяне. Жил там богатый торговец сукном и прочими товарами, женатый на весьма красивой молодой женщине, и они очень любили друг друга. Так вот, в их доме служил юноша двадцати двух лет от роду или около того, а жил он у своих хозяев с малого возраста. Звали его Пьер, и надобно вам знать, что этот слуга Пьер без памяти влюбился в свою госпожу, но никак не мог осмелиться и признаться в любви, которую он чувствовал к ней. Так что спустя некоторое время даже сделался болен от несчастной любви. Кто сей хворью не маялся, не узнает, каково тяжко от нее приходится.

И вот, прогуливаясь однажды по городу, чтобы развеять горькую свою печаль, повстречал он одну старуху, давнюю свою знакомую. И она с ним ласково поздоровалась, спросила, как он поживает, и пригласила его к себе домой. А введя его в дом, давай допытываться, что с ним. Тогда отвечал ей Пьер:

— Уж поверьте мне, добрая душа, что я в жизни не был так болен, как нынче, и даже не знаю, отчего это мне так худо.

Старуха пощупала ему пульс и нашла, что юноша в добром здравии. Тут она ему и говорит:

— Ах, Пьер, мой дружок, вот теперь я знаю, где сидит ваша хворь. Уверю вас, что вам неможется не от чего иного, как от любви!

— Ах, как же, — спрашивает Пьер, — вы это угадали? Голову даю на отсечение, что все верно.

— Да уж куда вернее, — говорит старуха, — у меня глаз зоркий, а вот теперь скажите мне, по ком это вы вздыхаете?

— Господи боже мой, — вздохнул Пьер, — да что толку, ежели я и назову ее, — разве вы мне поможете?!

— Пресвятая мадонна, — говорит старуха, — а я о чем вам толкую! Я уж столько помогла и такие дела устраивала, — не чета вашему. Так что уж говорите, кто это, и дело с концом!

— Да что ж тут скажешь, — говорит Пьер, — не кто иной, как хозяйка моя.

— Пресвятая Мария, — воскликнула старуха, — только и всего?! А ну, скажите, Пьер, дружок, сколько бы вы дали тому, кто устоял бы ваше дело?

Отвечал Пьер:

— Да сколько вам будет угодно.

— Ну, так и не печальтесь ни о чем, — говорит старуха, — давайте-ка поужинаем с вами повкуснее да пожирнее, и я обещаю, что пришлю сюда вашу хозяйку сразу после ужина, а там уж действуйте половчее, как сами знаете, и договаривайтесь с нею о чем угодно.

— Святой Жеан! — обрадовался Пьер. — На это-то я согласен и очень этого желаю, а вот и деньги, да готовьте поскорее ужин!

Тогда отправилась старуха за покупками для ужина и приготовила отменную трапезу, а еще добавила к тому pintу ипокраса, потому что сухая ложка рот дерет.

Так вот, надо вам знать, что пока готовился у старухи ужин, она отправилась к хозяину Пьера и застала его в лавке. Почтительно с ним поздоровавшись, она спросила, как он поживает. На что он отвечал ей, что хорошо, мол, вашими молитвами.

— А на это, мессир, скажу вам, что я молю у господ милости и благодати для всех упокоящихся и для нас, когда придет наш черед. Я ведь знала покойных ваших родителей — достойные были люди. И как же они привечали меня, когда я приходила к ним в дом!

На что отвечал ей купец:

— Да, госпожа моя, вы правду говорите, они были весьма достойные люди.

— Ну, мессир, а как поживает ваш слуга Пьер? — спрашивает старуха.

— Ах, поверите ли, я весьма им озабочен, — говорит купец, — что-то он занемог совсем.

— Верно, верно, — говорит старуха, — а знаете ли, отчего я о нем речь веду? Ведь он сейчас лежит в моем доме совсем больной. Проходил мимо наших дверей, да и упал замертво, так что я и мои соседи подумали было, что он вот-вот богу душу отдаст, но он все же отдышался. Оттого я и пришла к вам сказать, что хорошо, кабы вы послали за ним кого-нибудь. Не то чтобы он мне мешал в доме, — боже упаси! Да я бы ему ничего не пожалела в память о покойных его родителях, — уж такие славные были люди, что для их сына все отдай и будет мало!

— А и впрямь, — говорит купец, — надо бы доставить его сюда, а мы уж за ним поухаживаем, как за родным сыном.

И он позвал свою жену и велел ей отправиться в дом к этой почтенной женщине и проследить, чтобы Пьер — верный его слуга — был переведен к нему в дом. И велел ей пойти туда тотчас же после ужина. Старуха тогда распроцалась с ними и, придя к Пьеру, рассказала ему, как она провернула дело. Тут сели они вдвоем ужинать и отменно угостились, оросив трапезу купленным ипокрасом, и пришли в то прекрасное расположение духа, когда сам черт не брат.

После ужина старуха и говорит Пьеру:

— Знаете ли что? Я устроила так, что хозяйка ваша придет навестить вас сразу после ужина, — я оставлю вас наедине, и вы милуйтесь сами, как сумеете.

На том они и порешили.

Вот прибывает дама, хозяйка Пьера, и спрашивает, где лежит ее слуга. Старуха отвела ее в комнату, где он находился, и затем оставила их вдвоем. Тогда приблизилась дама к кровати, взяла Пьера за руку и, пощупав ему пульс, нашла, что юноша здоров и жара у него нет. Тогда она стала его расспрашивать, что с ним и отчего ему невозможно.

— Ох, и не спрашивайте, госпожа моя, все у меня болит, и, видно, пришел мой смертный час.

— Да что вы, Пьер, — говорит дама, — неужто нет никакого лекарства от вашего недуга?

— Увы, — говорит Пьер, — только вы и можете меня вылечить.

— Да как же это? — спрашивает она.

— Господи боже, — отвечает Пьер, — я ведь вас, хозяйка, так люблю, что прямо вам скажу: коли вы меня не пожалеете, я умру!

— Ну и ну! — говорит она. — Вот так ужасная болезнь! Но скажите мне, Пьер, неужто вы решитесь нанести такое бесчестье вашему хозяину?

— Да ведь он, — говорит Пьер, — об этом никогда не проведаст!

— Как знать! — отвечает она. — Да вправду ли вы меня так сильно любите, как говорите?

— От всего сердца! — отвечает Пьер.

— Тогда вот что я вам скажу, Пьер, — раз уж вы уверяете, что так любите меня, я не хочу, чтобы вы горевали понапрасну. Вы знаете дом и мою комнату, так вот, приходите к нам вечером, около десяти часов, а служанка будет вас ждать. И когда вы придете, закройте двери, а горничную отошлите спать и идите прямо в мою спальню. Вы найдете дверь открытою; проберитесь за кровать, и там я буду вас тихонько ждать.

Очень обрадовался Пьер таким прекрасным речам, и обнял свою хозяйку, и поцеловал ее пять или шесть раз на прощанье, после чего она вернулась домой. А Пьер не стал спать и все прислушивался, когда же пробьет десять часов, и был он в такой решимости, как никогда в жизни. Вот пробило десять, и наш молодец встал и отправился к дому своего хозяина и, конечно, нашел дверь отворенною, как и было условлено. Он запер все, как обычно, и отослал горничную спать. Затем отправился он в спальню своей хозяйки и, открыв дверь, пробрался за кровать прямо к своей милой, которая его уже ожидала. Тут он давай ее целовать и прижиматься к ней весьма нежно, а она хватя его крепко за руку обеими руками, а ногою толкает своего мужа так сильно, что он просыпается. И спрашивает его:

— Как же это, мой друг, вы все спите да спите?

— А что ж, — говорит он, — когда же еще и спать, как не теперь?

— Так-то так, — говорит она, — да я хочу с вами

немного потолковать. Скажите-ка мне, пожалуйста, что вы любите больше всего на свете?

— Ну и ну! — удивился супруг, — ай да вопрос в такой-то час!

— Скажите же мне все-таки, мой друг, — говорит она.

Тогда отвечает ей добряк:

— Больше всего на свете я люблю господ нашего.

— Ну хорошо, — говорит она, — а помимо господ нашего кого любите вы более всего на свете?

— Ах, душенька, — отвечает муж, — да вас же!

— А после меня, — не унимается она, — кого вы любите больше всего?

— Пьера, нашего слугу.

— Ах, несчастный, — говорит тогда дама, — да ежели бы вы его получше знали, вы бы так не говорили!

А бедняга Пьер, услышав, что толкуют о нем, так опешил, что давай тянуть да дергать свою руку, но хозяйка держала крепко, и ему никак было не вырваться.

— Да отчего вы это так о нем? — удивился добряк хозяин. — Я уверяю вас, душенька, что у меня в жизни не бывало лучшего слуги!

— Ах, мой друг, — говорит его жена, — вы ведь всего не знаете, и я вам клянусь именем господним, что скажу сейчас всю правду, как на духу. Как известно, слуга ваш Пьер сильно занемог, но недуг-то его был любовный. И когда я пришла в дом той почтенной женщины, куда вы меня послали, он мне признался в любви и сказал, что хочет со мною спать. И чтобы над ним подшутить, а заодно испытать его, я обещала сегодня ждаты его в саду за нашим домом около полуночи, хоть и знаю, что не следовало мне так поступать. Так вот, мой друг, я вас прошу, берите-ка мою юбку, платье да накидку, наденьте все это и ступайте в сад вместо меня. Да прихватите с собой большую палку и хорошенько отделайте наглеца!

— Ну, уж не беспокойтесь, — говорит хозяин, — я ему покажу!

Надел он одежду своей половины и отправился в сад подстергать Пьера. И незамедлительно за тем, как он вышел, дама встала и накрепко закрыла за ним двери. Тут Пьер и взял в работу свою хозяйку, и одному богу ведомо, чего только они не творили битых полтора часа. А простак-муж в это время топтался в саду, пока

его работу делали за него. Наконец является в сад Пьер с двухаршинной палкой, — само собой, ему хорошенько растолковали, на что ее употребить, — и, набежав на своего хозяина, поднимает крик:

— Ах ты, шлюха, ах ты, распутница! Так вот ты из каковских! Я и не думал, что ты сюда явишься, — я тебя звал только затем, чтобы испытать, какая ты верная жена, — и вот так-то ты блюдешь честь моего хозяина, моего доброго, честного хозяина! Да я сейчас, клянусь богом, тебя так разукрашу, что живого места не останется!

И давай мочалить палку об спину своего хозяина, притворяясь, будто принимает его за хозяйку. А хозяин ну улепетывать и укрылся в своей комнате. Пьер же перескочил через ограду и вернулся ночевать к старухе. Вот приходит хозяин в спальню, и жена у него спрашивает, был ли Пьер в саду, как обещал.

— Был ли он в саду?! — стонет муж. — Еще как был! Все кости мне переломал!

— Иисусе! — говорит наша дама. — Да как это, мой дружок?

— Ах, душенька, — отвечает ей супруг, — тут совсем не то, что вы подумали. Он меня обругал шлюхой и распутницей и так расчехвостил, что и впрямь только шлюхе впору, — ведь он думал, что это вы. Уж и не знаю, как мне удалось удрать от него.

— Как, — говорит дама, — а я сочла, что он хочет учинить мне бесчестье!

— Святой Жеан, — отвечает ей муж, — забудьте и думать об этом, душенька, он не из таковских.

И долго еще он растолковывал жене что к чему, о чем здесь нет нужды рассказывать.

Назавтра утром встал Пьер и отправился прямо в лавку своего хозяина и приветствовал его так:

— Здравствуйте, хозяин, дай вам бог удачи!

— И вам также, Пьер, — отвечает хозяин, — ну как, вылечились ли вы от своей хвори?

— Слава богу, — говорит Пьер, — прошел мой недуг, все как рукой сняло. А теперь я хотел потолковать с вами, хозяин, если вам угодно.

— Ну, послушаем, — говорит хозяин, — чего же вы хотите?

— Хозяин, — говорит Пьер, — вы знаете, я уж давно служу в вашем доме и никогда не требовал с вас

платы за работу. Так вот, хочу я просить, чтобы вы разочлись со мною как положено, потому что собрался я уходить подалее отсюда.

— Да отчего же, — спрашивает купец, — вы хотите от нас уйти? Что до денег, так я вам все отдам, а затем живите у нас и дальше!

— Ох, сказать по правде, хозяин, лучше вас мне не найти, — отвечал Пьер, — но что же делать, коли вам с женой так не повезло? Вы-то небось ее за честную почитаете, а она ведь как есть шлюха!

И давай ему рассказывать с начала до конца, как он вызвал в сад свою хозяйку и как крепко ее поколотил.

Тогда и сказал ему торговец:

— Пьер, друг мой, вы ошиблись, ваша хозяйка — самая честная женщина, какую только можно сыскать отсюда до Рима. И чтобы вас в том убедить, признаюсь, что это не она, а я был в саду в ее одежде, в которой она меня туда послала, и что это меня вы так отделали.

— Ай-ай-ай, хозяин, — закричал Пьер, — простите меня, ради бога, я ведь не знал! Да как же вы-то мне не открылись?!

— Ну, сделанного не поправишь, — отвечал купец, — что было, то было, и забудем об этом.

Затем рассчитался он с Пьером, и составил новый договор, и Пьер снова зажил в доме, управляя всем, а особенно хозяином с хозяйкой, да так, что застань хозяин Пьера прямо на своей жене, он бы и тогда промолчал, — уж очень он его любил!

ОДУРАЧЕННЫЙ ДЬЯВОЛ И НЕВЕДОМЫЙ ЗВЕРЬ

Новелла XV: о молодом человеке, пожелавшем жениться на одной девушке и для того продавшем душу дьяволу с тем условием, что ежели представит ему доселе невиданного зверя, то спасется от ада, каковой уговор и выиграл с помощью своей жены.

Рассказано Никола де Труа

Нет истории правдивее той, что случилась однажды в провинции Лангедок: проживал там один молодой человек, который горячо и страстно влюбился в девушку, жившую по соседству с ним. И так сильно полюбил

ее, что лишился сна и покоя, ибо все помыслы его лишь о ней и были. Но надобно вам сказать, что питал он к девушке любовь весьма почтительную и стремился законным образом вступить с нею в брак, однако родители девицы и слышать о том не желали. Тщетно названный юноша просил ее у них в жены через посредство родителей и друзей своих, — всякий раз он получал самый решительный отказ. И от сей неудачи впал он в столь горькую печаль, что чуть было не лишился жизни и долго хворал.

Когда он немного оправился от болезни, он стал уходить из города и бродить по окрестностям, по-прежнему предаваясь грустным раздумьям. И вот однажды повстречался ему некий человек, который спросил, отчего он так печален. В ответ признался ему юноша, что его и в самом деле одолевает тоска, и, слово за слово, поведал ему о своей злосчастной любви. Тогда этот человек сказал, что коли юноша согласится на одно его условие, он пособит ему жениться на этой девушке и насладиться своей любовью к ней. Юноша тут же отвечал, что на все готов, лишь бы получить девушку в жены, и охотно отдаст за это все свое добро. Но тот возразил, что ему не надобно его добра, у него, мол, и своего достаточно. А вот ежели юноша согласится отдать ему душу, тогда он будет преддоволен.

— Как это душу отдать? — удивился юноша, — да ты кто таков?

— Я дьявол, — отвечает тот, — но ты не бойся меня. Ручаюсь, что зла тебе никакого не причиню. Послушай же, что я скажу: я помогу тебе жениться на этой девушке, но ровно через десять лет я заберу тебя, если ты к этому сроку не покажешь мне такого зверя, какого я никогда ранее не видывал; коли ухитришься отыскать эдакое диво, я отпущу тебя восвояси и больше никогда ничего не потребую.

Юноша, сочтя договор выгодным, а срок более чем достаточным, немедля согласился, и дьявол, ударив с ним по рукам, исчез. И некоторое время спустя, родня и знакомые девушки послали за юношей и устроили им свадьбу. А после свадьбы молодой супруг счастливо зажил со своею женой, и время так незаметно пролетело для них, что недалеко уже стало до конца назначенного десятилетнего срока. И вот начал наш молодой человек призадумываться и сделался так озабочен и

печален, что жена его это заметила. И приступилась к нему с расспросами, но он поначалу ни в чем ей не признался. Однако она приперла его к стенке, и он поведал ей всю правду о том, как запродался дьяволу, чтобы жениться на ней, и что освободится при том лишь условии, коли представит ему доселе невиданного зверя спустя ровно десять лет после свадьбы, каковой срок уже совсем близок.

— Ну, а покажи вы ему такого зверя, — говорит жена, — дьявол, стало быть, оставит вас в покое?

— Да, — отвечает он, — таков был наш уговор.

— Сколько же осталось у нас времени? — спрашивает она.

— Всего только одна неделя, — отвечает он.

Тогда говорит жена:

— Не беспокойтесь ни о чем, мой дружок. Господь бог поможет нам избавиться от дьявола, мы все устроим так, что он вас не заполучит.

Итак, в канун того самого дня жена говорит мужу:

— Мой дружок, я сегодня пойду ночевать к матушке и не буду нынче спать с вами. Вы же завтра утром встаньте пораньше и отправляйтесь к мессе, а когда вернетесь домой, то найдете у себя в спальне зверя, которого и покажете дьяволу и которого он ни за что не признает.

С наступлением следующего дня жена разделась догола и вся обмазалась клеем, затем распоролa пери-ну с постели и вывалялась в перьях; выбравшись оттуда, она встала на четвереньки и давай скакать по комнате вперед задом. Тут вернулся муж: видя эдакое чудо, он не знал, что и думать, и сам не признал жены. Вышел он на улицу и повстречал дьявола, который как раз явился за ним.

— Ну, — говорит дьявол, — я за тобою, что скажешь?

— Что скажу? — отвечает злосчастный молодой человек, сам донельзя удивленный. — Я готов выполнить свое обещание. Сейчас покажу тебе зверя, которого тебе нипочем не распознать.

— Ну давай поглядим, — говорит дьявол.

Тут завел он дьявола в свою спальню и показал ему зверя. И когда дьявол его увидел, он пришел в изумление и принялся разглядывать его со всех сторон. То спереди посмотрит, то сзади. Там видит волосы, что

закрывают все лицо. Здесь щель, какую принимает он за пасть чудища. К тому же оно все сплошь было покрыто перьями, которые крепко держались на клею. И дьявол не знал, какое животное или птица одето в такие перья. О волосах же он и вовсе подумал, что это хвост чудища. И как он ни вглядывался, так и не смог разгадать, что же это за зверь перед ним. С тем и пришлось ему убраться восвояси, в великом недоумении, оставив в покое молодого человека. Вот как муж с помощью своей жены спасся от сей грозной опасности.

Из чего и следует понять и заключить, что умной да ловкой жене сам черт не брат.

КОРОЛЬ И АББАТ

Новелла XXVI: об одном знатном сеньоре, который угрожал аббату отнять его земли силою, коли тот не даст ему ответа на три вопроса, каковы были ответы и были даны ему одним находчивым монахом из того же аббатства.

Рассказано Пьером де Ролле

Жил некогда в провинции Шампань один знатный сеньор, богатый и могущественный, владевший обширными землями. И случилось так, что в его угодьях находилось аббатство, коего настоятель имел клочок земли, примыкавший как раз к землям названного сеньора. И тому очень хотелось присоединить эту землю, принадлежавшую то ли монастырю, то ли самому аббату, к своим, но никак ему не удавалось этого добиться. Ибо аббат всякий раз отговаривался тем, что земля, мол, не его, а монастырская, и не в его власти продавать ее или сдавать в аренду. Когда же сеньор обращался к монахам, грозя им, что ежели они не согласятся на продажу земли, то быть им битыми, монахи эти клялись и божились, что это дело не их, а аббата, а им торговать землей невместно. И слыша таковые речи, сеньор крепко досадовал, но вот однажды, повстречав аббата в поле, сказал ему так:

«Послушайте, господин аббат, вы не хотите уступить мне тот надел, что примыкает к моей земле, но, клянусь душой, я заставлю вас пожалеть об этом: вы у меня

поплатитесь за неповиновение и своими боками и своим добром. Вот мой приказ: не позже чем через сутки надлежит вам явиться ко мне в замок с ответом на три вопроса, которые я сейчас задам: сколько я стою, где находится центр земли и что я думаю. И не вздумайте увернуться от ответа, ибо в этом случае вам придется горько раскаяться».

Бедняга аббат, весьма пораженный сим требованием, не знал что и думать; и в великом недоумении поплелся к себе в аббатство. Близ ворот повстречался ему один монах, который поздоровался с аббатом и спросил, чем это он так озабочен. На это отвечал ему аббат:

— А что толку говорить! Все одно ты мне в этом деле не помощник.

Тогда говорит монах:

— Господин мой, я всей душой желаю оказать вам помощь или услугу, коли такое возможно, только скажите сперва, какая у вас забота.

Что ж, слово за слово, рассказал ему аббат все дело с начала до конца: и как сеньор насадил на него, требуя уступить землю, и какие загадки велел ему разгадать. Монах, выслушав все это, тотчас же смекнул, как бы он сам повел дело, и сказал господину аббату, что ему не о чем тужить и что он пособит ему избавиться от сей напасти, пусть только одолжит ему свое одеяние. И аббат отвечал, что за этим дело не станет.

На следующее утро явился монах в аббатство с огромнейшей тонзурою, которую выстригли ему, как подобает монаху, и, взяв у аббата одеяние, сказал:

— Господин мой, не заботьтесь ни о чем, ручаюсь вам здесь и сейчас, что сумею должным образом ответить вашему сеньору и он никогда более ничего от вас не потребует.

— О господи! — говорит аббат, — друг мой, коли ты окажешь мне эту услугу и добьешься успеха, я тебе по гроб жизни буду обязан.

— Не беспокойтесь, — отвечает монах, — я за вас постою.

И вот он отправился в тот замок, где жил знатный сеньор, и тому доложили, что прибыл аббат. Он приказал впустить его, что и было тотчас исполнено. Тут сеньор и спросил у пришельца:

— Ну так как же, любезный аббат, принесли вы мне ответы на те три вопроса, что я вам задал? Вам ведь

известно, что я со вчерашнего дня поджидаю вас.

— Монсеньор, — спрашивает монах, переодетый аббатом, — не угодно ли вам будет повторить их?

— Я желаю, чтобы вы сказали мне, — говорит тот, — во-первых, сколько я стою, во-вторых, где находится центр земли, и в-третьих, что я думаю.

— Прекрасно, монсеньор. Итак, отвечу вам на первый вопрос. По моему разумению, вы стоите примерно 28 или 29 денье.

— Ах ты, подлый аббат! — восклицает сеньор, — да неужто же я не стою большего?

— Ей-богу, монсеньор, — говорит «аббат», — напрасно вы гневаетесь, не можете вы стоять больше. Господь бог наш был продан за 30 сребреников, так возможно ли оценить вас дороже самого Иисуса Христа? А ведь я оценил вас всего на пару денье подешевле, да и то еще многовато, как мне кажется.

— Клянусь душой, ты прав, — признает сеньор. — Ладно, первый ответ за тобою. А теперь покажи-ка мне, где находится центр земли.

— Сейчас покажу, — отвечает тот.

Вывел он сеньора из замка и, отшагав с ним четверть лье, остановился посреди луга и сказал:

— Глядите, монсеньор, вот он — центр земли.

— Как, — удивился сеньор, — да возможно ли это?

— Отчего не возможно, монсеньор, очень даже возможно. И я вам это докажу: возьмите веревку да привяжите ее здесь одним концом, а после отправляйтесь на все четыре стороны, — вот и убедитесь, что расстояние отовсюду будет одинаковое, ну а коли вам веревки не хватит, вымеряйте шагами.

— Какого черта, — говорит сеньор, — да зачем мне сдалась такая работа?!

— Так ведь без этого не обойтись, ежели вы хотите точно все узнать.

— И то правда, — соглашается сеньор, — ну да ладно, легче поверить, чем проверить. Будь по-твоему, второй ответ также за тобою, а вот скажи-ка мне теперь, что я думаю?

— Сказать, что вы думаете, монсеньор? — говорит монах, — всего и дела-то! Ну так вот, монсеньор, думаете вы, что я аббат.

— Разумеется, аббат, — отвечает тот, — а кто же еще?

— Святой Иоанн! Да какой же я аббат? Я всего лишь смиренный монах.

С этими словами скинул он с себя рясу. И когда сеньор увидел его без этого одеяния, он тут же понял и уразумел, что перед ним вовсе не аббат, и сказал ему так:

— Ах ты, чертов монах, поймал ты меня, дьявол тебя заberi! Отправляйся же к своему аббату и смело обещаю ему, что больше я его трогать не стану и никогда ничего от него не потребую.

С тем ушел монах и, явившись к аббату, доложил ему, чем дело кончилось; аббат возликовал, узнав, как обвели сеньора вокруг пальца, и щедро вознаграждал монаха.

ГАЛАНТНОЕ ПАРИ

Новелла XXXIII: об одном дворянине, поспорившем с дамою, что коли он будет спать с нею, то нападет на нее десять раз за ночь, какое условие он и выполнил, даже с лихвою, и хотя несколько партий сыграл с ней всухую, они были засчитаны в его пользу самим супругом названной дамы, который рассудил их спор, не зная ни сути его, ни смысла.

Рассказано Жеаном Гу с моста

Из множества новелл, какие собираюсь я вам поведать, хочу выбрать и рассказать вам сперва историю об одной молодой даме, бывшей замужем за дворянином, человеком добропорядочным и честным. И вышло так, что дворянин этот слишком часто отлучался из дому, ибо постоянно бывал при дворе, где водил знакомство с другими молодыми людьми своего сословия.

А надобно вам сказать, что проживал по соседству один молодой и пригожий юноша, который частенько зааживал к ним в гости, и все из любви к той даме. И в конце концов так сильно влюбился в нее, что прямо места себе не находил. И вот однажды случилось ему остаться с дамою наедине, поскольку муж ее отлучился ко двору, и благо не приходилось опасаться мужниных ушей, завел с нею беседу. И поведав даме о своем любовном недуге и о том, как он томится по ней,

принялся убеждать и уговаривать ее, что согласись она лечь с ним, он ей покажет чудеса, тем более что супруг ею пренебрегает и, по его разумению, весьма слаб, а вот коли дама согласится испытать его самого, то сможет оценить, каков он в деле, ибо в таких схватках лучше его вряд ли можно и сыскать.

— Что-то плохо мне в сие верится, — отвечает ему дама. — Недаром говорят: чем хвалился, там и свалился. На посулы-то вы тароваты, а вот не знаю, исполните ли еще хоть часть.

— Да клянусь чем хотите, — говорит ей наш молодец, — что дайте вы мне волю в постели, я на вас за ночь не меньше двенадцати раз нападу, а иначе пусть мне отрежут то, чем бьется мужчина с женщиной.

— Так уж прямо и двенадцать! — говорит она. — Врите да не завирайтесь!

— А я вас уверяю, что так, — отвечает он, — да вот испытайте меня в деле, и сами увидите, лгу я или нет.

— Что ж, — дама в ответ, — ваш залог оставьте при себе, а я вам предложу другое условие: коли вы такой шустрый, то поставимте об заклад двадцать золотых экю, что в одну ночь вам дюжины скачек не осилить.

— А я спору, что осилю, — говорит молодой человек.

На том они постановили и условились. И подошла такая ночь, когда они смогли спать вместе так долго, как хотели, хотя бы и до самого утра. Тут-то и потрудился наш молодец вовсю и так он расстарался, что и в самом деле двенадцать раз достиг желаемого, но только три из них сыграл, что называется, всухую. Вот дама и заупрямилась, утверждая, что он проиграл, и требуя от него во что бы то ни стало двадцать экю заклада. Но любовник ее, напротив, не признавал себя в проигрыше, и так они препиралсь без толку, пока наконец не решились отдать дело на третейский суд. Как раз в это время беспечный супруг нашей дамы услышал их голоса и явился в комнату, где находились спорщики, которые оказали ему, как вы сами понимаете, самый радушный прием. И дружок дамы говорит ей:

— Не хотите ли, госпожа моя, чтобы ваш муж разрешил наше неудовольствие?

— Конечно нет, дьявол вас побери, — возражает она, — да по мне лучше потерять сотню экю, чем рассказать ему наши с вами дела.

— На сей счет не беспокойтесь, — говорит он, — супруг ваш нас рассудит, не зная, в чем суть спора.

— Тогда согласна, — говорит дама, — лишь бы чести моей урона не было, а до остального мне дела нет.

На том они порешили, и некоторое время спустя наш любезник обратился к мужу своей дамы с такою речью:

— Друг и сосед мой, прошу вас, разрешите, коли на то будет ваше желание, один спор между госпожой супругой вашей и мною, притом что спор этот был на большой заклад. Случилось так, что мы с супругой вашей гуляли по саду и ей захотелось орехов, тогда я взял короткую палку и поспорил, что одним ударом собью с дерева разом дюжину. Итак, я бросаю палку и сбиваю орехи, целых двенадцать, но из них три штуки оказались сухие. Так вот супруга ваша утверждает, что я проиграл из-за этих трех сухих орехов.

— Ну нет, не так! — воскликнул дворянин, — это вы, душенька моя, проиграли, ибо он-то равно трудился, сбивая что пустые, что полные.

— Клянусь Святым Жеаном, вы правы, монсеньор, — подтверждает наш молодец.

Так вот и приговорили они даму к уплате, но после того она по-иному сочлась и рассчиталась со своим дружкой, как мне довелось о том слышать.

ОСМЕЯННЫЙ ВЛЮБЛЕННЫЙ

Новелла XLVI: о королевском экономе, которому подложили в постель большую куклу вместо молодой женщины, с которой он рассчитывал полюбитья.

Рассказано писцом с моста

Вот еще одна история, достойная того, чтоб о ней вспомнить, а приключилась она в Пикардии, в местечке Куси-ле-Буа, близ Ла-Фер. Нынешний король наш Франциск Валуа отправился туда на охоту в сопровождении многих знатных сеньоров. Все приближенные короля размещены были поблизости от него, и среди прочих находился там же один из его экомомов; и вот этому эконому приглянулась молодая женщина, жившая в помещении одного придворного, и так сильно он влюбился в нее, что только об одном и мог думать: как

бы переспать с нею. И для того частенько являлся к этому придворному и сиживал с ним за столом, принося с собою лучшее королевское вино, — конечно, не из любви к своим сотрапезникам да собутыльникам, но из любви к даме своего сердца. И уж так он старался завоевать ее расположение, что все окружающие это заметили, и пришлось ему признаться им, сколь пылко он влюблен в даму и сколь тщетны его надежды, ибо она скорее пожелала бы умереть, нежели потерять честь свою. Вот однажды двое приятелей названного эконома, находясь в своей комнате, беседовали меж собою о безутешной любви его; а надо вам знать, что квартировали они у настоятеля местной церкви, который приказал поставить в их комнате большую деревянную статую старинной, давней работы, всю источенную червями; статуя сия изображала деву Марию и некогда вместе с распятием стояла в церкви. Вот один из приятелей, взглянув на эту статую, и говорит другому:

— Подстроить бы так, чтобы наш влюбленный закатил нам добрый ужин за то, что нынешней ночью мы уложим его в постель с этим идолом вместо прелестной дамы, по которой он столь пылко томится.

— А ей-богу, — говорит другой, — он этого вполне заслуживает.

И тут они сговариваются оба, как подстроить эконому эдакую штуку. И встретившись с ним, заводят речь о его любви, дабы завлечь его в свою ловушку. И после долгих излиятий влюбленный эконом говорит, что не пожалел бы двух экую, лишь бы переспать с дамою. Тогда и вступает один из приятелей:

— Ну что ж, коли ты дашь одно экую в задаток, да еще угостишь нас добрым ужином, я, клянусь душой, сегодня же уложу даму к тебе в постель.

— За этим дело не станет, — отвечает эконом.

Вслед за чем без отлагательства вручает двум своим радетелям экую и договаривается с ними, что они приведут даму в его комнату и уложат к нему в постель. Эконом отдал им ключ от своей спальни, дабы они смогли туда провести ее, как только выдастся подходящая минута, а сам отправился наблюдать за тем, как готовится ужин королю. Двое же приятелей, которым передал он ключ, дождались ночи и, взяв то старинное деревянное изваяние, надели ему на голову красивый убор, принесли в спальню к эконому да и уложили в

постель, где накрыли его тонкими белыми простынями, а лицом повернули к стене, так что только головной убор один и виднелся. После чего зовут они эконома:

— Господин эконом, вот и исполнено то, чего вы так желали. Дама ваша ожидает в вашей постели уже больше часа, так что извольте-ка сдержать ваше обещание.

— Ах боже мой! — восклицает влюбленный эконом, — я хочу ее видеть!

Тогда идут они все трое к его спальне, и тот, у кого был ключ, тихонько отпирает дверь и входит внутрь с зажженной свечой. Полог у постели задернут, он чуть-чуть приоткрывает его и, шепнув эконому, что дама спит, показывает ему ее. Эконом, разглядев красивый убор у ней на голове, тут же уверился, что это и в самом деле дама его сердца. После чего они вышли из комнаты и эконом, взяв себе ключ от двери, повел приятелей к ужину и на славу угостил их в королевской буфетной. После того как все разошлись, наш господин эконом, прихватив достаточно всякой вкусной снеди, дабы попировать вместе с дамою своего сердца, зашел в спальню и увидел, что дама как будто по-прежнему спит. Тогда он быстренько разделся догола и, бросившись в постель, вознамерился нежно обнять даму. Но, нашедши ее твердой и неподатливой, весьма удивился, и даже испугался, и, вскочив с постели, схватил свечу. Всмотревшись, он уверился, что вместо дамы лежит в постели тот самый чертов идол деревянный — изваяние, которое довелось ему видеть в комнате приятелей своих. Не сказать, как он был изумлен и вместе с тем раздосадован: от огорчения он пошвырял все наземь и, бранясь на все корки, стал грозить приятелям своим смертью и прочими страшными карами. Затем, делая нечего, улегся в постель, все еще пребывая в досаде и печали от той шутки, что сыграли с ним, и, заснув, проспал до самого утра. Но надо вам знать, что двое приятелей не удержались и рассказали о своей проделке самым злым придворным насмешникам, каковые и заявили наутро в спальню к эконому, неся ему обильный завтрак, дабы он подкрепился после тяжелых ночных трудов. Бедняга эконом так сконфузился, что рад был бы очутиться за сто лье отсюда, но делать нечего, пришлось ему и это перенести со смирением.

ДОБРЫЕ ШУТКИ

Новелла LIII: об одном кюре из Орлеана, у коего сержанты похитили любовницу, в отместку за что он пригласил их к обеду и к воскресной обедне, где ославил пред всем честным народом, так что пришлось им уйти несолоно хлебавши.

Рассказано сеньором де Бовуа

Дабы достойно продолжить наш рассказ, поведаю вам историю, случившуюся не так давно в окрестностях города Орлеана, именно в местечке под названием Сен-Жан-Леблан. Жил там один кюре, человек честный, но нравный и любящий хорошо пожить на свои денежки, коих было у него припасено достаточно. Наряду с прочими уладами имел он весьма сильную приверженность к любовной утехе, для чего и содержал красивую собой молодую девицу, поселив ее при себе, в особой комнате. Надобно вам сказать, что прихожане у названного кюре были людишки скупые и прижимистые и во время воскресной мессы нипочем не желали раскошеляться на церковь, тем более что хорошо знали, каковы доходы у их кюре и куда пойдут их денежки: именно на прокорм его поллюбовницы, как оно и было на самом деле; вот почему, когда начинался сбор пожертвований, едва ли четвертая часть верующих оставалась в церкви.

Вот в один из дней кюре вел беседу со своим соседом, жившим поблизости от него, и сетовал на других прихожан, которые не желали, сколь это ни прискорбно, жертвовать на церковь. И уговаривал этого своего соседа ходить к обедне, говоря, что за приношение церкви ему воздано будет сторицею и он на этом лишь наживет. На что отвечал ему названный сосед, что раз так, он намерен посещать обедню и жертвовать на храм господен каждое воскресенье и по праздникам. И в самом деле, он принялся посещать церковь, да притом столь усердно, что кюре возликовал, видя таковое рвение своего соседа, да и многих прочих, также начавших по его просьбам ходить к обедне. Вот однажды, повстречав своего соседа и подивясь веселому его виду, кюре спросил:

— Ну как, сосед, хорошо ли ходить к обедне каждое воскресенье?

— Ей-богу, куда как хорошо, господин кюре, — отвечает тот, — прямо не знаю, как вас и благодарить за

то, что наставили меня, неразумного, на путь истинный, — ведь мне и вправду с каждой обедни по семи су прибытку выходит, так что одного только и осталось желать: пусть бы обедни каждый день служились.

— Дивлюсь я, — говорит кюре, — откуда это вам, сосед, известно, что за каждую обедню господь вознаграждает вас именно семью су?

— Ну мне ли не знать! — отвечает тот. — Я ли считать не умею! Как только начинается сбор пожертвований, я кладу на блюдо одно денье, а взамен беру лиар, ну а коли я кладу два денье, то в возмещение заграбастываю полдюжины, ежели столько находится, ну а нет, так довольствуюсь двумя-тремя лиарами, ибо всякое даяние — благо.

— Как, черт побери! — восклицает кюре. — Так вот зачем вы к обедне ходите?

— Ясное дело, за этим, — говорит сосед, — а где же мне еще воздастся сторицею, ежели не в церкви!

— Ах ты вор! — закричал кюре. — Ну так я запрещаю тебе посещать церковь!

— Вот и славно! — заключил сосед.

Так плачевно кончился уговор кюре с его соседом. Но случилась история похуже: некий молодой гуляка из Орлеана сманил у кюре его девицу, так что она пропала целых восемь дней, после чего вернулась к нему и хозяин стал расспрашивать, где она была. Девица поведала ему свое злоключение: оказалось, что увели ее четверо городских сержантов, коих имена назвала она кюре, и вот эти четверо продержали ее у себя целую неделю. Кюре решил не выказывать открыто обиды, ибо не видел способа защитить свою честь, но в сердце своем твердо порешил отомстить за позор. Спустя некоторое время отправился наш кюре в Орлеан и первым делом сыскал тех четырех сержантов, что похитили его любовницу. Он их учтивейше приветствовал, никоим образом не выказывая своей обиды, так что им и на ум не пришло, что он знает об их проделке.

И сказал им кюре:

— Судари мои, дай вам Господь долголетия, а я нижайше прошу вас оказать мне одну услугу. Надобно вам знать, что прихожане мои тугоумны и прижимисты и думают о пожертвованиях на церковь не более собак. И вот, дабы привлечь их в храм божий, я прошу вас прийти завтра, то есть в воскресенье, к обедне и поло-

жить на блюдо по большому денье от каждого, каковые деньги я же сам вам и выдам. — И тут же вручил им четыре монеты по десяти денье со словами: — Нижайше прошу вас, судари мои, не премините совершить сие богоугодное дело, а я за то употчую вас слavnым обедом, и мы полакачимся властью.

Сержантам пришлось весьма по душе такое предложение, и они обещали кюре явиться на завтра в церковь, к воскресной мессе, что и исполнили, понадеявшись на вкусный обед. И когда дело дошло до сбора пожертвований, то все четверо подошли и положили на блюдо по большому денье, которыми кюре снабдил их. Такое они сделали в первый и в последний раз, ибо с тех пор ни один из них уж никогда не ходил к мессе.

— Братья и сестры! — возгласил тут кюре. — Сердце мое обливается кровью от того, в какой скверне вы все погрязли. В церковь вас и кнутом не загнать, а ведь долг ваш — жертвовать на богоугодные дела и всей душою почитать Господа нашего. Взгляните же: вот стоят пред вами самые отъявленные злодеи во всем Орлеане, да притом и не нашего прихода, — и те пришли нынче в храм божий. Вот первый из них, по имени Лорпидум, — уж десять лет, как он заслуживает быть повешенным и удушенным! Вот и второй — Жеан Пеша, — двух недель не прошло, как его прогнали кнутом через весь город Бурж! А вот и третий, именуемый Кола Миньо, — известный лжесвидетель и клеветник, вдобавок убивший человека в Саркотском лесу! Что же до четвертого — Тено Тескьена, — то на всем белом свете не сыскать более гнусного вора, который в Париже отведал бичевания и украсил себе плечо лилией и по которому давным-давно виселица плачет. И что же: как видите, даже такие закоренелые грешники, не в пример вам, почитают Господа нашего и даруют на церковь, хотя и не своего прихода.

Произнеся такую отповедь, кюре вновь обратился к мессе. А четверо сержантов выбежали из церкви в великом гневе и смятении.

— Сдохнуть мне на этом месте, — сказал один из них, — ежели этот подлый кюре не отплатил нам сполна!

— Да уж, досталось нам на орехи! — сказал другой, — но, однако же, пойдете-ка к нему домой да унесем с собой его обед.

Отправились они в дом кюре, но нашли там одного лишь служку, который и сообщил им, что нынче обеда не готовилось и гостей не ждали. Так что пришлось им возвратиться в Орлеан несолоно хлебавши, да еще прилюдно опозоренными, — вот какво кюре отплатил сержантам, ибо никакого другого зла причинить им не мог, дабы спасти свою честь.

МУЖ-СВОДНИК

Новелла LV: о некоем человеке по имени Жеан Гиу, который застал свою жену с другим мужчиной; о том, как они сумели меж собою договориться, и о многом другом.

Рассказано купцом из Шалона

Если бы во времена прославленного златоустого Боккаччо приключилась та история, которую хочу вам нынче поведать, то, без сомнения, он присоединил бы ее к несравненным своим новеллам в назидание благородным, но злосчастливым людям, ибо, как мне кажется, не выпадало еще доселе добропорядочному человеку большего горя и позора, нежели те, о которых собираюсь вам сейчас рассказать. И пусть все, кто услышат сию историю, судят сами, насколько была бы она достойна войти в книгу достославного Боккаччо. Истинно говорю вам, что сеньор, о коем пойдет речь, носил имя Гийома из Пуату. И случилось так, что в близком соседстве с названным Гийомом жил некий Жеан Гиу, женатый на красивой и добропорядочной женщине, что звалась Колеттою. Сам же Гийом женат никогда не был, вел холостую жизнь и частенько захаживал к соседу своему, Жеану Гиу. И поскольку Амур, бог любви, мечет свои стрелы, куда ему вздумается, то и поразил он Гийома, каковой и влюбился в Колетту. И в самое короткое время удостоился от нее всех тех милостей, каких захотел и осмелился искать у ней. И столь ревностно предался своей любви, посвящая все свое время, и сердце, и душу, и тело, и достояние сладостному и достохвальному служению названной даме Коlette и содержа ее богато и роскошно, что, казалось ему, он достиг желанного предела и завоевал ее расположение. По правде же сказать, преуспел он у Коlette

наряду со многими прочими, коим она также ни в чем не отказывала. Хотя, по правде сказать, мне кажется, что Гийома она предпочитала другим, по крайней мере в то время. И вот в один из дней, когда Гийом с Колеттою беседовали о многих вещах, уговорились они провести вместе часть ночи. Каковой уговор и исполнили так, как я вам сейчас расскажу.

Надобно вам узнать, что в доме у Гийома имелась потайная дверца, ведущая в чулан, откуда можно было пройти в спальню к хозяину; через эту-то дверь и прошла дама Колетта, оставив ее, на свое злосчастье, открытою, — прошла и легла в постель к Гийому. И не успел бедный Гийом сломать первое копьё в схватке, как по воле предательницы-судьбы муж Колетты, ничего доселе не подозревавший, проснулся и не нашел своей жены подле себя. Вскочил он с постели и принялся искать в том самом чулане, думая, что она туда отправилась; увидя отпертую дверцу, вошел он и застал беднягу Гийома в объятиях своей жены в тот самый миг, как тот изготовился ко второй схватке.

«О проклятая ты, проклятая дверь! Что стоило запереть тебя на щеколду, чтобы не ходил да не бродил тут всяк, кому вздумается! О проклятая щеколда, отчего сама ты не повернулась, чтобы запереть дверь!» — так сетовал про себя бедный Гийом. Кто из них троих был изумлен всех более, не умею сказать вам. Тут воскликнул Жеан Гиу:

— Господи боже мой, Гийом, злодей ты бесстыжий, да как же это ты спишь с моей женой!

Что было отвечать бедному Гийому, застигнутому на месте позора, да еще в чем мать родила. Вскочил он с постели, кинулся на Жеана Гиу и, обхватив его поперек живота, собрался вышвырнуть через окно на улицу, но тот, вырвавшись от него, сказал:

— Ах, Гийом, прошу вас, не чините мне зла. Дело сделано, позор принят, так не будемте разглашать его, наберем все трое воды в рот, ибо нет коня, что не оступается, только скажите мне всю правду.

Бедняга Гийом, выведя из этих слов, что все образуется, незамедлительно рассказал обманутому мужу часть правды, ибо не было возможности отрицать все, да к тому же надеялся он, что Жеан Гиу простит ему содеянное. Но вышло-то именно наоборот: подлый Жеан Гиу со злости поколотил бедную Колетту чуть ли

не до смерти, — удивляюсь я даже, как это она не отдала богу душу от таких побоев; к тому же он с тех пор непрестанно корил жену за ту злосчастную ночь. И хотя он поклялся никогда не упрекать ее за измену, все же каждое утро начинал с попреков. Знать бы Гийому, на какие мучения обречет его подлый Жеан Гиу, он ни за какие блага не решился бы наставить ему рога. Так что послушайтесь, добрые люди, моего совета и наставления: коли пойдете сами на эдакое дело, запирайте покрепче двери на замок, чтобы не ходил да не бродил тут всяк, кому вздумается!

Но по прошествии некоторого времени утихла злость у Жеана Гиу, вспомнил он о своем уговоре с Гийомом и помирился с ним, так что Гийом стал приглашать его к себе в дом и щедро угощать, — конечно, более из любви к КоLETTE, нежели к нему самому, который слова доброго не стоил. Истинно говорится в одной пословице: враг примиренный — что волк кормлённый, все едино; вот и Гийом, чуя опасность, не очень-то доверялся бывшему недругу. Однако решился он поведать Жеану Гиу все, что думал; вот, выбрав день, пришел он к нему и сказал так:

— Послушай-ка, Жеан Гиу, ты обвиняешь меня в том, что я учинил бесчестье твоей жене? Ну так ты глубоко заблуждаешься! Ибо, клянусь душой, я люблю жену твою больше, чем тебя со всем твоим добром и честным именем, и мне было бы горестнее во сто крат увидеть согрешившую ее, нежели тебя. И ежели ты, по воле случая, застал меня с нею за нежной беседою да за любовной забавой, на которую пустился я безо всякой задней мысли, так не думаешь ли ты, что я тем самым посягнул на твои супружеские права, каковые употребляешь ты на сводничество? Она тебе жена, а мне милая подруга, хочешь ты того или нет, и я предпочел бы скорее умереть, нежели творить то, что творишь ты! Выставляешь ты себя умником да хитрецом: а вспомни-ка, в какие места ты водил ее, — хуже не бывает, а ведь тебе на все наплевать, лишь бы угоститься повкуснее! Ибо во всех этих местах тебя кормят и убаживают лишь ради жены, а вовсе не из любви к тебе самому. Не ты ли зазвал к себе на обед монаха, который, нажравшись, погнал тебя из дому искать вчерашний день, сам же остался наедине с твоей КоLETTEю? Ты наказываешь ей беречься и ты же толкаешь ее к волку в пасть! Поду-

май, куда только ты ее не водил, с кем только не остав- лял! Забыл ты разве, как явился с нею к настоятелю на обед, а после трапезы отправился веселиться, оставив ее без чувств от испуга в лапах настоятеля. Вольно ж тебе злوبيться на меня, который желает ей одного только добра и добродетели. Будь ты порядочным чело- веком, разве повел бы ты ее к развратнику-настоятелю, при том, что сам ты вечно хулишь эту братию и не устаешь твердить, что знаешь, каковы птицы эти мона- хи, — бездельники и сластены, которые с родной мате- рью готовы лечь!

Так неужто же тебе невдомек, что ублажают тебя ради жены твоей?! По какой такой причине каждый год несут к тебе в дом вино да уксус, факелы да свечи на рождество, каплунов на Новый год, яйца на пасху и множество другого добра, как не за ту службу, что служишь ты всем этим господам?! Вот уж поистине усердный прислужник! О чем ты думаешь, когда жене твоей дарят чулки и башмачки, четки, перчатки и перстни, атласные и другие муфты, кашпоны и день- ги, прося тебя передать ей и то, и это и еще многое другое? Ты посылал подарки настоятелю, от имени твоей жены, чтобы покрепче привязать его к ней. Так узнай сей же час, что ты самый настоящий сводник!

Нет разве у тебя понятия, что все подарки, какие получает твоя жена, делаются ей вовсе не из любви к тебе? Ибо, сказать по правде, никчемный ты человек, трусливый и злонравный, пьяница, вор и клеветник на весь белый свет. Вдобавок ты лютеранин, и нет тебе прощения за те богохульства, что я слышал от тебя и о которых ты, верно, и сам не забыл. Да кабы ты бого- хульствовал только на словах, — нет, мало того, ты тащишь из церкви, да и из других мест, все, что плохо лежит: свечи, факелы и прочее добро; из всего извлека- ешь ты для себя выгоду. И невдомек тебе, что все блага, какие ты имеешь, сыпятся на тебя отнюдь не из любви к тебе, но к твоей жене. Ты должен бы целовать землю, по которой она ходит, ибо она зарабатывает тебе на жизнь, что противно обычаю, согласно каковому муж — добытчик в семье, так ты же еще бьешь и поносишь ее каждодневно! В своем ремесле ты ни уха ни рыла не смыслишь, и без жены выглядел бы перед всеми круг- лым невеждою. Дела своего ты не разумеешь, так что при малейшей надобности прибегаешь к помощи жены,

дабы она все наладила и порядок навела, ибо без нее тебе вовек ничего до конца не довести, столь ты глуп да неискусен. А затем ты бросаешь ее одну либо в аббатстве, либо в таверне, либо в другом неподобающем месте, куда сам ее привел, и уходишь к богатым господам, дабы всем показать, что они ищут твоей компании, в то время как жене твоей задирают юбку все кому не лень; а после ты же возглашаешь, что послушной овце и пастух не надобен. Тут-то ты прав, но только сам же ты и толкаешь ее на дорогу распутства.

Итак, слушай, Жеан Гиу, и поверь, что горько мне говорить тебе в лицо эти истины, но та неумемная злоба, какую ты питаешь ко мне, не позволяет молчать мне, который столь почитает и любит твою жену. Да вот взять хотя бы одно: не ты ли, злой ненавистник, более шести раз предлагал мне лечь с твоею женой для того лишь, чтобы я одолжил ей малую толику денег под твои дела, каковой долг ты не желал возвращать мне, предпочитая, чтобы я спал с нею с твоего ведома и согласия.

Да посмотри только, какой сброд водишь ты к себе в дом: монахов, священников и прочую святую братию, а кроме них, дворян и других, кои ходят к тебе пировать и дают тебе денег на закупку припасов и яств. Ты посидишь за столом два или три часа, а там оставляешь свою жену одну с ними; тебе и горя мало, — лишь бы урвать с них денежки, а до остального и дела нет; ввечеру ты укладываешь их на ночлег в своей спальне. Посмотри, сколько раз напаивали тебя допьяна в собственном доме, так что приходилось за руки и за ноги волочь тебя в постель; сам я, своими глазами видел такое непотребство. А добравшись до постели, ты храпел всю ночь в бесчувствии, как самый распоследний пьяница. Но другие-то в это время не дремали. А ведомо ли тебе, зачем напаивали тебя? Ты позволяешь своей жене принимать в подарок кольца, перстни да капюшоны, платья и прочее добро, да и сам не брезгуешь подношениями и обираешь тех, кто гостит у тебя. Ты торгуешь своей женой, коли берешь у своих гостей все это добро, на которое они не скупятся, ибо возместят убыток, переспав с нею. Да посмотри, мерзкий сводник, каких гостей водишь ты к себе, кому пиры задаешь! Думаешь, из приязни к тебе люди ходят в дом? Как бы не так! Но ты ничего не желаешь видеть, а упорно прикидываешься слепцом. Вспомни о купце с Родоса, которого

залучил ты к себе в дом, где он гостит каждый раз и по восемь, и по десять дней, и все это время проводит в комнате с твоею женой, — неужто и вправду тебя сие не заботит или же ты притворяешься? Разве из любви к тебе торчит он неотлучно у тебя в доме? Он надарил тебе разного платья и другой одежды, жене твоей преподнес драгоценности и прочие подарки. Так что же, по твоему, разве из любви к тебе столь радушно приветчают вас во многих домах? Да никоим образом, ибо мало радости тому, кто имеет дело с тобой. Сидя за столом, ты рыгаешь да ветры пускаешь, не стесняясь добрых людей, а выйдя из-за стола, тотчас начинаешь злословить о других. Тебе, может, и кажется, что ты поступаешь хорошо, но знай, что коли бы не жена твоя, так давно бы тебя отовсюду выгнали в толчки ко всем чертям.

Послушай, Жеан Гиу, вспомни-ка о монахе, который, однажды гостя у тебя, сказал, что не пожалел бы пятидесяти экю для такой порядочной женщины, с какою он мог бы побаловаться в свое удовольствие. И что же? Шесть дней спустя ты повел к нему свою жену, дабы проверить, вправду ли подарит он ей пятьдесят экю. И после этого ты еще кричишь, что тебе легче сунуть голову в петлю, нежели быть сводником при своей жене.

Зачем же тогда водить ее к похабникам-монахам? Тебе-то хорошо ведомо, что к ним за честью не ходят. И ведь знаком тебе монах этот и женщина, с которою спал он раньше, — никогда он ей ни гроша за это не подарил. Послушай, злодей ты эдакий, сколько раз попрекал ты свою жену тем, что она ничего не получила от меня и легла со мною даром. Стало быть, даром ты ей ни с кем спать не дозволяешь, а лишь за деньги либо за драгоценности. Сам же ты попрекал ее тем, что не приняла она от меня десять экю и что лучше бы ей взять деньги, нежели спать со мною. Не думаю я, что она отвергла бы столь выгодное предложение! Но ты подлый лжец, ибо я дал твоей жене в три раза больше, чем ты думаешь, только вот ты об этом теперь не узнаешь. Послушать твои речи, так тебе все едино, лишь бы денежки в карман положить. Ибо ты такой скупец и стяжатель, какого свет не видывал, она же благородная женщина и никогда не снизойдет до того, чтобы попрошайничать. А ты был бы доволен и денежки взять и жены не дать. Но разве сыщется умный человек, готовый отдать деньги,

драгоценность или иное добро просто так, за здорово живешь? Нет таких людей, нет и не будет.

Ты все твердишь, что ежели женщина себя блюдет, то никогда мужчина не сможет взять ее силою. А я тебе говорю, что во всей Франции не найдется такой честной женщины, которая, оказавшись под мужчиною, не сдалась бы ему; но никогда благородная женщина не станет сама навязываться мужчине. Что до твоей жены, то ты сам водишь к ней покупателей на ее товар и взимаешь с них за то деньги и драгоценности, как я уже сказал. Стало быть, ты торгуешь ею, но притом требуешь, чтобы она блюла себя. Ты подстерег и застал меня с нею, а не худо бы тебе последить за другими.

Хочу, Жеан Гиу, сказать тебе еще одно слово: ты ведь отлично знаешь, что каноника, о коем уже шла речь, ты несколько раз залучал к себе на угощение, с такими словами: «Монсеньор, пожалуйте к нам в два часа: мы с вами превкусно отобедаем». И что же: стыдно сказать, но сам ты являлся в дом не раньше четырех часов, — кем же еще после этого назвать тебя, если не самым настоящим сводником, коему не дорога честь своей жены? Я сам был при том, как заявился к тебе в дом этот каноник, и сам составил ему компанию, ибо не хотелось мне оставлять твою жену наедине с ним. Всех я повидал — и его, и других монахов, коих зазывал ты к себе в дом пировать; ты же при этом норовил скрыться с глаз долой. А ежели, вернувшись домой, еще заставлял их у себя, то опять прятался, — да неужто так поступает порядочный человек, желающий охранить свою жену? Тошно мне смотреть на эдакое непотребство, только вот не знаю, как горю помочь. Тебе досталась жена добрая да податливая, которая никогда не откажет дворянину ни в поцелуе, ни в чем другом. Но знай, Жеан Гиу, что тому один ты причиною, и коли бы не жена, впору тебе просить милостыню, ибо ты ни о чем не заботишься, будучи уверен в том, что она с лихвой заработает на вас обоих. Да ты же еще, за моею спиной, бьешь и поносишь ее; так знай же, что мне это не по нраву, и помни о моем предостережении.

После того как Гийом высказал часть правды Жеану Гиу, названный Жеан, ясное дело, не обрадовался, но, напротив, злобно глянул на него исподлобья, по своей привычке морща нос, вращая глазами, скрежеща зубами, а потом, бледный как мертвец, покинул Гийома и

отправился к себе беситься в одиночестве да перебирать обидные слова, какие тот сказал ему, тем самым уязвив до глубины души, и не без причины. И вот после всего вышесказанного вы можете понять и заключить, что иногда мужчина способен толкнуть женщину на такое, о чем она вовек не помыслила бы. А засим прошу всех вас запомнить главное: коли вы склонили свою даму к любви, не будьте столь же беспечны, как Гийом и Кошетта, что оставили дверь отпертою, но крепко закройте ее на щеколду, чтобы не ходил да не бродил тут всяк, кому вздумается.

ЧАСОВНЯ ПОД МОНФОКОНОМ

Новелла LXXVI: об адвокате, сержанте, портном и мельнике, которые покаялись в Сантьяго-де-Компостелла, после чего собрались во искупление грехов строить часовню под виселицей.

Рассказано Лораном Жиру

Дабы продолжать наши новеллы, расскажем вам, как в Сантьяго-де-Компостелла сошлось однажды множество богомольцев, а среди них было четверо из Парижа, и держались они особняком. Так вот, один из них был не то адвокат, не то прокурор, второй — сержант, третий — мельник, а четвертый — портной. И так как сошлись вместе их дорожки, то и завязались у них разговоры о том, о сем, да почему и за какие грешки очутились они в Сантьяго. Вот, между прочим, и говорит адвокат:

— Господа, знаете ли что? Мы сюда явились по своей воле, да, кроме того, все земляки, и я не буду ничего от вас скрывать. Сознаюсь вам откровенно, сколько я лукавил и криводушничал в своих речах и тяжбах против многих бедных людей. Бывало, вот-вот они, кажется, выиграют процесс, а я поверну дело так, что сам черт не разберет, кто истец, а кто ответчик, — и, глядишь, процесс в нашу пользу. Грабил я бедняков без зазрения совести и накопил денег столько, что мне и половины за глаза хватило бы. И столько я чинил беззаконий, что и перечесть невозможно. И потому мой исповедник обязал меня творить отныне добрые дела за все

содеянное зло и велел мне, ежели будет возможно, вложить деньги в сооружение какой-нибудь красивой часовни. И я дал обет, что вложу в эту часовню все, мною награбленное.

Тогда говорит сержант:

— Господа, знаете ли что? Сдается мне, что среди нас четверых нет подлее меня, — столько я бесчинствовал и жульничал. Я несправедливо и без всякой на то причины обвинял людей и сажал в тюрьму тех, кто ни сном ни духом виноват не был, и порол бедняков направо и налево, а их добро утаивал от казны и удерживал для себя. И столько я обманывал, мошенничал, столько обирал и грабил что богатых, что бедных, — прямо уж и не знаю, как меня земля-то носит. Рассказал я это на исповеди, — само собой, не все, всего не скажешь, — и обещался сделать доброе дело, а потому и решаюсь, коли вы согласны, потратить мои денежки на постройку часовни, о которой вы говорите.

— В добрый час, — отвечал адвокат, — прекрасно сказано, и я весьма доволен!

— Ну, и я, — сказал тогда портной, — расскажу вам все без утайки. Многонько наворовал я материй, так как если давали мне пять локтей сукна на платье, то уж я его кроил не больше чем из четырех, то же было и с бархатом и с атласом, с дамá и эскарлатом, да и не перечесть, сколько шерсти и шелков прошло через мои руки! И какую бы одежду я ни шил, непременно выкраивал оттуда себе лоскут. Правду сказать, я с этого дела наворовал в свое время на тысячу экую, а то и побольше. И в том я исповедался, так же, как и вы, и такую же наложили на меня епитимью, так что я с радостью уделю от своих сбережений немалую толику, чтобы вместе с вами строить часовню.

— Что правда, то правда, — сказал мельник, — и я, со своей стороны, буду в четвертой части, потому как наворовал столько зерна за свою жизнь, что чудеса, да и только. Мне хоть буасо зерна на помол принеси — я и оттуда ухитрюсь урвать. И за то обязуюсь войти в долю, чтобы строить часовню.

Так все четверо и договорились, что будут воздвигать часовню. И, будучи уже недалеко от Парижа, стали они судить да рядить, где же эта часовня должна быть выстроена. Адвокат желал, чтобы стояла она подле здания суда, и сержант — также, портной хотел ее строить

около своего дома, а мельник — близ мельницы. Каждый, как говорится, тянул в свою сторону. Тогда заговорил портной:

— Послушайте, господа, что я вам предложу. Есть у меня собака — умней и сметливее ее на всем свете не сыщешь. А вот и сворка, на которой я держу ее; давайте-ка все четверо завяжем глаза и будем держаться за сворку, а собаку пустим вперед, и там, где она остановится, там и стоять нашей часовне.

На что все четверо согласились и, завязав глаза, пустили собаку бежать впереди, а сами шли за нею. И собака долго бежала, нигде не останавливаясь, но наконец стала.

— Что ж, господа, — сказал адвокат, — вот нам и место для нашей часовни. Как мне кажется, собака больше с места не трогается, — развяжем же смело глаза!

И тут все четверо разом сняли свои повязки, и увидали они, что стоят под Монфоконом — виселицей города Парижа. Изрядно же были они удивлены, увидевши, в каком распрекрасном месте приходится им строить часовню! И так будет со всеми вороватыми и недобрыми прево, судьями и адвокатами, сержантами, мельниками и прочими мошенниками, которые без зазрения совести грабят и притесняют простой люд. Их часовням место на Монфокоме, под виселицей, и не смотрите, что не принято вешать судей и адвокатов. Всех их ждет петля в аду, и да будет это ведомо тем, кто дерет три шкуры с бедняков!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОЛЕЙ ФРАНЦИИ НА ОХОТЕ

*Новелла LXXX: о веселом времяпрепровождении и утехах
некоторых французских королей на охоте.*

Рассказано господином де Виллье

Вот истинная и правдивая история, достойная упоминания среди других, приключившихся некогда с французскими королями, а в первую очередь с Людовиком Святым. Истинно говорю вам, что однажды король Людовик Святой отправился поохотиться в некую местность, расположенную между Меленом и Фонтенбло, и

там, после долгого гона за оленем в лесах, окружавших невысокую гору, очутился в самой чащобе совсем один. Вдруг набежали на него трое разбойников, промышлявших по лесам и дорогам, каковые злодеи схватили его и собрались перерезать ему горло, думая, что им попался в руки знатный дворянин при больших деньгах.

— Ах, господа, — говорит им король, — не чините мне зла, прошу вас! Лучше я отдам вам все, что имею, и тем спасу себе жизнь.

Из троих злоумышленников двое все же порывались убить его, но третий склонялся к тому, чтобы не лишать его жизни, а лишь ограбить и взять все, что тот имел при себе; однако те двое убеждали его согласиться с ними. Когда король увидел, что ему не разжалобить их и что никто из его свиты не идет ему на подмогу, он, совсем отчаявшись, сказал своим губителям:

— Ах, господа, прежде нежели вы убьете меня, дозвольте два или три раза протрубить в рог, а затем делайте со мною, что вздумаете.

Но как ни просил король, а двое злодеев не склонялись на его мольбы и уже приступили к нему, чтобы отрубить голову; однако третий разбойник встал на его защиту и уговорил их позволить пленнику трижды протрубить в рог. И король начал трубить, но не успел он протрубить еще и трех раз, как все его приближенные дворяне, — а было их две сотни всадников, — искавшие своего господина по всему лесу, услышали звук рога, со всех сторон прискакали к тому месту и схватили троих разбойников, злоумышлявших на короля. Из них троих король помиловал того, кто защищал его, двоих же других приказал повесить и удавить безо всякой жалости.

Итак, нужно вам узнать, что с тех пор прошло немало времени, и во Франции воцарился Людовик XII, каковой король также однажды заблудился один в чаще леса, увлекшись погоней за оленем.

И вот случайно набрел он на хижину, где жила одна бедная женщина, и попросил у ней пить, ибо изнемогал от жажды, а к тому же посулил заплатить за вино. Но она отвечала ему, что вина у ней нет ни капли. На что сказал ей король:

— Как же это, голубушка, да неужто вы живете в этом доме совсем без вина?

— Ах, боже мой, монсеньор, — говорит женщина, — признаюсь, припрятан у меня один бочонок, еще не раскупоренный, но только ежели я продам вам хоть одну пинту этого вина, мне придется уплатить королю налог все равно что за целую проданную бочку.

— Ну-ну, голубушка, — отвечает король, — не заботьтесь об этом, король ничего не узнает, идите-ка в погреб и смело раскупоривайте ваш бочонок.

— Ах, монсеньор, — говорит она, — на свете злых языков много, того гляди, донесут. Ну да уж ладно, коли вам так невтерпез, так и быть, пойду откупорю бочонок.

— Ступайте, голубушка, да поторопитесь, — говорит король.

Тут добрая женщина проворно спустилась в погреб, и король, видя, что она там замешкалась, отправился следом — поглядеть, чем она занята. А она откупоривала бочонок и при этом так усердствовала, что от натуги вдруг прегромко пукнула.

— Ай-яй-яй, — воскликнул король, услышав это, — прошу вас, голубушка, не раскупоривайте свой бочонок столь усердно!

— Ох, боже мой, монсеньор, — отвечает женщина, — да ведь вы сами меня о том просили, а уж коли вино откупорено, надобно его пить.

— Ну нет, черт подери! — говорит король, — из своего бочонка пейте сами!

Но добрая женщина так и не уразумела, что он слышал, как она пукнула. Она вынесла ему вина, король выпил его и, удовлетворив ее платою, отправился на поиски своих придворных.

Спустя какое-то время, тот же король опять заблудился один в лесной чащобе и повстречал бедняка, вязавшего метлы.

— Послушай-ка, приятель, — спросил он, — почему продаешь ты свои метлы?

— Правду сказать, монсеньор, — ответил тот, — продаю я их по денье за штуку.

— Клянусь святым Иоанном, — воскликнул король, — ты, верно, рехнулся, коли сбываешь их так дешево!

— Эх, господин мой! — вздохнул бедняк, — да я и по такой-то цене покупателей не всякий день нахожу.

Тогда говорит ему король:

— Вот что, привези-ка ты мне целую тележку своих метел в замок Блуа, и я заплачу тебе по лиару за штуку.

— Ох, монсеньор, поверьте, вы на такой сделке ничего не заработаете, — говорит бедняк.

— А это уж не твоя забота, — король ему в ответ. — Ты снаряжай свою тележку, да завтра поутру будь с нею в замке и получишь по лиару за метлу. Вот тебе одно эю в задаток, только гляди, не подведи меня. А когда придешь в Блуа и кто-нибудь захочет купить у тебя твой товар, то продавай, но не продешевь, бери не меньше чем по двенадцати денье за штуку.

— Клянусь святым Иоанном, — говорит бедняк, — так и сделаю, я уж своего не упусти.

На том они и сошлись. Затем король, распрощавшись, ушел и протрубил в рог, дабы созвать своих людей, которые незамедлительно сошлись к нему, и все они вместе вернулись в Блуа.

Как подошла суббота, бедняк, верный своему слову, привез метлы в Блуа. А надо вам сказать, что накануне, в пятницу вечером, король, отходя ко сну, строго приказал всем своим придворным и слугам, чтобы каждый из них вошел поутру к нему в спальню с новенькой метлой в руках. И вот все эти знатные господа, озабоченные сим приказом, в субботу утром набежали на нашего бедняка, продававшего свои метлы по одному су за штуку, и собрались было отнять их у него силою, но король, предвидя такой оборот, заранее послал надежного человека охранять его и следить, чтобы не причинили ему никакого ущерба. Так что бедняк вмиг распродал весь свой товар по целому су за штуку, ибо каждый дворянин обязан был явиться к королю с новенькой метлою. Этот простодушный человек был немало удивлен и поражен такою щедрою выручкой, ибо никогда еще в жизни не доводилось ему столь выгодно сбывать свои метлы. Тут отправился он в замок и, прибыв, спросил Пьера д'Амбуаз. И король тут же вышел к нему, поскольку люди его были заранее предупреждены и доложили о госте. Когда бедняк увидел его, то поздоровался равно как и с прочими, — ведь ему и в голову не пришло, что то был сам король. И, поклонясь ему, он сказал:

— Ах, господин мой, вот уж, правду сказать, повезло вам встретиться со мною в тот день в лесу. Знайте, что никогда в жизни вам не выпадало более выгодной сделки, нежели та, какую мы с вами заключили, — неплохой барыш вам достался. Не такой уж вы дурак, как я погляжу.

— Как! — воскликнул король, — да неужто мы с вами изрядно выручили? А где же ваши метлы, разве вы их не привезли сюда?

— Какое там привез! — говорит бедняк, — ведь вы же мне велели их продавать. Ну так сказать вам по правде, я их и распродал, да так выгодно, как никогда еще в жизни метел не сбывал. Хотите верьте, хотите нет, а вы заработали на этом деле пятнадцать франков, а то и больше. Ну-ка, скажите, когда это вам доставался эдакий барыш?

— Да быть того не может! — воскликнул король. — Ей-богу, я рад такой богатой выручке.

Тогда говорит бедняк:

— Держите, господин мой, вот они, ваши денежки.

— Ладно, — отвечает король, — оставь их пока что у себя да ступай-ка пообедай.

Тут король велел накормить бедняка обедом, а после того вышел к нему в королевском наряде и со свитой более чем из пятидесяти дворян. Нужно ли говорить, как поражен был наш простак, который уразумел наконец, что перед ним сам король. Король повелел ему взять все вырученные деньги себе и с тем отослал его домой, каковому подарку бедняк порадовался от всей души.

А вот еще одна история: о короле Франциске, который отправился на охоту близ Сен-Жермен-ан-Лэ в сопровождении пяти или шести знатных сеньоров, главных своих приближенных и любимцев; все они целый день загоняли оленя и проголодались до смерти, а что хуже всего, заблудились в лесу и никак не могли отыскать обратной дороги. Но вот завидели они вдали колокольню и направились в ту сторону; долго ехали они и наконец повстречали некоего человека, у которого спросили, что за обитель перед ними. Он отвечал им, что это богатый монастырь и что у приора найдется, чем накормить гостей. Тогда подъехали они и постучали в ворота. Вышел привратник и спросил, чего им надобно.

Вот и говорит ему один из приближенных короля, что им надобен настоятель. Тот незамедлительно вышел к ним и спросил:

— Господа, что вам угодно?

— Сеньор приор, — говорят ему, — вот нас здесь пятеро или шестеро знатных дворян, мы возвращаемся с охоты и умираем с голоду, не зная где бы пообедать. Накормите нас, просим вас покорно.

— Как, да неужто вы все дворяне? — восклицает приор, — ну что ж, тогда милости просим ко мне! Я ведь и сам дворянин и окажу вам подобающее гостеприимство.

— А мы вам будем весьма благодарны, господин приор, — говорят они.

Тут он пригласил их в свои покои, а коней велел поставить на конюшню, и отдал распоряжение все как следует устроить и приготовить. Не могу и описать вам, какое роскошное угощение было подано гостям, сколько разных блюд и вин стояло на столе, так что все они остались довольны и ублажены. Под конец обеда приор вошел к ним и спрашивает:

— Ну как, господа мои, довольны ли вы угощением? Пришлось ли вам по вкусу вино?

— Слово дворянина, — говорит король, — мы всем предовольны, господин приор. Великое вам спасибо за обед.

— Святой Иоанн! — восклицает приор, — надо вам отведать еще и другого вина, вот этого.

С этими словами подал он им такого вина, какого они отродясь не пробовали.

— Вот это вино! — говорят гости. — Скажите-ка нам, откуда оно у вас?

Отвечает приор:

— Это вино Денизы, господа мои.

— Какой Денизы? — спрашивают они.

— Моей служанки, — отвечает приор.

Тут рассмеялись гости, приговаривая, что неплохо, видно, живется этой Денизе, ежели она лакомится таким вином. И, закончив обедать и наевшись вволю, стали они упрашивать приора показать им служанку Денизу, каковую просьбу тот сейчас же и выполнил, призвав в комнату Денизу, что оказалась весьма пригожею молодой девицею; вид ее, а также радушный прием, оказанный приором, привели всех присутствующих

в прекрасное расположение духа. Тут приказал король одному из своих придворных уплатить хозяину десять экю за понесенные расходы, и деньги эти немедленно были вручены приору, но тот в сердцах возвратил их назад, сказавши, что не пристало дворянам платить за радушное гостеприимство и что проведи они у него хоть целую неделю, он и тогда будет оказывать им столь же щедрый прием. Король, смеясь, поблагодарил приора и пригласил его, когда будет в Париже, навеститься к нему в Турнель, где он посулил напоить гостя добрым вином и показать свою подружку.

— Вот хорошо, — обрадовался приор, — я как раз собирался ехать в Париж через два дня, но только вы обещайте, что покажете мне короля, ибо я очень хочу его увидеть.

Гости пообещали ему и с тем, распрощавшись, отбыли. А по дороге бог знает сколько раз помянули добром и славное винцо Денизы, и обильное угощение приора, и его радушие и гостеприимство. Итак, король вернулся в Париж со своею свитою. Не прошло после того трех дней, как явился в Турнель и наш приор и спросил к себе одного из конюших короля, как ему было сказано. Тут же этот конюший Букар пришел к приору, который легко признал его; он проводил гостя в некий покой, где накрыт уже был для него стол, после чего сказал:

— Господин приор, не сочтите за труд обождать, пока я схожу за моими сотоварищами, которые гостили тогда у вас вместе со мною.

— А где же они? — осведомился приор.

— Они прислуживают королю, — отвечал тот.

И конюший Букар побежал доложить королю о прибытии приора; король тотчас же пришел к нему в комнату, куда спешно подан был роскошный обед; тут они весело попиrowали и выпили доброго вина, после чего король сказал гостю:

— Господин приор, вы угостили меня отличным вином вашей красавицы Денизы, я же собираюсь потчевать вас вином моей подружки Клод.

И приору поднесли такого прекрасного вина, какого не пивал он никогда в жизни, так что никак не мог в себя прийти от изумления, после чего король призвал королеву, которая торжественно явилась в пышном наряде и со свитою более чем из тридцати при-

дворных дам. Тут король, взявши ее за руку, сказал приору:

— Господин приор, вы показали мне вашу подружку, я же представляю вам свою.

Бедняга приор несказанно изумился и наконец уразумел, глядя на все это великолепие, что перед ним сам король с королевою. Он упал на колени и принялся просить прощения, умоляя короля не гневаться, ежели он совершил промах. Но король велел ему подняться, и все, кто был при этом, хохотали до упаду, исключая самого приора, которому было отнюдь не до смеха. А потом король пожаловал ему за доброе угощение и гостеприимство богатое аббатство, приносящее доходу пять, а то и шесть тысяч экю, чему означенный приор несказанно обрадовался. Так что впору понять и заключить из рассказанной истории, что, оказывая услугу добрым людям, ничего на том не теряешь, а пожалуй, и наживешь.

ДВЕ КУМУШКИ НА РЫНКЕ

Новелла CV: о двух деревенских кумушках, которые напились мускатного вина, мужей же своих уверили, будто их осла увели в тюрьму, и так скрыли свою растрату.

Рассказано господином Шодри с моста

Продолжая наши новеллы, невредно было бы вспомнить и эту: в одной деревне близ города Парижа проживали две добрые кумушки, которые собрались в означенный город в субботу утром на рынок. Распродав все с собой привезенное и закупив нужное, отправились они обратно домой и по дороге, проходя некоей улицею, повстречали торговца вином, который продавал мускат по шести денье за кружку. Наши две кумушки, которых томила жажда, а вдобавок и желание полакомиться, отведали этого вина и, найдя его слаще меда, расспросили торговца, где продается такое вино. Он указал им один дом, и они, войдя туда, спросили пинту муската, каковой и был им тут же подан. Кумушки наши приложились к кружке, и опять вино показалось им вкуснее всего на свете. Выдули они эту пинту в два счета, а за нею и другую, а та позвала за собою третью, однако лакомки-то наши думали, что пинта тоже идет по шести

денье, в чем сильно ошибались, ибо стоила она шесть «беляков», они же разочли так, что выпили всего на 18 денье. Почему и заказали еще одну пинту и захмелели не на шутку, так что на ногах не стояли и лыка не вязали, и пришлось им проспаться прежде, нежели уходить оттуда. Когда же они продрали глаза, то первым делом должны были расплатиться за выпитое вино. Хозяин насчитал, что взяли они на десять су вина и на шесть «беляков» всего остального, каковой итог кумушек наших ошарашил донельзя.

— Как! — вскричали они, — да ведь ваше вино идет по шести денье за пинту. Нам и торговец так сказал.

— Ах ты, черт подери! — закричал и хозяин, — да это вино стоит больше двадцати су во всем городе да на сто двадцать лье кругом. Клянусь душой, вы мне должны двадцать су, и заплатите их все до единого!

Тут наши кумушки впали в великое уныние, ибо уразумели, что от расплаты им не уйти. Да к тому же на дворе уже смеркалось, и хотя денег у них при себе было немного, но, делать нечего, приходилось платить; вот рассчитались они с хозяином и ушли со двора вместе со своим ослом, думая и гадая, что бы такое наплести мужьям насчет веселого своего времяпрепровождения в городе. Тут и говорит одна кумушка другой.

— Эх, не печалься, голубушка! Я вот ничуть не жалею о спущенных денежках, — хоть разок, да попиروвали власть. Уж ты поверь мне, я обоих наших муженьков вокруг пальца так обведу, что они и не пронюхают ничего.

— Ой, милая моя, — просит вторая, — вы уж придумайте что-нибудь, а я сделаю все, как вы велите.

Тут и говорит ей первая:

— Надобно нам сказать то-то и то-то.

И вот, подойдя поближе к дому, они прикинулись огорченными и давай во всю глотку поносить да ругать своего осла такими словами: «Ах ты, скотина чертова, надо же было нам с тобой связаться да повести тебя в город!»

Когда их мужья, которые никак взять в толк не могли, куда же это подевались их жены, услышали, как они бранят осла, они выбежали из дому поглядеть, что там такое стряслось с этим ослом.

— Господи боже! — говорит один из мужей, — где это ты, жена, запропастилась?

— Да все эта чертова скотина виновата, — кричит она.

— А в чем же дело? — спрашивает муж,

— Да вот, — сетует жена, — осел-то наш забрался на чужое поле да нажрался там от пуза, а сержанты взяли его да в тюрьму за потраву, и нам стало больше 15 су его вызволить; видали, сколько убытков нам от этого осла и отчего мы так замешкались.

— Ах ты, боже мой! — говорит другой муж, — ну что ж теперь поделаешь, — раз такая незадача: стало быть, надо смириться и стерпеть.

— Так-то оно так, — говорит ему жена, — да ведь нам-то вон как пришлось потратиться из-за какого-то паршивого осла!

— Ну, будет тебе, будет! — урезонивает ее муж, — что сделано, то сделано, а нам пора ужинать, — не ложиться же спать на голодное брюхо. Потеряли 15 су, ну и ладно, дай бог, чтобы не было большего убытку. Пойдемте-ка лучше поужинаем повкуснее, а деньги в другой раз наживем, коли будет на то божья воля.

Тут уселись они все вместе за стол, и женщинам досталось мускатного вина, которого и выпили они вволю. Недаром же и говорится: от бабьего ума разоряются дома.

ТРИ СПРАВЕДЛИВЫХ РЕШЕНИЯ

Новелла CXVI: об одном судье из Труа, что в Шампани, который разбирал дела по всей справедливости и выносил мудрые решения.

Рассказано Жеаном Испанцем

Случилось некогда так, что жил в городе Труа один судья, в высшей степени мудрый и справедливый, который всегда вершил праведный суд по тем делам, что доставалось ему рассматривать, и никогда при этом не грабил и не обижал бедняков. И вот вышло так, что проживал в том городе один богатый ростовщик, а по соседству с ним ютился в ветхом домишке бедняк, и домишко его как раз примыкал к дому богача. Каковой

богач множество раз торговал у бедняка его дом, но тот ни в какую не желал продавать. И тогда замыслил богач затеять с несговорчивым соседом судебную тяжбу, каковая и съест его дом, ежели удастся ему устроить так, как он задумал. Вот пришел он к бедняку и уговорил его сдать в наем погреб. И, заполучив этот самый погреб, богач поставил там десять бочек масла, из которых половина налита была лишь до середины. Спустя какое-то время богач явился за своим маслом в погреб и обнаружил, что пять бочек из десяти наполовину пусты (он-то хорошо знал, отчего оно так). И подал в суд на бедняка, объявив, что тот украл у него масло, которое поставлено было в его погреб.

Судья ознакомился с делом и допросил бедняка, который поклялся ему в том, что не притронулся к чужому маслу. Тогда судья, уразумев подоплеку тяжбы, велел вылить масло из одной бочки, полной доверху, и из другой, налитой до половины, дабы посмотреть, в какой из них больше осадка, и увидел, что в полной бочке осадка осталось вдвое больше, нежели в другой. Таким манером он и докопался до истины, состоявшей в том, что пять бочек поставлены были в погреб уже наполовину пустыми, почему и приговорил богача ростовщика к уплате всех судебных издержек, штрафа и возмещению убытков потерпевшему. Ах, кабы все судьи были столь же справедливы!

А вот и другой случай с тем же богачом, о коем было уже рассказано: сей криводушный хитрец изображал из себя святошу и честного человека и распустил о себе слух, что ежели ему оставляют на хранение деньги или другие сокровища, то он все возвращает целиком и полностью. Вот однажды некто доверил ему сто экю, сам же отбыл в чужие страны, где и пробыл довольно долго. А возвратясь, пришел в дом к нашему богачу с тем, чтобы забрать назад свои деньги, в коих ему была нужда. Но богач, увидав его, объявил, что не признает этого человека и отродясь незнаком с ним, чем бедняга был безмерно поражен и убит, ибо весьма нуждался в своих деньгах. Тогда один добросердечный человек посоветовал ему пойти к вышеописанному судье, и тот научил его, как добыть назад свои деньги. И вот послал

он к богачу одного молодого человека, которому всецело доверял и которого научил он, что и как должно говорить. Тот явился к богачу и, представившись ему мажордомом одного знатного сеньора, сказал, что желает оставить на хранение десять тысяч экю, чему богач безмерно обрадовался и оказал пришедшему самый радушный прием. Тогда, как и было задумано меж ними двоими, этот человек вновь явился к нему в сопровождении своего молодого приятеля и в его присутствии опять потребовал вернуть ему сто экю. И богач бросился его обнимать, приговаривая, что добро, мол, пожаловать: и тут же вынес ему деньги и отдал: так вот и вернул бедняга, благодаря совету судьи, свои сто экю. Ибо жадный ростовщик не посмел отказать ему в присутствии того, другого, из страха, что тот побоится отдавать ему на хранение десять тысяч экю, — невдомек ему, что то была хитрость, и никто ему своих денег доверять больше не собирался.

Однажды тот же самый богач отправился куда-то по своим делам. В рукаве у него был запрятан кошель с пятьюстами экю, и вот он потерял этот самый кошель. А нашел его один бедняк из того же города. Ну а богач нанял глашатая, который, протрубив в трубу, объявил, что потерян кошель, полный денег, и тому, кто вернет его, хозяин подарит сто экю за труды. И бедняк услышал это объявление насчет кошелька, в котором лежало пятьсот экю; он сосчитал деньги, взял себе из них сто экю, а остальное принес богачу, сказавши ему, что согласно обещанию удержал из найденного положенную долю. Но богач не согласился с ним, утверждая, что в потерянном кошеле было не пять, а шесть сотен экю, почему и потащил нашедшего к судье, пред которым они оба и предстали. Когда судья выслушал их, он сразу понял, что один из них лжет. Вот он отвел бедняка в сторону и заставил его поднять руку и поклясться говорить правду. А потом сказал ему:

— Итак, друг мой, ты обещал мне говорить одну только правду.

— Истинно так, господин мой, — говорит бедняк.

— Сколько же денег было в том кошельке, что ты нашел?

— Монсеньор, — отвечает тот, — клянусь вам, что там было только пятьсот экю.

— Я тебе верю, — говорит судья, — а теперь отойди в сторону и подожди немного.

Тут велел он подвести к себе богача и также заставил его принести клятву в том, что он не солжет.

— Итак, сеньор, — говорит судья, — клянётесь ли вы говорить только правду?

— Клянусь, господин судья, — отвечает богач.

— Так сколько же денег было в кошельке, что вы потеряли?

— Господин мой, — говорит тот, — клянусь, чем хотите, что было в нем шестьсот экю.

— И на сем вы настаиваете? — спрашивает судья.

— Да! — отвечает богач.

Тогда позвал судья бедняка, нашедшего кошель, и спрашивает его в присутствии богача и многих других людей:

— Итак, добрый человек, вы клянётесь, что в найденном вами кошеле было всего пятьсот экю?

— Клянусь, господин мой, — подтверждает бедняк.

— А вы, — говорит судья богачу, — клянётесь, что в потерянном вами кошеле было шестьсот экю?

— Клянусь, монсеньор, — подтверждает богач.

— Ну что ж, — заключает судья, — я полагаю, что ни вы, ни этот бедняк не станете преступать клятву, ибо оба вы люди порядочные.

С этими словами вручает он кошель бедняку и велит держать его покамест у себя. Богачу же советует опять нанять глашатая с тем, чтобы объявить о потере, ибо найденный кошель принадлежит не ему, если только один из них не клятвопреступник. И когда богач увидал, как обвели его вокруг пальца, он совсем потерял голову от изумления и бросился на колени перед судьёю, прося у него милости и признавая, что это точно его кошель и что он дал ложную клятву, а теперь просит и молит вернуть ему его деньги. Тогда судья вернул ему кошель назад, но прежде опозорил и осудил пред всем светом, каковой позор жадный богач заслужил в полной мере.

Вот как поступил честный судья, не в пример многим другим своим собратьям, кои сперва прикарманили бы чужой кошель, а уж после принялись разбирать дело.

НАУКА НЕВЕСТЕ

Новелла СХХII: о молоденькой невесте, которой молотильщик зерна преподавал урок, дабы она не ударила в грязь лицом в свою свадебную ночь.

Рассказано монсеньором Де Крепи

Случилось так, что в провинции Шампань-ле-Труа, в местечке, называемом Бреен, проживал трактирщик — почтенный человек, державший таверну и хороший постоялый двор. И была у него молодая красивая служанка, весьма здоровая и расторопная, которая заправляла всем домом, а звалась она Николь. Что вино, что хлеб — все проходило через ее руки. И надо вам знать, что было в доме еще несколько слуг, — каждый приставлен к своему делу, — и слугам этим не часто доводилось пробовать винца, если только они к нему тайком от хозяев не прикладывались, так как не принято в той местности, чтобы слуги пили вино.

Между этими слугами был один молотильщик зерна, балагур и весельчак по имени Жакино, и вина ему доставалось не больше, чем всем прочим. Этот Жакино был со всем домом на короткой ноге, а заодно слегка приударял за красоткой-служанкой Николь, что была, как вам уже известно, домоправительницей. И среди многих ее воздыхателей был еще один, который влюбился в нее без памяти, так что ее родители и друзья с ним ее сговорили. И так у них быстро пошло дело, что вскорости они и обручились. И этим наш молотильщик Жакино был весьма опечален, — еще бы, его милая обручилась с другим! — да что тут поделаешь!

Спустя некоторое время после помолвки этот молотильщик зерна Жакино и служанка Николь болтали, повстречавшись, о разных делах. И тут давай Жакино над Николь причитать:

— Ах, Николь, бедняжка Николь, и сдуру же ты замуж идешь! Не сказать, как я опечален твоей бедой! Ну, как ты с мужем-то будешь жить, несчастная, — ведь замучаешься да замаешься ты с ним вконец. Ну, сама посуди, — полюбил ли бы он тебя, знай он твою дурость? Да начать с того, что ты ничегошеньки не

знаешь, не ведаешь, — ведь ты с женщиной-то никогда не спала! Тебе небось и невдомек, чем занимаются жены с мужьями, а тебя замуж несет! Да он тебя что ни день будет так колотить, что никакого терпения не станет, — и помрешь ты от этого раньше срока. Я тебе так скажу: тот, кто тебя замуж толкал, видать, совсем сбрендил, а мне вот тебя страсть как жалко, потому что я тебя знаю давно, и люблю, и счастья желаю, как самому себе.

Когда девица Николь все это выслушала, стала она его упрасивать:

— Жакино, миленький, если ты что-то знаешь, что я должна с моим мужем делать, расскажи мне, прошу тебя, — я ведь вижу, что ты мне добра и счастья желаешь. Так посоветуй же мне, дружок, как мне с ним лучше поладить!

Тут Жакино ее спрашивает:

— Ну, вот, к примеру, голубушка Николь, что ты сделаешь, когда ляжешь с мужем в первую ночь, с чего ты начнешь, чтобы с ним слюбиться?

— Ах, батюшки, — отвечает она, — да я не знаю.

— Вот то-то и штука, — говорит он, — оттого и пробежит меж вами черная кошка — тут и начнется тебе колотежка!

— Так как же мне быть? — спрашивает Николь. — Как заслужить его любовь?

— Святой Жеан! — говорит Жакино. — Я бы тебе показал, что да как, а тебе надо бы покрепче мой урок запомнить.

— Ну, так покажи, — просит Николь, — дай мне урок-то! А уж я тебе за это каждый день буду ставить стаканчик!

— Черт подери! — это Жакино ей. — Без монет и науки нет! Ишь ты — покажи ей да расскажи! Думаешь, я этому выучился за пятак да за так?! Нет, вот ты мне приплати — будет тебе и наука и обучение, все честь по чести!

— Ах ты, господи! — закручинилась девушка. — Жакино, голубчик, много-то я заплатить не смогу, но все, что есть у меня, я тебе отдам, лишь бы ты научил меня хорошенько, как мне поладить с моим муженьком!

— Ну, ладно, — говорит Жакино, — сколько там у тебя в кошельке?

— Да у меня есть сто су, — отвечает она, — а больше нет, но эти сто су будет твои, а еще я тебе обещаю, что всякий раз к завтраку, обеду, полднику и ужину я буду тебе выставлять полный стакан самого лучшего вина за твою мне услугу.

Тут Жакино понял, что девица на все готова, и, поломавшись еще немного, согласился и взял у нее сто су. После чего сказал:

— Ну, вот что, Николь! Чтобы хорошенько усвоить тебе мою науку, надо бы нам спрятаться вдвоем, — в таком деле, знаешь ли, лишний глаз — не для нас, а потому давай-ка пойдем на чердак, там и сено есть, там я тебя и обучу всему, что тебе требуется.

И отправились они вдвоем на чердак. Тут и давай Жакино показывать Николь, что да как нужно делать, да так уж старался, что и сам разнежился и сладким голосом ей нащептывал:

— Послушай, Николь, я тебе поддам разок, а ты мне вдвойне, дружок, и не ленись, а шевелись скоро да споро. А теперь так вывернись, чтобы у тебя под мягким местом отборный заяц смог пробежать. Вот так и постигнешь мою науку.

И так уж усердствовала Николь, что Жакино остался весьма доволен ученицей, а затем после этого первого урока они расстались. И надо вам сказать, что Николь сдержала слово и наливала Жакино винца к каждой трапезе, да и он, со своей стороны, обучал ее на совесть. И дабы получше усвоить его науку, наша девица желала обучаться как можно чаще, так что Жакино начал уже призадумываться. И не без причины, потому что она то и дело норовит улучшить минутку, когда никого нет, и просит поучить ее еще и еще.

Так вот и шло у них обучение, покуда не подошел срок свадьбы, и на завтра Николь должна была венчаться. А с того дня, как она взялась за науку, до свадьбы прошло добрых семь месяцев, так что, уж поверьте, она стала мастерицей в своем деле, — и то сказать, повторенье — мать ученья! Итак, в самый канун свадьбы Николь и говорит Жакино, что надо бы еще подучиться, а то как бы к завтраму не забыть науку и перед мужем не осрамиться.

— Господи, — взмолился Жакино, — да что мне, делать больше нечего?! Ох, помилуй, Николь, ведь сил моих уже нет!

— Клянусь святым Лу, — рассердилась Николь, — что ты мне дашь урок, и дашь сию же минуту! За что же, как не за это, я выплатила сто су и поила тебя столько времени вином?!

— Ах, дьявольщина! — говорит он. — Ты что же думаешь, — как тебе нужен урок, так я тут же и лег?! Да от такой жизни и жеребец меринком станет!

Но все же и на этот раз он ее ублажил. Вот пришел день свадьбы, и едва оттанцевали и стали готовиться к ужину, Николь разыскала Жакино и отвела его в сторону:

— Ну, Жакино, дружок, — говорит она, — вот и пришло нам времечко расставаться. Я тебя прошу, поучи меня сейчас, напоследок, да хорошенько, чтобы я крепко помнила твой урок, когда лягу с мужем. Уж ты не поленись в честь нашего расставания и в память о моем обучении!

Тогда Жакино ей хорошенько еще раз втолковал урок, да так ее усладил, что Николь осталась предовольна. После свадебного ужина и танцев повели молодую укладывать спать, и не обошлось без смеха и крепких словечек. Каждый наставлял невесту, когда и что ей следует делать, но она, как ни странно, знала это получше, чем вся компания. Потом пришел и молодой муж, и прилегли весьма плотно к своей жене, без лишних проволочек принялся за дело. И как уж он сверху старался, да его половина снизу так наяривала, что ему за ней и не поспеть было, чему новобрачный весьма удивился, видя, какая умелица его жена, — да и кто бы на его месте остался спокоен! Она изворачивалась то так, то эдак, и все столь ловко, что не успел он опомниться, а уж проскакал первую версту. Совершив это, он от нее отодвинулся и стал спрашивать.

— Эй, голубушка, вы так дьявольски ловки в этом деле, как будто вас кто-то обучал?!

— Да, черт возьми, я этому выучилась не за так да не за пятак. Мне обучение в целых сто су обошлось!

И давай ему рассказывать по порядку все любовные уроки, как у них шло да как она обучалась, чтобы ему

угодить и чтобы он любил ее крепче и никогда не колол. И рассказала ему, что Жакино с нею проделывал, какие выверты показывал, с чего начинал и чем кончал. Ох и ошарашила же она своего супруга, — бедняга как откатился на самый краешек кровати, так больше к своей жене и не притронулся, да с тем и заснул.

Когда наступило утро, встал молодой в большой печали и смущении и пошел рассказывать все отцу и матери новобрачной, которые также пришли в великую печаль и отчаяние, узнав, как обработали их дочь. Позвали Жакино, который пришел, ничего не подозревая, и начали у него допытываться, что это он сделал с их дочерью, и стали бить его нещадно. Но он сумел вывернуться и удрать. И в дом возвращаться не захотел.

Об этом происшествии узнала вся деревня, так что даже до ушей графа Де Бреен дошли слухи об обучении невесты, над каковым он весьма смеялся. Затем он послал отыскать этого Жакино, чтобы поговорить с ним и узнать правду, и тот, придя, рассказал ему все, и даже больше того.

— Ох, монсеньор, — говорил он, — вы не поверите, — ну никак я не мог ее ублажить, — так она и бегала, так и бегала за мной, прося поучить ее еще; однажды мне пришлось обучать ее восемь раз кряду — вот до чего дошло! Ей-ей, зря они устроили переполох, — мне кажется, раз уж она с моей помощью постигла это ремесло, не из чего ее муженьку так беситься, — ему же было легче ломиться в открытую дверь!

И монсеньор граф, слушая его, хохотал до слез и отпустил Жакино, сказав, что он парень-хват. А новобрачному пришлось примириться со своей слишком уж хорошо обученной женой, но он, слава тебе господи, не держал на нее зла, так как бедняжка затеяла все это лишь для того, чтобы угодить ему и лучше его ублажать. Хотя, уж конечно, он был не очень-то этим доволен, да делать нечего — бери, что есть. И я вас уверяю, что эта история истинна и правдива, а случилась она в местечке Бреен года тысяча пятьсот тридцать шестого в мае месяце.

СУПРУЖЕСКИЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Новелла CLXXVIII: о двух вышивальщиках, из коих один поколотил свою жену, отчего она, убежав, пошла спать в дом к другому, а ночью прилегла к этому другому в постель и убогатворила его два раза подряд, но на второй раз пробудилась его собственная жена, которая, вставши с постели, схватила ночной горшок да и разбила его о голову соперницы.

Рассказано Жеаном де Куси

Дабы умножить и разнообразить число наших новелл, какие обещал я рассказать и поведать, ознакомлю вас нынче с одной из самых свежих.

Случилась история сия не так давно в провинции Турень, где проживали два вышивальщика, близкие соседи и вдобавок добрые друзья, как и должно быть меж людьми. И вот приходилось им частенько работать у одного хозяина — мастера по их же ремеслу — и просиживать у него целыми днями. Надо вам также знать, что один из них носил имя Жеан, второго же звали Гийомом.

И вот случилось однажды вечером так, что Жеан, собираясь уже ложиться спать, что-то вкривь сказал своей жене, каковое слово ей не понравилось, и разгорелась меж ними ссора, а за нею посыпались на бедную Жеанову половину тумачи да затрецины. Она и давай вопить:

— Ах ты, висельник! Ах, злодей! Беда с тобой, да и только: как придешь домой от своих девок да шлюх, так на меня с кулаками лезешь, изверг ты эдакий, мерин никчемный!

Когда Жеан услышал, как жена честит да бранит на все корки его доблести, схватил он палку длиною аршина в два с половиною, которую завел еще раньше для той же надобности, и давай лупцевать ею свою половину, а та бегом от разгневанного мужа и долой из дому. И прибежала к соседу своему — Гийому-вышивальщику, коему и поведала свои горести как можно жалостнее, прося приютить ее у себя на эту ночь до утра, пока не поостынет, как она надеялась, мужнин гнев. На что Гийом и жена его согласились, приняв ее как только могли радушно.

Но надобно вам знать, что Гийом был далеко не богач, и в доме его имелась лишь одна кровать, почему и

приходилось им уместиться на ней втроем. Что они и сделали, причем Гийом улегся с краю, жена его посередине, а злосчастной Жеановой половине, которую приютили они из божеского милосердия, досталось спать у стенки. Так и провели они часть ночи, примерно до полуночи или около того, однако жене Жеана, лежавшей в постели так, как уже было рассказано, не спалось: она хорошо заметила, где расположился Гийом, и вот, встав со своего места, потихоньку прилегла подле него. И давай пощипывать да поглаживать его, так что Гийом пробудился от сна и, повернувшись к ней, тоже стал щупать ее сверху донизу, а когда понял, что это вовсе не его жена, то пришло ему на ум испробовать, не лучше ли она его собственной половины. Ну а поскольку сверху виднее, то он и взгромоздился на нее да и задал ей жару, но жена его ничего не почувствовала, ибо спала крепким сном. Ну а Гийом, решив, что он достаточно потрудился, решил вздремнуть чуток для отдыха. Немного спустя, часа через два после полуночи, опять Жеанова супруга принялась за Гийома. И вновь он оседлал ее, но на сей раз так рьяно взялся за дело, что жена его заслышала шум, проснулась и, поведя вокруг себя руками, нащупала своего муженька, который как раз нанизал на свой вертел ее соседку.

— Ах, черти бы вас забрали! Так-то вы меня обожгли! — закричала она. — Ну нет, не бывает по-вашему!

Тут вскочила она с постели и проворно зажгла свечу; когда бедняга Гийом увидел свет, он также вскочил с постели, а Жеанова супруга так и осталась лежать, не зная, что сказать или сделать, столь она была поражена. Жена Гийома, которая сперва никак не могла решить, чем поколотить изменницу, схватила наконец ночной горшок, отнюдь не пустой, да и давай колошматить ее этим горшком, залив ей лицо мочою, а поскольку горшок был глиняный, то он и разбился на куски от ударов. Тогда жена ручкой от горшка еще исполосовала лицо сопернице, приговаривая при этом:

— На, получай, шлюха проклятая! Я тебя приютила и от побоев мужниных уберегла, а ты вон как мне отплатила!

И давай опять колотить ее ручкою от горшка, так что беднягу Гийома жалость взяла и он осмелился вступить и разнять женщин, успокаивая их, как мог, и говоря:

— Голубушка, да не гневайся же так, клянусь душою, я ведь думал, что это ты, так что не держи на меня зла!

Тут Гийомова жена, выслушав мужа, поостыла немного, но еще не вовсе унялась и опять обратилась к жене Жеана:

— А зачем это ты, шлюха подлая, перебралась на ту сторону постели и взялась за моего мужа?

На что та принялась просить у ней прощения, говоря, будто поступила так не подумавши, забыв, что она не у себя дома, и полагая, что это своего мужа она эдак урабатывает, дабы получить от него еще разок удовольствие себе. Делать нечего, пришлось Гийомовой жене поверить ей на слово, и кое-как помирившись, провели они вместе остаток ночи.

Утром, в привычный час, Гийом отправился работать к хозяину, где и всегда он трудился, а там встретил Жеана, который сидел уже за работою. Надо вам знать, что жена последнего, когда совсем рассвело, распрощалась с хозяйкой дома, кротко поблагодарила ее за гостеприимство и, дрожа от страха, что все откроется, вернулась к себе в дом, весьма удрученная расцарапанной своей физиономией, на которую и в зеркало-то взглянуть было страшно. Вот выходит она из дому и отправляется туда, где работал ее муж. И тот, увидя, как она вся ободрана, весьма пораженный, спрашивает ее:

— Эй, жена, кто учинил вам эдакое? Вечеру, когда я собрался вас отлупить, ничего такого не было.

— Клянусь святым Жеаном, — говорит она в ответ, — это жена злодея Гийома, — того, что подле вас сидит, — меня эдак разукрасила.

— Ну и ну! — говорит Жеан Гийому, — а ведь это не дело!

— И это еще не все, мой дружок, — продолжает жена, — есть кое-что и похуже, черт бы побрал нашего соседа.

— А что же он такого содеял? — спрашивает Жеан.

— А вот что, — говорит она. — Этот злодей Гийом два раза мною попользовался, пока я спала вместе с ними в их постели.

— Ах, дьявол тебя подери! — говорит Жеан, — а ведь это совсем не дело!

— Да ей-богу, — кричит Гийом, — все вы тут наврали бесстыдно, ибо вовсе не спали тогда, и уж коли до того дошло, так я скажу всю правду вашему мужу. Сперва-то вы лежали за моею женой, у стенки, а после встали да ко мне под бочок и давай месить мне живот и кое-что пониже. Вот я и оседлал вас, думая, что имею дело со своей женой, так оно все и вышло, — заключил Гийом.

Жеана эти слова совсем ошарашили, — что обухом по голове, и он вскочил с места, желая опять поколотить жену, но та убежала; тогда двое мужей помирились и пошли выпить, дабы скрепить свое примирение, ибо худой мир все лучше доброй ссоры, ну а уж добрый мир куда лучше смертельного побоища.

БОНАВАНТЮР ДЕПЕРЬЕ

НОВЫЕ ЗАБАВЫ И ВЕСЕЛЫЕ РАЗГОВОРЫ

НОВЕЛЛА II

О трех шутах: Кайете, Трибуле и Полите

ажи прибили гвоздем ухо Кайета к столбу, и бедный Кайет, боясь, как бы его не оставили в таком положении на всю жизнь, стоял у столба, не произнося ни слова. Какой-то проходивший мимо придворный увидел его в этом секретном совещании со столбом и, тотчас же освободив его, начал у него допытываться, кто это сделал. Тот запел о каких-то дураках.

- Это сделали пажи? — спросил придворный.
- Да, да, это — пажи, — отвечал Кайет.
- И ты можешь указать, кто именно?
- Да, да, могу.

По приказанию государя шталмейстер вызвал всех молодцов пажей и в присутствии умника Кайета начал их допрашивать по очереди:

- Поди-ка сюда! Это ты сделал?
- Паж отнекивается, как апостол Петр:
- Нет, сударь. Это — не я.
- Ты?
- Не я.
- Ты?
- Тоже не я.

Заставьте-ка пажа сознаться, когда дело пахнет

кнутом! И стоявший здесь же Кайет тоже ответил по-кайетовски:

— Но это сделал и не я.

Видя, что все они отнекиваются, шталмейстер стал спрашивать Кайета, показывая на них:

— Не этот ли?

— Нет, — отвечает Кайет.

— Может быть, этот?

— Нет.

По мере того как он говорил «нет», шталмейстер отставлял пажей в сторону, и таким образом остался лишь один паж, которому и следовало бы сказать «да», после всех этих правдивых молодых людей, сказавших «нет». Но и этот ответил то же, что другие:

— Нет, сударь. Я там не был.

Присутствовавшему при этих допросах Кайету пришлось в голову, что и его должны спросить, не он ли это сделал, ибо он уже забыл, что речь шла об его ухе. Увидев, что он остался один, он заявил:

— И я там тоже не был.

И снова отправился проказничать с пажами, чтобы они прибили к какому-нибудь столбу и другое его ухо.

При въезде в Руан Трибуле был послан вперед с кличем «Едут!» и очень гордился тем, что сидел в своем лучшем праздничном колпаке на коне, покрытом попоной его цветов. Он прищпоривал коня, гнал, торопил. С ним же ехал приставленный к нему дядька. Бедный дядька! Ты плохо исполнял свое дело: у тебя была достаточная причина предоставить Трибуле самому себе.

— Остановишься ли ты, мерзавец? — кричал ему дядька. — Попадись ты мне только!.. Стой!

Трибуле, боясь, что дядька его побьет (что уже случилось неоднократно), хотел остановить коня, но конь вел себя так, как ему следовало, ибо Трибуле изо всех сил колот его шпорами, поднимал и дергал за уздцы. Наконец конь поскакал.

— Остановишься ли ты, негодяй, — кричал ему дядька.

— Кровь господня! Что это за негодная лошадь! — сказал Трибуле (клялся он не хуже других), — я колю

ее шпорами изо всех сил, а она не хочет останавливаться.

Ведь вы не будете возражать, что природа хотела пошалить, создавая такие милые человеческие экземпляры? Они были бы счастливыми, если бы были такими забавниками не по великой своей глупости, которая мешает им видеть свое счастье. Это, пожалуй, самое большое несчастье.

Был еще один шут по имени Полит. Он жил у одного аббата в Бургейле. В один прекрасный день, утро или вечер, — не могу вам точно сказать, в какое время, — у аббата лежала на ложе одна смазливенькая резвая бабенка, а возле нее и сам аббат. Полит, увидя его в постели, просунул между ножками кровати руку и, нащупав под одеялом ногу, начал расспрашивать аббата:

— Монах, чья это нога?

— Моя, — ответил аббат.

— А это?

— И эта тоже моя.

Отодвинув в сторону найденные ноги и придержав их одной рукой, он нащупал другой рукой еще ногу и спросил:

— А это чья же?

— Моя, — ответил аббат.

— Неужели? — воскликнул Полит. — А эта?

— Ступай, ступай, дурак, — сказал аббат, — и эта тоже моя!

— Ко всем чертям этого монаха! — вскричал Полит, — у него, как у лошади, четыре ноги.

Ну, можете ли вы после этого сказать, что он не был дураком первого сорта! Но Трибуле и Кайет были дураками на все двадцать пять каратов, тогда как для этого вполне достаточно и двадцати четырех.

Итак, мы начинаем с дураков. Но кого можно назвать дураком? Можете назвать первым меня за мои рассказы, а я назову вторым дураком вас, за то, что вы меня слушаете, третьим — того, четвертым — другого. Да и кто не дурак? Всех их не перечтешь. Оставим же их на время и поищем умников. Подвиньте-ка поближе свет — я что-то ничего не вижу.

НОВЕЛЛА V

Про трех сестер-невест, которые дали своим женихам в первую брачную ночь умный ответ

В провинции Анжу жил когда-то один дворянин, который был и богат и знатен, да вот только немного больше, чем следует, падок на увеселения. У него были три прелестных, обворожительных дочери в возрасте, когда уже самая младшая ждала битвы один на один. Они рано остались без матери. Не будучи еще стариком, отец продолжал держаться своих прежних добрых обычаев: собирал в своем доме всякие веселые сборища, устраивал балы и задавал пиры. А так как был он от природы человеком снисходительным и легкомысленным и не очень заботился о своих домашних делах, то его дочери могли совершенно свободно забавляться с молодыми дворянами, которые обычно беседуют с девицами не о вздорожании хлеба и не о политике. Кроме того, отец, как и все люди, не чуждался любовных забав, и это давало его дочерям право позволять влюбляться в себя, а также и любить самим, ибо, имея доброе сердце и гордясь своим благородным происхождением, они считали неблагородным и невежливым позволять любить себя и не отвечать тем же. А посему, ежедневно и ежечасно преследуемые вздохами и ласками, они сжалились над своими поклонниками и начали с ними забавляться в уединенных местах. Этими забавами они так увлеклись, что вскоре обнаружили их последствия. Старшая, самая зрелая и бойкая, не доглядела, как у нее начал пухнуть живот, и, спохватившись, когда уже было поздно, изрядно стухнула, ибо не знала, каким образом удержать это в тайне. Ведь это случилось в доме, где нет маменек, следящих за тем, чтобы их дочери не попадали в такую беду, и уж на худой конец умеющих устранять неприятные последствия подобных случайностей. И вот дочь, не зная, у кого попросить совета и не смея удалиться из общества без позволения отца, была вынуждена поведать ему о своем горе.

Услышав эту новость, отец сначала опечалился, но так как он принадлежал к разряду тех счастливых, которые не принимают огорчения слишком близко к сердцу, то скоро успокоился. По правде говоря, тер-

заться несчастьем после того, как оно уже случилось, не значит ли его усугублять? Под предлогом болезни он немедленно отправил старшую дочь за несколько миль от дома к одной из своих теток (врачи-де сказали, что ей полезно переменить воздух) — пусть погостит у ней, пока не выйдут ножки. Но одно счастье всегда влечет за собой другое, и в то время когда старшая заканчивала свои дела, средняя начинала. Может быть, бог наказал ее за то, что она подсмеивалась над старшей сестрой. Словом, и у нее потяжелело на сердце, то бишь во чреве, и отец тоже узнал об этом.

— Ну и слава богу! — сказал он. — Пусть человеческий род умножается. И мы ведь тоже когда-то родились.

А затем он отправился к младшей дочери, заподозрив и ее. Та еще не была беременной, хотя и исполняла свой долг, как умела.

— Ну, а у тебя, дочь моя, как дела? Не идешь ли ты по стопам старших сестер?

Дочь, будучи еще очень молода, не могла сдерживать румянца, и отец решил, что его подозрения подтвердились.

— Ну что ж? — сказал он. — Пусть бог пошлет тебе счастья и избавит нас от худшей беды!

Однако же приспело время придумать какой-нибудь выход из этого неприятного положения, и он понял, что самый лучший выход — это выдать дочерей как можно скорее замуж. Но он понял также, что это не так уж просто, ибо выдать их за соседей было невозможно — об этом происшествии соседи уже знали или, по крайней мере, догадывались. С другой стороны, женить на них виновников было тоже нельзя, потому что ведь возможно, что в этом деле участвовало не по одному лиходею, а больше: может быть, один мастерил ножки, другой — ушки, а кто-нибудь третий — носик. Чего не бывает на свете? А если у каждой из них и было по одному, то все равно: мужчина неохотно женится на девушке, которая положила ему в печь каравай. Поэтому отец решил поискать женихов где-нибудь в стороне, и так как весельчакам и хлебосолам всегда везет, то его поиски скоро увенчались успехом. Посчастливилось ему в Бретани, где он был хорошо известен как человек знатный и владелец имений, находившихся неподалеку от Нанта, которые ему и послужили предло-

гом для поездки в эти края. По приезде туда он сам и через своих посредников объявил, что выдает замуж дочерей. Бретонцы скоро отозвались, и ему осталось лишь сделать выбор. Кроме того, он сошелся с одним богатым дворянином, у которого было трое рослых молодцов-сыновей, мастерами танцевавших паспье и триори, отличных борцов, не боявшихся схватиться с любым силачом. Наш дворянин весьма обрадовался этой находке и, поелику дело у него было спешное, немедля условился с отцом и его тремя сыновьями, что они возьмут его трех дочерей и даже свадьбу сыграют одновременно, то есть женятся все в один день. С этой целью все три брата после недолгих сборов простились с родным домом и вместе со своим будущим тестем отправились в Анжу. Все они оказались довольно стоворчливими, ибо хотя и были бретонцы, но не из Нижней Бретани, и отлично управлялись с теми бретонками, которые, говорят, довольно покладисты (не на войне). Приехав к нашему дворянину, они принялись разглядывать своих невест и убедились, что все они красавицы, все резвые, веселые и вдобавок умницы. Свадьба была решена, все было приготовлено, и епископу было уплачено за оглашение и за скамьи. Накануне свадьбы отец позвал к себе всех трех дочерей.

— Подите-ка сюда! — сказал он. — Все вы знаете, какую вы сделали ошибку и сколько доставили мне хлопот. Если бы я был строгим отцом, я отказался бы признавать вас своими дочерьми и лишил бы вас прав на мои владения. Но я решил, что лучше принять на себя один раз заботы и поправить дело, нежели причинять вам горе и жалеть о вашем глупом поступке всю жизнь. Я привез вам сюда по мужу. Постарайтесь оказать им хороший прием, не робейте, и вы не пропадете. Если они что-нибудь заметят — черт с ними! Зачем сюда приехали? За ними пришлось съездить. Когда ваше дело устроится, вы ведь не будете с ними церемониться, не так ли?

Все три дочери улыбнулись и ответили:

— Именно так.

— Прекрасно, — сказал отец, — вы еще перед ними ни в чем не провинились, но если вы в будущем не сумеете вести себя как следует, то ко мне больше не обращайтесь. Зарубите себе это на носу. Я же обещаю вам за быть ваши прошлые ошибки, а чтобы вы были смелее,

я прибавлю еще двести эю той, кто из вас сумеет лучше всех ответить своему жениху в первую ночь.

После этого прекрасного напутствия он отправился почивать, дочери — тоже. Они стали думать про себя, какие слова им следует сказать в эту ночь сражения, чтобы заслужить эти двести эю, и решили наконец положиться на бога, надеясь, что он не откажет им в нужный момент в своей милости. На другой день состоялись свадьбы. Ели, пили, танцевали — чего еще больше? По окончании бала все три девы легли со своими женихами в постели. Жених самой старшей, лаская, ее, ощутил у ней живот и обнаружил на нем небольшую складку. Он догадался, что его надули.

— Ого! — сказал он. — Птички-то уже вылетели!

А невеста, весьма довольная, ответила:

— Ступайте сами в гнездо.

Такова одна! Жених второй сестры, глядя ее, нашел, что живот у нее несколько круглват.

— Как? — сказал он. — Амбар уж полнехонек?

— Постучите в дверь, впущу, — ответила невеста.

Вот уже и две! Жених третьей сестры, забавляясь с нею, скоро понял, что он не первый.

— Дорожка проторена! — сказал он.

— Зато не заблудитесь! — ответила младшая.

Вот и все три! Ночь прошла. На другой день они пришли к отцу и поочередно доложили ему обо всем происшедшем. *Queritur*¹, которой из них отец должен был отдать обещанные двести эю? Подумайте. Мне кажется, вы согласитесь со мною, что они должны были либо поделить их между собою, либо получить каждая по двести эю, *propter mille rationes, quarum ego dicam tantum unam brevitatis causa*², ибо все они показали свое усердие, а всякое усердие подтверждается делом, *ergo in tantum consequentia est in Barbara*³ и так далее. Кстати, если вы не рассердитесь, я задам вам по этому поводу вопрос: что вы считаете лучше — получить рога до брака или после брака? Не торопитесь с ответом, что до брака лучше, чем после брака, ибо вы понимаете, какое это редкое удовольствие жениться на девственнице. Ведь если она наставит вам рога после свадьбы, то это

¹ Спрашивается (лат.).

² По тысяче причин, из которых я укажу ради краткости только одну (лат.).

³ Следовательно, умозаклячая по Барбара (лат.).

удовольствие (я говорю не о рогах, а о том, что она досталась вам девственницей) навсегда останется за вами. Помимо того, она доставит вам всякие протекции и выгоды. Об этом весьма хорошо сказано в «Пантагрюэле». Впрочем, не хочу затевать здесь споров и предоставляю вам подумать об этом на досуге, а вы мне после изложите свои мнения.

НОВЕЛЛА VII

О нормандце, который шел в Рим, запасшись для беседы с папой латынью, и о том, как он ею воспользовался

Один нормандец, возгоревшийся завистью к счастливой жизни духовенства, решил после смерти жены принять духовный сан. Хотя он едва умел читать и писать, но прослышав, что с деньгами можно добиться всего, и считая себя не глупее любого священника прихода, он открыл свое намерение одному приятелю и попросил совета, что он должен для этого предпринять. После того как они обстоятельно обсудили это вдвоем, приятель сказал ему, что если он хочет добиться успеха, так пусть идет в Рим, ибо от своего епископа, который на производство в священники и на quocunque стал очень туг, он вряд ли чего-нибудь добьется, а папа, у которого много всяких других дел, не будет особенно в нем копать и мигом произведет его в духовный сан. Кроме того, сходя в Рим, он делается бывалым человеком, а возвратившись на родину с званием священника, пожалованным самим папой, и получив еще какую-нибудь бенефицию, будет пользоваться среди своих сограждан большим уважением и делается важным лицом.

Нашему нормандцу все это показалось весьма заманчивым. Но тут его поставило в затруднение то, что он не знает латыни. Он сказал об этом приятелю:

— Это хорошо, но когда приду к папе, на каком языке я буду с ним говорить? Ведь он не знает нормандского языка, а я не знаю латыни. Что мне делать?

— Не смущайся этим, — сказал приятель. — Священник должен знать лишь Requiem, Beata и мессу Св. Духа. Ты выучишь их тотчас же, как только вернешься.

А что касается разговора с папой, то я научу тебя говорить по-латыни три очень хорошие фразы. Как только ты их скажешь, папа сочтет тебя самым лучшим клириком в мире.

Наш нормандец весьма обрадовался этому обещанию и пожелал узнать, что это за фразы.

— Друг мой, — сказал ему приятель, — когда ты войдешь к папе, становись перед ним на колени и говори: «*Salve, sancte Pater*»¹. Он спросит тебя по-латыни: «*Unde es tu?*»² — то есть: откуда ты пришел? Ты ответишь: «*De Normania*»³. Он опять спросит тебя: «*Ubi sunt litterae tuae?*»⁴ Ты ему скажешь: «*In manica mea*»⁵. И тогда, без всяких отлагательств, он велит тебя постричь. А затем ты вернешься обратно.

Наш нормандец был счастлив, как никогда в жизни. Целых пятнадцать или двадцать дней ходил он к своему приятелю заучивать эти фразы и наконец, убедившись, что хорошо их заучил, отправился в Рим. Дорогою он постоянно твердил: «*Salve, sancte Pater. De Normania. In manica mea*». Но, должно быть, он повторял и твердил их слишком прилежно, ибо первая фраза: «*Salve, sancte Pater*» совсем улетучилась у него из головы, и к несчастью, в то время, когда он уже отошел далеко от дома. Нечего и говорить, как это нашего нормандца огорчило. Он не знал, какому святому помолиться, чтобы вспомнить позабытые слова, а был убежден, что идти без них к папе это то же, что лезть за тузовыми ягодами без крюка. Надеяться же, что он найдет надежного учителя, как его приятель, он не мог. Он был убит горем, как никто. Но вот, однажды утром, проходя через какой-то город, он зашел в церковь помолиться богу и услышал начальные слова молитвы богородице: «*Salve, sancta Parens*». Наш нормандец навострил уши.

— Слава тебе Иисусе и пресвятая богородица! — воскликнул он и воспрянул духом, словно воскрес из мертвых. Немедленно же попросил он находившегося вблизи его служителя повторить эти слова три раза подряд, чтобы уже больше не забывать их, а затем снова пустился со своею латынью в дорогу.

---

¹ Привет тебе, святой отец (лат.).

² Откуда ты? (лат.).

³ Из Нормандии (лат.).

⁴ Где твои грамоты? (лат.).

⁵ В моем рукаве (лат.).

Разумеется, он был доволен тем, что родился на свет, и снова принялся шагать так усердно, что скоро добрался до Рима. Надо заметить, что в те времена доступ к папе был гораздо легче, чем теперь. Его впустили к папе, он немедленно стал перед ним на колени и весьма набожно произнес:

— *Salve, sancta Parens.*

А папа ему на это:

— *Ego non sum mater Christi*¹.

Нормандец же продолжает:

— *De Normania.*

Папа смотрит на него и спрашивает:

— *Daemonium habes?*

— *In manica mea*³, — отвечает нормандец.

И с этими словами сует руку в рукав, чтобы достать отсюда свое прошение. Папа немного испугался, думая, что тот хочет вынуть из своего рукава черта, но, увидев, что это была бумага, успокоился и спросил его еще по-латыни:

— *Quid petis?*⁴

Но тут запасы нашего нормандца пришли к концу, и на заданный ему вопрос он уже не знал что ответить. Хорошо, что там оказались какие-то его земляки. Услышав косскую речь, они принялись его расспрашивать и узнали, что он для получения духовного звания запасся из дома несколькими латинскими фразами, довольно хорошо их заучил, но не умеет ими пользоваться.

НОВЕЛЛА VIII

*О прокуроре, который нанял себе в прислугу деревенскую
девушку, и о его писце, который ее обучал*

Один парламентский прокурор овдовел, не достигнув еще сорока лет, и, как хороший мальчик, сильно тяготился своим одиночеством. Он не мог обойтись без женского пола и весьма сожалел, что жена, которая была для него еще вполне пригодна, умерла так рано. Однако

---

¹ Я не мать Христа (*лат.*).

² Что, у тебя бесы? (*лат.*).

³ В рукаве моем (*лат.*).

⁴ О чем просишь? (*лат.*).

он постепенно привык к своему положению и сумел возместить потерю, занимаясь благотворительными делами, а именно: стал любить жен ближних своих, как свою собственную, и вести дела вдов и всяких других женщин, приходивших к нему с жалобами. Словом, ловил, где попадалось, и рубил, как боец на турнире. Но через некоторое время это стало ему надоедать, ибо, не имея досуга заниматься выслеживанием удобных случаев, как это делает молодежь, он не мог посещать своих соседей так, чтобы не внушать никаких подозрений. Кроме того, все это ему обходилось довольно дорого. Поэтому он решил найти себе какую-нибудь женщину для постоянных услуг. Он вспомнил, что в Аркейле, где у него было несколько виноградников, он видел когда-то одну молодую девушку, лет шестнадцати—семнадцати, по имени Жильетта, дочь одной бедной женщины, зарабатывавшей себе кусок хлеба пряжей льна. Эта девушка была крайне простодушна и глупа, хотя и довольно хороша лицом, но прокурор решил, что лучшего ему и не нужно, вспомнив когда-то слышанную им поговорку: *глупая супруга лучше умного друга*. Умным женам доверять нельзя: они всегда водят своих мужей за нос, то и дело вытягивают у них деньги, украшают их рогами или оказываются уж чересчур честными, а иногда и совмещают в себе все эти качества.

Короче говоря, наш прокурор поехал во время сбора винограда в Аркейль и стал просить мать этой девушки отпустить ее к нему в услужение. У него-де в настоящее время нет служанки, а без служанки он не может обойтись, он-де будет с ней хорошо обращаться и жениться на ней, когда придет время. Старуха, отлично понимавшая, к чему он клонит речь, притворялась, однако, недолго. Бедность вынудила ее согласиться на это предложение, и она обещала послать к нему свою дочь в ближайшее воскресенье, что и сделала. Девушка, попав в город, была совсем ошеломлена, увидев в нем такое множество людей, ибо она не видала до этого времени ничего, кроме коров.

Чтобы дать ей немного осмотреться, прокурор сначала ни о чем с ней не говорил и продолжал по-прежнему ходить на поиски приключений. Кроме того, чтобы она исполняла предстоящие ей обязанности старательнее, он заказал для нее кое-какие наряды. Но в

доме у него жил один писец, который поступил совсем иначе. Через два или три дня, когда прокурор ушел к кому-то на обед, он, увидев эту девушку, завел с ней разговор. Он стал ее спрашивать, откуда она приехала и где ей больше нравится — в деревне или в городе.

— Милая моя, — сказал он, — не бойтесь ничего, вы не найдете лучшего места, чем здесь. На вас не будет лежать больших забот. Хозяин — человек добрый, и вам у него будет хорошо. А он еще не говорил вам, для чего он вас взял к себе? — спросил писец.

— Нет, — ответила девушка. — Мать наказывала мне только слушаться его, помнить все, что мне скажут, и ничего не терять.

— Милая моя! — сказал писец. — Ваша мать дала вам хороший совет. Но она знала, что писец объяснит вам все ваши обязанности, и поэтому больше ничего не говорила. Милая моя, когда какая-нибудь молодая девушка поступает в городе в прислуги к прокурору, она должна предоставить себя в полное распоряжение его писца, а писец должен знакомить ее с городскими обычаями и с привычками ее хозяина, чтобы она умела ему угождать. В противном случае бедные девушки ничему не научаются, а хозяева начинают с ними дурно обращаться и наконец отсылают их обратно в деревню.

Так говорил писец, а бедная девушка слушала его и всему верила, ибо он учил ее угождать хозяину. Наконец она робко и с самым простодушным видом ответила ему:

— Я буду вам за это очень благодарна!

Писец, увидев по лицу девушки, что дела у него идут недурно, начал с ней заигрывать, гладить ее и целовать. А она только и говорила:

— Ох! Мать ничего про это мне не сказала.

Когда писец начал ее обнимать, она тоже не сопротивлялась, думая, что это городской обычай. Вот насколько она была глупа! Он проворно повалил ее на сундук, и, должно быть, сам черт ему помогал, так ловко он начал действовать!

С этого дня они продолжали свои занятия всякий раз, когда писцу представлялся удобный случай. И пока прокурор ждал, когда его служанка поумнеет, писец делал его дело, не спрашивая у него никаких полномочий. Через несколько дней, нарядив молодую девушку,

которая от привольной жизни, а равно и оттого, что красивое оперение придает птице красоту, хорошела с каждым днем, прокурор решил наконец испытать, сумеет ли она подойти к приступку, и послал однажды утром писца, который шел к Жильетте для обычных занятий, снести в город какой-то пакет. Когда писец вышел, прокурор начал с ней заигрывать, трогать ее за груди и совать руки под юбку. Ей было очень весело, ибо она знала, что плакать тут не из-за чего, хотя и продолжала относиться к хозяину с прежней деревенской застенчивостью. Прокурор прижал ее к кровати, и так как, прижимаясь к ней, он делал совершенно то же, что и писец, то девушка (Ха-ха! Какая дура!) сказала ему:

— Ах, сударь! Спасибо вам. Мы с писцом это все уже изучили.

Прокурор, у которого уже натянулся гульфик, хотя и не отказался от случая пустить в черное, но сильно рассердился, узнав, что писец начал просвещать ее так рано. Надо полагать, что, по крайней мере, он его уволил.

НОВЕЛЛА X

О том, как Фуке выдал своему хозяину, прокурору города Шателле, одного доброго человека за глухого, а этого доброго человека уверил, что прокурор глух, и как прокурор за это наказал Фуке

Прокурор города Шателле держал при себе двух или трех писцов, и в числе их в качестве ученика — сына одного богатого парижанина, обучавшегося у него по желанию отца судопроизводству. Мальчуган лет шестнадцати или семнадцати, Фуке (так звали этого ученика) был большим озорником и постоянно проказничал. По обычаю, заведенному у прокуроров, он как ученик исполнял все домашние работы, открывал двери стучавшимся посетителям, осведомлялся, что они за люди, что им нужно, и докладывал о них прокурору.

В числе посетителей прокурора был один житель Баньо. Он вел в Шателле процесс и часто заходил к хозяину Фуке, который был его поверенным. Чтобы задобрить его, он носил ему каплунов, бекасов, зайчат, и чаще всего приходил после полудня, когда писцы обе-

дали или заканчивали обед. Фуке открывал ему дверь без особенного удовольствия, ибо этот добрый человек пускался с ним в разговор и весьма часто Фуке приходилось что-нибудь передавать от него прокурору, приносить от последнего ответ, а из-за этого он оставался голодным. С другой стороны, и хозяин не очень баловал Фуке: он посылал его в город ежедневно, двадцать раз, сто раз в день, и это тоже сильно надоело мальчугану.

Однажды этот добряк из Баньо в обычное время стучится в дверь. Фуке, узнававший его по стуку, услышав три удара, пошел ему открывать и по пути задумал сыграть с ним шутку за то, что он всякий раз приходит во время обеда, а одновременно отплатить и хозяину.

— Ну, почтеннейший, что скажете? — спросил он, открывая дверь.

— Я хотел бы переговорить с господином прокурором о своем деле.

— Ну, что же, — сказал Фуке. — Изложите его мне, а я ему передам.

— Ох, — сказал добряк, — мне непременно нужно переговорить самому. Без меня вы ничего не сумеете.

— Хорошо, — молвил Фуке, — я ему скажу, что вы пришли.

Фуке вошел к хозяину и сказал:

— Тот человек из Баньо хочет с вами переговорить.

— Просите его сюда, — сказал прокурор.

— Сударь, — заявил Фуке, — он совсем оглох или, по крайней мере, очень плохо слышит. Если вам угодно, чтобы он вас расслышал, то с ним нужно говорить как можно громче.

— Хорошо, — сказал прокурор, — я буду говорить громко.

Фуке вернулся к добряку и сказал:

— Друг мой, можете переговорить с господином прокурором, но только вот что я вам скажу: в последнее время он страдает воспалением уха и почти совсем оглох. Когда вы будете с ним говорить, то кричите громче, иначе он вас не расслышит.

Сделав свое дело, он пошел заканчивать свой обед, говоря про себя: «А нуте-ка, почтенные, поговорите теперь о ваших секретах!» Добряк вошел в кабинет прокурора и приветствовал его, крича на весь дом:

— Добрый день, господин прокурор!

Прокурор ответил ему еще громче:

— Храни вас бог, любезный! Что скажете?

Затем они начали говорить о деле и принялись кричать словно в лесу. Когда они вдоволь накричались, добряк простился с прокурором и ушел. Но вот, несколько дней спустя, этот добряк пришел опять, и случайно в то время, когда Фуке ушел по поручению хозяина в город. Добряк вошел и, обменявшись с прокурором приветствием, спросил его, как он себя чувствует. Тот ответил, что хорошо.

— Слава богу, господин прокурор! — сказал добряк. — По крайней мере вы теперь слышите? В последний раз, когда я к вам приходил, мне пришлось говорить с вами довольно громко. Но теперь вы, слава богу, хорошо слышите.

Прокурор изумился:

— А вы, любезный, вылечили свои уши? Ведь это вы плохо слышали?

Добряк ответил, что уши у него никогда не болели и что он, слава богу, всегда прекрасно слышал. Прокурор тотчас же догадался, что это проделка Фуке, и скоро нашел случай его проучить.

Однажды Фуке, отправившись в город с поручением от прокурора, не мог устоять против соблазна поиграть недалеко от дома в мяч, что он делал почти всякий раз, когда хозяин куда-нибудь его посылал. Хозяин это прекрасно знал, ибо несколько раз сам заставлял его за этим занятием. На этот раз, зная, что Фуке уже за своим обычным занятием, он сообщил одному цирюльнику, своему куму, о своих намерениях и попросил его приготовить новый веник и сидеть дома. Подождав, пока Фуке не разгорячился игрой, прокурор пришел на место игры в то время, когда тот уже выиграл свои две дюжины и играл для того, чтобы сквитаться. Увидев, как он раскраснелся, прокурор сказал:

— Ах, дружок мой, это вам очень вредно. Вы заболете, а ваш отец будет винить в этом меня.

И сойдя с ним с площадки, привел его к цирюльнику.

— Будь любезен, куманек, — сказал он, — одолжи мне для этого мальчугана какую-нибудь рубашку и вытри его. Он весь вымок.

— Господи! Да он схватит простуду! — сказал цирюльник. — Уж я постараюсь.

Они ввели Фуке в заднюю половину лавочки и раздели его возле огня, который они нарочно развели,

чтобы не внушить подозрений. А тем временем для бедного Фуке, доверчиво позволившего раздеть себя донага, уже готовились розги. Когда он был раздет, эти розги начали чистить его пониже живота и по всему телу. Стеляя его, хозяин приговаривал:

— Ну, Фуке, я был когда-то глухим, а у тебя нет ли теперь насморка? Чувствуешь, как пахнет веник?

Один только бог знает, сколько розог высypалось ему на спину. Таким-то образом милый Фуке узнал, что ему не следовало шутить с хозяином.

НОВЕЛЛА XII

Сравнение алхимиков с женщиной, которая несла на рынок горшок с молоком

Всем известно, о чем обычно болтают алхимики. Они хвалятся, что могут приобрести неисчислимы богатства и что они постигли тайны природы, скрытые от всех остальных людей. Но в конечном счете все их труды превращаются в дым, а поэтому их алхимия заслуживает лишь названия искусства, которое изнуряет, или несуществующего искусства. Их можно, пожалуй, сравнить с той доброй женщиной, которая несла на рынок горшок молока и делала такой расчет: она продаст его за два лиарда; на эти два лиарда она купит дюжину яиц и положит их под наседку; из них выведется дюжина цыплят; когда цыплята вырастут, она сделает их каплунами; каждый каплун будет стоить пять су; это составит больше эку; на эти деньги она купит двух поросят — борова и свинку; они вырастут и принесут еще двенадцать; через некоторое время она продаст их по двадцать су за штуку; это составит двенадцать франков; на них она купит кобылу, которая принесет ей хорошенького жеребеночка; он подрастет и сделается таким резвым! Все будет прыгать и ржать: «Х-н! Х-н!» И произнеся это «Х-н!», добрая женщина, обрадованная своим удачным расчетом, принялась подпрыгивать, как ее будущий жеребенок. Прыгая, она уронила горшок и пролила все молоко. Прощайте, яйца, цыплята, каплуны, поросята, кобыла и жеребеночек! Такова же и судьба алхимиков. После всех их обжиганий, обугливания, замазывания, раздувания, процежи-

ваний, прокаливаний, замораживаний, сгущений, растапливаний, стеклований, загниваний у них вдруг разобьется какой-нибудь аламбик, и они оказываются в таком же положении, как и эта добрая женщина.

НОВЕЛЛА XIII

О царе Соломоне, который добыл философский камень и почему алхимикам не удаются их затеи

Никто не знает, почему алхимикам не удаются их затеи. Но Мария-Пророчица весьма хорошо и подробно объяснила это в своей книге о великом искусстве, где она дает философам мудрые наставления и поддерживает их мужество. По ее мнению, философский камень является для людей величайшей ценностью и, помимо всех прочих чудесных свойств, заключает в себе силы, дающие власть над демонами: обладатель его может их заклинать, предавать анафеме, связывать, срамить, терзать, сковывать, истязать и пытаться. Словом, играй им, как палашом, и делай все, что хочешь, если умеешь пользоваться своим счастьем. Затем она говорит, что Соломон добыл самый лучший философский камень и бог просветил его познанием величайшей чудодейственной силы этого камня, о которой мы уже говорили, а именно — силы, дающей власть над демонами. Поэтому, получив его, он решил немедленно вызвать к себе демонов, но сначала он велел соорудить огромный медный чан, в окружности не менее Венсеннского леса или, может быть, на какие-нибудь полфута поменьше (это все равно — о таких пустяках не стоит и говорить). Правда, чан имел лишь более круглую форму, но такие громадные размеры его были необходимы для дела, задуманного царем. Для чана была сделана такая же большая, плотно закрывающаяся крышка и одновременно с этим вырыта соответственной ширины яма, в которую его по повелению царя и зарыли.

Когда эти приготовления были закончены, царь вызвал с помощью своего чудодейственного камня всех обитателей преисподней от больших до малых, начиная от властителя четырех сторон земли, королей, герцогов, графов, баронов, военачальников, капитанов, кончая

капралами, ефрейторами, солдатами, конными и пешими, и всеми, кто обитал, не оставив ни одного черта даже на их адской кухне. Когда они явились, Соломон с помощью своего камня велел им всем войти в этот чан, уже вкопанный в землю. Черти не могли его послушаться и вошли, разумеется весьма неохотно, корча самые ужасные рожи. Тотчас же как только они вошли, Соломон велел прикрыть их сверху крышкой, хорошенько замазать *cum luto sapientiae*¹ и яму засыпать до самого верха землей. Засадив туда господ чертей, Соломон надеялся избавить мир от вреда, который причиняли людям эти злые, проклятые гады, дать людям мирную счастливую жизнь, чтобы в ней царили одни только добродетели и радости. И действительно, тотчас же после этого все люди вдруг сделались счастливыми, довольными, здоровыми, веселыми, бодрыми, полными, шутливыми, бойкими, радостными, любезными, пылкими, забавными, красивыми, ловкими, милыми, игривыми и сильными. Ах, как они счастливо зажили! Ах, как стало хорошо! Земля начала без всякой обработки приносить плоды, волки перестали нападать на стада, львы, медведи, тигры и кабаны сделались кроткими как овцы. Словом, пока эти плуты черти сидели в своей яме, земля походила на рай.

Но что произошло потом? По истечении долгого времени, когда сменились многие царства и разрушились старые города, а на их месте возникли новые, появился один царь, который словно по велению судьбы задумал построить город как раз на том месте, где были погребены черти. Надо полагать, что по недосмотру Соломона в то время, когда черти входили в чан, какой-нибудь чертенок сумел улизнуть и спрятаться за ком земли. Этот-то чертенок и внушил царю мысль строить город на том самом месте, где находился чан, чтобы выпустить своих товарищей на волю. Итак, царь собрал людей строить город. Он задумал построить в нем пышные дворцы и обнести его крепкими, неприступными стенами. А для таких стен потребовался очень прочный фундамент, и закладываявшие его землекопы так глубоко зарылись в землю, что один из них натолкнулся на чан с чертями. Он поднял сильный стук. Услышавшие его товарищи сочли себя богачами, думая, что там

---

¹ Замаской мудрости (лат.).

зарыты несметные сокровища. Но увы! Что это оказались за сокровища! О, как позавидовало людям небо! О, какое случилось несчастье! О, как боги разгневались на людей! Где перо, где язык, который сумел бы проклясть эту ужасную, несчастную находку? Вот к чему ведет алчность, вот к чему ведет честолюбие, которое, пресытившись счастьем, до самой преисподней разрывает землю в поисках своего несчастья!

Но возвратимся к нашему чану и нашим чертям. Повествование говорит, что землекопы не скоро сумели его открыть, ибо насколько он был велик, настолько же была тяжела его крышка. Поэтому о находке должен был узнать и сам царь. При виде чана у него зародилась та же мысль, что и у землекопов, ибо кто мог подумать, что там находятся черти, если никто не подозревал об их существовании и всякие слухи о них давным-давно уже канули в воду? Этот царь знал, что его предшественники владели огромными богатствами, и ему не могло не прийти в голову, что они зарыли здесь свои несметные сокровища, а судьба поберегла их для него, чтобы сделать его самым могучим царем на земле. И вот следствие. Он собрал всех людей, живших над этим чаном, и велел его откапывать. Пока они его откапывали, черти прислушивались к шуму и не понимали, что это значит. Они решили, что окончился суд, начавшийся над ними со дня их заключения, и их хотят откопать для того, чтобы повесить. Землекопы же так усердно колотили по чану, что им удалось его погнуть, отколоть от крышки большой кусок и проделать в ней отверстие. Нечего и говорить, как черти рвались к этому отверстию и какой ужасный рев они испускали при выходе. Их вопли так испугали царя и всех присутствующих, что они упали наземь, как мертвые. А черти выползли из своей тюрьмы, поднялись на ноги и разбежались по земле, по своим местам. Некоторые из них, увидев, какие изменения произошли на земле со времени их заключения, были совсем ошеломлены и, не видя колоколен своих приходов, не помня своих мест, навсегда сделались бродягами. Но бродя по земле, они всюду разносили столько зла, что страшно даже рассказывать. Вместо прежних злодейств, которыми они старались отравить человеческую жизнь, они придумали новые: начали убивать и истязать людей, бесчинствовать и опрокидывать у них все вверх дном. Все побе-

жали прятаться по горшкам, но и там были черти. С этого времени на земле появилось множество философов (ибо алхимиков принято считать преимущественно философами).

Для добывания упомянутого чудодейственного камня Соломон оставил им письменное руководство, которое не уступало в точности и ясности такой науке, как грамматика, и многие люди начали было уже постигать его, ибо черти, находясь в заключении, не затемняли их мозгов. Когда же их выпустили на свободу, они, обозленные на Соломона за его проделку, начали с того, что забрались к философам в очаги и разнесли их вдребезги. Они постарались также стереть, исцарапать, порвать и подделать все найденные книги, в которых излагалась эта наука, отчего она сделалась столь темной и трудной, что люди совсем перестали ее понимать. Черти охотно уничтожили бы их книги совсем, если бы им это позволил бог. Вырвавшись на свободу, они стали мешать ученым работать. Когда какой-нибудь ученый наталкивался на дорогу, ведущую к цели, и начинал уже постигать всю премудрость, следивший за ним бесенок вдруг разбивал алабик, наполненный драгоценным веществом, и в один миг уничтожал все, над чем бедный философ трудился десять, двенадцать лет, и ему приходилось начинать все снова. И вели себя так не свиньи, а черти, которые хуже свиней. Вот почему в настоящее время алхимикам так редко удается добиться каких-нибудь полезных результатов. Но это не значит, что их наука потеряла ту истинность, которой она обладала в прежние времена. Причина их неудач — ненависть чертей к этому дару божию. Но так как нет ничего невозможного в том, что в один прекрасный день какому-нибудь философу посчастливится сделать то же, что сделал Соломон, и если случайно это произойдет в наше время, то я буду просить его, обратив внимание на все изложенное, чтобы он не забыл заговорить, заклясть, изгнать, предать анафеме, проклясть, заколдовать, погубить, истребить, развеять в прах и уничтожить всех этих злых, гадких бесов, врагов творений божьих и добра, которые приносят такой вред бедным алхимикам и всем остальным людям, а значит, и женщинам. И действительно, не кто иной, как бесы, внушают женщинам непристужность, упрямство и всякие фантазии; не кто

иной, как бесы, влезают в головы старух, позабытых смертью, и делают их сущими дьяволицами. Отсюда про дурных женщин и пошла поговорка, что у них — черт в голове.

НОВЕЛЛА XIX

О сапожнике Блондо, который за всю свою жизнь был печальным только два раза, о том, как он избавился от печали, и о его эпитафии

В Париже по Сене три лодки плывут, в Париже около Круа-дю-Тируар жил в своей хижине сапожник Блондо. Он весело трудился, зарабатывая себе кусок хлеба починкой башмаков, и больше всего в мире любил хорошие вина, в которых был большим знатоком и авторитетом для своих посетителей. Как только где-нибудь поблизости появлялось хорошее вино, он непременно его отвеживал и радовался всей душой, если его было вдоволь. С утра до вечера он распевал песни и веселил своих соседей. За всю свою жизнь он был грустным не более двух раз. В первый раз — когда он нашел где-то в старой каменной стене большой чугун со старинными серебряными и биллонными монетами неизвестного для него достоинства. С этого дня он загрустил, замолк и стал думать только о своем чугуне с побрякушками. Он рассуждал про себя: «Это — деньги неходячие. Мне не дадут за них ни хлеба, ни вина. Если я покажу их ювелирам, то они на меня донесут или потребуют из них себе долю и не дадут мне за них и половины того, что они стоят». Затем он стал думать, что плохо их спрятал, беспокоился, как бы их не украли, и поминутно ходил смотреть, лежат ли они на месте. Он испытывал нестерпимые муки, пока его не осенила наконец хорошая мысль.

— Как? — сказал он. — Я только и думаю о своем горшке? Глядя на меня, люди начинают подозревать, что у меня что-то случилось. Ба! К черту этот горшок! Он принес мне одно только горе!

И действительно, когда он вежливоенько взял этот чугун за бока и швырнул его в реку, то вместе с ним утонула и его печаль.

В другой раз много огорчений причинил ему один живший напротив него господин (или, если угодно, он

жил напротив этого господина). У него была маленькая обезьянка, которая причинила бедному Блондо много убытков. Она подсматривала, например, с верхнего окна, как Блондо резал кожи, и когда тот уходил обедать или отлучался куда-нибудь по делам, спускалась вниз, забиралась в его хижину и, взяв его нож, начинала так же, как он, резать у него кожи. Она делала это всякий раз, когда Блондо отлучался, и поэтому бедняга не мог сходить ни поесть, ни попить, не заперев свои кожи. Когда он забывал это сделать, обезьяна изрезывала их на куски. Эти проказы сильно его сердили, но он не смел ее наказать, потому что боялся ее хозяина. Наконец, когда это сделалось для него совершенно невыносимым, он решил ее проучить. Он заметил, что обезьяна имела обыкновение в точности подражать всем его действиям. Если Блондо точил нож, обезьяна по его уходу тоже точила нож, он смолил дратву, обезьяна делала то же, он пришивал заплату, обезьяна тоже принималась вертеть локтями. Однажды Блондо взял свой нож, наточил его как бритву, и когда обезьяна показала на своем наблюдательном посту, он приложил этот нож к своему горлу и начал водить им взад и вперед, словно хотел им зарезаться. Затем, проделав это несколько раз, чтобы обезьяна могла у него научиться, он положил нож и ушел обедать. Обезьяна, обрадовавшись новому развлечению, тотчас же спустилась вниз, схватила нож, приложила его к горлу и начала водить им взад и вперед, как это делал Блондо. Но она держала его слишком близко к горлу, не догадавшись, что может им зарезаться, и так как нож был очень острый, то не прошло и часу, как она протянула ножки. Таким образом, Блондо без всяких неприятных для себя последствий отомстил этой обезьяне и по-прежнему стал петь песни и есть с аппетитом.

Так он и жил до самой своей смерти. В память его веселой жизни на его могильной плите соседи написали эпитафию:

Под этим камнем погребен
Блондо, сапожник. В жизни он
Себе богатств не накопил,
А после — с миром опочил.
Друзья скорбят о нем душой:
Он мастер выпить был большой.

НОВЕЛЛА XXIII

О том, как мастер Пьер Фефе обзавелся даровыми сапогами, и о Зубоскалах Ла-Флеша Анжуйского

Еще совсем недавно в городе Анжере отличался один пройдоха, по имени мастер Пьер Фефе, человек необыкновенно остроумный и изобретательный, но не причинявший большого вреда, помимо тех случаев, когда он проделывал вийоновские фокусы, ибо

Пройдоха сметливый и прыткий,
Всем мастерам благой пример,
Раздеть приятеля до нитки
Большой ловкач был мастер Пьер,

одобрявший поговорку: владей добром, коли взял молодцом. Правда, он делал это так мило и искусно, что к нему не питали большой неприязни и только посмеивались над его проделками, держась от него, разумеется, как можно дальше.

Рассказывать обо всех его проделках слишком долго, и поэтому я выберу из них только одну, и притом не самую заурядную, чтобы вы могли убедиться, что и прочие кой-чего стоили. Однажды ему пришлось так спешно уезжать из Анжера, что у него не было времени надеть сапоги. Да что сапоги! У него не было времени даже оседлать лошадь, ибо за ним гнались по пятам. Но он был так пронырлив и находчив, что в двух шагах от городских ворот сумел завербовать у какого-то бедняка, возвращавшегося в деревню, кобылу, уверив его, что, проезжая через его деревню, он возвратит лошадь его жене. А так как погода была довольно плохая, то он забежал на гумно, где искусно изготовил себе новые сапоги из сена, а затем вспрыгнул на кобылу и так прищпорил, или, точнее, прицелкнул ее пятками, что добрался, хотя и весь вымокший и в самом плачевном состоянии, до Ла-Флеша. Это обстоятельство повергло его в большое уныние, а к довершению несчастья, когда он проезжал по городу, где пользовался славой седого волка, как и везде, его заметили Зубоскалы (так прозвали жителей этого города за их насмешничество) и начали над ним всячески издеваться.

— Мастер Пьер, — кричали они, — ты сегодня выглядишь героем! Видно, задали тебе хорошую

баню! — Мастер Пьер, не оброни шпаги! — Ты похож на святого Георгия верхом на кобыле!

Кроме того, сапожники принялись смеяться над его сапогами:

— Ах, что за райское житье для нас наступило! Лошади будут есть у хозяев сапоги! — говорили они.

Нашему мастеру Пьеру не пришлось даже прикоснуться ногами к земле, и Зубоскалы принялись его вышучивать тем более охотно, что он сам любил подшутить над другими. Он терпеливо переносил их насмешки, пока наконец ему не удалось укрыться от них в гостинице, где он решил привести себя в надлежащий вид. Отогревшись немного у огня, он решил отомстить им за эту встречу и, сообразуясь со своим временем, а также и нуждами, придумал хороший способ отомстить пока сапожникам, надеясь, что бог поможет ему отомстить когда-нибудь и остальным: крайне нуждаясь в сапогах, он придумал способ обзавестись ими за счет сапожников. Притворившись, что плохо знает город, он спросил у хозяина, нет ли тут поблизости каких-нибудь сапожников. Он-де должен был очень спешно выехать из Анжера по одному делу и не успел надеть дорожные сапоги и шпоры. Хозяин ответил, что сапожников тут сколько угодно.

— Ради бога, — сказал мастер Пьер, — позовите мне какого-нибудь, любезный.

Хозяин исполнил его просьбу. Приходит сапожник — случайно один из тех, которые над ним смеялись.

— Друг мой, — сказал ему мастер Пьер, — не можешь ли ты сделать для меня к завтрашнему утру пару сапог?

— Конечно могу, сударь, — ответил сапожник.

— Но они мне понадобятся за час до рассвета.

— Они будут вам готовы к любому времени, сударь.

— Ах, друг мой, прошу тебя, поторопись же с ними! Я тебе тотчас же заплачу.

Сапожник снял с него мерку и ушел. Немедленно же после его ухода мастер Пьер посылает слугу за другим сапожником, будто бы не сойдясь с первым в цене. Сапожник пришел, и ему было сказано то же, что первому, то есть чтобы сапоги были готовы за час до рассвета, что за ценой дело не постоит, лишь бы они были из хорошей коровьей кожи, причем фасон был указан тот же, что и первому. Сняв мерку, ушел и этот.

На другой день, утром, в назначенный час, мастер Пьер посылает за первым сапожником, и тот приносит уже готовые сапоги. Мастер Пьер надел правый сапог. Сапог оказался впору, словно печатка или словно он был сделан из воска или из чего хотите, ибо восковые сапоги плохая вещь, ну, словом, сапог был шит отлично. Но, надев левый сапог, он притворился, что ему жмет ногу.

— Ах, друг мой, ты мне делаешь больно. Эта нога у меня немного распухла от жидкости, которая перетекла в нее сверху. Сапог тесен, но это можно исправить. Поди, дружок, надень его еще раз на колодку. Я могу подождать часок.

Когда сапожник ушел, мастер Пьер скорехонько разул ногу и послал за вторым сапожником, а в то же время велел снарядить лошадь и рассчитался с хозяином. Приходит второй сапожник, тоже с сапогами. Мастер Пьер надевает левый сапог — сапог оказывается как раз по ноге, но с правым сапогом он поступает так же, как с левым у первого сапожника — отсылает его в поправку: сделать немного пошире. Тотчас же, как только этот сапожник ушел, мастер Пьер надевает на правую ногу сапог первого сапожника, садится на свою кобылу, в сапогах со шпорами (которые он себе купил потому, что у него не было времени надуть зараз столько народу), и давай пришпоривать! Он уже проскакал мило, когда наши сапожники явились в гостиницу, держа в руках по сапогу. Они осведомились друг у друга, для кого эти сапоги.

— Для мастера Пьера Фефе, — сказал один, — он велел мне сделать этот сапог немного пошире. Он был ему тесен.

— Как? — вскричал другой. — Да ведь и я разводил для него же этот сапог.

— Врешь! Не для него!

— Для него! Разве я не говорил с ним сам? Разве я его не знаю?

Пока они препирались, подошел сам хозяин и спросил их, кого они тут ждут.

— Вот сапог для мастера Пьера Фефе, — говорит один. Другой — то же.

— Вам придется подождать, пока он не заедет сюда на обратном пути, — сказал хозяин. — Если он нигде не останавливался, то едет теперь уже, наверное, далеко.

Вот в каких дураках остались наши сапожники!
— Что же нам теперь делать с этими сапогами? — спрашивали они друг у друга и решили наконец разыграть их в конданаду, ибо оба сапога были одинакового фасона.

А мастер Пьер продолжал весело улепетывать, довольный тем, что он одет несколько наряднее, чем накануне.

НОВЕЛЛА XXVIII

О прево Кокиллере, у которого болели глаза и которого врачи уверили, что он видит

Там же, в земле Мен, должность прево недавно занимал некий Кокиллер, чинивший суд и расправу и в своем лукавстве не уступавший судье Мельяру. Этот судья, поймав одного молодца, который довольно много набедокурил, но пытался защититься своей тонзурой, дал ему немного охладиться в тюрьме, а затем, выбрав досужее время, велел его привести к себе и завел с ним дружескую беседу.

— Право, сударь, — сказал он, назвав при этом имя преступника, — было бы очень хорошо предать вас суду вашего епископа. Я не хочу нарушать вашей привилегии, уверяю вас в этом, хотя вы мне и не верите. Но я советую вам, чтобы вы, выйдя отсюда, вступили на хорошую дорогу. Вы хороший и храбрый человек, и вам следовало бы служить королю. Вы могли бы скоро отличиться, заслужить почести и славу, если бы не проказничали по городам и по дорогам, не рисковали бы напрасно своей жизнью и не обесчестили себя навеки.

Польщенный этими словами, повеса немедленно ответил ему:

— Сударь, я не знаю, чем я могу еще служить королю. Я был под Павией под начальством капитана Лоржа, когда его взяли в плен, а затем служил в войсках господина де Лотрека во время осады Милана и завоевания Неаполитанского королевства.

Тогда Мельяр, чтобы показать ему, как можно служить королю, вынес ему приговор и высоко и быстро вздернул его на виселицу вместе с его тонзурой.

Кокиллер умел делать подобные вещи не хуже его и

видел духовными глазами сквозь мешок. Но своими телесными глазами он мог видеть не дальше четырех дюймов, и было бы излишним спрашивать его, предпочел ли бы он иметь столь же длинный нос, сколь далеко он видел, или столь же далеко видеть, сколь длинен был его нос, ибо ни о том ни о другом нельзя было сказать многого.

Однажды Ле-Манский епископ задумал объехать свою епархию и попутно решил навестить Кокиллера, ибо слышал о нем как о достойнейшем судии. Он нашел его в постели; бедные глаза его были застланы какой-то влагой.

— Ну, господин прево, — сказал епископ, — как ваши глаза?

— Я надеюсь, что мне скоро полегчает, ваше преосвященство, — ответил Кокиллер, — врач сказал мне, что я вижу.

Можете судить, насколько он был умен, если полагался на мнение врача в том, видит ли он. Но он не был столь доверчив к показаниям своих узников.

НОВЕЛЛА XXX

О мастере Жане Понтале; как он высмеял банного цирюльника, который был о себе слишком высокого мнения

В наше время очень мало найдется таких людей, которые не слышали бы про мастера Жана Понтале. Память о нем еще очень жива; не забылись еще его остроты, шутки и прибаутки и его замечательные представления, и все помнят, как однажды он приставил свой горб к горбу одного кардинала и сказал, что, вопреки всеобщему мнению, гора с горой прекрасно сходятся. Да и для чего я рассказываю об этой выходке, когда за ним числится целый миллион еще более забавных? Но я выберу из них только одну или две.

Жил-был один банный цирюльник, который был о себе весьма высокого мнения и воображал, что умнее и искуснее его не было никого в самом Париже. Даже в своей бане, раздетый донага и бедный, как брат Круазе, служивший мессу в одной сорочке, он, вооружившись бритвой, разглагольствовал перед своими клиентами:

— Вот что значит ум, господа! Что вы думаете обо мне? Своими успехами я обязан только самому себе. Мне не помогали ни родители, ни друзья. Если бы я был глуп, я не был бы таким, каким вы меня видите.

И если он был слишком доволен собой, то и требовал к себе слишком большого внимания. Мастер Жан Понтале знал о его слабости, пользовался ею для своих целей, заставляя его участвовать в своих фарсах и играх, и постоянно требовал его к себе, когда в нем нуждался, уверяя его, что даже во всем Париже не сыскать такого искусного актера, как он.

— Ничего мне не доставляет такой славы, — говорил Понтале, — как ваше участие. Меня спрашивают: кто это играл такую-то роль? Ах, как он хорошо играл! И я всем сообщаю ваше имя, чтобы сделать вас известным. Не удивляйтесь, друг мой, если вас пожелает когда-нибудь видеть сам король. Предоставьте только случай.

Нечего и говорить, как кичился этим наш цирюльник. Спесь его вскоре превзошла всякие пределы. Однажды он сказал мастеру Жану Понтале:

— Знаете что, Понтале? С сегодняшнего дня вы больше не будете звать меня на ваши игры каждый день. Я хочу участвовать лишь в каких-нибудь нраво-учительных представлениях, где должны выступать знатные лица вроде, например, королей, принцев и вельмож. А кроме того, я хочу играть лишь самые лучшие роли.

— В самом деле, — сказал мастер Жан Понтале, — вы правы и вполне этого заслуживаете. Почему вы не надумали меня раньше? Я сделал большой промах, что не догадался сам. Но теперь у меня есть для вас на будущее время кое-что приятное: я задумал одну очень хорошую вещь и дам вам на подмостках самое лучшее место. Для начала я прошу вас прийти ко мне в будущее воскресенье. Я должен представлять одну интереснейшую мистерию, в которой будет выступать царь Великой Индии. Ведь вы согласитесь играть эту роль? Не так ли?

— Да, — ответил цирюльник, — кто же может сыграть ее кроме меня? Только дайте мне именно эту роль.

Понтале исполнил свое обещание на другой же день. А в день представления наш цирюльник оказался на

сцене сидящим на троне со скипетром в руке в самом пышном царственном великолепии, какое только когда-либо выпадало на долю цирюльника. Между тем мастер Жан Понтале сделал уже все приготовления, чтобы высмеять господина цирюльника. Он охотно читал прологи к своим представлениям сам, и когда зрители собрались, он, хотя и вышел на ступеньки последним, выступил, однако, первый и произнес следующие слова:

Я, ваш смиреннейший служитель,
Не знатен родом, не богат,
Но этот Индии властитель
Частехонько скоблил мне зад.

Чтобы больнее высмеять кичливость цирюльника, он произнес эти слова с самыми забавными ужимками, и все представление вел так, что царь Индии должен был молчать и не показывать вида, что сердится, ибо в противном случае он мог бы испортить игру. И научил же он тогда господина цирюльника играть царей, и пожалел же тот, что не отправился в свою баню!

Про этого же Понтале ходит, например, еще такой рассказ (хотя некоторые и отрицают, что в нем рассказывается про него, но о ком бы он ни был, а рассказ интересный). В какой-то большой праздник один священник взошел на кафедру читать проповедь. А читая проповедь, он очень часто уклонялся в сторону и угощал своих слушателей самой вздорной болтовней.

— Как вы думаете, — говорил он, — кто я? Очень мало таких священников, которых можно допустить к кафедре. Даже самые ученые священники большей частью совсем не умеют читать проповедей. Но бог дал мне и ученость и ораторский талант. Я просвещен всеми науками.

Затем, показывая пальцем на свой лоб, он говорил:

— Сын мой, если тебе нужно знать грамматику — она здесь. Риторику — она здесь. Философию — она здесь. Богословие — я могу поспорить в нем с любым сорбоннским доктором. Еще три года назад я ничего не знал, а теперь вы видите, как хорошо я читаю проповеди. Бог посылает свои милости кому следует.

Однажды мастер Жан Понтале, собравшись давать в послеобеденное время какое-то интересное представление и хорошо зная этого проповедника, прохаживался

уже в костюме и гриме по городу и случайно подошел к церкви, где этот проповедник читал проповедь. Мастер Жан Понтале остановился на площади возле церкви, и чтобы заставить его умолкнуть, а также чтобы зазвать слушавший его народ на свое представление, погромче и побольше бил в свой тамбурин. Но вышло как раз наоборот. Чем больше он производил шума, тем громче кричал проповедник. У Понтале с проповедником или, точнее, у проповедника с Понтале началось состязание — кто победит? Наконец проповедник пришел в ярость и громко, повелительным тоном сказал слушателям:

— Идите и велите этому тамбурину замолчать!

Но никто его не послушался, а если кой-кто вышел из церкви, так только затем, чтобы посмотреть на мастера Жана Понтале, который продолжал еще сильнее бить в свой тамбурин. Видя, что Понтале не перестает и что никто не повинуется проповеднику, последний сказал:

— Хорошо же, я пойду сам.

И сошел с кафедры со словами:

— Пусть никто не сходит с места. Я тотчас же вернусь.

Пылая гневом, вышел он на площадь и сказал Понтале:

— Как ты смеешь брэнчать на тамбурине, когда я читаю проповедь?

Понтале посмотрел на него и сказал:

— Как ты смеешь читать проповедь, когда я играю на тамбурине?

Тогда проповедник, еще больше рассердившись, взял у сопровождавшего его служки нож, прорезал им тамбурин и пошел обратно в церковь заканчивать проповедь. Понтале схватил свой тамбурин, побежал вслед за проповедником и надел ему тамбурин на голову, как надеваются албанские шляпы, нахлобучив его со стороны разреза. Чтобы показать, какое ему нанесли оскорбление и какое кощунство совершили этим над словом божьим, проповедник поднялся в таком виде на кафедру, но народ, увидя его с тамбурином на голове, принялся смеяться и не стал его слушать. Он был вынужден замолчать и уйти. Этот случай показал ему, что умному человеку не следует связываться со скоморохом.

НОВЕЛЛА XXXIII

О чудачествах кюре города Бру

Кюре города Бру, которого звали иногда *Брионским кюре*, совершил в своей жизни так много замечательных деяний, что если изложить их письменно, то о нем составитя легенда еще больше, чем о Ланселоте или Тристане. Он пользовался такой славой, что ему даже стали приписывать все сколько-нибудь замечательные поступки других приходских священников. Лиможцы пытались приписать его подвиги своему кюре Пьеру Бюфферу, но большинством мнений они были утверждены за кюре Бру. Я расскажу о нем только несколько героических былей, а все остальное предоставлю тем, кто хочет подобным описанием их усовершенствовать свой слог.

Надо сказать, что этот кюре в исполнении своих обязанностей руководствовался исключительно своими собственными взглядами и не считался с тем, что было принято его предшественниками. Например, он пел антифоны, ответные возгласы, *Kyrie, Sanctus* и *Agnus Dei* почти всегда на свой лад, но особенно не нравилась ему обычная манера чтения страстного Евангелия, и поэтому он читал его совсем иначе, чем это было принято. Слова, с которыми Спаситель обращается к иудеям или к Пилату, он произносил так громко и отчетливо, что их было слышно во всех углах церкви, а слова иудеев или кого-нибудь другого он произносил так тихо, что их никто не мог расслышать.

Как-то раз одна знатная и важная дама, направляясь в Шатодюн встречать пасху, проезжала в страстную пятницу около десяти часов утра через Бру и с намерением послушать богослужение зашла в церковь, где служил этот кюре. Приступив к Евангелию, он начал читать его, как обычно, на свой лад и слова «*Quem queritis?*» произнес во все горло, а «*Iesum Nazarenum*» — еле-еле слышно. Так он и продолжал его читать до конца. Дама, весьма набожная, начитанная в Священном писании и сведущая в правилах бо-

---

¹ Кого ищете? (лат.).

гослужения, пришла от такого чтения в негодование и хотела удалиться из церкви. Но подумав, решила переговорить с ним и высказать об этом свое мнение. С этой целью по окончании богослужения она велела позвать его к себе, и когда он явился, сказала ему:

— Господин кюре, я не знаю, где это вы так учились служить в праздники, подобные сегодняшнему, когда все молящиеся должны проникнуться скорбью. Если вас послушать, то пропадет всякое благочестие.

— Как же так, сударыня? — спросил кюре.

— Вы еще спрашиваете? — сказала она. — Да ведь вы читаете Евангелие в противность всякому благолепию. Слова Спасителя вы горланите так, как будто находитесь на базаре, а слова какого-нибудь Каиафы, Пилата или иудеев вы шепчете нежно, словно невеста. Разве так можно? Разве это приличествует священнику? Лишить бы вас за это бенефиции, так вы бы живо поумнели.

Внимательно выслушав ее, кюре ответил:

— Так вот что вы мне хотели сказать, сударыня! Клянусь душой, справедлива пословица, что люди часто судят о том, чего не понимают! Сударыня, я полагаю, что я могу служить не хуже других, и всем известно, что в этом приходе по его средствам чтят бога не хуже, чем за сто миль в окрестности. Я отлично знаю, что другие священники читают Евангелие совсем не так, как я. И я мог бы читать его так же, как они, если бы захотел, но именно они-то ничего в этом и не смыслят. Подобаает ли этим негодьям иудеям говорить так же громко, как Спасителю? Нет, сударыня. И знайте, что я хочу, чтобы в моем приходе господином был бог, а не кто-нибудь другой, и так будет продолжаться, пока я живу. А другие пусть делают в своих приходах, что хотят.

Дама поняла его нрав и удалилась, предоставив его этим странным убеждениям, и только сказала:

— Подлинно, вы умный человек, господин кюре. Мне часто об этом говорили, но я не верила, пока не убедилась воочию.

НОВЕЛЛА XXXVIII

Об ученом, осуждавшем танцы, о даме, которая их защищала, и о доводах, которые они приводили в защиту своих взглядов

В городе Ле-Мане недавно жил один доктор богословия, которого звали «наш магистр Аржантре». Он получал с церковных доходов докторскую долю, отличался большой ученостью и безупречной жизнью. Помимо своей учености, он обладал знанием хороших манер и умением обращаться с людьми, каковые качества делали его желанным гостем самых лучших собраний. Как-то раз, на одном вечере, устроенном самыми знатными гражданами, в числе которых находился и наш магистр Аржантре, после ужина был затеян бал. Посмотрев немного на танцы, он вступил в беседу с одной весьма изящной дамой, женой судьи Силье, женщиной, высоко ценимой всеми благородными людьми за ее благонаравие, красоту и ум, отличавшейся необыкновенной прелестью во всем, что бы она ни делала, и между прочим в танцах, которые доставляли ей величайшее наслаждение. Беседуя о том и другом, они коснулись также и танцев. По этому поводу доктор высказал мнение, что из всех развлечений нет менее достойных человека, нежели танцы. Дама возразила ему, что она не находит ни одного занятия, которое оживляло бы дух более, нежели танцы, что какой-нибудь олух никогда не делается ловким и не научится такту и что эти качества являются признаком человека искусного и размеренного во всех его поступках и замыслах.

— Иногда среди молодых людей встречаются такие увальни, — продолжала дама, — что, кажется, легче научить ходить иноходью быка, нежели их танцевать, и посмотрите, что у них за ум! Танцы доставляют удовольствие и самим танцующим, и тем, кто на них смотрит. Если бы вы пожелали сказать правду, то, мне кажется, вы признались бы, что и вы смотрите на них с удовольствием, ибо нет людей, которые, сколь бы они ни были печальны, не наслаждались бы, глядя на это грациозное сплетение тел и резвые движения.

Выслушав ее, доктор немного уклонился от предмета разговора, но продолжал, однако, беседовать с нею, отдаляясь от него настолько, чтобы при случае его не возобновить. Через некоторое время, достаточное, по

его мнению, для того, чтобы дама могла отдохнуть от спора, он ее спросил:

— Если бы вы стояли у окна или на балконе и увидели бы на какой-нибудь большой площади десяток или два людей, которые, схватившись за руки, прыгали бы, кружились и бегали взад и вперед, ужели вы не сочли бы их сумасшедшими?

— Конечно, — ответила дама, — если бы они делали это не в такт.

— Допустим, что в такт, но только без тамбурина и флейты, — сказал доктор.

— Признаюсь, это было бы очень некрасиво, — ответила дама.

— Так неужели, — продолжал доктор, — какая-то просверленная деревяшка и ведро, обтянутое с обеих сторон кожей, обладают столь чудодейственной силой, что способны вызвать в вас восхищение вещью, коей глупость совершенно очевидна?

— А почему бы и нет? — сказала дама. — Вам известно, какой силой обладает музыка. Звук, издаваемый инструментом, входит в душу человека, а душа приказывает телу, которое для того только и существует, чтобы знаками и движениями выражать ее склонность к радости или к печали. Вам известно, что печальные люди имеют совсем иной вид, нежели веселые и довольные. Кроме того, как вы сами постоянно говорите, во всем нужно обращать внимание на обстоятельства. Барабанщик, играющий совсем один, подобен проповеднику, который читает проповедь без слушателей. Люди, танцующие без музыки или песен, подобны слушателям, собравшимся на проповедь без проповедника. Если бы вы были правы, нас следовало бы лишить ног и ушей. Уверяю вас, — продолжала она, — что если бы я, даже лежа в гробу, услышала звуки скрипки, я встала бы и пустилась бы танцевать. Игроки в мяч еще с большим увлечением бегают за маленьким кожаным или шерстяным шариком, нежели танцоры, и отдаются этому занятию с такой страстью, что иногда бывают готовы перебить друг друга насмерть. А ведь эта игра куда хуже танцев! Она ведется без музыки и лишена той удивительной увлекательности, которая свойственна танцам. И зачем чуждаться радостей этого мира? Если бы вы пожелали быть правдивым, то, осуждая развлечения, вы призна-

лись бы, что осуждаете лишь дурные развлечения, ибо вы отлично знаете, что в этом мире нельзя жить без удовольствий. Конечно, нужно лишь, чтобы ими не увлекались сверх меры.

Доктор хотел возразить, но тут его окружили женщины, и в их присутствии он был вынужден замолчать, боясь, как бы они не увлекли его танцевать. Может быть, это было бы для него лучше, — кто знает?

НОВЕЛЛА XL

О том, как один священник исповедовал каменщика

В одном селении служил священник, весьма гордившийся тем, что, кроме своего Катона, изучал «De syntaxi» и «Fauste precor gelida». Он сильно зазнавался, щеголял высокопарными речами и употреблял мудреные слова, которые застревали во рту, и воображал себя величайшим ученым. Даже опрашивая исповедовавшихся, он употреблял иногда такие слова, что бедные прихожане только смотрели на него, вытаращив глаза.

Однажды, исповедуя одного бедного поденщика, он спросил:

— Не был ли ты честолюбивым, сын мой?

Бедняк ответил, что не был. Он полагал, что это слово употребляется только знатными господами, и раскаивался в том, что пришел исповедоваться к этому важному священнику, который говорит такие мудреные слова, как «честолюбив». Может быть, это слово поденщик когда-нибудь и слышал, но не знал, что оно значит. Между тем священник продолжал его спрашивать:

— Не прелюбодействовал ли?

— Нет.

— Не был ли неумерен в пище?

— Нет.

— Не был ли горделивым?

А поденщик все отвечает: «Нет».

— Не был ли гневливым?

И еще того менее. Видя, что исповедовавшийся на все вопросы отвечает «нет», священник сделался весьма «изумливым».

— Не был ли ты похотливым?

— Нет.

— В таком случае, с чем же ты ко мне пришел?

— Я каменщик, — ответил тот, — а вот у меня с собой лопатка.

Другой исповедовавшийся отвечал совершенно так же, но казался немного поразвитее первого. Он был пастухом.

— Ну, сын мой, — начал его спрашивать священник, — хранил ли ты заповеди господни?

— Нет, — ответил пастух.

— Это плохо. А заповеди церкви?

— Нет.

— Так, значит, ты ничего не хранил?

— Я хранил только овец, — ответил пастух.

Был еще один исповедовавшийся, старый, как цветочный горшок, а может быть, он покажется кому-нибудь и новым. После того как он выложил священнику все, что хотел, тот спросил его:

— Ну, сын мой, что у тебя есть еще на совести?

Исповедовавшийся ответил, что у него больше ничего нет, если не считать один пришедший ему на память грех: он украл однажды недоуздок.

— Что же, друг мой? — сказал священник, — украсть недоуздок — грех не столь тяжелый. Я охотно даю тебе отпущение.

— Все это так, — сказал исповедовавшийся, — да на конце-то недоуздка была кобыла.

— Вот оно что! — сказал священник. — Это другое дело. Между кобылой и недоуздкой большая разница. Тебе надо сперва вернуть кобылу. Как только ты это сделаешь, я на первой же исповеди дам тебе отпущение за недоуздок.

НОВЕЛЛА XLIII

О девушке, которая не хотела идти замуж за одного человека потому, что он проел у своей первой жены спину

Говоря о двусмысленностях, вызываемых произношением, нужно заметить, что французы имеют обыкновение произносить слова довольно мягко и не договаривать их до конца, вследствие чего весьма часто одни слова можно принять за другие, если их значение нельзя понять из каких-либо других слов, стоящих с ними рядом.

В городе Лионе одну молодую девицу выдавали замуж за вдовца, волею божией похоронившего свою жену год или два назад. Этот человек пользовался славой плохого хозяина, ибо распродал и промотал имущество своей первой жены. Когда об этом браке зашел разговор, молодая девица спряталась за дверь и подслушала. Она услышала о женихе разные мнения и, между прочим, следующее: «Я не думаю, что ее за него выдадут. Это — человек нехороший. У своей первой жены он проел все приданое». Молодая девица поняла это слово не так, как понимал его собеседник говорившего, ибо была еще слишком молода и никогда не слыхала слова dot — приданое, которое в некоторых местах, и главным образом в Лионе, заменяет слово douaire, и подумала, что жених проел у своей жены dos — спину или хребет. Перепуганная девушка пошла поделиться своим страхом с матерью и напрямик заявила ей, что она не хочет идти замуж за того человека, который ее сватает.

— Почему же ты не хочешь, моя милая? — спросила ее мать.

— Маменька, — ответила ей дочь, — это ужасный человек. Его жена умерла оттого, что он проел у нее спину.

Когда это сделалось известным, над ней жестоко смеялись. Но она была вполне права, отказываясь от такого мужа. Проест ли муж у своей жены спину или приданое, — для нее одинаково плохо.

НОВЕЛЛА XLIV

О побочном сыне одного знатного сеньора, который позволил себя повесить ни за что и рассердился за то, что его спасли

У одного знатного сеньора был побочный сын, или, по крайней мере, сомнительный, отличавшийся необыкновенной рассудительностью. Он полагал, что за его родство с знатной семьей все должны чтить его, как принца, и что весь мир должен знать об его звании, происхождении и имени. Но для этого он давал слишком мало поводов, ибо большей частью скитался по стране в убогой карете, валандался со всяким людом, и с хоро-

шим и с дурным без разбора, а нередко, проиграв где-нибудь в трактире и лошадей и платье, ездил на своей паре и без копыя.

Однажды, очутившись в таком плачевном положении, он возвращался во Францию, чтобы привести себя в приличный вид, и, блуждая по Руэргу, забрел в лес, где разбойники только что убили человека. Преве, гнавшийся за разбойниками, встретил нашего героя, одетого солдатом, и осведомился у него, откуда он идет. Наш герой удостоил его лишь ответом:

— А вам какое дело, откуда я иду?

— Да, я имею по вас дело! — сказал преве. — Не из тех ли вы молодцов, что убили этого человека?

— Какого человека? — спросил тот.

— Нечего спрашивать какого! — сказал преве. — Вот покажу вам виселицу, так язык-то у вас живо развяжется!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил наш герой.

Но за эти ответы преве схватил его (и, что гораздо хуже — за воротник) и поволок. Всю дорогу наш герой говорил:

— Ах, так вы осмелились меня схватить, господин преве? Ну что же? Пусть будет по-вашему.

Думая, что он угрожает ему товарищами, преве льнул к своей страже. Он довел его до ближайшего селения и учинил ему краткий допрос. Но наш герой в ответ на вопросы, кто он и как его зовут, только говорил:

— Вам скажут, кто я такой! Ах, так вы — людей вешать?

Сочтя эти угрозы за признание, преве присудил его к повешению и заставил подняться на лестницу. А наш герой подчинялся всему и только твердил:

— Клянусь вам, господин преве, ни одна из ваших жертв еще не обходилась вам так дорого! Так вы — людей вешать?

Когда он был уже наверху, по счастливой случайности, к толпе зрителей подошел один руэргец, который когда-то бывал при дворе и встречал там нашего героя. Он сразу же узнал его и, чтобы прочнее в этом убедиться, подошел ближе к лестнице.

— Господин преве, — сказал он, — что вы делаете? Ведь это — вот кто. Будьте осторожны.

Наш герой, услышав слова руэргца, сказал:

— Молчи, молчи же, черт побери! Пусть его научат как вешать людей!

Узнав его имя, прево немедленно велел ему сойти вниз, а он все еще продолжал говорить:

— Ах, так вы хотели меня повесить? Ей-богу, вы дорого заплатились бы за это, господин прево! Зачем ты ему помешал? — сказал он руэргцу.

Обратите внимание: он позволял себя повесить для того, чтобы показать, как за него накажут. Кто может поверить, что он дворянин и даже сын знатного сеньора?

Этот бедняга не походил на того дворянина, которого государь назначил послом к английскому королю, в то время когда последний был очень плохим французом.

— Ваше величество, — сказал дворянин, — моя жизнь и все мое добро принадлежит вам. Я не колеблясь отдам их вам, когда вы этого потребуете. Но если вы пошлете меня теперь в Англию, я оттуда уж никогда не вернусь. Вы отправляете меня на смерть, между тем как дело не столь спешное, чтобы его нельзя было отложить до того времени, когда гнев английского короля остынет. Теперь же, находясь в гневе, он непременно отрубит мне голову.

— Клянусь честью дворянина, — сказал король, — если он это сделает, я заставлю его заплатить мне за вашу голову тридцатью тысячами своих, чтобы не быть в обиде!

— Но, ваше величество, — возразил ему дворянин, — из всех этих голов найдется ли хоть одна, которая могла бы мне подойти? Человека мало утешает мысль, что за его смерть отомстят.

Правда, благородный человек спокойно кладет голову под топор, когда этого требует его честь и любовь к отечеству.

НОВЕЛЛА XLVI

О портном, обкрадывавшем самого себя, и о сером сукне, которое он возвратил своему куму-чулочнику

Там же, в Пуатье, жил один портной, по имени Лион, большой мастер своего дела, отлично одевавший и мужчин, и женщин, и всех. Только иногда, выкраивая

задник, он по ошибке вырезал для него вместо двух кусков три или вместо двух рукавов выкраивал для плаща три, хотя всегда догадывался пришивать два, ибо ведь у человека всего только две руки. Но он так любил оставлять себе на знамя, что ухитрился для него нарезать себе кусков из всех сортов и цветов сукна. Даже когда он кроил что-нибудь для себя, ему казалось, что он употребит сукно не в пользу, если не отрежет от него образца и не спрячет его в коробейку или в сундук со знаменем, подобно тому вору, который, не зная что украсть, вставал по ночам и крал деньги из своего собственного кошелька. Я совсем не хочу сказать, что портные — воры. Они так же, как и мельники, берут лишь то, что им дают. Одна честная служанка говорила даме, которая ее нанимала:

— Видите ли, сударыня, я буду вам служить хорошо, но...

— Что «но»? — спросила дама.

— Обратите внимание, у меня немного низковаты пятки. Я очень плохо держусь на ногах и постоянно падаю навзничь. Это мой единственный недостаток. Во всем остальном вы будете мною довольны как нельзя больше.

Наш портной очень походил на эту служанку: он был прекрасным мастером с одним только маленьким изъянчиком. Однажды, выкраивая для своего кумачулочника плащ из серого руанского сукна, он отрезал себе от него довольно изрядный кусок, когда кум вышел зачем-то ненадолго во двор. Кум это прекрасно заметил, но не захотел ничего говорить, ибо знал по себе, что всякий кормится своим ремеслом.

Однажды утром чулочник, проходя в своем новом плаще мимо мастерской портного, остановился с ним поболтать. Портной спросил его, не хочет ли он скушать вместе с ним кусочек сельди (дело было великим постом), на что тот охотно изъявил согласие. Они поднялись наверх, чтобы зажарить сельдь. Портной крикнул сверху одному из подмастерьев:

— Принеси-ка мне тот кусок, что лежит там внизу!

Подмастерье подумал, что он велит принести кусок серого сукна, который остался от плаща, и хочет отдать его своему куму-чулочнику. Он взял это сукно и принес его к хозяину. Кум, увидев этот кусок сукна, сказал:

— Да ведь это от моего сукна! Ты только это и взял? Э! Тело божие! Это еще не так много.

Видя, что его уличили, портной сказал ему:

— Неужели ты думаешь, что я хотел его у тебя украсть? Ведь ты мне — кум. Разве ты не видишь, что я велел его принести для того, чтобы вернуть тебе? Храни их сукно, а они тебя обвинят, что ты его украл!

Кум-чулочник остался этим ответом весьма доволен. Он позавтракал и унес свое сукно. Но портной задал за это своему подмастерью хорошую трепку: будь вперед умнее!

НОВЕЛЛА I

О гасконец, который предложил отцу выбирать яйца

Один гасконец, побывав на войне, возвратился домой к своему отцу, старому и смиренному поселянину. Сын же был разбитной малый: он держался дома, как истый рубака, и вел себя хозяином. Однажды, в пятницу за обедом, он сказал отцу:

— А ведь у нас достало бы кружек и на тебя, и на меня, хоть ты и не стал бы пить.

Как-то раз они испекли на камельке три яйца. Наш гасконец взял одно для пробы, другое тоже потянул к себе, оставил на блюде только одно яйцо, а потом и говорит отцу:

— Выбирай, отец!

— Э! — сказал ему на это отец. — Да что же я буду выбирать-то? Ведь тут осталось всего одно яйцо.

— Голова божья! — сказал гасконец. — Все-таки есть что выбирать: можешь взять или оставить.

Отцу представлялся хороший выбор.

Когда отец заболел, сын сказал ему:

— Помоги тебе бог, отец. — А потом добавил, — если только будет на это его милость. Он ведь ничего не делает против своей воли.

Он был стыдлив, как свинья, ворующая тесто, а поэтому не смел бранить отца и только говорил:

— Чтоб язва поразила половину людей!

А потом упрашивал приятеля:

— Пожелай язву и другой половине, чтобы она досталась отцу.

НОВЕЛЛА LII

О двух доводах, которыми можно заставить замолчать жену

Один молодой человек, беседуя с парижанкой, которая хвалилась тем, что командует мужчинами, сказал:

— Будь я вашим мужем, я не дал бы вам потачки.

— Вы? — воскликнула она. — Нет, и вы стали бы плясать под мою дудку, как и все.

— Ой ли? — усомнился он. — Ведь у меня есть два прекрасных довода, которыми я сумею управиться с любой женщиной.

— Вот как! — сказала собеседница. — Что же это за доводы?

— Вот один довод! — ответил молодой человек, сжимая кулак, и затем, сжимая другой кулак, — а вот и другой довод.

Дама засмеялась, ибо полагала, что у него есть какие-нибудь два новых довода наставлять женщин на ум. А тот разумел кулаки. Но, я думаю, нет ни кулаков, ни доводов, которыми можно образумить женщину, когда на нее найдет блажь.

НОВЕЛЛА LIII

Способ разбогатеть

Начав с мелочной торговли, с продажи иголок, поясов и булавок, один человек так разбогател, что скупил у своих соседей землю, и во всем округе только и было разговоров что о нем. Удивляясь удачливости этого человека, один дворянин, очутившийся однажды вместе с ним в дороге, спросил его (назвав его при этом по имени):

— Послушайте, любезный, как это вы сумели так разбогатеть?

— Сударь, ответил тот, — я расскажу вам это в двух словах: я старался больше трудиться и меньше расходовать.

Вот действительно остроумно сказано, но к этому требуется еще хлеб и вино, ибо иной свернет себе

шею, а все-таки от этого не разбогатеет. Но этот человек сумел выразиться удачнее, чем тот, который говорил:

— Для того, чтобы разбогатеть, нужно лишь повернуться к богу спиной на добрых пять-шесть лет.

НОВЕЛЛА LIV

Об одной орлеанской даме, любившей школяра, который изображал у ее двери маленькую собачонку, и о том, как большая собака прогнала маленькую

За одной орлеанской дамой, женщиной красивой и благонравной (хоть она и была оса), женой торговца сукном, долго ухаживал один молодой школяр, красавец и лихой плясун (в те времена орлеанские плясуны славились так же, как пуатинцы-флейтисты, авиньонские удалцы и тулузские зубрилы). Звали этого школяра Клеретом. Дама, обладавшая жалостливым и добрым сердцем, не могла устоять против его ухаживаний и ответила ему наконец взаимностью, каковой он мирно наслаждался благодаря искусному обмену с нею посланиями, обоюдным предостережениям и намекам. У них были в ходу также и кой-какие невинные ухищрения, которые они применяли попеременно, вроде, например, того, что в десять часов вечера Клерет приходил к ее двери и подражал лаю маленькой собачонки. Горничная, посвященная в этот секрет и державшая его в тайне, тотчас же выходила на его лай без свечи и без фонаря и открывала ему дверь. А по соседству с этой дамой жил другой школяр, который тоже был в нее влюблен и страстно желал быть в компании с Клеретом, но не мог этого добиться, потому что либо не нравился ей, либо не был так смьшлен, как Клерет, а вероятнее всего потому, что умные женщины неохотно заводят шашни с соседями, опасаясь слишком скорого разоблачения. Однако, узнав о посещениях Клерета и даже о том, как он лает и как ему открывают дверь, этот школяр сумел кое-что придумать. Точно узнав время прихода Клерета, он решил, что голос у него вполне пригоден для того, чтобы подражать им лаю собачонки, как это делал Клерет, и стоит ему только залаять, как добыча будет в его руках.

И вот однажды, когда мужа дамы не было дома, он немного ранее десяти часов подошел к дверям ее дома и залаял, как маленькая собачонка:

— Гав! Гав!

Служанка, услышав лай, тотчас же открыла ему дверь. Весьма обрадовавшись этому, он, знакомый с расположением комнат, направился прямо в спальню дамы и лег к ней на кровать. Дама приняла его за Клерета, а он, разумеется, не терял даром времени.

Пока он с нею забавлялся, пришел Клерет и принялся, по обыкновению, лаять у двери:

— Гав! Гав!

Но его не впустили. Хотя даме и послышалось что-то, но она не подумала, что это — он. И только после того как он тявкнул еще раз, у нее зародилось подозрение, тем более что приемы и манеры гостя показались ей не такими, как у Клерета. Она хотела встать и позвать служанку, чтобы та узнала, в чем дело, но школяр, намеревавшийся провести эту ночь, которая началась для него столь счастливо, в свое удовольствие, немедленно поднялся с кровати и, подойдя к окну, в то время как Клерет продолжал еще свои «Гав! Гав!», залаял ему в ответ наподобие деревенских брехунов:

— Гоф! Гоф! Гоф!

Услышав этот голос, Клерет сказал:

— Ах, ах, божье тело! Конечно, большая собака должна прогнать маленькую. Прощайте, прощайте, доброго вечера и доброй ночи!

И ушел. А тот школяр снова улегся на кровать и постарался успокоить даму, как мог. Ей не оставалось ничего другого, как покориться. С этого времени он вступил с маленькой собачкой в сделку, и они ходили охотиться на кроликов по очереди, как добрые друзья и товарищи.

НОВЕЛЛА LVIII

О монахе, который давал на все вопросы краткие ответы

Один монах, находясь в пути, зашел во время ужина в харчевню. Хозяин усадил его с другими проезжими, которые успели изрядно закусить, и наш монах, дабы догнать их, принялся уписывать свой ужин за обе щеки

с такой жадностью, словно он не видал хлеба целых три дня. Для большего удобства он снял с себя все облачение до фуфайки. Обратив на это внимание, один из сидевших за столом принялся задавать ему разные вопросы. Монаху это весьма не нравилось, ибо он был занят улаживанием своей утробы, и чтобы не терять времени, он стал давать краткие ответы, в которых, я полагаю, он упражнялся раньше, ибо отвечал весьма точно. Вот в чем состояли вопросы и ответы:

- Какую вы носите одежду?
- Клубук.
- А много в вашем монастыре монахов?
- Очень.
- Какой вы едите хлеб?
- Черный.
- Какое вы пьете вино?
- Светлое.
- Какое мясо вы едите?
- Говяжье.
- Сколько у вас послушников?
- Девять.
- Как вы находите это вино?
- Добрым.
- Вы не пьете такого?
- Нет.
- А что вы едите по пятницам?
- Яйца.
- А сколько их полагается на брата?
- Два.

Таким образом он отвечал на все вопросы, ни разу не оторвавшись от еды. Если он так же кратко читал свои утренние молитвы, то, надо полагать, он был хорошей опорой церкви.

НОВЕЛЛА LXI

*О приговоре бретонского прево, повесившего Жана
Трюбера и его сына*

Жил в Бретани один человек, и, надо сказать, человек дрянной. Звали его Жаном Трюбером. Он много раз попадался на кражах, и, казалось, получив в одном месте трепку, в другом — порку, он должен был бы

немного образумиться, но, напротив, он так к этому привык, что не только не исправлялся, но даже начал обучать своему ремеслу пятнадцати — шестнадцатилетнего сына, водя его с собою на промысел.

Как-то раз они украли у одного богатого крестьянина кобылу. Тот сразу же заподозрил в этой краже Жана Трюбера и сумел с помощью надежных свидетелей доказать, что Жан Трюбер увел его кобылу в среду на базар, находившийся в пяти-шести милях от деревни, где и продал. Жана Трюбера вместе с сыном выдали прево, и ему недолго пришлось ждать суда и приговора, в котором, между прочим, значилось следующее: *«Жана Трюбера за кражу и увод взрослой кобылы повесить и удавить, и мальчик должен быть вместе с ним»*. Затем прево передал Жана Трюбера и его сына палачу и откомандировал с ними своего актуариуса — парня не особенно ученого. Когда дело дошло до исполнения приговора, палач высоко и быстро повесил отца, а затем спросил актуариуса, что он должен сделать с мальчуганом. Актуариус прочел приговор, внимательно рассмотрел слова *«и мальчик должен быть вместе с ним»* и велел палачу делать свое дело. Палач сделал. Он вздернул и мальчугана, который уже совсем повесил голову, и, что гораздо хуже, удавил. Исполнив приговор, актуариус пришел к прево, и тот его спросил:

— Ну, как дела с Жаном Трюбером?

— Жан Трюбер повешен, — ответил актуариус.

— А мальчуган? — спросил прево.

— И мальчуган повешен, ей-богу!

— Как? — сказал прево. — Тысяча чертей! И мальчуган повешен?

— Ей-богу, и мальчуган, — ответил актуариус.

— Что вы сделали! — сказал прево. — Ведь я вам этого не говорил.

И между ними произошел долгий спор. Актуариус утверждал, что, согласно приговору, он должен был повесить и мальчугана, прево утверждал обратное. Наконец после долгих препирательств прево сказал:

— Прочтите приговор. Клянусь богом, я не имел намерения вешать мальчугана!

Актуариус прочел приговор и это самое важное место: *«Жана Трюбера за кражу и увод взрослой кобылы повесить и удавить, и мальчик должен быть вместе*

с ним». Словами «вместе с ним» прево хотел сказать, что Жан Трюбер должен быть повешен, а его сын должен присутствовать при казни, чтобы казнь отца послужила для него назиданием. Прево хотел поступить с мальчиком согласно именно этим словам, но было уже поздно. Актуариус же оправдывался тем, что слова «вместе с ним» должны означать, что мальчик подлежит повешению вместе с отцом. Наконец, не зная, что сказать, хотя актуариус был не прав, прево промолвил:

— Покончено с мальчиком, покончено. А может быть, это и хорошая развязка для молодого волка, ей-богу!

Вот и все вознаграждение, какое получил бедный мальчуган, если не принимать в расчет распоряжения прево снять его с виселицы, чтобы не было толков.

НОВЕЛЛА LXIII

*О профессоре, который сражался с одной селедочницей
с Малого моста*

Один стриж направился как-то раз в Великий пост к Малому мосту и подошел к селедочнице, намереваясь купить у нее треску. Но вместо двух лиардов, которые она с него запросила, он предложил ей только один. Селедочница рассердилась и обругала его, сказав:

— Проходи, проходи, Жоан! Отнеси свой лиард к кишечникам.

Стриж, получивши такое оскорбление прямо в глаза, пригрозил ей пожаловаться на нее своему профессору.

— Ступай, паренек, жалуйся! — ответила она. — Я сумею отделать вас обоих — и тебя, и его!

Стриж, недолго думая, отправился прямо к своему профессору. порядочному повесе, и сказал ему:

— *Per diem, Domine!*¹ Там, на Малом мосту сидит самая злющая старуха в мире! Я хотел купить у нее треску, а она назвала меня Жоаном.

— А кто она? — спросил профессор. — Ты сумеешь мне ее показать?

¹ Клянусь богом, сударь! (лат.)

— Ita, Domine¹, — ответил школяр. — А кроме того, она мне сказала, что сумеет отделать и вас, если вы к ней придете.

— Пусть только попробует! — сказал профессор. — Per dies!² Она получит, что следует.

Профессор решил, что к такой особе с пустыми руками идти нельзя и что самым лучшим подарком для нее будет запас хороших отборных ругательств, которыми он должен отделать ее так, чтоб довести ad metam non loqui³, а поэтому велел спешно собрать все ругательства, какие только существуют, и обратился также за помощью к своим коллегам. Коллеги, сидя за кружками вина, скоро придумали их для него такую уйму, что он вполне удовлетворился. Записав их на двух больших свитках, он выучил один свиток наизусть, а другой положил за рукав на тот случай, если одного свитка окажется недостаточно.

Затвердивши свои ругательства насколько возможно лучше, он позвал стрижа, чтобы тот довел его до Малого моста и показал ему эту селедочницу. Кроме него, он пригласил с собой еще нескольких других галошников, которых он сводил in primis et ante omnia⁴ в кабачок «Мул» и хорошенько подпоил. Едва они дошли до Малого моста, как селедочница узнала стрижа и, увидев, что он явился на этот раз не один, догадалась, зачем он пришел.

— Ах, вот они! — закричала она. — Вот они, обжоры! Вся школа свалилась!

Профессор приблизился к ней и, постучав об лохань, где она держала сельди, сказал:

— А что нужно этой старой ведьме?

— Ах ты, кутейник! — сказала старуха. — Уж не затем ли ты сюда пришел, чтоб задирать меня?

— Вот навязалась, старая шлюха! — сказал профессор. — Клянусь светом! Пусть будет по-твоему!

И с этими словами он стал перед ней в позу фехтовальщика, намереваясь сразиться с ней меткими ударами языка.

— Слава те боже, — сказала селедочница, увидев,

---

¹ Да, сударь (лат.).

² Клянусь богами! (лат.).

³ До пределов молчания (лат.).

⁴ Во-первых и прежде всего (лат.).

что ей делают вызов. — Так ты хочешь меня переругать, чумазый учительшка! Ну, ну! Начинай, дюжий осел, увидишь, как я тебя отделаю. Говори же, твой черед!

— Эх ты, двужилная! — сказал профессор.

— Ах ты, сводник!

— Провались ты, тварь!

— Нишкни, потаскун!

В самом разгаре сражения я должен был уйти, потому что у меня были дела, но я слышал от свидетелей, что обе стороны долго и отважно сражались, высыпав друг на друга по сотне самых отборных, крепких и сногшибательных ругательств. Но говорят, что у профессора вырвалось одно ругательство два раза: он вторично назвал ее «тварью». Селедочница заметила это и сказала:

— Слава те боже! Да ведь ты уже это говорил, блудник ты этакий!

— Ну и что же? — ответил ей профессор. — Ведь ты и дважды и трижды тварь!

— Бреешь, лягушонок противный!

Надо полагать, что бойцы бились некоторое время так искусно, что зрители не знали, кому из них отдать пальму первенства. Но у профессора истощился наконец первый свиток. Он вытащил из рукава второй, и так как он не знал его наизусть, то немного смутился, увидев, что селедочница входит в еще больший азарт. Однако, надеясь, что если он отхватит их единым духом, то ему удастся ее сбить, он начал читать записанные в свитке школьные ругательства:

— Алекто, Мегера, Тезифона, презренная, гнусная, омерзительная, отвратительная!

Но селедочница его прервала.

— Ну, слава те боже! — сказала она. — Ты уже не знаешь что и сказать? Говори по-настоящему, и я буду тебе отвечать, безмозглый! Говори по-настоящему! Ах, он принес с собой целый свиток! А ну-ка, поди сперва выучи его, учитель-Жоан! Ты еще не выучил своего урока!

И все селедочницы принялись на него лаять, словно собаки на луну, и так напустились на него, что ему больше ничего не оставалось делать, как спастись бегством. Бедняга был побежден. Вероятно, он пришел к выводу, что если бы у него был Калепин, — вокабуля-

рий, диксионарий, промπτуарий и тезаурий ругательств, — он не уступил бы этой ведьме: поэтому он был вынужден скрыться в коллеж Монтегю, куда и удрал без оглядки.

НОВЕЛЛА LXVIII

О мастере Берто, которого уверили в том, что он умер

Некогда в городе Руане (не ручаюсь, впрочем, за точность, что именно там) жил человек, служивший предметом развлечения для всех прохожих и проезжих (разумеется, если они только знали, как к нему подойти). Он ходил по улицам одетый то моряком, то магистром, то собирателем слив, но всегда дурак дураком. Звали его мастером Берто. Наверное, не кто иной, как он, употреблял при счете число двадцать, одиннадцать, а между тем он гордился своим званием *мастера*, как осел новым седлом. Кто забывал об этом, тот получал от него мало удовольствия, но, назвав его «мастером Берто», вы могли бы заставить его пролезть через кошачью лазейку. Причиной его слабоумия была одна шутка, сыгранная над ним несколькими весельчаками: они не дали ему спать целых одиннадцать ночей подряд, всаживая ему в ягодицы толстые булавки. А ведь это верный способ сделать человека дураком по бекар и бемоль. Правда, к этому он имел предрасположение от природы, ибо ведь он был мастером Берто.

Однажды он попал в руки к каким-то честным людям, которые увели его в поле и там, вдоволь потешившись над ним, начали уверять его, что он болен, заставили его исповедаться у находившегося среди них священника, написать завещание, а затем убедили его, что он умер, ибо пели над ним заупокойные молитвы и говорили: «Ах бедный мастер Берто! Он умер! Никогда мы его больше не увидим. Увы! Не увидим». Они положили его в тележку, возвращавшуюся в город, и шли за нею, распевая над телом бедного мастера Берто: «*Libera me, Domine*»¹, а тот совершенно серьезно воображал себя покойником, хотя некоторые провожатые весьма

¹ Избави мя, господи (*лат.*).

убедительно доказывали ему, что он жив, пользуясь тем приемом, о котором мы только что упомянули, а именно кололи его в ягодичы булавками. Он не хотел, однако, показывать вида, что ему больно, и даже досадовал, когда при уколах ему волей-неволей приходилось немного отдергивать ляжку. Наконец один из весельчаков уколол его так сильно, что он не мог стерпеть, и, подняв голову, сказал первому попавшемуся на глаза:

— Злодей! Если бы я был так же жив, как мертв, то, ей-богу, я убил бы тебя на месте!

И снова принялся изображать покойника. Он поднялся только тогда, когда кто-то из весельчаков сказал:

— Ах! Бедный Берто умер.

— Вы ошибаетесь, — возразил он ему. — Здесь для вас есть только мастер Берто, который, к сожалению, еще жив.

Вот как мастер Берто воскрес из мертвых оттого, что его забыли назвать *мастером*.

Есть еще рассказ про какого-то мастера Журдена; этот считал себя несколько умнее того, хотя и об его уме нельзя было сказать многого. Какой-то носильщик, идя по городу со своей ношей, довольно нескромно, то есть довольно грубо, толкнул его, а затем сказал:

— Берегись.

Лучше поздно, чем никогда.

— Вот тебе на! — ответил ему мастер Журден. — Что же ты делаешь, гревский ангел? Ей-богу, если бы я не был философом, я размозжил бы тебе голову, дурачина ты этакий!

Оба были одного поля ягоды. Только один был дурак, а другой — филодурак.

НОВЕЛЛА LXIX

О том, как пугачинец показывает проезжему дорогу

Много существует способов упражнять терпение! Для этой цели иные дамы держат, например, болтливую, сварливую или совершенно глухого слугу. Вы велите ему принести шпагу, а он несет вам туфли, вы требуете

пояс, он несет колпак. Когда вы совсем замерзаете от холода, он набивает печь сырыми дровами, которые разгорятся только тогда, когда вы израсходуете на них всю солому из своего матраса. Для этой же цели очень полезно ездить на лошади, у которой расковались или сбились от езды ноги или которая имеет обыкновение спотыкаться на каждом шагу. Да и вообще вы можете для этого использовать все несчастья, какие только могут с вами случиться в жизни. Но те несчастья, о которых я здесь говорю, пожалуй, слишком велики. Их можно пожелать только врагам. Есть другие несчастья, которые вследствие их меньшей продолжительности не столь мучительны, и после того как они уже миновали, иногда вспоминаешь о них даже с удовольствием и охотно о них рассказываешь. Особенно большую пользу приносят они молодым людям тем, что немного приучают их сдерживать гнев.

К числу таких несчастий можно отнести, например, встречу с пуатинцами, когда вам приходится проезжать через их страну. Представьте себе, что вы очень спешите, или выдастся холодная, ненастная погода, или вы чем-нибудь недовольны и к довершению несчастья не знаете дороги. Вы видите вдалеке шагающего за плугом пуатинца и обращаетесь к нему:

— Эй, ау! Любезный, как отсюда проехать в Партене?

Волотыка хоть и слышит вас, но не спешит вам отвечать. Он беседует со своими волами:

— Гарea, Фрементин, Брише, Кастен, трогай за мной! Ишь ты, кривоногий!

Он занят своими волами, и вам надо кричать ему два-три раза что есть мочи. Наконец, когда он увидит, что вы намереваетесь подскочить прямо к нему, он засвищет своим волам, чтобы они остановились, и спросит вас:

— Что это вы говорите?

Но это гораздо лучше звучит на их наречии: «*Quiet o que vo disez?*» Представьте себе, что за удовольствие услышать от этого волопаса такой вопрос, после того как вы уже вспотели и охрипли от крика. Но все-таки вы вынуждены повторить свой вопрос:

— Где дорога в Партене? Говори!

— В Партене, сударь? — спросит он вас.

— Ну да, в Партене, чтоб тебя язвило!

— А откуда вы едете, сударь?

Надо что-нибудь придумать и ответить, откуда вы едете.

— Как же отсюда проехать в Партене?

— Погодите. Вы туда едете, сударь?

— Да, любезный. Я туда еду. Где же дорога?

Тогда он кликнет другого волотыку, который в это время подъедет, и скажет ему:

— Мишá, этот человек спрашивает, как отсюда проехать в Партене. Не туда ли это будет, под гору?

Другой, если только ему бог поможет, ответит:

— Надо полагать, сюда.

Можете решать сами, сойдете ли вы с ума или сделаетесь мудрецом, пока они вдвоем обсуждают, куда вам ехать. Наконец, когда пуатинцы все основательно обсуждают, один из них вам скажет:

— Когда вы доедете до того большого перекрестка, поверните направо, а потом поезжайте все прямо. И вы не собьетесь.

Довольны ли вы, наконец? Можете смело продолжать ваш путь. После таких подробных объяснений вы уж, наверное, не заблудитесь.

Затем, если вы пойдете на городской рынок что-нибудь купить, то вам придется иметь дело с искусными и хитрыми купцами.

— Любезный, сколько стоит этот козленок?

— Этот козленок, сударь?

— Да.

— А вы хотите купить его вместе с маткой? О, это очень хороший козленок.

— Это правда. Козленок хороший. Сколько ты за него хочешь?

— Приподнимите-ка его, сударь, какой тяжелый!

— Верно, но сколько же?

— Сударь, matka принесла всего еще только двоих.

— Верю. Но сколько же тебе за него заплатить?

— А хотите, я вам скажу только одно слово. Я уверен, что вам это не покажется много. Нет.

— Да сколько же, наконец, тебе за него дать?

— Право, я прошу с вас за него всего только пять с половиной су. Вот вам товар. Берите или оставьте.

НОВЕЛЛА LXX

О пуатинце, у которого сержант отобрал телегу и волов и передал в руки короля

Я больше не буду занимать вас рассказами о пуатинцах, которые, бесспорно, весьма забавны. Нужно лишь знать их язык, и самое главное — их удивительно милое произношение. Но раз уж я начал, так расскажу вам еще один рассказ.

У одного пуатинца за неуплату подати сержант описал имущество и, согласно приказу властей, забрал в королевские руки телегу и волов. Бедняга пуатинец был совсем убит горем, но делать было нечего. Случилось так, что через некоторое время король приехал в Шательро. Узнав об этом, наш пуатинец, живший в Ла-Тришери, отправился в Шательро посмотреть на королевские забавы, и ему удалось увидеть, как король выезжает на охоту.

Посмотрев на короля, он вернулся в свою деревню, — больше его при дворе ничего не интересовало. Вечером, ужиная со своими кумовьями-волотыками, он сказал:

— Тьфу ты, навоз! Видел я короля так же близко, как вас. Лицом он — как и все люди. Уж я поговорю с этим шельмой сержантом, что забрал у меня третьего дня телегу и волов в королевские руки. Тьфу ты, навоз! У него руки не больше, чем у меня!

Этот пуатинец думал, что король должен быть ростом с колокольню святого Илария и иметь руки величиною с дуб, а в них держать телегу и волов.

Но отчего мне не рассказать еще один рассказ?

НОВЕЛЛА LXXI

О другом пуатинце и его сыне Мишй

Это был человек трудолюбивый и неглупый. Он отвез двух своих сыновей в Пуатье, чтобы отдать их в школу; вместе со своими земляками-одноклассниками они поселились у «Коронованного вола». Старшего звали Мишелем, младшего — Гильомом. Поместив их в школу, отец простился с ними и уехал. Письма он

получал от них редко и довольствовался вестями о них от соседей-крестьян, время от времени ездивших в Пуатье. С ними он иногда посылал своим сыновьям сыры, окорока и весьма прочно подбитые башмаки.

Случилось, что оба они заболели, и младший из них умер, а старший, еще не выздоровев, не мог написать отцу о смерти брата. Через некоторое время отец услышал об этом, он не мог узнать, который из сыновей умер. Весьма огорченный этой вестью, он составил с помощью приходского писаря письмо, которое было адресовано: «Моему сыну Миша, проживающему у короля волов или где-то поблизости». А в письме, между прочим, были такие слова: «Миша, сообщи мне, кто из вас двоих помер, Глом или ты. Это меня очень беспокоит. А еще сообщаю тебе, что наш епископ находится, говорят, в Диссе. Ступай к нему и прими тонзуру, да пускай тебе ее сделают получше да побольше, чтобы не ходить за ней второй раз». Мастер Миша так обрадовался этому письму от отца, что сразу выздоровел, встал с постели и написал ответ. Ответ был начинен риторикой, которой он научился в Пойте. Ради краткости я не буду излагать его здесь целиком и приведу из него только одно место: «Отец мой, уведомляю вас, что умер не я, а брат мой Глом. Но, наверное, я хворал сильнее его, ибо кожа у меня сползает как у свињи». Хороший ответ, не правда ли? Ей-богу, кто будет это оспаривать, тот ужасный спорщик!

НОВЕЛЛА LXXII

О дворянине из Босса и его обеде

Один босский дворянин, из тех, что, отправляясь в дорогу, садятся по двое на одну лошадь, довольно рано и весьма легко пообедал каким-то кушаньем, приготовленным по местному обычаю из муки, нескольких яичных желтков и еще из чего-то, что я затрудняюсь назвать (ибо не знаю, как оно готовится), словом, какой-то похлебкой, которую, я слышал, там называют «коделе». Вот этим-то «коделе» он и пообедал. Но ел он с таким аппетитом, что не успевал вытирать губы и оставил на них несколько кусочков «коделе».

Пообедавши, он отправился по тамошнему обычаю навестить соседа (а этот обычай у них так же распространен, как обычай пукать на ходу) и, запросто ввалившись в дом соседа, когда тот садился обедать, завел с ним разговор.

— Как? — сказал он. — Вы еще не пообедали?

— А вы, — спросил его сосед, — уже пообедали?

— Да, — ответил наш дворянин. — Уже пообедал, и славно пообедал. Я заказал в горячем виде горлышки двух куропаток и обедал я только сам-друг с женой. Жаль, что вы не пришли ко мне откушать.

Сосед, прекрасно зная, как он обычно обедает, ответил ему:

— А ведь вы говорите правду. Вы кушали отличных куропаток. Вон тут у вас остался еще кусочек!

И показал нашему дворянину кусочек «коделе», застрявшего у него в бороде. Дворянин, увидев, что «коделе» его выдало, весьма сильно сконфузился.

НОВЕЛЛА LXXIII

О священнике, который съел завтрак, приготовленный на всех монахов Бо-Лье

В городе Ле-Мане жил когда-то священник, мессир Жан Мелен, необыкновенный объедало, съедавший за один присест столько, сколько могли съесть по меньшей мере девять-десять человек. Свою молодость он прожил довольно счастливо, ибо всегда находил людей, которые его охотно кормили, а каноники даже ссорились из-за него, приглашая его к себе ради той потехи, которую он доставлял им своим удивительным аппетитом. Благодаря этому ему иногда удавалось по целым неделям обедать поочередно то у одного, то у другого. Но когда хорошие времена миновали, все стали забывать бедного мессира Жана Мелена, и ему пришлось познакомиться с постом. Он высох, как полено, и живот у него стал полным, как фонарь. Довольно долго он терпел большую нужду, ибо шести «беленьких» ему на хлеб насущный не хватало. Но аббат Бо-Лье, в былые хорошие времена довольно часто баловавший его кормежками, все-таки задумал однажды доставить ему удовольствие — накормить его, как прежде, до отвала.

На годовой праздник в аббатстве в числе прочего многочисленного духовенства был приглашен и мессир Жан Мелен. Аббат наказал келарю:

— Вот что сделайте. Накормите мессира Жана завтраком и дайте ему еды столько, сколько он сможет съесть.

А затем сам сказал священнику:

— Мессир Жан, как только вы окончите мессу, ступайте на кухню и скажите, чтоб вам дали позавтракать. Да кушайте вволю. Понимаете? Я распорядился, чтобы вас хорошо угостили.

— Много вам благодарен, сударь! — ответил священник.

Служа мессу, он только и думал о предстоящем ему угощении и, поскорее ее закончив, отправился на кухню, где ему отвалили сначала большой кусок говядины, с монашескую порцию, громадный хлеб, какими кормят борзых, и добрую кварту вина, служащую в этой местности в качестве мерки. Не пробило еще и десяти часов, как он уже управился с этим завтраком, ибо такой порцией он мог только облизнуться. Ему принесли еще такую же порцию, и он съел ее так же быстро. Увидев, что аппетит у него неплох, келарь, помнивший наказ аббата, велел принести ему еще два куска говядины, но и их он так же быстро уложил в свой мешок вместе с первыми. В конце концов он съел все, что было приготовлено на обед монахам, и келарь, как король под Аррасом, стрелявший до последнего заряда, был вынужден спешно заготавливать для него еще.

В ожидании того времени, когда мессир Жан кончит завтракать, аббат прогуливался по саду, и когда мессир Жан, туго набивший свою утробу, тоже вышел прогуляться, аббат, увидев его, спросил:

— Ну, мессир Жан, позавтракали?

— Да, сударь! — ответил священник. — Благодарю бога и вас. Я съел кусочек и в чайнии обеда выпил чарочку.

Разве он был не вправе ожидать хорошего обеда, если он еще не наелся?

Однажды в пятницу ему подали где-то огромную деревянную миску гороховой похлебки и супу, которого хватило бы на шесть-семь виноделов. Зная аппетит гостя, потчевавший его хозяин подсыпал в горох две здоровенных горсти круглых косточек трески, называ-

емых «Paternoster»¹, подлил побольше масла и уксусу и подал это кушанье мессиру Жану. Но тот, по обыкновению, съел все до дна вместе с «Paternoster». Я думаю, что он съел бы и Ave Maria и Credo², если бы их ему подали. Хотя эти кости и хрустели на его зубах, но в чрево проходили совершенно беспрепятственно. Когда он кончил, его спросили:

— Ну, мессир Жан, как вам понравился горох?

— Благодарю бога и вас, сударь! Горох хорош, но только немножко недоварен.

Разве плохо, что природа наделила священника таким аппетитом? Это — милость божия. Будь он купцом, он опустошил бы все дороги от Парижа до Лиона, все дороги Фландрии, Германии и Италии. Будь он мясником, он съел бы всех своих быков и баранов, вместе с рогами и копытами. Будь он адвокатом, он съел бы свои бумаги и пергаменты. (Хотя это была бы и небольшая беда. Гораздо хуже то, что он съел бы и своих клиентов. Впрочем, и другие адвокаты едят их неплохо.) Будь он солдатом, он стал бы есть кольчуги, шишаки, аркебузы и даже пороховые бочки. А если бы ко всему этому он был женат, его жене, разумеется, достался бы не лучший удел, чем жене Камблеса, царя Лидийского, который в одну ночь сожрал свою жену до последней косточки. Боже милостивый! Что это за царь! Уж людей есть начал!

НОВЕЛЛА LXXV

О молодожене Жанене

Жанен все-таки решил жениться. Но молодая жена стала забавляться с манекенами, и не желая порочить доброе имя своего мужа, делала это совершенно открыто. Как-то раз один из соседей Жанена стал задавать ему кое-какие вопросы, а так как при этом он должен был делать некоторые замечания, то получилась довольно любопытная сцена.

— Ну, Жанен, вы все-таки женились?

— О да! — ответил Жанен.

— Это хорошо, — сказал сосед.

— Хорошо, да не очень.

---

¹ «Отче наш» (лат.).

² Верую (лат.).

- А что?
— Да очень ветрена.
— Это плохо.
— Плохо, да не очень.
— А что?
— Она — первая красавица в приходе.
— Это хорошо.
— Хорошо, да не очень.
— А что?
— Да у нее есть ухаживатель. Он то и дело ходит к ней.
- Это плохо.
— Плохо, да не очень.
— А что?
— Он каждый день что-нибудь мне дарит.
— Это хорошо.
— Хорошо, да не очень.
— А что?
— Он постоянно куда-нибудь меня посылает.
— Это плохо.
— Плохо, да не очень.
— А что?
— Он мне дает денег, и я кучу на них по дороге.
— Это хорошо.
— Хорошо, да не очень.
— А что?
— Да мне приходится постоянно быть на ветру и под дождем.
- Это плохо.
— Плохо, да не очень.
— А что?
— Я к этому привык.
- Можно на этом и закончить. Это вроде рассказа про белого бычка.

НОВЕЛЛА LXXVII

О добром пьянице Жанико и о жене его Жаннете

В Париже, где люди столь разнообразны, жил портной по имени Жанико. Он никогда не отличался скупостью, ибо тратил весь свой заработок на удовлетворение своей страсти к чарке. С течением времени эта

страсть возросла до того, что он решил пожертвовать ей даже своим ремеслом, ибо всякий раз, когда он, возвратясь из таверны, садился за работу и пытался продевать нитку, он чувствовал себя как новобрачный и никак не мог попасть в ушко. Вместо одной нитки он видел две и часто пришивал рукав не тем концом. Так, мало-помалу он забросил это противное шитье совсем и смело посвятил свою жизнь блаженному пьянству. Забравшись в таверну с утра, он уже не выходил из нее до вечера. Иногда его отыскивала там жена и принималась осыпать его бранью, но он спокойно проглатывал всю ее брань и запивал ее чаркой вина. Нередко ему даже удавалось смягчить ее ласковыми словами и усадить с собой за стол.

— Дорогая моя, отведай-ка этого вина, — говорил он ей, — такого вина ты еще никогда не пила.

— Как же! Буду я пить! — отвечала она. — Уйдешь ли ты отсюда, пьяница?

— Эх, Жаннета, да ты только немножко попробуй! Сколько можешь.

И она в конце концов поддавалась его просьбам, рассуждая про себя: «А ведь за это приходится платить и мне. Выпью-ка я свою долю». Правда, она была несколько умереннее Жанико и никогда не напивалась до того, чтобы у нее не хватило сил увести его домой, а ведь надо полагать, что разлучить Жанико с кружкой было не легко. Иной раз она сердилась и муж ей говорил:

— Жаннета, ты знаешь, что я вчера видел? Вот этот господин... Ты меня понимаешь? Я больше об этом ничего не скажу, Жаннета. Но только дай мне допить. Ступай же, дорогая. Я приду вслед за тобой.

И снова за кружку. А возвращался он всегда в таком состоянии, что лучше знал, откуда он идет, чем куда (ибо улица казалась ему недостаточно широкой), и шел покачиваясь, ковыляя и спотыкаясь. Всякий раз он стучался впотьмах о какую-нибудь дверь или телегу и сажал себе на лоб шишку, но ушиб заживал прежде, чем он успевал его заметить. Несколько раз он падал с лестниц и проваливался в люки погребов, но все это сходило ему благополучно: бог всегда был к нему милостив. Если вы спросите, откуда же он брал деньги, то я скажу вам, что в доме у него не осталось ни одной тарелки и ни одной миски. Застигнутый нуждою, он начал продавать скатерти и одеяла с кровати, а когда с

ним в попойке принимала участие жена — ее пояса, шляпки и платья, если они попадались ему под руку. Почему ему было не воспользоваться ими, если и жена поддавалась этой страсти? Надо же было чем-нибудь ее поить! Да и у него всегда находился какой-нибудь плательщик, ибо ведь чем в верхнем окошке икалось, тем нижнее откликалось. Кстати, надо упомянуть, что Жанико всегда носил с собой трехчарочную бутылку, держал ее ночью возле себя и, просыпаясь, всякий раз отпивал от нее несколько глотков. Даже во сне он не мог забыть о своей бутылке, и до того изловчился, что во время сна держал ее в руке и пил из нее, словно совсем не спал. Зная об его привычке, жена частенько предупредила его — выпивала из бутылки все вино, а затем наполняла ее водой, и бедный Жанико пил спросонья воду. Иногда он просыпался от этого, ибо вода вызывала у него во рту противный вкус, но снова засыпал, не находя нужным поднимать из-за этого ссору.

Большшей частью на их кровати вместе с ними помещался некто третий, исполняя с Жаннетой тревизанский танец, но Жанико не было до этого никакого дела. Иногда он пытался разбавлять вино водою, но, обмакнув для этой цели в кувшин с водою лезвие ножа, он стряхивал с него в свой стакан не больше капли. Вы никогда не встретили бы его без косточки окорока в кармане. Больше всего в мире он любил сосиски, миланский сыр, сардины, копченую сельдь и прочие острые закуски к вину. Для него были хуже всякого яда яблоки, салат, сдоба и сладкие пирожки, и когда о них кричали продавцы, он затыкал уши.

Глаза его были окаймлены багровой пленкой. Однажды, когда они у него заболели, врач запретил его жене давать ему вина. Но с ним можно было сделать все, что угодно, только не это, и он предпочел лишиться лучше окон, чем всего дома. Когда же ему посоветовали промывать глаза белым вином, он сказал:

— Что толку промывать их снаружи? Это еще хуже. Не лучше ли пить его столько, чтобы оно выходило через глаза и промывало бы их и изнутри и снаружи?

Когда шел град, он падал на колени и молил бога сохранить только виноградники. Если его спрашивали: «А отчего же ты, Жанико, не молишься о хлебе?» — он говорил:

— О хлебе? С куском хлеба величиною с орех я

выпью кварту вина. Я не беспокоюсь о хлебе: уж слишком мало его должно уродиться, чтобы его не хватило для меня.

Это было в то время, когда он еще не потерял своего рассудка, ибо, говорят, что, втянувшись в свою привычку, он уже больше никогда не протрезвлялся. Некоторые даже утверждают, что кровь его превратилась в вино. Он не говорил ни о чем, кроме вина, и если бы его сделать священником, он стал бы петь только о вине. Вот какая это была увлекающаяся натура!

Весьма вероятно, что он и умер в нетрезвом состоянии. За два или три дня до смерти у него выпило все вино. Он слезно жаловался и просил убить его, чтобы ему не пришлось умереть без вина. На исповеди он не мог отыскать на своей совести ни одного греха, кроме пьянства, и говорил с исповедовавшим его священником только о вине. Он рассказал ему, сколько раз он пил плохое вино, каляся в этом и просил у бога прощения. Когда же он понял, что ему придется пить вино уже в другом мире, он завещал похоронить его в погребе под винной бочкой, головой под краном, чтобы капли вина стекали ему в рот и утоляли его жажду, ибо он видал на кладбище святого Иннокентия, как у покойников пересыхают рты. Разве он был плохим философом с своей верой в то, что и после смерти люди продолжают любить блага, которые они любили при жизни? Только вино порождает таких людей, для которых нет ничего не возможного. Некоторые утверждают, что он завещал похоронить его под виноградной лозой и что эта лоза стала с тех пор давать с каждым годом все больше и больше винограда. И будто бы, когда все виноградники побивало градом, она оставалась нетронутой и приносила винограда не только не меньше, чем обычно, но, может быть, даже еще больше. Предоставляю вам решать, правда ли это и как это было в действительности.

НОВЕЛЛА LXXIX

О стригуне и о священнике, продавшем зерно

Нет в мире ни одного ремесла, которое требовало бы большей ловкости, чем ремесло стригунов, ибо этим достойным людям приходится иметь дело и с мужчина-

ми, и с женщинами, и с дворянами, и с адвокатами, и с купцами, и с попами (сначала я расскажу об этом случае), — одним словом, со всеми людьми, за исключением лишь францисканских монахов, которые, хотя и носят вопреки своему уставу деньги, но прячут их так хорошо, что бедным стригунам никогда не удается ими поживиться. Мало того что им приходится иметь дело со всеми перечисленными людьми, — они должны красть у вас в вашем присутствии, и именно то, что вы держите крепче всего. И так как им очень хорошо известно, что их ожидает в случае поимки, то решайте сами, какими они должны быть ловкими и находчивыми. Я выберу для вас две или три проделки, которые, кажется, считают довольно остроумными, хотя я и не отрицаю, что они делают кое-что и похитрее, когда бывает нужда.

Один из этих дельцов, о которых мы говорим, был пойман в Тулузе. Я не знаю только, был ли он одним из самых ловких, и даже склонен думать, что нет, ибо он попался и, что гораздо хуже, был повешен. Впрочем, повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить. Как бы то ни было, но сидя в тюрьме, он, в надежде на помилование, выдал товарищей и начал откровенно рассказывать обо всех случаях своей обширной практики. Вот один случай.

Однажды ватага стригунов в десять или двенадцать человек, находясь в упомянутом городе в базарный день на Пейрской площади, заметила священника, который получил за проданное зерно (известно какое) чистогоном сорок—пятьдесят франков и положил эти деньги в сумочку, висевшую у него за поясом (разумеется, он носил ее на голове). Повесы этому весьма обрадовались, ибо надеялись поживиться от него не менее чем одним денье. Ради этой благой цели они начали подбираться друг к другу поближе, чтобы действовать сообща, а иначе им ничего не удалось бы, и принялись теснить его изо всех сил. Но священник, дрожавший за свой кошелек, как нищий за суму, очутившись в давке, старался не выпускать его из рук. Он боялся, что его обокрадут, и думал, что все окружавшие его люди — стригуны кошелеков и сумок. Тем временем повесы, чтобы отрезать его сумку, теснили, поворачивали и водили его по толпе, делая вид, что пробивают себе дорогу. Но сколько они его ни кружили, он крепко держал свою выручку в

руке. Это их сильно раззадорило и удивило: какой-то поп доставляет им столько хлопот! Сам рассказчик, отвечая на вопросы судьи, говорил, что за всю свою практику ему не приходилось встречать человека, который держался бы за свой кошелек более упорно и цепко, чем этот поп. Но они поклялись, что кошелек будет принадлежать им. И что же они сделали, кружа его таким образом по толпе? А вот что. Они подвели его к большой груде деревянных башмаков, или сабо, которые делаются для большей красоты с заостренными носками (как видите, и деревянные башмаки могут быть красивыми), а затем один из стригунов толкнул ногою один башмак и больно ударил им священника в колено. Почувствовав сильную боль, священник не мог не схватиться рукою за ногу, ибо сильная боль заставляет забывать обо всем, и не успел он выпустить свою сумку из рук, как этот ловкий стригун уже подхватил ее. Несмотря на сильную боль, священник все-таки хотел ухватиться за свою драгоценность, но поймал одну лишь подвязку. Он завопил от этого сильнее, чем от боли в ноге, но его сумка шла уже через третьи-четвертые руки, ибо в подобных случаях они действуют удивительно ловко. Таким образом, бедный священник был вынужден уйти с плохой выручкой: с ушибом в ноге, с потерей кошелька и денег. Есть такие совестливые люди, которые считают продажу церковного добра грехом, но я ничего об этом не говорю и перехожу теперь к другому рассказу.

НОВЕЛЛА LXXXII

О разбойнике Камбере и о его ответе на парламентском суде

В окрестностях Тулузы скрывался один знаменитый разбойник, известный под именем Камбера. Когда-то он состоял на королевской службе в звании капитана пехоты и слыл одним из самых смелых и доблестных офицеров, но по окончании войны он вместе с другими ветеранами был отставлен, и в отместку за это, а также и под давлением нужды стал заниматься разбоями в горах и окрестностях города. В своей новой профессии

он достиг таких успехов, что сделался самым знаменитым из всех своих соратников. Но парламентский суд так усердно ловил его, что в конце концов он был пойман и посажен в тюрьму.

В тюрьме он сидел лишь до того времени, пока суд не разобрал его дела и не вынес ему приговора. Так как все задуманные и учиненные им преступления были весьма велики, то суд после короткого рассмотрения его дела вынес ему смертный приговор. Однако несмотря на то, что свидетельскими показаниями он был изобличен в громадном числе всяких злодеяний, из коих самое меньшее стоило бы иному человеку головы, суд поступил с ним мягче, нежели это было там принято. (Есть поговорка: строгость Тулузы, гуманность Бордо, милосердие Руана, справедливость Парижа, окровавленный бык, блеющий баран и гниющая свинья — все это никуда не годится, если плохо сварено.) Он отнесся к Камберу с некоторым уважением и хотел это показать, прежде чем он будет предан казни. Вызвав его в зал, президент сказал:

— Камбер! Вы должны благодарить суд за милость, которую он вам оказывает. За ваши преступления вы заслужили весьма сурового наказания, но так как вы были когда-то на хорошем пути и служили королю, то судебная палата приговорила вас к отсечению головы.

Камбер выслушал эти слова и, недолго думая, ответил на своем гасконском наречии:

— Клянусь божьей головой, остальное я отдал бы за ослиную морду!

В самом деле, остальное стоило недорого, да ничего не стоило и с головой в придачу, но этот ответ имел для него дурные последствия. Суд, разгневанный его дерзостью, приговорил его к четвертованию.

НОВЕЛЛА LXXXIV

О двух школярах, укравших у портного ножницы

В Парижском университете учились два молодца школяра, оба отъявленные воры. Не проходило дня, чтобы они не выкинули какой-нибудь штуки. Они крали и книги, и пояса, и перчатки — все шло им

впрок — и не ждали, когда кто-нибудь потеряет, а предпочитали просто брать. Но главным образом они крали башмаки. Если они зайдут к кому-нибудь в комнату и, например, заметят под кроватью туфли, то один из них даже в присутствии хозяина непременно наденет их на свои башмаки и скроется. Поэтому, чтобы уследить за ними, необходимо было смотреть не только за их руками, как это советует известная поговорка, но даже за ногами. Они поклялись друг другу выходить отовсюду, куда бы они ни зашли, непременно с каким-нибудь грузом и отлично сталкивались между собой: в то время как один крал, другой сторожил.

Как-то раз зашли они вдвоем к одному портному (портнэ они почти никуда не показывались) заказать ему куртку. Постреляв глазами во все стороны, они не могли найти у него никакой пригодной дичи. Один из них заметил лишь довольно хорошие ножницы и, кивнув головой, сказал своему товарищу, стоявшему к ним поближе, по-латыни: «Ассире». Товарищ отлично понимал это слово и умел прилагать его к делу. Он тихонько взял эти ножницы и сунул их под плащ. Портной, беседовавший в это время с кем-то на улице, слышал слово ассире, но так как он нигде не учился, то ни о чем не догадался, пока после ухода школьников не хватился ножниц. Убедившись, что они пропали, он крайне удивился и стал припоминать всех, кто заходил в его лавку. Он сразу же заподозрил этих двух молодцов и, вспомнив их поведение, вспомнил также и слово ассире, которое еще более усилило его подозрение.

В это время в лавочку зашел один посетитель, и портной, рассказав ему о происшествии с ножницами (которые не выходили у него из головы, как у Робена флейты), спросил его:

— Сударь, что значит слово ассире?

Посетитель ему ответил:

— Друг мой, это слово хорошо понимают женщины. Ассире значит «прими».

— Ах ты господи (я полагаю, что он помянул тут черта)! Если ассире значит «прими» — мои ножницы пропали.

По крайней мере, они сильно заблудились. В этом не может быть сомнения.

НОВЕЛЛА ХС

О хитрости, к которой прибеж один муж, задумавший отомстить неверной жене

Многие думают, что если жена обесчестит своего мужа, то муж должен наказать за это прежде всего жену, а не любовника, и полагают, что для устранения зла необходимо сначала устранить его причину, согласно итальянской поговорке: «Morta la bestia, morto il veneno»¹. По их мнению, мужчины делают лишь то, на что их вызывают сами женщины, и редко идут туда, куда их не привлекает ласковый взор, приветливое слово или какая-нибудь другая приманка. С своей стороны, я охотно доставил бы женщинам удовольствие, взявши их под свою защиту, но боюсь, что если я вздумаю ссылаться на их слабость, то большинство из них осудит меня и даже самые уступчивые из них будут мне возражать: «Меня толкает на это не мое легкомыслие, а достоинство мужчины, и ради них я готова доставить ему все удовольствия, какие только могу. Любовь такого мужчины делает меня гордой и счастливой». И действительно, эти доводы почти неопровержимы. Они могут поставить в затруднение любого мужа. Правда, если он считает себя честным и добрым мужем, он имеет полное право отстаивать свою жену, но если совесть говорит ему другое, он не имеет, мне думается, больших оснований порицать ее и запрещать ей любить того, кто ей нравится. Мне даже скажут, что он и не может и не имеет никакого права запрещать своей жене любить добродетель и добродетельных мужчин. Но не нужно лишь смешивать душевные качества с телесными, плотскими качествами, и в подобных случаях простительно лишь духовное, а не плотское сближение, вроде, например, того, о котором говорится в песне:

Пастух с пастушкой забавлялись
Под сенью сладостной ветвей,
В объятых тесных укрывались
От любознательных очей.

Оправдывать женщин тем, что у них нет сил устоять против подарков, которые им преподносят поклонники,

---

¹ В могиле гад, в могиле яд (ит.).

это значит делать им гнусное, подлое и отвратительное обвинение. Скорее даже наоборот, женщины, у которых алчность одерживает победу над сердцем, хотя подарки и представляют собою самое сильное оружие, заслуживают сурового наказания. Но чем же можно их оправдывать? Не поискать ли нам каких-нибудь других доводов (если недостаточно веских, то, по крайней мере, приемлемых за неимением лучших)? И право, мне кажется, самым веским доводом, какой только можно привести в их оправдание, может послужить лишь то положение, что нет такой твердыни, которая могла бы устоять перед настойчивыми и яростными атакам... Понятно, что сердце дамы не столь твердо и непреклонно, чтобы оно могло устоять против упрямой назойливости влюбленного. Сами мужчины, считающие постоянство своим прирожденным и исключительным достоинством, очень часто поддаются соблазну, увлекаясь забавами, которые они должны признавать самыми позорными, и пуская на ветер то, что должно храниться под замком веры. А поэтому может ли женщина со своей нежной натурой и жалостливым сердцем, приветливостью, слабым телом и слабой волей устоять против мужчины, назойливого в просьбах, упрямого в преследованиях, изобретательного на всякие уловки, ловкого в речах и чересчур щедрого на обещания? В самом деле, это почти невозможно.

Но в данном случае я не выскажу ни одного заключения, которое не имело бы отношения лишь к этому различию между мужчиной и женщиной. Я только добавлю, что счастье жены зависит от достоинств ее мужа, ибо мужья бывают весьма различные. Одни, например, знают о поведении своей жены, но скрывают это, предпочитают рога на сердце рогам на лбу, а другие знают и стараются мстить. Эти мужья — злые и опасные безумцы. А есть и такие мужья, которые знают все и терпеливо несут свой крест, памятуя пословицу — терпение и труд все перетрут. Это — несчастные люди. Есть мужья, которые ничего не знают, но стараются узнать и узнают то, о чем бы они не хотели знать. И наконец, есть такие мужья, которые ничего не знают и не хотят знать. Это самые счастливые из всех рогоносцев. Они даже счастливее тех мужей, у которых еще нет рогов, но должны быть.

Перечислив все эти разновидности рогоносцев, мы

расскажем вам про одного господина, принадлежавшего к числу этих мужей (разумеется, не спрашивая у него позволения, ибо это положение его крайне сердило). Но он принадлежал к первому разряду — тщательно скрывал свое несчастье и надеялся, что судьба поможет ему отомстить жене или ее любовнику, или — если ему удастся заставить их вместе, — обоим сразу. А так как с женой ему было расправиться легче, ибо она была всегда у него под руками, то с помощью одной хитрости ему удалось нанести первый удар именно ей. Однажды, во время перерыва судебных заседаний он задумал поехать на отдых в одно из своих имений, находившееся в двух милях от города, и с самым благонамеренным видом пригласил с собою жену. Обращался он с ней так же хорошо, как всегда, но когда настало время ехать обратно в город, он за день или за два до отъезда наказал одному из своих слуг (которого он считал преданным себе и умеющим хранить тайны) не поить того мула, на котором ездил жена, дня два и, кроме того, подсыпать в его овес соли. Хотя он и не объяснил цели своего приказания, но ее нетрудно было угадать по тем последствиям, которые могли быть им вызваны. Слуга в точности исполнил все, что ему велел хозяин, и ко времени отъезда этот мул не пил уже целых два дня. Дама уселась на своего мула и поехала по дороге в Тулузу. А эта дорога соприкасалась в одном месте с Гаронной и шла на некотором расстоянии вдоль ее берега. Приближаясь к реке, мул еще издали начал чують воду и наконец рванулся к ней с быстротой, соответствовавшей силе его жажды. Место, где дорога подходила к реке, было глубокое и непроходимое вброд. Дама не могла удержать своего мула, умиравшего от жажды, и он со всего ходу прыгнул прямо в реку. Дама, охваченная страхом и стесненная одеждой, мигом свалилась в воду, а муж нарочно подъезжал к этому месту как можно медленнее, чтобы задуманное им дело шло своим ходом. Прежде нежели он мог подоспеть к ней на помощь, она погрузилась в воду и захлебнулась.

Вот один из способов мстить женам, способ несколько жестокий и даже бесчеловечный. Но что же делать? Иным мужьям носить рога ведь неприятно. Надо думать, что если бы он расправился только с ее любовником, то оскорбление никогда не выходило бы у

него из головы, ибо эта дура, обесчестившая его имя, постоянно находилась бы у него на глазах. А кроме того, она всегда могла обзавестись новым любовником, ибо женщина, совершившая дурной поступок хотя бы один раз (если, однако, ее поступок относится только к этому роду), всегда будет вызывать подозрение, что она может и впредь совершить такой поступок. Что до меня, то я не знаю, что и сказать об этом. Да и всякий, наверное, станет здесь в тупик. А поэтому я предоставляю решать эту задачу и выбирать соответствующий образ действий тем, кого она касается.

НОЭЛЬ ДЮ ФАЙЛЬ

СЕЛЬСКИЕ БЕСЕДЫ МЕТРА ЛЕОНА ЛАДЮЛЬФИ, ДЕРЕВЕНСКОГО ДВОРЯНИНА

I

Как появились сии сельские беседы

днажды довелось мне отправиться в деревню, дабы там не торопясь, на досуге, завершить некое дело; и вот в праздничный денек прогуливался я по окрестным селениям в поисках веселой компании. Наконец я приметил чуть ли не целую толпу молодых и старых людей; те и другие, как водится, держались особняком, ибо (согласно старинной поговорке) рыбак рыбака видит издалека. Молодые стреляли из лука, боролись, дрались на палках, бегали наперегонки, а старики смотрели на них, устроившись под громадным дубом, скрестив ноги и слегка надвинув шляпы на глаза: они хвалили ловкость одних, подбадривали других и, освежая в памяти младые свои годы, испытывали истинное удовольствие, наблюдая, как резвятся неугомонные юнцы. Расположились же эти добрые люди в таком образцовом порядке, в каком могли бы расположиться старейшины хорошо и умело управляемой республики, ибо самые старые и уважаемые, истинные мужи совета, занимали места самые почетные, а места похуже достались тем, кто был помоложе и не слыл столь разумным человеком и искусным землепашцем. Завидя этих почтенных людей, я подошел ближе, чтобы, как и другие, вслушаться в их речи, каковые мне

весьма по душе, ибо не было в них ни прикрас, ни красноречия, а одна только чистая правда, особенно когда они сравнивали свое время с нынешним, толковали о переменах во нравах и высказывали известное сожаление о былых годах, когда, по их словам, и пили больше и ели слаще. И тут, желая узнать имена этих разумных людей, я дернул за рукав одного из своих знакомцев и негромко спросил у него об этом.

— Тот вон, что оперся локтем о землю, а в руке держит ореховый прут и похлопывает им по своим сапогам, стянутым белыми ремешками, зовется Ансельм, — отвечал он мне. — Он один из самых богатых жителей здешнего селения, добрый землепашец и человек по местным понятиям весьма сведущий. А того вон, что с ним рядом сидит, засунув большой палец за пояс, на коем висит сумка с очками да молитвенником, кличут Паскье, он редкостный забавник, другого такого забавника не сыщешь, даже если день целый на лошади проедешь, а коли я скажу, что и в два дня не сыщешь, то и тогда, думается, не солгу. К тому же среди всей честной компании только он один охотно развязывает кошель, дабы угостить винцом приятелей.

— Ну а тот, что надвинул на брови колпак и держит в руке старинную книгу, кто он таков? — осведомился я.

— Тот, что почесывает кончик носа? — переспросил мой знакомец.

— Ну да, — подтвердил я, — он теперь как раз к нам оборотился.

— Господи, да это же известный весельчак, — отозвался он. — Чуть не полвека назад он содержал школу в здешнем приходе, но потом оставил прежнее занятие и сделался добрым виноградарем; однако ж для него и теперь еще праздник не в праздник, ежели он не притащит какую-нибудь старинную книгу да и не начнет читать ее вслух, пока нам не надоест. А книги у него все занятные: *Пастушеский календарь*, *басни Эзопа* или *Роман о Розе*; в воскресенье же он непременно поет в церкви, мурлычет себе под нос на старинный лад; и зовут его метр Юге. Другой, что расположился с ним рядом и через его плечо заглядывает в книгу, тот, у кого большая желтая пряжка на поясе, тоже местный богач и опытный землепашец; он любит всласть покушать, не хуже всякого иного, а звать его Любен. И ежели вам благоугодно будет присесть рядком с ними, то вы услы-

шите их беседу, каковая, может статься, придется вам по вкусу.

Так я и поступил; два или три праздничных дня подряд слушал, как они рассуждают и толкуют о своих сельских занятиях, а после, на досуге, не спеша все кратко изложил, но только пришлось мне немало над этим потрудиться, будто я тяжелую работу какую делал; изрядно покряхтев и попотев, думая да прикидывая, что ж именно надобно пересказать, я вынужден был дважды или трижды как следует выпить, дабы толком прочистить и освободить мозги, и пребывал я в ту пору в таком затруднении, что сам себе напоминал возчика, каковой, желая помочь своим лошадям, тянущим нагруженную доверху повозку, кладет себе на плечо шляпу и упирается в заднее колесо, чтобы хоть малость подсобить им, и с устатку пьет воду из ведра, подвешенного к хомуту передней лошади.

VI

О том, какие кровати были прежде и какие теперь, и о том, как вести себя в делах любви

В те времена, друзья мои, когда еще носили башмаки с загнутыми вверх острыми носками и на стол выставляли сразу целый кувшин вина, а деньги в рост давали лишь тайком, жены неукоснительно соблюдали верность мужьям; да и мужьям не полагалось (ни днем ни ночью) верность своим достойным женушкам нарушать; так что обе стороны непреложно следовали этому обычаю, и сие достойно не только похвалы, но и удивления. По причине чего ревности тогда почти не знали, кроме разве той, что проистекает от слишком сильной любви, от коей даже собаки дохнут. В силу такого полного доверия все без разбора, и женатые, и те, кто только еще собирался жениться, ложились вместе в широкую кровать, и никто ничего не боялся — ни дурных помыслов, ни досадных последствий, хотя, как известно, природа человеческая куда как лукава, и к тому же не стоит класть паклю возле огня. Однако ж с той поры люди изрядно испортились, а потому для всякого стали ставить особую, отдельную кровать, и не зря, а дабы уберечь всех и каждого от соблазна. Ведь в

доброе старое время почти никто своих краев не покидал, но потом монахи, бродячие певцы да школяры начали бросать родные места, слагать с себя сан или оставлять прежнее ремесло и шататься по белу свету; вот тогда-то, с общего согласия, и стали делать кровати поуже на благо иным мужьям (понеже следом за пиром идет похмелье) и на радость их женам, ибо, как говорит мой сосед Жеребчик: «Да будет проклята кошка, ежели она, увидев, что горшок без крышки, не сунет в него лапу, а посему пусть тот, кто не знает своего дела, прикроет лавочку и убирается ко всем чертям».

— Клянусь честью, — вмешался Паскье, — старинный этот обычай достоин похвалы, но ведь все в мире меняется, и я всегда думал, что долго он не продержится.

— И я был того же мнения, — сказал Ансельм. — На наших глазах даже самые лучшие обычаи вырождаются. Вот вы тут сейчас толковали, какие прежде были кровати. Ну а скажите, как по вашему разумению: люди и прежде вели себя в делах любви так, как нынче?

— Ни в коем разе, — вступил в разговор Любен, — уж это я по себе знаю. Ведь когда меня собирались женить на вашей племяннице, мне уже было лет тридцать пять или около того, а я еще ни за кем сроду не волочился и даже не понимал, как за это приняться, спасибо, покойная бабка (да ниспошлет господь мир ее душе!) растолковала мне, что к чему. А теперь, сами посудите, можно ли нынче встретить такого молодого парня, что за пятнадцать лет ни разу бы не сталкивался со столь приятными вещами, как мягкий шанкр, перелой либо дурная болезнь, или же такого, что еще женщин не знал? Вот и причина, почему нынешние дети против прежних карликами кажутся. Что? Да ныне, коли молодцу восемнадцать сравнялось, а он не увивается за дамами, не обхаживает девиц, не наряжается да не любезничает, его все кругом осуждают; и приходится ему волей-неволей поступать, как поступают все прочие олухи, делаться их товарищем по несчастью, ежели он не хочет прослыть чудаком, юридическим, безмозглым упрямым, недотепой.

Тут заговорил метр Юге и сказал, что теперь, коли верить молве, мужчину и мужчиной-то не считают, а уж тем более человеком любезным и обходительным,

ежели он мало беседует и совсем не знает с женщинами, а вот, дескать, в старину трудно было встретить такого молодца, чтоб понимал толк в вещах, какими ныне кичатся и каким непреложно следуют.

— Вы тут, — продолжал он, — толковали о любви, а я вам расскажу, как прежде бывало: эдакий хват, разряженный по тогдашней моде, — в пестрой рубаше, в красивом пурпурном кафтане, ладно скроенном и расшитом зелеными нитками, в небольшом красном колпаке или, наоборот, в широкополой шляпе, на коей красовался затейливый букетик, в узких штанах до колен и открытых башмаках, перетянутый цветным кушаком с кистями чуть не до пят, — эдакий галантный кавалер, говорю я, постукивал ногой о сундук и лениво любезничал с Жанной там или с Марго, а потом, убедившись, что их никто не видит, вдруг обнимал ее и, не молвя худого слова, валил на скамью, а уж об остальном сами догадаетесь. Сделав свое дело и даже ухом не поведя, он тут же и откланивался, правда, перед тем преподносил даме букет цветов, в те поры это служило высшим знаком благодарности и свидетельством любви; нет, я, конечно, не говорю, что красotka не приняла бы в дар ленту или там шерстяной платок, да только весьма неохотно, ибо это ее уже связывало. Вы, нынешние повесы, вроде бы понимаете толк в любви и сделали волокитство своим ремеслом, вот и скажите, беретесь ли вы таким способом достичь той возжеленной цели, какую высокопарно именуете благодетельным даром, высшим блаженством, наградой за долгие усилия, пятой ступенью любви, — той цели, какую иные ученые мужи зовут старинной забавой, древним занятием или даже милой и приятной игрой на цимбалах, либо игрою марионеток, разумеется, отнюдь не монашеской? Ан нет, вы без конца рассыпаетесь в любезностях, не скупитесь на клятвы, приходите в отчаяние, тревожитесь, разговариваете сами с собой, точно лунатики, сочиняете вирши, поете на заре серенады, притворяетесь, подаете в церкви святую воду своей даме сердца, выказываете ей различные знаки внимания, меняете наряды, транжирите деньги, заказывая у купцов красивые надписи, подкупаете слуг, дабы те помогли вам в ваших замыслах, затеваете ссоры, стараетесь прослыть отважными, а на самом деле кажетесь храбрецами только среди женщин, а среди воинов слывете дамскими угодниками;

зато, когда вам порою удастся поговорить с женщиной наедине, вы, как последние хвастуны, ведете такие речи:

«Эх, любезная моя госпожа, только прикажите, и я, дабы завоевать вашу любовь, шею себе сверну! Но понеже сделать это здесь несколько затруднительно, пожалуй, пойду сражаться хотя бы против турок, а уж они известные вояки. Клянусь святым Кене, милая дама, во время последней войны (а была она, если не ошибаюсь, в Люксембурге) я при одном только воспоминании о вас нанес такой удар, что все войско... Нет, больше я ничего не скажу. Ах, любезная дама, моя сладостная мечта, моя благая надежда, источник моей твердости, мое сердечко, душа моя!», «Увы, любовь!..», «Увы, когда б вы знали...», «В моей душе пылает жар», «Перетта, приходи скорей...», «От этого огня...». «Как? Что я могу еще вам предложить, — прибавляете вы потом, — кроме самого себя, да ведь я и так служу вам верой и правдой, вы можете располагать мною, как собственной вещью, заклинаю вас, соблагovolите считать меня своим рабом и поверьте, что отныне число ваших преданных слуг выросло, и вы найдете в моем сердце любовь и решимость служить вам до гроба».

И вот после всех этих смиренных просьб да прошений на вашей слезнице снизу пишут: «Да ведь я вас совсем не знаю», — а сие надобно понимать так, что вам надлежит быть верным слугою еще года два, а то и все три, что вы и впредь должны вести себя, как одержимый, пока дама не убедится в вашем неизменном постоянстве и полной преданности. Но тут, как на грех, появляется вдруг человек более ловкий и решительный, нежели вы, он живехонько оттирает вас в сторону, и тогда-то начинается самая закавыка: вам скрепя сердце надобно обхаживать теперь этого прищельца, дабы вызнать его истинные намерения, но делаете вы все это, понятно, тайком, напуская на себя безразличный вид, уверяете его, что совсем от этой дамы отделились, что она не стоит того, чтобы человек благовоспитанный уделял ей внимание, ибо она ко всем холодна и даже не думает вознаграждать тех, кто долго и бескорыстно ей служит. Однако во всех этих гордых речах сердце не участвует, и достаточно ей в один прекрасный день украдкой бросить на вас взгляд, приветливо кивнуть, улыбнуться уголком рта или просто позволить вам при-

коснуться к краю ее платья, поднять с пола наперсток либо подать веретено, и вы уже считаете себя (так вам, по крайней мере, кажется) самым счастливым человеком на свете; а между тем стоит вам отвернуться, и она показывает вам язык, корчит за вашей спиной рожи, высмеивает вас с каждым встречным и поперечным, говорит, что вы, конечно, пригожий юноша, и ростом вышли, и статью взяли, и за столом сидеть умеете, да только человеком благовоспитанным станете еще не скоро, что, коли не помрете, то долгий век проживете, что манеры-то у вас, дескать, хороши, а пользоваться ими вы не умеете, и все в этом же роде, так что если б вы хоть одно ее такое словечко услышали, то тут же пошли бы да и удавились со стыда, понявши наконец, какое презрение она к вашей особе испытывает. Вот и имейте с ними дело после этого!

— Как же так получается?! — вмешался Паскье. — Вот я вас слушал, куманек, и все думал, к чему вы это рассказываете? Ведь эдаких волокит да молодчиков в наших местах и видом не видать, да и привечать бы их у нас нипочем не стали.

На это метр Юге отвечал, что он, дескать, просит прощения, но только он говорил, мол, о том, что ему доподлинно известно; однако ж он уже довольно порассказал и готов кончить.

— Ну и кончайте в добрый час, — подхватил Любен, — только допрежь скажите, как, по-вашему, должен бы браться за дело повеса, о коем вы поведали?

— По мне, — отвечал метр Юге, — ему бы надобно бросить все эти длинные и докучные разглагольствования, ибо они, по правде сказать, ни к чему не могут склонить даму; он бы гораздо раньше своего добился, коли ввернул бы вовремя нужное и приятное словечко да еще сопроводил бы его тем, что в кошеле носят, а без конца прислуживать да угождать к лицу разве только дурачине-простофиле. Ибо, сами посудите, ведь они, дамы-то, столько всяких ухажеров повидали, что те им уже просто глаза намозолили, и так они к своим обожателям привыкли, как осел привык на мельницу ходить; а еще, сдается мне, дам этих можно уподобить ослам, каковые обычно встречаются в военных обозах: такие ослы постоянно слышат брань да богохульство, а потому ухом не ведут и с места не трогаются, пока их как следует дубинкой не огреть, а уж тогда они мчат

своих хозяев сквозь огонь, точно вязанки с хворостом. То же самое можно сказать и о нынешних дамах, — ведь они только потешаются, видя, как несчастный воздыхатель теряет всякую надежду, убивается, как он при одном взгляде на предмет своей любви меняется в лице и не знает ни минуты покоя; я бы так сказал: сии дамы держат в руках сердце обожателя и играют им по собственной прихоти, как это делает фокусник с картинкой, проворно вертя ее в руках. Зато, когда наш воздыхатель достает набитый деньгами красивый кошелек, запертые досель ворота распахиваются перед ним, так что в них теперь хоть воз с сеном въедет; вот и выходит, что кошелек — самое лучшее лекарство, ключ к любой загадке, кормило корабля, рукоять плуга.

— Вижу, вы судите не по рассказам, а по опыту, куманек, — заметил Ансельм, — и я так понимаю, что многое вы на своей шкуре извели.

— Черт побери! — отвечал метр Юге. — Вот то-то и оно, я такие дела куда как хорошо знаю и мог бы обо всем этом сочинить книгу потолще молитвенника.

— Неужто нельзя отыскать таких женщин, коими движет не расчет да алчность, — вмешался Любен, — таких, что могут любить бескорыстно?

— Отчего ж, и такие встречаются, — отвечал метр Юге, — да только я говорил о тех, каких гораздо больше, ведь я сам не раз бывал обманут и многие мои приятели тоже.

— Ну, это меня не удивляет, — заметил Паскье, — коль скоро вы сии дела досконально изучили и в них понаторели. Но только, позволю себе заметить, мы уже старики, и нам не пристали эдакие речи, вернемся-ка лучше к прежним беседам, кои касались лишь благонамеренного поведения да старины, ибо, клянусь святым Обером, от ваших разговоров даже и у меня слюнки текут. Хотел бы я знать, как вы себя вели, когда были школяром.

— Я-то? — отозвался метр Юге. — Да я прогневил бы господу бога, ежели, будучи школяром, не употреблял бы во благо то, чем школяры обладают, ибо не зря женщины говорят, что всякий школяр, как скоро к своим штанам гульффик прицепит, тут же ищет, кому бы о том рассказать.

— Скажу по совести, — подхватил Любен, — слы-

хал я в свое время, что вы в этих делах мастак были и черт знает что откалывали. Ха-ха, ведь вы у нас известный повеса!

Метр Юге усмехнулся и, отвернувшись, пробормотал, что господь бог, конечно же, простит ему былые проказы, но кто, мол, через все это не проходил или хотя бы разок вместо двери в окно не выходил?

IX

О великой битве между жителями деревни Фламо и деревни Вендель, в коей участвовали и женщины

В мае месяце, когда в полях вновь начинаются любовные забавы, жители деревни Фламо основали сообщество лучников и каждый праздник премного упражнялись в стрельбе из лука; дело у них шло так успешно, что во всей округе только об этом и говорили и не уставали их хвалить. Однако так продолжалось недолго, ибо жители деревни Вендель, как известно, их ближайшие соседи, начали испытывать к ним зависть и тайную вражду, слыша такого рода похвалы и одобрительные отзывы: сердило их то, что хвалят соседей, а они считали, что и сами молодцы хоть куда и не менее ловки. Жители Венделя эту свою вражду затаили глубоко, но до поры до времени они притворялись и ничем ее не выказывали, хотя, когда пасли скот на лугах или пахали землю либо занимались иными полевыми работами, их так и подмывало затеять ссору с соседями. Но все же зависть свою они долго скрывать не могли, и она непременно должна была выйти наружу, подобно тому как огонь, что долго таился под пеплом, вдруг вспыхивает ярким пламенем как раз по той причине, что угли не приметно тлели под золою. И вот однажды, когда четверо или пятеро крестьян из каждой деревни ненароком оказались рядом, жители Венделя затеяли ссору, стали задевать соседей и завели с ними яростный спор о своих правах да преимуществах; жители Фламо были этим немало удивлены, ибо не понимали истинной причины свары и думали, что ссора началась из-за пустяков и что вся-то она выеденного яйца не стоит. А посему они и попросили соседей ссору прекратить и больше их не задевать, говоря, что все они, мол, друг дружку знают и

что не стоит, дескать, так сердиться да злобиться, ибо без соседей ведь не проживешь.

— Эх, да будь у нас столько эку, сколько у вас козьего дерьма, в коем вы по горло сидите, — отвечали им на это жители Венделя, — мы бы куда как богаты были!

Жители Фламо, как и подобает людям рассудительным, ничего на это не ответили, ибо что пользы спорить с тем, кто прикидывается глухим. Они только сказали:

— Ладно, ладно, так уж и быть! Вы, конечно, люди любезные, славные. Ступайте, ступайте, вас, видать, с кислого молока развезло.

Жители Венделя распалились и в свой черед отвечали, что их соседи из Фламо — известные потаскуны да хвастуны, но что они даже землю возделывать не умеют, а потому бедны, как церковные крысы, и только языком молоть горазды. А вот в Венделе земля дает гораздо больший урожай, чем земля во Фламо, и это могут по чистой совести подтвердить те, кто живет возле Ведского брода, ближайшие соседи и друзья тех и других. А что до скотины, то, сказать по правде, бараны из Фламо не идут ни в какое сравнение с их собственными баранами, а уж быки и подавно. Так что нечего-де впредь чепуху молоть, потому как верх все равно за нами. Жители Фламо, однако ж, твердо и упрямо гнули свое, говоря, что земля у них, мол, гораздо плодороднее и лучше ухожена, чем в деревне Вендель, где ничего не растет, окромя чертополоха, терновника да репьев, и живут-то люди в той деревне, точно нехристи какие, не ведая стоящих забав; они же тут, во Фламо, напротив того, отличаются в стрельбе из лука, так что на них даже приходится глядеть пригожие девицы, кои ни за что на свете в Вендель не пойдут, ибо тамошние жители просто пентюхи и неповоротливы, как раскормленные быки.

Столь обидные разговоры и выпады с обеих сторон продолжались весьма долго, и спорщики уже готовы были проломить друг дружке голову, ежели б те, кто поблагоразумнее, не выступили посредниками и не утихомирили забияк. Под конец жители обеих деревень почувствовали себя оскорбленными, каждый почитал себя задетым и жаждал мести. А крестьяне из Венделя, из-за коих, по правде сказать, весь сыр-бор загорелся, всюду жаловались, что они, мол, кровно обижены, и ждали только малейшего повода для ссоры, но при этом

они прикидывались простачками, говоря, что пусть им, дескать, дадут есть свой суп спокойно, а уж им самим-то ничего от других не надобно, только бы их первыми не задевали; впрочем, прибавляли они, теперь уж этого дела так оставлять нельзя. И вот (по наущению обитателей Ведского брода, кои надеялись в конце концов подмять под себя обе деревни) они порешили в ближайшее воскресенье устроить набег на пастбище, где жители Фламо упражнялись в стрельбе из лука, и задать им жару. В этой затее особо горячее участие принимал Жуан Претен, тот самый, что любил всех подзадоривать да подливать масла в огонь; он твердил, что надобно, мол, проучить этих наглецов из Фламо, коль скоро они сами напрашиваются, и что, дескать, людям честным и порядочным не пристало искать дружбы подобных мерзавцев; он вспоминал и перечислял все споры, какие, известно, всегда происходят между соседями. Изучив вдоль и поперек причины ссоры и все тщательно взвесив, жители Венделя с общего одобрения порешили, что в ближайшее воскресенье они как следует всыплют этим нахалам из Фламо. И вот в воскресенье все собрались в харчевне у Тальбо Ловкача, вооружившись чем попало: один притащил железный прут, другой — вилы, тот явился с серпом на длинной рукоятке, этот прихватил пику, у кого в руках была суковатая дубина, у кого остроконечный кол, кочерга, а то и коромысло, кто-то разыскал ржавое копье еще времен битвы при Монлери, словом сказать, всякого оборонительного и наступательного оружия было вдоволь.

Изрядно выпив для храбрости, они построились в боевой порядок и тронулись в путь, распаленные хмелем, твердо решив показать противнику, где раки зимуют. Впереди доблестного воинства для поддержания духа шел некий Туржи, наигрывая на волынке, да еще мельник из Блоше, играя на гобое, причем оба они дудели что есть мочи. Так продвигались вперед наши вояки, и жители Фламо, впрочем думавшие о них не больше чем о прошлогоднем снеге, могли бы легко услышать шум, ибо пришельцы галдели, громко гоготали и похвалялись:

— Братцы, ведь мы, как известно, идем туда не четко перебирать. Пусть каждый покажет, на что он годен, ну а уж там дело само пойдет!

И вот, достигнув пастбища, где жители Фламо упражнялись в стрельбе из лука, пришельцы подняли такой шум и гам, что многие обитатели Фламо сбежали, дабы узнать, что случилось; увидя своих заклятых врагов, они весьма изумились, ибо им и в голову не могло прийти, что те окажутся столь дерзкими. А жители Венделя, не молвя худого слова и даже не поздоровавшись с честной компанией, принялись плясать как сумасшедшие. Когда же какой-то крестьянин из Фламо вздумал было присоединиться к их пляске, они его весьма грубо оттолкнули, присовокупив, что уж конечно не для такого танцора они сюда с собой музыкантов привели. После чего чужаки стали зло потешаться над жителями деревни, говоря, что никто, мол, из здешних хвастунов теперь и кашлянуть не посмеет, если даже слопаёт целый мешок перьев. Между тем стрелки из лука оставили свое занятие, дабы узнать, что случилось. Однако ж, услышав, что шум стоит все из-за той же перебранки, какая произошла несколько дней назад, и поняв, что им следовало бы дать достойный отпор нахам, они тем не менее тихом да молчком возвратились к себе на лужок. Видали ли вы когда, как собака, стянув кусок сала и заметив, что ее увидели, словно бы признаёт свою вину и убегает трусцой, поджавши хвост и все время оглядываясь? Точно так повели себя и лучники из Фламо, правда, вид у них был при этом прежалкий и были они весьма пристыжены. Впрочем, они тут же одумались и собрались с духом, понявши, какое ужасное оскорбление нанесли им жители Венделя, кои до того обнаглели, что заявили прямо во Фламо и бросили его обитателям вызов на пороге их собственного дома. Кто бы мог подумать, что из-за нескольких слов, сказанных в запальчивости в ответ на грубость, жители Венделя захотят нанести своим соседям такую обиду? Хорошенько все взвесив, люди из Фламо заключили, что если они не дадут отпора чужакам, то навсегда будут опозорены и унижены и им тогда ни в одну из окрестных деревень нельзя будет нос показать, ни в одну порядочную компанию заявиться, понеже их честь и достоинство будут слишком задеты и понесут непоправимый урон. При одной мысли об этом к ним вернулася храбрость и мужество. Украдкой стали они поодиночке пробираться в харчевню кабатчицы Ногастой, и скоро их туда наби-

лось человек тридцать; пропустив по стаканчику вина да повторив это не раз и не два, они пришли в такой раж, что, не теряя времени, вооружились, пожалуй, не хуже, а даже лучше своих противников, и хотя жителей Фламо было поменьше, нежели тех, однако ж ведь победа чаще всего добывается не числом, а умением. Хорошенько приготовившись, наши храбрецы из Фламо решили не нападать на врагов среди равнины, ибо риск при этом был слишком велик; а посему они положили подстеречь противника возле дороги в ущелье, что было куда выгоднее, так что замысел этот одобрил даже некий старик ландскнехт: он когда-то участвовал в войне и постоянно твердил, что одолеть врага позволительно любым путем и способом. И вот оскорбленные жители Фламо пустились в путь, твердо решив как следует проучить невеж и нахалов. Жители Венделя между тем весьма дивились, не видя вокруг больше никого и обнаружив, что все куда-то подевались, кроме двух или трех стариков из Фламо, кои принялись стыдить пришельцев и учить их уму-разуму, говоря, что негоже, мол, так поступать, негоже мешать мирному отдыху людей и, как говорится, лезть прямо в чужой двор; под конец старики прибавили, что пришельцы, чего доброго, еще в этом раскаются, ибо частенько ждешь одного, а дело оборачивается совсем по-другому. Жители Венделя, однако ж, в ответ на попреки да укору осыпали стариков самой обидной бранью и снова пустились в пляс. Потом они повалили наземь мишени для стрельбы из лука и беспорядочной гурьбою двинулись в обратный путь, даже и не подозревая о засаде; по дороге они толковали о том, что им, дескать, бояться нечего, ибо жители Фламо им в подметки не годятся, и что те отныне и навсегда лишатся всяческого уважения; потом они прибавляли, что во Фламо кричат громко, но это, мол, гром не из тучи, а из навозной кучи; прямо тут, по пути домой, они сложили незамысловатую песенку о своих подвигах и распевали ее во все горло, впрочем, довольно складно, да еще пританцовывали в лад. За всем этим они даже не заметили, как достигли ущелья; эта часть дороги неспроста звалась ущельем, ибо дорога тут переходила в очень темную ложбину, и такую узкую, что по ней могла проехать всего лишь одна повозка, а по обе стороны дороги возвышались две скалы, так что

выбраться оттуда было никак нельзя; возле того места, как я уже сказал, и спрятались жители Фламо, одни в конце ущелья, другие — по бокам, причем все они запаслись увесистыми камнями. Жители Венделя еще шли, приплясывая, и болтали без умолку; когда же они вступили в ущелье, их там встретили, как говорится, по достоинству, ибо жители Фламо, не молвя худого слова, принялись швырять в своих врагов увесистыми камнями, так что эти бедолаги сперва не могли уразуметь, откуда на них такая напасть, позднее они сами с кривой усмешкой признавались, что были весьма удивлены и даже просто ошарашены, когда на них обрушился град камней. И вот, по причине этого, они гурьбой кинулись к выходу из ущелья, дабы поскорее выбраться из западни. Однако ж (какая злосчастная встреча!) у выхода их уже поджидала добрая дюжина молодцов из Фламо, кои, вооружась оглоблями, стали лупить врагов по голове да по плечам и отделали их на совесть. Бедняги из Венделя, понявши, что попали впросак, и видя, что дело плохо, стали истошно вопить: «Караул! Убивают!» — и молить о пощаде.

— Ох, люди добрые, помилосердствуйте! Простите нас!

— Черт побери! — отвечали на это жители Фламо. — Прощают да грехи отпускают в Риме, а уж тут вы свое получите сполна! Вы ведь, дьявол вас возьми, молодцов из себя строили, вот и покажите свою храбрость! Ну как? Хватит? Или еще добавить?

Надобно заметить (и это самое забавное), что женщины из обеих деревень вскоре услышали шум и вопли, доносившиеся с дороги, и тут же решили пойти поглядеть, что ж там такое происходит и творится, понеже из мужчин в деревнях оставались в ту пору одни только старики, что сторожили дом, поддерживали огонь в очаге да передвигали горшки в печи, — правда, они тоже приковыляли к месту драки, да только уже было поздно. И вот женщины, сильно распалившись и побросав все домашние дела, сбежались к ущелью, и там, по воле божьей, крестьянки из Фламо нос к носу повстречались с крестьянками из Венделя. А те, увидя, что с их незадачливыми муженьками обошлись столь жестоко и они едва ноги унесли, задумали выместить обиду на женщинах из Фламо, а посему принялись швырять в них камни. Их противницы, в свою очередь,

ответили на это градом булыжников; поблизости, как на грех, оказался некий хват, глазевший на сию схватку, и он, чтоб посмеяться над женщинами, крикнул, что, дескать, нипочем нельзя ловко метать камни, не вскидывая задом; услышав это, крестьянки с досады начали изо всех сил молотить друг дружку кулаками, разбивать носы в кровь, таскать за волосы, волочить по земле, царапаться, кусаться, срывать одна у другой с головы платки, словом сказать, безжалостно сводить сче-ты, на что женщины, как известно, великие мастерицы.

Однако ж я оставляю покамест женщин и возвращусь к крестьянам из Венделя; они тем временем пустились наутек и бежали во всю прыть, но при этом по-прежнему молили о пощаде, прося, чтобы их, Христа ради, оставили в покое, — только все было тщетно, их куда как крепко да здорово отлупили, и хотя они и задали стрекача, противники преследовали их до самой деревни. Прибежав к себе, бедолаги из Венделя с преогромным трудом разыскали свои дома, ибо были они во власти ужасного страха и торопились спастись от преследователей. Между тем жители Фламо (по крайней мере, иные из них) вошли во вкус и положили так проучить своих злополучных обидчиков, чтобы тем впредь неповадно было, но все же среди них нашлись люди благоразумные, они-то и сказали, что, мол, это уж слишком, что те свое, дескать, получили и негоже столь жестоко мстить соседям. Слова сии сочли справедливыми, и жители Фламо повернули назад, прихватив с собою волынку да гобой, чему они весьма радовались и веселились. Подойдя к ущелью, победители увидели, что женщины все еще сражаются. И в той схватке с обеих сторон показали себя многие знатные драчуны: они с особой яростью наносили удары друг дружке; одна, сняв с ноги подбитый гвоздями башмак, изо всех сил гвоздила им своих супостатов, другая так яростно пинала ногой всех подряд, что те валились наземь, третья, положив в сумку камень, размахивала ею, как кузнец своим молотом. Словом сказать, неумные эти бабы дрались так, что чертям было тошно. И они бы еще долго сражались, когда б их не развела наступившая ночь. Заметив, что уже смеркается, сии амазонки вернулись каждая под свой стяг, и тут обнаружилось, что ни у одной не осталось на голове ни платка, ни сетки, лица у всех были расцарапаны в кровь, уши едва не

вырваны с корнем, волосы свисали, как нечесаная пакля, а платья обратились в лохмотья. Когда же они увидели, что совсем стемнело, то начали безбожно поносить друг друга, крича во всю мочь: «Шлюхи, гулящие девки, торговки тухлой требухой, ведьмы, беззубые чертовки, злыдни, паскуды, воровки, мошенницы, мерзавки, колдуньи, подлюги, грязные свиньи, суки, толстозадые бабищи, дристуны, сопливицы, гниды, вшивицы, слюнявые рожи, замарахи, спесивые дуры, гнусные стервы, недотепы, ржавые пищали, старые сквернавки, негодные корзины, солдатские подстилки, сводни, бестолковые баламутки, бесстыжие нахалки, вонючки, замшелые кислены, облезлые образины, наглые морды, прожженные потаскухи!» И так эти богини орали да голосили, что весь лес Де-ла-Туш гудел от их крика, как рассказывал потом Илло Твердозад, а находился он тогда там, ибо срезал гибкую ветвь вяза, дабы смастерить себе лук. По правде говоря, трудно судить, кто ж именно взял верх, понеже с обеих сторон было выказано премного храбрости и ловкости, ибо амазонки сии отменно и кулаками махали, и языками трепали; когда же схватка уже затихла, они, расходясь по домам, все еще грозили друг дружке.

А эту часть дороги, какую допрежь обычно называли ущельем, стали с тех пор именовать Дорогой Схватки. И местные жители всякий раз столь упорно и яростно бились на ней, что и по сей день, ежели там ненароком сойдутся крестьяне из обеих деревень (ибо гора с горой не встречается, а человек с человеком сходится, ежели только оба не горбаты), то уж беспрерывно задирают друг друга и пускают в ход кулаки единственно для того, чтобы поддержать сей славный и достохвальный обычай: так они пообещали и поклялись делать и поступать, сами по доброму своему желанию и согласию положили держаться сего правила, как говорится, ныне, и присно, и во веки веков.

Вот что я хотел поведать вам об этом приснопамятном дне на Дороге Схватки, и, поверьте, рассказал я все так, как сам слышал.

Тут заговорил Ансельм и присовокупил, что жители Венделя испокон веку были страсть какие забияки и никогда удержу в гневе своем не знали. Однако ж чаще всего они бывали биты или уж непременно попадали впросак.

Нет здесь, конечно же, никого, кто не знает, что Перро был славный малый, щеголял он в камзоле тонкого сукна и отличался весьма тонким умом, а уж выпить-то был всегда готов, не слишком заботясь о том, кто за выпивку платить станет. Понеже все мы несовершенно, то и у него был один недостаток: насколько хорошо он разбирался в чужих делах, настолько же бывал слеп, худоумен и безрук, едва речь заходила о его собственных, ибо, сдаётся мне, куда как просто давать советы, но тот, кто других поучает, сам зачастую ничего не умеет. Перро распорядился в своей округе словно бы полубог какой, и был он, как говорится, первый человек на деревне. А получалось это, как я уже сказывал, поелику умел он весьма скоро чужие дела решать, и все обращались к нему за советом, зане слыл он человеком знающим и поднаторевшим в делах; и посему ни одна тяжба (а это немало) не начиналась, покамест он к ней своей руки не приложит; водрузив на нос очки, потому как был он подслеповат, Перро погружался в изучение бумаг и с важностью изрекал свое суждение; зато в благодарность он всегда первым вкушал от плодов местных земледельцев: приносили ли ему гусят либо цыплят — ничем он не брезговал и, ничуть не чинясь, брал все без разбора, хотя сперва для вида отказывался, говоря (по обычаю стряпчих), что с него хватило бы и словесной признательности, но коль скоро проситель так настаивает, то уж ничего не поделаешь. А еще отличался он превосходным свойством: где бы ни шла пирушка, он был тут как тут, даже если его и не звали. Прямо с порога принимался хихикать и обращался к честной компании обычно так:

— Да пребудет господь бог в доме сём, а монахов к чертям пошлем! Мир честной компании. Да будет на то воля божья, чтобы мы и век спустя могли здесь друга друга обнять!

Возгласив это, Перро снимал плащ, швырял его на сундук и присаживался к столу. И какой бы ловкий говорун уже ни восседал за этим столом, никто не мог забить нашего Перро и никто не умел лучше поддерживать беседу; он болтал без умолку — то побасенку

какую расскажет, то историю какую вспомнит, а то самую свежую новость сообщит, тут же и выдумав ее на месте; любил он похвастаться и тем, как он ловко иск вчинил, и сочинял такие подробности, что все служило к его чести. Затем он просил:

— Передайте-ка мне это блюдо! Позвольте взять у вас нож! Налейте винца, горло промочить! Нет, ничего не убирайте, новые кушанья несите, а старых не уносите! Да простит бог, он подцепил тот кусок, на какой я сам нацелился! Из всех рыб, окромя линя, вкуснее всего крыльышко каплуна, что бы там ни толковали знатоки о ножках! А вот и кусок, ради коего наша славная хозяйка зарезала барана, и надобно ему честь воздать. Любезная дама, коли вам не спится, отведайте сию куриную ножку. Видать, отменный был бычок! Должно, нагуливал себе жир на сочных лугах. Пододвиньте-ка мне этого голубя, и я с ним разделаюсь по всем правилам. Еще капельку уксуса, дочь моя. Ах, черт бы побрал прислугу, вам этого голубчика изрядно подпортили, хозяйюшка, где только были ваши глаза! Его бы еще на вертеле подержать, да соус поострее сделать. А-а, любезный зайчишка, добро пожаловать! Черт подери, да он совсем сырой! Ну уж ладно, подавайте его сюда, с горчишкой пойдет. Как, сударь, неужто вы это на блюде оставите? Оно, конечно, первые куски следующим мешают. Послушай, сынок, положи-ка его на жаровню, и я тебя, с божьей помощью, женю на своей старшей дочке, а покамест налей мне вон из той бутылочки. Покорно благодарю, сударь, я в долгу не останусь. Да, да, клади, как себе. И я вам услужу в день вашей свадьбы. Вот что, дружок, ответь без вранья: сколько ты можешь этого съест, прежде чем осовеешь? Да, лет эдак пятнадцать назад столь лакомого кусочка я б не упустил! Ну и аппетит у него! Смотрите, как уплетает, хоть бубенцы к подбородку подвязывай... Дьявол меня возьми! Вот славный поросенок! Ей-ей, он вволю поел желудей. А у меня, как на грех, во рту ни единого крепкого зуба. Да, встречаются чудачки, что едят только в свои часы, да все больше утром, а не вечером; я не таков: ем во всякий час и на здоровье не жалуюсь. Будем поступать, как старые служаки, еду запивать паки и паки! Коли мне стаканчик не поднесут, я за все яства и гроша медного не дам. Уберите воду — вино и без того достаточно крепкое. Утром пей чистое вино, а

вечером — неразбавленное! Вот так сыр! Дружище, подыми-ка салфетку. Дайте мужлану салфетку, он из нее путлиц настрижет. Что-то нож у меня давно без дела, дай-ка мне выпить! Ну да, я пьян, а брюхо у меня что барабан, пойду малость потанцую. Ешьте! Да вы совсем не пьете! Говорите, после такого обеда и попроститься не грех? Трень-брень! Ежели мои дети доброй закваски, они долгий век проживут. Коль вино с водой мешаем, мало проку получаем! Вина! Не то я потом больше потребую! Съел грушу — пей за милую душу! Ну и яблоко! Знай, к чему оно поведет, первая на земле дама подальше б спрятала его от Адама. Эх, куманек, выпьем из почтения к нему, из любви к ней! Да, сестрица, я выпил за свою кумушку, так неужто она за меня не выпьет? Ничего, не помрете, ежели разок выпьете, как бретонке положено. А я из этого дома не уйду, пока жажду не залью...

— Кум Ансельм, — вмешался метр Юге, — покорно вас прошу, будьте покороче и заканчивайте поскорей, ибо я хочу, пока еще не спустилась ночь, поведать вам занимательную историю, она позволит нам поддержать сию беседу на старинный мудрый лад.

— Клянусь богом! — подхватил Паскье. — Я б тоже мог такое порассказать о Перро! И все кстати. Да только ночь близится, и мы уж всякого о нем наслушались, а посему я готов выйти из игры, и у нас останется время, каковое вы с пользой употребите на свой рассказ.

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ

ГЕПТАМЕРОН

ВСТУПЛЕНИЕ

Шервого сентября, когда обычно начинается лечебный сезон, в местечке Котерэ, в Пиренеях, собралось небольшое общество, состоявшее из людей, которые приехали сюда из Испании и из Франции; одни прибыли для того, чтобы пить целебные воды, другие — чтобы принимать ванны, иные же — чтобы лечиться грязями, столь чудодейственными, что больные, от которых отказались все доктора, возвращались после этого лечения совершенно здоровыми. Однако я отнюдь не собираюсь рассказывать вам о местоположении или о целебных свойствах этих купаний. Я хочу без промедления перейти к тому, что является непосредственным предметом моего рассказа.

Все больные, собравшиеся в этом местечке, провели там более трех недель, по истечении коего времени они убедились, что поправились окончательно и могут возвратиться домой. Но как раз в эту пору хлынули дожди и были столь обильны, что казалось, господь забыл о своем обещании, данном Ною, больше не посылать на землю потопа. Все домики местечка Котерэ залило водою, так что оставаться в них долее было нельзя. Больные, приехавшие из Испании, вернулись к себе на родину по горам, кто как сумел, причем избежать опас-

ности было, разумеется, легче всего тем, кто хорошо знал дороги. Что же касается сеньоров и дам из Франции, то они решили, что возвратиться в Тарб им будет так же легко, как легко было приехать сюда. Однако расчет их не оправдался: все горные ручейки настолько разлились, что перебраться через них стоило теперь большого труда. Когда же путники попробовали перейти Беарнский ручей, глубина которого в обычное время не превышала двух локтей, то оказалось, что ручей этот превратился в целую реку со столь стремительным течением, что им оставалось только вернуться назад. Они принялись было искать переправы, но мосты все были деревянные, их сорвало и унесло потоком. Отдельные смельчаки попытались было, держась за руки, переправиться вброд, но их так стремительно отбросило течением, что у приятелей их, оставшихся на берегу, пропала всякая охота испытывать свои силы. И вот, отчасти оттого, что между ними не было согласия, а отчасти и оттого, что приходилось искать новые переправы, вся компания разделилась на несколько групп и разбрелась в разные стороны. Одни, перевалив через горы и миновав Арагон, поехали в графство Руссильон, а оттуда в Нарбонну, другие же направились прямо в Барселону, а там уже морем кто в Марсель, кто в Эг-Морт.

Некая же вдова по имени Уазиль, женщина уже пожилая и умудренная опытом, забыв всякий страх, решила идти по самой плохой дороге, лишь бы как-нибудь добраться до монастыря Серранской божьей матери. При этом она была вовсе не настолько благочестива, чтобы думать, что Пресвятая дева могла оставить свое место одесную сына и сойти на эту пустынную землю. Ей просто очень хотелось увидеть святую обитель, о которой она столько слыхала. К тому же она была уверена, что, если только вообще существует какая-либо дорога, монахи во всяком случае должны ее знать. И намерение свое она исполнила, хотя для этого и пришлось пробираться по очень крутой тропинке с частыми подъемами и спусками, по которой в обычное время никто не ходил. И, невзирая на свой возраст и полноту, госпожа Уазиль проделала весь этот путь пешком. Прискорбнее всего было то, что почти все ее слуги погибли за время пути, а лошади пали. И вот, в сопровождении одного только слуги и одной служанки, оставшихся в живых, она до-

брела до Серранса, где ее приветливо встретили монахи.

Среди прочих французов были также два дворянина, которые отправились на купанья не столько для того чтобы поправить здоровье, сколько для того чтобы сопутствовать двум замужним дамам, по которым они вздыхали. Кавалеры эти, видя, что компания расстроилась и что мужья увезли своих жен, решили следовать за ними поодаль — так, чтобы никто их не видел. Когда же однажды вечером обе супружеские четы остановились на ночлег в доме некоего крестьянина — который в действительности оказался просто разбойником, — молодые люди расположились неподалеку от них, на мызе.

И вот около полуночи они слышат вдруг страшный шум. Они вскакивают с постелей, а за ними и слуги, и спрашивают мызника, что случилось. Бедняга и сам не может прийти в себя от испуга и говорит, что это явились бандиты и требуют, чтобы их сообщник отдал причитающуюся им часть добычи. Дворяне сразу же схватили шпаги и вместе со слугами поспешили выручать дам, ибо больше всего на свете боялись их потерять и готовы были отдать за них жизнь.

Прибежав в дом, они видят, что наружная дверь сломана и оба сеньора и слуги их мужественно сражаются с негодями. Но так как тот и другой были ранены, а многие слуги убиты и к тому же разбойники превосходили их числом, они были вынуждены отступить. Заглянув в окна, молодые люди увидели несчастных дам: они заливались слезами и громко зывали о помощи. Охваченные безумной жалостью, кавалеры почувствовали в себе такую отвагу, что ринулись на врагов подобно двум разъяренным горным медведям и были столь неистовы, что те не смогли устоять. Большинство разбойников было убито, а остальные, не желая, чтобы их постигла та же участь, бежали и скрылись.

Разделавшись с грабителями (хозяин оказался в числе убитых), молодые люди пришли к убеждению, что хозяйка еще более коварна, чем ее муж, и тут же прикончили ее ударом шпаги. Войдя в низенькую комнату, они обнаружили, что один из сеньоров мертв, а другой цел и невредим, и только платье на нем разо-

драно, а шпага сломана. Обняв своих спасителей, он горячо их поблагодарил и стал просить, чтобы они их не покидали. Те, разумеется, были счастливы эту просьбу его исполнить. Похоронив убитого и всячески стараясь утешить его жену, путники двинулись дальше, на верной дороге они не знали и целиком положились на волю божью. Если вам угодно узнать имена этих трех дворян, то вот они: сеньора звали Иركان, жену его — Парламанта, вдову — Лонгарина, а двоих молодых людей — Дагусен и Сафредан. Путники проехали целый день верхом. Когда же стало смеркаться, вдали показалась колокольня монастыря и они пришпорили коней, чтобы добраться туда до наступления ночи, что сделать было не так-то легко. Там их гостеприимно встретили аббат и монахи. Это было аббатство Сен-Савен. Аббат, происшедший из очень благородной семьи, оказал им самый любезный прием. Он велел приготовить им комнаты и, проводив их туда, стал расспрашивать, как они попали в эти края. Когда они рассказали ему, что с ними приключилось в пути, он сообщил им, что у них есть товарищи по несчастью и что в соседней комнате находятся две молодые дамы, которые избежали подобной же опасности, и даже, пожалуй, еще большей, ибо им пришлось иметь дело не с людьми, а с диким зверем. В расстройстве полумили от Пьерфита бедняжки натолкнулись на медведя, спустившегося с горы. Увидав его, они пришпорили коней и неслись столь быстро, что у ворот монастыря оба коня под ними пали; две служанки, явившиеся уже много времени спустя, сообщили, что всех остальных слуг загрыз медведь. Все пятеро вновь прибывших направились к ним и, к изумлению своему, увидели, что заливавшиеся слезами женщины были Номерфида и Эннаскоита. Они кинулись им в объятия и рассказали о постигшей их беде. Несчастные возрадовались этой неожиданной встрече и, согретые напутствиями доброго аббата, стали понемногу успокаиваться. Наутро же все они присутствовали на мессе и благоговейно молились, воздавая хвалу господу за то, что он уберег их от смерти.

И вот в то время, когда они слушали мессу, в церковь врывается какой-то человек в одной рубашке, спасаясь от погони и громко призывая на помощь. Иركان и другие сеньоры тотчас же кинулись к нему и увидели, что за ним гонятся двое мужчин с обнаженными шпагами.

Столкнувшись с таким большим обществом, разбойники испугались и пытались скрыться. Но Иركان и его товарищи догнали их и убили. Когда же Иركان обернулся, он увидел, что человек в ночной рубахе не кто иной, как один из их спутников. Жебюрон — так звали несчастного — рассказал им, что он остановился на ночлег в одном из домиков в Пьерфите, и когда он уже лежал в постели, туда ворвались трое мужчин. Но, хотя он и был раздет и при нем была только шпага, он так сильно ранил одного из разбойников, что тот уже не смог и подняться. Когда же двое других стали поднимать его с полу, Жебюрон, сообразив, что он гол и бос, а те хорошо вооружены, решил, что ему остается только одно — спастись бегством: бежать-то ведь всегда сподручнее тому, кто легче одет. И он возблагодарил бога и своих спасителей, которые за него отомстили.

После того как месса закончилась и все пообедали, один из слуг был послан узнать, можно ли переправиться через горный поток. Вернувшись, он сказал, что переправы никакой нет, после чего присутствующие долго не могли решить, как им быть. Аббат настойчиво уговаривал их погостить в монастыре до тех пор, пока вода не схлынет, и в конце концов они вняли его просьбам и решили остаться там еще на день. Вечером же, когда они собрались ложиться спать, в монастырь пришел старый монах, который из года в год ходил в сентябре на богомолье в Серранс. Они стали расспрашивать его, как он добирался до дому, и он рассказал, что реки настолько разлились, что ему пришлось карабкаться по горам и что такой трудной дорогой он в жизни еще никогда не хаживал. Он рассказал также, что случайно сделался очевидцем страшной картины: некий дворянин по имени Симонто, которому надоело ждать, пока вода пойдет на убыль, решил перебраться через реку, собрал всех своих слуг и верхом на коне вместе с ними ринулся в водоворот. Но едва только они оказались на середине, как все его слуги вместе со своими лошадьми были унесены стремительным течением и утонули. Оставшись один, сеньор этот попытался повернуть коня назад, но сделать это было так трудно, что он не удержался в седле и свалился в воду. Однако господь оказался к нему милостив: изрядно нахлебавшись воды, Симонто выбрался наконец с большим тру-

дом на берег, и совсем уже измученный и ослабевший упал на голые камни. И случилось так, что пастух, гнавший вечером стадо домой, нашел его там, на камнях, промокшего до костей и глубоко опечаленного потерей слуг, которые погибли у него на глазах.

Пастух, услышав о постигшей путника беде и увидев, в сколь жалком состоянии он находится, взял его под руку и отвел в свою убогую хижину; набрав щепы, он развел огонь и помог ему согреться и высушить одежду. В тот-то самый вечер господь и привел туда старика-монаха, который рассказал молодому человеку, как пройти в монастырь Серранской божьей матери. Старик заверил его, что там он сможет отдохнуть лучше, чем где бы то ни было, и сказал, что там сейчас гостит пожилая вдова Узиль, которая, так же как он, попала в беду. Когда вся компания услышала, что их милая Узиль, а также благородный Симонто нашлись, все несказанно обрадовались и возблагодарили Создателя, который, не пощадив, правда, слуг, смилостивился над их господами. Особенно же обрадована была Парламанта, ибо Симонто с давних пор был ее верным кавалером.

После того как они подробно разузнали от старика, каким путем им следует идти в Серранс, они решили пойти туда. И сколько монах ни предупреждал их о трудностях этой дороги, на следующий же день все отправились в путь. Аббат снабдил их самыми лучшими лошадьми и обеспечил вином и всяческим провиантом. И они были так хорошо снаряжены, что не испытывали ни в чем никакой нужды. К тому же, чтобы они не заблудились в горах, он дал им хороших проводников. Изнемогая от усталости, компания хоть и с большим трудом, но добралась до монастыря Серранской божьей матери. Настоятель этого монастыря был человеком недобрым, но он не посмел отказать им в ночлеге, боясь навлечь на себя гнев короля Наваррского, ко всем им весьма благоволившего. Лицемер этот встретил их с притворной любезностью и повел к госпоже Узиль и сеньору Симонто.

Радость друзей, оттого что они нашли наконец друг друга, была так велика, что всю ночь они провели в церкви, благодаря господу за то, что он был к ним столь милостив. Под утро они немного отдохнули, а потом

отправились слушать мессу и все приобщились святых тайн, как подобает истинным христианам, прося того, кто собрал их вместе, помочь им благополучно завершить свое путешествие. После обеда они послали узнать, не спала ли вода, и когда им сказали, что река разлилась еще шире и нет никакой надежды перейти ее в ближайшие дни, они решили перебросить мост с одной скалы на другую в том месте, где расстояние между двумя берегами было всего короче. Там и посейчас еще лежат доски, положенные для пешеходов, которые, следуя из Олерона, не хотят переходить реку вброд. Узнав об их намерении, аббат очень обрадовался: он был уверен, что после этого число паломников и паломниц, прибывающих в монастырь, возрастет еще больше. Он дал им рабочих, но сам он был чрезвычайно скуп и не затратил на эту постройку ни одного денье. Рабочие объявили, что мост будет построен не раньше чем через десять — двенадцать дней, и известие это весьма опечалило всех, как кавалеров, так и дам. Но жена Иркана, Парламанта, не привыкла сидеть сложа руки и предаваться унынию; испросив позволения супруга, она обратилась к почтенной Уазиль со следующими словами:

— Госпожа моя, вы столь опытни в жизни, что годились бы всем нам в матери. Неужели же вы не придумаете какого-нибудь времяпрепровождения, чтобы разогнать скуку, которая, разумеется, будет одолевать нас эти дни? Ведь если у нас не окажется на это время занятия приятного и благостного, мы легко можем даже захворать от тоски.

— И что того хуже, — добавила молодая вдова Лонгарина, — мы впадем в уныние, а это недуг неизлечимый. А у каждого из нас есть свои утраты и достаточно причин, чтобы предаваться печали.

— Но ведь не у каждой же из нас, — смеясь, заметила Эннасюита, — как у тебя, погиб муж, а что касается гибели слуг, то это не должно никого особенно огорчать, ибо не столь уж трудно достать себе новых. Я все же считаю, что нам следовало бы придумать какое-нибудь приятное занятие, чтобы скоротать эти дни, не то мы завтра же пропадем от скуки.

Ее поддержали и кавалеры, и все стали просить госпожу Уазиль, чтобы она посоветовала им, чем себя занять.

— Дети мои, вы задали мне очень трудную задачу, — ответила она, — придумать занятие, которое бы избавило вас от скуки. Такого средства я искала всю свою жизнь, и вот оказалось, что единственное средство от всех печалей — Священное писание; оно дает истинную и совершенную радость духу, от которой проистекает покой и здравие телесное. И если вы спросите меня, благодаря чему я в мои столь преклонные годы всегда здорова и весела, то знайте, что утром, едва только встав с постели, я беру Библию и, читая ее, каждый раз умиляюсь доброте господина нашего, ради нас посланного на землю сына своего возвестить людям его святое слово, ибо сын божий, возлюбивший нас и ради нас понесший страдание, обещает нам прощение всех грехов и оставление всех долгов наших, даруя нам любовь свою. Созерцание это вселяет в душу мою такую радость, что я беру потом псалтырь и с величайшим смирением повторяю в сердце своем и шепчу губами прекрасные псалмы и песни, которые святой дух вдохнул в творения Давида и других песнопевцев. И мне от этого бывает так хорошо на душе, что все горести, которые могут постичь меня в течение дня, кажутся мне благословенными, ибо в сердце моем всегда жив тот, кто ради меня перенес такие жестокие муки. То же самое я делаю и перед ужином: ухожу к себе и всегда предаюсь каким-либо назидательным размышлениям. А перед тем как лечь спать, я вспоминаю все, что я делала в этот день, чтобы испросить прощения у господина за мои проступки и возблагодарить его за все его милости. А потом, в любви, в страхе божьем и в мире, оградив себя от всех печалей, я вкушаю отдых. Вот, дети мои, то времяпрепровождение, которое я себе избрала, после того как долго искала, чем бы себя занять, и ничто не давало душе моей истинного покоя. Мне думается, что, если вы каждое утро стали бы в течение часа читать Священное писание, а затем во время мессы благоговейно повторяли бы ваши смиренные молитвы, вы в этих пустынных местах обрели бы ту красоту, которой полны города, ибо для тех, кто познал бога, прекрасным становится все то, что озарено его присутствием, без которого все и пусто и уныло. Вот почему я и прошу вас, если вы хотите жить в радости, последуйте моему совету.

— Госпожа моя, — возразил ей Иркиан, — каждый,

кто читал Священное писание, — а я убежден, что все мы его читали, — должен будет признать истинность ваших слов. Только не следует забывать, что мы еще молоды и не хотим отказывать себе в развлечениях и всякого рода телесных упражнениях; живя дома, мы, например, постоянно охотимся и охота отвлекает нас от множества сумасбродных мыслей. Что же касается наших дам, то у них для этого есть рукоделие и хозяйство, а порою и танцы, которые нередко самым благородным образом их развлекают. Словом, от имени мужчин я хочу просить вас, чтобы, как самая старшая, вы читали нам по утрам про жизнь господина нашего Иисуса Христа и про великие дела, которые он творил ради нас, с тем чтобы на остальное время мы избрали себе какое-нибудь занятие, которое, не будучи вредным для души, было бы приятным для тела, и, таким образом, каждый день был бы для нас радостным.

Госпожа Уазиль сказала, что она настолько уже отошла от светской суеты, что вряд ли сумеет сама выбрать такого рода развлечение и что следовало бы по этому поводу посоветоваться со всеми. Первым она попросила высказать свои мысли Иркана.

— Что до меня, — сказал он, — то если бы я был уверен, что выбранное мною развлечение будет столь же приятно кому-то из нас, как и мне, я назвал бы его сразу. Но покамест я лучше промолчу и послушаю, что скажут другие.

Жена его Парламента, решив, что он намекает на нее, покраснела и, полусердясь, полушутя, ответила:

— Ирган, может быть, та, которую вы больше всего боитесь огорчить, нашла бы чем вознаградить себя, если бы захотела. Но не стоит сейчас вспоминать о развлечениях, доступных только двоим, поговорим лучше о тех, которые могут быть интересны для всех нас.

— Раз моя жена верно поняла мой намек, — сказал Ирган, обращаясь к дамам, — и подобного рода развлечения ее не прельщают, я полагаю, что она лучше всех сумеет найти нечто такое, что могло бы понравиться каждому. С этой минуты я всецело доверяюсь ее выбору. Для меня существует только одна ее воля, своей у меня нет.

Решение его было одобрено всеми. Парламента же, видя, что жребий пал на нее, сказала:

— Если бы я была столь же хитроумна, как древние, которые изобрели все искусства, то, чтобы исполнить возложенную на меня обязанность, я непременно придумала бы какое-нибудь занятие или игру. Но, хорошо зная, что способности мои и уменье позволяют мне только хранить в памяти то хорошее, что совершали другие, я почла бы себя счастливой, если бы могла следовать по стопам тех, кто некогда уже умел развлечь вас. Между прочим, я думаю, что все вы читали сто новелл, написанных Боккаччо, которые совсем недавно были переведены с итальянского на французский и которые король Франциск Первый, монсеньор Дофин, его супруга и королева Маргарита так расхваливали, что, если бы Боккаччо мог сейчас узнать, сколь велика оказанная ему честь, он бы непременно воскрес из мертвых. Мне довелось услышать, что совсем недавно две упомянутые выше дамы вместе с несколькими придворными решили написать нечто подобное этой книге, позволяя себе разойтись с Боккаччо только в одном: не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием. Таким образом, обе эти дамы решили написать по десяти новелл каждая и к ним присоединился господин Дофин. Впоследствии же они решили довести число рассказчиков до десяти и выбрать для этого тех, у кого будет что рассказать. Заправских писателей они решили не приглашать: монсеньор Дофин не хотел, чтобы в эту затею вмешивались люди, хорошо владеющие пером. К тому же он боялся, что погоня за риторическими красотами может в какой-то мере повредить жизненной правде. Но случилось так, что следовавшие вскоре после этого события — мир, который наш король заключил с королем английским, разрешение от бремени супруги Дофина и многие другие, достаточно значительные, чтобы занять внимание всего двора, — заставили их позабыть об этом намерении. И вот мы сейчас как раз могли бы осуществить его, воспользовавшись для этого тем досугом, который выдался нам на долю в ожидании, пока мост через реку будет построен. И если вам будет угодно, мы каждый день от полудня и до четырех часов можем проводить на этой прелестной лужайке на берегу горного ручья, где листва так густа, что солнечные лучи не в силах пробраться туда и помешать нам насладиться прохладой. Там каждый расскажет какую-нибудь историю,

свидетелем которой был сам или которую слышал от человека, заслуживающего доверия. За десять дней у нас наберется сотня таких рассказов, и если господь сочтет, что труд наш достоин быть прочитанным упомянутыми дамами и господами, мы по возвращении из путешествия преподнесем его им, как принято подносить молитвенники и образки. Но, впрочем, если кто-нибудь из вас изобретет нечто более занимательное, чем то, что я предлагаю, я охотно соглашусь с его выбором.

Все воскликнули, что лучшего ничего не придумать и что им не терпится поскорее приняться за игру, начать которую решено было на следующий же день.

Весь остаток дня общество провело очень весело, каждый вспоминал и рассказывал другому то, что когда-то видел. А на следующее утро все собрались в комнате госпожи Уазиль, которую они застали уже за молитвой. После этого они в течение часа слушали ее чтение, а потом со всем подобающим благочестием присутствовали на мессе. В десять часов они пообедали и каждый удалился к себе в комнату и занялся своими делами. В полдень же все они встретились на лужайке, которая была так хороша, что нужно было бы искусство Боккаччо, чтобы ее описать. Надеюсь, однако, все мне поверят, если я скажу, что это был уголок неслыханной красоты. Когда все общество расположилось на зеленой траве, такой мягкой и нежной, что не потребовалось ни ковров, ни подушек, Симонто спросил:

— Кто же из нас начнет?

— Раз вы первый заговорили, — ответил Иркиан, — то вы теперь нами и распоряжайтесь. Ведь в игре этой мы все равны.

— Я ничего не хотел бы другого в жизни, — сказал Симонто, — как распоряжаться этой компанией!

При этих словах Парламента, которая хорошо поняла их смысл, вдруг раскраснелась. Это помешало Иркиану заметить, как она покраснела, и он попросил Симонто начать свой рассказ.

В третий день обсуждается поведение дам, которые искали одной только добродетельной любви, а также примеры лицемерия и коварства монахов.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

На следующее утро, еще до того как все собрались в трапезной, госпожа Уазиль была уже там. Она пришла за полчаса до всех, чтобы просмотреть тот отрывок Священного писания, который она готовилась прочесть вслух. И точно так же, как и в предыдущие дни, все были премного довольны ее чтением. Не успела она еще закончить, как один из монахов пришел звать всех к утренней мессе, ибо оказалось, что и сеньоры и дамы были так поглощены этим чтением, что не слышали даже, как прозвонили колокола. Прослушав мессу со всем подобающим благочестием и потом скромно пообещав, чтобы чересчур обильная еда не притупила память и каждый мог получше вспомнить то, что должен был рассказать, они разошлись по своим комнатам, чтобы почитать свои записи в ожидании, когда настанет время идти на лужайку. Как только назначенный час настал, все отправились туда. И те, что решили в этот день рассказать нечто забавное, лукаво улыбались, и по их лицам можно было догадаться, что присутствующим будет над чем посмеяться. Когда все расположились на траве, Сафредана спросили, кому он передаст слово, чтобы начать третий день.

— Мне кажется, что вчера я очень провинился перед вами, а сам я не знаю никакой истории, которая могла бы загладить мою вину. Поэтому, я думаю, лучше всего было бы передать сейчас слово Парламанте; она со свойственной ей рассудительностью сумеет рассказать что-нибудь в похвалу дамам и заставить забыть о горькой истине, которую я вам высказал вчера.

— Я отнюдь не собираюсь расплачиваться за ваши грехи, — ответила Парламанта, — я постараюсь только сама не пойти по вашим стопам. Поэтому я хотела бы рассказать одну только правду, как мы клятвенно обещали друг другу, и убедить вас, что на свете есть дамы, которые в своих друзьях ищут прежде всего высокой и чистой любви. А поелику те, о которых пойдет сейчас

речь, принадлежат к знатному роду, я расскажу все, как было, изменив только их имена. И прошу вас, любезные дамы, помните, что благородное и целомудренное сердце никакая любовь не заставит перемениться, как вы и увидите сами из моего рассказа.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Роландина, которая до тридцати лет оставалась незамужней, зная, что отца нисколько не заботит ее участь и что госпожа ее не очень к ней расположена, завязала нежную дружбу с неким бастардом из знатного рода и обещала выйти за него замуж. Проведавший об этом отец строгонастрого приказал ей взять назад свое обещание. Однако девушка продолжала хранить верность возлюбленному своему до самой его смерти, и только после того как окончательно убедилась, что его нет в живых, вышла замуж за дворянина, принадлежавшего к тому же роду, что и она.

Была во Франции королева, которая любила, чтобы в ее свите всегда находились девушки из самых знатных домов. Среди них была некая Роландина, которая приходилась ей близкой родственницей. Но по причине каких-то неладов с отцом этой девушки королева питала к ней неприязнь. Роландина не выделялась среди остальных красотой, но и не была особенно дурна собой, благоразумие же и добродетель ее были так велики, что к ней сваталось немало знатных вельмож. Всем она отвечала отказом: отец ее любил деньги и ревниво берег свое состояние, не очень-то беспокоясь о благополучии дочери. Королева же, как я говорила, питала к ней неприязнь, и поэтому те из придворных, которые боялись прогневить свою госпожу, перестали выказывать девушке знаки внимания. Таким образом, из-за небрежения отца и презрения королевы несчастная Роландина очень долго не могла найти себе мужа. И в конце концов она стала этим очень тяготиться, и не столько потому, что ей так уж хотелось выйти замуж, сколько потому, что начала стыдиться своего положения. Она оставила двор и всю светскую суету, решив посвятить себя богу, и стала проводить время в молитвах и рукоделье. И так вот молодые годы ее прошли в уединении, и жизнь ее была на редкость добродетельной и благочестивой. Когда ей было уже около тридцати

лет, она встретила с побочным сыном одного сеньора из знатного и славного рода — человеком весьма порядочным и благородным. Но бастард этот не был ни богат, ни красив и поэтому не пользовался успехом у дам. Он оставался неженатым — и так как несчастье часто сближает людей, он начал ухаживать за Роландиной, ибо положение обоих, состояние их и участь во многом были сходны. И жалуясь друг другу на свои невзгоды, они так подружились, как только могут подружиться товарищи по несчастью, и старались возможно чаще встречаться и утешаться и утешать друг друга. И чем больше они виделись, тем больше росла и крепла их дружба. Те, кто знал, как уединенно живет Роландина и как она всех чуждается, видя ее теперь постоянно в обществе этого человека, стали возмущаться и старались внушить ее воспитательнице, что она не должна этого допускать. Та передала эти слова Роландине и сказала, что все возмущаются тем, что она столько времени проводит с мужчиной, который недостаточно богат, чтобы на ней жениться, и недостаточно красив, чтобы стать ее другом. Роландина, которая всегда была более склонна к скромной жизни, чем к светским забавам, ответила своей воспитательнице:

— Ах, матушка, вы же видите, что я лишена возможности избрать себе мужа, равного мне по положению, и что я всегда избегала общества людей молодых и красивых, боясь повторить ошибки, в которые впадают иные. А дворянин этот — человек, как вы сами знаете, очень порядочный и скромный, и беседы с ним всегда полезны и благочестивы. И если он утешает меня в моих невзгодах, то, поверьте мне, в этом нет ничего дурного ни для вас, ни для тех, кто пускается на всякие пересуды.

Бедная старушка, которая любила свою госпожу больше, чем самое себя, сказала:

— Мадемуазель, я вижу, что все, что вы говорите, суцая правда и что отец ваш и госпожа наша королева недостаточно добры к вам. Но коль скоро сейчас эти пересуды затрагивают вашу честь, то, будь это даже ваш собственный брат, вам надлежало бы отказаться от встреч с ним.

— Матушка, — заплакав, сказала Роландина, — раз вы мне даете такой совет, я поступлю так, как вы гово-

рите. Но до чего же тяжко мне будет жить, когда на целом свете не останется никого, кто бы мог утешить меня в моем горе!

И когда бастард явился к ней, чтобы, по обыкновению, с нею побеседовать, она передала ему слова своей воспитательницы и в слезах просила его, чтобы он выдержался от встреч с нею до тех пор, пока не улягутся все эти слухи, — что он и сделал.

Но во время этой вынужденной разлуки и тот и другая, лишившись последнего утешения, стали испытывать страдания, которых не знали раньше. Роландина все время молилась, постилась и ездила по святым местам. Оказалось, что это была любовь, которой она дотоле еще не знала, и чувство это причиняло ей столько боли, что с той поры у нее не было ни минуты покоя. Бастард, так же как и она, жестоко страдал от любви, но в глубине сердца он уже понял, что любит ее, и решил, что постарается на ней жениться, ибо считал, что быть ее мужем для него большая честь. И он стал думать о том, как найти способ сказать Роландине о своей любви. Прежде всего он решил завоевать расположение ее воспитательницы и начал с того, что рассказывал ей, на какое страдание обрекают бедную девушку, отнимая у нее последнее утешение. Хорошая старушка расплакалась и поблагодарила его за то, что он так предан ее госпоже. И они стали вдвоем думать, как ему устроить свидание с ней. Роландина должна была притвориться, что у нее мигрень и малейший шум ее раздражает. Когда же все уйдут в покои королевы, она получит возможность остаться со своим возлюбленным вдвоем и наговориться с ним вволю. Бастард несказанно обрадовался; последовав совету этой доброй женщины, он мог теперь всякий раз, когда хочет, говорить со своей подругой. Но так продолжалось недолго, ибо королева, которая недолюбливала Роландину, стала спрашивать, почему та по столько времени не выходит из своей комнаты. И хотя кто-то сказал ей, что девушка больна, нашелся и другой человек, любивший позлословить за чужую спиной, и он не преминул добавить, что бастард, в обществе которого девушка проводит все вечера, должно быть, с успехом лечит ее от мигрени. Королева, нередко прощавшая грехи другим, к Роландине не знала снисхождения. И, послав за ней, она решительно запретила ей встречаться со своим другом где бы то ни

было, кроме королевских покоев или зала. Роландина не подала и виду, что ей это тяжело, и сказала:

— Если бы я только знала, ваше величество, что все это вам неуютно, я никогда не стала бы с ним разговаривать.

Сама же она только и думала о том, чтобы найти какой-нибудь способ его опять увидеть, и на этот раз так, чтобы королева ничего не узнала. И вот как она поступила. По средам, пятницам и субботам Роландина постилась и в эти дни обычно оставалась в комнате одна со своей воспитательницей. И в те часы, когда все остальные придворные дамы уходили ужинать, она могла на свободе разговаривать с тем, кого все сильнее любила. И чем меньше у них оставалось на это времени, тем пламеннее становились их речи, — они с жадностью хватались за каждую украденную минуту, как вор хватается за драгоценные вещи. Но тайна их раскрылась: кто-то из слуг увидел, как в один из постных дней бастард из знатного рода вошел в комнату, где жили придворные дамы; он шепнул об этом другому, а тот все рассказал королеве, которая до того разгневалась, что молодому человеку никогда уже больше не разрешили переступить порог этой комнаты. Но чтобы не потерять возможности видеться со своей возлюбленной, он говорил, что едет куда-то по делу, и по вечерам отправлялся в замковую капеллу, переодевшись францисканцем или доминиканцем, и монастырская одежда так изменяла его внешность, что узнать его никто бы не смог. И так вот, во время службы, встречался он с Роландиной, которая приходила туда в сопровождении своей воспитательницы. И, видя, какую любовь она к нему питает, он не побоялся сказать ей:

— Мадемуазель, вы видите, каким опасностям мне приходится подвергаться, чтобы служить вам, и знаете, как строги запреты королевы, не позволившей вам говорить со мной. Знаете вы и упрямство вашего отца — он ведь и не помышляет о том, чтобы выдать вас замуж. Он отверг уже столько хороших партий, что ни в наших краях, ни где-либо в другом месте не найти никого, кто бы стал добиваться вашей руки. Я хорошо понимаю, что я беден и что вы могли бы выйти замуж за дворянина богаче меня. Но если почесть за сокровище истинную любовь и добрую волю, то, пожалуй, вы не найдете на свете более богатого человека, чем я. Господь наделил

вас превеликим богатством, и вам грозит опасность разбогатеть еще больше. Если бы мне удалось услышать, что выбор ваш пал на меня и вы согласны стать моей женой, то это было бы для меня несказанным счастьем и до конца моих дней я остался бы вашим мужем, другом и верным слугою. Если же вы предпочли бы человека, по положению равного вам — а найти такого совсем не легко, — он захотел бы стать вашим господином и больше бы думал о ваших богатствах, нежели о вас самой, и красота была бы для него дороже, чем добродетель. Пользуясь своим правом распоряжаться всем, что у вас есть, он обращался бы с вами хуже, чем вы этого заслужили. И я так страстно хочу, чтобы желание мое исполнилось, и так боюсь, чтобы вы не подчинились чьей-то чужой воле, что я молю вас принять такое решение, которое сделало бы меня счастливейшим из людей, позволив мне исполнить все ваши желания и заботиться о вас так, как не мог бы никто на свете.

Роландина, слыша, что он говорит ей именно то, что ей самой хочется сказать ему, ответила:

— Я очень рада, что вы первый заговорили о том, что я давно уже хотела вам сказать. Все эти два года, с тех пор как я познакомилась с вами, я думаю об этом денно и ночью и стараюсь взвесить все доводы и решить, должна ли я связывать свою судьбу с вашей. Ведь коль скоро я все равно решила, что должна буду выйти замуж, остается только выбрать того, кто был бы мне по душе. И разве могут что-нибудь значить для меня красота, богатство и знатность, если я убеждена, что единственный человек, с которым я могла бы жить спокойно и счастливо, — это вы? Я знаю, что, сделавшись вашей женой, я не прогневолю господу, а только исполню его волю. Что касается отца моего, то он так мало заботился о моих интересах и столько раз отказывал моим женихам, что теперь, если я и выйду замуж, он по закону не имеет права лишить меня наследства. Но пусть даже я ничем не буду владеть, кроме того, что есть у меня сейчас, — с таким мужем, как вы, я буду почитать себя самой богатой женщиной в мире. Что же касается госпожи моей королевы, то совесть не помещает мне послушаться ее, дабы исполнить веление господу бога, ей-то ведь совесть не мешала лишить меня счастья, которое я могла иметь в дни моей юности. Но

чтобы вы не сомневались в том, что любовь моя к вам высока и чиста, вы должны будете пообещать мне, что не станете добиваться женитьбы на мне до тех пор, пока отец мой жив, или до тех пор, пока мне тем или иным путем не удастся добиться его согласия.

Бастард охотно все это ей обещал, и чтобы скрепить свои обещания, они обменялись кольцами и, придя в церковь, торжественно поцеловали друг друга, призвав себе в свидетели бога. И кроме поцелуев, между ними никогда ничего не было.

Сердца их наполнились радостью истинной любви, и всецело положась на силу своего чувства друг к другу, они не виделись долгое время. И не было такого поприща, на котором бы бастард из знатного рода не подвизался, радуясь тому, что в бедности своей он богат, поелику господь даровал ему такую жену. Возлюбленная же его за все время его отсутствия была ему верна и не обращала никакого внимания на других мужчин. И хотя немало женихов просили ее руки, она всем отвечала отказом, говоря, что уже столько лет прожила одна, что теперь ни о каком замужестве вовсе не помышляет. А так как столь многие получали отказы, слух о ее непреклонности дошел и до самой королевы, и та позвала ее к себе и спросила, почему она так упрямится. Роландина ответила, что не хочет послушаться ее воли, сказав, что хорошо помнит, как королева не соглашалась выдать ее замуж даже тогда, когда она была молода и могла бы быть счастлива со своим избранником. Теперь же долгие годы приучили ее к терпению, и она довольствуется своим положением. И каждый раз, когда королева заговаривала с ней о замужестве, она неизменно отвечала ей то же самое.

Когда война окончилась и бастард вернулся ко двору, Роландина по-прежнему не разговаривала с ним на людях, и чтобы увидеть его, отправлялась в одну из церквей, сказав, что идет туда исповедоваться, ибо она ни на минуту не забывала, что королева под страхом смерти запретила им всякие встречи и разговоры наедине. Но благородная любовь не знает никаких преград, и чем зорче стерегли их враги, тем искуснее они находили способ увидаться и поговорить друг с другом. И они перебирались из церкви в церковь, из монастыря в монастырь, лишь бы только взоры их могли встречать-

ся. И так продолжалось до тех пор, пока король не отправился в свой охотничий замок близ Тура. Замок этот был расположен в уединенном месте; церковью поблизости не оказалось, и дамы слушали мессу в замковой часовне, где было очень тесно и не было никаких укромных уголков, в которых можно было бы укрыться от посторонних глаз. Но несмотря на то, что судьба им на этот раз не благоприятствовала, любовь их нашла другую лазейку. Ко двору приехала знатная дама, приходившаяся родственницей бастарду. Дама эта вместе с сыном поселилась в королевском замке, причем комната ее сына была расположена в самом конце того крыла, где находились покои короля. А оттуда через окно отлично было видно окно комнаты противоположного крыла, которая была прямо над королевским залом; в этой-то комнате и поместились все придворные дамы. Заметив, что молодой принц несколько раз подходил к открытому окну, Роландина послала воспитательницу оповестить своего возлюбленного. Тот тщательно все разведal, а потом, зайдя в комнату принца, сделал вид, что увлекся чтением книги «Рыцари Круглого Стола», которую он там нашел. И когда все отправились обедать, бастард из знатного рода остался там один и попросил слугу запереть дверь, сказав, что хочет дочитать начатую книгу и что за всем здесь присмотрит. А так как слуга знал, что это родственник его господина и человек, на которого вполне можно положиться, то он ушел, предоставив ему полную свободу. В это время к окну напротив подошла Роландина. Чтобы иметь повод задержаться и подольше поговорить с ним, она, притворившись, что у нее болит нога, обедала и ужинала, отдельно от всех и проводила эти часы в одиночестве. Она придумала себе занятие — плести покрывало из тонкого ярко-красного шелка — и, оставшись одна, вешала это покрывало на окно в знак того, что, кроме нее, в комнате никого нет. Удостоверившись, что все ушли, она таким образом извещала своего возлюбленного, который подходил к окну напротив, и они могли тогда разговаривать достаточно громко, не боясь, что кто-нибудь их услышит. Когда же она замечала, что кто-то идет, она кашляла или делала ему знак, и он успевал вовремя скрыться. Те, кому было поручено следить за влюбленными, были уверены, что они давно уже охладели друг к другу, ибо Роландина никогда не

выходила из комнаты, а ему вход туда был строго-настрого запрещен.

Однажды мать молодого принца подошла случайно к окну, возле которого лежала на столе упомянутая толстая книга, и, увидев в окне напротив одну из придворных дам, поздоровалась с ней и стала разговаривать. Мать принца спросила ее, как себя чувствует Роландина. Придворная дама ответила, что, если ей угодно, она может ее увидеть, и позвала Роландину. В ночном чепчике девушка подошла к окну, после чего, перекинувшись несколькими словами о ее здоровье, они попрощались и каждая ушла к себе. Взглянув на толстую книгу «Рыцари Круглого Стола», дама сказала лакею, которому было поручено смотреть за этой книгой:

— Удивляюсь, как это молодые люди тратят столько времени, читая подобные пустяки!

Лакей ответил, что его еще больше удивляет, что люди уже в летах и к тому же очень умные восторгаются ею еще более, чем молодые, и тут же упомянул об ее родственнике — бастарде, который ежедневно пять или шесть часов проводит за чтением этой книги. Дама сразу же догадалась, что все это неспроста, и велела лакею спрятаться и последить, как будет вести себя бастард, оставшись наедине. Тот так и поступил и обнаружил, что книгой, особенно интересовавшей бастарда, было окно, к которому подходила Роландина, чтобы поговорить с ним, и услышал, как любезно они говорят друг с другом, будучи уверены, что их никто не слышит. На другой день лакей обо всем рассказал своей госпоже, а та призвала к себе бастарда и впредь запретила ему приходить в комнату ее сына. В тот же вечер она пригрозила Роландине, что, если это безрассудство не окончится, она расскажет об ее недостойном поведении королеве. Роландина же нисколько не смутилась и поклялась, что, с тех пор как королева запретила ей видаться с ее возлюбленным, она не сказала ему ни слова и что все это одни лишь сплетни лакеев. Что же касается до разговора через окно, то она уверяла, что у нее в мыслях не было прибегать к такому способу. Бастард же, боясь, что его тайна будет раскрыта, поторопился уехать и долгое время не возвращался ко двору. Но он все же находил возможность писать Роландине, и переписка их велась так хитро, что ежедневно она

получала от него по два письма, и несмотря на все старания королевы, ни одного из этих писем перехватить ей не удалось.

Переписка эта велась сначала через посредство монахов, а потом, когда этой возможности больше не стало, бастард стал посылать письма с маленьким пажом, одетым в цвета то одного, то другого дворянина; паж этот толкался у дверей, где проходили придворные дамы, и в общей суматохе всегда улучал минуту, чтобы передать письма Роландине. Однажды, когда королева отправилась на прогулку, один из ее придворных, которому было поручено следить за влюбленными, повстречал дорогой маленького пажа и, заподозрив его, тут же кинулся за ним вслед. Но мальчуган был хитер и, сообразив, что его будут обыскивать, забежал в первый попавшийся дом, где в это время старуха хозяйка готовила на очаге обед, и за одно мгновение сжег все письма. Гнавшийся за ним придворный ворвался в этот дом; он раздел бедного пажа донага, обыскал его одежды, но ничего не нашел и отпустил его. Когда мальчик убежал, старуха спросила, почему он так строго его обыскивал.

— Я искал письма, которые у него должны были быть, — отвечал придворный.

— Напрасно вы так усердствовали, — сказала старуха, — он их хорошо спрятал.

— Спрятал? Так скажи мне, где они? — стал упрашивать ее придворный, надеясь что-то найти. Но когда он узнал, что письма сожжены, он должен был признаться, что мальчишка его перехитрил. И он немедленно рассказал обо всем королеве. С этого дня бастард не стал больше посылать к Роландине пажей, а поручил это дело своему старому слуге, который, невзирая на то, что королева под страхом смерти запретила кому бы то ни было оказывать помощь влюбленным, о чем он отлично знал, тем не менее взялся доставлять Роландине письма бастарда. Однажды, прибыв в замок, старик стал ждать возле дверей, открывавшихся на широкую лестницу, по которой проходили все придворные дамы. Но один из лакеев, который однажды его уже видел, сразу его опознал и сообщил об этом стольничьему королевы, который, долго не раздумывая, велел тотчас же его схватить. Старый слуга был человеком опытным и осторожным и, заметив, что за ним следят, повернулся к стене, как бы собираясь отправить свою

нужду, и там, разорвав письмо в мелкие клочки, выбросил его за дверь. Старика тут же схватили и тщательно обыскали. Когда же убедились, что при нем ничего нет, его заставили поклясться, что он не вез с собою никаких писем, и всячески пытались заставить его признаться в том, что он нарушил запрет королевы. Но ни обещания, ни угрозы не возымели на него ни малейшего действия, и он ничего не сказал. Об этом было доложено королеве, и тогда кто-то из придворных посоветовал хорошенько поискать, не осталось ли каких следов за дверью, возле которой был схвачен старик. Так и сделали и действительно обнаружили там то, что искали, — разорванное на мелкие клочки письмо. Позвали духовника короля, и тому удалось, разложив все бумажки на столе, прочесть письмо, где черным по белому была написана правда о влюбленных. Из этого письма явствовало, что они поженились, ибо бастард каждый раз называл Роландину не иначе как своей женой. Королева, у которой не нашлось должной снисходительности к проступку ближнего, подняла большой шум и распорядилась, чтобы любыми средствами старого слугу заставили признаться в том, что он вез это письмо и собирался передать его Роландине. Они думали, что, увидев собранные воедино клочки письма, он уже не посмеет отпираться. Но, невзирая ни на какие доводы и доказательства, старик ни в чем не признался. Тогда стражи свели его на берег реки и посадили в мешок, сказав, что, не признав того, что действительно было, он солгал и богу и королеве. Но верный слуга был согласен скорее умереть, чем выдать своего господина, и попросил, чтобы к нему вызвали духовника. И после того как тот исповедовал его и старик покаялся во всем, в чем был грешен, он сказал:

— Скажите господину моему, что я вручаю ему жизнь моей жены и моих детей, свою же я со спокойной совестью кладу за него. А теперь делайте со мной все, что хотите, я все равно не скажу ни слова против моего господина.

Тогда, чтобы еще больше его напугать, его кинули в мешке прямо в реку, продолжая кричать:

— Скажи всю правду — и жизнь твоя спасена!

Но, не получив от него и на этот раз никакого ответа, истязатели вытащили его из воды и доложили о его стойкости королеве. Тогда та сказала, что ни супругу ее,

королю, ни ей самой не выпало счастья иметь таких верных слуг и что счастье это досталось тому, кто ничем не может за эту верность вознаградить. И она сделала все, что было в ее силах, чтобы переманить старого слугу к себе на службу, но тот ни за что не соглашался покинуть своего господина. Однако в конце концов бастард все же его отпустил, он поступил на службу к королеве и прожил остаток своих дней в покое и счастье.

Узнав из этого письма о том, что влюбленные стали мужем и женой, королева послала за Роландиной и, вне себя от гнева, стала позорить ее, называя ее не «моя кузина», как прежде, а «негодница», и всякий раз пеняя ей, что она осрамила свою семью и родных тем, что втайне от всех вышла замуж, больше же всего оскорбила этим ее, — свою госпожу, не испросив на это ее согласия. Но Роландина давно уже знала о неприязни к ней королевы и сама отвечала ей тем же. А раз у нее не было к ней любви, то не могло быть и страха. К тому же она была уверена, что, выговаривая ей в присутствии других, королева делает это не из любви к ней, а лишь из желания перед всеми ее опозорить и гораздо больше радуется возможности публично ее унижить, чем огорчается, узнав о ее падении. Поэтому Роландина отвечала своей госпоже с веселым лицом и слова ее были тверды; королева же была и смущена и разгневана.

— Ваше величество, если бы вы сами не знали, что творится у вас в сердце, я бы напомнила вам, какую неприязнь вы питали к моему отцу и ко мне. Но вы настолько хорошо это знаете, что для вас не должно быть неожиданностью и то, что ото всех остальных ваше отношение к нам никак не укрылось. Что же до меня, ваше величество, то я заметила это себе на горе. Ведь если бы вы были благосклонны ко мне, как к другим, которые не состоят ни в каком родстве с вами, я давно бы была уже замужем, к чести своей и вашей. Но вы отказали мне в этой милости, и все хорошие партии, которые мне предлагались, прошли мимо меня из-за нерадивости моего отца и из-за того, что вы не хотели отнестись ко мне благосклонно. От всего этого я впала в такое отчаяние, что, если бы только здоровье мое позволило мне вынести все тяготы монашеской жизни, я с величайшей радостью удалилась бы в монастырь, лишь бы избавить себя от всех жестоких мучений, которые вы

столько времени мне причиняли. И вот, когда я была в полном отчаянии, мне повстречался дворянин, который происхождением своим был бы не менее благороден, чем я, если бы только в свете не делали разницы между любовью и узаконенным браком, — вы ведь знаете, что его отец еще более знатен, чем мой. А вы, ваше величество, за всю жизнь не простили мне ничтожнейшего проступка, вы считали, что я не способна ни на что хорошее и не заслужила ни в чем вашей похвалы, но вы же отлично могли убедиться сами, что я сторонилась любви и чуждалась всего мирского и что я вела жизнь скромную и благочестивую. И вам показалось странным, что я вдруг заговорила с человеком, столь же несчастным в этой жизни, как и я, в чьей дружбе я искала лишь одного — утешения в моем горе, ибо в мыслях моих другого ничего не было. И когда я увидела, что меня лишают этой последней радости, отчаяние мое было так велико, что, хотя вы и пытались отнять у меня покой и счастье, я решила за них бороться. И тогда мы с ним стали говорить о том, чтобы пожениться, и обручились, обменявшись кольцами. Вот почему мне кажется, ваше величество, что, называя меня негодницей, вы крайне ко мне несправедливы. Ведь наша с ним дружба была так велика, и столько раз мне представлялся случай быть с ним ласковее и ближе, — и несмотря на это, кроме поцелуев, между нами ничего не было. Я упорно надеялась, что господь будет милостив ко мне, и еще до того как мы поженемся, мне удастся как-нибудь убедить отца согласиться на этот брак. И ни в чем я не нарушила воли господа бога и не прегрешила против совести. До тридцати лет я все ждала, каково будет ваше решение и что надумает мой отец, и, смилив сердечный жар, долгие годы берегла свою чистоту и невинность, и никто не может ни в чем меня упрекнуть. И наконец, вняв разумному совету, который мне дал господь, и видя, что годы мои уходят и мне так и не найти супруга, равного мне по происхождению, я решила выйти замуж по собственной воле. Не искала я в этом браке улады для глаз — вы ведь знаете, что возлюбленный мой не отличается красотой; не искала я и плотских утех, ибо никакой плотской связи у нас с ним не было; и влекли меня не гордость и не тщеславие, — он ведь беден и невысокого положения. Мне нужна была только его доброта, — а в этом ему нельзя

отказать, — и великая любовь, которую он ко мне питает и которая позволяет мне надеяться, что я буду жить с ним в мире и счастье. И вот, взвесив в уме все хорошее и дурное, что мне может принести брак с этим человеком, я решила остановить свой выбор на нем, считая, что для меня это лучшая из всех партий. Я раздумывала над этим целых два года и сказала себе, что остаток дней моих проведу только с ним. Решение мое столь непоколебимо, что никакие муки, ни даже сама смерть не заставят меня от него отступить. Поэтому я молю вас, ваше величество, простите мне то, что вполне заслуживает прощения, и не лишайте меня счастья и покоя, которые я надеюсь найти с ним.

Видя решимость на ее лице, слыша, как уверенно она говорит, королева не нашла никаких разумных доводов, чтобы ей возразить. Дав волю гневу, она продолжала всячески поносить ее, а потом, заливаясь слезами, воскликнула:

— Несчастливая, вместо того чтобы вести себя со мною смиренно и раскаяться в столь великом проступке, ты говоришь дерзко, и в глазах у тебя нет ни слезинки. Ты выказываешь этим только свое жестокосердие и упрямство. Но если король и твой отец захотят послушать моих советов, они запрячут тебя в такое место, где ты заговоришь совсем иначе.

— Ваше величество, — сказала Роландина, — вы корите меня тем, что я говорю слишком дерзко, — я готова умолкнуть, если вам не будет угодно разрешить мне вам отвечать.

Когда же королева приказала ей говорить, она сказала:

— Мне ведь не пристало, ваше величество, говорить с вами, моей госпожой и самой могущественной из всех королев, дерзко и без должного уважения. Я этого не хотела и отнюдь не собиралась этого делать. Но коль скоро у меня нет адвоката, который бы стал меня защищать, единственная защитница моя — это истина. Я одна ее знаю и решилась высказать ее вам без всякой боязни, надеясь, что, когда вы ее услышите, вы не станете думать обо мне так, как думали до сих пор. Мне совсем не страшно, что кто-то узнает, как я вела себя, ибо я убеждена, что ни господа, ни чести своей я не оскорбила. Вот почему я говорю без всякой боязни: я

уверена, что тот, кто видит сердце мое, сейчас со мною. А если Великий судия стоит за меня, то чего же мне бояться тех, кто сам подлежит его суду? Зачем же я стану плакать, если совести моей и сердцу не в чем меня упрекнуть и я настолько далека от всякой мысли о покаянии, что, если бы все началось сначала, я снова поступила бы так, как поступала доселе? А вам, ваше величество, действительно есть о чем плакать, — вы ведь отравили мне самые лучшие годы моей жизни. Теперь вот вы вините меня перед людьми за то, в чем не я, а сами же вы виноваты. Уж если бы я оскорбила господу, короля, вас, родных моих и поступила наперекор моей совести и после всего этого не раскаялась и не разрыдалась, вы действительно могли бы считать меня жестокосердной. Но чего же ради мне плакать и рассказываться в поступке благом, справедливом и бескорыстном, о котором никто не мог бы сказать ничего дурного, если бы вы раньше времени его не разгласили, показав тем самым, что ни моя честь, ни честь моих родных, ни вашего собственного дома для вас не столь уже много значит, что важнее всего для вас — меня опозорить. Ну что же, если так вам было угодно, государыня, я не стану ни в чем вам перечить. И если вы придумали для меня какое-нибудь наказание, которого я вовсе не заслужила, я столь же радостно приму эту муку. Поэтому укажите только отцу, как он должен меня наказать, и он не преминет все сделать так, как вы захотите. Мне станет легче, если я буду знать, что отец выполняет вашу волю, причиняя мне зло; я помню, что, когда речь шла о моем счастье, он по вашей же воле медлил, а теперь, опять-таки чтобы угодить вам, он поспешит. Но есть отец в небесах, и я убеждена, что он дарует мне терпение, чтобы вынести все страдания, которые вы мне уготовили, в это я твердо верю.

Разгневанная королева приказала, чтобы Роландину увели с глаз ее и заперли в комнате, где бы она не могла ни с кем разговаривать. Но воспитательница ее осталась при ней, и через нее Роландина сообщила своему мужу о том, что произошло и что она собирается делать. Бастард считал, что услуги, которые он некогда оказал королю, могут ему теперь помочь в его деле, и немедленно отправился ко двору. Встретив короля на прогулке, он рассказал ему все и стал умолять, чтобы он помог ему: успокоил королеву и сделал так, чтобы его брак с

Роландиной вступил в законную силу. Король ничего ему не ответил и только спросил:

— А вы с ней действительно поженились?

— Да, государь, — ответил бастард, — покамест еще мы только дали друг другу клятву, но, с вашего соизволения, мы исполним все остальное.

Король опустил голову и, не говоря ни слова, направился прямо в замок. Там он призвал капитана стражи и приказал ему арестовать несчастного. Но один из друзей бастарда, догадавшись о намерениях короля, вовремя предупредил своего друга о грозящей опасности, посоветовав ему укрыться у него в доме неподалеку от замка. Он обещал бастарду, что, если король станет его разыскивать, он немедленно ему об этом сообщит и даст ему возможность покинуть пределы страны, если же все успокоится, то пошлет за ним, чтобы вернуть его ко двору. Бастард поверил ему и так ловко спрятался, что начальнику стражи не удалось его разыскать.

Король и королева никак не могли решить, что им делать с девушкой, которой выпала на долю честь быть их родственницей. Наконец, по совету королевы, было решено отправить ее к отцу и рассказать тому обо всем, что произошло. Но прежде чем отправлять ее туда, к ней послали нескольких священников и членов Государственного совета. Те и другие уверяли Роландину, что брак, в который она вступила, ничем не связывает ее, что она и ее возлюбленный вправе нарушить данную друг другу клятву. Ее уговаривали расторгнуть этот союз и расстаться с бастардом, как того хочет король, дабы честь ее дома ничем не была запятнана. Она ответила, что во всем готова слушаться короля, но никогда не пойдет против совести и что тех, кого соединил господь, люди разъединить не вольны. И она попросила их не искушать ее так безрассудно, ибо любовь и добрая воля, которая зиждется на страхе божьем, и есть истинные узы любви, а узы эти так крепко привязывают ее к любимому человеку, что и огонь, и вода, и железо перед ними бессильны. Порвать их может только смерть, и только ей одной позволено взять обратно и кольцо и клятву. Она просила их больше не обращаться к ней с такими речами.

И в решении своем она была так тверда, что согласна была скорее умереть, лишь бы не нарушить свое обещание. Посланцы вернулись к королю и объявили ему о

непреклонном решении Роландины. Когда король и королева убедились, что нет силы, которая заставила бы ее отречься от мужа, они отправили ее к отцу, и вид у нее был такой печальный, что, кого бы она ни встречала в пути, все плакали от жалости к ней. Будь она даже действительно виновна, наказание было так велико и она так стойко его переносила, что самый проступок ее стал в глазах людей добродетелью. Когда весть о поведении Роландины дошла до отца, он не пожелал видеть дочь и отправил ее в замок, расположенный среди лесов; замок этот он построил незадолго до этого по особому случаю, который стоит того, чтобы о нем рассказать отдельно. Он посадил ее под стражу и долгое время держал там, обещав, что выпустит на свободу и снова признает своей дочерью, как только она откажется от мужа. Но Роландина была непоколебима; она готова была сносить тюремные узы, лишь бы не расторгать священных уз брака, и ее не прельщала никакая свобода, если ради этой свободы она должна была отречься от самого дорогого на свете. И глядя на нее, можно было подумать, что все страдания были для нее лишь приятным времяпрепровождением, ибо страдала она за того, кого любила.

Но чего стоят мужчины? Бастард, который, как вы видели, был ей многим обязан, уехал в Германию, где у него было немало друзей. Вел он себя там легкомысленно и этим только доказал, что алчность и тщеславие имели над ним больше власти, чем истинная любовь. Он влюбился там в какую-то даму — и столь сильно, что даже забывал писать той, которая ради него пошла на такие муки. Ибо, как ни жестока была к ним судьба, им все же удавалось писать друг другу, и мешало этому только безрассудное и вероломное увлечение, которое возымело над ним власть на чужбине. Роландина не могла об этом не догадаться. Видя, что письма его стали намного холоднее, чем были, и совсем не похожи на прежние, она заподозрила, что какая-то новая любовь стоит стеной между ними и разлучает их так, как не могли разлучить ни страдания, ни беды. Но ее собственная любовь была так велика, что всякое подозрение само по себе было для нее нестерпимо. Поэтому она нашла способ послать тайком в Германию одного верного слугу, и не для того, чтобы он передал мужу какое-либо поручение, письменное или устное, а

чтобы последил за ним и рассказал ей потом всю правду. Вернувшись, слуга сообщил ей, что бастард действительно без памяти влюблен в одну знатную немку и что даже ходят слухи, что он собирается на ней жениться, ибо она богата. Известие это так опечалило бедную Роландину, что, не в силах справиться со своим горем, она тяжело захворала. Те, кто знал причину этой болезни, стали от имени отца твердить, что, коль скоро она убедилась в вероломстве бастарда, она теперь могла бы легко расстаться с ним, и пытались ее всячески к этому склонить. Но, как ни тяжело она страдала, не было никакой возможности заставить ее изменить свое решение. Это было последним испытанием, которое доказало, сколь велики добродетель ее и любовь. Ибо, по мере того как его чувство к ней ослабевало, ее любовь росла и несмотря ни на что, оставалась беззаветной и самозабвенной, восполняя собою все, чего недоставало в любви бастарда. И когда она увидела, что чувство, которое еще недавно они делили между собой, сосредоточилось теперь только в ее сердце, она решила, что будет свято оберегать его до тех пор, пока один из них не умрет. Но благость господня, которая есть истинная любовь и совершенное милосердие, сжалилась над ее страданием и долготерпением, — в скором времени, домогаясь любви другой женщины, бастард умер. Когда те, кто присутствовал на его похоронах, сообщили ей об этом, она послала сказать отцу, что просит его поговорить с ней. Отец, который с того дня, как заточил ее в замок, ни разу ее не видел, тут же отправился к ней. Внимательно ее выслушав, он не стал ничем корить ее и уже не угрожал убить, как это делал раньше, а вместо этого обнял ее и со слезами сказал:

— Дочь моя, правда на твоей стороне, ведь если ты и совершила проступок, виноват в этом я сам. Но, коль скоро господь так рассудил, я не стану вспоминать прошлое.

И, приведя Роландину к себе в дом, он окружил ее всей той заботой, на которую она имела право как старшая дочь. И к ней посватался один дворянин, состоявший с ними в родстве и имевший тот же герб, человек рассудительный и достойный. Часто бывая в их доме, он проникся к ней великим уважением и воздавал ей хвалу именно за то, за что другие ее порицали, ибо понимал, что помыслы ее возвышенны и чисты. Брак

этот был по душе как самой Роландине, так и ее отцу, — и долго не раздумывая, они поженились. Правда, брат ее, бывший единственным наследником, не хотел выдать причитающуюся ей часть наследства под предлогом того, что она ослушалась отца. И когда старик умер, он так плохо с ней обошелся, что Роландине и мужу ее, который был младшим в роду и не имел никакого состояния, жить было очень трудно. Но господь милостив: брат, который хотел присвоить все отцовское состояние, неожиданно умер, и в один прекрасный день им досталось все наследство отца. Таким образом Роландина стала владелицей большого, хорошего дома, где она достойно и благочестиво прожила остаток дней своих, любимая мужем. И уже после того, как она вырастила двоих сыновей, которых ей и супругу ее послал господь, она радостно отдала свою душу тому, в кого свято верила всю свою жизнь.

— А теперь, благородные дамы, я хочу, чтобы мужчины, которые столько твердят о нашем непостоянстве, рассказали о ком-нибудь из них, кто был бы достойным супругом и добродетелью своей и верностью мог соперничать с этой женщиной. Я уверена, что сделать это так трудно, что лучше уж, пожалуй, оставить их в покое и не обременять столь непосильной задачей. А вас я молю, не порочьте нашу славу — или не любите нас вовсе, или любите истинною любовью. И не говорите, пожалуйста, что девушка эта запятнала чем-нибудь свою честь, — напротив, стойкостью своей она возвеличила честь всех нас, женщин.

— Право же, Парламанта, — сказала Уазиль, — вы рассказали нам историю женщины поистине благородной и великодушной. Но ее достоинства еще больше выигрывают оттого, что муж ее оказался человеком бесчестным и способным покинуть ее ради другой.

— По-моему, труднее всего ей было вынести именно это, — сказала Лонгарина. — Нет такого тяжкого груза, которого любовь не могла бы поднять легко, если оба любят с равной силой. Но если один уклоняется и всю тяжесть готов взвалить на другого, тому никак не справиться с этой ношей.

— Вы должны бы пожалеть нас, — сказал Жибурон, — ведь это мы несем на себе всю тяжесть люб-

ви, а вы и пальцем не пошевелите, чтобы нам стало полегче.

— Полноте, Жебюрон! — воскликнула Парламанта. — Ноши, которые достаются мужчинам и женщинам, часто совсем не одинаковы. Ведь любовь женщины зиждется на благочестии и на благородстве, она так справедлива и так разумна, что тот, кто отказывается от нее, скорее всего труслив и подл и перед людьми, и перед богом. Любовь же большинства мужчин нашего круга настолько явно зиждется на удовольствии, что, не зная об их дурных намерениях, женщины нередко заходят сами довольно далеко. Когда же господь сподобит их вовремя узреть вероломство тех, кого они почитали порядочными людьми, они еще могут спасти честь свою и доброе имя, ибо безрассудства, которые длятся недолго, не могут принести много зла.

— Хорошо же вы рассуждаете, — сказал Иркиан, — вам пришло в голову доказывать, что благородные женщины вправе, не запятнав своего благородства, оставлять мужчин, мужчины же, по-вашему, так поступать не должны, как будто сердце у тех и у других сделано из разного материала. Но, как ни различны лица их и одежда, я думаю все же, что желания их весьма схожи, разве только что искусно скрытое коварство женщины опаснее.

Парламанту это несколько рассердило, и она сказала:

— Если я правильно поняла, вы считаете, что коварные женщины, когда козни их раскрыты, уже не опасны.

— Довольно об этом говорить, — сказал Симонто, — чего нам спорить о том, чье сердце выше: сердце женщины или сердце мужчины. По правде говоря, лучшее из них — и то ничего не стоит. Давайте-ка спросим, кому Парламанта передает сейчас слово, чтобы мы могли услышать еще один интересный рассказ.

— Я передаю его Жебюрону, — объявила Парламанта.

— Ну, раз я начал уже говорить о францисканцах, — сказал Жебюрон, — я не обойду молчанием и бенедиктинцев и расскажу о том, какими они стали сейчас. Но при этом, рассказывая о недостойном монахе, я вовсе не хочу поколебать ваше уважение к людям,

которые его вполне заслужили. Впрочем, поелику царь Давид сказал: «Всякий человек лжец»; и в другом месте: «Нет делающего добро, нет ни одного», — принимать человека, мне кажется, надо таким, каков он есть; если в нем и есть что-то благое, то оно идет от Источника всего, а не от самого творения. Если же начать сверх меры хвалить человека, он возомнит о себе больше чем следует и этим поддастся обману. А для того чтобы вы поняли, что и под самой большой строгостью может скрываться самое необузданное вожделение, послушайте о том, что приключилось в царствование короля Франциска Первого.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сестра Мария Эроз, которую преследовал своими домогательствами приор монастыря Сен-Мартен-де-Шан, с помощью божьей устояла перед самыми сильными искушениями, так что приор был посрамлен, а она возвеличена.

В городе Париже, в монастыре Сен-Мартен-де-Шан, был некий приор, имени которого я не хочу называть, потому что он был моим другом. До пятидесяти лет он вел такую строгую жизнь, что слава о его благочестии облетела всю страну и самые знатные люди, когда он приезжал к ним, очень почтительно его принимали. Все преобразования в монастырской жизни утверждались не иначе как с его одобрения, и его называли отцом истинной веры. Он был избран визитатором конгрегации женских монастырей Фонтевро, и монахини этого аббатства до того его боялись, что, когда он приезжал в какой-нибудь из монастырей, они все дрожали от страха. И чтобы умерить его требования и умилоствовать его, они оказывали ему поистине королевский прием. Вначале он еще против этой торжественности протестовал, но потом, к пятидесяти годам, понемногу оценил внимание монахинь и, проникшись убеждением, что всем своим благоденствием аббатство это обязано ему, решил, что следует, елико возможно, беречь свое здоровье. И хотя по уставу ему и не полагалось есть мяса, он стал позволять себе исключения из этого правила, оправдывая это тем, что вся тяжесть забот об аббатстве лежит на нем.

Он стал так обильно питаться, что через некоторое время из человека худощавого превратился в толстяка. А с изменением самой жизни изменились и его взгляды, и он начал обращать внимание на женские лица, что раньше всегда почитал за грех. И чем больше он заглядывался на красавиц, которые сквозь покрывало казались ему еще более прелестными, тем больше пробуждалось в нем плотское вожделение. И он стал изыскивать разные хитроумные способы, чтобы усладить свою плоть, и постепенно из пастыря своего стада превратился в волка. И если в каком-нибудь из монастырей он находил девушку совсем еще юную и невинную, он не упускал случая ее соблазнить. Так он жил довольно долгое время, но в конце терпение Всевышнего истощилось, он пожалел своих заблудших овец, и власти этого жестокого человека, как вы увидите из моего рассказа, наступил конец.

Однажды, приехав в монастырь Жиф, расположенный неподалеку от Парижа, приор стал там исповедовать всех монахинь, одну за другой. Среди них была некая Мария Эроз. Голос этой девушки был приятен и нежен, и легко можно было предположить, что та же приятность есть и в лице ее, и в сердце. И, слушая ее исповедь, святой отец воспылал к ней такой любовью, какую ни одна другая женщина в нем до того не пробуждала. Разговаривая с ней, он наклонился к ней совсем низко и увидал ее свежие розовые губы. И он не мог удержаться, чтобы не приподнять покрывало и не посмотреть, столь же ли хороши ее глаза. И он увидел, что это действительно так. И с той минуты сердцем его овладела такая томительная страсть, что он перестал пить и есть, и как ни старался скрыть свое чувство, исхудавшее лицо его выдавало. Вернувшись в свой приорат, он уже больше не знал покоя. Все мысли его были о Марии, он перестал спать по ночам, стараясь придумать, как бы ему удовлетворить свое желание и поступить с нею так же, как поступал с другими. Он, правда, боялся, что это окажется делом нелегким; девушка эта была благоразумна и скромна и настолько сообразительна, что надеяться на успех ему особенно не приходилось. Понимая, что он безобразен и стар, приор решил, что говорить он с ней ни о чем не станет, а постарается воздействовать на нее страхом. Вскоре вслед за тем он снова приехал в упомянутый монастырь Жиф и

был на этот раз еще более придирчив, чем обычно, и гневался на всех монахинь, ругая одну за то, что она опускает покрывало недостаточно низко, другую за то, что слишком высоко поднимает голову, третью за то, что она не умеет класть поклоны, как это подобает. И ко всем он был так строг, что им казалось, что это сам господь бог призывает их на Страшный суд. А так как он страдал подагрой, то к концу дня до того устал, что в час, назначенный для вечерней службы, он решил никуда не ходить и остаться в отведенной ему келье. Аббатиса сказала ему:

— Святой отец, уже время служить вечерню.

— Ступайте, матушка, и пускай начинают без меня, — ответил он. — Я так устал, что останусь у себя, — и не затем, чтобы отдохнуть, а чтобы побеседовать с сестрой Марией, о которой я очень много прослышал дурного: мне донесли, что она все время болтает и ведет себя как мирянка.

Аббатиса, которой эта монахиня приходилась внучатной племянницей, попросила его хорошенько отчитать девушку и, послав за ней, оставила ее в обществе приора и сопровождавшего его молодого монаха. Оставшись с Марией, святой отец пытался поднять ее покрывало и приказал ей глядеть ему в глаза. Она же ответила, что по уставу ей не положено глядеть на мужчин.

— Все это верно, дочь моя, — сказал он, — только нас, монахов, ты не должна считать за мужчин.

Тогда, боясь его послушаться, сестра Мария посмотрела на него. И когда она увидела, до чего он безобразен, она решила, что глядеть на него так противно, что это не может быть грехом, что, напротив, за это одно господь простит ей другие грехи. Поговорив с ней некоторое время о нежных чувствах, которые он к ней питает, приор потянулся к ее соскам. Как и следовало ожидать, она тотчас же оттолкнула его руку. Тогда вне себя от гнева он воскликнул:

— Разве монахине положено знать, что у нее есть соски?

— Да, я знаю, что у меня они есть, — отвечала она, — и можете быть спокойны — ни вы, ни другой мужчина их не коснется. Не такая я юная и неопытная, чтобы не знать, что есть грех и что нет.

Когда приор увидел, что потерпел неудачу, он пустился на другую хитрость и сказал:

— Увы, дочь моя, я должен поведать тебе нечто важное: я серьезно болен, все врачи находят болезнь мою неизлечимой. И поверь, что единственное средство, которое может меня исцелить, — это женская ласка и наслаждение с той, которую я люблю. Что до меня, то я ни за что на свете не хотел бы совершить смертный грех, но когда речь идет о том, чтобы остаться в живых, то я думаю, что само прелюбодеяние ничего не значит по сравнению с человекоубийством — грехом, вне всякого сомнения, более страшным. Поэтому, если тебе дорога моя жизнь, внемли голосу совести и не будь жестокосердной. Этим ты спасешь и свою душу, и меня.

Монахиня спросила, что она должна делать.

Он ответил, что она может всецело положиться на него и что он неспособен совершить ничего дурного, чего ему или ей пришлось бы потом стыдиться. И чтобы показать ей, с чего начинается эта игра, он обнял ее и пытался уронить на постель. Разгадав его злой умысел, девушка стала защищаться — и не только с помощью слов, но и с помощью рук, — и святому отцу удалось только прикоснуться к ее одежде. Увидев, что все его хитрости и усилия ни к чему не привели, расвирепевший монах позабыл не только о совести, но и о рассудке и, запустив ей под платье руку, яростно расцарапал ногтями все, до чего успел дотянуться. Боль была так велика, что несчастная девушка, закричав истошным голосом, упала на пол и тут же лишилась чувств. На крик этот неожиданно отозвалась аббатиса. Слушая вечерню, она вспомнила, что ее внучатная племянница осталась беседовать со святым отцом, и, боясь, как бы чего не стряслось, подошла к двери послушать, о чем они говорят. Едва только она услышала крик Марии, как сразу же толкнула дверь, которую придерживал молодой монах.

Увидев аббатису, приор не растерялся и, указав ей на лежавшую без чувств девушку, сказал:

— Вы совершили большую оплошность, матушка. Почему вы не сказали мне, что у сестры Марии такое слабое здоровье? Я этого не знал и заставил ее стоять, и в то время когда я увещевал ее, она вдруг упала и потеряла сознание.

Бедную девушку стали приводить в чувство укусными примочками и разными другими средствами и обнаружили, что при падении она разбила себе голову.

Когда она пришла в себя, приор, боясь, чтобы она не рассказала аббатисе о том, что он учинил, тихо сказал ей:

— Дочь моя, приказываю тебе под страхом наказания и вечного проклятия никогда никому не рассказывать о том, что я здесь совершил, ибо ты должна понять, что толкнула меня на это дошедшая до крайности любовь. Теперь, когда я убедился, что ты не любишь меня, обещаю тебе, что никогда больше не заведу о ней речи, только помни, что если тебе захочется когда-нибудь меня полюбить, я сделаю тебя аббатисой одного из трех лучших аббатств нашего королевства.

Но Мария ответила, что скорее согласилась бы умереть в тюрьме, чем предпочесть кого-нибудь тому, кто умер за нее на кресте; с ним она готова переносить любые страдания, которые выпадут ей на долю, и предпочтет их всем богатствам мира. Она предупредила приора, чтобы он больше не пытался заговаривать с ней об этих вещах, иначе она все расскажет аббатисе; если же он сохранит все в тайне, то молчать будет и она. Ничего не добившись, недостойный пастырь вынужден был уехать. А для того чтобы показать себя с лучшей стороны и впредь иметь возможность видеть ту, кого он любил, он, повернувшись к аббатисе, сказал:

— Прошу вас, матушка, заставьте всех монахинь спеть *Salve Regina* в честь Пресвятой девы, на которую я во всем уповаю.

Когда запели эту молитву, хитрый лис прослезился — и не от умиления, а от горя, что ему не удалось удовлетворить свое желание. А все монахини, думая, что он плачет от любви к деве Марии, смотрели на него, как на святого; сестра же Мария, зная истинную причину этих слез, от всего сердца молила Пресвятую деву покарать того, кто глумился над девичьим целомудрием.

Так этот лицемер вернулся ни с чем в монастырь Сен-Мартен. Воспылавшая в его сердце страсть и там продолжала жечь его денно и нощно, и он только и думал о том, какими путями достичь своей цели. А так как паче всего он боялся аббатисы, которая была женщиной строгих правил, он стал придумывать, как удалить ее из этого монастыря. Он отправился к графине Вандомской, которая находилась тогда в замке Ля Фер,

где она основала бенедиктинский монастырь, получивший название Мон-д'Оливе. Когда почитавшийся высшим духовным авторитетом приор убедил графиню, что аббатиса упомянутого монастыря недостаточно опытна, чтобы возглавлять столь большую обитель, графиня попросила его прислать им другую, более достойную этой должности.

Приору этого только и было надобно, и он посоветовал ей взять к себе аббатису из монастыря Жиф, уверяя, что во всей Франции лучше ее им никого не найти. Графиня Вандомская тут же послала за нею и вверила монастырь Мон-д'Оливе ее попечению. Тогда приор, к голосу которого все прислушивались, добился того, что во главе Жифского монастыря была поставлена угодная ему аббатиса. И он снова поехал в Жиф, решив еще раз попытаться мольбами и лаской сломить упорство сестры Марии Эроз. Но, убедившись, что все его усилия напрасны, вернулся опять в свой монастырь Сен-Мартен. Там, для того чтобы достичь своей цели и отомстить той, которая так жестоко с ним обошлась, а также боясь, как бы кто-нибудь не проведал о его домогательствах, он придумал новую хитрость: выкрав ночью святые мощи из Жифского монастыря, он обвинил в этой краже тамошнего духовника, человека старого и глубоко порядочного, и велел заточить его в тюрьму монастыря Сен-Мартен. И уже после того, как это было сделано, подговорил двоих свидетелей, которые по неведению своему подписали все, что от них потребовал господин их, приор. А написано было, будто бы они застали в одном из монастырских садов означенного духовника вместе с сестрой Марией за совершением непотребного действия. И приор хотел, чтобы несчастный старик сам признался в своей вине. Тот, однако, отлично знал все проделки приора и поэтому попросил его созвать капитул, добавив, что готов перед всеми рассказать истинную правду о том, что было. Боясь, что, оправдывая себя, духовник изобличит его самого, приор отказался удовлетворить его просьбу. А видя, что старик не сдастся, он стал так жестоко с ним обращаться, что, по словам одних, тот умер в тюрьме, а по словам других, приор принудил его оставить монашество и, переодевшись в мирскую одежду, покинуть пределы Франции. Чтобы там ни было, с тех пор его больше никто не видел.

Когда приор увидел, что Мария в его руках, он отправился в монастырь и, так как новая аббатиса, которую он туда поставил, ни в чем ему не перечила, решил воспользоваться своим правом визитатора конгрегации и стал вызывать к себе в комнату монахинь одну за другой, чтобы выслушать каждую. И когда очередь дошла до сестры Марии, которая лишилась своей доброй покровительницы, он обратился к ней с такими словами:

— Сестра Мария, ты знаешь, в каком тяжком преступлении тебя обвинили. Хотя ты и разыгрываешь из себя невинную девушку, притворство твое ни к чему не приведет, всем известно, как ты себя вела.

На это сестра Мария, не дрогнув, ему ответила:

— Позовите сюда того, кто хочет меня обличить, и вы увидите, посмеет ли он в моем присутствии повторить свою клевету.

— Никаких доказательств нам не надо, — сказал приор, — достаточно того, что духовник сам во всем сознался.

— Духовник наш такой благородный человек, — воскликнула сестра Мария, — что он на это никак не способен. Но если вы настаиваете на своем, то пусть он придет сюда — и я докажу вам, что это ложь.

Видя, что ему ничем не удастся ее запугать, приор сказал:

— Я твой духовный отец и хочу спасти твою честь. Если ты не хочешь совершить смертный грех, заклинаю тебя, скажи мне правду, действительно ли, принимая обет монашества, ты была девственницей?

— Святой отец, — ответила Мария, — ведь я с пяти лет живу в монастыре, разве этого недостаточно, чтобы убедить вас в моей невинности?

— Допустим, что это так, дочь моя, — ответил приор, — но разве с тех пор никто не мог лишить тебя девственности?

Сестра Мария поклялась, что этого не было и что, кроме него самого, никто никогда не пытался это сделать. На это он ответил, что он не может ей поверить и что ему нужны доказательства.

— Какие же доказательства я могу привести? — спросила она.

— А вот какие, — ответил святой отец, — те самые, которые приводили все остальные монахини. Я ведь

являюсь пастырем не только душ ваших, но и вашей плоти. Все ваши аббатисы прошли через мои руки. И тебе тоже нечего бояться, я только удостоверюсь в том, девственна ты или нет. Поэтому ляг сейчас на постель и подними платье.

— Вы уже столько раз приставали ко мне и объяснялись в безумной любви, — в негодовании вскричала сестра Мария, — что я твердо убеждена, что вам хочется вовсе не удостовериться в том, что я невинна, а лишит меня невинности. Поэтому знайте, что я никогда на это не соглашусь.

Тогда приор сказал, что за непослушание отлучит ее от церкви, и пригрозил, что созовет капитул и приведет ее туда, чтобы изобличить перед всеми, ибо знает про ее связь с духовником.

— Ну, если вы собираетесь опозорить меня перед людьми, — бесстрашно ответила ему Мария, — тот, кто видит и знает глубины сердца, воздаст мне великую славу. И раз вы хотите позволить себе такую низость, то пусть уж лучше я приму самые жестокие страдания, ибо я знаю, что единственный справедливый судия наш — господь бог.

Приор немедленно собрал капитул и, призвав сестру Марию, велел ей стать на колени перед всеми и сказал ей раздраженно:

— Сестра Мария, я огорчен тем, что ты оказалась глуха ко всем моим добрым советам и содеяла такой грех, за который, вопреки обыкновению моему, я должен наложить на тебя покаяние. Когда я допрашивал твоего духовника о тех преступлениях, в которых его обвиняют, он признался, что согрешил с тобой и случилось это именно в том месте, где вас застали свидетели. А поелику я покровительствовал тебе и сделал тебя старшей над послушницами, теперь я приказываю, чтобы ты стала самой последней из всех и чтобы отныне ты сидела на полу и ела один только хлеб и пила воду — до тех пор, пока вся обитель не признает, что покаянием этим ты искупила свой грех.

Сестра Мария, которую одна из монахинь предупредила, что если она станет в чем-либо возражать приору, он заточит ее *in pace*, то есть навеки, выслушала это решение и воздела очи к небесам, прося господя, который помог ей удержаться от греха, помочь ей

теперь вынести это жестокое наказание. Ко всему прочему, приор запретил ей свидания с отцом и матерью на три года — то есть до тех пор, пока не окончится срок наказания, — и не позволил ей писать никаких писем, сказав, что за нее эти письма будет писать обитель.

С этим он и уехал, а несчастная монахиня в течение долгого времени сносила наложенную на нее кару. Ее мать, которая в ней души не чаяла, изумлялась, не получая от нее писем, и сказала одному из своих сыновей, что, должно быть, дочери ее уже нет в живых, а монахиня, чтобы получать годовое содержание, которое ей полагалось, решили скрыть ее смерть. И она попросила его поехать в монастырь и узнать, что случилось с Марией. Тот немедленно же туда отправился, и когда он осведомился о ней, ему, как это принято делать в подобных случаях, сказали, что сестра его уже три года как лежит в постели. Ответ монахинь его, однако, не удовлетворил, и он поклялся, что, если его не пустят к сестре, он все равно силой ворвется в монастырь и ее увидит. Решимость его всех так испугала, что они привели несчастную Марию к ограде монастыря, причем аббатиса все время стояла с ней рядом, так что она ничего не могла сказать брату о себе, кроме того, что ей было позволено. Но сестра Мария оказалась достаточно сообразительной и успела написать обо всем, что с ней за это время произошло и что вы уже знаете, присовокупив к этому рассказ о многих других хитростях приора, которыми он хотел ее обмануть, перечислять которые здесь было бы слишком долго. Добавлю только, что еще в то время, когда аббатисой была родственница Марии, приор подсылал к ней одного молодого монаха, полагая, что если девушку отвратило его собственное безобразие, она не устоит перед молодостью и красотой — и тогда страх сделает то, чего не добилась любовь, и она вынуждена будет уступить его настояниям. Но когда, застав ее одну в саду, молодой монах стал склонять ее к бесчестию такими бесстыдными речами и непотребными телодвижениями, которые мне стыдно даже описывать, несчастная девушка побежала к аббатисе, разговаривавшей в это время с приором, и закричала:

— Матушка, оказывается, это не монахи, а дьяволы, посланные, чтобы нас искушать!

И тогда приор, который очень боялся, чтобы замысел его не открылся, засмеялся и сказал:

— Ну разумеется, матушка, Мария права!

И, взяв ее за руку, он сказал аббатисе:

— До меня дошли слухи, что у сестры Марии так хорошо привязан язык и она так любит болтать, что ее можно принять за светскую даму. Потому-то, дабы испытать ее, я решил обратиться к ней с такими речами, с какими светские кавалеры обращаются к дамам, а так как сам я в этом искусстве неопытен, как дитя, я стал читать все, что об этом пишут в книгах. Только я сообразил, что сам я безобразен и стар и все, что я говорю, ничего для нее не может значить, и тогда велел молодому монаху, который со мною сюда приехал, повести с нею такие вот речи. И, как вы могли убедиться сами, она с честью выдержала этот искуc. А коль скоро она так добродетельна и скромна, я хочу, чтобы отныне она была первой после вас, и поручаю ей всех послушниц, чтобы она могла и впредь выказывать добродетель свою и высокое рвение.

Вот на какие подлости — а я рассказал еще далеко не все — пустился святой отец, все эти три года влюбленный в монахиню. Словом, изобретательность его была весьма велика. Мария Эроз, как я уже сказал, передала через решетку письмо брату, в котором поведала ему свою горестную историю. Письмо это брат отвез матери. Та была в полном отчаянии и сама поехала в Париж к королеве Наваррской, единственной сестре короля. И показав ей это печальное письмо, она воскликнула:

— Ваше величество, не верьте больше этим лицемерам! Я думала, что дочь моя пошла по праведной стезе и сейчас уже достигла преддверия рая, а вместо этого я, оказывается, направила ее в ад и отдала в руки тех, кто еще хуже, чем дьяволы: ибо дьяволы искушают нас только тогда, когда нам самим это нравится, а эти, когда им отказывают в любви, применяют силу.

Королева была очень огорчена, ибо она безраздельно доверяла приору монастыря Сен-Мартен и даже поручила ему заботу о своих двух золовках — аббатисах Монтивилье и Кан. Известие же о столь тяжком преступлении привело ее в ужас, и она стала думать о том, как бы наказать истязателя несчастной девушки. Она сказала обо всем королевскому канцлеру, который в то

время был легатом Франции, а сама тут же послала за приором монастыря Сен-Мартен, которому нечем было перед ней оправдаться, разве только тем, что он уже был семидесятилетним стариком. И он стал молить королеву Наваррскую, чтобы она помилосердовала и припомнила все его прежние заслуги, а равно и готовность служить ей и впредь, и прекратила этот процесс, клятвенно заверив ее, что сестра Мария Эроз — жемчужина целомудрия и добродетели. Королеву слова его так поразили, что она не сразу даже нашлась что ответить. Так или иначе, она оставила его на прежнем месте, и приор, пристыженный и смущенный, вернулся в свой монастырь, где старался не попадаться никому на глаза, и, прожив еще год затворнической жизнью, там и умер. А сестра Мария Эроз, заслужившая добродетелью, которую ей даровал господь, всеобщее уважение, была взята из Жифского монастыря, где ей пришлось претерпеть столько горьких мук, и приказом самого короля назначена аббатисой в аббатстве Жи, возле местечка Монтаржи, и премного там потрудилась. И она жила там, преисполненная веры в господя, и всю жизнь воздавала ему хвалу за то, что, вернув ей честь, он даровал ей спокойную и благодатную жизнь.

— Вот, благородные дамы, история, которая как будто написана на слова Евангелия: «Но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немоцное мира избрал бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное — ничего не значащее — избрал бог, чтобы упразднить значащее». Подумайте только, милые дамы, ведь без божьей благодати не может быть никакого добра в человеке, и вместе с тем нет такого испытания, с которым смертный не мог бы справиться, призвав к себе в помощники бога. Хорошим примером этого может служить посрамление того, кого все считали праведником, и возвышение той, кого называли грешницей и втоптали в грязь. Как оправдываются слова господя нашего: «Ибо всякий возвышающий себя сам унижен будет, а унижающий себя возвысится».

— Увы, — воскликнула Уазиль, — скольких же добрых людей одурачил этот приор! Помнится, верили ему чуть ли не больше, чем самому господу богу.

— Меня бы уж он не обманул, — сказала Номерфида. — Мне до того отвратительны все эти монахи, что я не могла бы даже пойти к ним на исповедь. Я знаю, что свет не создавал таких подлых людей, как они; стоит им только попасть в порядочный дом, как они непременно учинят там какую-нибудь пакость и непотребство.

— Но есть среди них и хорошие, — возразила Уазиль, — и не следует судить одинаково обо всех. Должна сказать, что самыми порядочными из них оказываются те, кто чуждается и светского общества и женщин.

— Вы, пожалуй, правы, — сказала Эннаскоита, — ведь чем меньше их там встречаешь, тем меньше знаешь и больше уважаешь. А тот, кто все время общается с ними, видит их такими, каковы они на самом деле.

— Ну, хватит о них говорить! — вскричала Номерфида. — Посмотрим лучше, кому сейчас Жебюрон передаст слово.

Чтобы загладить свой проступок — если только можно было счесть проступком разоблачение отвратительного и жестокого монаха, дабы предостеречь людей от других ему подобных и научить их с большей осторожностью относиться к подобным лицемерам, — Жебюрон, питавший большое почтение к госпоже Уазиль, как к женщине строгих правил, способной резко осудить все дурное и вместе с тем всегда готовой превозносить все хорошее, что есть в людях, предоставил ей слово.

— Прошу вас, — сказал он, обращаясь к госпоже Уазиль, — расскажите нам что-нибудь во славу добрых монахов.

— Мы ведь поклялись говорить одну только правду, — ответила Уазиль, — а раз так, то я вряд ли смогу исполнить ваше желание. К тому же ваш рассказ напомнил мне одну очень жалостную историю, и мне теперь придется рассказать ее вам; ибо, во-первых, происходило все это поблизости от тех мест, где я тогда жила, а во-вторых, я не хочу, чтобы лицемерие тех, кто считает себя более праведными, чем все остальные, затуманило вам головы и чтобы вера ваша, отклонившись от истинного пути, стала искать прибежища в ком-то другом, позабыв о том Единственном, кто не нуждался в помощниках, создавая мир и искупая грехи наши, кто всемогущ и один может спасти нашу душу для жизни вечной,

а в сей жизни брэнной утешить нас и избавить от всех огорчений. Я знаю, что нередко сам Сатана превращается в Ангела света, и забочусь о том, чтобы, глядя на земной мир, глаза ваши не были ослеплены видимостью благочестия и праведной жизни и не устремились на то, от чего они должны отвращаться; вот почему я решила рассказать вам эту историю.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чрезмерное почтение, которое один дворянин из Перигора питал к ордену францисканцев, послужило причиной того, что его, жену и маленького сына постигла жестокая смерть.

В Перигоре жил некий дворянин, который с таким благоговением относился к святому Франциску, что ему казалось, что всякий принадлежащий к ордену францисканцев монах должен походить на своего доброго патрона. И чтобы воздать честь этому святому, он у себя дома отвел отдельную комнату и гардеробную, предоставив их в распоряжение странствующих монахов-францисканцев, и во всех делах своих, вплоть до мелочей домашней жизни, руководился их советами, считая, что они в каждом случае могут указать ему, как надо поступить. И вот случилось так, что жена этого дворянина, женщина, которая была очень красива и столь же добродетельна и скромна, родила ему сына, после чего любовь к ней ее мужа стала еще больше. Собираясь отпраздновать рождение сына, он послал за своим шурином. Когда же настало время садиться за ужин, в дом к нему явился монах-францисканец, имя которого я не стану называть, чтобы не позорить святой орден. Дворянин чрезвычайно обрадовался, увидев своего духовника, перед которым у него не могло быть никаких тайн. Поговорив с женой и с шурином, он усадил всех за ужин. Во время еды дворянин этот то и дело поглядывал на жену, которая была так хороша собой и привлекательна, что желания его воспламенились. И он стал приставать к монаху со следующими вопросами:

— Скажите, святой отец, верно ли, что спать с женой сразу же после родов, не выждав определенного срока, есть смертный грех?

Монах, которому сердце говорило совсем другое, сделал, однако, строгое лицо и гневно сказал:

— Разумеется, сын мой, я уверен, что это один из самых тяжких грехов, которые совершают люди женатые. Вспомним хотя бы, как Пресвятая дева Мария не хотела входить в храм до тех пор, пока не очистится после родов, а ведь ей не было нужды дожидаться этого дня. Неужели вы не можете отказать себе в столь незначительном удовольствии, если Пресвятая дева, только чтобы повиноваться закону, воздерживалась — не входила в храм божий, лишая себя этим самой большой радости. Кроме того, и врачи говорят, что такое общение крайне опасно для последующего потомства.

Услыхав эти слова, дворянин наш очень опечалился, ибо надеялся, что святой отец даст ему это разрешение, однако ничего не сказал. Монах же, выпивший за ужином больше чем следовало вина, не сводил глаз с молодой женщины и подумал, что если бы он был на месте ее мужа, то ему не пришло бы в голову испрашивать совета духовника, спать ему или нет в эту ночь со своей женою. И как пожар, разгоревшись, постепенно охватывает весь дом, так вожделение, которое три года жило скрытым в сердце францисканца, разгорелось в нем так, что он решил его сейчас же удовлетворить.

И когда все встали из-за стола, монах взял хозяина дома за руку и, подведя его к постели жены, сказал:

— Сын мой, зная, как вы и жена ваша любите друг друга и как, по причине молодости вашей, жар любви тревожит вашу плоть, я проникся сочувствием к вам обоим и хочу поэтому поведать вам одну тайну теологии. Дело в том, что закон, который очень строг к мужчинам невоздержанным, дает некоторые преимущества тем, у которых совесть чиста. Поэтому, сын мой, если я в присутствии домочадцев ваших и распространялся о строгости закона, вам, как человеку скромному, я должен открыть и те льготы, которыми вы могли бы воспользоваться. Знайте, сын мой, что женщина женщине рознь, так же как и мужчина мужчине. Если жена ваша уже три недели как родила, то прежде всего необходимо узнать, прекратилось ли у нее кровотечение.

На это молодая женщина ответила, что все уже кончилось.

— В таком случае, сын мой, — сказал монах, — вы можете спокойно спать с ней, но для этого вы должны выполнить два условия.

Дворянин охотно на все согласился.

— Первое условие, — продолжал святой отец, — вы никому не должны об этом рассказывать и должны прийти к жене тайком; второе — вы должны явиться к ней не раньше чем в два часа пополудни, чтобы проказы ваши не нарушили ей пищеварения.

Муж все это ему обещал и скрепил свое обещание клятвой, и так как монах знал его как человека хоть и не очень умного, но правдивого, он был уверен, что все это так и будет. Поговорив еще кое о чем, а затем благословив их и пожелав им спокойной ночи, монах удалился в отведенную ему комнату. Уходя, он взял хозяйина дома за руку и сказал:

— Я надеюсь, сын мой, что вы придете и не заставите бедняжку вас ждать понапрасну.

Поцеловав жену, дворянин сказал ей:

— Дорогая моя, не запирай, пожалуйста, сегодня дверь.

Слова эти святой отец хорошо запомнил. Вскоре все разошлись по своим комнатам. Однако, оставшись один, монах не мог думать ни о сне, ни об отдыхе. Как только он заметил, что в доме все стихло — а это был тот час, когда он привык ходить к заутрене, — он тихонько направился в комнату хозяйки, которая ждала мужа и оставила дверь неприкрытой, потушил свечу и поспешно улегся к ней в постель, не проронив при этом ни слова.

Бедная женщина, в полной уверенности, что это ее муж, воскликнула:

— Как же так, друг мой! Вы позабыли о том, что вы обещали святому отцу не приходить ко мне раньше чем в два часа пополудни!

Но монах, более склонный в эту минуту действовать, нежели размышлять, и боявшийся, как бы его не узнали, ничего не ответил ей, чем весьма ее удивил. Он помышлял только о том, чтобы удовлетворить грешное желание, столь долгие годы его терзавшее. А когда он увидел, что час, когда должен прийти муж, уже приблизился, он встал с постели и поспешно возвратился к себе в комнату.

И точно так же, как с вечера уснуть ему не давало вожделение, теперь на смену ему явился неизменный спутник всякого греха — страх — и не дал ему ни на минуту сомкнуть глаза. Тогда он разыскал привратника и обратился к нему со следующими словами:

— Друг мой, господин приказал мне сейчас же отправиться в монастырь и помолиться там за него. Поэтому, прошу тебя, оседлай мне лошадь и открой поскорее ворота. Только смотри, никому об этом не говори, дело это важное и должно сохраняться в тайне.

Привратник, зная, что хозяин его всегда был рад чем-нибудь услужить францисканцам, потихоньку открыл ворота и выпустил его.

В это время дворянин проснулся и, видя, что час, в который святой отец разрешил ему пойти к жене, уже настал, как был, в одной рубахе немедленно же сделал то, что отлично мог сделать, не испросив на то позволения человека, ибо сие было давно разрешено ему господом, — улегся в постель к жене. Услыхав его голос, та крайне удивилась и, не зная о том, что произошло, воскликнула:

— Вот, оказывается, как ты держишь слово, которое дал святому отцу. Ты ведь обещал ему, что будешь заботиться и о своем и о моем здоровье, а ты, мало того что явился ко мне раньше положенного часа, но теперь еще приходишь второй раз! Опомнись, что ты делаешь!

Услыхав эти слова, муж ее пришел в такое изумление, что не мог не высказать ей всего, что думал.

— Что ты мне такое говоришь, — воскликнул он, — я же отлично знаю, что уже три недели как не сплю с тобой, а ты коришь тем, что я ушел и вернулся! Если ты намерена продолжать подобные речи, я просто решу, что я тебе не по душе, и стану искать утешения где-нибудь на стороне, хотя это и не в моих правилах.

Думая, что он над ней насмехается, жена его ответила:

— Я слышу, что ты собираешься меня обмануть, да смотри только, как бы тебе самому не обмануться. Хоть ты первый раз не сказал мне ни слова, я ведь отлично знаю, что это был ты.

Тут дворянин сообразил, что оба они обмануты, и поклялся жене, что действительно не приходил к ней.

Ее это так огорчило, что она принялась плакать и, вся в слезах, стала умолять его тщательно разузнать, кто это мог быть, — ведь в доме, кроме брата ее и монаха, никто больше не ночевал. Подозрение мужа сразу же упало на монаха, и он стремительно кинулся к нему в комнату, но комната оказалась пуста. Чтобы убедиться, что монах действительно скрылся, он побегал к прихватке и спросил, не знает ли он, куда делся францисканец. Тот рассказал ему все, как было. Тогда у хозяина дома уже не осталось сомнений, что все это сотворил негодяй монах. Он вернулся в комнату жены и сказал ей:

— Можешь не сомневаться, дорогая, — тот, кто спал сегодня с тобой и сотворил эту мерзость, был не кто иной, как наш духовник.

Молодая женщина привыкла относиться к монаху с большим почтением. А так как честь ее была ей дороже всего, то ее охватило такое отчаяние, что, позабыв о всякой человечности и женской доброте, она стала на коленях умолять мужа отомстить за это страшное оскорбление. Тогда тот, не раздумывая ни минуты, вскочил на лошадь и помчался в погоню за монахом.

Бедная женщина осталась одна в постели, и возле нее не было никого, кроме ее маленького ребенка, и некому было утешить ее и дать ей разумный совет. Вспоминая об этом необыкновенном и ужасном происшествии, она сочла себя виновницей всего и решила, что несчастнее ее нет никого на свете. Она ведь всегда питала большое доверие к францисканцам и была убеждена, что они способны творить только добрые дела и что суровым укладом своей жизни и постом они заслужили отпущение всех грехов. И она не ведала, сколь велика благодать господня, который кровью сына своего искупил грехи наши и простил нас, даровав милостью своею всем грешникам жизнь. Несчастливая пришла в такое смятение и поступок ее показался ей таким чудовищным и непоправимым — ведь, совершив его, она осквернила им любовь свою к мужу и честь дома, — что печаль совсем извела ее, и она впала в такое отчаяние, что стала ждать смерти, думая, что смерть одна избавит ее от муки. Она не только совсем забыла, что истой христианке всегда должно уповать на бога, но и лишилась способности рассуждать здраво и

была как помешанная. И в конце концов не будучи в состоянии вынести своего горя, доведенная до крайности отчаянием, не помышляя ни о боге, ни о собственном благе, в неистовстве своем схватила шнур от полога и удавилась. И на беду, в последние минуты жизни, когда тело ее содрогалось в предсмертных судорогах, она нечаянно ударила ногою в лицо несчастного малютку, который не перенес этого и умер тотчас же вслед за своей страдальницей-матерью, но перед смертью так вскрикнул, что спавшая в соседней комнате служанка проснулась, прибежала в комнату и зажгла свечу. И когда она увидела, что госпожа ее висит мертвая, а ребенок у нее под ногами и уже не дышит, она в ужасе кинулась в комнату брата погибшей и привела его взглянуть на эту страшную картину.

Брат этой женщины, горячо любивший сестру, совсем обезумел от горя и спросил служанку, кто мог совершить столь страшное преступление. Служанка ответила, что ничего не знает и что, кроме господина ее, в комнату никто не входил, он же совсем недавно оттуда вышел. Тогда его шурина побегал к нему в комнату и, не найдя его там, решил, что не кто иной, как он, — виновник всего этого злодеяния. Он не стал больше ни о чем спрашивать, вскочил на лошадь и помчался за несчастным мужем, которого вскоре повстречал на дороге: тот погнался за монахом, но так и не настигнув его, возвращался домой, раздосадованный неудачей. Едва только завидев его, шурина закричал:

— Защищайся, подлый негодяй. И да поможет мне бог отомстить тебе за все этой шпагой.

Дворянин пытался было объясниться, но, увидев, что в руке его шурина блеснула шпага, понял, что объясняться с ним уже не придется и надо себя защищать. И они так жестоко схватились и нанесли друг другу столько ударов, что оба ослабели от потери крови и им пришлось опуститься на траву, чтобы передохнуть. И тогда, немного придя в себя, дворянин спросил шурина:

— Послушай, брат мой, мы всегда ведь были с тобою дружны. Что же заставило тебя накинуться на меня с такой жестокостью?

— Скажи лучше, что заставило тебя убить мою сестру, достойнейшую из женщин. Да еще так подло: под предлогом того, чтобы проспаться с ней ночь, ты

забрался к ней в комнату и повесил ее на шнуре от полога.

Услышав эти слова, дворянин побледнел как смерть. Он подсел к шурину и, обняв его, проговорил:

— Что ты говоришь? Да может ли это быть?

И когда тот уверил его, что это действительно так, сказал ему:

— Прошу тебя, брат мой, выслушай меня — и ты узнаешь, что заставило меня в ночное время уехать из дома.

И он рассказал ему о подлом поступке монаха. Шурин его был поражен тем, что услышал, и велико было его горе оттого, что он столь безрассудно напал на несчастного. И, прося прощения, он сказал:

— Я виноват перед тобою, брат мой, прости меня.

— Я тоже виноват перед тобой, но за свою вину я уже получил сполна, рана моя так тяжела, что часы мои сочтены.

Шурин с трудом посадил его на лошадь и отвез домой. А когда наутро дворянин скончался, он сам объявил всем родным, что виновен в его смерти. И все решили, что он должен поехать к королю Франциску Первому просить о помиловании. После чего, похоронив, как подобало, всех троих — зятя, сестру и ребенка их, — он в страстную пятницу отправился ко двору короля просить, чтобы его помиловали. Несчастный обратился с этой просьбой к метру Франсуа Оливье, который добился для него королевской милости, ибо означенный Оливье был тогда канцлером Алансонским, а затем за большие заслуги король произвел его в канцлеры Франции.

— Благородные дамы, мне кажется, что, после того как вы выслушали этот правдивый рассказ, ни одна из вас не решится приютить у себя в доме странствующего монаха. Вы ведь знаете, что страшнее всего бывает то зло, которое ото всех скрыто.

— Да, но до чего же был глуп муж, если он пригласил такого пройдоху ужинать в ту самую комнату, где лежала его жена, женщина безупречной честности и к тому же красавица, — сказал Иркиан.

— В мое время, — сказал Жебюрон, — для святых отцов отводили комнату в каждом доме. Но теперь зато

все так хорошо изучили их повадки, что бояться их едва ли не больше, чем бродяг с большой дороги.

— Мне думается, — сказала Парламанта, — что если женщина лежит в постели, она ни в коем случае не должна пускать к себе в спальню священника, разве только для приема причастия. Уж если я, например, позову духовника, то знайте, что я при смерти.

— Если бы все остальные женщины были так суровы, как вы, — сказала Эннасюита, — то священникам грозило бы несчастье похуже, чем отлучение от церкви, — они потеряли бы право лицедреть женщин.

— Не бойтесь, — сказал Сафредан, — они за себя умеют постоять.

— Подумать только, — воскликнул Симонто, — они соединяют нас с женщинами узами брака, а потом коварством своим вынуждают нарушить обет, который сами же заставили дать!

— Приходится сожалеть, — сказала Уазиль, — что те, кому доверено совершение таинств, превращают это святое дело в забаву, за что их надо было бы сжигать живьем.

— Вам следовало бы не поносить их, а хвалить, — сказал Сафредан, — ведь в их власти сжигать людей на огне и бесчестить. Поэтому *sinite eos*¹, и посмотрим лучше, кому предоставит слово Уазиль.

Все нашли, что Сафредан прав, и, перестав говорить о духовных лицах, попросили госпожу Уазиль передать кому-нибудь слово.

— Я передаю его Дагусену, — сказала она, — он погрузился в такую задумчивость, что, должно быть, собирается рассказать нам что-то интересное.

— Хоть я не могу и не смею высказать все, что думаю, — ответил Дагусен, — я все-таки расскажу вам об одном человеке, которому жестокость принесла сначала вред, а потом пользу. Несмотря на то, что любовь, когда она сильна и могущественна, так уверена в себе, что хочет остаться ничем не прикрытой и для нее мучительно и даже непереносимо прятаться и скрываться, с теми, кто слушал ее советы и действовал чересчур открыто, нередко приключались различные беды, как это и было с одним испанским дворянином, о котором вы сейчас услышите.

---

¹ Оставьте их в покое (лат.).

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Элизор с излишней откровенностью признается в любви королеве Кастильской, и она подвергает его жестокому испытанию, от которого он вначале страдает, а впоследствии только выигрывает.

При дворе короля и королевы Кастильских, имена которых я не стану называть, находился некий дворянин, и во всей Испании никто не мог сравниться с ним в благородстве и красоте. Все дивились его достоинствам, но еще того больше дивились его странному образу жизни, ибо никто никогда не видел, чтобы он ухаживал за какой-нибудь дамой. При дворе было немало красавиц, которые могли воспламенить даже лед, но ни одна из них не могла овладеть сердцем этого дворянина, имя которого было Элизор.

Хотя королева и была женщиной добродетельной, однако и она оказалась не чуждой тому огню, который, чем более скрыт, тем сильнее разгорается. И чем больше она приглядывалась к этому дворянину и видела его полнейшее равнодушие к женщинам, тем больше ее это удивляло. И как-то раз она спросила его, не означает ли это, что любовь действительно не находит себе места в его сердце. На это он ответил ей, что, если бы она увидела сердце его так, как видит его лицо, она никогда бы не задала ему этого вопроса. Ей захотелось узнать, что все это значит, и она так настойчиво стала его расспрашивать, что он признался ей, что любит некую даму, благородство и строгий нрав которой не знают равных. Но как королева ни старалась выведать у него, кто эта дама, как ни просила и ни требовала, чтобы он назвал ее имя, он ей больше ничего не сказал. Тогда она притворилась рассерженной, сказав, что, если он не назовет ей имени этой дамы, он больше не услышит от нее ни слова. Дворянина это так огорчило, что он вынужден был ответить, что скорее готов умереть, чем признаться. Но в конце концов, видя, что он теряет не только расположение королевы, но и возможность видеться с ней — и все из-за того, что отказывается открыть ей истину, которая сама по себе столь благородна, что никто не должен подумать о ней ничего худого, — он со страхом сказал ей:

— Государыня, у меня не хватает ни силы, ни присутствия духа, ни храбрости произнести при вас имя этой

дамы, но, как только вы поедете на охоту, я вам ее покажу, и я уверен, что вы согласитесь со мной, что это образец совершенства и красоты.

Ответ этот так заинтриговал королеву, что она велела очень скоро устроить охоту. Элизор, которого об этом известили, приготовился сопровождать ее, как он всегда это делал. Он заказал себе большое стальное зеркало, формой своей продолжавшее нагрудник, и, укрепив его на животе, тщательно прикрыл широким плащом. А плащ этот был из черного сукна, богато расшитый золотом и отделанный канителью. Конь у него был вороной, а сбруя золотая с чернью, мавританской работы. Шляпа на Элизоре была из черного шелка, и на ней был изображен Амур, прикрытый плащом, а все было украшено драгоценными камнями. Шпага его и кинжал отличались такою же красотой и тонкой работой и были украшены не менее выразительными эмблемами. Словом, он был хорошо снаряжен и отменно ловок в верховой езде. И все те, кто видел, как он пускал коня то рысью, то галопом, заставляя его брать препятствия, с таким восхищением заглядывались на него, что забывали об охоте. Проводив королеву до того места, где были расставлены тенета, едучи, как я уже говорил, то галопом, то рысью, Элизор сошел с красавца коня и поспешил помочь королеве сойти с иноходца, на котором она ехала. А когда она протянула ему обе руки, он откинул плащ и, взяв ее за руки, показал ей спрятанное под ним стальное зеркало и сказал:

— Государыня, прошу вас, взгляните сюда!

И, не дожидаясь ответа, осторожно спустил ее на землю. Когда охота кончилась, королева вернулась в замок, и Элизор не услышал от нее ни слова. Но после ужина она позвала его к себе и сказала, что он отъявленный обманщик, — не он ли обещал, что во время охоты покажет ей ту, кого любит больше всего на свете, и так и не исполнил своего обещания; теперь она видит, что он недостоин ее благосклонности. Элизор, боясь, что королева не поняла того, что он хотел выразить, ответил, что был верен своему слову, ибо показал ей не только любимую женщину, но и самое дорогое из того, что у него есть в жизни. На это королева недоуменно возразила ему, что никакой женщины он ей не показал.

— Это верно, государыня, — сказал Элизор, — а что я вам показал, когда помогал вам сойти с лошади?

— Ровно ничего, — ответила королева, — разве только зеркало, которое вы приставили к нагруднику.

— А что же вы увидели в этом зеркале? — допытывался Элизор.

— Ничего, кроме собственного лица, — отвечала королева.

— Так вот, государыня, — сказал Элизор, — повинаясь вам, я только исполнил свое обещание, ибо в сердце моем нет и никогда не будет никакого другого изображения, кроме того, которое вы узрели в этом зеркале. Это единственное существо, которое я хочу любить и лелеять — и не как женщину, а как божество мое здесь, на этой земле, которому я поручаю распоряжаться жизнью моей и смертью. И я боюсь, чтобы моя безмерная возвышенная любовь к вам, которая, будучи скрыта ото всех, давала мне силы жить, не принесла бы мне смерть теперь, когда я вам открылся. И если я не достоин ни глядеть на вас, ни быть вашим верным слугой, позвольте мне по крайней мере жить и впредь той радостью, которая у меня доселе была. Сердце мое избрало своей долей любовь совершенную и безраздельную, дарующую мне счастье одним лишь сознанием, что она совершенна и безраздельна и что я продолжаю любить, хоть самого меня никогда не полюбят. И если, узнав об этой моей любви, вы не станете ко мне благосклонней, чем были, молю вас, не лишайте меня по крайней мере жизни, а жизнь моя — в том, чтобы видеть вас, как я привык. Ибо мне ничего не нужно от вас сверх того, без чего нельзя жить, и если я не получу от вас даже этого, у вас будет одним слугою меньше, ибо самого лучшего и самого преданного вы тогда потеряете, другого такого вам никогда не сыскать.

Королева не стала давать воли своим истинным чувствам, лицо ее не выразило ни удовольствия, ни гнева. То ли она решила показаться ему не такой, какая она была на самом деле, то ли ей хотелось испытать и проверить его чувство, то ли, наконец, она любила кого-то другого и, не будучи в силах отказаться от этой любви, рассчитывала лишь приберечь Элизора на случай, если тот, другой, чем-нибудь перед ней провинится. Она сказала:

— Элизор, я не стану прикидываться наивной и спрашивать, откуда у вас явилась безумная мысль

полюбить меня, ибо я знаю, что человек не очень властен над своим сердцем и не может по собственной воле заставить себя любить или ненавидеть. Но вы так искусно умели скрывать свое чувство, что я хотела бы знать, давно ли оно овладело вами.

Взирая на ее лицо, которое было удивительно красиво, и слыша, с каким участием она расспрашивает его о начале его недуга, Элизор надеялся, что она укажет ему и какое-нибудь лекарство. Но, взглядываясь, он прочел на лице ее серьезность и даже строгость, и его охватил страх: ему стало казаться, что он видит перед собой судью, который уже вынес ему обвинительный приговор. И он поклялся, что любовь эта зародилась в его сердце еще в ранней молодости, но сначала он от нее не страдал, вот уже семь лет, как испытывает безмерные муки, и это не просто муки — это недуг. Но недуг этот дарует ему такую усладу, что исцеление от него было бы подобно смерти.

— Но раз вы так долго были тверды и старались скрыть от меня свою любовь, — сказала королева, — то я тоже буду тверда и не так-то легко ей поверю. Вот почему я хочу испытать ваше чувство, чтобы убедиться в нем и никогда больше не сомневаться. Если вы сумеете выдержать этот искуc, я действительно поверю тому, что вы мне говорите. А когда я этому поверю, я исполню то, что вы от меня хотите.

Элизор попросил ее подвергнуть его любому испытанию, говоря, что нет такого подвига, которого бы он не был готов совершить, чтобы доказать ей свою любовь, и стал молить, чтобы она приказала ему все, что только ей будет угодно.

— Элизор, — сказала она, — если вы любите меня так, как говорите, я уверена, что нет такой вещи, которую вам трудно было бы сделать, ибо вам достаточно будет знать, что рвением своим вы завоеуете мою благосклонность. Поэтому приказываю вам — во имя вашего желанья ее заслужить и страха ее потерять — чтобы завтра же утром, не пытаясь меня увидеть, вы уехали совсем отсюда и отправились на семь или восемь лет в такое место, где бы ни вы не могли ничего обо мне узнать, ни я о вас. Ваша любовь ко мне длится уже семь лет, и вы уверены, что любите меня. Когда и я за семь лет проверю вашу любовь, я поверю ей, ибо испытаю ее на деле, а одни слова меня все равно убедить не могут.

Услыжав сей жестокий приказ, Элизор заподозрил, что королева хочет навсегда удалить его от себя, но вместе с тем, будучи убежден, что, если он выдержит этот искуc, он не на словах, а на деле докажет свою любовь, он согласился на все и сказал:

— Если я мог прожить семь лет без всякой надежды и таить в себе чувства, которые сейчас открываю, то эти семь лет я, верно, вынесу легче — у меня ведь будет надежда. Я послушаюсь вашего приказания, которое лишает меня всего самого дорогого, что есть у меня на свете, но, скажите мне, потом, когда эти семь лет пройдут, что поможет вам признать во мне вашего верного слугу?

Королева сняла тогда с пальца кольцо и сказала:

— Вот кольцо, и пусть оно будет залогом. Мы разломаем его надвое, и я буду беречь свою половину, а вы — свою. И если столь долгие годы изгладят из моей памяти ваши черты, я узнаю вас по этой половине кольца, приложив его к той, которая останется у меня.

Элизор взял кольцо и, разломав его надвое, одну половину отдал королеве, а другую оставил себе. И, попросившись с ней, сам не свой от горя, он отправился к себе домой и отдал распоряжения об отъезде. Отослав всех своих слуг, он в сопровождении одного только лакея отправился в столь глухое место, что ни родители его, ни друзья в течение семи лет ничего о нем не знали. О том, какова была его жизнь в эти годы и как он тосковал в разлуке с любимой, никому ничего неизвестно, но тот, кто сам любил, об этом легко может догадаться.

И вот спустя семь лет, когда королева как-то раз отправилась в церковь, к ней подошел вдруг некий отшельник с длинною бородой и, поцеловав ей руку, подал какой-то пакет, на который она сразу даже не обратила внимания, ибо привыкла к тому, что бедные люди подавали ей так свои прошения. Но потом, когда месса была уже на середине, она распечатала этот пакет и нашла в нем половину кольца, которую она когда-то подарила Элизору; ее это поразило и вместе с тем обрадовало. И, не успев еще прочесть вложенное туда письмо, она велела капеллану привести к ней отшельника, который это письмо ей передал. Тот стал повсюду его искать, но ничего не мог о нем разузнать, кроме того, что кто-то видел, как он вскочил на лошадь и тут же

ускакал. По какой дороге он умчался, никто не заметил. Пока королева дожидалась ответа, она успела прочесть письмо, написанное прекрасным слогом. И если бы я так не стремился передать вам его содержание, я никогда бы не стал его переводить, а просто прочел бы его вам, благородные дамы, ибо, поверьте, на испанском языке писать о страсти гораздо легче, чем на любом другом. Вот это письмо:

У времени незыблемая сила,
Оно мне на любовь глаза открыло;
Потом оно же, ей назначив срок,
Столь трудный мне преподало урок,
Что даже та, что ничему не верит,
С годами глубь любви моей измерит.
Любовью той был долго я ведом,
Но убедила жизнь меня потом,
Что все — обман: я ждал и не дождался,
И я увидел, как я заблуждался.
За годы разглядел я, почему
Я так был верен чувству одному,
Я, красотой пленяясь благородной,
Не замечал жестокости холодной.
В разлуке ж, позабыв про красоту,
С годами разгадал жестокость ту.
Ваш лик вблизи слепил меня, сверкая, —
Иной увидел вас издалека я.
Но счастлив тем я, что, объехав свет,
Я свой смиренно выполнил обет,
Вам данный; тем, что долго время длилось,
Что ноши тяжесть с плеч моих свалилась.
Так от печали долгие года
Меня освободили навсегда:
Я смог без сожаленья возвратиться
Сюда, чтоб не остаться, — а проститься.
В своей разочарованной мечте,
Любовь во всей узрел я наготы,
И жаль мне стало сердца несвободы.
И жаль того, что так я прожил годы,
И горько оттого, что из-за мук
Я слеп и глух был ко всему вокруг.
Но за любовью суетной, неверной
Я вдруг узрел черты любви безмерной,
Когда в тоске, с собой наедине,
Семь долгих лет я прожил в тишине;
Изведаль чувство новое, иное,
Перед которым меркнет все земное.
Ему годами отданный во власть,

В себе я укротил былую страсть.
К нему иду с надеждою большою,
Ему служу и телом и душою;
Не вам — ему. Когда служил я вам,
Моим вы не поверили словам,
На смерть меня пославши, — ныне ж верьте:
Оно одно спасет меня от смерти.
Прощай, любовь, души сладчайший плен,
Тебя, унизив, превратили в тлен.
Какою ты была тогда ошибкой,
Утехою обманчивой и зыбкой.
И вам поведать должен я сейчас,
Что больше не хочу я видеть вас.
Теперь любовь другая мной любима,
Она нетленна, непоколебима.
Устал от вас и ваших я причуд —
Я только ей отдам себя на суд.
Уйдите, скройтесь с глаз моих до гроба,
Притворство, хитрость женская и злоба,
Коварство ваше, что, меняя вид,
Мне душу и терзает и томит!
С меня довольно и надежды ложной,
И бед, и ада муки безнадежной,
И пламени, подобного смерчу,
Проститься с вами я навек хочу —
И чтоб все снова не могло начаться,
Расстаться так, чтоб больше не встречаться!

Письмо это поразило королеву. Читая его, она плакала и горько раскаивалась. Она потеряла верного слугу, который любил ее такой беззаветной любовью, что никакие сокровища, ни даже все ее королевство ничего не значили в сравнении с этой утратой, которая сделала ее несчастнейшей из женщин. И, выслушав мессу и вернувшись к себе, она впала в такое горе, которое вполне заслужила своей жестокостью. И не было в стране таких гор и лесов, где бы посланцы ее не разыскивали отшельника, но тот, кто вырвал его из ее рук, ей больше его не вернул и, должно быть, взял его в рай раньше, чем она что-нибудь о нем узнала.

— Из рассказа этого явствует, что не следует признаваться в своем чувстве, если это признание только вредит и ничем не может помочь. И вот что еще того важнее, благородные дамы: даже если вы не верите признаниям мужчины, не подвергайте его искусу столь тяжелому, что он ему может стоить жизни.

— Право же, Дагусен, — сказал Жебюрон, — всю жизнь мне только и приходилось слышать об исключительных добродетелях той, о ком вы только что рассказали, но сейчас я убедился в ее жестокости, доходящей едва ли не до безумия.

— Во всяком случае, — сказала Парламанта, — мне кажется, что не было ничего худого в том, что за эти семь лет она хотела проверить, действительно ли он ее любит так, как говорит. Мужчины в подобных случаях так привыкли лгать, что, прежде чем им поверить (если только им вообще надо верить), их следует испытывать, и чем дольше, тем лучше.

— И все-таки дамы на самом деле гораздо умнее, — возразил Иркиан, — большинство их за семь дней могут убедиться в том, на что иным требуется семь лет.

— Да, это так, — сказала Лонгарина, — но здесь среди нас есть дамы, чьей любви приходится домогаться дольше, чем семь лет, и все испытания огнем и водой для них ничего не значат.

— Я нисколько не сомневаюсь, что вы говорите правду, — воскликнул Симонто, — но такие вещи случались в былые времена, а теперь никто бы этого не вытерпел.

— Надо, однако, сказать, — заметила Уазиль, — что дворянин этот должен был благодарить свою даму — она ведь направила все его помыслы к богу.

— Счастье еще, что он по дороге наткнулся на бога, — воскликнул Сафредан, — удивительно, как с такой тоски он не обратился к дьяволу.

— Вы что, видно, сами обращались к помощи этого господина, когда ваша дама обошлась с вами худо? — спросила Эннаскоита.

— Тысячу раз, — отвечал Сафредан, — но дьявол отлично понимал, что муки ада ничто в сравнении с теми муками, которые она мне причинила, и он остался глух ко всем моим уговорам, понимая, что он со всеми своими кознями совершеннейшее ничтожество в сравнении с дамой, которую любят и которая сама любить не склонна.

— Если бы я держалась такого мнения, как вы, Сафредан, — сказала Парламанта, — я бы вообще не стала ухаживать за женщинами.

— Я всегда так пленялся ими, — отвечал Сафредан, — что на каждом шагу совершал непростительные

ошибки. Но даже там, где я не властен распоряжаться, я счастлив тем уже, что могу служить прекрасному полу. И как бы ни было велико коварство дам, оно не может умерить моей любви к ним. Но скажите лучше по советам, неужели вы и в самом деле способны оправдать такую суровость?

— Да, — ответила Уазиль, — ибо я считаю, что дама эта, не любя сама, не хотела, чтобы ее любили.

— Но если у нее действительно было такое намерение, — сказал Симонто, то чего же ради она целые семь лет поддерживала в нем надежду?

— Я с вами вполне согласна, — сказала Лонгарина, — женщина, которая не хочет любить, не должна подавать никаких напрасных надежд.

— Может быть, она любила кого-то другого, кто совсем не стоил этого благородного человека, — заметила Номерфида, — и ради него отказалась от лучшей доли.

— Честное слово, — воскликнул Сафредан, — по моему, она просто приберегла его про запас, на случай, если расстанется с тем, кого она действительно любила.

Госпожа Уазиль, видя, что мужчины, осуждая и порицая в королеве Кастильской то, что действительно ничем не может быть оправдано ни в ней, ни в ком-либо другом, принялись злословить по поводу женщин и что самым скромным и добродетельным достается не меньше, чем самым бесстыдным и сумасбродным, не могла больше этого вынести. И, взяв слово, она сказала:

— Я вижу, что чем больше мы об этом будем говорить, тем больше те, кто не хочет, чтобы мы с ними плохо обходились, будут возводить на нас хулу. Поэтому прошу вас, Дагусен, передайте кому-нибудь слово.

— Я передаю его Лонгарине, — сказал Дагусен, — и уверен, что она расскажет нам какую-нибудь не слишком грустную историю и, правды ради, не станет щадить ни мужчин, ни женщин.

— Раз вы считаете меня такой поборницей правды, — сказала Лонгарина, — я возьму на себя смелость рассказать вам историю, приключившуюся с одним принцем, который добродетелью в свое время был превьше всех. И вы согласитесь со мной, что нет ничего хуже лжи и притворства и без крайней надобности людям никогда не следует прибегать к ним. Этот порок

отвратителен и мерзок особенно тогда, когда ему предаются принцы и лица высокопоставленные, которым пристало больше чем кому бы то ни было быть правдивыми. Но нет на свете такого богатого и могущественного государя, который не подпал бы под власть Амура, а тот ведь нередко становится тираном. И кажется даже, что чем знатнее и благороднее государь, тем сильнее Амур поработывает его своей властной рукой. Этот всемогущий божок не считается ни с чем — ни с порядком вещей, ни с привычками смертных, — и главное удовольствие, которое он позволяет себе, заключается в том, что он день ото дня творит чудеса. Он унижает людей сильных, возвышает слабых, открывает глаза невеждам, умных мужей лишает рассудка. Он потворствует страстям и уничтожает разум. Вот какими проделками тешится бог любви. А так как государи не составляют исключения из общего правила, им приходится поступать, как поступают все. И коль скоро им поступки свои приходится подчинять велению любви, которая их поработывает, то, в качестве ее слуг, им не только позволено, но даже надлежит прибегать ко лжи, лицемерию и притворству, каковые являются надежными средствами победить своих противников, как этому нас учит наш достославный Жан де Мен.

А так как в подобных делах государям и принцам вменяют в заслугу то, что в обыкновенных людях мы осуждаем, я расскажу вам о ловкой выдумке одного молодого принца, сумевшего обмануть тех, кто привык обманывать всех на свете.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Молодой принц, явившись к адвокату якобы для того, чтобы поговорить о своих делах и испросить у него совета, так искусно входит в доверие к его жене, что она соглашается на все его просьбы.

В городе Париже жил некий адвокат, которого уважали так, как никого другого. Это был человек способный, очень многим приходилось обращаться к нему за помощью, и он считался одним из самых богатых людей во всей Франции. Он был женат, но, так как детей от этого брака у него не было, он решил оставить жену и жениться на другой. И как он ни был стар, сердце его

оказалось достаточно молодо и желания в нем не угасли. Ему приглянулась девушка лет восемнадцати-девятнадцати, одна из самых красивых во всем городе. Она была очень стройна и хороша собою и обращала на себя внимание нежным цветом лица. Адвокат полюбил ее и был с нею очень счастлив, но и от этой жены детей у него не было. Молодую женщину это, разумеется, огорчало. Но так как молодости не свойственна тоска, она стала искать развлечений вне дома, ездила по гостям и бывала на балах, но при всем этом вела себя крайне скромно, и ничего худого о ней муж не думал, ибо хорошо знал, что подругам ее, с которыми она проводила время, вполне можно доверять.

Однажды, когда она была на какой-то свадьбе, в числе приглашенных находился некий принц, который мне потом и рассказал всю эту историю, — запретив, однако, называть его имя. Достаточно сказать, что это был человек, чья красота и манеры не имели себе равных, да, пожалуй, и не будут иметь. Встретив эту молодую и пленительную женщину, принц не мог оторвать от нее глаз и, увлеченный ею, заговорил с ней столь ласково и нежно, что она охотно стала рассказывать ему о себе и даже не скрыла от него, что чувство, о котором он ее просит, давно уже живет в ее сердце и что уговоры его совершенно излишни, ибо она полюбила его с первого взгляда. Увидев, что, в простоте душевной, она согласилась сразу на то, чего обычно приходится долго добиваться от женщины, он возблагодарил бога, который оказался к нему столь милостив. И с этой минуты молодые люди так хорошо стали понимать друг друга, что сразу же условились о том, где и когда они встретятся наедине. В условный час принц пришел в назначенное место, и чтобы ничем не задеть чести своей дамы, явился туда переодетый. Но для того чтобы на него не напали бродяги, слоняющиеся ночью по городу, и чтобы, встретив их, он мог остаться неузнанным, он захватил с собою нескольких друзей, на которых мог вполне положиться. Дойдя до угла улицы, где жила эта дама, он расстался с ними, сказав:

— Если в течение четверти часа вы не услышите никакого шума, идите по домам, а часа в три-четыре приходите сюда за мной.

Друзья его так и поступили и, не услышав никакого шума, ушли. Юный принц направился прямо в дом

адвоката. Как ему и было обещано, дверь оказалась отпертой. Но едва только он стал подниматься по лестнице, как перед ним из темноты появился сам адвокат со свечою в руке. Адвокат его сразу же узнал. Однако любовь делает людей находчивыми, храбрыми и способными на все. Принц направился прямо к старику и сказал:

— Господин адвокат, вы знаете, с каким доверием я и все мои близкие относятся к вам, знаете, что я почитаю вас за моего самого преданного слугу. И вот я пришел сюда запросто, чтобы посоветоваться с вами насчет моих дел и также попросить, чтобы вы мне дали чего-нибудь выпить, а то меня совсем замучила жажда. Только не говорите никому, что я здесь, потому что от вас мне надо пойти еще в один дом и я не хочу, чтобы меня узнали.

Увидев, что принц совершенно запросто пришел к нему в дом, адвокат был так польщен оказанной ему честью, что провел его к себе в комнату и велел жене подать к столу самые лучшие сласти и фрукты, какие у них были в доме. Она не замедлила исполнить его приказание и подала им отличное угощение. И несмотря на то, что в ночном одеянии и в чепце она выглядела еще прелестнее, чем обычно, наш принц даже не взглянул на нее и, сделав вид, что ее не знает, продолжал говорить с адвокатом о своих делах, которыми тот давно занимался. Но в то время, когда молодая женщина потчевала гостя угощениями, а муж отошел к буфету, чтобы принести ему что-нибудь выпить, она успела шепнуть принцу, чтобы тот не уходил и спрятавшись в гардеробной, расположенной по правую сторону, и что она вскоре туда придет. Выпив и закусив, молодой принц поблагодарил адвоката, и когда тот хотел непременно его проводить, просил этого не делать, уверив его, что туда, куда он сейчас идет, провожатых не требуется. И, обратившись к его жене, он сказал:

— Помимо всего прочего, я не хочу лишать вас, сударыня, общества вашего супруга, который давно уже показал себя моим верным слугою. Вы должны заботиться о нем и во всем его слушаться. С ним вы всегда будете счастливы и спокойны и должны благодарить господа, что он послал вам такого достойного человека.

Произнеся столь учтивые речи, принц ушел и закрыл за собой двери, чтобы хозяин не вышел за ним на лестницу. И сразу же спрятался в гардеробной, куда, как только почтенный адвокат уснул, не замедлила явиться его молодая жена. Она провела принца в комнату, убранную как нельзя лучше, — где, однако, самыми примечательными украшениями были он и она, представ друг перед другом в том виде, в каком обоим больше всего хотелось. И я нисколько не сомневаюсь, что там она исполнила все, что ему обещала.

Принц ушел оттуда в тот час, к которому он велел прийти своим провожатым, и те уже ждали его в назначенном месте. А так как встречи влюбленных продолжались долгое время, принц в конце концов нашел другую, более короткую дорогу к этому дому, — через монастырский двор. И он сумел так очаровать приора этого монастыря, что около полуночи привратнику было приказано каждый раз открывать ему ворота; когда же поутру он возвращался обратно, ему открывали их снова. А так как дом адвоката находился в двух шагах от монастыря, принц мог спокойно ходить один и не брать с собой провожатых. Но несмотря на то, что он вел такую жизнь, — будучи человеком богобоязненным и благочестивым, он на обратном пути каждый раз непременно заходил в монастырскую церковь и подолгу там молился. И монахи, которые, приходя в церковь, заставляли принца коленопреклоненным, считали его благочестивейшим из людей.

У принца была сестра, часто наезжавшая в этот монастырь. Она так любила брата, что постоянно просила всех за него помолиться. И вот однажды, когда она обратилась с этой просьбой к приору монастыря, он сказал ей:

— Да что вы, сударыня! О ком вы меня просите молиться! Да я сам больше всего нуждаюсь в его молитвах. Ведь среди мирской суеты брат ваш умеет быть праведником, какого не сыскать на свете. Ибо сказано в Писании: «Блажен тот, кто может сотворить зло и не сотворит его».

Сестре принца захотелось узнать, почему приор считает ее брата столь добродетельным, и она так настойчиво стала его расспрашивать, что, взяв сначала с нее слово, что она не выдаст никому этой тайны, тот сказал:

— Можно ли не восхищаться, видя, как молодой и красивый принц лишает себя по ночам удовольствий и отдыха и вместо этого приходит сюда, в святую обитель, где ведет себя не как высокопоставленное лицо, а как самый смиренный монах, пребывая вместе со всеми в монастырской капелле. Должен сказать, что столь добродетельная жизнь приводит в смущение и наших братьев, и меня самого, ведь рядом с ним мы недостойны называться монахами.

Услыхав эти слова, сестра принца не поверила своим ушам. Хотя она и знала, что, будучи человеком светским, брат ее был чист в своих помыслах и привержен богу, ей никогда бы не пришло в голову подумать, что он способен делать что-то сверх того, что пристало всякому христианину. Она отправилась к брату и рассказала ему, какое мнение сложилось о нем у монахов. Услышав это, принц расхохотался, и у него было такое лицо, что она, зная его, как самое себя, догадалась, что под благочестием этим что-то скрывается, начала его допытывать и не успокоилась до тех пор, пока он не рассказал ей всей правды. От нее-то я и узнала эту историю и записала, чтобы вы помнили, благородные дамы, что Амур способен перехитрить и лукавого адвоката, и хитрых монахов (а уж кто как не они привыкли обманывать других) и что он умеет обучить этой хитрости самого неискущенного человека, если только тот действительно воспламенился любовью. А раз Амур способен обманывать даже обманщиков, нам, людям простым и несведущим, надлежит постоянно его бояться.

— Хоть я и догадываюсь, кто этот принц, — молвил Жебюрон, — надо сказать, что он достоин всяческой похвалы. Чаще всего знатные сеньоры нимало не беспокоятся о чести женщин. Что им до того, что вокруг их походов поднимается шум: они думают только о собственном удовольствии. Больше того, они иногда бывают довольны, когда возникает скандал, а мы знаем, что нередко молва приписывает соблазнителью даже то, чего он не делал.

— Уверяю вас, что было бы неплохо, если бы все молодые сеньоры следовали его примеру, — сказала Уазиль, — ведь скандал иногда бывает хуже самого греха.

— И уж конечно принцу было что замаливать в монастырской церкви! — воскликнула Номерфида.

— Не осуждайте его, — сказала Парламанта, — очень может быть, что раскаяние его было столь велико, что ему простился и самый грех.

— Очень трудно раскаиваться в таких приятных забавах, — сказал Иркиан, — что до меня, то мне не раз приходилось рассказывать подобные вещи на исповеди, но каяться я в них никогда не каялся.

— Тогда уж лучше было совсем не исповедоваться, — заметила Уазиль.

— Знаете, госпожа моя, — возразил Иркиан, — как ни тяжок грех и как я ни огорчаюсь, когда мне приходится чем-либо оскорбить господа бога, грешить-то людям всегда приятно.

— Вы и подобные вам наверняка хотели бы, чтобы бога совсем не было и чтобы единственным законом для вас было ваше собственное желание! — сказала Парламанта.

— Должен признаться, — воскликнул Иркиан, — я хотел бы, чтобы господь бог каждый раз радовался вместе со мною, — и тогда, могу вас уверить, скучать бы ему не пришлось.

— Ну, нового бога вам все равно не создать, а раз так, то, значит, надо слушать того, который у нас есть, — воскликнул Жебюрон. — Пусть уж об этом спорят богословы, а сейчас давайте попросим Лонгарину предоставить кому-нибудь слово.

— Я предоставлю его Сафредану, — сказала Лонгарина, — только я попрошу его рассказать какую-нибудь действительно интересную историю и не стараться во что бы то ни стало говорить о женщинах одни только гадости; пусть следует правде — и там, где надо, их хвалит.

— Ну, вот и отлично, — успокоил ее Сафредан, — я согласен. В моем рассказе речь будет идти о двух женщинах: одна из них легкомысленна, другая скромна. Можете брать пример с какой хотите. Вы узнаете также, что любовь заставляет людей дурных совершать дурные поступки, тогда как чистое сердце способно только на хорошие, ибо любовь сама по себе хороша и если ее называют иногда безумной, ветреной, жестокой или постыдной, то потому лишь, что такими бывают мужчина или женщина, которые охвачены ею. И вот,

выслушав историю, которую я вам сейчас расскажу, вы убедитесь, что любовь не способна изменять человеческую натуру и являет нам ее только такой, какая она есть, — ветреной у одних, а у других благородной.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вняв совету одной добродетельной и благоразумной дамы, сеньор д'Аванн исцелился от неистовой любви, которую он питал к другой знатной даме, жившей в городе Памплоне.

В царствование короля Людовика Двенадцатого жил некий молодой сеньор по имени д'Аванн, сын монсеньора д'Альбре и брат короля Иоанна Наваррского. Жил он постоянно при дворе короля. Юный сеньор, которому было тогда пятнадцать лет, был так красив и обходителен, что, казалось, был создан для того, чтобы женщины любовались им и любили его. И те, кто его видел, действительно в него влюблялись, причем больше всех им пленилась некая дама, жившая в городе Памплоне, в Наварре. Она была замужем за очень богатым человеком и жила очень строгой жизнью. Несмотря на то, что ей было всего двадцать три года, тогда как мужу ее было около пятидесяти, она одевалась так скромно, что ее можно было принять скорее за вдову, чем за женщину замужнюю. И никогда ни на свадьбах, ни на праздниках она не появлялась без мужа, которого так уважала за его справедливость и доброту, что предпочитала его самому красивому юноше. И муж, видя, сколь она благоразумна и искренна, так на нее полагался, что доверял ей все домашние дела. Однажды богатый дворянин этот вместе с женою был приглашен к своим родственникам на свадьбу. Среди гостей находился и юный сеньор д'Аванн, который, разумеется, любил танцы, ибо в искусстве этом не знал себе равных. И когда после обеда начались танцы, богатый дворянин пригласил сеньора д'Аванна принять в них участие. Тогда сеньор д'Аванн спросил, с кем ему лучше всего танцевать. Тот ответил:

— Монсеньор, если бы среди нас была женщина еще более красивая, чем моя жена, и еще более послушная

моей воле, я бы подвел ее к вам и попросил вас оказать мне честь и потанцевать с нею.

Принц, который был еще настолько юн, что ему больше всего нравилось прыгать и танцевать, и который еще не начал заглядываться на женщин, исполнил его просьбу. Но та, с которой он танцевал, гораздо больше внимания уделяла красивой наружности своего кавалера, чем танцу. Однако благоразумие ее было столь велико, что никто бы об этом не мог догадаться. Когда настало время ужинать, монсеньор д'Аванн распрощался со всеми и вернулся в замок, куда богатый дворянин сопровождал его верхом на муле; дорогой он сказал юноше:

— Монсеньор, вы оказали сегодня столько чести моим родным и мне самому, что с моей стороны было бы неблагодарностью, если бы я в свою очередь не постарался вам чем-нибудь услужить. Я знаю, монсеньор, что такой знатный юноша, как вы, у которого отец и строг и скуповат, нуждается иногда в деньгах больше, чем такие, как я, которые живут скромно и думают только о том, как бы скопить побольше денег. Господь бог послал мне жену — такую, что лучше и не сыскать, — но не сподобил меня радости быть отцом: детей у меня нет. Я никогда бы не осмелился, монсеньор, просить вас быть моим сыном, но если вам будет угодно почитать меня вашим верным слугой и разрешить мне помогать вам, когда это будет нужно, то знайте, что все мое состояние в сто тысяч экю — к вашим услугам.

Предложение это крайне обрадовало сеньора д'Аванна, ибо отец его действительно был скуп. И поблагодарив богатого дворянина, он в знак уважения назвал его отцом. С этой поры богатый дворянин проникся такой любовью к сеньору д'Аванну, что и утром и вечером спрашивал, не нужно ли ему что-нибудь. И он не скрывал от жены своих отеческих чувств к молодому сеньору и желал чем-нибудь ему услужить, за что тот полюбил его вдвойне. И с этого времени сеньору д'Аванну не было ни в чем отказа. Он часто приходил в дом к своему названому отцу, где его всегда хорошо угощали. И если хозяйина не бывало дома, его столь же приветливо принимала хозяйка. К тому же она всегда так мудро его наставляла, уговаривая жить благоразумно и скромно, что он любил ее и чтил больше всех дам на свете. Она же, будучи женщиной крайне благо-

честивой, довольствовалась тем, что видит его и говорит с ним, чем всегда довольствуется любовь, если она высока и чиста. Словом, она ни разу не давала ему повода усомниться в том, что любит его только как брата. Эта скрытая дружба давала сеньору д'Аванну возможность жить на широкую ногу и ни в чем не нуждаться. И так он достиг возраста семнадцати лет и стал интересоваться женщинами больше, чем прежде. И несмотря на то, что он во всем готов был отдать предпочтение своей доброй советнице, он боялся, что, открыв ей сердце, может потерять ее дружбу и поэтому молчал и искал удовольствий на стороне. И он принялся ухаживать за одной молодой дамой из окрестностей Памплоны, у которой был в городе свой дом; дама эта была замужем за одним молодым дворянином, больше всего на свете любившим собак, лошадей и птиц. И вот, влюбленный в нее принц стал устраивать всевозможные развлечения, турниры, скачки, единоборства, костюмированные балы и прочие игры, на которых он имел возможность встречаться с ней. Но муж ее был до безумия ревнив, а отец и мать, зная, что она красива и легкомысленна, с особенным усердием оберегали ее честь и старались не отпускать от себя. Таким образом, сеньор д'Аванн мог только, встретив ее на балу, обменяться с ней несколькими словами. Он, правда, очень скоро убедился, что она отвечает ему взаимностью, и очень огорчился тем, что им негде было встречаться наедине. Тогда он пошел к своему названому отцу и сказал ему, что собирается посетить монастырь Божьей матери в Монсеррате и просит последить за его домом, ибо ехать он хочет один, — на что тот согласился. Но жена его, в сердце которой жил великий пророк — Амур, сразу же догадалась об истинной цели этой поездки. И, не удержавшись, она сказала сеньору д'Аванну:

— Монсеньор, монсеньор, та, которой вы хотите поклониться, находится здесь, в стенах этого города. Поэтому настоятельно прошу вас: паче всего берегите ваше здоровье.

Сеньор д'Аванн, который и любил ее и боялся, при этих словах так густо покраснел и смутился, что тем самым сразу выдал себя; после чего он уехал.

И вот, купив пару отличных испанских иноходцев, он переоделся конюхом и так изменил свое лицо, что

никто его не мог узнать. Муж этой легкомысленной дамы питал столь великое пристрастие к лошадям, что, едва только увидел двух испанских коней, сразу же захотел их купить. А купив их, обратил внимание на конюха, который так хорошо умел их выводить, и спросил, не хочет ли он поступить к нему на службу. Сеньор д'Аванн согласился, сказав, что он простой конюх, который только и умеет, что ухаживать за лошадьми, но знает это дело так хорошо, что его новый хозяин будет доволен. Согласие его очень обрадовало дворянина, и он поручил ему всех своих лошадей. Вернувшись домой, он сказал жене, что оставляет под ее присмотром и лошадей и нового слугу, а сам едет сейчас в замок. Чтобы доставить удовольствие мужу и немного развлечься самой, дама отправилась посмотреть лошадей. Взглянула она и на нового конюха и осталась довольна его видом, но узнать его не могла. Увидев, что он остался неузнанным, сеньор д'Аванн поклонился ей на испанский манер и поцеловал ей руку. А целуя руку, с такой силой ее сжал, что она сразу узнала его, ибо, танцуя с ней, он несколько раз так делал. С этой минуты молодая дама только и думала о том, как бы им поскорее остаться наедине. И случай к этому представился в тот же вечер. Она была приглашена с мужем на бал, но, сославшись на нездоровье, не поехала. Супруг же ее не хотел обидеть своих друзей и сказал ей:

— Дорогая, раз тебе нездоровится и ты не хочешь ехать со мною, присмотри, пожалуйста, за моими собаками и лошадьми, чтобы без меня все было в порядке.

Поручение это пришлось молодой даме по душе, но, не подав и виду, она ответила, что, коль скоро он ничего лучшего для нее не придумал, она, чтобы угодить ему, постарается исполнить все, что он хочет. И не успел ее муж уехать, как она спустилась в конюшню и притворилась, что обнаружила там такие-то упущения. И как бы для того, чтобы навести порядок, дала различные поручения всем своим слугам и, разослав их в разные места, осталась там одна с конюхом. Боясь, чтобы кто-нибудь не застал их вдвоем, она сказала ему:

— Ступайте в сад и ждите меня в беседке, что в конце аллеи.

Конюх немедленно же отправился туда. Покончив с конюшней, она пошла на псарню и с таким усердием стала наводить там порядок, что, казалось, из хозяйки

сразу превратилась в служанку. После чего она вернулась к себе в спальню такая уставшая, что сразу же улеглась в постель, сказав, что хочет отдохнуть. Служанок своих она всех отпустила, кроме одной, которой она вполне могла довериться. И она сказала ей:

— Ступай сейчас же в сад и приведи ко мне того, кого ты встретишь в конце аллеи.

Служанка отправилась в сад и нашла там конюха, которого тотчас же привела к своей госпоже, после чего та приказала ей выйти из комнаты и остаться у двери, чтобы дать знать, как только вернется муж.

Сеньор д'Аванн, увидав, что он остался со своей любимой вдвоем, мигом скинул одежду конюха, сорвал с лица приставной нос и бороду и уже не как робкий слуга, а как самый настоящий принц, не спрашивая позволения у дамы и нисколько не смущаясь, лег рядом с ней, и она приняла его так, как самая красивая и легкомысленная дама этой страны могла принять красавца мужчину. И он пребывал с ней до тех пор, пока муж не вернулся. Услыхав, что тот возвращается, он мгновенно переделался и покинул место, которым завладел с помощью хитрости и лукавства. Едва только хозяин вошел в дом, как он убедился, что жена его действительно постаралась привести все в порядок, и стал ее от всего сердца благодарить.

— Друг мой, — сказала она, — я только исполняю свой долг. Право же, если не присматривать за этими лентяями, то все собаки у них запаршивеют, все лошади отощавают. Но, зная, какие это лодыри и как вы любите порядок, я уж постаралась, чтобы все было так, как надо.

Муж, который был уверен, что нашел отличнейшего конюха, стал спрашивать ее, какого она о нем мнения.

— Должна сказать, — ответила она, — что он делает все, как полагается, но за ним все время нужен глаз, до того он медлителен и неповоротлив.

После этого супруги стали жить еще дружнее, чем раньше. И всякая подозрительность и ревность мужа рассеялись окончательно, ибо оказалось, что жена его, которая раньше больше всего на свете любила балы, танцы и светское общество, пристрастилась теперь к хозяйству и к дому, и вместо того чтобы тратить по четыре часа на свой туалет, ходила в простом капоте, который надевала прямо поверх рубашки. За это она

заслужила похвалу и мужа и всех тех, кто не знал, что из двух дьяволов, которые ее соблазняли, она отдала предпочтение тому, который был посильнее. Так и жила эта молодая дама, лицемерно рядясь в одежды добродетельнейшей из женщин, а сама в это время предаваясь неистовым наслаждениям, перед которыми все доводы разума и совести становились бессильны и которые не знали границ.

Сеньор д'Аванн был еще очень молод и не отличался крепким здоровьем. А тут он стал бледнеть и худеть и до того изменился в лице, что и без маски его нелегко было узнать. Однако безумная любовь, которую он питал к этой даме, до такой степени подчинила себе все чувства его и помрачила ум, что он, не рассчитав свои силы, стал вести такую жизнь, какой, пожалуй, не выдержал бы и Геркулес. В конце концов он заболел, — и так как его возлюбленная больше всего хотела, чтобы он был здоров, она посоветовала ему просить хозяина, чтобы тот отпустил его домой к родителям. Хозяину было жаль расставаться с таким отличным конюхом, но он все же согласился, взяв с д'Аванна слово, что, как только он поправится, он снова вернется к нему на службу. Но сеньору д'Аванну достаточно было пройти одну улицу, чтобы очутиться в доме своего названного отца. Придя туда, он застал дома только его добродетельную жену, чье чувство к нему за время его отсутствия нисколько не изменилось. Когда же она увидела, как бедный д'Аванн за это время исхудал и побледнел, она не могла удержаться и сказала:

— Не знаю, монсеньор, успокоилась ли ваша совесть, но выглядеть после этого путешествия вы лучше не стали. И я склонна думать, что больше всего повредили вам ваши ночные странствия. Ведь если бы вы даже отправились пешком в Иерусалим, вы бы вернулись оттуда загоревшим и не были бы таким худым и бледным. Довольствуйтесь же этим уроком и не чтите таких святых, которые, вместо того чтобы воскрешать мертвых, сводят в могилу живых. Я бы сказала вам кое-что еще, но если даже вы и согрешили, вы за это достаточно наказаны, и я не хочу приносить вам еще новые огорчения.

Услыхав эти речи, сеньор д'Аванн опечалился и смутился.

— Сударыня, — ответил он, — мне приходилось слышать, что за грехом всегда следует раскаяние. А теперь вот я испытал это на самом себе и прошу вас простить меня. Я ведь молод, а молодость не верит ни в какое зло, доколе сама его на себе не испытает.

Тогда благоволившая к нему дама начала говорить с ним ласково. Она уложила его в мягкую постель, и он пролежал у них две недели. И кормить его стали так, чтобы силы поскорее к нему вернулись. И оба, муж и жена, неустанно пеклись о его здоровье, всячески старались чем-либо его развлечь и по очереди дежурили у его постели. И хоть он и натворил безрассудств, о которых вы уже слышали, и в свое время не внял совету доброй дамы, она продолжала все так же любить его высокой и чистой любовью, ибо не теряла надежды, что в конце концов вся эта бурная жизнь ему наскучит и ему захочется тихой привязанности, и тогда сердце его будет принадлежать только ей. И все эти две недели, пока он жил у них в доме, она столько с ним разговаривала о добродетели и любви, что он начал уже приходить в ужас от совершенных им безумств. И глядя на ту, которая красотой своей превосходила его безрассудную подругу, и начиная все больше ценить достоинства ее и обаяние, он не выдержал и как-то раз, когда было уже совсем темно, откинув всякий страх, сказал:

— Сударыня, чтобы направить себя на стезю добродетели, как вы этого хотите и как мне советуете, я хочу, чтобы сердце мое прониклось любовью к этой высокой цели, и посему молю вас, сударыня, не откажите мне в своей помощи и будьте милостивы ко мне!

Очень обрадованная тем, что слышит, дама сказала:

— Даю вам слово, монсеньор, что если вы действительно будете любить добродетель так, как надлежит любить ее человеку столь высокого звания, как вы, я буду помогать вам в этом всеми способностями, которые мне даровал господь.

— Так помните же, сударыня, о вашем обещании, — сказал сеньор д'Аванн. — Не забудьте также и то, что господь, в которого человек может только верить, ибо никогда его не видел, сам облекся в грешную плоть, чтобы мы, люди, могли полюбить его за то, что он человечен, и тем самым дух наш мог постичь

всю его божественность. Дав всем нам узреть живую плоть, он внушил нам любовь к незримому. Так вот и добродетель, которую я готов любить до конца дней, сама по себе незрима и познается лишь через внешний мир. Поэтому ей и надлежит облекаться в некую материальную форму, дабы люди могли узреть ее. Так оно и случилось, она приняла ваш образ, как самый совершенный на свете. Вот почему я почитаю вас не только женщиной добродетельной, но и самой добродетелью. И видя, как добродетель эта светится сквозь совершеннейшую на земле оболочку, я хочу служить ей и чтить ее всю мою жизнь, забыв всякую другую любовь, ибо та и суетна и порочна.

Дама, довольная тем, что слышит, и восхищенная его признанием, искусно сумела скрыть свой восторг и только сказала:

— Монсеньор, я не хочу вдаваться в глубины теологии, но я больше склонна бояться зла, чем верить в добро, и поэтому молю вас — не произносите при мне речей, унижающих женщин, которые верили когда-то вашим признаниям. Мне хорошо известно, что, будучи женщиной, я, так же как и все остальные, весьма далека от совершенства, и было бы справедливо, чтобы добродетель преобразила меня по своему подобию, вместо того чтобы принимать мой облик. Это может ей пригодиться только тогда, когда она захочет остаться в этом мире неузнанной, ибо во мне никто не познает ее истинное лицо. Но даже будучи столь несовершенной, я, однако, питаю к вам чувства, какие позволено питать женщине, которая живет в страхе божьем и дорожит собственной честью. Но я выкажу вам их только тогда, когда сердце ваше смирится и будет терпеливо ждать, как того требует добродетельная любовь. Я и сейчас уже знаю, какие слова должна обратить к вам, но поверьте, что сами вы не любите так себя, свое благо и свою честь, как люблю их я.

Сеньор д'Аванн робко, со слезами на глазах стал умолять, чтобы она скрепила свои слова поцелуем. Но она отказалась, ответив, что ради него не нарушит обычая, принятого в стране. В самый разгар их спора явился ее муж. Сеньор д'Аванн сказал ему:

— Отец мой, я так привязан к вам и к вашей супруге, что прошу вас навеки считать меня вашим сыном.

Богатый дворянин обрадовался и сказал ему, что сам этого хочет.

— И чтобы это всегда было так, — продолжал сеньор д'Аванн, — позвольте, я вас поцелую.

И они поцеловались, после чего сеньор д'Аванн продолжал:

— Если бы я не боялся нарушить приличия, я поцеловал бы и вашу супругу, мою названую мать.

Богатый дворянин тут же приказал жене поцеловать молодого сеньора, что она и сделала, ничем не выдав, приятно ей или нет было выполнить это приказание. И пламень, который слова этой дамы зажгли в сердце влюбленного, начал разгораться после этого столь желанного для него поцелуя, в котором она только что так жестоко ему отказала.

После чего сеньор д'Аванн отправился в замок повидать брата своего, короля, и рассказывал там много всяких небылиц о своем путешествии в Монсеррат. И он услышал, что брат его, король, собирается ехать вместе с ним в Олиту и Таффалу, и решив, что путешествие это займет много времени, впал в такую печаль, что стал подумывать о том, что, быть может, если он попытает счастье еще раз, добродетельная дама окажется к нему более благосклонной, чем была. И он поселился в Памплоне на той же самой улице, где она жила, и снял себе там старую деревянную лачугу. А около полуночи он поджег свое жилище. В городе поднялся шум, и в доме богатого дворянина очень скоро узнали о том, что случилось. И когда хозяин дома, выглянув в окно, спросил, где пожар, ему ответили, что он вспыхнул в доме, где поселился сеньор д'Аванн. Тогда он тотчас отправился туда, прихватив с собой всех своих слуг, и нашел молодого человека на улице в одной рубашке. Он проникся к нему великой жалостью, обнял его и, укрыв своим плащом, привел его к себе домой, сказав жене, которая лежала в постели:

— Дорогая моя, я привел к тебе пленника, принимай его так, как ты приняла бы меня.

Не успел он уйти, как сеньор д'Аванн, которому только и хотелось, чтобы она приняла его, как мужа, прыгнул к ней в кровать, надеясь, что такое поистине счастливое обстоятельство заставит добродетельную даму изменить своему обычаю. Однако расчеты его не оправдались: как только он кинулся к ней в кровать,

она выскочила с другой стороны и мгновенно накинула платье. И, уже одетая, подошла к изголовью кровати и сказала:

— Неужели вы думаете, монсеньор, что обстоятельства могут поколебать мою добродетель? Так знайте, точно так же, как золото испытывается огнем горна, так и целомудренное сердце, когда его искушают, набирается от этого еще большей силы, чтобы справиться с искусом, и любовь охладевает в нем всякий раз, как только она столкнется с пороками. Поэтому будьте уверены, что, если бы я действительно хотела от вас чего-либо другого, а не того, о чем говорила вам, я сумела бы найти путь к этому сама. Но коль скоро я все это отвергла и не могу даже помышлять об этом, я прошу вас: если вы хотите, чтобы чувство мое к вам оставалось прежним, расстаньтесь не только со своим желанием, но и с самой мыслью о нем, ибо, что бы вы ни пытались предпринять, — знайте, я никогда не переменюсь.

Во время этого разговора вошли служанки, и госпожа им велела принести всевозможные угощения. Но сеньору д'Аванну не хотелось ни есть, ни пить. Неудача привела его в отчаяние, и он боялся, что, выказав столь ясно свое желание, он лишился теперь дружбы любимой женщины.

Вернувшись с пожара, муж этой дамы попросил сеньора д'Аванна остаться у него в доме. Но всю эту ночь несчастный не сомкнул глаз и горько плакал. А наутро, когда хозяева еще были в постели, пошел к ним проститься, — и когда он поцеловал даму, он по выражению ее лица понял, что она не сердится на него, а только его жалеет, и от этого любовь его разгорелась еще сильнее. После обеда он поехал с королем в Таффалу и перед отъездом зашел все-таки еще раз попрощаться со своим названным отцом и его женой. С тех пор как в первый раз муж велел ей поцеловать юношу, как сына, она уже не противилась этим поцелуям. Но, будьте уверены, чем больше добродетели ее мешали ей выказать пылавший в ее сердце пламень страсти, тем больше этот пламень разгорался и бушевал. И в конце концов, не будучи в силах выдержать этот поединок любви и чести и решив ничем не обнаруживать того, что творилось у нее в сердце, лишенная возможности видеть человека, который был для нее дороже жизни, бедная женщина занемогла и от всех

огорчений слегла в постель; ее все время кидало в дрожь, руки и ноги ее похолодели, а внутри у нее все горело. Лечившие ее врачи были крайне встревожены ее болезнью и, считая, что у нее разлилась желчь и что страдает она именно от этого, высказали свое мнение мужу и посоветовали ему уговорить больную подумать о душе и положиться во всем на милость божью. Как будто люди здоровые могут на нее не полагаться! Мужа, который без памяти любил жену, слова эти так опечалили, что он написал сеньору д'Аванну, прося его приехать к ним, в надежде, что общество его немного рассеет больную и утешит ее. Получив его письмо, сеньор д'Аванн незамедлительно приехал. Войдя в дом, он застал всех слуг и служанок в большом горе. Все они оплакивали свою хозяйку. Сеньор д'Аванн был так потрясен, что еле удержался на ногах и не сразу решился войти в дом. И только когда его названный отец вышел ему навстречу и, заливаясь слезами, расцеловал его, они вместе прошли в комнату, где лежала больная. Обратив на него свой томный взгляд, она взяла его за руку, а потом, собрав последние силы, притянула его к себе, обняла и поцеловала.

— О монсеньор, — с горечью в голосе сказала она, — настало время перестать притворяться и сказать вам всю правду, которую я с таким трудом старалась скрыть. И если сердце ваше полно любви ко мне, то знайте, что я люблю вас не меньше. Однако на мою долю досталось больше страданий, мне ведь пришлось скрывать это чувство, поступать наперекор желанию моему и зову сердца. Поймите, монсеньор, ни господь бог, ни честь моя не позволяли мне открыть его вам, дабы ваше чувство не стало от этого еще сильнее. Но знайте, мне каждый раз стоило такого труда произнести слово «нет», которое вы так часто от меня слышали, что от этих усилий я изнемогла и теперь умираю. И я радуюсь тому, что умираю, ибо вижу в этом особую ко мне милость господя, позаботившегося, чтобы смерть явилась ко мне раньше, чем я успела запятнать свое доброе имя. Ибо от огня, даже не столь великого, как тот, что горит у меня в груди, погибают самые незыблемые твердыни. Счастлива я и тем, что перед смертью мне дано повидать вас, что любовь моя по силе не уступит вашей, хотя вообще-то честь мужская и женская — вещи совершенно различные. И умоляю вас,

монсеньор, не страшитесь впредь обращать чувство ваше на женщин великодушных и добродетельных, ибо в их сердцах вы найдете и самую большую любовь, и самую высокую добродетель. Вы так хороши собой, так мужественны и благородны, что не должны лишать себя этой любви. Я не буду просить вас молиться за меня, ибо знаю, что врата рая открыты для тех, кто по-настоящему любил, и что всепожирающий пламень любви приносит такие страдания здесь, на земле, что те, кто был опален им, избавлены от мук чистилища. Прощайте, монсеньор, поручаю заботам вашим и попечению моего бедного мужа, вашего названного отца. И, прошу вас, расскажите ему все, что вы сейчас слышите, чтобы он узнал, как я любила господа бога и его самого. А теперь ступайте, я хочу думать только о господе и о его безмерной милости ко мне.

С этими словами она его поцеловала и обняла своими слабеющими руками так крепко, как только могла. Сеньор д'Аванн, сердце которого разрывалось от муки, не в силах был ничего ей сказать. Он вышел из комнаты и без чувств упал на кровать. Умиравшая тут же позвала мужа и, сделав все последние распоряжения наказала ему заботиться о сеньоре д'Аванне как о человеке, который, после него, был ею любим больше всего на свете. И, поцеловав мужа, она с ним простилась. И она приняла святое причастие с превеликой радостью, которая бывает только у тех, кто уверен, что спасет свою душу. И, почувствовав, что глаза ее заволакивает туманом и силы ее слабеют, она попросила читать *In manus*¹. Услыхав этот псалом, сеньор д'Аванн вскочил с постели и, преисполненный великой жалости, увидел, как она вздохнула в последний раз и спокойно отдала свою праведную душу Создателю. И когда он убедился, что она умерла, он кинулся к той, к кому при жизни боялся подойти слишком близко, и принялся обнимать и целовать бездыханное тело с такой страстью, что муж ее крайне изумился, ибо он никогда не думал, что его названный сын питал к его жене такую любовь. И в конце концов он сказал ему: «Монсеньор, вы забылись!» — после чего оба вышли из комнаты. И, проплакав долгое время, сеньор д'Аванн поведал своему названному отцу всю историю своей любви и рассказал, как до

---

¹ В руки твои (господи, предаю душу свою) (лат.).

самого последнего часа его покойная жена ничем не проявила своего чувства и была с ним всегда холодна. Несчастный вдовец был тронут этим рассказом и еще больше оплакивал свою утрату. И до самой своей смерти он старался чем-либо услужить сеньору д'Аванну. А молодой сеньор, которому было еще всего-навсего восемнадцать лет, отправился ко двору короля и остался там на долгие годы. И все эти годы он чуждался женщин и не хотел даже говорить ни с одной, безутешно скорбя о своей любимой. И более десяти лет он носил только черное платье.

— Вот, благородные дамы, насколько непохожи друг на друга женщины легкомысленные и женщины добродетельные и как по-разному они любят, — одна умерла в почете и уважении, а другая прожила жизнь долгую, но жила в бесчестии и в позоре, ибо смерть праведника всегда бывает славна перед господом, смерть же грешника мерзостна.

— Послушайте, Сафредан, вы рассказали нам замечательную историю, — сказала Уазиль, — а для тех, кто знал этого сеньора, как, например, я, она, конечно, еще интереснее. Мне не приходилось видеть другого такого красавца и такого обходительного и приятного человека, как сеньор д'Аванн.

— Подумать только, — сказал Сафредан, — что такая достойная женщина, для того чтобы показать всем, что в поступках своих она добродетельнее, нежели в мыслях, и чтобы скрыть свою любовь, которую самой природой ей было положено отдать столь благородному сеньору, предпочла лучше умереть, чем вкушать наслаждение, которого она в глубине души сама хотела!

— Если бы у нее действительно было такое желание, — возразила Парламанта, — она не раз имела возможность ему это высказать, но она была столь добродетельна, что рассудительность в ней всегда одерживала верх над страстью.

— Можете жалеть ее как хотите, — сказал Иркиан, — но я хорошо знаю, что дьявол, который посильнее, всегда побеждает слабого и что тщеславие в женщинах гораздо более распространено, чем страх или любовь к богу. Так же вот и платья у них столь длинны

и так искусно скрывают их формы, что невозможно узнать, что таится под ними. Ведь если бы здесь не была замешана честь, вы нашли бы, что природа, равно как и нас, ничем их не обделила. И только из-за того, что они не дают воли своим желанием, в них на месте одного порока гнездится другой, еще больший, но который они считают едва ли не добродетелью. Этой гордыней своей и жестокостью они рассчитывают приобрести бессмертие, возвеличивая себя тем, что противятся пороку, который свойствен самой их природе (а может ли быть природа порочна?), и тем самым становятся похожими не только на диких зверей, свирепых и кровожадных, но, что еще хуже, — на дьяволов, перенимая от них и гордость и коварство.

— Приходится лишь пожалеть, — сказала Номерфида, — что вам досталась хорошая жена. Вы этого не стоите, вы не только не цените все хорошее, но хотите еще доказать, что оно порочно.

— Я искренне радуюсь тому, — возразил Иркиан, — что жена моя не любит скандалов, как не люблю их и я, но что касается целомудрия, то все мы дети Адама и Евы. Поэтому, глядя друг на друга, нам лучше не прикрывать наготу нашу фиговым листком, а созерцая ее, признаваться в своей слабости.

— Я хорошо знаю, — сказала Парламанта, — что все мы нуждаемся в милости господней, ибо все мы грешны перед богом. Только наши грехи не приходится сравнивать с вашими. Ведь если грешить нас заставляет тщеславие, то никто, кроме нас, от этого не страдает, и ни на тело наше, ни на руки не налипают никакой грязи, для вас же главное удовольствие в том, чтобы обесчестить женщину, как и главная доблесть ваша — в том, чтобы убивать людей на войне. И то и другое противно божескому закону.

— Я готов согласиться с тем, что вы говорите, — сказал Жебюрон, — но ведь господь говорит иначе: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, прелюбодействует в сердце своем, и всякий ненавидящий ближнего своего — человекоубийца!» Так неужели, по-вашему, женщины никогда не смотрят с вожделением на мужчин и ненависть им чужда?

— Господь, который судит сердце человеческое, — сказала Лонгарина, — вынесет свой приговор; но важно, чтобы людям не в чем было нас обвинить,

ибо господь столь милостив, что человека, согрешившего только в мыслях, он не осудит. К тому же он хорошо знает, как все мы слабы, и поэтому возлюбил нас еще больше, если мы не поддадимся своей слабости.

— Прошу вас, — взмолился Сафредан, — прекратите эти споры, все это больше похоже на проповедь, чем на рассказ. Я передаю сейчас слово Эннасюите и прошу ее непременно нас чем-нибудь рассмешить.

— Я и в самом деле намереваюсь это сделать, — сказала Эннасюита, — но должна признаться вам, что, в то время как я шла сюда, думая о приготовленной мною истории, мне вдруг рассказали о двух слугах одной принцессы. Это было так забавно, что я все время хохотала и совсем позабыла про свою жалостную историю, которую, думается мне, я отложу теперь на завтрашний день, а то сейчас мне никак не удержаться от смеха и я способна только испортить этот грустный рассказ.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Некий секретарь преследовал своими бесчестными и постыдными домогательствами жену своего товарища, у которого он гостил, и видя, что она охотно слушает его признания, решил, что сердце ее покорено. Но женщина эта была весьма добродетельна и, обманув его ожидания, рассказала обо всем мужу.

Один из слуг упомянутой принцессы, ее камердинер, жил в городе Амбуазе. Это был человек очень благонаправленный, и он радушно принимал у себя всех, кто приезжал к нему в гости, — приезжали же главным образом его приятели. Однажды к нему явился один из секретарей принцессы и провел у него дней десять—двенадцать. Секретарь этот был такой урод, что наружностью своей больше походил на короля людоедов, чем на доброго христианина. И хотя хозяин принял его как брата и друга, он отплатил ему за все его радушие такой низостью, какой можно было ждать лишь от человека, в котором нет и не было никакой порядочности: он стал преследовать своими непристойными домогательствами его жену, которая менее всего

склонна была искать подобных утех, ибо добродетель этой женщины не знала себе равной во всем городе. И когда намерения секретаря перестали быть для нее тайной, она решила, что лучше ответить ему притворною благосклонностью и потом уже вывести его на чистую воду, чем отвергнуть его сразу, ибо тогда никто не узнал бы о его низости. А секретарь, полагая, что сердце этой женщины уже принадлежит ему, и позабыв, что ей пятьдесят лет и что она никогда не была красивой — не говоря уже о том, что в обществе она пользуется репутацией женщины положительной и любящей своего мужа, — продолжал упорно ее преследовать.

И вот однажды, когда муж ее был дома, а она и секретарь сидели в столовой, она сказала, что согласна увидеться с ним где-нибудь в укромном уголке, и тут же добавила, что лучше всего было бы пойти на чердак. Сама она при этом поднялась с места и попросила его идти вперед, сказав, что последует за ним. На обезьяньем лице секретаря изобразилась радость, и он стал тихонько взбираться наверх по лестнице. И страсть его разгорелась огнем, но не светлым, как пламя горящего можжевельника, а темным, как раскаленный уголь, и он все время прислушивался, не идет ли она за ним следом. Но вместо того чтобы услышать ее шаги, он вдруг услышал ее голос, говоривший:

— Господин секретарь, подождите минуту, я только спрошу мужа, позволит ли он прийти сюда к вам.

Подумайте только, благородные дамы, как должен был выглядеть этот урод в слезах, если даже улыбаясь он был похож на обезьяну? А он действительно горько заплакал и стал просить ее ради всего святого не выдавать его мужу, который был его другом.

— Но вы же его так любите, — отвечала она, — что не позволите себе обратиться ко мне со словами, которых ему не следовало бы слышать, вот я и спрашиваю его позволения.

И как он ни молил ее, как ни требовал, чтобы она этого не делала, она поступила по-своему, а муж был очень доволен, услышав, как ловко его жена постояла за свою честь и обманула негодника. И сама добродетель ее доставила ему столько радости, что он не стал ни в чем винить секретаря, считая, что тому и так должно быть стыдно — он ведь задумал учинить подобное непотребство в доме своего друга.

— Мне думается, что история эта должна научить людей порядочных не принимать у себя в доме тех, у кого нет совести и в чьем сердце нет места богу и настоящей любви.

— Хотя история ваша и очень коротка, — сказала Уазиль, — но она очень занимательна и служит к чести этой достойной женщины.

— Право же, — воскликнул Симонто, — не слишком-то уж велика честь отказать такому уроду, как этот секретарь. Вот если бы он был красивым, да к тому же еще и человеком благородным, пусть бы она тогда попробовала перед ним устоять. А так как я уж догадываюсь, о ком идет речь, то, будь сейчас мой черед, я бы сумел рассказать вам не менее занятную историю.

— За этим дело не станет, — воскликнула Эннасюита, — я передаю вам слово.

Тогда Симонто начал так:

— Те, кто привык жить при королевском дворе или в больших городах, до того высоко себя ставят, что готовы считать всех остальных людей ничего не стоящими в сравнении с ними. Но разве в других местах и среди людей совершенно другого круга мало встречается разных ловкачей и хитрецов? Во всяком случае, чем больше человек возомнит о себе и о своей хитрости, тем веселее бывает потешаться над ним, когда он совершает какой-нибудь промах. Об одном из таких происшествий, приключившихся некогда, вы и узнаете из моего рассказа.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Бернар дю Га ловко обманывает секретаря, который был уверен, что сам его обманул.

Когда король Франциск, первый этого имени, пребывал в городе Париже, а сестра его, королева Наваррская, была вместе с ним, секретарем у королевы служил некий Жан. Это был мальш себе на уме. И не было ни одного председателя или советника, с которым он бы не был знаком. Купцы и все богатые люди принимали его у себя в доме как равного. Как раз в это время в Париж прибыл один купец из Байонны по имени Бернар дю Га — в город его привели дела, он рассчитывал найти совет и заступничество главного прокурора, который был

его земляком. Секретарь королевы Наваррской, как верный слуга своих господ, точно так же нередко навевывался к прокурору. И вот, как-то в праздник, придя к нему, секретарь не застал дома ни его самого, ни жены, но зато в доме у него оказался в это время Бернар дю Га, который, играя не то на виоле, не то на каком-то другом инструменте, обучал служанок гасконским танцам. Увидев это, секретарь тут же решил ему сказать, что он поступает крайне неосмотрительно и что если только прокурор и его жена об этом узнают, они будут очень недовольны. Напугав его до такой степени, что тот стал умолять никому ничего не рассказывать, секретарь спросил его:

— А что вы мне дадите, чтобы я молчал?

Бернар дю Га, который, как оказалось, не столько действительно испугался, сколько притворился испуганным, увидев, что секретарь собрался попросту его обмануть, обещал, что пришлет ему окорок отменной гасконской ветчины, какой тот никогда не едал.

Секретарь очень обрадовался и просил его приготовить этот окорок к следующему воскресенью и прислать его после обеда, что купец и обещал. Уверенный, что купец сдержит свое обещание, секретарь отправился к одной парижской даме, за которой он ухаживал и на которой очень хотел жениться, и сказал:

— Сударыня, позвольте мне прийти в воскресенье поужинать с вами и припасите только хлеба и доброго вина, еды никакой не надо — я так ловко обманул одного олуха из Байонны, что ужинать мы будем за его счет. И я угощу вас отборной гасконской ветчиной, какой еще никогда не пробовали в Париже.

Дама поверила ему и, пригласив на ужин нескольких соседок, женщин весьма достойных, обещала угостить их новым блюдом, которого они никогда в жизни не ели.

В воскресенье секретарь отправился искать купца и нашел его на Мосту Менял. Поздоровавшись с ним, он сказал:

— Черт бы вас побрал, насилиу я вас разыскал!

На это Бернар дю Га ответил ему, что многим приходится затрачивать еще больше сил и они не получают в награду такого лакомого куска. С этими словами он вынул из-под плаща обещанный окорок, который был так велик, что его, вероятно, хватило бы, чтобы накормить целый отряд солдат. Секретарь очень обрадовал-

ся: он сложил свои большие и безобразные губы в такую умильную улыбку, что рот его сделался совсем маленьким и трудно было поверить, что в него пройдет и кусочек ветчины. Он тут же схватил окорок и, даже не пригласив купца, побежал к своей даме, которой очень хотелось узнать, действительно ли гвиенские яства не уступают парижским.

Когда сели ужинать и был подан суп, секретарь сказал:

— Все это нам уже давно приелось, давайте-ка отдаем лучше то, что поострее.

И с этими словами он стал было разрезать огромный, запеченный в тесто окорок, рассчитывая, что под тестом окажется ветчина. Но окорок оказался настолько жестким, что разрезать ножом его так и не удалось. После нескольких попыток секретарю пришлось признать, что его обманули и вместо настоящего окорока в тесто запекли большой деревянный башмак, из таких, какие носят в Гаскони. К нему была приделана головешка, и все было посыпано селитрой и какими-то пряностями с весьма приятным запахом. До чего же обидно было нашему секретарю! И не только из-за того, что обманул его человек, которого сам он рассчитывал обмануть, а из-за того, что теперь он невольно обманул даму, в которую был влюблен, будучи уверен, что говорит ей суцую правду. Ко всем прочим огорчениям добавилось и то, что, кроме супа, к ужину у них ничего не оказалось. Дамы, которые были раздосадованы не меньше его, верно, сочли бы себя одураченными, если бы по выражению его лица не догадались, что и он горюет о том, что произошло. Кое-как поужинав, но не утолив голода, секретарь в досаде ушел и решил, что коль скоро Бернар дю Га нарушил свое обещание, то и он точно так же вправе нарушить свое. И он отправился к прокурору с намерением очернить Бернара в его глазах. Но он опоздал: Бернар успел уже рассказать прокурору все сам, и тот посоветовал секретарю никогда больше не обманывать гасконца. На том пристыженному секретарю и пришлось успокоиться.

— Так всегда получается с тем, кто, полагаясь на свою хитрость, забывает обо всем остальном, и посему никогда не следует делать другим то, чего не желаешь себе.

— Уверяю вас, — сказал Жебюрон, — что мне самому нередко приходилось видеть, как человек, которого считали и неотесанным и грубым, обманывал человека образованного, ибо глупее всего неминуемо оказывается тот, кто считает себя хитрецом, а умнее всего — тот, который сознает, сколь он ничтожен.

— Разумеется, — сказала Парламанта, — уж если кто-нибудь действительно что-то знает, так это тот, кто уверен, что ничего не знает.

— В таком случае, — сказал Симонто, — мы не будем терять драгоценного времени, и я передаю слово Номерфиде; я уверен, что такая искусная рассказчица, как она, долго нас не задержит.

— Ну что же, — ответила Номерфида, — я расскажу вам такую историю, какой вы ждете. Меня насколько не удивляет, когда любовь подкашивает какому-нибудь принцу, как избавиться от опасности. Принцев воспитывают люди ученые, и было бы удивительно, если бы в чем-нибудь они оказались несведущими. Но самыми изобретательными в делах любви оказываются именно те, у кого меньше всего ума. Поэтому я расскажу вам, какую штуку выкинул один священник, а научила его этому только любовь, ибо во всем остальном он был так невежествен, что даже про честь мессу ему бывало трудно.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Некий священник, развлекавшийся с женой крестьянина, видя, что муж ее неожиданно вернулся домой, так ловко от него удрал, что тот ни о чем не догадался.

В графстве Мене, в деревне Каррели, жил богатый крестьянин, который под старость женился на молоденькой и хорошенькой женщине. Детей у нее от него не было, но она вознаграждала себя тем, что заводила друзей, с которыми ей было не скучно. Когда же она лишилась общества дворян и людей состоятельных, последним ее прибежищем стала церковь, а ее со товарищем по греху сделался тот, кому была дана власть отпускать ей грехи. Это был ее духовный пастырь, часто навещавший свою заблудшую овцу. Муж ее, который был стар и неповоротлив, ничего даже не подозревал. Но именно потому, что он был и силен и

груб, жена старалась хранить свои проделки в глубокой тайне, боясь, как бы, проведая о них, муж ее не убил. Однажды: когда старик отлучился, жена, думая, что он еще не скоро вернется, послала сказать духовнику, чтобы тот пришел ее исповедовать. И вот, в то время когда они предавались утехам любви, явился муж, причем столь неожиданно, что святой отец не успел убежать. По совету своей возлюбленной он прокрался на чердак, а люк прикрыл веялкой. Когда муж вошел в дом, жена его, чтобы ничем не возбудить его подозрений, так хорошо его угостила и принесла ему столько вина, что он, чувствуя себя усталым после работы в поле и притом изрядно выпив, уснул тут же у очага, сидя на стуле. Духовник, которому наскучило торчать на чердаке, слыша, что все стихло, высунулся из люка и, вытянув, как только мог, шею, увидел, что хозяин дома спокойно спит. Но в эту минуту он так приналег на веялку, что она соскочила и он упал вместе с ней вниз, к ногам спящего, который от страшного шума, разумеется, тут же проснулся. Святой отец успел, однако, вскочить на ноги и как ни в чем не бывало сказал:

— Вот ваша веялка, куманек, и большое вам за нее спасибо.

Сказав это, он тут же исчез. А крестьянин, со сна ничего не разобрав, только спросил жену:

— Что там такое?

— Друг мой, — отвечала она, — это священник принес веялку, которую он у нас брал.

— Чего же он так ее швыряет, — проворчал крестьянин, — я уж думал, что крыша обвалилась.

Так вот и спасся находчивый священник, отделавшись всего-навсего тем, что его поругали за неуклюжесть.

— Благородные дамы, злой дух, которому он служил, спас его на этот раз, чтобы подольше его помучить и поддержать в своей власти.

— Не думайте, пожалуйста, что среди людей простых не бывает плутов, — сказал Жебюрон, — как раз напротив, их там еще больше, чем среди нас. Взять хотя бы мошенников, убийц, колдунов, фальшивомонетчиков и прочих хитрецов, не знающих покоя, — все ведь это люди бедные, ремесленники.

— По-моему, нет ничего странного в том, что эти люди похитрее других, — сказала Парламанта, — удивительно только, что, будучи столь заняты, они находят еще время для любви и что чувство столь благородное может зародиться в сердце простолюдина.

— Сударыня, — воскликнул Сафредан, — разве вы не знаете, что наш прославленный Жан де Мен сказал:

Найдут влюбленные друг друга,
Будь шелк на них или дерюга.

Однако любовь, о которой говорится в этом рассказе, не связывает человека по рукам и ногам. Так как у людей простых нет ни богатств, ни почестей, природа предоставляет в их распоряжение другие дары, в которых нам бывает отказано. Пища у них не так изысканна, как у нас, но аппетит у них лучше, и грубый хлеб кажется им вкуснее, чем нам — вся наша привередливая кухня. Постели у них не такие мягкие, как у нас, белье не такое тонкое, зато спят они крепче, чем мы. И сон для них — настоящий отдых. Среди них вы не встретите разодетых и раскрашенных дам, от которых мы без ума; однако любовью они наслаждаются чаще, чем мы. Им не приходится взвешивать каждое свое слово, им некого бояться, ибо видят их только звери да птицы. Они лишены того, что есть у нас, но зато у них в избытке все то, чего у нас нет.

— Прошу вас, — сказала Номерфида, — не будем больше говорить об этом крестьянине и о его жене, и чтобы закончить наши рассказы до начала вечерней молитвы, предоставим слово Иркану.

— У меня действительно припасена для вас одна история, — сказал Иркан, — такая необыкновенная и жалостная, каких вы, пожалуй, не слыхивали. Мне, правда, неприятно рассказывать дурное об одной из вас, женщин; я-то ведь знаю, что мужчины — народ такой злонамеренный, что стоит только какой-нибудь женщине оступиться, как они сейчас же возведут поклеп и на всех остальных. Но история эта настолько необычна, что я на этот раз, пожалуй, откину свои опасения. К тому же, может быть, подумав о том, какие случайности бывают на свете, женщины станут более осмотрительными. Итак, я без страха приступаю к своему рассказу.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТАЯ

Юноша лет четырнадцати—пятнадцати, думая, что он улегся спать с одной из девушек, живших у его матери, в действительности разделил ложе с собственной матерью, и через девять месяцев она родила дочь, на которой он же спустя двенадцать или тринадцать лет женился, не зная ни того, что она его дочь, ни того, что она его сестра, равно как и она не знала, что он — ее отец и вместе с тем брат.

В царствование короля Людовика Двенадцатого, когда легатом Авиньонским был один из представителей рода Амбуазов, племянник легата Французского, в Лангедоке жила некая дама, имя которой не стоит называть из уважения к ее роду; дама эта имела больше четырех тысяч дукатов годового дохода. Она очень рано овдовела и жила со своим единственным сыном. Она так чтילה память своего покойного мужа и так любила ребенка, что решила больше никогда не выходить замуж. А чтобы избежать всякого соблазна, она нигде не бывала и посещала только людей благочестивых, ибо считала, что стечение обстоятельств может ввести во грех, и не знала, что грех сам может создать стечение обстоятельств. Итак, молодая вдова перестала бывать в обществе и всецело предалась благочестию, столь строгому, что ей даже стало казаться, что грешно присутствовать на свадьбе или слушать церковный орган. Когда сыну исполнилось семь лет, она наняла ему учителя, человека очень праведного, который наставлял его богоугодной жизни и благочестию. Но когда мальчику исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет, другой его учитель — и притом тайный — природа, воспользовавшись его досугом и хорошим здоровьем, обучила его кое-каким вещам, которым его наставник не уделял ни малейшего внимания. Мальчик начал заглядываться на все красивое, и в нем стали пробуждаться желания. Среди прочих особ женского пола внимание его привлекла молодая девушка, которая спала в комнате его матери. Но никто этого не заметил, ибо все считали его ребенком. К тому же в доме привыкли вести только благочестивые разговоры. И вот подросток начал приставать к этой девушке и тайно домогаться ее любви. Девушка тотчас же сказала об этом своей госпоже, но та души не чаяла в сыне и решила, что она говорит ей все это, чтобы их поссорить.

Но девушка была так настойчива, что ее госпоже оставалось только ответить:

— Я узнаю, правда ли все, что ты говоришь; если же окажется, что ты на него только попусту наговариваешь, ты у меня за это заплатишься.

И чтобы во всем удостовериться самой, она велела девушке заручиться согласием ее сына прийти ровно в полночь и лечь к ней в постель, — девушка спала в одной комнате со своей госпожой, но в отдельной кровати, которая стояла возле двери. Девушка так и сделала, а когда настал вечер, вдова улеглась к ней на кровать сама, решив, что, если все, что она сказала, — правда, она так проучит сынка, что впредь, ложась в постель с женщиной, он всегда будет вспоминать об этом дне.

И вот, в то время когда она обдумывала все это и пребывала в гневе, сын ее прокрался в спальню и лег к ней в постель. Мать все еще никак не хотела допустить мысли, что он сделал это с дурным намерением, и поэтому не сказала ему ни слова. После чего она заметила, что лежать спокойно он вовсе не намерен, но все-таки отказывалась поверить, что мальчишеские желания могут довести его до греха. И она оказалась настолько снисходительной и к тому же податливой, что гнев ее сменился наслаждением, которое было более чем отвратительно, ибо она совсем забыла, что она мать. И подобно тому, как внезапно хлынувший поток, который сдерживался силой, рушит на своем пути все преграды и становится еще стремительнее, так и дама эта, долго сдерживавшая свою плоть, теперь вдруг дала ей полную волю. Достаточно было сделать первый шаг — потом она уже была не в силах остановиться. Но едва только грех этот был совершен, как ее стали одолевать угрызения совести, и муки эти были так велики, что потом всю жизнь она не могла от них избавиться. Ей стало так тяжело на душе, что она поднялась с постели, оставив там сына, который был убежден, что с ним все время находилась молодая девушка, и, уединившись в маленькой комнате, весь остаток ночи плакала там и рыдала. Но вместо того чтобы смириться и признать, что одна только милость господня может помочь нам справиться с вожделением, она думала, что слезами своими смоет свой проступок и будет достаточно благо-разумна, чтобы впредь избежать всякого зла. И она оправдывала грех свой, приписывая его обстоятель-

ствам, а не злomu умыслу, от которого никто, кроме господa, уберечь не может. Она стала думать о том, как сделать, чтобы с ней это больше не повторилось. И ведя себя так, как будто это единственный грех, которого ей следует опасаться, она употребила все свои силы на то, чтобы его избежать. Но гордыня ее, которая, казалось бы, должна была смириться после содеянного ею греха, в действительности возрастала, — и стараясь спасти себя от одного зла, она совершила немало других. Наутро, едва только рассвело, она послала за наставником своего сына и сказала ему:

— Мой сын уже подросток, и пора его куда-нибудь пристроить. У меня есть один родственник, капитан Монтесон, состоящий на службе у главнокомандующего Шомона. Он будет рад его к себе взять. Везите его туда сейчас же — и, чтобы мне не было так жаль расставаться с ним, пусть лучше он уезжает, не простившись со мной.

Отдав все распоряжения, она вручила наставнику необходимые для поездки деньги. Наутро сына ее увезли. Мальчик был этим очень доволен, ибо, насладившись любовью, он мечтал поскорее отправиться на войну.

Вдова долгое время пребывала в великой печали. И если бы не страх перед богом, она бы, вероятно, решила умертвить ребенка, которого носила в своем чреве. Она сказалась больною и постоянно куталась в плащ, чтобы никто не заметил ее брюхатости, а когда настало время родить, она решила, что единственный человек, которому она может довериться, — это ее сводный брат, бастард, которому она в свое время сделала много добра. Она сказала ему, что ждет ребенка, не назвав только имени виновника, и попросила его помочь ей скрыть свое бесчестие, на что тот охотно согласился. За несколько дней до родов он объявил всем, что сестра его больна, что ей необходимо переменить обстановку, и пригласил ее на время перебраться к нему в дом. Она поехала туда, взяв с собою одну или двух служанок. Жена ее брата вызвала к ней повитуху, причем последней не было даже сказано, у кого она принимает ребенка. И вот однажды ночью женщина эта разрешилась от бремени хорошей здоровой девочкой. Брат ее поручил ребенка кормилице, которая не сомневалась в том, что это его собственная дочь. Вдова же, прожив у

брата около месяца и уже совершенно поправившись, вернулась домой и стала вести еще более строгий образ жизни, соблюдая посты и усердно молясь богу. Но когда сын совсем возмужал, он стал просить мать разрешить ему вернуться домой, ибо войны в Италии тогда не было. Боясь, как бы все не повторилось снова, мать его сначала не соглашалась, но он был очень настойчив, и ей неудобно было ему отказать. Она тогда поставила условием, чтобы, прежде чем вернуться домой, он женился на девушке, которую выбрал бы по любви, наказав ему не гнаться за богатством, лишь бы будущая жена его была дворянкой. Как раз около этого времени брат этой дамы, видя, что девочка, вверенная его попечению, подросла и похорошела, решил отправить ее куда-нибудь подальше, где бы ее никто не знал, и по совету матери отдал ее королеве Екатерине Наваррской. И до двенадцати—тринадцати лет девочка жила при дворе этой королевы, которая очень к ней привязалась и решила выдать ее замуж за человека знатного и достойного. Но так как она была бедна, то, хотя многие кавалеры ухаживали за нею, руки ей никто не предложил. И вот однажды ко двору королевы явился сын той самой вдовы, о которой уже шла речь. И он влюбился в эту девушку, не подозревая, что это его родная дочь. А так как мать разрешила ему жениться на ком он хочет, он ни о чем ее не спрашивал, кроме одного — из дворян она или нет. И, узнав, что она дворянка, попросил у королевы Наваррской ее руки. Королева охотно согласилась на этот брак, ибо знала, что жених богат и к тому же красив и благороден.

Женившись, дворянин написал об этом матери, добавив, что теперь она уже не должна препятствовать его возвращению в родной дом, ибо он выполнил то условие, которое она ему поставила, и привезет с собой молодую жену — прелестнейшую из женщин. Мать осведомилась, на ком он женился, и узнала, что это была именно та самая девочка — ее дочь и вместе с тем дочь ее сына, — и она пришла в такое отчаяние, что готова была умереть, ибо видела, что, чем больше она старается избежать несчастья, тем неотвратимей оно становится. Раздумывая о том, как поступить, она решила отправиться к легату Авиньонскому и, признавшись ему в совершенном ею страшном грехе, спросила, что ей теперь следует делать. Легат же, чтобы успо-

коить ее совесть, призвал для совета несколько докторов богословия и, не называя имен, рассказал им все обстоятельства дела. Ученые богословы решили, что дама эта никогда не должна ничего рассказывать о случившемся своим детям, ибо те ничего не ведали и посему никакого греха не совершили. Самой же ей надлежит каяться до конца жизни — и так, чтобы они никогда об этом не узнали. С этим несчастная и возвратилась домой, и вскоре туда же приехал ее сын с невесткой. Молодые люди нежно любили друг друга и жили между собой в дружбе и полном единении, ведь она приходилась ему дочерью, сестрой и женой, а он ей — отцом, братом и мужем. И так они жили всю жизнь, а их бедная мать, поглядев на их счастье, каждый раз уходила потом к себе и заливалась слезами.

— Вот, благородные дамы, как бывает с теми, кто мнит собственными силами и добродетелью победить любовь и природу человека, которую господь наделил столь великою властью. Лучшее, что может сделать человек, — это не тягаться с таким врагом, а, признав слабость свою, обратиться к истинному другу своему, Христу, и сказать ему словами псалмопевца: «Господи, тесно мне, спаси меня!»

— Вот уж поистине необыкновенная история, — сказала Узиль, — мне кажется, что после этого каждой из нас следует склонить голову и преисполниться страха божия, ибо мы видим, как человек, намереваясь совершить добро, совершает вместо этого столько зла.

— Помните, — сказала Парламанта, — что всякая самоуверенность отдаляет человека от бога.

— Должно быть, только тот и мудр, — добавил Жебюрон, — кто злейшим врагом своим почитает себя самого и кто не доверяет ни воле своей, ни разуму.

— С каким бы добрым намерением это ни делалось, — сказала Лонгарина, — нет таких благих целей, ради которых женщине следовало бы лечь в постель с мужчиной, будь он даже ее самый ближайший родственник: нельзя ведь играть с огнем.

— Скорее всего это была какая-нибудь сумасбродная святоша, которой монахи вбили в голову, что она праведница, — сказала Эннасюита. — Ведь среди францисканцев немало таких, которые хотят нас уверить,

что все мы можем стать праведниками, стоит лишь нам этого захотеть, что есть величайшее заблуждение.

— Есть ли такие безумцы, Лонгарина, — сказала Узиль, — которые в это верят?

— Есть и такие, что идут еще дальше, — ответила Лонгарина, — они внушают себе, что надо приучаться к целомудрию, и чтобы испытать себя, вступают в разговоры с самыми красивыми женщинами, а потом начинают целовать их и гладить, чтобы удостовериться, что их собственная плоть в это время совершенно мертва. А если, упражняясь так, они начинают испытывать волнение, они тут же расстаются с красавицей и обращаются к посту и молитве. Когда же плоть их настолько укрощена, что ни разговоры с женщиной, ни поцелуи их нисколько не трогают, они решаются на самое трудное испытание, которое заключается в том, чтобы лечь с женщиной в постель и обнимать ее, не испытывая при этом ни малейшего вожделения. Но если кому-то одному и удалось в этом положении избежать греха, столько других осрамилось, что архиепископ города Милана, где все это происходило, вынужден был разделить мужчин и женщин и поместить тех и других в особые монастыри.

— Вот уж поистине крайняя степень безумия, — сказал Жебюрон, — стараться без божьей помощи избежать греха и так настойчиво искать случая, который вводит во грех.

— Есть другие, которые поступают как раз напротив, — сказал Сафредан, — они бегут всяческих соблазнов, и тем не менее искушение преследует их повсюду. Святой Иероним и тот, сколько ни бичевал свою плоть и ни уходил в пустыню, должен был все же признать, что не мог избежать огня, который горел в его теле. Вот почему следует вверить себя господу, ибо если господь не поддержит нас, мы непременно споткнемся.

— Но вы не заметили того, что заметил я, — сказал Иркиан, — пока мы рассказывали наши истории, монахи там за изгородью опять пропустили мимо ушей колокольный звон, созывавший их к вечерне. Но стоило нам заговорить о боге, как они тут же ушли и сейчас вот звонят второй раз.

— Мы хорошо сделаем, если последуем за ними, — сказала Узиль, — и возблагодарим господу за то, что мы так весело провели сегодняшний день.

С этими словами все встали и направились в церковь, где благоговейно прослушали вечерню. После чего пошли ужинать, все еще обсуждая только что слышанное и вспоминая многие происшествия, бывшие в их жизни, чтобы решить, какие из них стоят того, чтобы их рассказать. И проведя опять вместе весь вечер, отправились отдыхать в надежде, что наутро они смогут продолжать развлечения, которые были им так приятны. Таким образом окончился третий день.

Конец третьего дня

Д Е Н Ъ П Я Т Ы Й

В пятый день беседа идет о добродетели девушек и женщин, которые честь свою ставят выше, чем наслаждение; говорится также и о тех, кто поступает как раз напротив, и о простодушии некоторых иных.

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда настало утро, госпожа Уазиль приготовила для всех пищу духовную, столь благостную, что после нее все почувствовали себя подкрепившимися и телом и духом. Вся компания слушала ее с большим вниманием, и все признали, что ни одно чтение не было столь полезно для них, как это. И услышав, что пробили последний удар колокола, звавшего к утренней мессе, все отправились в церковь и предались размышлениям о святых истинах, которые они только что слышали. Выслушав мессу и немного погуляв, все сели за стол и обещали друг другу, что день этот они постараются провести еще интереснее, чем предыдущие. А Сафредан сказал, что был бы рад, если бы мост строился еще целый месяц, до того хорошо проходит у них время. Но тамошний аббат торопил с окончанием работ; он вовсе не хотел, чтобы это благородное общество надолго оставалось в монастыре, ибо в присутствии гостей он стеснялся принимать паломниц, которые в обычное время довольно часто навевывались в эту обитель. Когда же после обеда все отдохнули, компания вернулась к своему обычному времяпрепровождению. После того

как все расселись на лужайке, Парламанту спросили, кому она предоставит слово.

— Мне кажется, — сказала она, — что Сафредан хорошо начнет сегодняшний день. По его лицу я вижу, что он не собирается заставить нас плакать.

— Благородные дамы, — сказал Сафредан, — вы будете очень жестоки, если не пожалеете францисканца, о котором я собираюсь сейчас говорить. Из историй, которые мы недавно слышали, вы могли заключить, что участницами их являлись бедные женщины, — и монахи, полагая, что с ними легко будет справиться, не испытывали ни малейшего страха. Но для того чтобы все знали, что ослепленные вожделением, люди эти действительно способны потерять и благоразумие и всякий страх, я расскажу вам одну историю, которая произошла во Фландрии.

НОВЕЛЛА СОРОК ПЕРВАЯ

В рождественский сочельник к одному францисканцу явилась молодая девушка, прося исповедать ее, и он наложил на нее такую необычную епитимию, что она отказалась выполнить ее и ушла, так и не получив отпущения грехов. Когда госпожа ее об этом узнала, она приказала высечь злонамеренного монаха у себя на кухне, а потом связать ему руки и ноги и отвезти к настоятелю монастыря.

В тот год, когда Маргарита Австрийская приезжала в Камбре по поручению племянника своего, императора, чтобы заключить от его имени мир с Христианнейшим Королем, которого представляла его мать, Луиза Савойская, в свите Маргариты находилась графиня Эгмонт, которая слыла первой красавицей во всей Фландрии. После того как это важное поручение было выполнено, графиня Эгмонт направилась к себе домой, и когда наступил рождественский пост, послала во францисканский монастырь попросить, чтобы оттуда прислали к ней в замок опытного духовника, который мог бы прочесть проповеди и исповедовать ее самое и всех ее домочадцев.

Настоятель монастыря, который получал всегда от Эгмонтов и Фьеннов большие доходы, постарался выбрать для этой цели достойнейшего из монахов. И так как монастырь этот хотел, чтобы уважение и дружба знатных домов доставались ему, а не другим, в замок

был послан самый способный проповедник; в течение всего поста он говорил отличные проповеди, и графиня была им очень довольна. В рождественскую ночь графиня захотела причаститься и послала за своим духовником. И после того как она исповедалась в часовне, которая была наглухо заперта, чтобы соблюсти полную тайну, — на исповедь пришла ее придворная дама, которая затем послала к почтенному духовнику и свою дочь. И когда девушка рассказала ему свою жизнь и святому отцу стали известны кое-какие ее секреты, он возымел желание наложить на нее не совсем обычную епитимью.

— Дочь моя, — сказал он, — грехи твои столь велики, что, для того чтобы получить отпущение их, тебе надобно носить мою веревку на голом теле.

Девушка не хотела послушаться и ответила:

— Дайте мне эту веревку, отец мой, и я обещаю вам, что буду ее носить.

— Дочь моя, — ответил монах, — я должен повязать ее тебе сам, своими руками, а потом из этих же рук ты примешь отпущение всех твоих грехов.

Девушка расплакалась и сказала, что не станет этого делать.

— Как, — воскликнул духовник, — еретичка ты, что ли, что отказываешься от епитимьи, которую накладывает на тебя господь и мать наша, Пресвятая церковь?

— Я хожу на исповедь, — сказала девушка, — как это велит Церковь, и хочу получить отпущение грехов и для этого исполнить епитимью, но я не хочу, чтобы вы прикасались ко мне руками; в таком случае я отказываюсь от вашей епитимьи.

— Что же, раз так, — сказал духовник, — я не могу отпустить тебе грехи.

Девушка поднялась с колен и ушла со смущенной душой. Она была так молода и неопытна, что ее охватил страх и она стала думать, что, может быть, была не права. Наутро, когда окончилась месса и графиня Эгмонт приобщилась святых тайн, ее придворная дама собралась последовать ее примеру и спросила дочь, готова ли она. Девушка расплакалась и сказала, что не получила отпущения грехов.

— А что же ты столько времени делала у духовника? — спросила ее мать.

— Ничего, — ответила дочь, — когда я отказалась от епитимьи, которую он на меня наложил, он отказал мне в отпущении грехов.

Мать стала осторожно допытываться о причине этого и узнала, какую странную епитимью святой отец хотел наложить на ее дочь. И она послала девушку исповедоваться к другому духовнику, после чего обе они причастились. А когда графиня вернулась из церкви, придворная дама пожаловалась ей на монаха, поступок которого изумил и огорчил графиню, ибо она была о нем очень хорошего мнения. Но в то же время, несмотря на весь свой гнев, она не могла не рассмеяться, услышав о столь необычной епитимье. Смех этот, впрочем, не помешал ей расправиться с монахом: она велела схватить его, отвести на кухню и там высечь. И когда его стали сечь, он сам признался во всем.

После этого его связали и отправили к настоятелю монастыря, графиня же попросила настоятеля в следующий раз прислать к ней проповедника более достойного.

— Судите сами, благородные дамы, если даже в столь знатном доме монахи эти не боятся предаваться безумствам, то что же они позволяют себе в жилищах простых людей, куда они приходят собирать на монастырь и где им так легко и удобно творить бесчинства, что просто чудо, если они устоят от искушения! Вот почему я прошу вас, благородные дамы, чтобы осуждение свое вы сменили на сочувствие. Подумайте только, ведь тот, кто ослепляет монахов, не щадит и дам, как только ему представится для этого удобный случай.

— Ну и негодяй же этот францисканец, — воскликнула Узиль. — Быть монахом, священником и проповедником и сотворить такую мерзость в рождественский сочельник, в церкви, да еще во время исповеди, — ведь от всего этого грех его становится еще тяжелее!

— Послушать вас, так окажется, что францисканцы должны быть настоящими ангелами или самыми мудрыми из людей! — сказал Иركان. — Но вы уже слышали о них столько всего дурного, что должны бы считать их еще хуже, чем они есть на самом деле. По моему, духовника этого можно простить: ведь это же

было ночью и он был с глазу на глаз с красивой девушкой.

— Действительно, ночью, — сказала Уазиль, — но ведь это была рождественская ночь.

— Поэтому-то он больше всего и заслуживает извинения, — сказал Симонто. — Очутившись на месте Иосифа возле красивой девушки, он хотел сделать ей маленького ребенка, чтобы разыграть таинство Рождества Христова.

— Ну, уж если бы он подумал об Иосифе и о деве Марии, — сказала Парламанта, — он никогда бы не позволил себе такое непотребство. Во всяком случае, это был человек дурной, если по столь ничтожной причине он решился на такое злое дело.

— Но графиня так хорошо его наказала, — заметила Уазиль, — что товарищам его впредь будет неповадно.

— Только я не уверена, — сказала Номерфида, — правильно ли она поступила, так опозорив своего ближнего. Не лучше ли было бы, если бы она просто пожурела его за этот проступок, а не выставляла на всеобщее поругание?

— По-моему, так действительно было бы лучше, — согласился с ней Жебюрон, — ведь сказано же, что мы должны исправлять ближнего нашего с глазу на глаз, до того как мы обнародуем его проступок перед всеми людьми и перед Церковью. Ведь как только человека опозорят, его уже не удастся исправить, а тайный стыд с такой же силой отвращает людей от греха, как и голос совести.

— А я думаю, — сказала Парламанта, — что этому евангельскому совету надлежит следовать в отношении всех, но отнюдь не в отношении людей, которые проповедуют Евангелие, а сами поступают напротив. И не надо бояться бесчестить тех, кто бесчестит весь род людской. И мне кажется, что это большая заслуга: показать нам их такими, каковы они на самом деле, дабы мы не приняли стекляшку за настоящий рубин. Но кому же Сафредан предоставит слово?

— Раз уж вы меня спросили об этом, то именно вам, — сказал Сафредан, — вы по праву этого заслужили.

— Ну, раз вы так добры ко мне, я расскажу вам одну историю, свидетелем которой я была сама. Мне постоянно приходилось слышать, что, чем слабее и немоцнее

добродетель и чем сильнее и могущественнее ее противник, тем более она достойна хвалы и тем полнее она себя выказывает. Нет ведь ничего удивительного в том, что сильный может отбиться от сильного, но если побеждает слабый, слава его поистине велика. Что же касается людей, о которых я собираюсь говорить, то мне кажется, что я была бы несправедлива к добродетели, которую мне довелось увидеть в столь скромном обличи, что она оставалась никем не замеченной, если бы умолчала о девушке, которая вела себя столь благородно. Вот почему я хочу рассказать вам ее историю.

НОВЕЛЛА СОРОК ВТОРАЯ

Молодой принц влюбился в девушку, но, несмотря на то, что она происходила из совсем простой и бедной семьи, ему не удалось ничего от нее добиться и все старания его оказались тщетными. Поэтому, убедившись в том, что она добродетельна и чиста, принц оставил свои намерения и до конца жизни продолжал относиться к ней с большим уважением, оказал ей много всяких благодеяний и выдал замуж за одного из своих слуг.

В одном из лучших городов Турени жил некий сеньор, происходивший из богатого и знатного дома и получивший отличное воспитание. Достаточно сказать, что в его время никто не мог сравняться с ним в красоте, доблести и прочих достоинствах. Когда ему было пятнадцать лет, он увлекался охотой и верховой ездой и не обращал ни малейшего внимания на красивых женщин. И вот однажды, будучи в церкви, он увидел молодую девушку, которая воспитывалась в том самом замке, где он жил в детстве. Когда мать его умерла, отец женился вторично, после чего она удалилась в Пуату вместе со своим братом. У этой девушки, которую звали Франсуазой, была побочная сестра; отец очень ее любил и выдал замуж за кравчего, служившего у этого молодого принца, и она стала самой богатой и знатной из всей семьи. Умирая, отец оставил Франсуазе усадьбу, находившуюся близ этого города в Турени, и после его смерти она переехала туда. А так как ей было уже шестнадцать лет и ей приходилось думать о том, чтобы выйти замуж, она не захотела оставаться одна в доме и переехала жить к сестре, которая была замужем за

кравчим. Когда молодой принц увидел эту девушку, которая была довольно красива для шатенки и манерами не походила на девушек своего круга — ибо ее скорее можно было бы принять за дворянку или за принцессу, чем за простую горожанку, — он стал к ней приглядываться. Он никого еще в жизни не любил, а тут почувствовал в сердце своем неизъяснимое волнение. И, вернувшись к себе домой, он стал расспрашивать о том, кто эта девушка, которую он увидел в церкви. А узнав, что та, когда была еще маленькой девочкой, приходила в замок играть с его сестрой в куклы, он напомнил о ней сестре, и та послала за Франсуазой и очень ласково ее приняла, прося навещать ее почаще. И девушка стала приходить к ним каждый раз, когда при дворе бывала какая-нибудь свадьба или другие торжества, и молодому принцу всегда бывало приятно ее видеть. И ему стало казаться, что он ее полюбил. А так как он знал, что она из простой семьи и бедна, он надеялся, что она ни в чем ему не откажет. Но не имея возможности поговорить с ней, он послал к ней одного из своих придворных, поручив передать ей все на словах. Она же, будучи девушкой скромной и богобоязненной, ответила, что не верит, чтобы такой красавец и человек столь благородной крови, как принц, мог прельститься дурнушкой. Она добавила, что в замке немало красивых женщин и ему незачем искать их среди горожанок, что скорее всего придворный придумал все это сам и господин его тут ни при чем. Когда молодому принцу передали ее ответ, Амур, который всегда ожесточается там, где ему больше всего противятся, еще сильнее разжег в нем страсть и сделал его настойчивее и упорнее. И принц написал девушке письмо, прося ее верить всему, что ей скажет посланный им придворный. Та умела читать и писать и поэтому прочла письмо с начала до конца, но, как придворный ни умолял ее ответить, отказалась наотрез и объяснила свой отказ тем, что ей, девушке столь низкого звания, не пристало писать благородному принцу, на словах же просила передать, что она не настолько глупа, чтобы поверить его признаниям в любви; если же он собирается воспользоваться ее бедностью и позабавиться с нею, он ошибается, потому что в душе она так же честна, как и самая знатная из принцесс всего христианского мира, и считает, что нет на свете сокровища,

которое могло бы сравняться с честью и совестью. И она попросила его не мешать ей беречь это свое сокровище, сказав, что даже если бы ей пришлось умереть, решение ее непреклонно. Молодому принцу ответ этот пришелся не по вкусу, но он продолжал все так же любить ее и не пропускал случая увидиться с нею в церкви, куда она приходила слушать мессу. И во время службы он то и дело обращал на нее взоры. Но как только девушка это заметила, она переменяла место в церкви и стала ходить молиться в другой придел. И не для того чтобы его не видеть, — ибо она достаточно разбиралась в том, что хорошо, и вид его не мог ей не быть приятен. Но она считала, что недостойна его настоящей любви и не может быть ему парой, и вместе с тем не хотела служить для него предметом забавы. И когда она заметила, что в каком бы уголке церкви она ни уединялась, принц непременно появлялся там же и по его приказанию служба шла именно там, она вообще перестала посещать эту церковь и стала ходить в другую, которая была дальше. А когда в замке праздновались свадьбы, она уже не присутствовала на них, несмотря на то, что сестра принца часто ее приглашала, и отказывалась каждый раз, ссылаясь на нездоровье. Видя, что ему так и не удастся поговорить с нею, принц обратился к кравчему и обещал ему большую награду, если он поможет ему в этом деле, на что тот охотно согласился, стремясь угодить своему господину и рассчитывая получить обещанную мзду. И он стал каждый день докладывать принцу о том, что говорит и делает Франсуаза, и принц узнавал от него, что она всячески старается избежать встречи с ним. Но влюбленному так хотелось с ней объясниться, что он начал искать к этому пути. Он упражнялся в искусстве верховой езды, и вот однажды он велел вывести своих лучших коней на большую городскую площадь, прямо перед домом кравчего, где жила и Франсуаза. И, сделав верхом несколько пробегов и прыжков, которые она могла хорошо видеть, он упал с лошади в грязь и все так искусно разыграл, что не причинил себе никакого вреда. Но он все же стал жаловаться на боль и спросил, куда бы ему пойти, чтобы переодеться. Каждый старался пригласить его к себе, но кто-то заметил, что дом кравчего ближе всего и ему там будет всего удобнее. И тогда принц решил остановить свой выбор на этом доме. Его провели в хорошо

убранную комнату, а так как вся его одежда была выпачкана в грязи, ему пришлось раздеться; и, оставшись в одной рубашке, он улегся в постель. Когда же он увидел, что все удалились, унеся с собою его одежду, и с ним остался только его придворный, он позвал у себе хозяев дома и спросил их, где находится Франсуаза. Найти ее было нелегко; едва только она увидела, что молодой принц зашел к ним в дом, она спряталась в каком-то укромном уголке. В конце концов ее сестра все-таки нашла ее и сказала ей, чтобы она не боялась, а вышла и поговорила с принцем, ибо тот человек и благородный и достойный.

— Что я слышу, сестрица, — вы, кого я почитаю за мать, вы советуете мне пойти поговорить с молодым сеньором, чьи намерения, как вы знаете, не составляют для меня тайны?

Но сестра принялась ее увещевать и заверила, что не оставит ее одну. И Франсуаза последовала за ней, такая бледная и грустная, что вид ее мог вызвать не страсть, а скорее жалость.

Когда принц увидел, что она подошла к его постели, он взял ее дрожавшую холодную руку и сказал:

— Франсуаза, неужели я, по-вашему, такой жестокий, такой злобный человек, что мне достаточно взглянуть на женщину, чтобы сожрать ее заживо? Почему же вы так боитесь того, кто больше всего печется о вашей чести и о вашем благе? Вы знаете, что я везде искал случая видеть вас и говорить с вами, но мне это никак не удавалось. Чтобы причинить мне огорчение, вы перестали бывать в тех местах, где я привык встречать вас за мессой, вы захотели, чтобы не только уста мои не могли ничего сказать вам, но и глаза мои лишились своей последней радости. Но все это ни к чему не привело — как и прежде, я добивался встречи с вами, и вы видите, каким способом я пробрался к вам в дом. Я чуть не сломал себе шею, я нарочно упал с лошади только для того, чтобы вкусить наслаждение от разговора с вами наедине. Поэтому прошу вас, Франсуаза, раз эта встреча досталась мне такой ценой, пусть она не будет напрасной и пусть моей великой любовью я завуюю и вашу.

Он долго ждал ее ответа — и видя, что на глазах у нее появились слезы и она потупила взор, он притянул ее к себе и попытался обнять и поцеловать.

— Нет, ваша светлость, — решительно сказала она, — нет! Тому, чего вы хотите, не бывать, ибо пусть я даже всего лишь букашка в сравнении с вами, честь моя так мне дорога, что я готова лучше умереть, чем поступиться ею, какие бы улады мне это не сулило. И от страха перед теми, кто видел, как вы пришли сюда, и кто догадывается, чего вы от меня хотите, я трепещу и дрожу. А раз уж вам было угодно оказать мне такую честь и говорить со мной, то не посетуйте на меня, если я отвечу вам так, как мне велит моя честь. Ваша светлость, я вовсе не так глупа и не так слепа, чтобы не видеть и не знать, каким красивым и каким обходительным господь создал вас, и чтобы не понимать, что та, которой достанется красота и любовь такого принца, будет счастливейшею из смертных. Но что мне до всех этих благ, если все это — не для меня и не для женщины моего положения, и было бы величайшим безумием, если бы я стала даже помышлять об этом? Что же заставляет вас обращаться ко мне? Должно быть, дамы вашего двора (которых вы, разумеется, любите, если вы вообще любите красоту и женскую прелесть) столь добродетельны, что вы даже не смеете ни о чем просить их, не надеясь получить то, что вы рассчитываете найти у меня, которая много ниже их по званию? И я уверена, что стоит вам добиться своего от такой, как я, вы будете лишних два часа потешаться потом с вашей возлюбленной, рассказывая ей о победах, которые вы так легко одержали над женской слабостью. Но да будет вам известно, ваша светлость, что я не принадлежу к числу таких женщин. Я воспитывалась у вас в доме, и там я поняла, что значит любить; отец мой и мать были вашими верными слугами. Поэтому, коль скоро господь не сделал меня ни принцессой, которая могла бы выйти за вас замуж, ни ветреницей, которая могла бы стать вашей любовницей и подругой, не причисляйте меня к этим несчастным и знайте, что я почитаю вас за достойнейшего из принцев, какие только существуют на свете. А если для того чтобы вместе провести время, вам нужна женщина моего состояния, то у нас в городе вы найдете немало таких — и притом более красивых, чем я, — и вам не придется так долго их упрашивать. Поэтому остановите ваш выбор на такой из них, которой вы доставите удовольствие тем, что купите ее честь, и не терзайте ту, которая любит вас

больше себя самой. Ведь если бы случилось так, что господь призвал бы сейчас к себе вас или меня, я почла бы за счастье отдать мою жизнь, чтобы спасти этим вашу. Не оттого ведь я сейчас и бегу от вас, что у меня нет к вам любви, а оттого, что любви этой слишком много и что мне дорога совесть моя и ваша. Ибо честь моя мне дороже, чем жизнь. И если вам будет угодно, ваша светлость, разрешите мне оставаться вашей верной служанкой, и я всю мою жизнь буду молить бога, чтобы он даровал вам здоровье и благополучие. Правда, честь, которую вы хотите мне оказать, способна заставить мужчин моего звания больше меня ценить, ибо теперь, после того как я увидела вас, разве мне захочется глядеть на кого-нибудь из них? И сердце мое станет отныне свободным — или, напротив, связанным тем, что я всегда буду молить за вас бога, ибо другого я ничего не могу для вас сделать.

Хоть девушка и говорила совсем не то, что хотелось услышать принцу, — внимая ее благородным речам, он не мог не преисполниться уважением к ней. Разговаривая с ней, он старался, как мог, убедить ее, что никогда не полюбит другой. Но девушка была настолько скромна, что никак не могла принять всерьез столь безрассудные речи. И хотя за это время принцу несколько раз докладывали о том, что одежда его принесена, ему было так хорошо, что он послал в замок сказать, что прилег уснуть, и стал собираться туда только к ужину, ибо не мог послушаться своей матери, одной из добродетельнейших женщин на свете. Так он и покинул ни с чем дом кравчего, после этого еще больше уверившись в чистоте этой девушки. Принц не раз говорил о ней молодому придворному из своей свиты, на что тот в конце концов ответил, что деньгами можно добиться большего, чем любовью, и посоветовал ему предложить этой девушке порядочную сумму за то, чтобы она исполнила его желание. На руках у молодого принца было совсем немного денег — только то, что ему давалось на развлечения, состояние же его хранилось у его матери. Однако он взял все, что имел при себе, и, заняв еще сколько-то, набрал пять эку, которые и послал любимой девушке с этим молодым придворным, прося ее изменить свое решение. Но едва только та увидела деньги, как сказала посланцу:

— Прощу вас, передайте вашему сеньору, что хитро-

сти во мне никакой нет, а сердце у меня мягкое, и если бы мне следовало повиноваться только ему, то красота и обходительность давно бы меня победили. Но коль скоро им не удалось сломить меня, никакие деньги на свете не могут это сделать. Поэтому верните их принцу и знайте, что ничем не запятнанная нищета для меня дороже любых сокровищ.

Видя, сколь она сурова и непреклонна, придворный решил, что надо поугагать ее, и стал грозить ей, говоря, что господин его могуществен и имеет большую власть. Тогда она засмеялась и сказала:

— Пугайте этим тех, кто его не знает, я-то ведь отлично понимаю, что он человек разумный и достойный и неспособен говорить подобные вещи. И я уверена, что он отречется от этих слов, когда их услышит. Но если бы даже все было так, как вы говорите, — никакая мука и даже сама смерть не заставят меня передумать, ибо, как я уже вам сказала, коль скоро любовь была бессильна склонить меня, никакие блага и никакие угрозы не заставят меня ни на шаг отступить от принятого решения.

Придворный, который обещал принцу, что добьется согласия девушки, с сожалением передал ему этот ее ответ и стал подговаривать своего господина во что бы то ни стало удовлетворить свои желания, говоря, что такому человеку, как он, должно быть стыдно не добиться взаимности у особы столь низкого звания.

Принц, который не хотел пускать в ход какие-либо иные средства, кроме тех, которые позволяет честь, и к тому же боясь, что, если поднимется шум и о попытке этой узнает его мать, он сильно прогневил ее, не решился ничего предпринять до тех пор, пока придворный не подсказал ему очень простое и, казалось бы, очень верное средство. Чтобы привести этот замысел в исполнение, он сказал о нем кравчему, и тот, готовый сделать что угодно, лишь бы услужить своему господину, попросил в один прекрасный день жену и свояченицу посетить его виноградник при домике, расположенном неподалеку от леса. Они обещали, что приедут. Когда назначенный день настал, он дал знать об этом молодому принцу, который решил отправиться туда вдвоем со своим придворным. И он велел оседлать мула так, чтобы никто об этом не знал и он мог поехать туда, как только будет нужно. Но господа было угодно, чтобы

в этот самый день мать принца задумала по-новому со всем великолепием обставить одну из комнат замка, и дети ее должны были в этом ей помогать. И молодому принцу пришлось принять в этом участие, а между тем назначенный час уже настал. Кравчий отвез свояченицу в домик возле леса, посадив ее сзади себя на лошадь, жене же велел притвориться больной — и когда они со свояченицей уже были в седле, та сказала, что ехать не может. Но условленный час миновал, а принц не приехал, — и, прождав его сколько-то времени, кравчий сказал Франсуазе:

— По-моему, нам можно уже вернуться в город.

— А почему же мы здесь так задержались? — спросила девушка.

— Потому что я ждал сюда принца, он обещал приехать, — отвечал кравчий.

Когда Франсуаза услышала об этом коварномговоре, она сказала:

— Не ждите его, брат мой, я хорошо знаю, что сегодня он не приедет.

Кравчий поверил ее словам и отвез ее домой. А когда они вернулись, Франсуаза была вне себя от гнева и сказала зятю, что он, верно, состоит на службе у дьявола и делает больше, чем ему приказывают. Ибо теперь она уверена, что все это его собственная затея, равно как и придворного, а отнюдь не самого принца, и что вместо того чтобы честно служить своему господину, он норовит только удовлетворять его прихоти, рассчитывая, что ему за это заплатят. А раз так, то с этого дня она больше не останется у него в доме. И она послала за своим братом, чтобы тот увез ее к себе, и сразу же уехала от сестры. После этой неудачи кравчий отправился в замок, чтобы узнать, почему молодой принц не явился в назначенный час. Но не успел он добраться до замка, как встретил самого принца, который ехал на муле вместе с придворным, посвященным во все его тайны.

— Она все еще там? — спросил принц.

И когда кравчий все ему рассказал, он очень огорчился тем, что попытка его не удалась; это ведь было последнее средство, и больше надеяться уже ни на что не приходилось. И, видя, что он ничего не может поделать с Франсуазой, принц все-таки стал снова разыскивать ее и в конце концов нашел в одном обществе, где

она уже не могла от него скрыться. Он очень рассердился на нее за то, что она была с ним так сурова и так неожиданно уехала от родных. Она же ответила, что для нее нельзя было сыскать более опасного и дурного места, чем этот дом, и что он должен быть премного обязан своему кравчему, если тот не только служит ему верой и правдой, но способен ради него поступиться и душою и совестью. Когда принц понял, что никакими средствами он от нее ничего не добьется, он решил прекратить свои домогательства и до конца дней продолжал относиться к ней с глубоким уважением. Один из слуг этого принца, видя, сколь целомудренна эта девушка, решил жениться на ней. Но она никак не соглашалась на этот брак, пока не испросила позволения принца, которого почитала, и дала это понять тому, кто добивался ее руки. И тогда с соизволения своего господина она вышла за этого слугу замуж и достойно прожила с ним до конца жизни. Принц же оказал ей впоследствии немало благодеяний.

— Что же нам на это сказать, благородные дамы? Неужели сами мы столь низки душою, что слуги наши оказываются выше нас, — ведь перед той, о которой я рассказала, бессильны были и любовь и страдание. Давайте же следовать ее примеру и победим самих себя, ибо это самая славная победа, какую мы можем одержать.

— Мне жаль только, — сказала Уазиль, — что эта добродетельная девушка не жила во времена римских историков, ибо те из них, которые так расхваливали свою Лукрецию, совсем бы позабыли о ней и стали бы описывать достоинства этой девушки.

— Достоинства эти действительно так велики, что мне трудно было бы в них поверить, если бы мы не поклялись говорить здесь одну только правду, — сказал Ирган, — но тем не менее я не считаю, что девушка эта столь уж добродетельна, как вы ее изображаете. Вам ведь несомненно приходилось видеть людей больных, которые отказываются от вкусной и здоровой пищи, предпочитая ей дурную и вредную. Может быть, и у этой девушки был какой-нибудь друг из людей ее звания и она поэтому могла пренебречь самой высокой знатностью.

На это Парламанта ответила, что жизнь и смерть этой праведницы показывают, что она никогда не питала никаких чувств ни к кому, кроме того, кого любила превьше жизни, но все же меньше, чем свою честь.

— Выкиньте это из головы, — сказал Сафредан, — подумайте лучше, с чего начались все эти разговоры о женской чести. Очень может быть, что женщины, которые столько об этом говорят, даже не представляют себе, откуда взялось это слово. Знайте же, что вначале, когда мужчины были не столь порочны, как ныне, любовь была такой простодушной и сильной, что не допускала никакого притворства и больше всего похвал доставалось на долю того, чья любовь более совершенна. Но когда жадность и грех опутали сердце и разум, они изгнали оттуда бога и любовь, и место их заняли себялюбие, лицемерие и притворство. И так как многие дамы стыдятся выказать свою истинную любовь, а также оттого, что само слово *лицемерие* всем ненавистно, лицемерие стали называть честью. Вот почему и те дамы, в сердце которых не было места настоящей любви, стали говорить, что по-настоящему полюбить им запрещает честь. И они возвели эту честь в столь жестокий закон, что большинство их, те, которые действительно любят совершенной любовью, стали скрывать свое чувство и считать добродетель пороком. Но женщина здравомыслящая и благоразумная никогда не совершит подобной ошибки, ибо умеет отличить мрак от света и понимает, что настоящая честь заключается в любви и в том, чтобы сердце жило этой любовью, а а не кичилось тем, что умеет ее скрывать, — то есть притворством своим, которое само по себе уже есть порок.

— Тем не менее принято говорить, что чем более скрыта любовь, тем большей она заслуживает похвалы, — сказал Дагусен.

— Да, скрыта от глаз тех, кто может плохо о ней подумать, — сказал Симонто, — но она должна быть явной и непреложной по крайней мере для тех двоих, кого соединяют ее узы.

— Разумеется, это так, — сказал Дагусен, — но лучше уж, когда один из них ничего не знает об этой любви, чем когда о ней проведает третий. Мне, например, кажется, что любовь этой девуш-

ки становилась еще сильнее оттого, что она ее скрывала.

— Что бы там ни было, — сказала Лонгарина, — следует уважать добродетель, а самая большая добродетель — в том, чтобы победить свое сердце. А так как девушке этой столько раз представлялся случай забыть и совесть и честь и она так достойно победила свое чувство, свое желание и того, кого она любила больше самой себя, при всех тех трудных обстоятельствах, в которых она находилась, — ее поистине можно назвать женщиной сильной. А раз вы считаете, что степень добродетели определяется умерщвлением желаний, я должна сказать, что принц этот заслуживает большей похвалы, чем она, — ведь как он ее любил! И притом он был могуществен, случай ему благоприятствовал и в его руках были все средства. И он, однако, не захотел нарушить закон настоящей любви, который равняет принца и нищего, а прибег лишь к таким средствам, которые ему позволяла честь.

— Многие на его месте так бы не поступили, — заметил Ирман.

— Он тем более заслуживает уважения, — сказала Лонгарина, — что победил свойственный всем людям порок, ибо поистине счастлив тот, кто может сотворить зло и кто его не сотворяет.

— Вы мне напомнили сейчас об одной женщине, — сказал Жебюрон, — которая, ради того чтобы не упасть во мнении людей, готова была оскорбить и бога, и любовь свою, и честь.

— Пожалуйста, расскажите нам эту историю, — попросила Парламанта, — я передаю вам слово.

— Есть на свете люди, — сказал Жебюрон, — для которых не существует бога, — или даже если они и верят в него, они считают, что он где-то так далеко от них, что все равно не может ни увидеть, ни услышать того зла, которое они творят. И даже когда сами они видят свои грехи, они уверены, что бог не станет обращать на них внимания и наказывать их, ибо ему нет дела до всего земного. Такого же мнения была и одна дама, имя которой, из уважения к ее роду, я не стану оглашать и назову ее Жамбика. Она часто говорила, что счастлива и права перед богом та женщина, которая умеет сохранить свою честь перед людьми. Но вы видите, благородные дамы, что ни благоразумие, ни лице-

мерие не спасли ее от того, что тайна ее была открыта, как и будет явствовать из этой истории, где все предстанет перед вами так, как это было, и только имена людей и название местности будут заменены другими.

НОВЕЛЛА СОРОК ТРЕТЬЯ

Жамбика, для которой мнение общества значило больше, чем собственная совесть, хотела казаться людям не тем, чем была на самом деле. И вот ее друг и кавалер с помощью кусочка мела разоблачил перед всеми лицемерие, которое она так тщательно старалась скрыть.

В одном роскошном замке жила владетельная принцесса, пользовавшаяся большой властью. В числе ее придворных дам была некая Жамбика, особа очень решительная и сумевшая так опутать хитростями свою госпожу, что та во всем слушалась ее совета, считая ее самой умной и добродетельной женщиной своего времени. Жамбика до такой степени осуждала безумства любви, что достаточно ей было увидеть, что какой-нибудь дворянин влюбился в одну из ее подруг, как она сурово отчитывала обоих и так дурно о них говорила принцессе, что нередко потом та сама пеняла влюбленным; из-за этого все боялись Жамбики и не любили ее. Сама же она, когда ей приходилось разговаривать с мужчинами, вела себя высокомерно и заносчиво, так что прослыла даже заклятым врагом всякой любви, хотя в действительности дело обстояло совсем иначе. На службе у принцессы находился некий дворянин. Жамбика была влюблена в него до безумия. И только честолюбие и гордость заставляли ее скрывать от всех свою любовь. Но после того, как она таила страсть в себе целый год и не ведала того облегчения, которое испытывают влюбленные, обменявшись взглядом или словом, чувство это так разгорелось в ее сердце, что она стала искать последнего исцеления. И в конце концов она решила, что лучше уж удовлетворить эту страсть так, чтобы об этом знал один господь, чем рассказывать о своей любви кому-то другому, чтобы тот разболтал потом ее тайну.

И вот однажды, находясь в комнате своей госпожи, Жамбика вышла на террасу и вдруг увидела, что тот,

кого она любит, прогуливается по саду. И она не сводила с него глаз весь вечер — до тех пор, пока не стало совсем темно и едва можно было что-либо разглядеть, а потом позвала своего маленького пажа и, показав ему молодого дворянина, сказала:

— Видишь ты этого сеньора в алой шелковой куртке и плаще, отороченном рысьим мехом? Поди скажи ему, что один из его друзей хочет поговорить с ним в садовой галерее.

И когда паж ушел, она прошла через гардеробную своей госпожи и направилась в эту галерею, надвинув на лоб чепец и надев полумаску. Как только молодой дворянин приблизился к ней, она тут же заперла обе двери, которые вели в галерею, и, не снимая полумаски, принялась целовать его, шепча:

— Желанный мой, я давно уже люблю вас и все время искала случая и места, чтобы вас увидеть, но я так долго боялась за свою честь, что страх этот заставил меня против воли скрывать мое чувство. И вот в конце концов сила любви победила страх; я знаю, сколь вы благородны, и если вы обещаете любить меня, и никогда никому не рассказывать о наших встречах, и не допытываться, кто я такая, — заверяю вас, что буду вам верной и неизменной подругой и никогда, кроме вас, никого не буду любить. Но мне легче умереть, чем назвать себя.

Дворянин обещал ей исполнить все, о чем она просит. Тогда она с готовностью согласилась на все, о чем просил он, и ни в чем ему не отказала. Это было зимою, между пятью и шестью часами вечера, когда становится уже совершенно темно. Коснувшись ее платья, он почувствовал, что это бархат, а в то время бархат каждый день носили только самые знатные дамы. А запустив под платье руку, он нашел, что, насколько можно судить на ощупь, все в ней было таким, каким и должно было быть по части форм и мягкости тела. И он постарался сделать все, чтобы ублажить ее. Она же со своей стороны от него не отставала. И дворянин мог узнать, что женщина эта замужем.

Она хотела сразу же вернуться туда, откуда пришла, но дворянин сказал ей:

— Я глубоко ценю то счастье, которое я ничем не заслужил, но мне еще дороже будет то, которое вы станете дарить мне тогда, когда я сам буду его до-

бываться. Я так счастлив, что молю вас сказать мне, могу ли я надеяться, что вы меня осчастливите еще раз, и где и когда мы встретимся. Я ведь не знаю, кто вы и что я должен делать, чтобы свидеться с вами снова.

— Не заботьтесь об этом, — ответила дама, — но будьте уверены, что по вечерам, перед тем как госпожа моя сядет за ужин, я буду посылать за вами, приходите только к этому часу сюда, на террасу, куда вы пришли сегодня. А посылать за вами я буду каждый раз, для того чтобы вы не забыли о своем обещании. Это будет означать, что я жду вас в галерее. Но если вы услышите, что все собираются идти ужинать, вы должны будете понять, что вам следует удалиться совсем или перейти в покои принцессы. Только паче всего молю вас, во имя нашей любви, — не пытайтесь узнать, кто я такая.

На том они и простились. И после этого встречались там еще много раз, но дворянину так и не удавалось проведать, кто же такая его возлюбленная. Пускаясь в разные догадки, он старался представить себе, кто бы это мог быть. Ему не могло прийти в голову, что это светская дама, которая не хочет быть узнанной и скрывает свою любовь. И он стал думать, что это просто плутовка и какой-нибудь глупый проповедник внушил ей, что такой, как она, стоит только показать свое лицо, как ее сейчас же разлюбят. Его стало разбирать сомнение, и он решил узнать, кто же дарит его такими ласками. И вот однажды, когда незнакомка его позвала, он захватил с собой кусочек мела и, обнимая ее, незаметно сделал ей на плече знак. А едва только она ушла, молодой дворянин кинулся в комнату принцессы и постарался стать там у двери, чтобы видеть спины входивших туда дам. Вместе со всеми остальными вошла туда и Жамбика и так гордо посмотрела вокруг, что сначала он даже не решился взглянуть на ее спину, будучи совершенно уверен, что это никак не может быть она. Но едва только она повернулась к нему спиной, как он заметил меловую черту у нее на платье и был так поражен, что не верил своим глазам. И когда он внимательно к ней присмотрелся, он и по росту ее, и по лицу, которое он знал хорошо на ощупь, убедился, что это действительно она. И ему было очень лестно видеть, что женщина, у которой, должно быть, никогда не было

кавалеров и которая отказала стольким благородным дворянам, остановила свой выбор на нем. Но бог любви, который не выносит постоянства, очень скоро нарушил его покой. Он вселил в этого молодого дворянина столько самоуверенности и надежд, что тому захотелось признаться в своем чувстве открыто, ибо он решил, что когда его возлюбленная о нем узнает, они еще больше полюбят друг друга. И вот однажды, когда принцесса была в саду, Жамбика гуляла по соседней аллее. Видя, что она одна, молодой дворянин приблизился к ней, решив с ней поговорить, и, притворившись, что не узнает ее, сказал:

— Сударыня, в сердце моем давно уже теплится любовь к вам, и я не смел признаться вам в ней, потому что боялся, что вы будете недовольны. Но мне сейчас до того тяжело, что если я буду таить это чувство долго, я погиб. Я ведь люблю вас так, как не может любить никто на свете.

Жамбика не дала ему договорить и в гневе воскликнула:

— А вы что, видали когда-нибудь или слышали, чтобы у меня был кавалер или друг? Этого никогда не было, и меня удивляет, откуда в вас берется столько наглости, чтобы говорить подобные вещи порядочной женщине. Вы ведь достаточно волочились за мной, чтобы убедиться, что я никогда не буду любить никого, кроме моего мужа. Поэтому не смейте больше мне это говорить.

Видя, сколь искусно она притворяется, молодой дворянин не мог удержаться от смеха и сказал ей:

— Сударыня, вы ведь не всегда были так суровы со мной, как сегодня. Для чего же вы притворяетесь! Не лучше разве, если любовь наша будет высокой и совершенной?

— У меня нет к вам никакой любви, ни высокой, ни низкой, — ответила Жамбика, — не больше, чем ко всем остальным придворным госпожи моей принцессы, но если вы будете продолжать подобные речи, я начну питать к вам такую ненависть, что вам придется плохо.

Дворянин продолжал, однако, настаивать и сказал:

— А вспомните, как вы были ласковы со мной, когда я не мог видеть ваше лицо. Почему же вы сейчас лишаете меня этой ласки, когда при свете дня я вижу красоту вашу и всю вашу несравненную прелесть?

Жамбика перекрестилась большим крестом и сказала:

— Или вы совсем с ума сошли, или вы самый заядлый лжец; сколько я живу на свете, у меня никогда и в мыслях не было быть с вами ласковее или суровее, чем сейчас. Ответьте мне, что все это значит?

Тогда несчастный дворянин, решив, что этим он больше расположит ее к себе, напомнил ей, где и когда они встречались, и сказал об отметке мелом, которую он сделал, чтобы ее узнать. Услыхав это, Жамбика пришла в такую ярость, что назвала его отъявленным негодяем и сказала, что он возвел на нее такую клевету, что она заставит его раскаяться в своем поступке. Молодой дворянин знал, каким влиянием она пользуется у принцессы, и постарался успокоить ее, но ничего не мог с ней поделать. Разъяренная, она ушла от него и отправилась прямо к принцессе, которая тут же отпустила всех своих дам, чтобы поговорить наедине с Жамбикой, ибо любила ее больше, чем себя самое. И видя, что она вне себя от гнева, принцесса спросила ее, что случилось. Жамбика передала ей в точности все, что ей говорил дворянин, и последнему действительно пришлось плохо: в тот же вечер принцесса приказала ему немедленно, никому ничего не говоря, покинуть двор, вернуться домой и оставаться там до тех пор, пока за ним не пришлют. Несчастный, боясь худшего, поспешил исполнить ее приказание. И до тех пор, пока Жамбика оставалась в свите принцессы, дворянин этот не возвращался ко двору и никогда ничего не услышал о той, которая предупредила его, что, начав узнавать о ней, он ее потеряет.

— Из этой истории, благородные дамы, явствует, что та, для которой мнение людей значило больше, чем собственная совесть, потеряла и то и другое, ибо то, что она хотела скрыть от глаз своего возлюбленного, в конце концов открылось всем, и, стараясь избежать насмешек одного, она стала посмешищем в глазах всех придворных. К тому же поступок ее нельзя извинить простодушием или наивностью, которые в каждом человеке способны лишь вызвать жалость. Напротив, она вдвойне виновата в том, что коварство свое прикрывала двойным покрывалом чести и славы и хотела

казаться перед богом и перед людьми не тем, чем была на самом деле. Однако тот, чья слава не может стать достоянием человека, отдернул этот покров и этим вдвойне ее посрамил.

— Действительно, она совершила низость, которую нельзя простить, — сказала Уазиль, — ибо кто же может взять эту женщину под защиту, если против нее и господь, и ее честь, и даже сама любовь?

— Защитники у нее найдутся, — сказал Иركان, — это прежде всего наслаждение и безумство, самые яркие адвокаты дам.

— Если бы у нас не было еще и других адвокатов, кроме этих, — сказала Парламанта, — дело наше трудно было бы выиграть. Но те, над кем наслаждение одерживает верх, не заслуживают того, чтобы их называли женщинами, им больше пристало быть мужчинами, — там ведь и ярость и вожделение только прибавляют чести. Мужчина, который мстит своему врагу и убивает его, тем самым изобличает его во лжи, а сам выигрывает от этого во мнении общества. То же самое бывает и тогда, когда кроме своей жены он любит еще дюжину женщин. Но женская честь зиждется совсем на другом: на кротости, терпении и целомудрии.

— Вы говорите о женщинах скромных? — спросил Иركان.

— Да, потому что никаких других я не хочу знать, — ответила Парламанта.

— Если бы не было женщин сумасбродных, — сказала Номерфида, — мужчинам, которые хотят, чтобы им верили, очень уж часто приходилось бы лгать!

— Прошу вас, Номерфида, — сказал Жебюрон, — возьмите слово и, рассказывая о безумствах людей, которые действительно были, не забывайте, что вы все-таки женщина.

— Раз добродетель меня к этому понуждает и вы мне предоставляете слово, — ответила Номерфида, — я расскажу вам все, что знаю. Никто из всех присутствующих в своих рассказах не щадил францисканцев. А так как мне жаль их, я решила, что в истории, которую я вам расскажу, я буду говорить о них только хорошее.

НОВЕЛЛА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

За то, что францисканец не скрыл от него правду, господин де Седан подал ему двойную милостыню, так что тот получил двух поросят вместо одного.

В дом к Седанам пришел однажды монах попросить у госпожи де Седан, происходившей из рода Круи, поросенка, ибо было заведено, что монастырь каждый год получал от нее в виде милостыни по одному поросенку. Господин де Седан, будучи человеком умным и обходительным, усадил святого отца с собою за стол и во время беседы сказал ему, чтобы вывести его на свежую воду:

— Святой отец, хорошо вам ходить да собирать подавание, покуда никто вас не знает, но я боюсь, что как только проведает о вашем лицемерии, вам перестанут отдавать хлеб несчастных детей, который отцам их приходится зарабатывать в поте лица.

Монаха, однако, слова эти нисколько не удивили, и он ответил:

— Сеньор, орден наш зиждется на такой прочной основе, что до тех пор, пока мир остается таким, каков он сейчас, останется и он: знайте, что покуда на земле есть мужчины и женщины, братии нашей ничто не грозит.

Желая выпытать у него, что это за прочная основа, господин де Седан настойчиво стал его расспрашивать. Тогда после долгих извинений монах сказал:

— Раз вы на этом настаиваете, извольте, я скажу: знайте, сеньор, что мы пробавляемся глупостью женщин. До тех пор, пока на свете есть сумасбродные или глупые женщины, с голоду мы не умрем.

Госпожа де Седан, которая была очень горячего нрава, до такой степени рассердилась, что если бы рядом не было ее мужа, она непременно выместила бы свое негодование на монахе; после этого она твердо решила, что тот не получит обещанного поросенка. Но господин де Седан, видя, что францисканец не утаил от него правды, заверил его, что вместо одного поросенка он получит теперь двух, и сам послал поросят в монастырь.

— Вот, благородные дамы, как францисканец, уверенный в том, что женщины будут всегда к нему добры,

нашел способ снискать милость и расположение мужчин: если бы он оказался притворщиком и льстецом, дамам это было бы еще приятнее, но это не было бы выгодно ни ему, ни его братии.

Не успела Номерфида кончить, как вся компания стала смеяться, и больше всех смеялись те, кто знал сенюра де Седана и его жену.

— Выходит, что монахам, которые проповедуют, вовсе незачем добиваться, чтобы женщины поумнели, — сказал Иркиан, — женская глупость им только на пользу

— Францисканцы вовсе и не стараются, чтобы женщины поумнели, — сказала Парламанта, — они только хотят, чтобы они считали себя умными, — ведь от женщин суетных и безумных им не видать больших подаяний; те же, которые посещают их монастыри, перебирают четки с изображением черепа и ниже всех надвигают чепцы, считают себя самыми умными и добродетельными, в то время как в действительности они-то и безумны. Ибо залог своего спасения они видят в том, что верят в святость этих нечестивцев, которые кажутся им чуть ли не полубогами.

— Но кто же откажется им верить, — возразила Эннасюита, — ведь прелаты наши назначают их, чтобы проповедовать нам Евангелие и отпускать грехи?

— Да прежде всего те, — ответила Парламанта, — кто убедился в их лицемерии и кто знает разницу между учением бога и учением дьявола.

— Господи Иисусе! — воскликнула Эннасюита. — Неужели вы думаете, что эти люди осмелятся проповедовать что-нибудь дурное?

— Не только думаю, — сказала Парламанта, — но я убеждена, что они не очень-то верят Евангелию. Я разумею дурных, потому что они не очень-то верят Евангелию. Я разумею дурных, потому что я знаю немало людей добрых, которые бесхитростно и с чистотой душевной проповедуют Священное писание и сами живут так, как должно, без непотребства, без тщеславия, без вожделения, в целомудрии, и праведность их — неподдельная и непритворная. Но этих далеко не так много, как первых, которых хоть отбавляй, а ведь по яблокам судят и о яблоне.

— Право же, — сказала Эннасюита, — я считала, что мы совершим смертный грех, если не будем считать

истинным все, что они проповедуют с церковной кафедры, повторяя нам то, что содержится в Священном писании, и приводя слова отцов церкви, коим господь вложил их в уста.

— Что до меня, — сказала Парламанта, — то я не могу, разумеется, не знать, что среди них встречаются очень дурные; я, например, знаю, что один из них, доктор богословия, по имени Колиман, известный проповедник и один из главных людей в их ордене, пытался убедить своих братьев, что Евангелию следует верить не больше, чем «Запискам» Цезаря или другим писаниям людей ученых. И едва только я услышала, что он говорит, как я потеряла к нему доверие, ибо слова его расходятся со словами господя, которые суть настоящий пробный камень, помогающий отличить истину от лжи.

— Поверьте, что те, что в смирении непрестанно читают слово божие, никогда не будут соблазнены никаким хитросплетением и выдумкой, идущими от человека. Ибо тот, чей разум исполнен истины, не примет никакой лжи, — сказала Узиль.

— Мне все же думается, — вмешался Симонто, — женщину простодушную обмануть легче, чем какую другую.

— Разумеется, — сказала Лонгарина, — если вы считаете, что простодушие — то же самое, что глупость.

— Уверяю вас, — повторил Симонто, — что женщину добрую, кроткую и простодушную обмануть легче, чем лукавую и хитрую.

— Мне кажется, — сказала Номерфида, — что вы знаете женщину, оказавшуюся чересчур доброй, и поэтому я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали о ней.

— Что же, раз вы угадали мое намерение, — сказал Симонто, — я готов рассказать вам эту историю, но только сначала обещайте мне, что не будете плакать. Тем мужчинам, которые утверждают, что женское коварство страшнее мужского, полезно будет поразмыслить над этим примером, ибо я собираюсь рассказать вам не только о великом коварстве мужа, но о простодушии и доброте жены.

НОВЕЛЛА СОРОК ПЯТАЯ

По просьбе жены обойщик наказал свою служанку, которая ему приглянулась, и сделал это так, что она получила от него то, на что, кроме жены, ни одна женщина не имела права. Жена же была настолько простодушна, что не поверила, что муж ее обманывает, несмотря на то, что соседка ей сообщила об этом.

В городе Туре проживал обойщик, служивший у покойного герцога Орлеанского, сына Франциска Первого, человек неглупый и в своем деле очень искусный. И хоть он после болезни и оглох, на ум его это не повлияло, и никто не мог с ним сравняться ни в его ремесле, ни во всем остальном. Вы сами увидите, с каким искусством он вышел из трудного положения. Женился он на весьма достойной женщине, с которой жил в мире и дружбе. Он очень боялся ей не угодить, она же, в свою очередь, больше всего старалась во всем его слушаться. Но, как он ни любил жену, он был до того жалостлив, что нередко раздавал соседкам то, что по праву принадлежало ей одной, — ухитряясь, правда, делать это совсем незаметно. В доме их жила одна очень дородная служанка, в которую обойщик влюбился. Однако, опасаясь, как бы об этом не проведала его жена, он нередко делал вид, что недоволен ею, и всячески поносил ее, говоря, что такой ленивой девки он сроду не видывал, да и не удивительно, что она такая, ведь за все время хозяйка ее ни разу еще не отколотила. И вот однажды, когда приближался День избиения младенцев и они заговорили об этом, обойщик сказал жене:

— Непременно надо проучить эту ленивицу, но только ты для этого не годишься, в руках у тебя нет силы, а в сердце слишком много жалости. А вот если я этим займусь, то, увидишь, она исправится и будет работать лучше.

Бедная женщина, которая была далека от мысли в чем-нибудь его заподозрить, попросила, чтобы он сам наказал служанку, признавшись, что она действительно слишком для этого слаба и что ей будет ее жалко. Муж охотно взялся учинить эту расправу и, приняв суровый вид, послал купить розги, причем велел выбрать самые тонкие, какие только продавались. А для того, чтобы показать, что он действительно беспощаден, велел смочить эти розги в рассоле, так что

его бедная жена преисполнилась жалости к служанке: ей и в голову не могло прийти в чем-нибудь заподозрить мужа. Когда настал День избиения младенцев, обойщик встал пораньше и поднялся наверх в комнату служанки, где та была одна. И там он действительно устроил ей «избиение», но совсем не такое, о котором помышляла жена. Служанка расплакалась, но он не обратил внимания на ее слезы. И, опасаясь, как бы не пришла жена, он стал хлестать розгами деревянную кровать — и с такою силой, что переломал все прутья, а обломки принес жене и сказал:

— Ну, душа моя, эта негодница долго теперь будет помнить День избиения младенцев.

Когда обойщик ушел из дома, несчастная служанка кинулась на колени перед своей госпожой и стала говорить, что ее муж нехорошо с нею поступил. Но та, решив, что она жалуется на то, что ее высекли — ибо не сомневалась, что это действительно было так, — оборвала ее на полуслове:

— Муж мой правильно сделал, вот уже больше месяца, как я его об этом просила. И если тебе было больно, то я этому только рада, вини в этом меня, да к тому же он еще мало тебя проучил.

Служанка, видя, что хозяйка ее одобряет поведение мужа, решила, что, может быть, это не такой уж великий грех, как ей казалось, раз делается по наущению той, кого она считала образцом добродетели. И она об этом больше не заикнулась. Обойщик же, видя, что жене его столь же приятно быть обманутой, как ему — обманывать, решил почаще доставлять ей это удовольствие и так хорошо потрафлял этой девушке, что теперь, после «избиения младенцев», она уже больше не плакала. Так это тянулось долго, и жена ничего не замечала, а потом снова настала зима и выпало много снега. В летнее время обойщик устраивал «избиение младенцев» у себя в саду на траве, теперь же решил все это учинить на снегу. И однажды утром, пока весь дом еще спал, он вывел служанку в сад в одной рубашке, чтобы распяты ее на снегу, и после того как они вволю покатались по снегу, они стали играть и в «избиение младенцев». Это заметила одна из соседок, которая в это время подошла к окну, чтобы посмотреть, какая погода. Увидав сие непотребство, она так возмутилась, что решила все рассказать своей приятельнице, дабы ее

нечестивцу супругу впредь было неповадно ее обманывать и дабы она больше не держала у себя в доме такую поганую девку. Насладившись игрою, обойщик огляделся вокруг, чтобы удостовериться, что их никто не заметил. Каковы же были досада его и смущение, когда в окне он увидел соседку. Но человек этот, умевший придавать любой материи нужный ему цвет, решил, что и тут сумеет придать всему такой вид, что соседка попадется на его обман, так же как попалась жена. Он поспешно пошел домой и улегся в постель, а потом сразу же поднялся и поднял жену и вывел ее в сад в одной рубашке, как перед этим выводил служанку. И долго забавлялся с нею, как перед этим забавлялся с той, а потом учинил и над ней «избиение младенцев», после чего оба снова улеглись спать. Когда наутро добрая женщина отправилась в церковь, соседка ее, бывшая с ней в большой дружбе, сидела уже там и, ничего ей не объясняя, очень настойчиво стала упрашивать ее прогнать служанку, говоря, что это дрянная и опасная девка. Но женщина эта решила сначала узнать, почему соседка ее стала так плохо думать об этой девушке. И в конце концов та рассказала ей, что видела служанку утром в саду вместе с ее мужем. Жена только расхохоталась и воскликнула:

— Эх, кумушка, дорогая моя, да ведь это же была я.

— Как так ты? Она была в одной рубашке, и это было утром, часов около пяти.

— Клянусь тебе, дорогая, это была я, — ответила ей кума.

— Но они катались в снегу, — продолжала соседка, — а потом хватали друг друга за грудь, потом за другие места и так друг друга ласкали.

— Да, да, кумушка, это была я.

— Послушай, дорогая, но ведь я же видела, как потом на снегу они делали то, что, по-моему, и некрасиво и непотребно.

— Кумушка, — сказала ее подруга, — я же сказала тебе и говорю еще раз, что это была я, это я делала все, что ты говоришь, мы с муженьком моим развлекаемся иногда такой игрой. Уж будь добра, не сердись на это, ты же ведь знаешь, что мужей надо ублажать.

И добрая женщина ушла еще более довольная, что у нее такой муж, чем она была до разговора с соседкой. А

когда обойщик вернулся к жене, она передала ему все, что о нем рассказала соседка.

— Ну вот видишь, милая, — ответил обойщик, — если бы ты не была женщиной порядочной и такой умницей, мы бы уже давно должны были расстаться. Но я надеюсь, что господь поможет нам и впредь жить в дружбе — во славу ему и на радость нам.

— Аминь, друг мой, — сказала жена, — я тоже надеюсь, что тебе на меня никогда не придется жаловаться.

— Благородные дамы, тот, кто после этого правдивого рассказа будет все же думать, что женщины хитрее мужчин, разумеется, впадет в ошибку, хоть, правды ради и чтобы быть справедливым и к мужу, и к жене, следует сказать, что один не лучше другой.

— Обойщик этот был отъявленным подлецом, — сказала Парламанта, — он обманывал и служанку, и жену.

— Вы, значит, плохо слушали эту историю, — возразил Ирман, — было же ясно сказано, что он в то же самое утро ублажил обеих, а это, по-моему, свидетельствует о крепости его духа и тела; он сумел сказать и сделать нечто такое, чем обе враждующие стороны были довольны.

— Это самое худое, — продолжала Парламанта, — воспользоваться простодушием одной, чтобы ей солгать, и порочностью другой, чтобы совершить с нею грех. Но, разумеется, если бы он попал в руки такого судьи, как вы, его бы оправдали.

— Уверяю вас, — ответил Ирман, — что я никогда не возьмусь за столь большую и трудную задачу, но мне достаточно того, что вы мной довольны, я уже знаю, что не даром потратил время.

— Если сердце не находит удовлетворения во взаимной любви, — сказала Парламанта, — ничто другое его уже не удовлетворит.

— В самом деле, я думаю, что на свете нет более тяжелой муки, чем любить и не быть любимым, — заметил Симонто.

— Чтобы быть любимым, — сказала Парламанта, — надо устремляться к тем, кто любит. Но часто больше всего любят именно тех женщин, которые сами не хотят ответить взаимностью, а те, кто наименее любимы, сами любят всего сильнее.

— Вы мне напомнили об одной истории, но я считала, что она не стоит того, чтобы здесь ее рассказывать, — сказала Уазиль.

— Нет, пожалуйста, расскажите нам ее, — попросил Симонто.

— Ну хорошо, — согласилась Уазиль.

НОВЕЛЛА СОРОК ШЕСТАЯ

Францисканец де Вале, приглашенный к обеду в дом ангулемского судьи, заметил, что жена судьи, в которую он был влюблен, поднялась на чердак, и, рассчитывая застать ее там одну, последовал туда за нею. Но она так пихнула монаха ногой в живот, что тот свалился с чердака вниз и сразу же убежал из города и укрылся в доме одной знатной дамы, у которой францисканцы были в большой чести. По глупости своей, считая монахов этого ордена лучшими, чем они были на самом деле, она поручила ему направить на путь истинный свою дочь. Монах обещал матери, что излечит девушку от лени, но вместо этого учинил над нею насилие.

В городе Ангулеме, где часто пребывал граф Карл, отец короля Франциска, жил некий францисканец по имени де Вале, которого почитали человеком ученым и хорошим проповедником. Как-то раз, в рождественский пост, когда он проповедовал в городе, проповедь его слушал даже сам граф. Слух об этом разнесся всюду, и те, кто его знал, стали приглашать монаха на обед. И среди прочих был судья этого графства, женатый на одной красивой и достойной женщине, в которую монах этот был без памяти влюблен, не решаясь, однако, ей это сказать. Она же заметила это и сильно над ним посмеивалась. После того как монах несколько раз безуспешно пытался склонить ее к взаимности, он однажды увидел, что она поднимается на чердак, и, решив захватить ее там одну, поднялся туда вслед за нею. Но, услышав шум, женщина обернулась и спросила его, куда он идет.

— Я иду за вами, — ответил он, — чтобы сказать вам кое-что по секрету.

— Не трудитесь, святой отец, — сказала жена судьи, — я вовсе не намерена разговаривать по секрету с такими людьми, как вы, и если вы сделаете еще шаг, вы потом в этом раскаетесь.

Видя, что она одна, монах не обратил внимания на ее слова и стал поспешно подниматься по лестнице. Но

хозяйка дома оказалась женщиной сообразительной и в ту минуту, когда он уже поднялся до самого верха, пихнула его ногой в живот и, крикнув: «Проваливайте отсюда, господин де Вале!» — столкнула его с лестницы. Бедный монах был до того пристыжен, что, упав, даже не почувствовал боли и постарался поскорее убраться из города, так как боялся, что она расскажет обо всем мужу. Она действительно рассказала о его проделке — и не только мужу, но также графу и графине, после чего монах уже не решался показаться им на глаза. Но дурных мыслей своих он не оставил и отправился к некоей даме, которая была особенно расположена к францисканцам. После того как он произнес перед нею целую проповедь — а быть может, даже и не одну, — он обратил внимание на ее дочь, которая была очень хороша собою. А так как по утрам девушка эта ленилась вставать пораньше, чтобы слушать его проповеди, монах не раз ей за это пенял в присутствии матери, и та сказала:

— Святой отец, дал бы господь, чтобы ей досталось хоть немного испробовать плетки, которой вы, монахи, бичуете себя!

Францисканец поклялся ей, что, если дочь ее будет по-прежнему так лениться, он сумеет отучить ее от лени. Мать очень его об этом просила. Спустя два дня святой отец вошел в комнату этой женщины и, не видя ее дочери, спросил, где она.

— Должно быть, еще не вставала, — ответила мать, — нисколько она, видно, вас не боится.

— Разумеется, это очень худо, когда молодая девушка ленится, — сказал монах. — Мало кто обращает внимание на этот порок, но я считаю, что леность — это один из самых опасных грехов, она губит и тело, и душу. Поэтому вам следует наказать свою дочь, чтобы она исправилась, — и если вы мне это поручите, я отучу ее лежать в постели в часы, когда надо молиться богу.

Бедная женщина, считавшая монаха человеком праведной жизни, попросила его заняться исправлением дочери; он тотчас же приступил к делу и, поднявшись по маленькой деревянной лесенке в комнату девушки, нашел ее там одну; она крепко спала. И, не разбудив ее, он набросился на нее. Проснувшись, несчастная не могла понять, человек это или дьявол, и принялась

громко кричать, зовя мать на помощь, но та, стоя на нижней ступеньке лестницы, крикнула монаху:

— Нечего ее жалеть, святой отец, продолжайте ваше дело и проучите как следует эту дрянную девчонку.

После того как монах привел свой злой умысел в исполнение, весь раскрасневшись, он сошел вниз, где ждала его мать, и сказал:

— Мне думается, сударыня, что дочь ваша будет долго помнить мою плетку.

Мать горячо его за все поблагодарила, после чего поднялась в комнату к дочери. А та была в таком горе, в каком бывает всякая порядочная девушка, над которой учиняют насилие. И как только мать узнала всю правду, она стала повсюду разыскивать монаха, но он уже был далеко, во Франции о нем никто не слыхал.

— Вы видите, благородные дамы, сколь опасно бывает возлагать подобные поручения на людей, которые могут употребить их во зло. Исправлять мужчин должны мужчины, а женщин — женщины. Если женщины примутся исправлять мужчин, им помешает жалость; мужчинам же, взявшимся за исправление женщин, — их жестокость.

— Господи Иисусе, — воскликнула Парламанта, — до чего же коварен и подл этот монах!

— Скажите уж лучше, — возразил Иркан, — что мать этой девушки была сумасшедшей и глупой, если она не могла распознать лицемерие и дала такую волю у себя в доме тем, кого следует видеть только в церкви.

— Право же, — сказала Парламанта, — я считаю ее действительно одной из самых глупых матерей, какие были на свете. Если бы у нее нашлось столько ума, сколько было у жены судьи, она бы скорее сама сбросила его с лестницы, чем допустила, чтобы он по этой лестнице поднялся. Но что вы хотите? Из всех дьяволов самый опасный тот, который является в образе ангела. Он так хорошо умеет превратиться в посланца света, что люди совестятся в чем-нибудь его заподозрить. А ведь те, в ком нет подозрительности, достойны всяческой похвалы.

— А все-таки надо уметь вовремя заподозрить зло, дабы его избежать, — сказала Уазиль, — в особенности же это надо помнить тем, кому есть о ком позаботиться. Ибо лучше заподозрить зло, которого на самом деле

нет, чем по глупости своей попасть впросак. И мне никогда не приходилось встречать женщины, которая бы оказалась обманутой из-за того, что она не сразу поверила словам мужчины; зато я знала многих, которые слишком поспешно верили лжи; вот почему я говорю, что нет ничего дурного в том, чтобы подозревать зло, которое может случиться. Особенно же это относится к тем, кому вверены судьбы мужчин, женщин, городов и государств, ибо, как ни бдителен человек, злобы и предательства на свете так много, что волк всегда может перехитрить пастуха, который плохо блюдет свое стадо.

— Да, но у человека подозрительного не может быть настоящего друга, — сказал Дагусен, — подозрение отчуждает.

— Может быть, вы знаете какой-нибудь случай, который нам это подтвердит, — сказала Уазиль, — я предоставляю вам слово, чтобы вы о нем рассказали.

— Да, я знаю такой случай, — сказал Дагусен, — и так как это сущая правда, вам интересно будет выслушать эту историю. Я расскажу вам о том, как скорее всего разрушается крепкая дружба: это бывает тогда, когда в ком-нибудь из друзей рождается подозрение. Ибо, веря другу, мы оказываем ему самую большую честь, какую только можно оказать человеку, а усомнившись в нем, наносим ему смертельную обиду — ведь, поступая подобным образом, мы считаем, что он не такой, каким мы его хотим видеть. Из-за этого нередко ссорятся самые близкие друзья и становятся врагами, как это явствует из истории, которую я собираюсь вам рассказать.

НОВЕЛЛА СОРОК СЕДЬМАЯ

Два дворянина жили в такой тесной дружбе, что все у них было общее, кроме жены, и так продолжалось до тех пор, пока женатый без всякого повода стал подозревать своего холостого друга в том, что тот соблазнил его жену; друга это лживое подозрение так оскорбило, что он рассорился с ним, и успокоился только тогда, когда на самом деле наставил ему рога.

Неподалеку от Перша жили два дворянина; с самого детства они были такими неразлучными закадычными друзьями, что все у них было общим: и сердце, и дом, и

постель, и стол, и кошелек. Дружба эта длилась очень долго, и ни один из них ни разу не захотел того, чего бы не захотел другой, и не сказал ни одного слова, с которым тот был бы не согласен. Это были даже не два брата, а одно нераздельное существо. Один из них, правда, женился, но это не помешало им сохранить прежнюю дружбу и жить вместе так, как они привыкли.

И когда ночевать им приходилось в тесной комнате, все трое укладывались вместе спать, причем женатый ложился посередине. Состояние у них было общее, и ни женитьба одного, ни какие бы то ни было иные обстоятельства не могли помешать им хранить верность друг другу. Но все же через некоторое время счастье, которое в этом мире никогда не бывает постоянным, покинуло и этот, слишком уж счастливый дом. Муж потерял доверие к другу без всякого к тому повода — как с его стороны, так и со стороны жены; от жены он этого не скрыл и наговорил ей много обидного. Женщину это крайне поразило, ибо сам же он приказал ей не делать никакого различия между ним и его другом ни в чем, кроме одного, а теперь вдруг запретил ей даже говорить с ним наедине. Она рассказала об этом их другу, который сначала ей не поверил, ибо в действительности у него и в мыслях не было чем-нибудь огорчить приятеля. И так как он никогда ничего не скрывал от своего женатого друга, он рассказал ему все это, прося рассеять его сомнения, ибо не хотел ни по этой причине, ни по какой другой порывать узы дружбы, которые так давно их связывали. Тот, однако, уверил его, что он никогда ничего худого не думал и что люди, которые подняли весь этот шум, — сплетники и лжецы.

— Я знаю, что ревность — чувство столь же непреодолимое, как и любовь, — сказал его друг, — и если чувство это возникло у тебя даже ко мне, я за это на тебя не в обиде, ведь устоять перед ним нельзя. Мне обидно только, что ты хотел скрыть от меня свой недуг, хотя до этого никогда не скрывал от меня ни мысли, ни чувства, ни побуждения. То же самое относится и ко мне: если бы я влюбился в твою жену, ты не должен был бы приписывать это злему умыслу, ибо любовь — это пламень, потушить который не в наших силах. Но если бы я скрыл его от тебя и стал бы добиваться расположения твоей жены, я был бы самым вероломным из друзей. Со своей стороны, могу тебя уверить, что жена

твоя — женщина порядочная и весьма достойная, но я знал ее еще до того, как она вышла за тебя замуж, — и, по правде говоря, она никогда мне особенно не нравилась. Но если у тебя явится даже самое ничтожное подозрение без всякого к тому повода, скажи мне, чтобы я стал осмотрительнее и наша дружба, которая длится так долго, не порвалась из-за женщины. И знай, если бы я даже любил ее больше всего на свете, я ни словом бы не обмолвился ей об этом, ведь честь твоя мне дороже всего другого.

Друг его дал ему торжественную клятву, что у него никогда этого и в мыслях не было, и попросил его никуда не уезжать из их дома.

— Хорошо, — ответил тот, — но только знай, что если после нашего разговора ты все-таки будешь подозревать меня и скроешь от меня свои чувства, я больше ни за что не останусь у тебя в доме.

Некоторое время оба они продолжали жить, как раньше, но только женатым снова овладела подозрительность, еще более сильная, и он приказал жене, чтобы она не глядела на друга так, как глядит. Она сказала об этом их другу и попросила того больше не говорить с ней, ибо ей не велено ему отвечать. И когда друг узнал из слов и из поведения ее мужа, что тот не сдержал своего обещания, он сказал ему в гневе:

— Если ты ревнуешь, то это вещь вполне естественная, но после всех твоих клятв я не могу примириться с тем, что ты так тщательно от меня это скрываешь, я ведь всегда думал, что между нами нет никаких посредников и преград. К моему большому огорчению, однако, я вижу, что это не так, хоть я тут и ни при чем. Ты не только ревнуешь свою жену ко мне, но хочешь еще скрыть от меня свою ревность, и недуг твой длится так долго, что превращается в ненависть. И так же, как любовь наша друг к другу не знала себе равной, неприязнь наша станет смертельной. Я сделал все, что мог, чтобы избежать этой неприязни, но если ты продолжаешь считать меня человеком вероломным и совсем не тем, что я на самом деле, — клянусь тебе, я стану таким, каким ты меня хочешь видеть, и не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь от твоей жены того, в чем ты меня заподозрил. И теперь бойся меня и знай, что если подозрения погубили твои чувства ко мне, то обида погубит мои к тебе.

И как его товарищ ни старался убедить его, что это не так, он уже ничему не поверил и, поделив с ним мебель и вещи, которые были у них общими, вывез свою часть из дома. И из преданных друзей они превратились в заклятых врагов, а тот из них, который не был женат, не успокоился до тех пор, пока действительно не наставил своему другу рога.

— Вот так, благородные дамы, случается со всеми теми, кто понапрасну подозревает своих жен. Ибо многие из них заставляют женщин быть такими, какими они их себе представят, ведь порядочную женщину легче победить отчаянием, чем всеми удовольствиями, какие есть на свете. И тот, кто говорит, что подозрение — это та же любовь, ошибается, ибо, хоть оно и рождается из любви, как зола из огня, оно, подобно золе же, тушит этот огонь.

— Мне кажется, что самое большое несчастье для человека — это быть заподозренным в том, в чем он неповинен. И что до меня, так я чаще всего порываю с друзьями именно из-за таких подозрений, — сказал Иркиан.

— Но можно ли оправдать женщину, которая, чтобы отомстить своему мужу, покрывает себя позором? — воскликнула Уазиль. — Она поступает, как тот, кто, не будучи в силах убить врага, убивает себя самого ударом шпаги или кто, не сумев его исцарапать, кусает себе потом пальцы. Лучше бы она вовсе перестала с ним разговаривать: муж бы тогда увидел, что напрасно ее подозревает, а время излечило бы их обоих.

— Она действительно оказалась достаточно смелой, — сказала Эннаскоита, — и если бы примеру ее последовали другие, то и мужья их не были бы такими наглецами, какими они иногда бывают.

— Что бы там ни было, терпение дает возможность женщине одержать победу, — сказала Лонгарина, — женское целомудрие достойно всяческой похвалы. И на этом нам надо остановиться.

— И все-таки женщина может не соблести целомудрия и при этом не согрешить, — сказала Эннаскоита.

— А как это может быть? — спросила Уазиль.

— Это бывает тогда, когда она принимает кого-нибудь другого за мужа.

— Что же это за дурочка, — сказала Парламанта, — что она не может отличить своего мужа от другого мужчины, как бы тот ни переодевался и ни изменял своей наружностью?

— И тем не менее, — сказала Эннасюита, — встречаются иногда и такие; их просто обманывают, сами они ни в чем не повинны и не совершили никакого греха.

— Если вы знаете такую женщину, — сказал Дагусен, — я передаю вам слово, чтобы вы нам о ней рассказали; мне трудно поверить, чтобы невинность и грех могли ужиться вместе.

— Послушайте, — сказала Эннасюита, — если предыдущие рассказы еще недостаточно убедили вас, что не следует поселять у себя в доме того, кто нас называет мирскими людьми, а себя почитает праведником и человеком более достойным, чем мы, — послушайте, что я вам сейчас расскажу. Я приведу вам еще один пример, для того чтобы так же, как сама я узнавала рассказы об ошибках, которые влечет за собой доверие к этим людям, теперь и вы узнали кое-что от меня и убедились, что они не только подвержены таким же страстям, как все прочие, но что коварства в них больше, нежели в других, и что в них даже есть нечто от дьявола.

НОВЕЛЛА СОРОК ВОСЬМАЯ

На постоялом дворе, где остановились два приезжих монаха, справляли свадьбу. Старший из монахов, который был похитрее другого, заметив, что молодая скрылась, последовал за нею в спальню и занял место ее мужа, в то время как тот развлекался, танцуя с гостями.

В одной из деревень Перигора на постоялом дворе была свадьба местной девушки, и родные и друзья жениха и невесты постарались сделать все, чтобы справить ее попышнее. В этот день в деревню прибыли два монаха, которым подали ужин в отведенной им комнате, ибо присутствовать на свадьбе лицам их положения не подобало. Но старший из монахов, который был похрабрее и похитрее другого, решил, что, раз его не допустили к свадебному столу, он пристроится к брачному ложу и сыграет с ними хорошую шутку. И когда настал вечер и начались танцы, монах этот долгое

время глядел в окно на молодую, которая ему показалась очень красивой. И, осторожно осведомившись у служанок, в какой комнате она будет спать, обнаружил, что комната эта расположена рядом с той, которую отвели им. Монах очень обрадовался и, начав караулить у окна, ожидая подходящей минуты, чтобы привести в исполнение свой замысел, увидел, как молодая прошла к себе в спальню, куда ее привели старухи, как это принято. А так как было еще очень рано, муж ее не хотел уходить с танцев и так увлекся ими, что, казалось, совсем позабыл о своей молодой жене. Монах же все время только о ней и думал, — и едва только услышал, что молодая улеглась спать, снял свою серую рясу и занял подле нее место мужа. Но, боясь, как бы его там не обнаружили, оставался очень недолго и вышел в коридор, в конце которого стоял его приятель, следивший, чтобы никто ему не помешал. Тот знаком показал ему, что муж все еще танцует. Монах, который не до конца еще утолил свое вожделение, вернулся к молодой женщине и покинул ее только тогда, когда друг дал ему знать, что пора уйти. Муж улегся в постель, и тогда жена его, которую монах до того уже замучил, что ей хотелось только поскорее уснуть, не удержалась и сказала:

— Ты что же, решил, должно быть, совсем не спать и измываться надо мной всю ночь?

Ее ни в чем не повинный муж, который только что лег, до крайности поразился и спросил ее, как он мог над ней измываться, если он все время был на танцах.

— Нечего сказать, хороши танцы, — воскликнула бедная женщина. — Ты уже третий раз являешься сюда и ложишься ко мне в постель. По-моему, тебе бы уж лучше спать.

Услыхав эти речи, муж ее был так изумлен, что забыл обо всем на свете и решил во что бы то ни стало узнать, что это все означает. Когда же она рассказала, что с нею было, он догадался, что это проделки одного из монахов, остановившихся на этом постоялом дворе. Он тут же вскочил с постели и кинулся в их комнату, которая была рядом. Увидав, что там никого нет, он принялся так громко кричать и звать на помощь, что все его друзья тут же сбежались. Узнав, в чем дело, они захватили свечи, фонари и, собрав всех собак, какие только были в деревне, стали помогать ему искать

францисканцев. И когда оказалось, что в доме их нигде нет, они принялись разыскивать беглецов повсюду и обнаружили их в винограднике. Там-то они уж и расправились с монахами так, как те заслужили; исколотив их, они отрезали им руки и ноги и оставили их на винограднике под охраной Вакха и Венеры, ибо их настоящими учителями были именно они, а отнюдь не святой Франциск.

— Не удивляйтесь, благородные дамы, что люди эти, отрешившись от жизни, которой живем мы все, совершают поступки, которых разбойники с большой дороги — и те бы постыдились. Удивляться надо тому, что они не поступают еще хуже, когда господь оставляет их, ибо, если человек носит рясу, это не значит еще, что он настоящим монахом, и нередко гордыня может погубить всю их святость. Что же касается меня, то я хочу следовать завету святого Иакова: устремить сердце свое к господу, хранить его чистым и незапятнанным и всеми силами помогать ближнему.

— Господи! — воскликнула Узиль. — Неужели же мы никогда не кончим говорить об этих противных францисканцах!

— Уж если мы не щадим ни знатных дам, ни дворян, ни принцев, — ответила Эннасюита, — то, мне кажется, мы оказываем францисканцам большую честь тем, что все-таки снисходим до того, чтобы говорить о них. Ведь сами по себе это настолько никчемные и бесполезные люди, что, если бы они не сотворили никакого зла, о котором стоило бы вспомнить, о них вообще было бы нечего рассказать. Говорят же, что лучше уж совершить дурной поступок, чем вообще не совершить никакого. А чем разнообразнее будет наш букет новелл, тем он будет прекраснее.

— Если вы обещаете мне, что на меня не рассердитесь, — сказал Иркиан, — я расскажу вам историю одной знатной дамы, которая оказалась такою распутницей, что вы легко простите бедному монаху то, что он удовлетворил свою прихоть так, как мог; ведь та, которой и без этого хватало всякой еды, слишком уж непотребно искала лакомства.

— Мы все обещали друг другу говорить одну только правду, — сказала Узиль, — поэтому мы должны

выслушать эту историю. И вы можете говорить обо всем совершенно откровенно, потому что, рассказывая о пороках мужчин и женщин, мы вовсе не хотим устыдить этим именно тех, о которых в данном случае идет речь, а хотим вообще избавить людей от самоуверенности и самомнения, показав им все напасти, которым они подвержены, для того чтобы надеялись и полагались мы только на господя, ибо он один совершенен и без него человек — ничто.

— Ну, раз так, — сказал Иркиан, — я не стану ничего опасаться и сейчас расскажу вам мою историю.

НОВЕЛЛА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Несколько французских дворян, видя, что король, их господин, пользуется расположением одной графини-иностранки, которая ему нравилась, решились заговорить с ней и, начав добиваться ее взаимности, получили от нее все, что им было нужно, но притом так, что каждый из них был уверен, что он — единственный избранник ее сердца. Когда один из них это обнаружил, они решили все вместе отомстить ей, но так как она сделала вид, что ничего не случилось, и не изменила своего обращения с ними, они промолчали, и устыдить ее им так и не удалось.

При дворе короля Карла — я не стану говорить какого, чтобы не задеть честь дамы, о которой я собираюсь сейчас рассказать вам и чье имя я не хочу называть, — жила графиня, происходившая из очень знатного рода, но иностранка; и так как всякая невидаль всегда нравится людям, дама эта необычностью своих нарядов и их богатством обратила на себя внимание всех придворных. И хоть ее нельзя было назвать красавицей, в ней было много обаяния. Держала она себя очень независимо, но сдержанно и с большим достоинством, и умела выбирать слова, и никто при дворе не решался приблизиться к ней, кроме самого короля, которому она очень нравилась. И чтобы иметь возможность поговорить с нею наедине, король дал какое-то поручение мужу ее, графу, так что тот находился долгое время в отсутствии. И все это время король пользовался большим вниманием со стороны графини. Несколько придворных, узнав о том, что она выказала столько расположения их господину, осмелились в свою очередь

заговорить с ней. И среди прочих был некий Астильон, статный красавец и человек очень решительный. Сначала графиня обошлась с ним весьма сурово и даже пригрозила, что расскажет обо всем королю, его господину, думая, что это его испугает. Но Астильон привык не бояться угроз своего сурового повелителя, не струсил он и перед ней. И он стал так настойчиво ухаживать за графиней, что она позволила ему поговорить с ней наедине и научила, как проникнуть к ней в спальню. Он во всем последовал ее совету и, для того чтобы король ни в чем его не мог заподозрить, попросил отпустить его, сказав, что ему куда-то надо поехать. И он действительно покинул двор, но в первый же день, оставив всю свою свиту, вернулся один ночью, чтобы графиня могла сдержать свое обещание. Она сдержала его, и Астильон остался так доволен ею, что с превеликой радостью просидел пять или шесть дней запертый у нее в гардеробной, откуда никуда не выходил и кормился только той пищей, которую ему туда приносили. И после того как он отсидел там целую неделю, один из его товарищей, по имени Дюрасье, стал в свою очередь ухаживать за графиней. Она повела с ним себя так же, как и с его предшественником. Вначале она говорила с ним сурово и резко, но постепенно с каждым днем смягчалась — и, когда настало время выпустить из заточения первого узника, она сразу же водворила на его место второго. Затем та же участь постигла и третьего, которого звали Вальнебон, а вслед за ним еще двоих или троих, которых точно так же подвергали этому сладостному заточению.

Так продолжалось довольно долго, и графиня была до того хитра, что ни один из придворных ничего не знал обо всех остальных. И несмотря на то, что каждый из них замечал, что другие увлечены графиней так же, как и он, каждый считал себя единственным счастливецом, обладающим всем, чего хочет. И каждый втайне подсмеивался над товарищем, считая, что от того это счастье ускользнуло. Однажды, когда все эти молодые люди собрались вместе на торжественном празднестве, где их хорошо угощали, они стали вспоминать былые удачи и неудачи, войны и тюрьмы. И тогда Вальнебон, которому не терпелось рассказать о великой удаче, выпавшей на его долю, сказал своим товарищам:

— Не знаю, в каких тюрьмах сидели вы, но у меня

было одно заточение, которое так мне полюбились, что я теперь всю жизнь буду восхвалять все другие, — и, по моему, нет такой радости на свете, на которую бы я променял этот плен.

Астильон, который был первым, кто испытал это заточение, начал догадываться, о какой тюрьме он говорит, и спросил:

— Скажи мне, Вальнебон, кто же был твоим тюремщиком или тюремщицей и кто так хорошо обходился с тобой, что заставил тебя полюбить твоё заточение?

— Кто бы ни был этот тюремщик, — отвечал Вальнебон, — заточение мое было мне так приятно, что я был бы рад, если бы оно длилось еще дольше, ибо никогда со мной не обращались так ласково и нигде я не чувствовал себя счастливее.

Дюрасье, человек не особенно разговорчивый, отлично понял, что речь идет о той самой тюрьме, в которой и ему, как и всем остальным, довелось побывать, и спросил Вальнебона:

— Какими же яствами тебя потчевали в узилище, которое ты так расхвалил?

— Какими яствами? — переспросил Вальнебон. — Да у самого короля нет ничего вкуснее и сытнее того, что я там отведал.

— Мне хочется еще узнать, — сказал Дюрасье, — хороша ли была та работа, которую тебя заставляли делать, чтобы ты не даром там ел свой хлеб?

Вальнебон, сообразив, что тайну его разгадали, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Бог ты мой! Да неужели же там, где я считал себя единственным избранныком, у меня, оказывается, есть товарищи?

Астильон, слыша разговор о приключениях, в которых и он принимал участие, как и все остальные, сказал смеясь:

— У всех у нас один господин! С детства мы все товарищи и друзья! Поэтому раз уж мы оказались участниками общего дела, нам остается только над всем этим посмеяться. Но, чтобы удостовериться в том, что подозрения мои справедливы, позвольте мне обо всем вас расспросить и, прошу вас, говорите одну только правду, ведь если действительно со всеми нами произошло то, что я думаю, то это такая забавная история, какую и за тысячу лье не сыщешь.

Товарищи его поклялись, что будут говорить только правду, ибо скрыть ее уже было нельзя.

— Я расскажу вам, что приключилось со мной, — сказал Астильон, — а вы будете лишь говорить «да» или «нет», смотря по тому, так или не так было и с вами.

Все согласились, и тогда он начал:

— Я попросил короля отпустить меня, сказав, что мне надо поехать по делам.

— И я, и я тоже! — воскликнули его друзья.

— Отъехав на расстояние двух лье от дворца, я оставил всех моих слуг и вернулся для того, чтобы сесть в тюрьму.

— И я, и я! — закричали все.

— Неделю или больше я пребывал в заточении, — сказал Астильон, — и жил в гардеробной, где меня кормили самой укрепляющей пищей и потчевали такими яствами, каких мне раньше никогда не доводилось испробовать. Когда же те, кто меня держал, надумали меня выпустить, я почувствовал, что за это время очень ослаб.

Все подтвердили, что то же самое случилось и с ними.

— Меня посадили в тюрьму в такой-то день, — сказал Астильон.

— А меня в тот самый день, когда выпустили тебя, и держали до такого-то дня.

Вальнебон вышел из себя и стал ругаться и кричать:

— Черт возьми, выходит, что я был третьим по счету, а я-то был уверен, что я первый и единственный: меня посадили в такой-то день, отпустили в такой-то.

Остальные трое сидевшие за столом поклялись, что то же самое потом случилось и с ними.

— Ну, раз это так, — сказал Астильон, — я скажу вам, кто такая наша тюремщица; она замужем, и муж ее сейчас в далеких краях.

— Да, конечно, это она, — ответили все.

— Тогда, чтобы больше не ломать себе голову, — сказал Астильон, — раз я был первым, я первый и назову ее имя: это графиня, которая так неприступна, что, когда я завоевал ее расположение, мне показалось, что я одержал победу над Цезарем.

— Черт бы побрал негодницу, которая заставила нас положить столько сил на одно и то же дело и радоваться

мнимой победе над нею! — воскликнул один из его товарищей. — Свет еще не видел такого коварства, ведь пока один из нас находился в убежище, она уже готовила себе другого, чтобы даже на день не лишить себя приятного времяпрепровождения. Я готов пойти на смерть, только бы не оставить ее безнаказанной!

И приятели стали советовать друг с другом, как лучше было бы ее проучить, ибо все сошлись на том, что должны это сделать.

— По-моему, — сказал один из них, — мы должны обо всем рассказать господину нашему, королю, который почитает ее настоящей богиней.

— Нет, этого мы делать не станем, — возразил Астильон, — у нас и без того достаточно средств, чтобы ей отомстить. Давайте лучше завтра, когда она пойдет слушать мессу, встретим ее все вместе, и пусть у каждого из нас на шее будет железная цепь. И когда она войдет в церковь, мы все поклонимся ей, как подobaет.

Вся компания одобрила это предложение, и каждый из друзей достал себе по цепи. Наутро они явились одетые во все черное, и вокруг шеи каждого, наподобие ожерелья, была намотана железная цепь. И они стали дожидаться графини, которая должна была прийти в церковь. Едва только она их увидела, как принялась смеяться и сказала:

— Куда это собрались идти эти несчастные?

— Госпожа наша, — ответил Астильон, — мы пришли, чтобы сопровождать вас, ибо все мы — бедные рабы, мы — узники, которые призваны служить вам.

Графиня сделала вид, что не поняла его слов и сказала:

— Я вовсе не считаю вас своими узниками и не думаю, что вы служите мне больше, чем остальные.

— Если мы столько времени могли есть ваш хлеб, мы были бы неблагодарными, если бы не захотели теперь послужить вам.

Графиня притворилась, что не понимает, о чем он говорит, и хотела удивить их своим равнодушием. Но они так убедительно говорили, что она сообразила, что тайна ее раскрыта. Однако она сразу же нашла средство обмануть их, ибо, несмотря на то, что потеряла и честь и совесть, она не хотела, чтобы на ее голову лег позор, которыми они собирались ее заклеймить. И так как наслаждение было для нее превыше всякой чести, она ни-

сколько не смутилась и не переменялась в лице; молодые люди были так этим поражены, что ушли ни с чем, оставив при себе все то, чем они хотели ее устыдить.

— Благородные дамы, если вы не считаете, что в этой истории достаточно хорошо рассказано о женщинах столь же порочных, как и мужчины, я попытаюсь припомнить еще и другие, чтобы вам их потом рассказать. Однако мне кажется, что вам довольно и этой, чтобы увидеть, что женщина, потерявшая стыд, может причинить во сто раз больше зла, чем мужчина.

Слушая этот рассказ, все женщины до одной крестились. Им казалось, что они видят перед собою всех дьяволов.

— Благородные дамы, — сказала Уазиль, — исполнимся все смирения, слушая эту страшную повесть, — ведь женщина, которую оставил господь, становится сама похожей на того, с кем она соединилась. Если в приближающихся к господу присутствует дух божий, противоположное происходит с теми, кто приближается к врагу рода человеческого. И самым настоящим скотом становится человек, которого покинул господь.

— Какова бы ни была эта несчастная, — сказала Эннасюита, — не заслуживают похвалы и те, кто хвастает своим заточением.

— Я считаю, — ответила Лонгарина, — что мужчине так же трудно скрывать свое счастье, как его добиваться, ибо как ни один охотник не откажет себе в удовольствии, завидев добычу, трубить в рог, так нет и такого любовника, которому бы не хотелось похвастаться своей победой.

— Окажись я даже перед лицом всех инквизиторов церкви, вместе взятых, — воскликнул Симонто, — я почту такое утверждение за ересь, ибо скрытных мужчин на свете больше, нежели скрытных женщин. И я знаю немало таких, которые готовы были бы отказаться от всех радостей любви, если бы знали, что им не избежать огласки. Потому-то наша Церковь, как подобает любящей матери, заботится о том, чтобы исповедниками были только мужчины, — женщины ведь неспособны хранить тайну.

— Это вовсе не потому, — сказала Уазиль, — просто женщинам до того ненавистен всякий порок, что они никогда бы не дали так легко отпущения грехов, как

мужчины, и, налагая епитимьи, были бы чересчур суровы.

— Если бы женщины, исповедуя, были так же жестоки, как они жестоки в своих речах, — сказал Дагусен, — они бы всех грешников довели до отчаяния, вместо того чтобы помочь им спастись. Церковь все это хорошо предвидела. Но это не значит, что я хочу оправдывать этих сеньоров, которые так хвастали своим заточением, ибо не к чести мужчины хулить и позорить женщину.

— Раз участь их была одинакова, — сказал Ирман, — то, по-моему, они правильно поступали, утешая друг друга.

— Но как раз во имя собственной чести им и не следовало посвящать в свою тайну другого, — возразил Жебурон. — Ибо книги Круглого Стола учат нас, что рыцарю сильному победа над слабым никогда не приносит чести.

— Удивительно, — сказала Лонгарина, — как эта несчастная, когда увидела всех своих узников вместе, не умерла от стыда.

— Людям, которые потеряли стыд, — сказала Уазиль, — стоит большого труда его вернуть. Это удастся только тем, которых забыть его заставила большая любовь. И мне пришлось видеть, что многие из таких возвращались на прежний путь.

— Должно быть, возвращались как раз те, кому было откуда возвращаться, — сказал Ирман, — не так-то легко найти женщин, способных сильно любить.

— Я с вами не согласна, — сказала Лонгарина, — я убеждена, что есть женщины, которые любят до самой могилы.

— Мне так хочется послушать ваш рассказ, — сказал Ирман, — что я передаю вам слово, дабы вы убедили меня, что женщины способны на такую любовь, какой, по-моему, у них никогда не встретить.

— Когда вы его услышите, — сказала Лонгарина, — вы мне поверите и согласитесь, что нет чувства более сильного, чем любовь. Но так же, как любовь заставляет совершать почти невозможное, чтобы обрести в этой жизни радость, — так, больше чем какое-либо другое чувство, она способна привести в отчаяние любого мужчину и любую женщину, которые теряют надежду на исполнение своих желаний, и вы это увидите.

НОВЕЛЛА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Господин Джованни Пьетро долгое время тицетно преследовал своими ухаживаниями соседку, в которую был страстно влюблен. И чтобы больше о ней не думать, он перестал показываться ей на глаза. От этого на него напала такая тоска, что врачам пришлось назначить ему кровопускание. Дама эта, знавшая причину его недуга, решила тогда согласиться на то, в чем раньше ему всегда отказывала, и, думая этим его спасти, в действительности ускорила его кончину; после чего, понимая, что по своей вине она потеряла такого верного друга, она разделила его участь, лишив себя жизни ударом шпаги.

В городе Кремоне не так давно жил некий дворянин, господин Джованни Пьетро, который долгое время любил одну даму, жившую с ним по соседству. Но как он ни старался, он не мог добиться от нее того, чего хотел. А меж тем дама эта его любила. Несчастный дворянин, измученный и удрученный, затворился у себя в доме и решил, что больше не будет понапрасну гнаться за ее любовью, ибо может поплатиться за это жизнью. И он решил, что, если несколько дней не будет видеть ее, это поможет ему перестать о ней думать. Но вместо этого он затосковал и так переменялся в лице, что его невозможно было узнать. Родные его позвали врачей, и те, видя, что он весь пожелтел, решили, что у него закупорка желчного протока, и назначили кровопускание. Дама же эта, которая столько времени упорствовала, отлично знала, что причиной его болезни явился ее отказ. И она послала к нему старушку, которой вполне доверяла. Она поручила передать несчастному, что, убедившись, что чувство его к ней — не притворство, а истинная любовь, она решила уступить ему в том, в чем столько времени отказывала, и что ей удалось отыскать такое место, где они могли бы увидеться наедине. Дворянин, которому в этот день утром пускали кровь из руки, после ее слов почувствовал себя лучше, чем после всех лекарств и кровопусканий. И он велел передать ей, что непременно придет туда в тот час, который она ему назначила, прибавив к этому, что она совершила настоящее чудо, ибо своими несколькими словами излечила его от такой болезни, спасти от которой его не мог ни один врач. Как только настал долгожданный вечер, дворянин направился в то место, которое ему указали, и радость его была так

велика, что ей все равно должен был наступить конец, ибо большей она быть уже не могла. И ему не пришлось долго ожидать: та, в ком он не чаял души, очень скоро к нему явилась. Он не стал заниматься изливаниями любви, ибо пожиравший его огонь побудил его со всей поспешностью добиваться того, на что у него едва хватало сил. И он был до того опьянен любовью и наслаждением, что, надеясь найти средство к спасению, вместо этого ускорил свою смерть. Забыв ради любимой, сколь он слаб, он не заметил, как его забинтованная рука развязалась и стала так кровоточить, что беднягу всего залило кровью; тогда, решив, что обессилел он от избытка страсти, он захотел вернуться домой. Но любовь, безраздельно связавшая их, не стала их разлучать: в ту минуту, когда он расставался с подругой, душа его рассталась с телом. Он потерял столько крови, что упал бездыханным к ногам своей дамы, которая была в отчаянии, увидев, что безвозвратно потеряла любимого и сама была причиною его смерти. И, думая о своем горе, она стала думать и о позоре, который покроет ее имя, когда труп обнаружат у нее в доме. И вот, вместе со своей служанкой, которой она доверяла, она вынесла мертвое тело на улицу, но не захотела покидать его и, взяв шпагу покойного, пронзила насквозь сердце, причинившее ей столько горя, чтобы за все его наказать, и упала мертвой на тело любимого. А наутро отец и мать ее увидели эту жалостную картину из окна и, оплакав, как полагается, свою дочь, похоронили любовников вместе.

— Итак, благородные дамы, мы видим, что чрезмерная любовь приводит к несчастью.

— Что мне больше всего нравится в этой истории, — сказал Симонто, — так это то, что оба они любили друг друга одинаково страстно: когда дворянин этот умер, подруга его не захотела без него жить. И если бы господь послал мне такую женщину, я уверен, что полюбил бы ее так, как никого еще не любил.

— А мне все же кажется, — сказала Парламанта, — что вы не будете так ослеплены любовью и подумаете о том, чтобы сначала перевязать себе руку, чего этот человек не сделал. Прошло ведь то время, когда мужчины готовы были совсем о себе забыть ради дам.

— Да, но не прошло время, когда дамы забывают о жизни своих кавалеров и думают только о наслаждении.

— По-моему, на свете нет такой женщины, — сказала Эннасquita, — которая могла бы радоваться смерти мужчины, будь он даже ее злейшим врагом. Но уж если мужчины решаются убивать себя, дамы не могут их от этого уберечь.

— Да, но та, которая отказывает в куске хлеба человеку, умирающему от голода, этим его убивает, — сказал Сафредан.

— Если бы ваши просьбы были столь же основательны, — сказала Уазиль, — как просьба нищего, который молит о самом необходимом, то со стороны дам было бы непомерной жестокостью отказать вам. Но боже сохрани! Недуг этот убивает только тех, кто и без него умер бы очень скоро.

— А по-моему, госпожа моя, — сказал Сафредан, — нет потребности большей, нежели эта: она заставляет позабыть обо всех остальных, ибо, когда человек сильно любит, ему не нужно ни хлеба, ни другой еды, а только один взгляд, одно слово любимой женщины.

— Если бы вас заставили поголодать и не дали вам еды, вы заговорили бы по-другому, — сказала Уазиль.

— Уверяю вас, — воскликнул Сафредан, — что плоть человека может не выдержать, но чувство и воля выдержат всегда.

— Так, стало быть, — сказала Парламанта, — господь оказал вам большое благодеяние, послав туда, где любовь приносит вам так мало радости, что приходится искать утешение в еде и питье. А делаете вы это с таким усердием, что вам следовало бы благословлять бога за столь сладостную жестокость.

— Мне столько довелось испытать настоящих страданий, — сказал Сафредан, — что я уже начинаю благословлять те муки, на которые жалуются иные.

— Скажите, а может быть, ради того чтобы слушать наши сетования, вам приходится отказывать себе в обществе, которое вам приятно и где вы являетесь желанным гостем, — сказала Лонгарина, — нет ведь ничего более досадного, чем навязывать кому-то свои чувства.

— Но предположите только, — воскликнул Симонто, — что жестокая дама...

— Знаете что, если мы станем слушать до конца все, что захочет высказать Симонто, а вопрос этот особенно затрагивает его, — сказала Уазиль, — мы придем только к самому концу вечерни. Давайте лучше возблагодарим господу за то, что день этот у нас прошел без больших разногласий и споров.

Она поднялась с места первая, и все остальные последовали за ней. Но Симонто и Лонгарина все еще продолжали спорить — и так нежно, что, не прибегая к шпаге, Симонто одержал победу, доказав, что сильная страсть и есть насущная потребность. Разговаривая так, они вошли в церковь, где их поджидали монахи. После вечерни все отправились ужинать, и ужин их состоял не только из хлеба, но и из речей, ибо разговор свой они продолжали все время и встали из-за стола только тогда, когда Уазиль сказала, что пора отдыхать, что рассказы, которыми они заполнили эти дни, были очень интересны и она надеется, что и шестой день не уступит первым пяти, ибо невозможно даже выдумать истории более занимательные, чем те истинные происшествия, которые рассказывали в их компании.

Но Жебюрон заметил, что пока мир будет существовать, будут все время совершаться разные происшествия, стоящие того, чтобы их запомнить

— Коварство людей всегда остается таким, каким оно было, — сказал он, — как и добродетель людей добрых. Покуда коварство и доброта будут царить на земле, всегда будет совершаться нечто новое, хотя и написано, что ничто не ново под солнцем. Что же до нас, то мы ведь не были приглашены на тайный совет к господу богу, — мы не знаем первопричины всего, и поэтому все, что создается вновь, кажется нам тем более восхитительным, чем менее мы сами склонны или способны что-либо сотворить. Поэтому не бойтесь, что дни, которые последуют за этими, окажутся менее интересными, чем прошлые, и со своей стороны подумайте о том, чтобы хорошо исполнить свой долг.

Уазиль сказала, что она полагается на господу, и, благословив их, пожелала всем спокойной ночи. На этом все разошлись по своим комнатам, и окончился пятый день.

Конец пятого дня

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

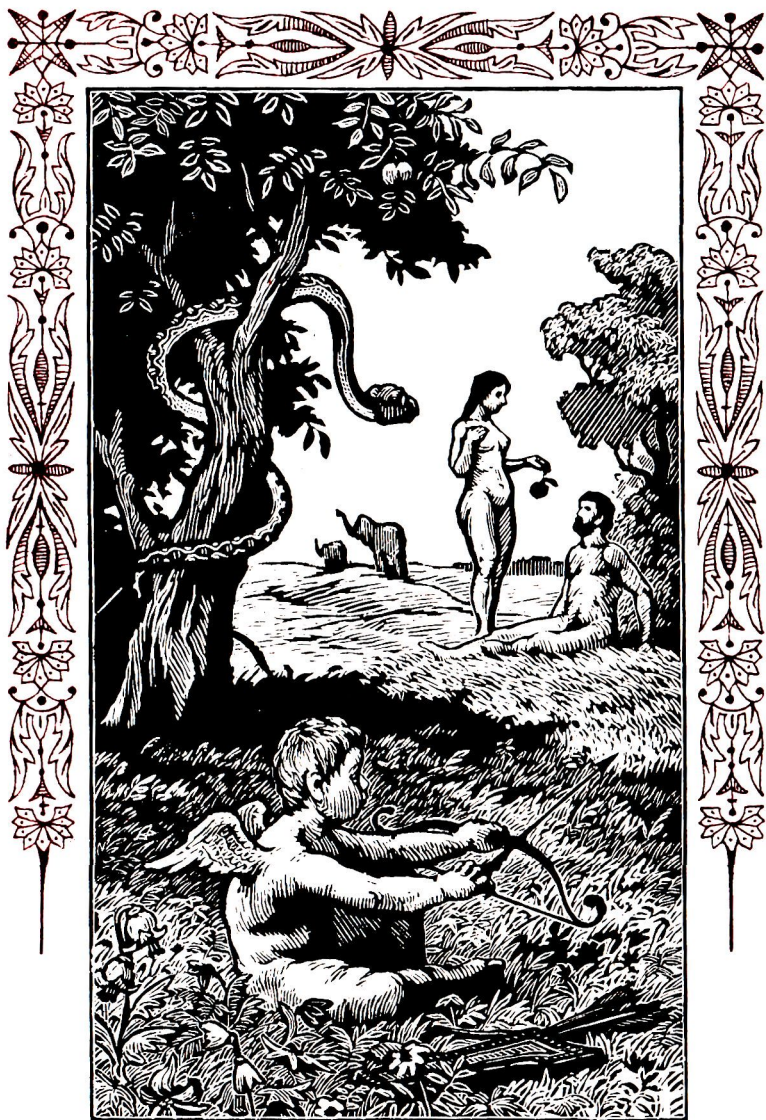
В шестой день идет разговор о том, как мужчины обманывают женщин, женщины — мужчин и женщины — женщин, побуждаемые скупостью, коварством или жаждою мести.

ВСТУПЛЕНИЕ

Утром госпожа Уазиль раньше, чем обычно, вышла в трапезную, чтобы подготовиться к чтению Священного писания, но остальным так хотелось поскорее ее услышать, что, узнав об этом, они поспешили одеться и не заставили ее долго себя ждать. Она же, видя такое рвение, прочла им Послание апостола Иоанна, посвященное любви, потому что перед этим она читала и разъясняла им Послание апостола Павла к римлянам. Слова его так понравились всей компании, что, хотя чтение и отняло у них лишних полчаса, им показалось, что не прошло и четверти часа. После этого все пошли слушать утреннюю мессу, и каждый устремил свои помыслы к духу святому, дабы набраться сил для этого дня и увлечь своих друзей занимательною беседой. Пообедав и отдохнув немного, все вернулись к своему привычному времяпрепровождению. И госпожа Уазиль спросила тогда, кто начнет этот день.

— Я предоставляю слово госпоже Уазиль, — отвечала Лонгарина. — Она так замечательно читала нам утром, что не может быть, чтобы она не рассказала нам какую-нибудь историю, которая явится достойным завершением того, что она начала.

— Мне жаль, что сейчас я не могу рассказать вам ничего столь же полезного для вас, как прочитанное утром, — сказала Уазиль, — но тем не менее мораль моего рассказа находится в согласии с Писанием, где говорится: «Не полагайтесь ни на князей мира, ни на сынов человеческих, ибо они не принесут вам спасения». И для того, чтобы, не имея перед глазами примера, взятого из жизни, вы не позабыли об этой истине, я расскажу вам одну правдивую историю, память о которой совсем еще свежа, так что даже на глазах у тех, кто был очевидцем этого грустного происшествия, еще не успели высохнуть слезы.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Невзирая на обещание, данное жене, герцог Урбинский приказывает повесить одну из девушек, служивших при его дворе, с помощью которой его сын передавал записки избранице своего сердца. (Юноша собирался жениться на ней, однако отец был против этого брака, ибо считал ее недостаточно богатой и недостойной войти в их дом.)

У герцога Урбинского, папского префекта, женатого на сестре первого герцога Мантуанского, был сын лет восемнадцати—двадцати, который влюбился в девушку из хорошей и благородной семьи, сестру аббата Фарса. И так как обычаи страны не позволяли ему поговорить с нею на свободе, как ему бы хотелось, он воспользовался услугами одного дворянина, находившегося у него на службе, — который был влюблен в девушку из свиты его матери, очень красивую и порядочную, — и через нее стал передавать своей возлюбленной нежные письма. Бедная девушка не видела в этом ничего дурного, она была только рада, что может оказать ему услугу, считая, что, будучи человеком честным и благородным, сын герцога не станет передавать ничего такого, что могло бы ей повредить. Герцог же, заботившийся больше о благе своей семьи, нежели о счастье влюбленных, очень опасался, что любовная связь сына в конце концов принудит его жениться на сестре аббата, и стал за ними следить. И ему донесли, что девушка герцогини замешана в этом деле и что именно она передавала письма, которые его сын писал к той, кого любил больше всего на свете. Герцога это так взбесило, что он решил ее наказать. А так как скрывать свою ярость он не умел, девушку успели предупредить, и она, зная, что коварство герцога весьма велико, а совести у него совсем нет, не на шутку перепугалась. И она пришла к герцогине, моля отпустить ее, чтобы она могла скрыться, пока гнев герцога не успокоится, и побыть это время в каком-нибудь надежном месте, где ему не удалось бы ее найти. Но герцогиня сказала, что, прежде чем отпустить ее, она попытается узнать, что собирается делать ее муж. Вскоре же, однако, она услышала, сколь злобен был замысел герцога, — и, хорошо зная его нрав, не только отпустила девушку, но даже сама посоветовала ей отправиться в монастырь и оставаться там до тех пор, пока гроза не стихнет; та так и сделала и уехала,

стараясь, чтобы об отъезде ее никто не узнал. Герцогу, однако, удалось проведать, что та, которая вызвала его гнев, успела скрыться. Изобразив на своем лице притворную радость, он спросил у жены, куда она исчезла. Жена его, решив, что он и так уже все знает, рассказала ему всю правду. Тогда герцог сделал вид, что не собирается причинять девушке никакого зла, и попросил жену устроить так, чтобы она вернулась, дабы вокруг ее отъезда не поднялась дурная молва. Герцогиня ответила, что, раз уж приключилась такая беда, что она попала в его немилость, было бы все же лучше, чтобы какое-то время она не попадалась ему на глаза. Но герцог не захотел ничего слушать и приказал жене во что бы то ни стало вернуть беглянку. Герцогиня тотчас же объявила несчастной волю герцога, но та ни за что не хотела возвращаться и, отлично зная, что герцог не так легко прощает обиды и что с его стороны это только притворство, попросила госпожу свою не брать ее из монастыря. Та, однако, заверила ее, что герцог не сделает ей ничего худого, и поклялась в этом жизнью своей и честью. Девушка, которая хорошо понимала, что герцогиня любит ее и не станет ни с того ни с сего ее обманывать, поверила ее обещаниям, считая, что герцог не осмелится совершить ничего такого, что могло бы задеть честь его жены. И вместе со своей госпожой она вернулась во дворец. Но едва только герцог узнал о ее возвращении, он тут же явился в комнату жены.

«Ах, так, значит, она здесь!» — воскликнул он, увидя девушку, — и, обернувшись к своей свите, велел тотчас же схватить ее и отвести в тюрьму. Тогда обманутая герцогиня, которая сама уговорила девушку покинуть надежное убежище, клятвенно обещав ей, что с ней ничего не случится, кинулась перед мужем на колени и в отчаянии стала молить его во имя любви к ней и ко всему их дому не учинять жестокой расправы. Она сказала, что привезла ее домой из места, где она была в безопасности, только для того, чтобы не ослушаться его приказания. Но никакие мольбы и никакие доводы не в силах были смягчить сердце герцога и заставить его отказаться от мысли о мести. Ничего не ответив жене, он сразу же ушел и тут же, презрев всякую справедливость, забыв бога и честь дома своего, велел повесить несчастную. У меня нет слов, чтобы рассказать вам, в каком отчаянии была герцогиня, — да и

как иначе могла себя чувствовать женщина благородная и с добрым сердцем, видя, как по ее вине погибла та, которую она хотела спасти? А что же сказать о безысходном горе несчастного дворянина, который любил эту девушку! Стараясь сделать все, что мог, для того чтобы спасти ей жизнь, он предложил отдать за нее свою. Но сердце герцога не знало жалости; он хотел только одного — отомстить тем, кого ненавидел. Так и была повешена эта невинная девушка по приказу жестокого герцога, поправшего все законы чести, к великой скорби всех, кто ее знал.

— Вот, благородные дамы, к чему приводит злонамеренность, соединенная с властью.

— Я слышала, — сказала Лонгарина, — что есть три порока, которым итальянцы больше всего подвержены, но я никогда бы не подумала, что мстительность и жестокость их могли зайти так далеко, что такой незначительный проступок повлек за собой столь жестокую казнь.

— Лонгарина, вы покамест назвали нам только один из трех пороков, — смеясь, воскликнул Сафредан, — но какие же есть еще?

— Если бы вы не знали, — сказала Лонгарина, — я бы непременно вам их назвала, но я уверена, что вам хорошо известны все три.

— Значит, я, по-вашему, так уж порочен? — спросил Сафредан.

— Вовсе нет, — ответила Лонгарина, — но вы так хорошо знаете, сколь отвратителен порок, что вам легче избежать его, нежели кому бы то ни было другому.

— Не удивляйтесь этой жестокости, — сказал Симонто, — тем, кто бывал в Италии, приходилось видеть страшные преступления; по сравнению с ними это суший пустяк

— Это верно, — сказал Жебюрон, — когда французы заняли Ривольту, там был один итальянский капитан, которого все считали добрым малым. И что же, увидев тело убитого врага — а врагом он мог считать этого человека только потому, что тот был гвельф, а сам он гибеллин, — он вытащил из груди его сердце и, с великой поспешностью поджарив его на углях, съел его, а когда его спросили, каково оно на вкус, сказал, что

никогда не едал ничего вкуснее и лакомее этого блюда. Ему, однако, и этого было мало, — он убил беременную жену погибшего и, вытащив из чрева ее плод, разбил его об стену. После этого он насыпал в эти растерзанные тела овса и стал кормить им лошадей. Как вы думаете, мог такой человек пощадить девушку, если бы он заподозрил, что она против него что-то содеяла?

— Надо сказать, — заметила Эннасюита, — что герцог Урбинский не столько был разгневан тем, что сын его хотел жениться по влечению сердца, сколько тем, что девушка эта была бедна.

— Мне кажется, что вы не должны в этом сомневаться, — ответил Симонто, — вполне естественно, что итальянцы любят сверх меры то, что создано лишь для служения плоти.

— Еще того хуже, — сказал Иркан, — они обожают вещи, которые противны природе человека.

— Вот это и есть те грехи, которые я имела в виду, — сказала Лонгарина, — вы ведь хорошо знаете, что любить деньги ради них самих — это значит сотворить себе кумир.

Парламанта сказала, что апостол Павел не забыл пороков, свойственных итальянцам, говоря о людях, которые считают себя превыше всех остальных в том, что касается чести, благоразумия и ума, и которые так утверждают в этом мнении, что не воздают господу всего, что должны ему воздавать. И поэтому Всемогуций, оскорбленный этой дерзостью людей, возомнивших себя умнее всех, делает их еще более неразумными, чем дикие звери, и своими поступками, противными человеческой природе, они только лишний раз доказывают свое безрассудство.

Лонгарина прервала ее речь, чтобы сказать, что это и есть третий грех, которому подвержены эти люди.

— Поверьте, мне было очень приятно слушать все, что вы говорили, — сказала Номерфида, — ибо если те, которые почитаются самыми умными и красноречивыми, бывают наказаны и становятся глупее, чем скоты, приходится сделать вывод, что в людях смиренных, скромных и заурядных, к каким себя отношу и я, пребывает поистине ангелическая мудрость.

— Уверяю вас, что я держусь такого же мнения, — сказала Уазиль, — ибо самым невежественным оказывается тот, кто считает, что знает все.

— Я никогда не видел, — сказал Жебюрон, — ни одного насмешника, над которым бы потом не посмеялись, ни одного обманщика, которого бы не обманули, ни одного гордеца, который бы не был впоследствии унижен.

— Вы мне напомнили, — сказал Симонто, — об истории одного обмана, — и, если бы она была более пристойной, я бы охотно вам ее рассказал.

— Раз уж мы собрались здесь, чтобы говорить правду, — воскликнула Уазиль, — то, какова бы ни была эта история, я передаю слово вам, чтобы вы нам ее рассказали.

— Извольте, я готов это сделать, — сказал Симонто.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Слуга аптекаря, обогнав шедшего впереди адвоката, который постоянно с ним враждовал и которому он был рад отомстить, выронил из рукава комок мерзлого кала, завернутый в бумагу и похожий формой своей на головку сахара. Адвокат поднял его и спрятал за пазуху, после чего отправился с приятелем завтракать в таверну, где ему пришлось самому испытать и стыд и унижение, которым он хотел подвергнуть несчастного слугу.

Близ города Алансона жил некий дворянин, имя его было де ля Тирельер. Однажды утром ему понадобилось пойти в город. Это было совсем недалеко, а так как стоял трескучий мороз, он надел теплую шубу на лисьем меху. Окончив дела, он разыскал своего приятеля — адвоката, которого звали Антуан Башере; поговорив с ним о разных разностях, он сказал, что хотел бы где-нибудь хорошо позавтракать, но непременно за чужой счет. Разговаривая так, они сели отдохнуть возле лавки аптекаря. И разговор этот подслушал слуга аптекаря, который сразу же сообразил, каким завтраком их хорошо будет угостить. Выйдя из лавки, он пошел на ту улочку, куда люди обычно ходили за нуждой, и подобрал там порядочную колбаску, основательно уже подзамерзшую и формой своей походившую на головку сахара. Он тут же завернул ее в белую бумагу так, как обычно завертывал покупки, постарался, чтобы сверток выглядел попригляднее, и, спрятав его в рукав, обогнал дворянина и адвоката и как бы нечаянно его выронил,

после чего вошел в дверь дома, куда он якобы был с ним послан. Де ля Тирельер поторопился поднять сверток, будучи уверен, что это сахар. Не успел он это сделать, как слуга аптекаря вернулся и стал спрашивать, не видел ли кто головки сахара, которую он обронил. Адвокат, думая, что ловко его обманул, быстро прошел вместе с приятелем в таверну и шепнул ему:

— Теперь-то уж мы позавтракаем за счет этого ротозея.

В таверне он попросил подать им вкусной еды, хорошего хлеба и дорогого вина, ибо был уверен, что у него найдется чем за все заплатить. Но по мере того как за едою он отогревался, «сахар», спрятанный у него на груди, начал оттаивать и все помещение постепенно наполнилось вонью. А тот, от кого эта вонь исходила, осерчал на служанку и сказал ей:

— Другой такой срамницы, как ты, во всем городе не сыщешь. Не знаю уж, ты ли сама или дети твои тут наложили, только просто не дохнешь от дерьма.

— Клянусь апостолом Петром, — воскликнула та, — нет тут нигде такой мерзости, разве только сами же вы ее сюда занесли.

Тут оба они вскочили с места, — вонь сделалась уже совершенно непереносимой. И они пошли к огню, и адвокат вытащил из-за пазухи платок, который весь был запачкан оттаявшим «сахаром». Тогда, распахнув свою подбитую мехом шубу, он увидал, что она вся в нечистотах, и вскричал:

— Мы думали, что обманули этого негодника, а это, оказывается, он нас так ловко провел.

И приятелям, которые поначалу так радовались своей удаче, пришлось раскошелиться и, заплатив все, что с них причиталось, уйти из таверны раздосадованными и огорченными.

— Благородные дамы, так нередко бывает с людьми, которые любят пускаться на подобные хитрости. Если бы дворянину этому не хотелось позавтракать за чужой счет, ему не пришлось бы нюхать подобную мерзость. Разумеется, благородные дамы, рассказ мой не очень пристоеен, но вы позволили мне говорить правду, что я и делал, дабы показать, что ежели самого обманщика обмануть, то от этого никому не становится худо.

— Принято думать, — сказал Иркин, — что слова

никогда дурно не пахнут, но тем, о ком эти слова здесь говорились, не так-то легко было отделаться и не почувствовать этой вони.

— Есть слова, которые действительно не пахнут, — сказала Уазиль, — но есть и другие, которые называют дурными. Те-то уж в самом деле дурно пахнут, они ведь задевают душу нашу больше, нежели тело, а это похуже, чем нюхать какую-нибудь головку сахара, о которой вы только что рассказали.

— Будьте добры, объясните мне, что же это за нечистые слова, от которых могут пострадать и душа и тело порядочной женщины, — попросил Иركان.

— Вот как, — сказала Уазиль, — вы хотите, чтобы я сама произнесла слова, которые я не советую повторять ни одной женщине!

— Теперь я понимаю, что это за слова, — сказал Сафредан. — Женщины, которые хотят, чтобы их считали скромными, таких слов обычно не произносят. Но я хотел бы спросить всех собравшихся дам, почему, если они сами не решаются произносить эти слова, они так смеются, когда их произносят при них?

— Мы смеемся вовсе не потому, что слышим эти отменные слова, — ответила Парламанта. — Но надо сказать, что каждая женщина бывает готова смеяться, когда она заметит, что кто-нибудь споткнется при ней или употребит какое-нибудь слово совсем некстати, случайно обмолвившись и вместо одного сказав другое, что может случиться с людьми самыми разумными и такими, у которых язык хорошо привешен. Но когда вы, мужчины, начинаете говорить между собою со всею грубостью и называть вещи своими именами, то я не знаю ни одной порядочной женщины, которая стала бы слушать эти речи и не убежала бы вон из комнаты.

— Это верно, — сказал Жебюрон, — я сам видел женщин, которые крестились, когда при них произносили нехорошие слова, и всякий раз, когда слова эти повторяли, крестились снова.

— Да, но сколько же раз этим женщинам приходилось притворяться разгневанными, — сказал Симонто, — чтобы потом вволю посмеяться над тем, что вызывало их гнев.

— Они правильно делали, — сказала Парламанта, — это ведь лучше, чем дать мужчинам почувствовать: что тешишься подобными разговорами.

— Выходит, что вы хвалите женское лицемерие не меньше, чем женскую добродетель? — заметил Дагусен.

— Добродетель, разумеется, стоило бы хвалить больше, — ответила Лонгарина, — но там, где ее недостает, иногда не обойтись без лицемерия, как мы иной раз прибегаем к каблукам, чтобы никто не заметил, что мы малы ростом. Хорошо еще, что у нас есть чем скрыть наши недостатки.

— А по-моему, — сказал Иркиан, — лучше бы иногда не делать тайны из какого-нибудь незначительного недостатка, чем стараться во что бы то ни стало прикрывать его мнимую добродетелью.

— Это правда, — сказала Эннасюита, — одежда, которую человек берет напрокат, сначала облагораживает того, кто ее носит, а потом, когда ему приходится ее возвращать, его срамит. Я же знаю, например, одну женщину, которая, пытаясь скрыть свой ничтожный проступок, совершила тяжкое преступление.

— Я догадываюсь, о ком вы собираетесь нам рассказать, — сказал Иркиан, — но вы хоть по крайней мере не называйте ее имени.

— Ну, тогда я предоставлю вам слово, — воскликнул Симонто, — с тем, чтобы после того как вы расскажете нам эту историю, вы все-таки назвали нам имена ее участников, а мы вам поклянемся, что сохраним их в тайне.

— Обещаю вам это, — сказала Эннасюита, — ибо нет на свете ничего такого, чего нельзя было бы рассказать пристойным образом.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Госпожа де Нефшатель притворством своим доводит князя Бельоста до того, что тот подвергает ее испытанию, кончающемуся для нее позором.

Однажды король Франциск Первый в сопровождении очень немногих придворных поехал в один из своих загородных замков отдохнуть от дел и поохотиться. В числе его свиты был некий князь де Бельост, который по статности, благородству, доблести и уму не знал себе равных. Женат он был на женщине не очень знатной, но так о ней заботился, как только муж может заботиться о жене, и верил ей во всем. Стоило ему

влюбиться в кого-нибудь, как он тут же ей обо всем рассказывал, зная, что она хочет только того, чего хочет он, и что других желаний у нее нет. Однажды осенью сеньор этот завязал дружбу с одной вдовой по имени госпожа де Нефшатель, которая слыла красивейшею из женщин. А стоило только князю Бельосту полюбить ее, как и жена его полюбила ее не меньше и часто посылала за ней, чтобы пригласить ее пообедать или поужинать с ними, — и, почитая ее женщиной благоразумной и порядочной, вместо того чтобы огорчаться, только радовалась тому, что муж ее сделал такой хороший выбор. Дружба эта длилась долго, и князь Бельост входил во все дела упомянутой госпожи де Нефшатель, как будто то были его собственные дела, и княгиня со своей стороны старалась не меньше его во всем ей помочь. Но так как вдова эта была очень хороша собой, немало вельмож и дворян добивались ее расположения, причем одним нужна была только ее взаимность, иные же хотели на ней жениться, ведь она была не только хороша собою, но еще и очень богата. В числе ее кавалеров был некий молодой дворянин по имени сеньор де Шериотц, который так упорно за ней ухаживал, что и дневал и ночевал у нее в доме. Князю Бельосту это не могло нравиться, ему казалось, что человек небогатый и ничем не привлекательный не заслуживает такого приема и такого ласкового обхождения, и он часто упрекал вдову в том, что она этому не противится. Но она, будучи истой дочерью Евы, оправдывалась, говоря, что в обществе она никому не отдает предпочтения, разговаривая одинаково со всеми, и что именно благодаря этому ее дружба с ним не бросается в глаза. Однако спустя некоторое время сеньор де Шериотц стал еще более упорно за ней волочиться — движимый не столько своей любовью к ней, сколько желанием непременно настоять на своем — и добился того, что она обещала выйти за него замуж, попросив только одного: не торопиться объявлять всем об этом браке до тех пор, пока она не выдаст замуж своих дочерей. После чего дворянин этот стал уже во всякое время заходить к ней в спальню — и, кроме лакея и служанки, об этом никто не знал. Князь Бельост, видя, что дворянин все чаще заходит в дом той, которую сам он так любит, не вытерпел и принялся упрекать свою даму.

— Мне всегда была дорога ваша честь, — сказал

он, — как честь моей собственной сестры; вы знаете, сколь чисты были мои намерения и как я счастлив тем, что люблю такую скромную и добродетельную женщину, как вы. Но мысль о том, что другой человек, недостойный вас, наглостью своей может завладеть тем, о чем я не хочу вас даже просить, чтобы не перечить вашему желанию, для меня совершенно непереносима; от этого пострадала бы ваша честь. Говорю вам это, потому что вы молоды и хороши собой и до сих пор ваше доброе имя не было ничем запятнано. Сейчас же вокруг него поднимается дурная молва; ведь, несмотря на то, что человек этот недостаточно знатен и недостаточно богат для вас, что по положению, по уму и по манерам своим он вас недостойн, — вам все же лучше всего было бы выйти за него замуж, а не давать повода к разным толкам. Поэтому, прошу вас, скажите мне, любите вы его или нет: ибо делить с ним вашу любовь я не хочу и в таком случае навсегда покину вас и не буду питать к вам тех добрых чувств, которые я доселе питал.

Бедная женщина залилась слезами, ибо дорожила дружбой князя и боялась ее лишиться. И поклялась ему, что скорее умрет, чем выйдет замуж за этого дворянина, сказав, что он до того назойлив, что она не может не пускать его к себе в дом в те часы, когда туда заходят другие.

— Ну, об этом нечего говорить, — сказал князь, — в такие часы я сам могу приходить к вам, и все видят, чем вы бываете заняты. Но мне сказали, что он является и после того, как вы уже легли спать, — вот что мне кажется странным. И знайте, что, если вы будете продолжать эту жизнь и не признаете его своим мужем, вы будете самой бесчестной из женщин.

Вдова поклялась, что сеньор де Шериотц никакой ей не муж и не друг, сказав, что это просто наглец — и притом такой, каких мало.

— Ну, если он действительно так назойлив, я обещаю вам, что я вас от него избавлю.

— Как! Вы хотите его убить? — воскликнула госпожа де Нефшатель.

— Вовсе нет, — ответил князь, — но я хочу, чтобы он понял, что королевский дворец — не место, чтобы позорить дам. И, клянусь вам, если после разговора со мной он не исправится, я сам исправлю его так, что и другим будет неповадно.

Сказав это, он вышел из комнаты — и тут же, столкнувшись с шедшим ему навстречу сеньором де Шериотцем, повторил тому все, что вы только что слышали, и пригрозил, что, если он хоть раз застанет его у этой дамы в неположенные часы, он так его проучит, что тот будет помнить всю жизнь, и что дама эта слишком знатна для того, чтобы так забавляться с нею. Сеньор де Шериотц заверил его, что он бывает у вдовы только в часы приема, как и все прочие, и что если князь застанет его в другое время, то пусть он наказывает его, как найдет нужным. Несколько дней спустя сеньор этот, однако, решил, что князь уже позабыл о своем обещании, и, отправившись вечером к вдове, оставался у нее до позднего часа.

Князь сказал в этот вечер жене, что госпожа де Нефшатель простудилась и лежит больная. Тогда та попросила его пойти навестить ее и извиниться, что сама она не может прийти, так как у нее дома неотложные дела. Князь подождал, пока король лег спать, после чего пошел пожелать своей даме спокойной ночи. Но, начав подниматься по лестнице, он встретил лакея, который спускался вниз. Он спросил его, что делает его госпожа. Тот заверил его, что она уже легла и спит. Князь спустился вниз. Но он был убежден, что лакей его обманул. Посмотрев ему вслед, он увидел, что тот очень осторожно прокрался наверх. Тогда князь стал прогуливаться по двору возле дверей, чтобы посмотреть, не вернется ли лакей еще раз. И спустя четверть часа увидел, как тот снова сошел вниз и стал оглядываться по сторонам, высматривая, нет ли кого во дворе. Тогда у князя не осталось сомнений, что сеньор де Шериотц находится в спальне вдовы и, опасаясь встречи с ним, не решается оттуда выйти. И он продолжал гулять взад и вперед по двору. Он заметил, что окно спальни выходит в садик и что оно не очень высоко над землей, и ему вспоминалась пословица: «Коли через дверь не выйти, лезь через окно». Он тут же позвал своего лакея и наказал ему:

— Ступай в садик, и если только из окна будет вылезать мужчина, то, как только он опустится на землю, выхватывай шпагу, ударяй ею об стену и кричи: «Рази, рази!» — только, смотри, сам его не трогай.

Лакей пошел исполнять приказание своего господина, а князь продолжал гулять до трех часов ночи. Когда

сеньору де Шериотцу сказали, что князь все еще на дворе, он действительно решил выбраться через окно и, выкинув сначала свой плащ, выскочил в садик. Как только лакей князя заметил его, он сразу же стал лязгать шпагой и закричал: «Рази! Рази!»

Бедный сеньор де Шериотц до того перепугался, что, забыв про свой плащ, убежал со всех ног. Он наткнулся на стражников, охранявших замок, которые очень удивились, видя, с какой быстротой он бежит. Но он не решился им ничего рассказать и только стал умолять их открыть ему ворота или пустить его к себе до утра, что им и пришлось сделать, так как ключей от ворот у них не было.

Вернувшись к себе, князь нашел жену спящей. Разбудив ее, он сказал:

— Угадайте, дорогая, который теперь час?

— С вечера, когда я легла спать, — отвечала она, — я не слышала, чтобы часы били.

— Сейчас уже больше трех, — сказал он.

— Господи Иисусе, да где же это вы были столько времени? Боюсь, как бы теперь вы не захворали.

— Дорогая моя, — сказал князь, — я не давал спать тем, кто хочет меня обмануть, от этого я никогда не захворю.

И он стал так хохотать, что жена попросила рассказать ей все по порядку, что он и сделал, показав ей плащ, который притащил его лакей. И, посмеявшись вдоволь над бедными влюбленными, они заснули мирным сном, в то время как двое других всю ночь провели в волнении и страхе, что их накрыли. Наутро, хорошо понимая, что ему не удастся ничего утаить от князя, сеньор де Шериотц пришел просить его, чтобы тот не разглашал его тайны и вернул ему плащ. Князь сделал вид, что ничего не знает, и принял его так вежливо, что сеньор де Шериотц был очень смущен. Но перед уходом ему пришлось услышать нечто совсем иное: князь пригрозил ему, что, если только он придет к своей даме еще раз, он обо всем расскажет королю и ему уже больше не быть при дворе.

— Судите сами, благородные дамы, не лучше ли было бы этой несчастной откровенно рассказать все тому, кто так ее любил и чтил, вместо того чтобы заста-

вить его подвергать ее испытанию, столь для нее постыдному!

— Она знала, что, если признается ему во всем, — сказал Жебюрон, — она навсегда потеряет его расположение, а потерять его она ни за что не хотела.

— По-моему, раз уж она выбрала себе мужа по вкусу, — сказала Лонгарина, — нечего было бояться потерять дружбу других мужчин.

— Я убеждена, что если бы она решилась всем объявить о своем замужестве, — сказала Парламента, — она была бы вполне удовлетворена любовью своего мужа. Но раз она задумала все скрывать до тех пор, пока не выдаст замуж дочерей, то, значит, ей действительно хотелось сохранить дружбу с князем, под прикрытием которой она могла продолжать свои встречи с Шериотцем.

— Дело не в этом, — сказал Сафредан, — а в том, что женщины настолько тщеславны, что удовлетвориться одним мужчиной они никогда не могут. Мне доводилось слышать, что даже самые скромные из них охотно соглашаются иметь троих: одного для почета, другого для богатства и третьего для наслаждения. При чем каждый из троих думает, что его любят больше всех. В действительности же двое первых всегда служат третьему.

— Вы говорите о женщинах, которые не умеют ни любить, ни беречь свою честь, — сказала Уазиль.

— Госпожа моя, — возразил Сафредан, — в их числе есть и такие, которых вы почитаете благороднейшими женщинами нашей страны.

— Поверьте, — сказал Иркан, — что женщина хитрая сумеет прожить и там, где все остальные будут умирать с голоду.

— Но когда хитрость ее разоблачена, — заметила Лонгарина, — для нее это равносильно смерти.

— Нет, это их жизнь, — сказал Симонто, — потому что таким женщинам очень льстит, когда их считают хитрее других. И, прослав хитрыми за счет своих подруг, они привлекают этим к себе больше кавалеров, чем иные своей красотой. Ибо хитросплетенная любовная интрига — величайшее наслаждение для женщины.

— Вы говорите о любви порочной, — сказала Энна-сюита, — когда любовь благородна, никакое притворство вообще не нужно.

— Прошу вас, — сказал Дагусен, — не забивайте себе голову такими мыслями. Чем дороже товар, тем меньше его надо выставлять напоказ. Надо ведь всегда помнить о злом умысле тех, кто обо всем судит только по внешности, которая бывает обманчивой, ибо она точно такая же у любви достойной и целомудренной, как и у всякой другой. Вот почему любовь нашу всегда приходится скрывать — не только тогда, когда она порочна, но даже тогда, когда она добродетельна, — нельзя ведь давать повод для дурных толков тем, кто неспособен поверить, что мужчина может любить женщину чистой любовью. Им кажется, что коль скоро наслаждение имеет власть над ними, то каждый мужчина должен быть таким, как они сами. Но если бы у всех нас были чистые помыслы, не приходилось бы скрывать ни взглядов наших, ни слов, во всяком случае перед теми, кто готов скорее умереть, чем подумать что-либо дурное.

— Знаете что, Дагусен, — сказал Иркиан, — это такие высокие материи, что, ручаюсь вам, ни один из нас не поймет подобных доводов и не проникнется ими. Вы хотите, чтобы мы поверили тому, что люди не то ангелы, не то камни, не то сами дьяволы.

— Я хорошо знаю, что мужчины остаются мужчинами, — ответил Дагусен, — и что они подвержены всяким страстям. Но есть среди них и такие, которые предпочтут умереть, нежели заставить свою даму поступать против совести ради своей услады.

— Ну, умереть — это уже слишком, — сказал Жебюрон. — Этому я не поверю, даже если услышу такие слова из уст самого праведного монаха.

— А я вот думаю, — сказал Иркиан, — что нет среди монахов ни одного, кто не хотел бы обратного. Во всяком случае, все они делают вид, что не лобят винограда, когда этот виноград висит так высоко, что им до него не дотянуться.

— Но, должно быть, жена этого князя была очень довольна, — сказала Номерфида, — что муж ее узнал, на что бывают способны женщины.

— Уверяю вас, что нет, — возразила Эннасцоита, — напротив: она ведь любила его и была этим очень удручена.

— А мне вот по душе одна женщина, которая смеялась, когда ее муж целовался со служанкой, — вставил Сафредан.

— Ну так расскажите нам о ней, — сказала Эннасюита, — я уступаю вам место.

— История эта коротка, — сказал Сафредан, — но я все же расскажу вам ее, потому что мне приятнее рассмеить вас, чем утомлять длинными разговорами.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Жена Тогаса, считавшая, что муж отдает ей всю свою любовь, соглашалась на то, чтобы он развлекался со служанкой, и только смеялась, когда он целовал эту служанку у нее на глазах.

Между Пиренеями и Альпами жил некий дворянин по имени Тогас, у которого была жена, дети, очень хороший дом и столько богатств и радостей, что он мог бы быть всем доволен, если бы не страдал от сильных головных болей. Боли эти были так мучительны, что врачи посоветовали ему спать отдельно от жены, на что та очень охотно согласилась, ибо паче всего пеклась о жизни и здоровье мужа. И она велела перенести свою кровать в противоположный угол комнаты, как раз напротив кровати мужа, так что, высунув голову, оба они могли видеть друг друга. У этой дамы были две служанки, которые постоянно находились при ней. Нередко перед сном дворянин и его жена читали в постели. Служанки их в это время держали свечи, причем молодая светила сеньору, а пожилая — своей госпоже. Видя, что служанка и моложе и красивее его жены, Тогас стал заглядываться на нее и подчас отрывался от книги, чтобы поболтать с нею. Жена его все это слышала и считала, что нет ничего плохого в том, что слуги и служанки помогают ее мужу немного развлечься, ибо была уверена в том, что, кроме нее, он никого не любит.

Но однажды вечером, когда они читали дольше обыкновенного, дама эта посмотрела издали на кровать своего мужа, возле которой, повернувшись к ней спиной, стояла молодая служанка, державшая свечу. Мужа ей не было видно, так как между их постелями был камин; на белую стену, которую озаряла свеча, падали тени от его лица и от лица служанки, видно было, как лица эти то приближаются друг к другу, то отдаляются

и смеются. И видно было все так отчетливо, как будто то были не тени, а сами лица. Дворянин, уверенный, что жена не видит его, стал без всякого стеснения целовать служанку. Сначала жена его стерпела и ни слова ему не сказала. Но когда она увидела, что тени их лиц очень уж часто сходятся, она испугалась, как бы дело не зашло еще дальше. Тогда она начала громко смеяться: тени испугались и отделились друг от друга. Муж спросил, что ее так рассмешило.

— Друг мой, — ответила она, — я так глупа, что смеюсь над собственной тенью.

И сколько он ни допытывался до истинной причины ее смеха, она больше ничего ему не сказала. И тени больше уже не тянулись друг к другу.

— Вот что мне вспомнилось, когда вы рассказали мне о даме, любившей подругу своего мужа.

— Можете быть спокойны, — сказала Эннасюита, — если бы моя служанка позволила себе такое озорство, я бы встала с постели и убила бы ее этим подсвечником.

— Вы чересчур уж жестоки, — сказал Ирман, — но муж ваш отлично бы сделал, если бы заключил против вас союз со своей служанкой, и вы потерпели бы поражение: можно ли поднимать столько шума из-за какого-то поцелуя? Жена этого дворянина поступила правильно, что промолчала и не стала его волновать, чтобы дать ему поправиться от болезни.

— Да, но она боялась, что, если они будут продолжать вести себя так и дальше, — заметила Парламанта, — он этим усугубит свой недуг.

— Она не из тех, — сказала Узиль, — о ком говорится в Священном писании: «Мы вас жалели, а вы не плакали, мы пели, а вы не плясали», — потому что, когда муж ее был болен, она плакала, а когда он был весел, она смеялась. Так каждая порядочная женщина должна бы делить с мужем и радость и печаль, любить его, служить ему и быть ему послушной, как Церковь послушна Иисусу Христу.

— Тогда надо было бы, благородные дамы, — сказала Парламанта, — чтобы мужья наши делали для нас то, что Христос сделал для Церкви.

— Мы так и поступаем, — сказал Сафредан, — и

если бы это было возможно, мы бы даже превзошли его, ибо Христос умирал ради Церкви всего один раз, а мы ради наших жен умираем каждый день.

— Умираете! — воскликнула Лонгарина. — Мне кажется, что и вы, и другие присутствующие здесь мужчины, после того как женились, так поправились, что во много раз выросли в цене.

— Я знаю, почему это так, — сказал Сафредан, — это потому, что способности наши, подобно золоту, выдерживают все испытания, но плечи наши устали под тяжестью супружеских лат, которые мы столько времени носим.

— Если бы вас действительно заставить целый месяц походить в упряжке и спать на жестком, — сказала Эннасюита, — как бы вам захотелось поскорее вернуться в постель к жене и снова облачиться в те самые латы, на которые вы сейчас жалуетесь. Но говорят, что можно вынести все, кроме безделья. Отдых и покой мы умеем ценить лишь тогда, когда мы их потеряли. А эта пустая женщина, которая смеялась, оттого что мужу ее было весело, умела, должно быть, при всех обстоятельствах сохранять душевный покой.

— Должно быть, покой свой она любила больше, чем мужа, — язвительно заметила Лонгарина, — раз она могла не принимать близко к сердцу того, что он делал.

— Она принимала близко к сердцу то, что могло повредить его совести и здоровью, — сказала Парламента, — и не хотела обращать внимания на разные пустяки.

— Мне становится смешно, когда вы начинаете говорить о совести, — сказал Симонто, — я бы ни за что не хотел, чтобы женщины об этом пеклись.

— Надо было бы, чтобы вам попалась жена вроде той, которая после смерти своего мужа доказала всем, что деньги его ей дороже, чем совесть, — сказала Номерфида.

— Пожалуйста, расскажите нам эту новеллу, — сказал Сафредан, — я вам передаю сейчас слово.

— Я не собиралась занимать вас такой коротенькой историей, — сказала Номерфида, — но раз уже она прищлась кстати, я вам ее расскажу.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Вдова купца истолковала составленное покойным мужем завещание в своих интересах и в интересах детей.

В городе Сарагосе жил богатый купец, который, предчувствуя близкий конец и видя, что ему не унести с собой всех своих богатств, нажитых, быть может, нечистыми сделками, решил, что, если он умилюстит господа каким-нибудь даром, ему после смерти отпустятся кое-какие грехи. Как будто милость господню можно купить за деньги! И, отдавая последние распоряжения, он сказал, что хочет, чтобы его чистокровную испанскую лошадь продали повыгоднее, а деньги роздали нищим, и попросил жену, чтобы, как только он умрет, все было исполнено, а деньги розданы так, как он пожелал. Похоронив мужа и поплакав о нем, жена, которая была женщиной вовсе не такой глупой, какими обычно бывают испанки, сказала своему слуге, который, как и она, слышал распоряжения покойного:

— По-моему, с меня хватит и того, что я потеряла мужа, которого так любила, зачем же я должна еще терять мое состояние? Я вовсе не хочу послушаться его воли, только хочу выполнить ее как можно лучше, — святые отцы ведь народ жадный, опутали они беднягу, ему и подумалось, что он совершит угодное богу дело, если после смерти пожертвует им столько денег, ведь при жизни он ни одного эку не хотел им дать. Вот я и решила, что волю его мы выполним и даже сделаем все еще лучше — так, как он сделал бы и сам, если бы прожил еще недели две. Надо только, чтобы никто ничего об этом не узнал.

И когда слуга обещал ей, что сохранит все в тайне, она сказала:

— Пойди и продай его лошадь, и когда тебя спросят, сколько ты за нее хочешь, ты ответишь: «Один дукат. Но у меня есть еще кошка хорошая, я ее тоже хочу продать, и стоит она девяносто девять дукатов». Продавать ты будешь кошку и лошадь вместе и получишь за них сто дукатов: это как раз столько, сколько покойный муж хотел получить за одну лошадь.

Слуга немедленно же выполнил распоряжение своей госпожи. И когда он расхаживал со своей лошадью по базарной площади, держа в руках кошку, один дворянин, который еще раньше видел эту лошадь и хотел ее купить, спросил его, сколько он за нее просит.

— Один дукат, — ответил слуга.

— Нечего надо мной смеяться, — сказал дворянин.

— Уверяю вас, ваша милость, — настаивал слуга, — вы должны заплатить за нее один дукат, только вместе с ней вам придется купить и кошку, а за нее мне следует девяносто девять дукатов.

Тогда дворянин, которому эта цена показалась подходящей, сразу же заплатил слуге один дукат за лошадь и девяносто девять за кошку, как тот и просил, унес кошку и увел лошадь. Слуга же доставил вырученные деньги своей госпоже, которая была премного этим довольна; дукат, полученный за лошадь, она тут же раздала нищим, выполняя волю покойного мужа, а все остальные оставила себе и детям.

— Как вы думаете, может быть, эта женщина была разумнее, чем ее муж, — ее ведь беспокоили и совесть, и благополучие семьи?

— Мне кажется, мужа своего она действительно любила, — сказала Парламента, — просто она понимала, что перед смертью люди чаще всего выживают из ума; и зная, какова была его воля, она решила истолковать эту волю на пользу детям, что, по-моему, весьма разумно.

— Как, — воскликнул Жебюрон, — не исполнить волю покойного друга — это, по-вашему, не преступление?

— Ну, разумеется, преступление, — сказала Парламента, — если только завещатель в твердой памяти и не совершает никакого безумия.

— Стало быть, вы считаете безумием отказать свои деньги церкви и бедным нищим?

— Я вовсе не считаю безумием, — сказала Парламента, — когда человек, умирая, раздает бедным все богатства, которыми господь его наделил. Но я не считаю, что он очень мудр, если он раздает как милостыню то, что ему не принадлежит. Вы ведь види-

те, что самые жадные ростовщики воздвигают самые красивые и роскошные часовни в надежде умили­ стивить бога десятью тысячами дукатов, истраченных на постройку этих зданий, и расплатиться с ним за те сто тысяч, которые они награбили. Как будто гос­ подь совсем не умеет считать!

— В самом деле, я много раз удивлялась, — сказала Уазиль, — как это люди думают умили­ стивить господу подношениями, которые Христос сам в земной своей жизни не одобрял: постройкой величественных зданий, позолотою, росписью и картинами. Но если бы они вни­ кли в слова, некогда сказанные господом, что един­ ственным истинным приношением он почитает сердце смиренное и чистое, и в то, что говорит апостол Па­ вел — что каждый из нас и есть тот храм, в котором господу угодно пребывать, — они бы пеклись при жизни, чтобы совесть у них была чиста, и не стали бы дожидаться того часа, когда человек уже не может сотворить ни добра, ни зла, а паче всего не застав­ ляли бы тех, кто остается в живых, раздавать мило­ стью людям, которых сами они при жизни не удо­ стаивали даже взглядом. Но того, кто видит серд­ це человеческое, обмануть нельзя, он будет судить их не только по их делам, но и по вере их и по мило­ сердию.

— Почему же тогда, — спросил Жебюрон, — и фран­ цисканцы, и все нищенствующие монахи только и твер­ дят нам, когда мы при смерти, чтобы мы заботились об их монастырях, обещая, что помогут нам попасть в рай, хотим мы этого или нет?

— Как, Жебюрон! — воскликнул Иркан. — Вы, должно быть, забыли, сколько вы же сами рассказы­ вали нам плохого о францисканцах, если спрашива­ ете: «Неужели эти люди способны на ложь?» Говорю вам, нет на свете больших лжецов, чем они. Не будем особенно упрекать тех, которые пекутся о благе всей своей обители, но ведь есть среди них и такие, которые забывают про данный ими обет нищеты и думают только о том, чтобы удовлетворить свою жад­ ность.

— Мне кажется, Иркан, что вы знаете такого мона­ ха, — сказала Номерфида, — и если история эта сто­ ит того, расскажите ее.

— Хорошо! — согласился Иркан. — Хоть мне и

неприятно говорить об этих людях, потому что я причисляю их к разряду тех, о ком Вергилий сказал Данте:

Они не стоят слов: взгляни, и мимо! —

но для того чтобы вы увидели, что, расставаясь со своей мирской одеждой, они не расстаются со своими страстями, я расскажу вам об этом монахе.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Одна благочестивая дама обратилась к монаху-францисканцу с просьбой найти мужа для ее дочери и обещала дать за ней такое большое приданое, что святой отец, надеясь завладеть деньгами, предназначавшимися ей для будущего зятя, выдал девушку замуж за своего младшего собрата — монаха, который каждый вечер являлся к ним в дом, чтобы поужинать и провести ночь с женой, наутро же, переодевшись студентом, возвращался к себе в монастырь. Однажды жена узнала его в монастырской церкви, где он служил мессу, и показала его матери. Та сначала ни за что не хотела верить, что это ее зять, но когда ночью они сорвали с него шапочку, она увидела на голове у него tonsуру и убедилась, что дочь ее права и святой отец ловко их обманул.

Однажды в город Падую приехала некая француженка, и кто-то рассказал ей, что в епископальной тюрьме находится монах-францисканец. Слыша, что говорят о нем все с насмешкой, она осведомилась, за что его туда посадили. Тогда ей сказали, что монах этот, человек уже пожилой, был духовником одной очень благородной и благочестивой дамы. Дама эта, овдовев, осталась одна с дочерью, которую так любила, что готова была сделать все что угодно, лишь бы убогатворить ее и хорошо выдать замуж. И видя, что дочь ее подросла, она денно и ночью пеклась о том, чтобы найти ей хорошего мужа, который бы жил с ней в мире и дружбе, человека такого же совестливого, как и она сама. А так как один глупый проповедник сказал ей, что даже дурной поступок, содеянный по совету богослова, лучше любого хорошего, внушенного духом святым, она обратилась к духовнику своему, доктору богословия, который был уже человеком пожилым и пользовался в городе большим уважением, прося, чтобы святой отец

молитвами своими и советом помог ей и дочери обрести мир душевный. И она стала умолять его найти мужа для ее дочери — и именно такого, какого могла пожелать женщина благочестивая и достойная. Святой отец ответил, что прежде всего надо снискать милость духа святого постом и молитвою и что, если господь вразумит его, он надеется, что сумеет помочь ей в том, о чем она просит. С этим он и ушел и стал думать, как ему поживиться на этом деле. А так как дама эта сказала ему, что она скопила пятьсот дукатов, чтобы отдать их будущему зятю, и берет на себя прокормить молодых, а также отделать и обставить им дом, он вспомнил, что у него есть товарищ, молодой монах, статный и красивый, который, взяв эту прелестную девушку в жены, получит за ней хорошо обставленный дом, а пятьсот дукатов достанутся ему самому и удовлетворят всю его неуемную страсть к наживе. Он поговорил со своим товарищем, и тот согласился. Тогда он пошел к вдове и сказал ей:

— Должно быть, сам господь послал ко мне, как к Товию, ангела своего Рафаила, чтобы указать мужа, достойного вашей дочери, ибо могу вас уверить, что в доме моем сейчас находится благороднейший из мужей Италии. Он несколько раз видел вашу дочь, и она так ему нравится, что, когда сегодня я стоял на молитве, господь послал его ко мне, и дворянин этот поведал мне, что любит вашу дочь и хочет на ней жениться. А так как я знаю его родных и знаю, что он из хорошей семьи, я обещал ему поговорить с вами. Правда, есть тут небольшое препятствие, о котором известно только мне одному. Недавно кто-то задумал убить одного из его друзей. И вот, чтобы спасти друга, молодой человек выхватил шпагу и хотел разнять враждующих. Но случилось так, что, защищаясь, его друг убил противника. И тогда ему, хоть сам он никого не тронул, пришлось бежать из этого города — все ведь видели, что он был там и выхватил шпагу. И вот, по совету родных, переодевшись студентом, он бежал в наш город, где его никто не знает, и останется здесь до тех пор, пока родители его не замнут это дело, что, вероятно, произойдет очень скоро. Поэтому свадьба должна быть тайной, и вам придется примириться с тем, что утром он будет уходить слушать лекции и только по вечерам приходить домой.

— Отец мой, — ответила дама, — то, что вы мне сейчас говорите, большая для меня радость. Ведь желание мое исполнится, и в доме моем будет жить тот, кто мне более всего угоден.

Монах исполнил свое обещание и привел к ней своего молодого друга, одетого в роскошную куртку алого шелка, и тот очень понравился этой даме. Молодых помолвили, и когда наступила полночь, все прослушали мессу и была сыграна свадьба, после чего молодые легли спать, а наутро муж сказал, что, дабы его не узнали, он должен скрыться в университете. Надев свою куртку из алого шелка и свое длинное одеяние, не забыв и своей черной шелковой шапочки, он пошел проститься с женой и сказал ей, что каждый вечер они будут ужинать вместе, к обеду же она его ждать не должна. С этим он и ушел, а его молодая жена считала себя счастливейшею из смертных, оттого что нашла себе такого хорошего мужа. После чего молодой монах пришел к своему почтенному другу и передал ему пятьсот дукатов, о которых они еще раньше договорились между собою. Вечером же он снова вернулся к той, которая считала его своим мужем. И он сумел снискать такую любовь жены и тещи, что те не променяли бы его на самого знатного принца.

Так они прожили некоторое время. Но господь наш милостив и жалеет людей простодушных, доверчивых и добрых. И случилось, что однажды утром вдове этой и ее дочери захотелось послушать мессу во францисканском монастыре и навестить своего духовника, который так благодетельствовал их, найдя одной мужа, а другой зятя. И хотя в церкви не оказалось ни их духовника, ни другого монаха, которого бы они знали, дамы все же решили остаться там и прослушать торжественную службу, которая уже началась, надеясь, что монах еще может прийти. Молодая женщина сосредоточенно и благоговейно молилась — и вдруг, когда священник обернулся, чтобы прочесть *Dominus vobiscum*¹, она была поражена; ей показалось, что перед ней ее муж или человек, на него чрезвычайно похожий. Но она не решалась ничем это выказать и продолжала ждать, пока он повернется еще раз. И после того, как во второй раз она разглядела его гораздо лучше, у нее уже не

---

¹ Господь с вами (лат.).

осталось никакого сомнения, что это он; она толкнула мать, которая была погружена в молитву, и прошептала:

— Боже мой, матушка, кого я вижу!

— Кого? — спросила мать.

— Да это же мой муж служит сейчас мессу, а если не он, то кто-то похожий на него, как две капли воды.

Мать, которая не успела как следует его разглядеть, сказала:

— Прощу тебя, дочь моя, не забивай себе голову дурью, — слыханное ли это дело, чтобы люди столь праведные способны были на такой обман? Если ты поверишь этому, ты совершишь большой грех против господа нашего.

Однако она тоже стала разглядывать священника и, когда тот дошел до слов: «*Ite messa est*»,¹ — убедилась, что, действительно, близнецы и те не могут быть так похожи друг на друга, как этот монах на мужа ее дочери.

Но простодушие ее было так велико, что она готова была уже сказать себе:

— Господи, не дай мне поверить тому, что я вижу!

Но так как дело касалось ее дочери, она не хотела больше пребывать в неведении и решила узнать всю правду. И когда настал вечер и муж, ничего не подозревавший о том, что они были в церкви, должен был вернуться домой, мать сказала дочери:

— Если хочешь, мы сейчас можем узнать всю правду о твоём муже. Как только он ляжет в постель, я войду в комнату, а ты тогда подкрадись к нему сзади и незаметно сорви с него шапочку: мы сразу увидим, есть ли у него на голове тонзура, как у того, кто служил мессу.

Сказано — сделано. Как только вероломный муж улегся в постель, почтенная дама зашла в спальню и, как бы играя с ним, схватила его за обе руки. В эту минуту дочь ее сорвала с него шапочку, и обе они увидели сияющую у него на голове тонзуру, чем и мать и дочь были несказанно потрясены. Они тут же позвали слуг — те схватили его и, связав, оставили так до утра.

И как ни оправдывался монах, сколько он ни говорил высоких слов, слушать его не стали. Наутро вдова

---

¹ Богослужение окончено (лат.).

послала за духовником, велев сказать, что хочет сообщить ему что-то очень важное. И когда тот поспешил прийти, она приказала расправиться с ним так же, как и с молодым, и стала попрекать его тем, что он оказался обманщиком. После этого она послала за судейскими и передала обоих монахов в их руки. Само собой разумеется, что судьи оказались людьми порядочными и не оставили этого преступления без наказания.

— Вы видите, благородные дамы, что поклявшиеся жить в бедности не свободны от искушений, в которые повергает их жадность — источник всякого зла.

— И добра тоже! — воскликнул Сафредан. — Ведь на эти пятьсот дукатов, которые без всякой пользы лежали у старухи, люди по крайней мере вволю повеселились, бедная девушка, что столько времени мечтала о муже, могла на эти деньги приобрести целых двоих; кроме всего прочего она познала монашескую иерархию.

— У вас обо всем самые превратные представления, — сказала Уазиль, — вам кажется, что все женщины на вас похожи.

— Простите меня, госпожа моя, — сказал Сафредан, — я бы дорого дал, чтобы это было так и чтобы удовлетворить женщин было бы так же легко, как нас.

— Какой у вас злой язык, — сказала Уазиль, — все здесь присутствующие отлично знают, что вы не правы. И доказательство этого — история, которую нам только что рассказали и из которой явствует, сколь доверчивы несчастные женщины и сколь коварны и хитры те, кого мы считаем выше вас, пребывающих в миру мужчин. Ведь ни она, ни ее дочь не хотели ничего решить сами, а вместо того чтобы следовать своим намерениям, положились на добрый совет.

— Некоторые женщины настолько требовательны, — сказала Лонгарина, — что им кажется, что муж их должен быть ангелом.

— Вот потому-то им часто попадаются дьяволы, — заметил Симонто, — и случается это чаще всего с теми, которые, не доверяясь благодати господней, считают, что они своим собственным разумом — или послушавшись чьего-то совета — сумеют снискать в этом мире счастье, даровать которое может только сам господь.

— Что я слышу, Симонто! — воскликнула Уазиль. — Вот уж не думала, что вы можете рассуждать так разумно.

— Госпожа моя, — сказал Симонто, — мне очень жаль, что вам не удалось убедиться, какой я на самом деле. Оттого что вы меня плохо знаете, у вас, я вижу, сложилось дурное мнение обо мне, но и я ведь могу заниматься делами монахов, если монах позволил себе вмешаться в мои.

— Выходит, ваше дело — это обманывать женщин? — сказала Парламанта. — Этим вы сами же выносите себе приговор.

— Если бы даже мне удалось обмануть сто тысяч женщин, — сказал Симонто, — этого было бы мало, чтобы отомстить за все обиды, которые мне причинила одна из них.

— Я знаю, — сказала Парламанта, — как вы часто жалуетесь на дам. И вместе с тем вы всегда веселы и так хорошо выглядите, что невозможно поверить, чтобы вам действительно пришлось перенести все те беды, о которых вы говорите. По этому поводу в «Красавице, не знающей жалости» сказано:

Но так обычно говорят,
Чтобы добиться утешенья.

— Вы приводите слова известного ученого мужа, — сказал Симонто. — Он не только сам был человеком суровым, но и заразил своей суровостью всех дам, которые прочли его и последовали его учению.

— Пусть так, но его учение, как ни одно другое, полезно для молодых дам, — сказала Парламанта.

— Если бы все женщины были безжалостными, — продолжал Симонто, — мы могли бы преспокойно отвести наших лошадей в конюшню, снять все наши боевые доспехи и, пока не настала новая война, заниматься домашними делами. Но скажите, пожалуйста, неужели можно считать благородной женщину, у которой нет ни жалости, ни милосердия, ни любви и которая к тому же жестока?

— Милосердие и любовь у нас должны быть, — сказала Парламанта, — но слово *жестокая* настолько неуместно, когда говорят о женщине, что не может не задеть нашу честь. В самом деле, *не быть жестокой* — означает оказать ту милость, о которой вас просят, а

ведь всем хорошо известно, какой милости домогаются мужчины.

— Должен вам сказать, сударыня, — возразил Симонто, — что есть мужчины настолько разумные, что они не просят ничего, кроме доброго слова.

— Вы мне напомнили об одном мужчине, который довольствовался даже перчаткой, — ответила она.

— Мы хотим знать, кто этот любезный кавалер, — сказал Иркиан, — и я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали эту историю.

— Мне будет очень приятно это сделать, — сказала Парламента, — ибо она преисполнена благородства.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Некий английский лорд семь лет был влюблен в одну даму и никак не решался признаться ей в своей любви. И вот однажды, когда они сидели вместе на лужайке, он взглянул на нее — и сердце его так сильно забилося, что он вдруг весь побледнел и переменялся в лице. Тогда дама эта, которой хотелось показать, как она жалеет его, по его же просьбе положила ему на сердце свою руку в перчатке, а он сжал ее с такой силой (признавшись ей в эту минуту в любви, которую столько времени к ней питал), что перчатка осталась у него в руке. Потом он украсил эту перчатку драгоценными камнями и прикрепил к своему кафтану возле самого сердца. И он продолжал оставаться кавалером этой дамы и вел себя так благородно и достойно, что о большей милости никогда не просил.

Король Людовик Одиннадцатый назначил своим послом в Англию сеньора де Монморанси. И как только сеньор этот прибыл в эту страну, он сумел снискать уважение и любовь английского короля и всех принцев, которые стали даже поверять ему свои тайны и просить у него совета.

Однажды на пиршестве, которое в его честь устроил король, он оказался рядом с одним очень знатным лордом, на кафтане у которого висела дамская перчатка, пристегнутая золотыми крючками. Перчатка эта была украшена множеством алмазов, рубинов, изумрудов и жемчужин, и видно было, сколь она драгоценна. Сеньор де Монморанси так часто на нее поглядывал, что сосед его догадался, что ему хочется знать, почему он так разукрасил эту перчатку. А так как он почитал этого

сеньора человеком очень достойным, он обратился к нему со следующими словами:

— Я вижу, вам кажется странным, что я так богато разукрасил эту скромную перчатку. Мне и самому очень хочется рассказать вам об этом, ибо вы человек справедливый и настолько хорошо понимаете, какое это чувство — любовь, что, если вы найдете поступок мой правильным, вы его похвалите, а если нет, вы будете снисходительны к любви, которая повелевает всеми, у кого в груди благородное сердце. Должен вам сказать, что я всю жизнь любил одну даму, люблю ее и сейчас и буду любить даже после смерти. Сердце мое, осмелев, рвалось к ней, но язык мой робел и ничего не мог ей поведать. Семь лет я не решался ничем намекнуть на мою любовь, опасаясь, что если дама эта заметит ее, я потеряю возможность часто видеться с нею, а этого я боялся больше, чем смерти. Но однажды, когда я сидел с нею на лужайке и глядел на нее, сердце мое вдруг так забилося, что я весь побледнел и переменялся в лице. Когда она заметила это и спросила меня, что со мною такое, я ответил: «Что-то нехорошо с сердцем».

Она решила, что это недуг совсем иного рода, чем любовь, и ей стало меня жаль. Тогда я попросил ее положить руку мне на сердце, чтобы послушать, как оно бьется. Она это сделала — и не из каких-либо других чувств, а просто из жалости. А когда я поднес к груди руку ее, на которой была надетая перчатка, сердце мое забилося еще сильнее, и она убедилась, что я говорю ей правду. И тогда я крепко прижал ее руку к груди и сказал: «Горе мне, сударыня! Примите сердце мое, которое готово разорвать мне грудь, чтобы очутиться в руке той, от кого я жду милости, жизни и сострадания. Теперь оно принуждает меня признаться вам в любви, которую я так долго таил, ибо ни оно, ни я не властны над этим могучим божеством».

Признания мои чрезвычайно ее удивили. Она хотела было отдернуть руку. Но я так крепко прижал ее, что перчатка осталась — на том самом месте, где сия жестокая рука пребывала. А так как после этого мне не привелось больше находиться в такой близости к ней, я ношу эту перчатку на груди, как целительный пластырь для сердца, и я украсил ее самыми богатыми камнями, какие только имел, хотя главное сокровище мое — это сама перчатка: я не расстался бы с нею, да-

же если бы мне предложили за нее все английское королевство. Самая большая радость, какая у меня есть на этом свете, — это чувствовать ее у себя на груди.

Сеньор де Монморанси, который сам руку дамы почел бы ее перчатке, похвалил великое благородство его души, сказав, что это пример самой удивительной любви, какую только ему приходилось видеть в жизни, и что он считает собеседника своего достойным лучшего обращения. Ведь владелец перчатки так высоко чтит подобную безделицу, что, если в руки его попадает нечто большее, он может умереть от радости. Выслушав сеньора де Монморанси, лорд согласился с ним, нимало не догадавшись, что тот над ним просто подсмеивается.

— Если бы все мужчины вели себя так благородно, дамы могли бы им вполне доверять, да и стоило бы им это только перчатки.

— Я хорошо знал сеньора де Монморанси, — сказал Жебюрон, — и я уверен, что он не стал бы жить так, как этот англичанин; ежели бы он довольствовался столь малым, он не испытал бы тех радостей любви, которые достались на его долю; ведь в старинной песенке говорится:

Никогда влюбленному трусу
Не стяжать себе доброй славы.

— Обратите внимание вот на что, — сказал Сафредан, — как только эта бедная женщина почувствовала, что сердце у него так бьется, она мгновенно отдернула руку. Она ведь считала, что он может умереть, — а, говорят, женщины больше всего боятся прикасаться к покойнику.

— Если бы вы столько бывали в больницах, сколько вы бываете в тавернах, — сказала Эннасюита, — вы бы так не говорили, вы бы увидали, что женщины обряжают покойников, до которых мужчины при всей их храбрости боятся дотронуться.

— Действительно, нет ни одного человека, — сказал Сафредан, — которому не пришлось бы расплачиваться за полученные удовольствия и страдать тем больше, чем больше он в свое время наслаждался. Так было с одной девушкой, которую мне довелось встречать в

одном порядочном доме: чтобы заплатить за наслаждение, которое она получила, целуя любимого человека, ей пришлось в четыре часа утра целовать бездыханное тело убитого накануне дворянина, которого она ни капельки не любила. И тогда каждый понял, что этим она искупает великое наслаждение. Коль скоро мужчины не умеют ценить все творимое женщинами добро, я считаю, что их и вообще-то никогда не следует целовать — ни живых, ни мертвых, разве только в тех случаях, когда нам это велит господь.

— Что до меня, — сказал Иркиан, — то мне так мало дела до всяких поцелуев, кроме поцелуев моей жены, что я готов согласиться на все что угодно. Жаль только людей молодых, которых вы лишаете последних радостей, пренебрегая заповедью апостола Павла, который велит приветствовать друг друга *in osculo sancto*¹.

— Если бы апостол Павел был таким, как вы, — сказала Номерфида, — мы непременно захотели бы удостовериться, действительно ли в нем говорит дух господень.

— Выходит, что вы готовы усомниться в Священном писании, — сказал Жебюрон, — лишь бы не поступиться своими предубеждениями.

— Упаси боже, чтобы мы стали еще сомневаться в Священном писании, — сказала Уазиль. — Но мы не очень-то верим всей вашей лжи. Нет ни одной женщины, которая не знала бы обстоятельно, как она должна поступать: никогда не сомневаться в слове божьем — точно так же, как не принимать на веру слова мужчин.

— А по-моему, — сказал Симонто, — на свете больше мужчин, обманутых женщинами, чем женщин, которых обманули мужчины. Женщины любят нас недостаточно и поэтому нам не верят, мы же любим их такой огромной любовью и до того готовы верить всем их выдумкам, что бываем обмануты ими гораздо раньше, чем заподозрим этот обман.

— Можно подумать, что вам пожаловался какой-нибудь дурак, которого обманула сумасбродка, — сказала Парламанта, — тому, что вы говорите, поверить совершенно невозможно, и надо, чтобы вы подтвердили

---

¹ Целованием святым (лат.).

ваши слова примером. Поэтому, если вы знаете такой случай, я передам вам слово, чтобы вы его рассказали. Я вовсе не хочу сказать, что слова ваши заставят нас вам поверить, но, во всяком случае, когда вы станете открыто клеветать на женщин, мы не будем огорчаться, ибо будем уже знать, с кем имеем дело.

— Ну что же, если хотите, я расскажу вам эту историю, — сказал Дагусен.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Некий дворянин, слишком легко поверивший женщине, которой он перед этим нанес обиду, покинув ее ради других — причем именно тогда, когда она больше всего его любила, — был обманут ею и высмеян всем двором.

При дворе Франциска Первого находилась одна весьма достойная и умная дама. Благонравием своим, обходительностью и приятностью она подкупала сердца многих кавалеров и так хорошо умела занять их, ни в чем не поступаясь честью, так поражала их остроумием своих речей, что они не находили, что отвечать ей: тех, кто был больше всего уверен в себе, она заставляла отчаиваться, а в отчаявшихся вселяла надежду. И так она насмехалась едва ли не над всеми своими кавалерами, а между тем сама очень полюбила одного из них и величала его кузенком — именем, которое могло значить в ее устах и нечто другое. А так как в мире нет ничего устойчивого, дружба их нередко омрачалась ссорой, после чего, однако, снова возобновлялась и становилась еще крепче, чем раньше, и весь двор не мог этого не замечать.

Однажды дама эта — то ли чтобы убедить всех, что она никого не любит, то ли чтобы заставить страдать того, из-за кого сама претерпевала немало страданий, — сделала с ним вдруг необычно ласковой, такой, какой раньше никогда не бывала. Видя это, дворянин, который и на войне и в любви бывал всегда храбр, начал еще более решительно добиваться взаимности той, к которой он уже несколько раз обращался со своими мольбами. Дама же, притворившись, что он ее окончательно разжалобил, согласилась на все, о чем он ее

просил, и сказала, что поднимется наверх, где, как она хорошо знает, никого нет, и как только он увидит, что она ушла, пусть тут же следует за нею, ибо там она будет одна. Видя, что она очень к нему благоклонна, и поверив ее словам, дворянин так обрадовался, что принялся ухаживать за другими дамами, ожидая, пока она удалится, чтобы тут же последовать за ней. Она же, будучи искушенной во всех женских хитростях, отправилась к принцессе Маргарите, дочери короля, и к герцогине де Монпансье и сказала им:

— Хотите позабавиться так, как вам еще в жизни не приходилось?

Дамы эти не любили грустить и попросили ее сказать им, что она задумала.

— Дело касается такого-то, — сказала она, — человека, как вы знаете, очень доблестного и смелого. Вы знаете, сколько неприятностей он мне причинил: когда я любила его всей силой моей любви, он предпочел мне других; и сколько горя мне пришлось из-за него испытать — никто не знает. А теперь вот господь дал мне средство отомстить ему за все. Сейчас я уйду к себе в комнату — она прямо над этой. Посмотрите, что он будет делать: вы увидите, что он придет туда следом за мной. И вот, когда он минует галерею и начнет подниматься по лестнице, — пожалуйста, подойдите обе к окну и вместе со мной кричите: «Караул! Грабят!» Вы увидите, как он разъярится; будем думать, что он не учинит ничего непристойного, но если он и не станет меня ругать открыто, то про себя он все же добром меня не помянет.

Принцесса и герцогиня весело рассмеялись, ибо ни один из кавалеров не воевал с дамами столько, сколько этот, а при дворе он пользовался у всех большим уважением и любовью, и насмешек его все очень боялись. Поэтому обе они решили, что имеют право быть причастны к победе, которую надеялась одержать та дама.

И вот, едва только та, которая все это затеяла, ушла, они стали внимательно следить за дворянином, который собрался куда-то уйти. Когда же он открыл дверь, дамы вышли на галерею, чтобы не потерять его из виду. Ничего не подозревая, он окутал шею плащом, чтобы спрятать лицо; потом он спустился с лестницы во двор,

а после этого снова поднялся. Но, встретив там кого-то и не желая, чтобы тот его узнал, он спустился снова и вернулся с другой стороны. Принцесса и герцогиня все это видели, а дворянин их не замечал. Когда же он дошел до лестницы, по которой мог спокойно подняться в комнату своей возлюбленной, обе они подбежали к окну и тут же увидели его даму, которая стала во весь голос кричать, что забрался вор, и призывала на помощь. Тогда обе дамы, находившиеся внизу, приняли ей вторить — и так громко, что голоса их разнеслись по всему дворцу.

Можете себе представить, в какой досаде дворянин этот убежал к себе, не успев укрыться от глаз дам, которые уже знали его тайну и часто потом вспоминали о его бегстве, равно как и та, которая устроила эту засаду и которая потом сама сказала ему, что теперь-то она отомщена. У дворянина, однако, были на все свои ответы и отговорки; он очень ловко старался убедить их, что догадался об их затее и дал своей даме обещание прийти наверх только для того, чтобы немного поразвлечься. Он сказал, что никогда бы не пошел туда из любви к ней, ибо от этой любви давно уже ничего не осталось. Однако дамы никак не хотели с ним согласиться, да и сейчас ведь никто в точности не может сказать, как все было. Но если он в самом деле поверил обманщице, что вполне могло быть, — то, коль скоро в его время мало кто мог с ним сравниться умом и отвагой и уж во всяком случае никто не мог его превзойти (что он потом и доказал, ибо умер доблестной смертью), вам, пожалуй, придется признать, что мужчины, которые любят, обычно верят больше чем следует своим дамам и те часто водят их за нос.

— Я считаю, что дама эта поступила правильно, — сказала Эннасюита, — ибо, если женщина любит мужчину, а он бросает ее ради другой, он заслуживает самой жестокой мести.

— Разумеется, — сказала Парламанта, — но только если он сам ее любит. А то ведь есть женщины, которые влюбляются в мужчин, не будучи уверены в их взаимности. А потом, узнав, что те полюбили других, они принимают обвинять их в непостоянстве. Вот почему женщины умные никогда не бывают обмануты завере-

ниями мужчин; они не обращают на них внимания; они не верят даже словам, в которых есть правда, ибо и у правды и у лжи язык-то один.

— Если бы все дамы думали так, как вы, — сказал Симонто, — мужнины должны были бы спрятать подалее все свои мольбы; но только, что бы вы и вам подобные ни говорили, мы никогда не поверим, что подозрительность — такое же свойство женщин, как и красота. И как вам ни хотелось бы смутить нас своими доводами, это убеждение наше позволяет нам жить в радости.

— Я хорошо знаю, — сказала Лонгарина, — кто та дама, которая так посмеялась над этим дворянином, и должна сказать, что считаю ее способной на любую хитрость, — коль скоро она не пощадила мужа, она, конечно, не пощадила и своего кавалера.

— Как это не пощадила мужа? — воскликнул Дагусен. — Вы, должно быть, знаете о ней больше, чем я! Раз так, я уступаю вам свое место, чтобы вы нам рассказали об этом.

— Если вы согласны меня выслушать, я охотно расскажу вам то, что знаю, — ответила Лонгарина.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Та же самая дама, заметив, что муж ее недоволен тем, что у нее есть кавалеры, с которыми она проводит время (хоть и ничем не пороча при этом свою честь), стала тщательно его выслеживать и обнаружила, что он неравнодушен к одной из ее служанок; тогда она подговорила служанку согласиться на все, о чем он ее просил, и ухитрилась уличить мужа в поступке столь неблагоприятном, что тому пришлось сознаться, что он заслуживает более сурового наказания, чем его супруга, которая с этого дня получила возможность жить так, как ей нравится.

Дама, о которой вы только что рассказывали, вышла замуж за одного богатого дворянина, происходившего из очень старинного и знатного рода, причем оба они не чаяли души друг в друге. Будучи женщиной светской, умевшей повеселиться, она не стала скрывать, что у нее есть кавалеры. Она даже любила потешаться над своими поклонниками и нередко развлекала мужа рассказами о них. Но мужу такая жизнь в конце концов

надоела. Ему не нравилось, что жена столько времени проводит в обществе мужчин, которые не были ему ни родственниками, ни друзьями, и к тому же его сердили большие траты, которые ему приходилось совершать, чтобы она могла роскошно одеваться и блистать при дворе. Поэтому он пользовался каждым удобным случаем остаться дома, но в дом к ним стало приходиться столько гостей, что расходы не становились меньше. Жена же его, где бы она ни бывала, всегда ухитрялась проводить время за играми, танцами и прочими светскими развлечениями, за которыми молодым женщинам пристало коротать свой досуг. А когда муж ее с улыбкою говорил ей, что они проживают слишком много, она отвечала, что он может быть совершенно спокоен, — если ему и придется что-нибудь носить, то не рога, а разве только суму, потому что она очень любит наряды и ей надо быть одетой богаче и роскошнее всех при дворе. И как муж ни старался, чтобы поездки ко двору происходили возможно реже, она тем не менее никогда не упускала случая туда отправиться. И всякий раз она умела подластиться к мужу, который не хотел ей ни в чем отказать.

Но вот однажды, когда, несмотря на все ухищрения, ей никак не удавалось поехать на придворный праздник, она вдруг заметила, что муж ее равнодушен к одной из ее служанок, и решила воспользоваться этим обстоятельством. Она позвала служанку и так искусно обо всем ее расспросила, пуская в ход то ласки, то угрозы, что девушка призналась, что, с тех пор как она находится у них в доме, не было дня, чтобы ее господин не волочил за нею, но она считает, что ей лучше умереть, чем поступить против бога и чести своей, тем более что госпожа оказала ей такую великую милость, взяв к себе в дом. Услыхав о вероломстве мужа, дама эта огорчилась, но в то же время обрадовалась. Ей было обидно узнать, что муж ее, который делал вид, что так ее любит, в действительности так позорит ее, несмотря на то, что она и красивее и привлекательнее той, на которую он готов ее променять. Вместе с тем она обрадовалась тому, что теперь, когда муж ее уличен в столь тяжком проступке, он уже не сможет упрекать ее ни за поездки ко двору, ни за ее кавалеров. И чтобы довести дело до конца, дама эта попросила, чтобы служанка понемногу начала уступать просьбам

ее мужа, соблюдая те условия, которые она ей поставит. Девушка сначала отказывалась, но после того как госпожа уверила ее, что ни жизни, ни чести ее ничто не угрожает, согласилась.

Продолжая волочиться за служанкой, муж вдруг заметил, что девушка переменялась и стала более податливой. Тогда он начал добиваться своего еще настойчивее, чем прежде. Девушка же выучила свою роль наизусть и стала говорить, что она бедна и что, если только она снизойдет к его просьбам, все надежды ее рухнут и госпожа, вместо того чтобы выдать ее замуж за хорошего человека, ее прогонит. На это дворянин ответил, что беспокоиться ей нечего, что он сам найдет для нее жениха — и лучше и богаче того, кого ей обещает ее госпожа, — и что к тому же все останется в тайне и никто об этом не будет знать. В конце концов девушка дала свое согласие, — и когда зашла речь о том, какое место им облюбовать для этой приятной встречи, она сказала, что лучше всего для этого подойдет маленький домик в глубине сада, где есть и спальня и кровать и где их никто не увидит. Дворянин, который готов был пойти куда угодно, согласился и с нетерпением стал ждать назначенного дня и часа. Служанка сдержала слово, данное своей госпоже, и рассказала ей во всех подробностях о своем разговоре с ее мужем и о том, что свидание их назначено на следующий день, после обеда. Девушка обещала, что, когда нужно будет, позовет ее, и просила свою госпожу помнить об этом и прийти сию же минуту, чтобы уберечь ее от опасности, которой она, не желая ослушаться господской воли, себя подвергает. Та заверила ее, что бояться нечего, что она ее не оставит и защитит от ярости мужа. На другой день, после того как они пообедали, дворянин был особенно ласков с женой; последней это было не очень приятно, но она сумела так хорошо притвориться, что он ничего не заметил. После обеда жена спросила его, что он собирается делать. Он ответил, что у него большое желание поиграть в карты. Тут же был принесен стол, и все сели за игру. Но жена сказала, что играть ей что-то не хочется и она лучше посидит и посмотрит. Перед тем как сесть за карты, муж успел напомнить служанке о ее обещании. И в то время как он сидел и играл, девушка прошла в комнату и незаметно сделала знак своей госпоже, из которого та поняла, что она соби-

рается совершить небольшую прогулку; муж же ничего этого не заметил. Но через час, когда один из его слуг знаками позвал его издалека, он сказал жене, что у него разболелась голова и он хочет немного отдохнуть и подышать свежим воздухом. Зная не хуже его самого, что у него за болезнь, жена спросила, не сесть ли ей поиграть за него, и он уступил ей свое место, сказав, что скоро вернется. В ответ на это жена тут же заверила его, что даже если ей придется сидеть за игрой два часа, она все равно не соскучится. Муж ее сначала пошел к себе в комнату, а оттуда по аллее в парк. Жена, зная другую, более короткую дорогу, выждала немного, а потом, притворившись, что у нее схватило живот, посадила вместо себя играть другого. Выйдя из комнаты, она сняла свои бапки на высоких каблуках и, боясь опоздать, побежала со всех ног в условное место. Она прибежала туда как раз вовремя и, войдя с другой стороны в домик, куда только что перед этим пришел ее муж, спряталась за дверь и стала слушать, как супруг ее признавался в своих высоких и благородных чувствах служанке. А как только она увидела, что дело начинает доходить до большего, она схватила его за спину и сказала:

— Я слишком близко, чтобы тебе могла понадобиться другая.

Нечего и говорить, что муж ее был вне себя от гнева. Он увидел, что лишается всех радостей, которых так ждал, и что жена его узнала больше, чем надо, так что теперь он может навсегда утратить ее любовь. И решив, что виновата во всем служанка, он, не сказав ни слова жене, погнался за несчастной девушкой в такой ярости, что, если бы жена не вырвала ее у него из рук, он бы ее, наверное, убил; он стал говорить, что это прегоняная девка, что жене его надо было немного подождать — и она бы убедилась, что он хотел только посмеяться над этой негодницей и что вовсе не стал бы учинять над ней то, к чему она приготовилась, а вместо этого отхлестал бы ее розгами. Но жена его была женщиной достаточно искушенной в жизни, и обмануть ее было нелегко: она обрушила на него столько упреков, что он даже испугался, что она совсем от него уйдет. Ему пришлось обещать ей, что он исполнит все, чего она от него хочет. А так как упреки жены были справедливы, ему оставалось только признаться, что он был не прав, когда

осуждал ее за то, что у нее такое множество кавалеров. Ибо женщина красивая и порядочная не становится менее добродетельной оттого, что ее любят, если только не делает и не говорит ничего, что может запятнать ее честь: мужчина же, если он преследует женщину, которую не любит, и этим позорит и жену и совесть свою, действительно заслуживает самого сурового наказания. И муж обещал ей, что впредь, если ей захочется поехать на какое-нибудь придворное празднество, он никогда не будет чинить ей препятствий, равно как и осуждать ее за то, что у нее есть кавалеры; он ведь хорошо знает, что она никого из них не любит и только потешается над ними. Жене такое решение пришлось по душе, она стала думать, что одержала этим немалую победу, но мужу в этом не призналась, а напротив — притворилась огорченной и ответила, что поездки ко двору уже не доставляют ей теперь ни малейшего удовольствия, ибо она видит, что он ее разлюбил, а без его любви всякое общество будет ее только раздражать; ведь только тогда, когда женщина любима своим мужем и сама его любит, как то было с ней, она может преспокойно разговаривать с кем угодно и никто не станет над нею смеяться. И ее бедному мужу пришлось немало потрудиться, чтобы убедить ее, что он по-прежнему ее любит. Но в конце концов они все же помирились и вместе вернулись в дом. Однако, для того чтобы подобные вещи не могли больше повторяться, он попросил ее прогнать служанку, причинившую ему столько неприятностей. Дама эта с ней действительно рассталась, но сначала нашла для нее хорошего жениха и, справив за счет своего супруга приданое, выдала ее замуж.

А для того чтобы жена забыла о его безрассудстве, муж сам начал возить ее на придворные празднества и одевать со всею роскошью и богатством, что ей и требовалось для того, чтобы быть счастливой.

— Вот, благородные дамы, почему я сказал, что нет ничего странного в том, как эта дама поступила с одним из кавалеров, ибо точно так же она вела себя и с собственным мужем.

— Вы рассказали нам про очень хитрую жену и очень глупого мужа, — сказал Иркин, — ведь если уж

он добился такой удачи, ему не следовало останавливаться на полдороге.

— А что же он, по-вашему, мог еще сделать? — спросила Лонгарина.

— Да то, что хотел, — ответил Иркиан, — жена ведь пришла в такой великий гнев, узнав о том, что он собирается учинить, что, если бы даже он и исполнил все, что задумал, гнев ее вряд ли мог бы быть еще сильнее, пожалуй, жена стала бы только больше его уважать, увидав, как он смел и решителен.

— Все это хорошо, — сказала Эннасюита, — но где же вы видели, чтобы мужчине приходилось одновременно сражаться с двумя женщинами? Жена его защищала свои права супруги, а служанка — свою невинность.

— Так-то оно так, — подтвердил Иркиан, — но человеку смелому не приходится бояться двух слабых женщин, он все равно достигает того, чего хочет.

— Ну, разумеется, — сказала Эннасюита, — выхватив шпагу, он мог бы убить их обеих, и я не представляю себе, как бы он выпутался иначе из этого положения. Поэтому будьте так добры сказать, что бы вы, например, сделали на его месте?

— Я бы обнял жену, — сказал Иркиан, — и унес ее на руках из комнаты. А потом бы уж расправился со служанкой по своему вкусу — либо лаской, либо силой.

— Хватит вам рассказывать о том, сколько вы можете сотворить зла, — воскликнула Парламанта.

— Не беспокойтесь, Парламанта, — ответил Иркиан, — я не способен смутить моими речами ничьей невинности. Но это отнюдь не значит, что я сочувствую дурному поступку. Меня удивляет только затея, которая сама по себе ничего не стоит, и я не одобряю человека, который, взявшись за дело, не доводит его до конца, причем вовсе не потому, что любит жену, а потому, что ее боится. Когда муж любит свою жену так, как велит господь, он заслуживает всяческой похвалы, но я не могу уважать мужчину, когда любви у него нет, а есть только страх.

— Конечно, — сказала Парламанта, — если бы вы не могли стать хорошим мужем из любви ко мне, мало было бы мне радости в том, что вы стали бы делать из страха.

— Вы забываете, — ответил Иркин, — что любовь, которую я к вам питаю, делает меня более послушным, чем страх перед смертью и перед муками ада.

— Можете говорить что угодно, — сказала Парламанта, — но, насколько я знаю, у меня нет причин быть вами недовольной, что же касается того, что от меня укрылось, то я не хочу ни подозревать вас, ни тем более выследживать.

— Большую глупость, по-моему, совершают те женщины, которые неусыпно следят за своими мужьями, — сказала Номерфида, — равно как и мужья, которые выследживают своих жен. Ибо достаточно каждому дню его заботы, а о том, что может случиться завтра, беспокоиться не стоит.

— Если иногда и бывает необходимо следить за тем, кто бесчестит семью, — сказала Уазиль, — то лишь для того, чтобы порядок в доме не нарушался, а вовсе не для того, чтобы осуждать людей. Нет ни одного человека, который был бы без греха.

— А ведь сколько раз люди попадали в непонятное положение из-за того, что они тщательно не следили за поведением своих жен, — заметил Жебюрон.

— Если вы знаете такой случай, то, пожалуйста, расскажите, — попросила Лонгарина.

— Один такой случай я действительно знаю, — сказал Жебюрон, — и, если угодно, я вам его расскажу.

НОВЕЛЛА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Один парижанин, не разузнав хорошенько, что случилось с его женой — он думал, что ее уже нет в живых, тогда как на самом деле она спуталась с певчим дворцовой капеллы, — женился на другой женщине, с которой, после того как они прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет и у них родилось несколько детей, ему пришлось расстаться, чтобы вернуться к первой жене.

В городе Париже жил один человек, настолько простодушный, что даже если бы он своими глазами увидел, что кто-то спит с его женой, он бы этому не поверил. Этот бедный мальчик был женат на женщине такого дурного нрава, что хуже нельзя было и придумать. Однако он не только не замечал ее поведения, но даже

обращался с нею, как с женщиной самой порядочной и благородной.

Однажды, когда король Людовик Двенадцатый был в Париж, распутница эта сошлась с одним из певчих придворной капеллы. Когда же она увидела, что король собирается уезжать и ей предстоит расстаться с любовником, она решила покинуть мужа и последовать за певчим. Тот согласился взять ее с собой и повез ее в свой дом, который находился неподалеку от Блуа, где они потом долгое время жили вместе. Несчастный супруг, обнаружив, что жены его нет, принялся искать ее всюду, где только мог, пока кто-то не сказал ему, что она уехала с певчим. Стремясь вернуть заблудшую овцу, которую он так и не устерег, муж написал немало писем, в которых просил жену возвратиться домой, обещая, что примет ее, если она будет вести себя, как подобает женщине порядочной. Но ей так нравилось пение певчего, с которым она жила, что она успела совсем позабыть голос мужа, и вместо того чтобы внять его добрым словам, только посмеялась над ним. Тогда ее разгневанный супруг велел передать ей, что, если она не хочет вернуться к нему добром, он обратится за правосудием к Церкви и ее все равно заставят вернуться. Женщина эта, боясь, что, если в дело вмешается Церковь, ей и певчему придется плохо, пошла на хитрость, придумать которую могла только такая, как она. Притворившись больной, она послала за всеми почтенными горожанками, прося их прийти навестить ее. Те сразу же откликнулись на ее зов, полагая, что болезнь эта отвратит ее от дурной жизни, и все принялись горько ее упрекать, надеясь, что теперь-то она станет вести себя иначе. Тогда, сделав вид, что ей совсем худо, женщина эта притворилась, что плачет и рассказывает в совершенном грехе, и все собравшиеся, поверив, что она говорит от чистого сердца, стали очень ее жалеть. И видя, что она и раскаялась и смирилась, все они принялись утешать ее, говоря, что господь наш не так уже суров, как его изображают многие проповедники, и что можно не сомневаться, что он не откажет ей в милости. И чтобы испросить у господя эту милость, они послали за приходским священником, дабы тот исповедовал ее и причастил, и на следующее же утро тот явился. И больная столь благоговейно его приняла, что все почтенные женщины этого города, которые присут-

ствовали при этом, видя, сколь она благочестива, плакали от умиления, воздавая хвалу господу за то, что он сжалился над несчастной грешницей. А так как она притворилась, что не может ничего проглотить, священник помазал ее миром, на что она ответила ему немymi знаками благодарности, и все поверили, что она действительно не в силах произнести ни слова. И так она пролежала долгое время, и казалось, что понемногу и зрение, и слух, и остальные чувства ее оставляют. И все стали молиться, восклицая: «Господи Иисусе!» А так как уже начало темнеть, а дамы эти прибыли издалека, всем им пора было возвращаться, и в ту минуту, когда они выходили из дома, им сказали, что больная скончалась. С этим они и вернулись домой, повторяя слова зауспокойной молитвы. Приходской священник спросил певчего, где он хочет похоронить жену, и тот ответил, что она наказала, чтобы ее похоронили на местном кладбище, и что лучше всего отвезти ее туда ночью.

Одна из ее служанок одела эту несчастную и положила в гроб, стараясь не причинить ей при этом ни малейшей боли. А потом зажгли факелы и отнесли ее к только что вырытой могиле. И когда тело ее несли по улицам, где жили те, которые присутствовали при соборовании, все эти женщины повыходили из своих домов и проводили усопшую до самой могилы. Вскоре после погребения все — как духовные лица, так и те, кто знал покойную, — разошлись. Но певчий никуда не ушел и, как только увидел, что все уже далеко, вместе со служанкой раскопал могилу, где лежала его подруга, живая и в добром здравии, и потихоньку отвез ее домой, а потом долгое время ее скрывал.

Муж, не перестававший ее преследовать, приехал в Блуа, чтобы расправиться с ней по закону. И тут ему сообщили, что она умерла и предана земле, и это подтвердили все местные дамы, которые рассказали ему, сколь благостны были последние часы ее жизни. Бедняга очень радовался, что душа его жены попала в рай, а сам он навек избавился от ее грешного тела. Довольный, он вернулся в Париж, где женился на очень красивой и благородной молодой женщине и к тому же хорошей хозяйке, от которой у него родилось несколько детей. И они прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет. Но в конце концов молва, которая всегда

все тайное делает явным, распространила весть о том, что жена его не умерла и по-прежнему живет с этим негодником певчим. Несчастный муж старался скрывать это от всех сколько мог, притворившись, что ничего толком не знает, и в душе продолжая надеяться, что все это ложь. Но об этом проведала его вторая жена, женщина очень неглупая, и едва не умерла от горя.

Муж ее, если бы только совесть ему позволила, охотно бы все утаил, но сделать это было уже невозможно, так как в дело вмешалась Церковь, решившая навести порядок. И Церковь решила разлучить эту женщину с мужем до тех пор, пока все не будет проверено и точно установлено. И бедняга вынужден был оставить эту добрую женщину и отправиться на поиски злой. Он поехал в Блуа — это было вскоре после того, как на престол вступил Франциск Первый, — нашел там королеву Клод и регентцу и принес им свою жалобу, требуя вызвать ту, которой он предпочел бы никогда больше в жизни не видеть. И при дворе все прониклись к нему превеликой жалостью. А когда жена его предстала перед ними, она долгое время отказывалась от него, говоря, что он вовсе не ее муж, чему тот, если бы только мог, с радостью бы поверил. И женщина эта, не столько пристыженная, сколько огорченная, сказала, что готова скорее умереть, чем возвращаться к нему, и таким ответом он был очень доволен.

Но обе королевы, услышав ее бесчестные речи, присудили ее к тому, чтобы вернуться, и так напугали певчего своими угрозами, что тот был вынужден сказать своей мерзкой подруге, что больше не хочет ее видеть и она должна сейчас же вернуться к мужу. И выгнанной отовсюду несчастной пришлось возвращаться в свой прежний дом, где муж ее обошелся с ней лучше, чем она того заслужила.

— Вот, благородные дамы, почему я сказал, что, если бы бедный муж лучше караулил свою жену, он бы не потерял ее, ведь то, что мы умеем беречь, не так легко потерять, и воры всегда льстятся на то, что плохо лежит.

— Удивительное дело, — воскликнул Иркан, — до чего любовь сильна именно там, где она всего безрассуднее!

— Мне говорили, — сказал Симонто, — что легче расторгнуть сотню браков, чем разлучить одного священника с его служанкой.

— Очень может быть, — сказала Эннасюита, — ибо те, которые связывают других узами брака, умеют затянуть такой крепкий узел, что только смерть способна его разорвать. Ученые же богословы считают, что язык духа значит больше, чем любой другой, а следовательно, и любовь духовная превосходит всякую другую.

— Вот уж чего я никак не прощаю женщинам, — сказал Дагусен, — так это того, что они бросают примерного мужа или друга ради священника, как бы красив и порядочен тот ни был.

— Прошу вас, Дагусен, — сказал Иркан, — не вмешивайте в разговор мать нашу, Пресвятую церковь. Поверьте, что для тех женщин, которых робость и скрытность делают несчастными, самое большое удовольствие — это грешить с людьми, которые сами же могут потом отпускать им грехи; ибо есть ведь такие, которым признаться в своем грехе труднее, чем этот грех совершить.

— Вы говорите, — сказала Уазиль, — о женщинах, которые забыли бога и которые думают, что содеянное втайне не предстанет перед небесным судом. Но исповедников они себе ищут отнюдь не для того, чтобы исповедоваться перед ними. Враг рода человеческого так ослепляет их, что заботы их направлены на то, чтобы укрыться где-нибудь в самом надежном и укромном уголке, а вовсе не на то, чтобы получить отпущение грехов, раскаиваться в которых у них нет ни малейшего желания.

— Какое там раскаиваться, — воскликнул Сафредан, — они еще считают себя более праведными, чем все остальные женщины. И я уверен, что есть среди них такие, которые даже польщены подобною связью.

— Вы так об этом говорите, — сказала Уазиль, обращаясь к Сафредану, — что можно подумать, что одна из них вам известна. Поэтому, прошу вас, поделитесь с нами завтра тем, что вы знаете, и завтрашний день мы начнем тогда с вашего рассказа. А то уже начи-

нают звонить к вечерне; монахи наши прослушали последний рассказ и, как видите, ушли, оставив нас одних продолжать наши споры.

После этих слов все поднялись с мест и направились в церковь, где их дожидались, чтобы начать службу. И, прослушав вечерню, вся компания села за ужин, продолжая разговаривать о слышанных ими интересных рассказах. А после ужина, по обыкновению, все пошли на лужайку, чтобы погулять на свежем воздухе и отдохнуть перед завтрашним днем.

Конец шестого дня

НЕКОТОРЫЕ
ИЗ ПРЕКРАСНЫХ ИСТОРИЙ
О ЛЮБОВНЫХ
И ПРОЧИХ ПОХОЖДЕНИЯХ,
РАССКАЗАННЫХ А.Д.С.Д.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ И СТАРУХА

провинции Пуату проживал один аббат, имени которого я не назову как из уважения к нему самому, так и к его репутации всеми почитаемого святого человека. Этот святоподобный отец, порастреся все статусы святой веры, от них сохранил лишь монашеское одеяние. К тому же он заботливо ублажал и питал свою особу (вкуче с остальными монахами), соблюдая пост разве что во время службы, и во весь опор неся от обедни к обеду, так что, следуя старинной пословице, не столько он молился, сколько стол у него от всевозможной снеди ломился. А после трапезы, дабы продлить удовольствие, услаждал он себя некоторое время музыкой, если сразу не впадал в спячку. Вакх и Церера, столь свободно доступ находившие к плоти нашего монаха, указали туда путь и Венере, и богиня, завладев сей откормленной плотью, так разожгла жирные монашьи внутренности, что, позабыв о холоде заутрень, преподобный поджаривался на сковородке похоти и стал уподобляться козлу, по лесам гонящемуся за козами.

Подстрекаемый богиней красоты и грации, аббат возжаждал любви прекрасных дам, увлекаясь мирским больше, нежели это было разумно; и, забросив своих монахов, стал искать общества кавалеров и дам, живущих по соседству с аббатством, — он держал для них открытый и обильный дом, где не прекращались празд-

нества и пиршества, и, сведя короткое знакомство с дамами, дабы удовлетворить сжигающее его желание, выбрал среди них одну — замужнюю, приветливую и пригожую, но, наметив ее себе в любовницы, оказывал ей, однако, весьма почтительный прием и так был хитер, что, глядя на эту благообразную образину, никому и невдомек было, на кого он точит зубы. Дама, которая была женщиной порядочной, хорошо воспитанной и нрава весьма кроткого, обращалась с ним, равно как и с другими, приветливо и радушно, в чем монах, распаленный под своею рясой, усмотрел уже свою победу. И еще до того, как обратиться к ней с предложениями, каковые влекут за собой либо согласие, либо отказ, он не забывал посещать ежедневно ее супруга, одалживать ему денег и оказывать множество других услуг под предлогом близости его земель к владениям аббатства. Так что сей дворянин, не подозревая, что всем этим обязан жене, весьма большую пользу извлекал из такого знакомства для своего дома и в недолгий срок уладил все давние свои распри с монастырем. Кончилось дело тем, что аббат, жаждущий поскорее отвесть плодов своих благодеяний, изъяснился перед дамою в своем вожделении к ней.

Благонравная дама, выслушав его околесицу (которую я не берусь здесь приводить, дабы мое повествование не слишком разило похотливым монахом), дала ему такой ответ, какого и следовало при ее благонравии ожидать. И поскольку сие признание ее разгневало и уязвило, то она, любя мужа и не желая его и себя бесчестить, наотрез отказалась посещать монастырь. Дворянин же, напротив, весьма был привязан к аббату, ничего не подозревал и, частенько получая приглашение прийти с женой, заставлял ее сопровождать себя, не желая ничем обидеть приятного соседа, от которого он видел столь много милостей.

Убедившись, что супруга сердит ее неповиновение, дама принуждена была объявить ему о любезном предложении преподобного отца, чем весьма супруга изумила, и он, смекнув наконец, чему обязан был монашескими милостями, сказал своей жене:

— Я вас прошу, моя милая, раз уж он так упрашивал вас прийти к нему, давайте посетим его единственный раз, и если он будет настолько глуп, что опять начнет строить вам куры, соглашайтесь смело на

всё и просите его погостить у нас с ночлегом, — а там уж мы поступим с ним так, как он того заслуживает.

Дама, уступив супругу, отправилась вместе с ним к аббату, а он, увидев ту, которая ему была в сто раз милее его требника, уж так стал любезен, что любезнее и быть нельзя. И после обеда (а это был как раз час, когда его сильнее всего одолевала похоть) он вновь начал свои авансы. И уж так подступился, что дама, наученная, как ей быть, сказала, что согласна удовлетворить его, но что единственное средство устроить дело — это принять приглашение ее мужа прийти сегодня ужинать к ним в дом. И поскольку ее муж ежедневно от зари до вечера уезжает в поле на охоту, она обещает под утро прийти в его спальню, дабы усладить его так, как должно услаждать дорогого друга, который ей даже еще желаннее, чем она ему.

— Но, мессир, я вас умоляю, — говорила дама притворно дрожащим голосом, — храните наше опасное дело в секрете, а для того отошлите всех своих людей в аббатство, чтобы вам быть в спальне одному, и тогда мы насладимся нашей любовью без помех и без страха быть пойманными.

После того как монах согласился на эту просьбу, дворянин понял, что пора и ему заговорить, и с вежливым поклоном стал упрашивать аббата принять участие в охоте на куропаток, и если аббат окажет ему такую честь, то он, пока будут охотиться, велит приготовить ужин у себя в доме. Аббат не заставил себя просить и, подобрав сутану, не долго думая, взобрался на своего мула вне себя от радости, норовя еще по дороге прижаться к даме своего сердца. Охотились долго, а затем повернули к дому дворянина, куда аббат не захотел и войти, пока не отослал всех своих людей вплоть до лакея. Муж притворился рассерженным и стал их удерживать, но, как он ни старался, а мессир аббат упорно стоял на своем, желая сдержать данное обещание и твердя, что воспользуется услугами одних лишь людей дворянина, чем докажет ему свое расположение; но наш любезный любитель дам, — что бы он там ни располагал, — вынужден был столько съесть и выпить за ужином, за уговорами хозяев, что внезапно попросился в постель, куда торжественно был препровожден с факелами, — а комнату ему приготовили чистую, убранную коврами и надушенным бельем, и дама самолично про-

водила его, как велел муж, дабы еще больше разжечь его. И, как женщина исполнительная, она это проделала весьма усердно, и с такими ужимками и заигрываниями, что бедному монаху вино и любовь разом ударили в голову, и он так и рухнул, не глядя куда, — счастье еще, что за спиной у него как раз оказалась готовая постель. Как только бедняга, хватив лишку, на нее свалился, дама, распорядившись запереть все окна, приветливо с ним распрощалась, пожав ему руку и сказав:

— Мессир, вы доверились нам, отослав своих слуг, что не пристало при вашем сане, и за это я вам сегодня послужу горничной и сама запру двери, дабы никто не потревожил ваш сон.

Аббат, слыша такие речи, прямо-таки раздулся от радости, вообразив, что она берет ключ от двери для того, чтобы как можно незаметней пробраться в его комнату, так что в ожидании услаждения бедной своей плоти чуть не сгорал от безмерной похоти и, вертясь волчком на постели, обнимался с одеялом и тискал подушку, заранее смакуя предстоящие радости и утехы.

Тем временем дворянин (который хотел отомстить так, чтобы уж над монахом смеялись до самой смерти) позвал и подкупил тяжелым кошельком одну старуху лет восьмидесяти, блиставшую всеми прелестями этого возраста, и, хорошенько подпоив ее, чтобы разогреть внутри, раздел ее в ночные наряды своей жены — чепец, сорочку и тафтяную накидку, а сверх того надушил и размалевал, как старую куртизанку в Риме. И ближе к утру (в час, назначенный дамой) он затрубил в рог, созвал своих людей, собак и отправился на охоту, поручив жене довершить дело. Преподобный отец, заслышав шум, насторожился и принял подобающую позу, чтобы встретить даму, — а та (как только отбыл муж) подходит к комнате, тихонько отворяет дверь и подводит к кровати старуху, весьма польщенную оказанными почестями.

И в таком приятном расположении укладывается та в постель, рядышком с аббатом, который, пылая бешеной страстью и уже не помышляя о поцелуях и прочих нежностях, немедленно набрасывается на нее и так разогревает старушку своею любовью, что и рассказывать о том не хочется, — а то как бы вам аппетит не отбить. Дворянин же, сделав вид, что едет на охоту, на самом деле отправился в аббатство (которое было

неподалеку) и попросил приора, его помощника и двух-трех наиболее уважаемых монахов навестить их аббата, занемогшего в эту ночь.

Монахи, сочтя, что их аббат уже помер, и надеясь на поживу, незамедлительно отправились к дворянину, а тот повел их прямо в покои преподобного отца, который только-только начал переводить дух после ночной работы. Окна внезапно были распахнуты, альков раздернут, и взорам присутствующих предстали преподобный и старуха — так близко один к другой, что при взгляде на них сразу приходили на ум Вулкан и Венера, даром что эта Венера была сморщена больше, чем сапог Целестинца. Если уж монахи были удивлены, то что говорить о преподобном отце, — он и вовсе остолбенел. Дворянин же, видя, как все ошарашены, и сдержав смех, обратился к аббату:

— Я вас прошу, мессир, в другой раз, когда вам захочется позабавиться любовью, выбирайте себе дам в другом месте, да и помоложе.

Бедному аббату, посрамленному и осмеянному, не осталось ничего другого, как бежать из дома чересчур солоно хлебавши, и употребить остатки своей страсти на распевание молитв в аббатстве.

Уважаемые дамы! Когда бы все виновные в подобном грехе понесли такое наказание, то наши старухи не сидели бы без дела. Весьма ошибочно мнение, что человека должно судить по одежке, — нет, судят его по добродетелям и праведной жизни, одежде сопутствующим, а они не украсят нас, если не будет на то милости господней, осенившей вышеописанную даму, которая, к стыду и позору того, кто хотел ее обесчестить, восторжествовала благодаря своей добродетельности.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

е удивительно, что прочно соединенные и скрепленные части держатся своим союзом, даже обретают благодаря ему вящую силу и мощь: это и знаменовал плотный пук стрел, показанный детям в назидание умирающим отцом; но достойна великого восхищения отдельная и обособленная часть, которая оказывается ничуть не слабее целого, ведь, по слову мудрого Эмпедокла, природа не знает лучшего средства к разрушению и уничтожению своих созданий, нежели раздор и разлад. Поэтому нет ничего диковинного в том, что Рим, ставший некогда столицей лучшей части света, был не только неодолим, но и мог покорить любую страну; однако все, включая меня, не могут не дивиться, что после того как римская монархия победила сама себя распрями и усобицами и разделилась, словно голова гидры, на множество частей, каждая из этих частей существует вполне благополучно, так что Германия, где воссияла основная часть Западной империи, способна даже угрожать соседям, — мало того, и составляющие ее частицы, которые суть как бы небольшие королевства, все смело дают отпор притязаниям могущественнейших государей и в высшей степени осмотрительно сохраняют право избирать повелителей по своему предпочтению, а эти князьки ведут себя весьма разумно и ставят препоны всякому властолюбию, понимая, что оно несет гибель всему государству и

отдельным землям. Потому-то этот народ и взыскан славой многих побед; потому все земли там утопают в богатствах и любая из них изобилует прекрасными городами. А среди самых чтимых и знаменитых городов, какими гордится Германия, одним из первых, сдается мне, должен по праву зваться Майнц, ибо он отличается красивейшими зданиями и, кроме того, стоит на реке Рейне, которая служит купеческому делу и торговле, несказанно обогащает город и доставляет ему выгодное сообщение с иноземцами.

В недавние времена жили там два купеческих семейства, всех превосходившие достатком и древностью рода. В одном из них был единственный сын по имени Герман, приятной внешности и в любом отношении безукоризненный; в другом единственная дочь по имени Флери, красивая и благовоспитанная. И эти семейства решились (ведь обычно подобное сочтается с подобным, если только не мешают зависть) объединить свои дома, женив детей, на что, казалось, было дано молчаливое согласие самого неба, наделившего обе стороны одинаковым возрастом, состоянием и добронравием, а также равной и взаимной любовью, притом такой, какая подобала их несовершеннолетним; и этой любви, успешно пустившей глубокие корни в нежной юности и возвращенной беспрепятственными беседами наедине, оставалось лишь увенчать свое цветение желанным плодом, а затем и созреть сообразно пылкому чаянию и обету родителей.

Но увы! когда их приятная надежда готова была обратиться в радость, Фортуна воспротивилась столь великому благу. Ибо, любезные дамы и господа, следует вам знать, что в доме этой девушки жил один молодой и разбитной слуга по имени Понифр, и этот слуга, будучи простым сторожем в лавке, только и делал, что глазел на прохожих и раздумывал, какая из красавиц первенствует в его мнении, решая про себя, какая смерть ему милей; однако по долгом и внимательном наблюдении признался себе, что искомое им рьяно на стороне находится подле него, потому что его юная госпожа несомненно превосходит всех девушек города, как луна превосходит самые яркие звезды. И он полюбил ее весьма сильно, оттого ли, что первый испытал склонность (это, говорят, благоприятствует любви), оттого ли, что такова была ее красота, или оттого, что излишняя праздность

побуждала его искать себе дело и занятие; и с тех пор ему осталось только поручить себя милосердию Амура, — а тот, доведя его в краткое время до полного отчаяния и угостив обычной своей первой переменной, то есть немymi взглядами, томными вздохами, печальным уединением и молчанием, уносящим душу за пределы света, внушил ему желание более плотной пищи и сытных кушаний; вследствие чего пламя любви к Флери, дразнившей его своей близостью, разгорелось в нем так жарко, что он не мог не возыметь намерения, намного превышавшего его жалкие силы, именно: просить у нее награды, вожделенной для тех, кто сражается под знаменами Амура. И чем дольше он, сам не веря в себя и потому безумно страшась, откладывал исполнение своего замысла, тем глубже сей надменный укротитель сердец вонзал шпоры ему в бока, пока не вынудил его наконец забыть все преграды.

О, как охотно называл он ее теперь своей госпожой, прибегая к привычному языку влюбленных! но еще с большей охотой он подтверждал эти слова, стараясь так или иначе ей услужить. Однако простодушная девушка, еще не знавшая, что такое любовь, не обращала внимание на его учтивость и не могла отличить незнакомую ей прежде страсть. Уразумевший это слуга, недолго думая, решил, что ему, дабы наверное пробудить и успешно завоевать ее благосклонность, нужно объяснить прямо и без обиняков. И вот, рассудив, что новый разум требует нового платья, он наряжается пощегольски, расчесывает волосы, надевает брыжжи, глядится в зеркало и охорашивается с таким рвением, какому только могла научить его любовь; после чего, восчувствовав крайнюю отвагу, разыскал он единившуюся госпожу и принялся заплетающим языком рассказывать ей, как умел, все слышанное им о могуществе Амура: этот бог, мол, не щадит никого и (хуже уж некуда) в слепоте своей забавляется тем, что, без всякого разбора соединяя бедняков с вельможами, принуждает королей увиваться около красивой простолоудинки или себе на потеху заставляет богинь позабыть небеса ради объятий пригожего пастуха в сельской хижине.

— Вот почему, сударыня, — продолжал он, — я покорно прошу не удивляться, что совершенства, какими Природа вас одарила, дабы мы восхищались ею,

подчинили и поработили мои юные чувства настолько, что я вынужден молить, как последнего лекарства, вашего милостивого снисхождения. Ах, сударыня, я хорошо знаю: вы сочтете меня, занесшегося своей страстью так высоко, слишком дерзким и безрассудным, однако ж могу уверить, что если вы ищете достойного вашей красоты, взойдите лучше на небо, потому что на земле вам его никогда не найти.

Таковыми-то и подобными речами старался этот юноша улестить свою неискушенную госпожу, как вдруг ее строгий взор и лицо, вспыхнувшее от стыда, негодования и презрения, велели ему молчать, а грозная отповедь заставила его ощутить жгучее раскаяние в опрометчивой вольности; когда же, безмолвно снеся ее тяжкий гнев, он остался один, то походил на святотатца древности, коего низверг в преисподнюю мстительный перун Юпитера: ибо он увидел, что вернейший путь, каким все влюбленные достигают желанной цели, отныне для него закрыт. Ведь, по пословице, слушающая девица так же податлива, как вступающая в переговоры крепость, — а значит, верно и то, что глухую непросто соблазнить.

Увы! хотя влюбленный слепец понимал и не оспаривал эту истину, все же, коснея в упрямом вожделении, решил он, по благой привычке всегда хранивший бодрость духа, не отчаиваться в своих тщетных усилиях и положил надеяться на все преодолевающее время, которое может победить и самое неприступное целомудрие, так как женщины склонны видеть в настойчивости искателя постоянство и верность любви; иначе говоря — кто зверя гонит, тот его загонит.

Что ж! — утешал он сам себя, — Трою осаждали десять лет, а все-таки в конце она пала, причем когда казалось, что ее не взять, и враги сняли было осаду. Так и эту крепость взять трудно, но вовсе не невозможно. Вперед, вперед! чем тяжелее и опаснее битва, тем больше славы в победе; дело лишь за удачей, а она приходит нежданно. И редко ли заяц, которого не могли настичнуть гончие, сам идет в расставленный силок?

Поверив в это, влюбленный стал улучать всякую возможность для осуществления своего замысла, однако (бодливой корове бог рог не дает) преуспел не более чем если бы захотел добела отмыть ворону. Как рассудительные греки замазывали уши, чтобы не слы-

шать прельщающего пения коварных сирен, так добродетельная девица, чья непорочная молодость должна была бы служить зеркалом многим старухам, закрывала слух для его медоточивых речей, уподобляясь осторожному аспиду, который, по словам царственного пророка, вкладывает себе в ухо хвост, дабы не был слышен обманный зов недруга.

Это ставило в тупик нашего искателя, но он слышал, что какой бы вид ни принимали девушки, им весьма приятно быть любимыми, уверяясь чрез то в своих чарах, и только основанный на неотчетливом понятии чести стыд мешает им склониться туда, куда их более всего влечет; вследствие чего они отнюдь не прочь, чтобы их брали силой, избавляя от необходимости открытого согласия: свидетельство тому истории Медеи, Елены, Ариадны и превеликого множества других, которые заставляли себя похищать. И поэтому он пришел к убеждению, что было бы сущей глупостью, в то время как лукавая возлюбленная, быть может, втихомолку над ним потешается, напрасно изводить себя неустанным томлением и чрезмерной тратой сил, вместо того чтобы, отряхнув всякую робость, овладеть искомым благом с помощью сладостного принуждения. Но этот скверный расчет чуть было не обернулся изрядным уроном и едва не стоил ему жизни: на крик прибежала мать, и девушка готова была уже, обличив насилие, заставить наглеца дорого платить за его безумное посягательство; однако, вдруг сознав важность и нешуточность происшедшего, она рассудила, что лучше на этот раз поступить более снисходительно: ибо если навлечь столь страшную беду на того, чье единственное прегрешение заключается в излишней любви, как тогда следует обходиться с врагом? И она сделала вид, будто ее что-то испугало (а дело случилось в темном месте), и этим хитрым притворством обратила все в смех.

О, дева, зачем нужно было вашей стойкой непорочности сочетаться с такой великой кротостью! Почему, не пожаловавшись, как того требовало ваше право, вы взяли на себя провинность, заслуживавшую сурового возмездия? Дорого обошлась вам чрезмерная доброта! ибо, пощадив сумасброда, вы оставили ему смутную надежду, которую непременно вырвали бы с корнем, если бы знали, что не до конца угасший огонь может вновь запылать, когда этого никто не ждет.

И вправду, только поначалу казалось, что наш славный любовник впал в отчаяние или лишился последнего рассудка, увидев, как его вздохи растаяли в воздухе, домогательства пошли прахом, а покушение кончилось донельзя худо. Затем же, надеясь вопреки всему, хотя ничего он не добился ни так, ни этак и суровое целомудрие девушки, более искусной в укреплении твердыни, чем осаждающий в проламывании брешей, задавало ему всякий день новые задачи, вздумал он воспользоваться услугами какой-нибудь из посредниц в делах любви, которых зовут, с позволения сказать, своднями.

Я умолчала бы об этом, если для полноты моего рассказа не нужно было бы вас уведомить, что ученик в любви оказался с самого начала изрядным знатоком, ничего не упускавшим из виду; а к названному средству прибегнул он, считая его лучшим, — не только потому, что слышал, как искусшены в своем подлом ремесле эти пронырливые женщины, подобно древней Сивилле низводящих смертных в ад, но и потому, что без их помощи, ему мнилось, не удастся отвести покров стыдливости, который только и мешает его Флери сказать «да».

Исполняясь сего рвения, направился он воскресным утром в приходский храм, где обратился к свечной торговке, испрашивая у нее просвещения в темном для него деле. Та охотно согласилась (все сводни тороваты на обещания), ради чего назначила ему встречу по окончании мессы; и пока шла служба, его взор, алчно устремлявшийся на прекрасную возлюбленную, как говорится, продавал ему шкуру неубитого медведя, внушая уверенность в заведомо неверном предприятии. Когда пришло время, он поспешил отыскать старуху; ничего не утаив, исповедался ей на ухо и попросил указать наилучший путь к осуществлению своего неколебимого намерения: одолеть или умереть, чему до сих пор несколько не помогали и не благопоспешествовали беседы, в которые он каждодневно вовлекал жившую с ним под одной кровлей госпожу, — ведь чересчур короткое знакомство мешает любви, к тому же он напал на противницу, чей строгий нрав и суровый характер, равно как и бдительная охрана матери, соблюдавшей дочь не хуже, чем дракон золотые яблоки Гесперид, возбраняли всякое упование.

Старуха отвечала:

— Пусть так! не беда. Положитесь уж на меня! Если нельзя сразу попасть ей в тон, поможет бекар или бемоль; не нужно отчаиваться, дело мастера боится. Она не более грозна, чем львы или тигры, а даже их успешно приручают. И кроме того, запишите-ка себе в катехизис: о женщине можно судить только после ее смерти.

Словно спасительное снадобье, проглоченное больным, который жаждал исцеления от жгучей, мучительной лихорадки, укротили эти ободряющие слова пылкую страсть, несущую, как лошадь без удила, своего седока, — и, воспрянув духом, Понифр вручил старухе несколько монет; вслед за чем, выждав время, она стала пускаться в ход все зловердные ухищрения, каким только мог ее научить долгий опыт. Однако, чтобы молвить кратко, все шло у нее неладно и нескладно, и, принужденная наконец отступить столь далеко, сколь ей мечталось продвинуться вперед, она должна была дать прорителю неутешительный ответ, обрадовав его не меньше, чем радует преступника смертный приговор; отчего стало Понифру так тошно, что он примирился бы с собственной гибелью, видя, как все идет наперекор его стараниям, будто он родился в последней четверти луны, — если бы вдруг ему не вспало на ум (ибо он хотел испытать все пути и ничем не пренебречь), что надо еще прибегнуть к помощи некоего всеильного колдуна.

Этот колдун, потребовав большие деньги, которые захотел получить в руки, прежде чем взяться за дело, назначил несчастному влюбленному время и место, куда будет против воли приведена властью известных начертаний его гордая госпожа. Когда настал час, явился он, мерзостный, с обнаженными ногами и головой, из своей пещеры, обошел несколько раз вокруг кладбища, гнусавя, как старая обезьяна, какие-то отвратительные слова, и затем, прутом означив на земном прахе нужные меты, сотворил такое множество заклятий, волхований, призываний и чародейств, что прельстил вообразительные силы Понифра, заставив его возлечь с призраком, коему придал точный вид Флери. Тонуций в мнимой неге, замороженный любовник изласкал жадным взором прекрасный облик возлюбленной, восхищаясь дивными извилами волнистых кудрей, ангельским лицом, алебастровой шеей,

округлыми грудями, белоснежными руками и всем, чем поражает совершенная красота, после чего, довершив наружную анатомию этого чуда, вне себя от восторга, хотел было возложить похотливые свои руки на плечи призрачной красавицы; но тут наваждение, исчерпав назначенный кудесником срок, внезапно кончилось и прелестное тело исчезло из его объятий, как лопнувший от дуновения ветра водяной пузырь, все наслаждение пропало подобно тени или сну ночному, и это настолько ошеломило бедного дурня, что если бы он пред тем на свое счастье не разлегся, то грянулся бы без чувств навзничь.

Думаю, досточтимые дамы и господа, что мой рассказ об этом весьма удивительном волшебстве не покажется неправдоподобным, когда вы примете во внимание, что Бог дает бесам власть искушать людей, и даже тех, кого больше любят, чему мы находим подтверждение в священных книгах; вспомните также древнейшие истории, которые свидетельствуют, что англичанин Мерлин произошел от женщины и беса, а ранее божественный Платон был зачат девственницей и демоном. Сходное пишут и о готских женщинах, беременных в пустынях Скифии от призраков и лесных духов; прибавим сюда повествование Кардана о шотландке, которая делила ложе с домовым, принимавшим вид дворянина, и родила от него страшное чудовище; а недавно то же случилось с девицей Магдалиной из Констанца. Моя история, впрочем, не заходит столь далеко, ибо я не хотела бы соглашаться с тем, что бесы наделены способностью деторождения: как из-за того, что наша религия запрещает верить, будто кто-либо, кроме Иисуса Христа, мог быть рожден без человеческого семени, так и потому, что природа не дала духам различия пола; хотя осмеливаюсь утверждать — и моей правдивой повестью, и авторитетом достойных писателей, особенно Лактанция, — что им возможно иметь плотское общение, дабы грязнить и осквернять людей, которым они заклятые враги. Не сочтем поэтому невероятным, что злой дух, ради нашего соблазна превращающийся, как говорит святой Павел, в ангела света, готов был играть роль блудницы, чтобы уловить на приваду любострастия человека, которым он уже завладел, и увлечь его к греху, какой сам же и вложил в его помыслы.

Но возвратимся к Понифру; пробыв длительное время в беспамятном исступлении, он мало-помалу вышел из забытья, отверз очи разума и смекнул, что, призывая на помощь чудодея, не следует удивляться, когда тот платит своей монетой, то есть мечтанием и мороком.

Итак, отчасти стыдясь и отчасти досадуя на глупое заблуждение, он встает и вместо того чтобы отказаться от безуспешного искательства, проникается неистовым желанием добиваться своего еще упорней, думая, что хуже ему не будет. И, ожесточась против собственных бедствий, напрягает все душевные силы, чтобы измыслить новые уловки: чуть было не взяла его охота испытать для внушения любви действие одногодника, либо четырехлистника, либо какого-нибудь приворотного зелья, так как он счел, что это средство заменит и достославный пояс, коим Венера сопрягает влюбленных, и голубя, данного ею Ясону для обретения благосклонности Медеи (хотя Пиндар, видимо, понимает это иначе), и яблоки, что помогли удержать и завоевать резвую Аталанту. Но представив себе возможность несчастья — ведь многие из-за своего неумеренного пыла дарили смерть вместо любви, о чем свидетельствуют истории Деяниры и поэта Лукреция, — он не решился подвергать угрозе отравления ту, ради которой готов был сам тысячу раз умереть.

И все же, поскольку нет такого гнусного и безобразного помысла, какой ни вместило бы сердце человека, особенно если тот предается распутному вожделению, отважился он испытать шестое средство, столь чудовищное и страшное, что о нем не дерзнули бы думать и бесы: нашел способ — деньгами ли, посулами, или иной хитростью — прельстить домашних служанок, так что те, долго не противясь, стали благоволить его стремлению настолько, что обещали ему всяческую помощь и поддержку, какую только могли оказать. И заложили основу для дела худого: сговорились опоить несчастную девушку, как только мать отлучится из дому. А это было легко — не только потому, что она доверяла изменницам-горничным, которые и влили ей в питье некий тайный состав, но также благодаря местным нравам и обычаям, дозволявшим и даже советовавшим вдоволь пить, — что, конечно, несколько ее извиняет.

Ах, сколь разумно поступали древние, со всей строгостью запрещая вино детям, и еще строже женам, так что при нарушении ими запрета брак мог быть расторгнут! И лобзание уст они придумали нарочно для уличенья: прежде целовали глаза, как бы всматриваясь в окна души. А по закону Моисея тот, кого отец перед народом называл пьяницей, мог уже за одно это быть побит камнями. В самом деле, если мы пожелаем исследовать несчастья, приносимые вином, то заключим, что прав был Ликург, когда велел искоренить лозу, на беду нам насажденную Ноем, ибо признал вино величайшим врагом человеческого разума, уподобляющим людей животным: одних львам, как Александра, который омрачил единственным пороком винолюбия (искупленным, впрочем, благодаря внезапному раскаянию) все свои блистательные добродетели; других, как Марка Антония, — свиньям.

Не считем поэтому странным, что наша молоденькая германка, опьянев, покорила бесстыдному сладострастию преследователя, и он, как только воля и разумение оставили ее беспомощное тело, получил удобную возможность насытить свое разнузданное и низменное желание, пользуясь помощью горничных, прислуживавших его гнусной похоти. И нужно ли удивляться, что несчастный с наслаждением осквернил лишнюю рассудка плоть: бывало ведь, чувственный позыв приводил людей в такое беснование, что они решались утолить свое алчное вождение мертвым телом, вживе стойко противившимся их коварству. Столь же бешеной была, видно, жажда этого зверообразного любовника: грязная вода пришлась ему по вкусу, и соитие привело к тому, что было зачато дитя.

Ощувив странное бремя, простодушная Флери (не знавшая, откуда ему взяться) была крайне поражена и решила, что гневная Природа желает явить в ее лице какое-то омерзительное диво, сделав ее матерью раньше, чем женщиной. И когда со временем, потребным для созревания плода, ее чрево расширилось так, что скрывать это было уже невозможно, она, обливаясь слезами, открыла матери, что чувствует себя беременной, хотя никогда не знала мужчины. Безмерно возмущенная мать употребила свои права и данную ей природой власть; однако, рассудив, что сделанного не воротишь, — отчего и надлежит, по совету мудреца, стара-

тельно отвращать беду, но если она вдруг придет, сохранять терпение, — попыталась угрозами, суровостью и иными средствами выведать у дочери имя виновника позора, чтобы принять должные меры и восстановить так или иначе ее честь. Но бедняжка, подвергшаяся насилию в полном беспамятстве, продолжала настаивать на своем неведении, твердя, что не знает, как такое могло стрястись, и что она ничего подобного вовеки не испытала.

Со всем тем пришлось ей испытать родильные муки, и, для неопытной в этом жестоком страдании женщины, снесла она их без всякого страха, ожидая, что желанная смерть положит конец ее жизни и незаслуженному бесчестью. Ибо, благородные дамы и господа, происшедшее стало тут же известно каждому, несмотря на то, что все сохранялось, елико можно, в тайне: ведь скорее заговорят птицы (как те, что разгласили смерть Паламеда) или собаки (как та, что обличила перед царем Персии убийцу своего господина), нежели такое событие останется сокрытым. Поэтому весь город только и делал, что говорил о беременности Флери, и когда двое судачили между собой, легко было угадать предмет их беседы.

Это весьма опечалило молодого сеньора Германа (всей душой любившего Флери и желавшего, как было мной сказано в начале, на ней жениться), и он, удрученный и рассерженный недоброй вестью, удалился в сельский дом, где, замкнувшись в скорбном уединении, предался горькому сожалению о любви к неверной, которая тщеславно похвалялась несравненной чистотой, а на деле (словно мнимые постники, приходящие на пир после сытного обеда) знай веселилась тишком. Потом, когда вспомнил он красоту и достоинства, отличавшие Флери, любовь заставила его обвинить самого себя, а осужденную всеми оправдать и (она ведь слепа) едва не повязала ему наглазную повязку, скрывая то, что не могло не колоть глаза; наконец, душа его, обуреваемая противоположными чувствами, вынесла несправедливый приговор.

— Ах, — сказал он, кусая губы, — должно быть, все женщины обманщицы, если даже в этой я обманулся! И какой бы лживой личиной они ни прикрывались, изменчивая их душа верна любви лишь до тех пор, пока они видят возлюбленного, а с глаз долой, так из сердца вон! Освободясь же, они довольствуются кем попало,

совсем как зеркало, безразлично изображающее любые виды и картины, пока предметы стоят против и отпечатлеваются в нем, и готовое тотчас их оставить, как только перед ним окажется что-то иное. На сей счет нам вполне достает свидетельства мудрого царя Иудеи, назвавшего их бездумной ненасытимой. И чрез меру самонадеян человек, думающий найти непорочную женщину: такое чудо встречается реже, чем единственный в своем роде Феникс, и могущественнейшие из государей, носивших венец, так и не могли обрести эту величайшую драгоценность. Истинно говорят о них снисходительные люди: женщина вправе, может быть, зваться целомудренной, если ее никто не домогался, и если она сама не набралась для этого духу, — ведь, по слову мудрого римского императора, добронравная дурнушка сходна с пуляркой, чьи перья в пренебрежении, а мясо в цене, тогда как красавица сходна с горностаем, чья шкура ценится, а тушка не ставится ни во что; столь непримирима вражда красоты и добронравия, никогда не селящихся в одном доме. А все рассказы о Лукреции, Кассандре и прочих — искусная ложь. И нельзя не прийти к убеждению, что природа создала червей для уничтожения мертвецов, а женщин — для уничтожения души и доброго имени живых людей, поселив их среди мужчин, словно негодных шершней среди пчел.

Так, отводя сердце, изливал отчаявшийся влюбленный свою ненависть к женскому полу. Пробыв за городом малое время, он настолько побледнел и исхудал, что всем видевшим его внушал жалость. И когда это стало известно его отцу, тот задумался, как сохранить здоровье сына. С этой целью, призвав Германа к себе, он разъяснил ему в беседе с глазу на глаз, сколь забылась Флери, совершившая проступок вполне достаточный, чтобы разорвать некогда заключенный между ними союз, и посоветовал избрать вместо нее любую девушку в городе, какая придется ему по душе; Герман же, вняв наставлению, положился на добрую волю родителя, желая во всем покорствоваться ей, а от собственной воли отказался. И в краткий срок нашел ему добрый отец красивую, богатую и родовитую невесту по имени Карита. Вскоре сыграли свадьбу, и началась счастливая пора, когда пылкие желания супругов были устремлены единственно к тому, чтобы услаждать друг друга тончайшим вежеством и самыми нежными

ласками, какие только знает любовь, жадно, не упуская времени, предаваться удовольствиям и пожинать первый цвет своей юной весны. По старинному примеру военачальника Перикла они при каждой встрече или расставании всё целовались, как игривые голубки, — пока (ведь наслаждение может утомить, и нередко лакомства становятся тяжелы для желудка) молодой муж не надумал испросить отдыха от любви и оставить на время свою Кариту, чтобы заняться наконец купеческим делом. И он сговорился с несколькими друзьями ехать на ярмарку в Овер, чтобы там, если удастся, выручить барыш: однако всякий раз, как намеревался открыть этот замысел Карите, слова не шли у него с языка. Все же, видя, что деваться некуда и все его спутники уже собрались отъезжать, однажды ночью (знать, днем ему так и не хватило смелости), сжимая ее в объятьях, он сказал:

— Душа моя, едва вспоминаю я о деле, к коему призвал меня Бог, как ощущаю недовольство собой, оттого что пребываю в праздности, нежась у домашнего очага; между тем в мои лета благоразумные люди обычно пекутся о запасах, которые позволяют им покоить свою старость: точь-в-точь как муравей трудится летом в предвиденье зимы. Пусть нам досталось какое-то добро (не так, впрочем, оно велико, чтобы вскоре не иссякнуть, если черпать без всякого пополнения) — коли о нас позаботились, то и мы должны заботиться о тех, кто от нас произойдет, а ведь когда приспеет убирать хлеб, поздно будет строить житницы. Вот почему, любимая, надобно мне, истомившемуся от безделья, впредь не забывать о своем долге и начать хоть какую-нибудь торговлю, а после Оверской ярмарки предпринять путешествие в Англию, откуда я, глядишь, ворочусь с прибылью, и притом смогу видеть и узнать чужие края, чему ранее ставила преграды безумная любовь не желавших терять меня из глаз родителей.

На это прекрасная Карита, чью душу во время его речи волновали разные чувства, отвечала:

— Боги праведные! неужели, друг мой, вы теперь так скучаете супружеством, что вопреки старинному обычаю не в силах дожидаться окончания года, дающего всем мужьям право и свободу заниматься их делом? Или вы враг самому себе и, как умалишенный, ищете отдыха в трудах, довольства в бедствии, утешения в

скорби и покоя в опасности? Если же вам и вправду ведомо, из какого теста странствующие купцы и каким угрозам они подвергают свою несчастную жизнь, то, надо думать, вы ненавидите меня, желая собственной гибели. Ах, отчего удел смертных так жалок и неверен, и вместо чаемой радости они находят печаль? Увы! Когда я была девушкой, то не знала никаких забот (так резвится всюду, где вздумается, еще не испытывавшая гнет ярма телища), но в то мгновение, как я отказалась от моей природной свободы, укрепив якорь жизненных радостей в браке, я обрекла себя терпеть мучительство чужого человека. Если бы муж и жена были единой плотью, и я располагала половиной вас, как вы располагаете половиной меня по своему праву, да и второй половиной по моей доброй воле, — я бы тогда потребовала, чтобы вы предоставили в мое распоряжение по меньшей мере ту вашу половину, которая принадлежит и подчиняется мне. Вы же вопреки моему несогласию и осуждению распоряжаетесь целым, ища общества львов!

Тут она прервала свою речь страстным поцелуем и затем продолжила ее с новым пылом, говоря:

— Наверное, вы пресытились одним кушаньем и теперь хотите перемены. Знаю я: вместе с вами покинет меня и ваша любовь, чтобы обратиться на другую подругу, а там новое пламя заглушит прежнее, чересчур для вас старое; в то время как я, проклиная корыстолюбие, ставшее причиной моих горестей, буду ждать здесь и тревожиться, думая, что какое-то несчастье замедлило ваше желанное возвращение. А что бы помешало мне, коли вы неудержимо рветесь видеть чужие земли, странствовать вместе с вами в мужском платье, как поступила жена царя Митридата? Право, если вы меня покинете, мне будет хуже, чем простым сельчанкам: они-то, самое меньшее, видят своих мужей каждый вечер, когда те возвращаются после дневных трудов.

Так, уstraшенное предстоящей разлукой, распалось нежное сердце влюбленной, точно горы под действием мехов, и от силы этого жара истаявало оно слезами, как весеннее облачко под лучами солнца. И юный супруг, осушая сомкнутыми устами эту теплую росу, молвил ей в ответ:

— Поистине, дорогая, ты не любишь меня, как другие любят своих мужей, если опасаясь, что я не

сберегу нашу любовь, хотя я и не давал повода к такому подозрению: измена столь далека от моих намерений, что пусть скорее испепелит меня огонь небесный, нежели новая любовь зажжется в моем сердце, увлекая к обману и разрушению нашего брачного союза. Верьте, любовь к вам не состарится во мне, как вы сказали, но пребудет вечно юной, словно на картинах живописцев, изображающих ее в образе дитяти. А если вы скажете, что живописцы придают ей крылья и тем означают ее быстролетность и непостоянство, я признаюсь: моя любовь по природе своей была такой, но едва только волей благого рока вы ею завладели, то, как поступает девочка с мотыльком, чтобы он не улетел, отсекали ей крылья весьма коротко, и с тех пор она может порхать лишь рядом с вами. Поэтому не опасайтесь, молю вас, что я, сменив страну и местность, переменюсь к вам; напротив, ожидайте, что моя любовь, подобно жару, разгорающемуся в пепле, будет пылать все сильнее в тайных мыслях о вас, а когда я возвращусь, вы найдете ее столь умножившейся, что поневоле скажете: мой муж ездил наживать доброту и ласковость.

Так утешал мягкосердый Герман свою милую Кари-ту; она же, начав смиряться, привлекла его томными руками к себе и сказала:

— Мой дорогой друг, вы вольны располагать и собой, и мной по своему усмотрению, ведь единственное мое удовольствие — радовать вас; впрочем, да будет вам известно, что, отказываясь увезти с собой это тело, вы (даже против желания) увезете мое сердце, мою душу и мои нежные чувства; а они, хотя и велики числом, не расстанутся с вами, ибо когда вы поплывете, они укроются на носу корабля, когда поедете верхом, сядут за седлом, а когда пойдете пешком, будут, как верный слуга, идти подле вас.

С тем супруги заключили мир, удостоверив его пылкими объятьями или, лучше сказать, обоюдным пылом. И сеньор Герман, заготовив все, что было нужно для путешествия, полный грусти, на шесть месяцев распрощался с молодой женой. Ах, он простился бы навеки, если бы знал, какие несчастья ждут впереди, и понимал, что в последний раз видит жену, вверяемую опеке брата, которому поручил отвезти ее к дяде в Шпейер, где ей легче было сносить тоску по отсутствующему другу.

Но пусть, пока угодно госпоже Фортуне, Герман бедно следует своей дорогой, а мы на время возвратимся к Флери, которая, стыдясь рождения ребенка и чувствуя из-за своего позора отвращение к жизни, обрекла себя добровольному заточению и погрузилась в глубочайшее уныние, так что жалко было видеть, как сильно она страдает, особенно когда вспоминает прежнюю любовь Германа.

— О! зачем только, — восклицала она, — небо прочило мне такое счастье, мирясь с тем, что позже я стану его недостойна? Не лучше ль ему было поразить меня громом? Я, по крайней мере, умерла бы счастливой. Ах! Герман, милый мой Герман, отчего вы поместили вашу юную любовь столь худо, что пришлось (я знаю, вы этого вовсе не хотели) искать иное место? Но едва ли, мой друг, вы нашли лучшую подругу — разве только более удачливую. Впрочем, вы поступили справедливо: мое странное несчастье таково, что приходится признавать вину и мириться с незаслуженным наказанием. Будьте же вечно, вечно счастливы, мой друг, с вашей Каритой, а чтоб не остаться в долгу за мое благословление, молитесь Бога положить скорый конец муке, которую вы меня заставляете терпеть.

Так без устали, не давая себе ни отдыха, ни срока, сетовала и лила слезы отчаявшаяся Флери. Видя это, крайне огорченная мать, прежде метавшая в дочку грома и молнии, всячески старалась ее утешить. А лучшим утешением, думала мать, было бы найти ей жениха. И для этого употребляла она все свои силы. Но как дивный фиал, который только что, украшая пир, блистал на поставце, лишают, едва он разобьется, всякой чести и бросают в непригодное место, так эта красавица, которой недавно домогались все, ныне стала всеми презираема. Тогда бедная мать решилась взять в зятя слугу Понифра, зная его как хорошего юношу. Тот вначале соорил кислое лицо и весьма-таки заартачился; однако после недолгих увещаний согласился. Куда труднее было уговорить Флери, которая, вознамерясь искупить грех вечным покаянием, упорствовала в своей суровой решимости, пока в конце концов, побежденная неотступными просьбами всей родни и заклиная дочерним почтением, каким была она обязана матери, не склонилась к браку, и брак этот был спешно устроен ее доброй родительницей.

Перво-наперво матушка прочла отменное наставление Понифру, сказав, что честь, которой его удостоили, должна навсегда отбить у него желание упрекать ее дочь в былом грехе или худо с ней обходиться, иначе он поступит как тот, кто плюет в небо и попадает плевком в собственное лицо. Затем, точно так же уничижив дочь напоминанием и порицанием ее дурного поступка, совершенно противного полученному ею доброму воспитанию, и наказав ей быть верной и послушной женой, велела она со всей пышностью праздновать свадьбу; и во время пира достигнувший желанной цели жених был несказанно рад и счастлив, отчего и пригласил всех собравшихся по его примеру угоститься на славу.

И если это супружество началось весьма приятно, то продолжение его было еще счастливее: казалось, сменяющие друг друга дни обязались доставлять новобрачным новые и новые утехы, одни слаще других, — пока, на беду, однажды молодой муж, устроив званую пирушку, не забылся настолько, что, желая по местному обычаю напоить каждого гостя, испил здравицу едва не со всеми и весьма раззадорился, так что после обеда готов был идти в пляс без приглашения, пустился чесать языком, раздобаривать напропалую и пришел в такой раж, что, брызгая слюной, рассказал о всех муках, какие претерпел из любви к Флери, и о том, как, наконец опоив ее с помощью горничных, ею наслаждался, причем не упускал ничего из слышанного нами.

Этот рассказ тяжело поразил всех присутствовавших, кроме Флери: она одна почла себя довольной и счастливой, что правда (древле спасшая Сусанну), хотя и оставалась в тайне более года после ее замужества, теперь вышла наружу. И пользуясь откровенным признанием, сделанным в присутствии неотводимых свидетелей, она потребовала, чтобы длань правосудия отместила нанесенную ей обиду и бесчестье. По этому настоятельному иску наш пьянчужка вместе с названными им горничными был брошен в тесную темницу, — и можете поверить, что Понифр, вытрезвясь и видя себя на новом жительство, был удивлен не менее Флери, вдруг ощутившей беременность.

Наутро его допросили о вчерашнем, чтобы проверить, подтвердит ли он сказанное; однако он стал отпираться, начисто и безоговорочно все отрицать, объясняя свою исповедь пьяным помешательством: ей, дескать,

можно верить не больше, чем бредням сумасшедшего, отличающегося от пьяницы, как учат мудрецы, лишь одним: тот может проспаться, а дурак никогда. Ведь великодушный Пирр простил злословивших его, когда они признались: «Государь, мы совсем иначе говорили бы о вас, если бы нас не расслабило вино», и женщина, осужденная македонским царем Филиппом в послеобеденное время, выиграла свое дело, добившись нового рассмотрения, когда царь судил натоцк, — поэтому несправедливо вменять ему в вину сказанное или сделанное под хмельком.

Обдумавшие его слова судьи, не намереваясь приговоривать к повешению винную бутылку и к тому же сознавая всю очевидность злодеяния, отдали в пытку обвиняемых горничных: те, будучи хрупкого пола, из боязни и страха перед мучениями немедленно признали истину, и затем были приведены на очную ставку с преступником, который, видя себя окончательно уличенным, стал молить суд о пощаде, а жену о прощении.

Но она была уязвлена слишком глубоко, и по ее неукоснительному требованию горничных, содействовавших злополучному браку и бывших виновницами несчастья, осудили на сожжение заживо. (И то сказать: если законы строжайше наказывают челядь за воровство, даже когда кража невелика, как следовало бы покарать ужасную измену тех, кто был обязан госпоже наибольшей верностью?) А Понифр в силу того же приговора присутствовал на их казни, держа факел в руке, после чего был колесован и, полумертвый, брошен в еще пылавший огонь.

Итак, мы видим, что вино, послужившее распутному наслаждению Понифра, принесло ему жестокую и позорную гибель, подстрекнув сознаться без всякого принуждения в совершенном злодействе: некогда подобное случилось с императором Клавдием, во хмелю открывшим супруге Агриппине свою тайную нелюбовь к ней; такова же была добровольная геенна тех, у кого в былые времена хитрые тираны хотели выманить признание об умышлявшемся против них заговоре. Вот откуда поговорка: истина в вине. И замечу мимоходом, что отсюда же, сдается мне, возник обычай германцев принуждать гостей к неумеренному питью на пиру: трезвые ведь могут рассказать о том, что делалось или говорилось между пьяными. С этим согласно греческое

присловье: пей или уходи; и другая старинная поговорка: не терплю памятливого собутыльника.

Известие об удивительном происшествии, досточтимые дамы и господа, во мгновение ока облетело всю Германию. И когда это известие достигло ушей Кариты (хорошо помнившей о любви, какую питали друг к другу в юные лета Герман и Флери), она, рассудив, что Флери теперь осталась без мужа и восстановила свою добрую славу, пожелала испытать, как будет вести себя Герман, и для того велела распустить в Майнце слух, якобы она в гостях у дяди умерла.

Случилось так, что эта ложная молва и весть о примерной казни Понифра дошли до сеньора Германа почти в одно время. И разом был он осажден несколькими врагами. С одной стороны, захлебывалось его сердце горечью скорби о прелестной Карите; с другой — трепетало нежной жалостью к безвинно опозоренной Флери, — ведь несмотря на то, что ее с избытком оправдала виновность злосчастного Понифра, да и ее собственный грех (если о таком можно говорить) был целиком покрыт и искуплен последовавшим законным браком, для ее сурового целомудрия мало было и столь полного удовлетворения: из любви к чести она покарала самое себя, требуя смертного приговора для собственного мужа, и, отнюдь не тронутая воспоминанием нег, неразлучных с первой порой супружества, добилась гибели того, кто погубил ее доброе имя. Тем паче достойна была хвалы эта оскорбленная и попранная дева: ведь она могла восстановить свою незапятнанность только ценой безотрадного вдовства. Справедливое же наказание, постигшее ничтожного раба за его дерзкое, неслыханное злодейство и отмстившее обиду госпожи, так радовало Германа, что, побеждаемый различными чувствами, не знал он, какому подчиниться и отдать предпочтение, — пока наконец любовь не отняла у него свободу выбора и не употребила право господина над своим вассалом, вновь воспалая и разжигая в его печени (природном вместилище любовных желаний) прежний огонь, который время лишь присыпало золой, но не угасило. И тогда он понял, что судьба, желая изгладить причиненное зло, доставила ему ныне удобный случай к вознаграждению и удовлетворению, сделав его и Флери вдовыми в одно время. С этой мыслью, полный добрых надежд, покинул

он Овер как можно быстрее и направился в Майнц вновь завоевывать место, которым некогда владел в сердце дамы. И боясь быть опереженным кем-нибудь другим, доказал он неудержимой стремительностью правоту мудрейшего из греков, по чьему мнению любовь изображают с крыльями только оттого, что она как бы дарует крылья своим пылким подданным.

Но пусть он себе спешит, а нам хочется вновь видеть, что делает добродетельная Флери, которую теперь все почитали счастливой: в этом мире ничто ведь не постоянно — и тому, что мы браним сегодня, приходится днем позже отдавать хвалы.

Казалось, она была отомщена вполне: но ее доблестное сердце не удовольствовалося этим и желало оставить потомству вечное воспоминание о своей необычайной твердости. И вот, уединясь в доме матери (по ее приказанию все были удалены), она разожгла огонь, повесила над ним котел с вином и, между тем как оно нагревалось, стала, устремив залитый слезами взор на свое дитя, оглашать горницу печальными жалобами и сетованиями; затем, взяв чернила и бумагу, написала завещание: в нем, вознеся благодарность богу за щедрые дары, предала душу в его руки и, поручив мальютку-сына (свидетельство ее греха) бабке, назначила плоть свою искупительной жертвой за свое честное имя. После чего, обратив лицо к огню, она увидела, что вино уже кипит и клокочет пеною; спешно подписала бумагу, запечатала ее и трепетной рукой спрятала на груди, несчастного младенчика, которую, многократно расцеловав, окропила теплыми слезами, а затем, встав, сказала:

— О дух мой, настал час, когда ты отмстишь этой злодейке-плоти, удостоверив непреложно, что не был обещен вместе с ней, но до конца пребыл чистым и непорочным. А ты, злодейка-плоть, умрешь за измену своему господину, и умрешь ты от того же самого, что служило твою преступлению.

Тут с неистовой, почти безумной решимостью она взяла в руки котел, в котором бурлило вино, и осушила его весь до последней капли, не содрогнувшись, хотя испытывала жесточайшее мучение, — пока ее внутренности, спаленные безмерным жаром, не стали ссодаться и рваться с такой болью, что смерти оставалось лишь как можно скорее эту боль унять и изгнать из

страждущего тела прекрасную душу, дабы вознести ее к славе и вечному блаженству.

О диковинная и неслыханная казнь, редчайшая, как и доблесть этой женщины! можно ли назвать что-либо подобное? Муки английского принца, утопленного за свое честолюбие в бочке с мальвазией, не идут в сравнение. Ибо здесь мы в одной смерти видим две: короля Англии Одебунта от избытка питья и г-на Офиля Бателера от его избыточного жара.

Эта удивительная смерть не осталась в тайне, и молва о ней родила глубокое сострадание в сердцах горожан, которые стеклись отовсюду, привлеченные небывалым происшествием, а равно и с тем, чтобы отдать последнюю почесть несокрушимому целомудрию. Ради чего все дамы города, облекшись в траур телом и душой, с великой торжественностью проводили останки Флери (былой сосуд всех совершенств) в могилу. И над ней для вечной памяти о доблестном деянии было иждивением города воздвигнуто величественное и пышное надгробие.

О блаженная усыпальница! Пусть манна, подобно росе ниспадающая из прозрачного воздуха, умягчает твой камень, пусть окружают тебя во всякое время года розы и гвоздики, венчая почившую здесь красоту, а пчелы и веселые бабочки не улетают отсюда вовеки, деля общество с обитающими тебя грациями. Но да вянут здесь, не успев произрасти, тернии и крапива, и да опасаются змеи приближаться к сему храму чистоты: ведь прекрасная госпожа так ненавидела порок!

Горестный слух о смерти Флери разнесся повсюду, милостивые дамы и господа, и не замедлил достигнуть сеньора Германа, который был уже, почитайте, в полусутках пути от Майнца и надеялся по прибытии туда обрести достойное награждение за свои труды, — но как раз в это время некто, возвращавшийся с погребения, известил его о славной кончине единственной, ради которой он теперь жил. Услышав эту скорбную весть, бедный влюбленный, к общему изумлению, пал бездыханным, и после того как пробовали растирать ему виски уксусом, брызгать в лицо холодной водой, кричать в уши, толкать, трясти и применять иные средства, какие только знали, стало ясно, что помочь тут нечем. А случилось это вследствие мгновенного перехода от великой радости к великому горю, бывшего, как

рассудили и заключили призванные врачи, причиной смертельной судороги, — из-за сужения и сжатия мозгового желудочка, каковое и преградило путь жизненных духов, понуждая их изойти вон.

Ах, незадачливый влюбленный, зачем ты так скоро мчался, ускорив тем лишь собственную гибель? Недаром Дионисий Старший говорил, что блажен человек, смолоду приучивший себя быть несчастным, и что бык легче терпит ярмо, если был укрощен во благовремение. И по праву славится иное речение этого греческого мудреца: нет горя хуже, чем неуменье снести горе. Увы! Когда любовь сильна, то сильна и печаль утраты: жгучая боль отняла у пламенного сердца Германа всякую возможность утешения, или — ведь утешить себя, как говорил Фалес, слишком трудно, труднее даже, чем врачу самому исцелиться, — не позволила ему дожидаться хотя бы ободряющего слова друга. А это наиболее могучее лекарство, что и признал изведавший его действие Фалерей, после того как, будучи жалким изгнанником, лишенным царской власти, повстречал Кратета.

Слезы о смерти Флери еще не высохли на щеках жителей Майнца, когда служитель Германа принес известие о его печальном конце, рассказав также и о несбывшихся помыслах своего господина, ибо был его преданным поверенным в любви. И тогда все, пораженные случившимся, не могли не прийти к заключению, что смерть объявила войну любви и задумала из вражды и ненависти к ней уничтожить самых ревностных ее подданных и что, начав Флери и Германом, она не будет отдыхать и увенчает свой труд остающейся еще в живых Каритой.

Карита же, как я вам уже сказывала, из любопытства или скорее из ревности объявившая себя умершей, — рассчитывая проверить, есть ли еще у старой любви мужа сила воскреснуть, — теперь, когда Германа, увы, не стало, воскресла сама и, надо вам знать, не умерла от скорби тут же, ибо нашла ее слишком великой, чтобы исчерпать так скоро, но, пожелав длить ее сколь можно более (как он заслуживал), навсегда затворилась в монашеской обители. И хотя не вызывала сомнения вина ее мужа (мгновенно, словно его коснулась трость Цирцеи или он отведал наговорной травы, превратившегося из верного супруга в ветреного влю-

бленного), она винила только себя, проложившую путь несчастью, творила неустанное покаяние и не желала слышать о новом замужестве, полагая вместе с рассудительным Хилоном, что безумен тот, кто, с трудом избегнув гибельного крушения, вновь решает выйти в море, как будто буря не властна над всеми кораблями.

А свидетельством любви ее и Германа осталась красавица дочь, которая, по желанию благосклонных судеб, вступила (после многих испытаний) в брак с сыном Флери, — однако их история принадлежит нашему повествованию лишь тем, что рассказывает, как в конце концов, наперекор завистливой Фортуне и злобному вероломству людей, изволением небес сочетались и объединились славные дома Германа и Флери.

Итак, благосклонные дамы и господа, вы могли ясно видеть из этой правдивой повести, что несчастья в любви всегда происходят из-за прегрешения мужчины. Ибо, скажите, можно ли требовать более искренней и верной любви, нежели чувство этих двух дам, явленное с такой силой, словно они состязались, оспаривая первенство среди любящих? Флери не пожелала жить, утратив непорочность, в которой полагала все свое достоинство и счастье, и настолько возлюбила честь, что из этой любви не могла простить милого ей и хорошо с ней обходившегося мужа, намного превзойдя славу женщины, выпившей пополам со своим возлюбленным Синорипом яд и тем исполнившей долг перед останками своего мужа и собственной стыдливостью; или той, что отмстила поруганную честь, хитростью свалив в колодец недогадливого воина. Она превзошла твердостью даже ту римлянку, которая из беспредельной любви к умершему супругу последовала за ним, проглотив пылающие угли. Карита же правила траур по мужу вечным вдовством, добровольно отказавшись от всех наслаждений. Этим благим рвением сравнялась она с прекрасной Валерией, сказавшей после смерти мужа, что он умер для остальных, а для нее вечно жив, и превысила силой духа царицу Артемизу, которая, выпив растворенный пепел мужа, воздвигла ему драгоценную гробницу в своей груди. Я думаю, кстати, что женщины, выходящие замуж во второй раз, не делают чести первому супругу, с кем, казалось бы, погребали они свою способность любить. В этом их может посра-

мать горлица, никогда не соединяющаяся с новым другом. Неложно говорят, что первые браки делаются на небесах, а вторые в аду, и если такой брак бывает удачным и счастливым, значит, сатана оплошал. И правильно поступила дочь великого царя Дария Родопа, убив свою кормилицу, убеждавшую ее выйти замуж вновь: ведь для второго брака соответствующих друг другу супругов найти труднее, чем приискать к половине ореховой скорлупы отвечающую ей другую половину, отличную от той, с какой первая была разделена. Я прибегаю к этому бесхитроственному сравнению, потому что, на мой взгляд, оно понятнее любомудрствования Платона об Андрогине. Впрочем, довольно о необыкновенной добродетели женщин, явленной в этих двух дамах; прошу вас теперь, сравните с ней злобу мужчин, выказавшуюся в коварнейших поступках Понифра и Германа.

Тут сеньор Флер-д'Амур, взмолясь о милостивом снисхождении, сказал:

— Не сердитесь, мадемуазель, что я вас прерываю: вы должны быть удовлетворены безропотностью, с какой я внимаю похвалы женщинам, и не обременять меня излишне, хуля мужчин, которых намереваетесь приплести к делу совсем неосновательно. По моему мнению, Понифр не заслуживает осуждения, ибо поступил всего лишь как веселый малый, искавший удачи в жизни, — я даже готов хвалить его за то, что он добился своего; и напротив, я не могу одобрить Флери, ибо она ничего не достигла, погубив человека, который, женившись на ней, искупил и загладил свой грех; разве только обнаружила неумеренную жажду мести, от природы свойственную женщинам, — чему свидетель поэт, говорящий, что голодная львица, затравленный собаками вепрь, тигрица, у которой украли детенышей, и змея, когда ей наступили на хвост, не более страшны, чем оскорбленная женщина. Что же до Германа, то мог ли он, лишившись (как ему казалось) жены, поступить иначе, нежели без отлагательства искать новую, а не плакать, словно малое дитя, потерявшее яблоко и мятое, что в целом мире нет другого? По мне, величайшая глупость долго оставаться вдовым, если, разумеется, не иметь целью нажить состояние для второй женитьбы: ведь и сами умершие охотно заботятся и пекутся о новом браке супруга.

— Это правда, — отвечала мадемуазель Мари, — и я с вами не спорю; но скажите, не подобало ли ему для новой женитьбы выждать хотя бы год, который древние называли годом траура? Только не говорите, будто законы тут разумеют одних женщин, оттого что если они незамедлительно вступают в новое замужество и вскоре рождают ребенка, может быть не ясно, кто его отец. Год траура учрежден законами священными, которые даны нам для совершенствования нравов, и учрежден он ради общественной благопристойности, равно касающейся мужчин и женщин: против нее Герман очевидно согрешил, обнаружив уже вторично свою ветреность и непостоянство. А в первый раз это было, когда он, пресыщенный наслаждениями, захотел ехать на ярмарку в Овер, где изменил-таки своей любви: уж лучше бы он верил жене. Я хочу, однако, доказать вам, что сужу непредвзято и по всей истине, с этой целью найду я толику порицания и для Кариты, решившей вызнать, влюблен ли ее муж. Жестоко обманулась она в своем любопытстве — за чем пойдешь, то найдешь, хотя и не хочешь; этому учит и горестная история любви Кефала и Прокриды. Ну и что же? Нет святого в раю без праздника, нет смертного на земле без греха. Если в чем можно воистину упрекнуть женщин, так это в ревности, следующей за ними как тень. Доблестный король Альфонс говорил, что прекрасен брак, коли муж глух, а жена слепа. И этим, думается, снимал он вину с женщин: для чего же еще он желает им слепоты, как не с целью скрыть от них проступки мужей? Оставляю судить вам, кто более достоин порицания: совершающий грех или уличающий его в этом. Прибавьте к сказанному, что ревность происходит не от чего иного, как от избытка любви, и женщины, любящие более искренне, чем мужчины, ревнивы поневоле. А что до оправданий, которыми вы, словно худой рогожей, тщитесь прикрыть злодеяние Понифра, то я охотно бы извинила его, если бы он домогался ровни и прибегал к дозволенным средствам, но он метил дальше, чем мог бить его лук, а это непомерная дерзость. И хотя говорят, что нет порока в любви к тому, кто более знатен, мне думается все же (как Деянире у Овидия), что плуг тогда запряжен хорошо, когда в пару подобраны по возможности одинаковые статью и силой быки, с тем чтобы во время пахоты они ступали ровно; так же и в браке

нужно совершеннейшее равенство и по возможности полное единодушие, иначе один, словно заноза в ступне, будет мешать другому двигаться вперед. А в том, что вы называете настойчивостью Понифра, я вижу нестерпимую наглость.

На это съёр Флер-д'Амур возразил:

— Прошу, мадемуазель, пусть хвала женщинам, которую вам угодно слагать, ограничивается их заслугами и не умножается охулением бедных мужчин. Ибо если мы захотели бы считаться, вам было бы весьма нелегко дать отчет в делах пресловутых женщин, по-вашему, столь добродетельных. К слову молвить, из того, что одна кончила с собой, а вторая нет, следует, что кто-то — та или другая — поступила нехорошо. И пусть историки говорят, что самоубийство было единственным доблестным деянием Сарданапала (потому что этот поступок требует немалой отваги), — даже законы язычников не одобряли такой смерти, особенно если ее причиной было сознание собственной вины, насылающее на преступника бесчисленных фурий, как мы читаем об Оресте; или страх попасть в руки врага, как у Ганнибала; или стремление избежать бесчестья, как было с поэтом Галлом, или желание избавиться от болезни, которую не может осилить ни одно лекарство, как у Порция Латрона, жаждавшего излечиться от перемежающейся лихорадки; или любовная невоздержанность, как было с Тисбой и Пирамом; или досада из-за невозможности достигнуть желанной цели, как у Нереры, узнавшей, что ее возлюбленный женится на другой; или еще какое-нибудь огорчение. Правда, языческая вера извиняла тех, кто кончает с собой из похвальных побуждений, например ради спасения своей невинности, как поступили Дидона, Софрония и красавец Демокл; или желая знать, что происходит в ином мире, как Клеомброр и жительницы Милета; или чтобы принести своей смертью пользу государству, как поступили всадник Марций и император Отон, а порой — из боязни ему повредить, как был вынужден сделать Фемистокл; или же устав от слишком долгой жизни, как Помпоний Аттик. Поэтому великий Плиний и называет наибольшим благом, дарованным природой человеку, право умереть когда захочется; однако с этим несколько не согласно справедливое суждение Платона, который не хочет мириться с тем, чтобы человек был

волен в столь важном деле, и утверждает, что самоубийца достоин сурового суда, как покидающий войско без позволения начальника солдат или бегущий из темницы узник. Это явно против вашей Флери, — однако мы не хотели вступать с вами в прения, даже понимая, что ради ее оправдания вы черните Понифра, который будто бы ее опоил. Если бы и вправду было так, то она, готов признать, потеряла бы девство, но понести никак не могла: ибо я не верю, что пьяная женщина способна зачать. Недаром вы в своем рассказе перескочили через это место не замочив ног, и удовлетворили меня далеко не полностью.

— Я обошла его молчанием, — сказала мадемуазель Мари, — чтобы не злоупотреблять благоволением слушателей, растягивая мою повесть, и не оскорблять их чувств описанием этого гнусного дела, — не говоря уже, что самое ваше мнение небесспорно и является предметом разногласий среди тех, кто наиболее скрупулезно исследует тайные законы природы; мне же не пристало входить в столь тонкие и глубокие размышления. Но чтобы моя история не осталась с изъяном, я, коли вам хочется, уподоблюсь клирику, судящему о битвах, и скажу, что думаю, — не оспаривая, впрочем, превосходства вашего ума, которому и отдам на суд мое мнение. Мне хорошо известно, что вино, употребленное в меру, всеми признается стрекалом сладострастия, по старинной пословице: без Вакха и Цереры Венера охлаждает. Потому-то Анахарсис, услышав упрек в жеманстве на дурнушке, сказал: налейте мне вина, и я сочту ее прекрасной. Однако же, будучи употреблено чрез меру, вино делает тело вялым, косным, оцепенелым, бессильным и неспособным к любви, потому что переполняет желудок лишней влагой, вызывая расслабление мозга, нервную дрожь и упадок сил, а все это прямо вредит зачатию, для которого нужен горячий пыл и гармония телесных соков. И мы можем вместе с Пифагором сказать, что лоза приносит три урожая, из коих первый утоляет жажду, второй дурманит, третий же повергает в полное отупение; поэтому горькие пьяницы не слишком женолюбивы, и пьянство, как правило, неразлучно со старостью, женолюбие же оставляет человека, когда он расстается с молодостью. Я этого не оспариваю, но не согласна, что опьянение совсем отнимает способность к зачатию: многие доводы и примеры заставляют меня

думать иначе. И во всяком случае я не допускаю различия, которое склонны иные проводить здесь между действующим и страждущим, полагая, будто пьяный мужчина не может зародить ребенка, даже если женщина трезва, так как неблагоприятность господствующего в зачатии, даятеля первосущной формы, уничтожает самую возможность этого. Такое суждение противоречит истории, сообщающей нам, что девица Циана из Сиракуз и римлянка Медуллина забеременели от собственных отцов, которые были пьяны. Я считаю решением спора (и в этом меня не разубедить) следующее: когда пьян кто-то один, зачатие возможно, — хотя это зачатие, конечно, не будет удачным, ибо изъян здесь ничем не восполним, пусть он и не мешает делу. И от этого дети рождаются слабыми, болезненными и придурковатыми: тому свидетель Диоген, говоривший при виде малоумного ребенка, что это сын пьяницы. Если же пьяны и мужчина, и женщина, зачатие, я полагаю, вовсе невозможно из-за расстройства природных способностей, разлада телесных соков, упадка сил и ослабления естественной возбудимости, управляемой воображением. И по той же причине, если мужчина и женщина имеют одинаковый холерический или меланхолический склад, их соединение всегда будет бесплодным; мы вправе так заключить, не приводя простейших рассуждений о зачатии и его условиях, которые девице пристало разве слушать, но отнюдь не произносить. Мне сдается, сказанное вполне доказывает возможность того, что опьяневшая Флери забеременела от своего трезвого мужа.

— Если спросить меня, — сказал съёр де Бель-Акей, — то, по-моему, лишь живая втягивающая сила способствует излитию семени в готовый воспринять его сосуд, и оттого женщина, не испытывающая наслаждения (что и бывает, если она пьяна), никогда не может зачать, каким бы жаром и густотой ни обладало семя. И никогда беременная женщина не убедит меня, что ее обрюхатили силой, ибо по непреложному закону (пусть с ним не согласятся повитухи) любая женщина, забеременевшая будто бы против воли, рождает с радостью.

— Помилуйте, — сказала мадемуазель Маргарита, — если бы это было так, то отсюда следовала бы сущая нелепица. Вы ведь не станете отрицать, что чело-

веческое наслаждение отлично от наслаждения животных, потому что люди благодаря дарованным им чувствам различают наружную красоту, вследствие чего и зарождается любовь — единственная побудительная причина соития, которое приводит к зачатию ребенка. Из этого явствует, что деторождение невозможно без соития, соитие без любви, любовь без созерцания достойной красоты. Но коли это верно, по-вашему, выходило бы, что слепые, как мужчины, так и женщины, вовек не имели бы детей, ибо они не видят ничего, что их к тому может побуждать, — а это прямой вздор. Кроме того, нужно было бы думать, что зачатие тем вероятней, чем сильнее наслаждение. Однако мы часто видим супругов, которые не могут произвести детей в первый год после свадьбы и рожают их спустя долгое время, даже в глубокой старости, как читаем о Массаниссе и Катоне Цензоре. Поэтому ваши рассуждения бессильны скрыть заключенную в этой истории правду, которая гласит, что доброты женщин возносятся над злобой мужчин. И тут я спрошу вас: что, если эти две дамы нашли бы таких мужей, каких заслуживали и равных им добродетелью (конечно, при допущении, что это вообще было возможно)?

— Лучше скажите вы мне, — возразил съёр де Ферм-фуа, — что, если эти двое юношей, в награду за их чрезмерную любовь умерщвленные жестокосердыми женами, решили бы не вступать в брак? Так ведь издавна поступали те, кто желал сделать в жизни что-то доброе, а те, кому не хватало для этого ума, убеждались на горьком опыте, сколь сильно мешает жена любому жизненному подвигу, будь то война (как свидетельствуют Дарий и Митридат) или философия (как жалуется Сократ); почему я и уверен, что если бы мужчины не женились, то ничто не мешало бы им достигать полного счастья. Недаром в народе говорят, когда приходит время женить молодого парня: пора надеть на него хомут. Сказать правду, мы воспаряли бы к небесам, если бы этот хомут нас не удерживал. Я довольствуюсь тем, что называю женщину этим прозвищем, хотя знаю, что многие поневоле судят куда строже, называя ее нашим тяжким крестом: именно поэтому некто, услышав от проповедника, что каждый должен нести свой крест, немедля помчался домой и взгромоздил себе на шею жену. В заключение скажу,

что история Пониффа и Германа, погубленных женщинами, заставляет меня вспомнить ответ одного селянина куму:

Случилось как-то селянину,
Когда жену искал он сыну,
От кума услышать упрек:
Мол, поспешает не по чину,
А поглядеть, и вполовину
Ума не нажил паренек.
Так что же? — отвечал добряк, —
Вот, право, выдумал причину:
Коль наживал ума бы всяк,
О свадьбах не было б помину.

На это мадемуазель Мари, смеясь, возразила:

— Вы приводите свидетельства, чересчур отдающие деревней и исходящие от людей, которые не имеют представления о добре и чести.

— Нет уж, — внезапно воскликнул дворянин, — не уклоняйтесь от признания истины: ведь знатым людям еще горше, когда приходится испытывать то же самое; вспомните-ка, что было некогда сказано одному кичливому господину:

Напрасно хвалишься, ей-ей,
Что ты общественная личность:
Все притязанья на публичность
Скорей к лицу жене твоей.

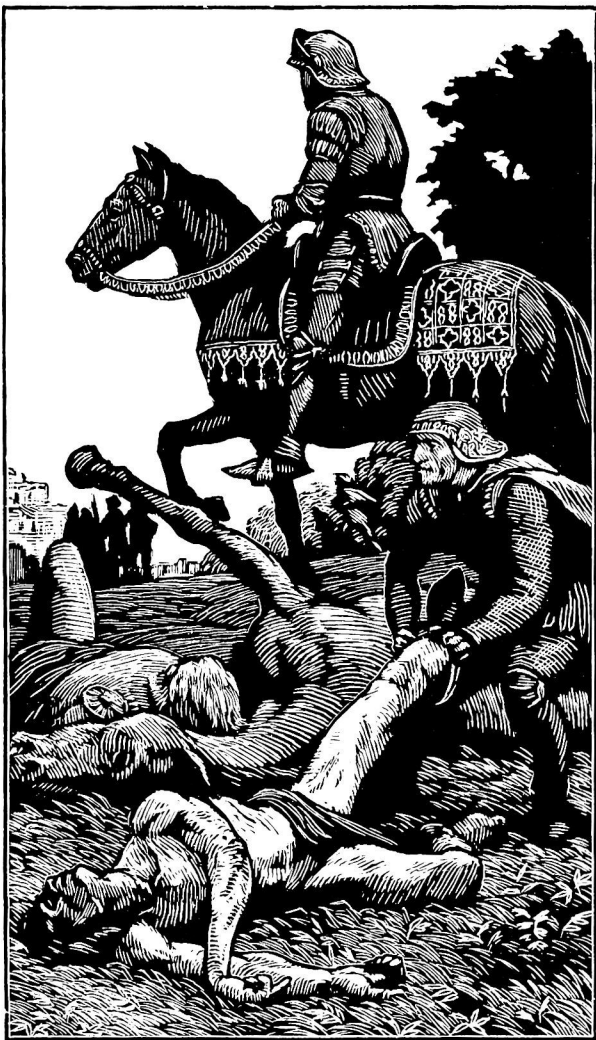
На этом владелица замка прервала спор и, приглашая общество к примирению, предложила возобновить беседу завтра, после чего в веселом расположении духа все отправились ужинать; тут мы их и оставим, пожелав доброго вечера.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Нет яда опаснее, чем тот, который таит свою горечь под мнимой сладостью, и, точно так же, всего губительнее зло, прикрытое наружной добротой, ибо видимость благожелательства усыпляет нашу бдительность, а когда мы спохватываемся, бывает уже поздно. О, если бы Катилина, Сулла, Юлий Цезарь и им подобные умели прятать свое честолюбие столь же искусно, как Август,

тирания в Риме (называемая монархией) началась бы куда раньше! Но нет! доблестное сердце (где не может жить притворство, поскольку лев не имеет ничего общего с лисом) не позволяло им уподобляться крокодилу, который льет слезы, желая пожрать тех, кто из жалости придет на его плач.

Едва ли не каждому случалось испытать это на себе, и если кому-нибудь такое зло выпадает на долю, он должен находить утешение в том, что у него много друзей по несчастью. Стоит припомнить судьбы некогда процветавших республик, чтобы убедиться: все они погибли от одного и того же внутреннего врага, зовущегося лицемерием, а орудием их сокрушения и разрушения неизменно был обман. Да и Францию это бедствие не обошло стороной: мы знаем, что те, кому наши короли оказывали наибольшие услуги, были заклятыми нашими врагами. В самом деле, история наполнена рассказами о том, как Франция неуклонно исполняла свой долг, защищая пап (Карл Великий восстановил права двух из них, разгромленных королем Ломбардии), — но что в награду за эти благодеяния сделали папы, когда нужно было спасать их мать Францию от разорения и гибели? Разве не они наносили ей самые жестокие раны? Разве были у нее худшие враги, чем эти неблагодарные дети (сколь ни горько мне так говорить, еще горше то, что все это знают)? Утвердив попирающую стопу не только на горле принужденного ими к раболепию императора, но и над всеми христианскими коронами, они открыто враждуют со своими спасителями французами. Тому пример и папа Пий, отдавший королевство Сицилию бастарду Феррану, а герцогство миланское — Франциску, к великому ущербу орлеанского и анжуйского домов, его законных сеньоров; и Бонифаций VII, который своими коварными отлучениями погубил бы французское государство, если бы напал не на могучего духом Филиппа Красивого, а на какого-нибудь Карла Простоватого. Впрочем, достаточно назвать папу Юлия: не довольствуясь духовными орудиями (порицаниями, угрозами, отлучениями и проклятиями), он отложил ключи святого Петра ради меча святого Павла и обрушил на Францию гораздо более мощный удар, пойдя войной на отца народа, доброго короля, который подарил ему Болонью, Чезену, Равенну, Имолу, Фаенцу, Форли и другие прекрасные поме-

ны, но так и не мог унять честолюбие этого ненасытного папы, мечтавшего омыть землю человеческой кровью и зажегшего ненавистью к французам весь христианский мир. Он осадил их в Милане, однако, хотя все государи покорно служили его священному гневу, ничего не добился, ибо ему противостоял всевышний бог. Во времена, когда его святейшество сеял смуту, и произошел один весьма памятный случай, о котором я вам расскажу так кратко, как позволит эта удивительно печальная история.

Надо вам знать, прекрасные дамы, что свирепый папа, каждодневно расставлявший сети и приманки, дабы улавливать и привлекать на свою сторону всех государей, какие, по его мнению, могли хоть чем-нибудь вредить французам, нашел средство заключить союз с молодым принцем Умбрии, чье имя я не стану называть, так как мой рассказ не служит к его чести. Этот принц — из почтения ли к папе, или из любви к воинской славе, — воевал столь ревностно, что не было такого сражения, где он не показал бы себя одним из лучших бойцов. И случилось так, что, побывав во многих опаснейших схватках (куда его влекла и стремилась ненависть ко всем французам), он был вынужден после снятия миланской осады отправиться на отдых в Мантую. Там со всеми почестями, подобавшими его роду и сану, был он принят в доме маркизы Гонзага, вдовы знаменитого Франческо Гонзага (последнего, кто носил это имя), оставившего ей, в числе лучших сокровищ, единственную дочь пятнадцати лет, наделенную столь дивной красотой, что Италия по праву могла гордиться, произведя на свет такой цветок. Эта девушка, принадлежа к знатнейшему роду и будучи предметом исключительного попечения родителей, с младых лет воспитывалась в добродетели и была весьма тщательно образованна, так что при сравнении красот и совершенств, которыми ее щедро одарило небо, с остротой ума и благородными знаниями, которые она стяжала ученьем, трудно было решить, чему она обязана более: науке или природе; однако нельзя было усомниться, что ей нет равных в Италии. И если папа подчинил и поставил на службу множество людей благодаря своей власти и деньгам, то она пленила не меньшее число сердец прекрасным взором, нанимая и оплачивая свое войско одной надеждой на возможную ее благосклон-

ность, — и мало было таких, которые ради этой надежды не согласились бы умереть, доказывая силу своего чувства.

Неложный свидетель мне в этом наш принц, которого мы будем называть Адилоном: только что сражавшийся за папу, во мгновение ока перешел он в стан божества, превосходившего папу могуществом. О, ему хорошо было известно, чего стоит удар пики, но не знал он, насколько опаснее внезапно брошенный взор. С честью выходил он из самых гибельных переделок, а теперь был сражен, увидев единственный раз эту красоту; уж лучше бы ему родиться слепым, чем терпеть такой урон от собственных глаз. Увы! это зрелище произвело в нем столь неизъяснимую перемену, что он не мог узнать самого себя. Но так же, как молодой лев (полный веры в свою кипящую силу и готовый схватиться с кем угодно), ощутив первый удар, собирает всю ярость и с сугубой отвагой борется за победу, этот новобранец Амура вознамерился отразить приступ, которому его собственные чувства открыли путь, начав распря, словно мятежные горожане, восстающие друг на друга. И все более уверяясь, что нужно сопротивляться этому нападению, он в одно время и наносил себе рану, и врачевал ее.

— Пока этот новый недуг еще не прижился внутри, — сказал он себе, — я должен изо всех сил гнать его вон; ведь самое действенное лекарство — это своевременное предупреждение болезни. Проще погасить едва затеплившийся огонь, нежели тот, что уже пылает во всю мочь.

Легко сказать, да трудно сделать! Недаром те, кто пылко хвалит добродетель, бывают холодны, когда нужно следовать и повиноваться ее велениям. Мы видим, что бедный влюбленный лишь дает себе добрые советы, но вовсе не думает ими пользоваться и, ловя себя на обмане, не краснеет от внезапного угрызения совести. Крепость сдана врагу. Он хочет стряхнуть непонятное безумие, но тщетно: как спотыкающийся и оступающий олень со стрелой в боку приближается к смерти тем вернее, чем быстрее он от нее бежит, ломаясь сквозь густые ветви и вгоня острие все глубже в свое тело, и как попавшая в сеть птица запутывается тем больше, чем отчаянней бьется, стараясь вырваться, — так этот злосчастный государь (новый слуга и раб Аму-

ра), силясь укротить неотвязную хворь, лишь бередит и растравляет свою рану. И в конце концов он чувствует себя настолько покоренным ласковым приемом, что душа его, покинув прежнее жилище, устремляется по назначению фурьера любви к лику прекрасной Кларинды (ибо так звалась эта мантуанская инфанта).

Ах! если один вид этого совершенства, как слишком яркое сияние, помрачил очи его рассудка, что же, спрошу я вас, случилось бы с ним, когда бы он изведал очарование ее любезной речи, или, познакомясь с ней ближе, постиг мудрость и кротость ее нрава, узнал на опыте, сколь необыкновенна ученость, обогатившая ее тонкий ум и изливающаяся из медоточивых ее уст, дабы напоить слух мудрейших людей; ибо в знаниях, как я уже сказал, ей не было равных по ту сторону гор, кроме, быть может, Кассандры, дочери сеньора Анжело Фидели, венецианца, которая выступала с публичными чтениями о семи свободных искусствах и была сведуща в обоих древних языках и в богословии.

Но молодой принц после недолгого созерцания инфанты удалился, не помня себя, домой, где, впрочем, не обрел желанного успокоения, потому что вновь подвергся нападениям врага. Если страсть, зажженная в нем лицемерием сладчайшей гибели, была мучительна, то отсутствие красавицы, чей образ живо напечатлелся в глубине его сердца, было стократ тягостнее: так рана в минуты покоя причиняет больше страданий, чем в пылу битвы. И когда он, рассеянно блуждающий в дебрях раздумий, лег (прикоснувшись к ужину разве что для отвода глаз) в свою постель, чтобы прийти в себя и отдохнуть от терзаний, все пошло наперекор его надеждам: мягкий пух изголовья стал твердой наковальней, на которой ковался один безумный помысел за другим, и все эти помыслы, едва он успевал их обдумать, таяли и исчезали в воздухе вместе с бурей вздохов, раздувавшей горн его больного воображения. И чем усерднее тщился он разорвать любовные путы, тем туже затягивал на себе отнявший у него свободу силок. Так возрастает напор воды, если перегородить течение запрудой.

— Увы! — восклицал он, — на какие бедствия обрекла меня жестокая судьба! Неужели я счастливо уцелел в превратностях войны и невредимым вышел из грозных сражений только для того, чтобы так пострадать от

женского пола, который никому не страшен? О, почему не могу я дать нежным девушкам такой же отпор, какой давал суровым рыцарям? Почему небеса заставили меня покориться столь слабой силе? Если уж дали они женским очам оружие для нападения, то почему не укрепили мою грудь защитным доспехом? Какой же удачей для меня было бы пасть вместе с цветом Италии от руки неприятеля! Или я спасся лишь затем, чтобы, влача тяжкие узы, зачахнуть от тоски здесь и, подобно Ахиллу среди дочерей Ликомеда, бесславно кончить молодость, истаяв как снег под лучами этой красоты? Ах, для моего блага и спокойствия вовек нельзя мне было ее видеть; если же видеть ее мне было суждено, вовек нельзя мне терять ее из вида. О доблестные рыцари Франции, отвагой своей повергающие в трепет вселенную! не завидуйте отныне превосходству принца Адилона и знайте: по милости мантуанской принцессы, отнявшей у меня покой и возвратившей его вам, я более не могу чинить вам вред, — хотя она не убила меня и не нанесла мне увечья, но лишь взяла в плен и заточила в крепкую темницу. И пусть мой пример покажет всем, как плохо награждается подчас учтивость: ибо может ли ожидать большей неблагодарности, чем столь дурное обращение, тот, кто приходит как гость, желая изъяснить почтение и уважение даме? Видно, бог решил погубить несчастную Италию, в одно время велел родиться кровожадному первосвященнику, губящему тела, и несравненной красавице, губящей души.

Так, все более воспламеняясь, безутешный принц провел в слезах и вздыханиях целую ночь: то решал он отдаться своему чувству, говоря себе, что даром ничего не дается и что дело стоит труда; то думал, что лучше ему все бросить и понапрасну не мучиться из-за столь сомнительного предприятия, ибо неоткуда ему почерпать не только уверенность, но и самое безумное упование. Если вы видели когда-нибудь, как путник, пришедший к скрещенью двух дорог, вдруг останавливается и не может сделать выбор (обе его влекут и обе внушают опасения), то поймете, как страдал несчастный влюбленный. Наконец, после долгих раздумий и колебаний между надеждой и страхом, так и не сомкнув глаз, принц вскакивает с постели и одевается с ног до головы. Затем, решив раз и навсегда покончить с новым чувством и убежать от любви так далеко, что она не

сможет его настигнуть, садится он в седло и направляется прямо в Пьяченцу, где в то время находился папа, стягивавший к этому городу войска. При этом полагается он на своих слуг и коня: ведь когда человек не в себе и сам себя не слушается, трудно ему повелевать и управлять другими. И хотя он уезжает, душа его, покинув немилое ей обиталище, остается в мантуанском гарнизоне, — в то время как брошенное ею тело, словно статуя, движется единственно оттого, что его гонит ветер, и уже не одушевлено ничем, кроме снедающей сердце тоски.

Прибыв в Пьяченцу, принц отправился свидетельствовать почтение святому отцу, которого и нашел в его покоях, где тот обдумывал новые козни против французов. После обычных лобызаний Юлий спросил:

— Ну, дитя мое, где вы так долго прятались, не давая никакой вести о себе? Поверьте, я был весьма испуган мыслью, что потерял вас, и ни о чем ином не мог говорить; но теперь, когда вы вновь с нами, у меня отлегло от сердца.

Принц, знавший, как он дорог папе, рассыпался в извинениях, из почтительности скрывая, что произошло. Но поскольку нетрудно было прочесть на его лице, что он измучен страстью, и увидеть, что некий тайный червь подточил его обычную веселость, один дворянин, которого принц предпочитал остальным и лучше знал, стал так настойчиво его расспрашивать, что ему пришлось, несмотря на крайнее нежелание и досаду, рассказать о случившемся.

— Мой друг Люцидан (так звали этого дворянина), — сказал принц, — благодарю за беспокойство, внушившее тебе мысль, что меня томит какая-то болезнь, порожденная избытком чувств. Твоя догадка и в самом деле не далека от истины: мне нанесли столь жестокую рану (и как раз в том месте, где я искал покоя и безопасности), что я не жду иного исцеления, нежели медленная смерть. Да будет тебе ведомо, что после того как неприятель вынудил нас снять осаду с Милана, я отправился в Мантую, намереваясь отдохнуть: там-то зажглось во мне пламя, внезапно разгоревшееся с такой силой, что угасить его не могла бы и вся вода морская. Но я прошу хранить это в секрете, памятуя мое доброе о вас мнение, которое и побуждает меня ничего от вас не таить.

И, открыв свое сердце, принц подробно рассказал о том, как он был сражен и покорен ласковым приемом принцессы Кларинды, и о том, каких невысказанных пределов достигли ныне его мучения.

— Однако, господин мой, — сказал Люцидан, — если судьба сулит вам такое счастье, в чем повод для сетований на нее? Почему вы так криво рассудили свое правое дело и сами себе вынесли обвинение и приговор? Почему ожидаете встретить суровость и немилость там, где нашли одну нежность и учтивость? И почему, не имея никакой причины для разочарования, вы не верите в свои силы и достоинства, которые всегда будут оценены благородным сердцем? Смелее же — и, ручаюсь, вы вскоре будете наслаждаться тем, к чему вполне справедливо стремитесь, или весь мой опыт и искушенность ничего не стоят: поверьте уж вашему испытанному другу и преданному слуге. Единственное, о чем я вас прошу (поскольку возраст доставил мне некоторые знания, вы же при всем вашем уме ослеплены теперь любовью), — послушаться моего совета. Паче всего должны вы стараться (если хотите идти самым коротким и верным путем) снискать милость матери, ревностно и со всевозможным тщанием ей угождая; ибо как только вы заручитесь ее добрым мнением, можете считать благосклонность дочери вашей. Разъясню, в чем здесь дело: девушка подобна белой стене, на которой можно чертить все, что вздумается; если же по начертанному провести рукой, все сотрется. Сейчас она любит, мгновение спустя забывает о своей любви. Цветы умирают каждый год, и каждый год возрождаются, а девичья любовь рождается и умирает каждый день; в ней нет ничего постоянного, кроме одного неизблемого закона: последующий всегда вытесняет предыдущего, как волна гонит другую волну, — настолько мила ветреницам любая перемена. Иначе говоря, девушки вообще не испытывают любви, ибо слишком черствы душой для столь нежной гостыи; безвольно влекутся они то к одному, то к другому, всякий раз принимая такой вид, какой сочтут для себя удобным, хотя бы их сердце и восставало против этого, — и узнают, что такое склонность или предпочтение, лишь тогда, когда матери связывают их привычными узами брака. Да вы и сами, должно быть, замечали, что в выборе жениха девушки всецело полагаются на волю

родителей, не осмеливаясь вымолвить «я люблю» прежде, чем свяжут их брачные узы. Так садовые мухи равнодушно перелетают с цветка на цветок, наслаждаясь разнообразием и повинуюсь своей изменчивой прихоти, однако остаются на одном не долее, чем на другом, чтобы успеть вкусить от всех, и мечутся там и тут, пока не остановит их паучья сеть. Итак, следуйте моему наставлению и твердо помните: если вы добьетесь любви и уважения матери, дочь будет ваша. Недаром пословица гласит: «Когда берут город, сдается и замок».

Эта дружеская речь, внимательно выслушанная и принятая к сведению юным принцем, пролила бальзам на его сердечные раны и заживила их так хорошо, что, я думаю, и утешение исповедника едва ли когда-нибудь приносило столько радости отчаявшемуся грешнику.

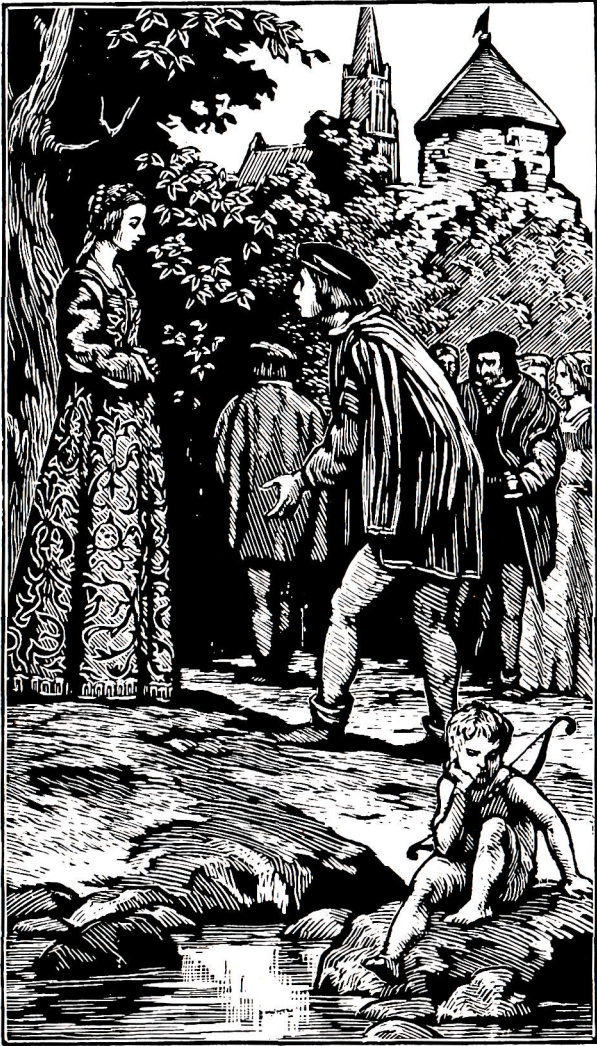
А между тем как принц наслаждался действием этого целительного бальзама, было получено известие, что французы, ободренные удачным отражением миланской осады, используют свой успех и наступают, разоряя и опустошая земли Церкви. По этой причине папа немедленно приказал Цезарю Борджиа, под началом которого были все войска Умбрии и Апулии, выступить вместе с венецианцами и испанцами навстречу, чтобы соединенной мощью дать отпор дерзкому врагу. И, сойдясь близ небольшого города Луго, две армии ринулись в бой с такой яростью, что в первой же атаке были уничтожены лучшие силы Юлия и венецианцев. Потери же французов оказались невелики. Однако они не хотели довольствоваться своей победой и первенством в ратном деле и решили истребить всех врагов без остатка, ибо сражались не только ради чести, но ради свободы и жизни. И потому их главнокомандующий, племянник короля Гастон де Фуа, герцог Немурский (государь, с которым никто не мог сравниться отвагой), подстрекаемый желанием славы и кипучей юностью, пустился в погоню за оставшимися в живых и преследовал их с таким рвением, что удача, излишне подгоняемая и понукаемая, изменила ему, подобно тому, как лошадь, когда ее прищипывают сверх меры, начинает вдруг брыкаться и сбрасывает седока. Поистине мудр был военачальник, говоривший, что довести врага до отчаяния значит дать ему оружие для обороны и что

гораздо разумнее оставлять ему путь к бегству. Ибо закон необходимости, по словам божественного Платона, настолько суров, что ему не могут противиться и боги; ученик же Платона называет необходимость матерью мнимых добродетелей и, более того, мнимых чудес. В самом деле, известно, что немой от рождения сын Креза, видя во время взятия Суз, как воин изготавился убить его отца, громко закричал: «Спасай корону!» — такова была сила естественной любви, восполнившей природный изъян необходимым чудом. Потому-то великому воителю герцогу Немурскому следовало использовать свою славную победу под Равенной более рассудительно, не доводить бегущего неприятеля до крайности и не принуждать его к сопротивлению, вспомнив, как незадолго перед тем сами французы (теснимые лигой, что выступила против Карла Восьмого) победоносным оружием проложили себе дорогу из окружения, которую враг всеми силами старался закрыть. На сей раз итальянцы отплатили им, как говорится, той же монетой: обращенные после страшного разгрома в бегство, они, видя, что французы, несмотря ни на что, гонятся за ними и преследуют их по пятам, собрали силы и с отчаянной отвагой перешли от отступления к нападению, столь яростно поражая наиболее горячих преследователей, что убили герцога Немурского (одного из самых рьяных), сеньора де Монкарозля, д'Алегра-отца и других знатных рыцарей; молодой же сеньор д'Алегр отделался дешево: получив ранение в руку, лишившее его возможности защищаться, он был взят в плен мессером Фердинандо Гонзага, и тот немедля увел его с поля боя. И разумно поступил — ибо французы, которые на свою беду, занялись обшариванием мертвецов (наслаждаясь плодами верной победы и не спеша следовать за своим добрым герцогом), услышали шум пальбы, и, догадавшись, что неприятель перешел в наступление, примчались большим числом на помощь; но чересчур поздно, поскольку герцог Немурский, как мною сказано, был уже мертв. Потому, не видя возможности помочь ему чем-нибудь иным (словно врач, пришедший после смерти больного), они обратили свою скорбь и печаль в суровое мщение врагу. И, не щадя никого, учинили бесчеловечную резню; а когда узнали, что некоторые из бежавших спаслись в ближайшем городе Равенне, то с неукротимым бешенством пошли на приступ этого горо-

да, ворвались в него и, забыв всякую жалость и снисхождение, напечатлели в нем жестокие знаки своего прavedного гнева.

После того как ими были дотла разрушены лучшие итальянские города (особенно в Ломбардии), папа, желая изгнать врага из своей земли, восстановил против них англичан, которые высадились в Кале и осадили Терауан. Тогда Франция, вынужденная защищаться от этого нападения, прекратила наступление в Италии. Властители, пользуясь затишьем и возможностью перевести дух, начали переговоры о выкупе и обмене пленных, и было решено, что молодого сеньора д'Алегра обменяют на маркиза Пескерского.

Д'Алегр же, избавленный от смерти мессером Гонзага (о чем я уже сказывал), был увезен этим сеньором в его укрепленный замок, что находился в двух, или около того, милях от Мантуи. Там ему оказывали высокий почет, как требовало его положение среди французов и знатное происхождение, которое не было для итальянцев тайной. И в один из погожих дней страж д'Алегра, желая вполне соблюсти долг вежливости, повез его на охоту в ближайший лес, где они вдвоем погнались за вышедшим из своего логовища оленем, да так увлеклись, что незаметно для себя растеряли всех своих людей, думая только о том, кто первый настигнет и убьет зверя. И они были весьма удивлены, когда, плутая в лесу, оказались невдалеке от красивого, прелестного источника, так хорошо укрытого ветвями деревьев, что к нему не мог проникнуть ни один солнечный луч. В этом приятном месте как раз отдыхало несколько дам, наслаждавшихся прохладой, которую дарила древесная тень. Как только наши охотники заметили это милое общество, сеньор Гонзага, на расстоянии узнавший свою сестру маркизу и сопровождающую ее дочь, сказал об этом пленнику, и оба они, обрадованные, прищпорили коней. Подъехав и спешившись, они приблизились к маркизе и свидетельствовали ей свое почтение. Здесь же обнаружили они принца Адиллона: получив отдых только от ратных, но не от любовных трудов, он приехал, чтобы применить к делу добрые советы Люцидана, и увивался вокруг матери с таким рвением, что дочь видела в его тонкой затее одну лишь глупость, которую объясняла ребяческой или деревенской застенчивостью, и, глубоко обиженная его

неуважением, обходилась с ним насмешливо и презрительно.

Воздав маркизе все должные почести, сеньор д'Алегр стал оглядываться по сторонам, но внезапно был лишен всякой свободы действий, ибо его блуждающий взор приковала к себе красота юной принцессы. Сразу догадавшись, что общество, увлеченное беседой, забыло о ней и оставило ее без внимания, он поступил по обычаю французов: немедля, как велел ему долг, подошел ближе и обратился к ней со столь изысканной речью, что принцесса искренне обрадовалась своевременному его появлению, вознаградившему ее за неучитливость Адилона. И хотя благородная осанка и отменные манеры д'Алегра, говорившие о знатном происхождении и хорошем воспитании, равно как его платье и уважение, которое оказывал ему сеньор Гонзага, отличали его перед всем обществом (находившим довольно странной ту поспешность, с какою он, нарушив местные обычаи и, паче того, рассердив ревнивого принца, подошел к инфанте), — все же очарование его прекрасной юности внушало приязнь каждому и настолько пленяло любое сердце, что зависть волей-неволей должна была склонять голову.

Весьма весело проведя эту часть дня, маркиза стала просить брата и сеньора д'Алегра ехать в Мантую вместе с ней. Те охотно согласились, движимые разными чувствами: мессеру Гонзага хотелось, чтобы пленнику было о чем рассказать во Франции, а д'Алегру — продолжить успешно начатую беседу. И когда они пустились в путь, Амур, не покидавший очей прекрасной Кларинды, ранил нежное сердце ее нового подданного так глубоко, что исцелила эту рану только смерть, о чем вам и предстоит узнать. Но хотя бедный влюбленный имел множество собратьев по несчастью (ибо сраженным любовью к этой красавице не было числа), он обрел право утешить себя тем, что никто не разделил его славы: только ему, самому счастливому и удачливому, довелось нанести ей ответный удар.

И если удар, потрясший грудь рыцаря, был сокрушителен и опасен, то не осталась невредимой и юная принцесса: обходительность нежданно встреченного ею д'Алегра поразила ее столь глубоко, что она поневоле начала понимать, что такое любовь. Внимательно отмечая про себя несметные достоинства и доблести этого

французского дворянина и тайно их сравнивая, она не знала, чем больше восхищаться, — однако ясно видела, что нельзя помыслить более высокую степень человеческого совершенства. И, не имея сил утаить благосклонность, выражавшуюся на ее лице (которое, к счастью д'Алегра, не было закрыто), она, хотя не сказала и слова, внушила ему смелость поведать ей о начинающемся недуге, чтобы исцелить его скорым врачеванием. Тогда, влекомый надеждой на снисхождение, которое сулила ему эта нежная красота (причина его мук и вместе с тем единственный источник возможного избавления от них), он, ободряясь красноречивым ее взором, придававшим ему некоторую уверенность, расторг узы, коими связала его язык робость, враждебная всякому успеху, и, глубоко вздохнув, сказал:

— Ах, сударыня, где мне найти слова, чтобы должным образом возжаловаться на мою жестокую судьбу! Мало ей было разлучить меня со всеми родственниками и друзьями, не оставив никакой возможности узнать, чем кончилась для них грозная битва, в которой едва ли могли они спастись (ведь там пали все лучшие бойцы); мало и того, что сам я, раненный, был увезен на чужбину человеком, искавшим моей гибели: сегодня, решив добить несчастного, она лишила меня последней надежды на счастливое освобождение, которое могло бы возместить мои утраты. Ибо вот уже несколько часов, как она без всякой жалости отдала меня в рабство вашей блистательной красоте, и, до сих пор быв пленником лишь телесно, я отныне пленен не только телом, но и душой, причем плен этот так крепок, что я уже не жду избавления и готов довольствоваться той свободой, какую ваше нежное сердце почтет за благо мне всемилостивейше даровать. Я настолько зачарован вами (простите мою откровенность), что, как человек, которого перед отсечением больного члена усыпили мандрагорой, вовсе не ощущаю страданий; напротив, в бедствии моем нахожу я высшую отраду, и мне кажется, в этом мире нет более высокого наслаждения, чем моя мука, нет свободы восхитительнее, чем суровое заточение под надзором моей прекрасной стражницы, и нет в жизни удовольствия, сравнимого с тем счастьем и блаженством, какие провижу я в гибели, уготованной мне любовным служением.

С этими словами он устремил на принцессу столь

жалобный взор, что, утратив дар речи, она не могла молвить и слова, как те, у кого от неожиданности перехватывает дух. И, не имея сил отвечать, пылкая инфанта нежно сжала его руку, вполне ясно выразив этим немым языком, каким смятением объята ее душа. Тогда влюбленный, снискавший первую милость, ощутил в боках шпоры и, переведя воспаленное страстью дыханье, продолжил свою речь:

— О боже, сколь диковинный случай — и неожиданный, и благоприятный — привел охотника (кому предуказано ловить) в такое место, где он сам был пойман прекрасными сетями, расставленными могущественной охотницей, которая своей божественной властью заставила меня уподобиться несчастному Актеону, — с тем различием, что Актеон, увидевший Диану нагой, был превращен, а я, хотя увидел вас одетой, — поработчен. И поэтому я думаю, что узревший вас без одежд стал бы недвижимым камнем, как те, кто смотрел на Медузу. Право, я никогда не верил прежде, что возле источников можно и в самом деле встретить нимф и дриад, и не мог предполагать, что такая встреча грозит бедою. О сеньор Балеас, не бойтесь отныне, что я выскользну из-под надзора и убегу на родину: красота вашей племянницы надежно приковала меня к этим местам, и я не нуждаюсь в ином стороже, нежели ее взор. Некогда греки, отведавшие на чужом острове лотоса, пристрастились к этому яству и утратили желание возвратиться домой; точно так же и я, вкусив сладких чар, струящихся из ее прекрасных очей, предпочту смерть разлуке с нею. Вот как дорого заставляете вы меня платить за ваши благодеяния, ужесточив условия моего освобождения вопреки военному закону, да и собственному вашему слову, которое были обязаны держать. Ведь от вас я мог уйти, отдав какой-то денежный выкуп, а из этого плена (молвил он, глядя на принцессу) я буду вызволен и спасен только ценою жизни. Ах, сударыня, могло ли меня, несчастного, постигнуть более страшное бедствие? Не испытываете ли вы ко мне хоть небольшую жалость и сострадание? В вашей власти утешить меня, и я умоляю вас сделать это как можно скорее, если вы хотите сохранить жизнь верному рабу, которым, напав из засады, завладели ныне, словно птичек, погубленной непроторными крыльями.

На это прекрасная инфанта отвечала с ласковой улыбкой:

— Но, монсеньор, я не понимаю, почему, попав из-за превратностей войны (где ничего не случается только с трусами да подлецами) в плен к моему дяде, вы так сегуте на судьбу: в лучших руках вы не могли очутиться. Неудача эта, мне думается, лишь умножает вашу славу, потому что вас, как и других отважнейших и доблестных французских воинов, взял в плен тот, кто лучше всех в Италии владеет оружием. И еще более непонятны мне ваши жалобы на меня, ибо я отнюдь не намереваюсь давать к этому повод; напротив, я возблагодарила бы судьбу, если бы она позволила мне показать вам мою благосклонность, которую вы сможете оценить при удобной возможности; я же буду искать такую возможность всю мою жизнь, и когда бы она ни представилась, не сочту, что это случилось слишком рано. Ибо ваша удивительная любезность, которую я смогла узнать и в это краткое время, властна преодолевать злонамеренность самых бесчеловечных людей и покорять самые варварские сердца; так что не знаю, какой епитимьей или, лучше, какой казнью я покарала бы (будь я судьей) того, кто осмелился бы причинить вам даже малое огорчение, — если, конечно, сыскался бы в мире такой изверг.

— О, сударыня, — отвечал рыцарь, — пристало ли вам так обходиться с гостями, потчюя их насмешками вместо утешения? Но все-таки, как бы вы, пользуясь своей властью, меня ни выщучивали, могу заверить, что хотя природа скупко наделила меня достоинствами и расщедрилась только на чувства, нужные тому, кто милостью небесной мог бы снискать блаженство называться вашим рабом и получить ваше согласие на это, — все мои ничтожные силы я посвящаю вам и употреблю к вашим услугам. И это решение так твердо, что все бедствия века и мои собственные несчастья не могут его поколебать. А что до того, по какой причине я на вас жалуюсь, то знайте, дело вовсе не в том, что, внезапно вас увидев, я навеки попал в плен (который от рождения был уготован моим лучшим чувствам): большей удачи, сразу наградившей меня за все жизненные невзгоды, мне не приходилось ждать. Нет, сударыня, я жалуюсь лишь оттого, что судьба привела меня в такое место, где все достоинства любого из смертных тщетны

и ничего не стоят. И все же, поскольку чистому сердцу не возбраняются добрые надежды и Амур не оставляет без платы исправную службу, я осмеливаюсь прочить счастье, которого не достоин никто, себе: ибо если природа была рада показать свое искусство, создав ко всеобщему восхищению столь совершенную красоту, как ваша, то в моем лице она пожелала создать для вас слугу, чья преданность не знает равных; и смею уверить — простите мне эту небольшую обиду, — что она собрала и вместила в вас не больше чар, нежели вложила в мою душу чувств, посвященных ревностному служению вам. Вот почему, помня, что верные труды всегда вознаграждаются по справедливости и что за искреннюю любовь воздают любовь, я вправе утолять сердечный голод надеждой на вашу доброту и снисхождение.

Слушая его, Кларинда чувствовала, как сражаются в ней любовь и стыд, и бедное ее сердце, жестоко страдая, не знало, чему покориться, а язык, ждавший исхода этой схватки, цепенел, тяготя уста бесполезным бременем, — пока наконец яростно осаждаемые твердыни души не сдались на милость победительницы-любви, которая, употребив свою власть, пустила на волю речь, томившуюся в плену у стыда, и эта еще объятая трепетом речь, вырвавшаяся из девических уст, была такой:

— Но отчего, друг мой, вы не надеетесь на счастье, в коем видите венец ваших пылких желаний? Ужели вы не верите в мою любовь и сейчас, слыша мое невольное признание? Или мало для вас славы в том, что вы ведете меня в своем триумфальном шествии благодаря победе, которой обязаны Амуру, одолевшему оружием ваших чар мои непокорные чувства? Однако да будет вам известно заранее (поскольку вы, французы, слывете легкомысленными и ветреными, и, как говорят, любите тщеславиться и похваляться в ущерб женской чести, хотя она должна быть неотторжима от вашей собственной), что если теперь (вспомните о моих словах, прежде чем так поступить) вы покажете себя французом, то во мне найдете лукавую итальянку, которая мазнет вас по губам и оставит ни с чем. Потому-то, мой друг, прошу я вас блюсти верность и тайну, ибо это единственный венец, прославляющий истинную любовь и возносящий ее над завистью. А чтобы помнить о сказанном, носите в

знак моей любви этот перстень. В него вделана аметистовая камя, изображающая Купидона в прелестном венце: бог сомкнул ладони, а один палец прижал к устам. Внутри же перстня начертан девиз: верность и тайна.

Мне незачем уверять вас, что счастливый влюбленный принял этот прекрасный дар: можете не сомневаться, что он не отверг бы его и в том случае, если бы перстень был из раскаленного железа. Со всей учтивостью — и руками, и взором, и словами — он воздал благодарность своей очаровательной возлюбленной и хотел продолжить речь, как вдруг из городских ворот высыпала толпа знатных юношей, столь многочисленная, что, казалось, весь город спешит навстречу. Они приблизились к маркизе и, прерывая тайную беседу наших влюбленных, смешались в одно мгновение с обществом дам, которых и сопровождали до самого дворца государыни. По прибытии туда нашли они столы накрытыми для ужина. Но все изысканные кушанья, украшавшие это пышное и великолепное пиршество, не могли насытить душевный голод Кларинды и д'Алегра! И, видя, что возможность продолжать их пламенную беседу утрачена, они в течение всего вечера не вкушали ничего, кроме сладостных сердцу взоров, которые непрестанно скрещивались над столом, выходя из этих схваток и победителями, и побежденными.

О, любовь, непостижима твоя природа! Самое лакомое и вкусное яство для тебя — мука и тоска, и чем больше ты поглощаешь его, тем меньше насыщаешься. Увы! даже кровожадная пиявка отпадает в конце концов от места укуса, умерщвленная собственной пищей, — ты же, алчная, пожираешь неуничтожимое сердце твоих рабов большими кусками, но всегда голодна, словно орел, грызший печень несчастного осужденного.

И пример пылких влюбленных вполне это подтверждал: подобно тому как два кремня истираются от высечения таящегося в них огня, оба они изнемогали, воспламеняя друг друга жгучими взорами. И это пламя было столь неукротимо, что его ощущали не только они, но и (поскольку огонь выдает себя жаром и блеском, и утаить его невозможно) наиболее приметливые из гостей, в особенности клейменный той же печатью принц Адилон, который не знал, как унять свои ревни-

вые мысли, что, впрочем, не мешало ему глядеть в оба глаза. И ему не пришлось долго стоять на сторо́же, всматриваясь в лицо Кларинды, чтобы понять: она уже сдалась его врагу, и тот, исподволь сделав подкоп, перебил ему дорогу и оттолкнул его от берега ее благосклонности, возле которого, казалось, встал он на якорь так прочно, что никакие ветры не должны его даже поколебать. Что было ему делать? То старался он привлечь внимание возлюбленной жалобным взглядом, укорившим ее в легкомысленном небрежении более старым искательством, то свирепо, как василиск, смотрел на соперника, силясь умертвить его любовью, но и здесь и там глаза его нисколько не преуспели, — разве лишь увидел он то, чего лучше бы ему не видеть, и ощутил столь живые угрызения сердечного червя, что не мог сохранить даже наружное спокойствие. Это не укрылось от Люцидана, который стал смеяться над его пустым подозрением, сказав:

— Хотя Амур не мог бы парить на своих крыльях, если бы их не поддерживали боязнь и ревность, нельзя все же этой боязни быть слепой, как он сам: иначе влюбленный будет страдать понапрасну и уподобится страусу, который щиплет себя, чтобы заставить себя же бежать. Мне кажется крайне неразумным так дуться из-за какого-то взгляда, поскольку нет ничего диковинного в том, что люди, встретившиеся в первый раз, обмениваются взглядами и внимательно друг друга рассматривают, стараясь ничего не упустить, — особенно если это люди из разных стран, встречающиеся не так уж часто. И это единственная причина, по которой принцесса, движимая женским любопытством, не отрывает глаз от француза.

Взвесив мысленно эти доводы, принц несколько успокоился душой, — но со всем тем он не мог не испытать крайнего раздражения, когда у сеньора Гонзага из-за перемены погоды начался приступ подагры, и это обстоятельство задержало съёра д'Алегра в доме маркизы. Сам же молодой Адилон был в этом доме желанным гостем, которого (я думаю, к его удовольствию) принимали словно родного сына, так что он привык бывать там запросто. И однажды случилось вот что: неслышно переходя из покоя в покой, принц увидел в одном из них уединившуюся инфанту, которая причесывала распущенные волосы, сидя у окна. Едва

лишь он ее заметил, тотчас же, влекомый нескромной игривостью и любовным безрассудством, подбежал к ней и двумя ладонями сжал ей сзади голову, как это обычно делают, когда в шутку хотят загадать, кто пришел. Принцесса от неожиданности вздрогнула, но затем опомнилась и, засмеявшись, сказала:

— Боже мой, неужели учтивость, которая свойственна вам, французам, в обхождении с дамами, велит нападать на них сзади, монсеньор д'Алегр? Вы меня, однако, крайне напугали; вовеки бы я не подумала, что вы настолько дерзки и можете подобным образом наброситься на девушку, когда она сидит в своей комнате одна.

Представляю вам судить, как был поражен этими словами принц и какой нос вырос у него из-за его пустого любопытства: нетрудно, впрочем, предположить, что он пожелал унести далеко-далеко оттуда, где находился, и думал лишь о том, как ему выбраться наружу, ибо понимал, что если принцесса его увидит, ее позор отнюдь не принесет ему пользы. В этом же убеждало его доказательство от противоположного: история Гигеса и Кандавла. Потому он вконец растерялся и, не находя иного способа спасти свою честь, продолжал удерживать принцессу, которая вновь принялась его укорять, сказав:

— Ну же, довольно притворяться, маска ни к чему, если скрывающийся под ней узнан. Пустите меня, друг мой, я совсем не та, от кого вам нужно прятаться.

Этот новый удар был невыносим для принца, получившего несомненное доказательство близости, которой он более всего опасался. И его взяла такая досада, что, отыскав глазами дверь, в какую вошел, он бросился к ней, понимая, что мешкать нельзя, и стремительно скрылся, спасаясь от срама, которым грозило ему разоблачение. Но если он бежал в весьма расстроенных чувствах, то не меньше огорчилась принцесса, которая, хотя и не замедлила повернуть голову, чтобы видеть убежавшего, все же не смогла его разглядеть сквозь густую вуаль золотых волос, падавших ей на лицо. И она была несказанно опечалена тем, что говорила так откровенно и неосторожно. Удручало ее и то, что не удалось узнать дерзкого шутника, и она начала строить различные догадки, уверяясь все тверже, что им не мог быть ее д'Алегр; но больше всего ее тяготило подозре-

ние, что это был Адилон, которого она ненавидела еще сильнее, чем тот ее любил. По этой причине и спустя долгое время не могли они смотреть друг на друга без стыда, притом что никогда не говорили о случившемся ни между собой, ни с кем другим. Принц же решил быть с сеньором д'Алегром более ласковым, чем прежде, тайно лелея в своей черной душе замысел жестокой мести.

О несправедная любовь, сколько ты знаешь способов тиранить людские сердца! Одних сжигаешь ты слепой страстью, других — безрассудной ревностью, а тех, с кем хочешь обойтись наиболее сурово, истязает унылым отчаянием, вынуждая их находить отраду и прибежище в кровавом мщении. Так, к великому несчастью, случилось и с этим обиженным влюбленным: видя, что его (занявшего место первым) опередил рыцарь из Франции, не по праву, как ему мнилось, пожиная чужую ниву, он, словно влекомая бешеными лошадьми колесница, отдался неистовой злобе, которую не могло унять ничто, кроме гибели человека, никогда не делавшего ему дурного. Подчинившись власти этих жестоких помыслов, принц употребил все силы на разыскание наилучшего средства к утолению своей ярости, надеясь впоследствии, когда он избавится от удачливого соперника, более легко добиться благосклонности возлюбленной, так как со спросом упадет и цена. Но он понимал, что придумать хороший способ непросто, а воспользоваться им еще сложнее. Затеять пустую ссору и напасть с оружием на человека, который, как ему было ведомо, очень ловко и искусно владеет шпагой, значило, по его разумению, полагаться на случай; прибегнуть же к помощи нескольких подручных и затем свалить все на ненависть к французам было вовсе нехорошо, потому что сеньор Гонзага, содержащий пленника под защитой и покровительством воинских законов, был настолько чист душой, что не стерпел бы подобной низости точно так же, как если бы дело шло о нем самом. Наконец, после долгих раздумий, принц нашел, что наиболее прямой и верный путь — отравить врага ядом. Так, не способный быть львом, решил он быть лисом. И стал вести себя весьма хитро, щедро расточая дружеские ласки съеру д'Алегру, который, как истинный француз, имел открытое, чуждое подозрений сердце и не знал, что недоверчивость —

мать благополучия; почему и поплатился столь жестоко, что его беда стала наукой каждому. О, как опасен предатель, одной рукой протягивающий хлеб, а другой заносащий камень для удара! Недаром Бион хвалит благоразумие тех, кто не заводит дружбы с первым встречным. И еще более справедливо, по-моему, мудрецы сравнивают ложных друзей с воронами, блудницами, мухами, мышами, тиграми и другими вредными тварями, ибо ложный друг вмещает в себя всю злобу этих тварей, что и показал Адилон. Но кто бы не обманулся на месте д'Алегра? Кто мог подумать, что фурьеры вероломства осмелились прокрасться в сердце дворянина, куда доступ им должны были возбранять его зрелый возраст, образ жизни и доброе воспитание? И разве кто-нибудь поверил бы, что они были впущены туда не кем иным, как Амуром, — да-да, Амуром, которого живописцы почему-то изображают обнаженным с головы до пят, а он на сей раз был окутан покровом и тайно развратил душу Адилона, заразив ее изощренным коварством. И вот до чего это коварство дошло: раздобыв за большие деньги тончайший яд, который не выдавал себя ни вкусом, ни видом, и был неотличим от сахара (почему и обманулся незадолго перед этим один из пап, отравленный точно таким же ядом), принц весьма умело напитал им самое красивое яблоко, какое только мог найти. Для этого воспользовался он впадинкой, откуда выходит черенок, прикрепляющий яблоко к дереву: через нее яд проник внутрь и мгновенно разлился по всему плоду. После этой подсластки он с особой похвалой поднес губительное яблоко французу, держась весьма дружески; про себя же надеялся, что это будет его последнее угощение.

Однако все случилось не так, как замыслил принц. Несчастный сеньор, принявший этот смертельный дар с большим удовольствием, — что объяснялось и добрым расположением к дарителю, и красотой самого яблока, — тут же (зная, как подобные лакомства нравятся девушкам) мысленно посвятил его той, которой ранее посвятил всего себя. Не мешкая отправился он к ней и нашел ее играющей в куницы с придворными дамами. И едва он вынул из кармана злополучный плод, как юная принцесса, шалая, ловко выхватила его прямо из руки и надкусила, не ведая, что впускает в свое слабое тело скрытый внутри этой сласти яд.

О горе! Безжалостный пришлец не пощадил прелестную деву и тотчас обнаружил свою омерзительную силу, пронзив ее чистую грудь столь острой болью, что, изменившись в лице от жестоких страданий, она была вынуждена уйти в свою комнату. Там, побежденная нестерпимой мукой, она бросилась на постель и немедленно послала за врачом своей матери (который находился в покоях болевшего подагрой дяди). Врач явился и, узнав, как начался недуг, решил сперва, что это род колики, вызванной незрелым плодом, — но, попросив больную показать язык и увидев, что он весь запекся и вспух, а в нескольких местах на нем проступила черная сыпь, понял, что это несомненные следы какого-то жгучего яда. И без малейшего отлагательства он заставил ее принять очень сильное противоядие — митридат. Увы! Яд и в короткое время успел сделать столько, что остановить его гибельное действие было уже невозможно; но поскольку удалось его несколько замедлить и унять мучительную боль, врач, считая, что опасность миновала, ненадолго оставил принцессу и вышел из ее комнаты. У дверей он встретил сеньора д'Алегра, ждавшего известий о здоровье своей повелительницы. Услышав, что принцесса отравлена яблоком (ибо простодушный лекарь, ничего не знавший о том, как было дело, рассказал ему все без обиняков), потрясенный д'Алегр едва не лишился рассудка от сознания, что он — причина этого несчастья. А еще сильнее надорвала ему сердце мысль о том, как легко он дался в обман вероломному другу, который сделал его палачом любимейшего создания и обрек на неминуемую казнь. И эта мысль жгла его душу таким мучительным огнем, что он решил жестоко покарать самого себя и тем хотя бы отчасти искупить свою вину. Раздираемый тоской и яростью, нашел он место, которое показалось ему удобным для того, чтобы привести в исполнение свой неправый приговор и вооружиться лютым бесчинием против собственного сердца. И, отчаявшись, уже хотел он заставить свои члены восстать на их господина и предать его смерти, как вдруг заметил виновника злодеяния — принца Адилона, который, держась в отдалении, наблюдал, удалась ли его затея и выполнило ли свое назначение яблоко: точь-в-точь как охотник, ранивший зверя, идет за ним по следу, пока не увидит, что тот издох. Но пришлось этому несчастному поплатиться за

свое преступление: словно взбешенный вепрь, бросающийся на того, кто нанес ему удар, сеньор д'Алегр, как ни был он обессилен душевным иступлением и близостью смерти, не потерял и мгновения, тут же ринувшись на отравителя со шпагой в руке. Видя это, изменник, которого устрасило грозное лицо, пламеневшее праведным гневом, и сознание своей виновности, не нашел для обороны и спасения от нависшей опасности лучшего доспеха, чем собственные ноги. И, бросив наземь плащ и шпагу, пустился бежать. Но сеньор д'Алегр, взревев подобно льву: «А! Так ты, подлый предатель, угостил меня ломбардской отравой!» — устремился за ним по пятам и, несмотря на защищавшую принца свиту, нанес ему шпагой удар под левое плечо, вогнав острие так глубоко, что пронзил насквозь сердце (полное злобы и коварства, прибавлю я), и Адилон был убит. Затем, не помня себя от ярости, наш француз стал рассыпать удары направо и налево, поражая одного противника за другим и пролагая себе дорогу через окружавшую его толпу. Незадачливые бойцы, видя, что их господин мертв, стали без особого сопротивления разбежаться кто куда, и вскоре неистовый д'Алегр остался один. Переведя дух, он привел в спокойствие и свои мысли, вслед за чем ощутил некоторое удовлетворение, смотря на того, кто причинил ему столько зла. И, скрестив усталые руки на груди, он обратился к мертвецу с такими словами:

— О плоть, в которой обитала неверная и лживая душа, сколь завидно мне твое нынешнее состояние! Ты свободна и избавлена от всех жизненных тягот, а я по твоей вине терплю величайшие муки, и, даже после смерти, ты заставляешь меня страдать. Но я сейчас же положу этому конец.

Сказав так, он поспешил обратно во дворец маркизы и, перешагивая через все приличия, бросился прямо в покои Кларинды, которая, горестно стена (как герой в отравленной рубахе, зажигающий на Эте смертный костер), оплакивала не столько свой печальный конец, сколько то, что причиной бедствия по несчастной случайности стал самый дорогой ее сердцу человек и что обманутая доверчивость д'Алегра будет для него источником незаслуженных терзаний, тогда как он совершенно безгрешен. И еще более страшась, что после ее смерти ему предъявят суровое обвинение и

приговорят к казни, умирающая принцесса тревожилась только о том, как его оправдать.

Внезапно, не кончив речи, видит она д'Алегра с окровавленной шпагой, который повергается к ее ногам и, глядя ей в глаза, говорит:

— Госпожа моя, этот клинок покарал вероломство коварнейшего из злодеев, живших когда-либо под солнцем, который, думая отравить меня яблоком, нанес мне (увы!) гораздо больший вред, ибо сделал меня виновником вашего недуга и тем казнил так жестоко, как не мог и надеяться. И поскольку я заставил его сполна платить за причиненное мне зло, умоляю вас, сударыня, взыщите и вы с меня за то зло, какое я причинил вам; хотя, чтобы удовлетворить вас по справедливости, мне мало умереть и тысячу раз. Увы! Мне нечем загладить мое преступление. Все же, если не чуждо вам желание помогать несчастным, умоляю: избавьте меня от жизни и от всех ее горестей. Тогда я отомщу моей злой судьбе, из-за которой я стал причиной вашего бедствия и сам себя обрек на гибель. Если же вы находите, что я не достоин такого блага, как смерть от вашей милостивой руки, и что грех мой слишком велик для столь высокой чести, то произнесите хотя бы карающий меня приговор, чтобы я, исполнив его у вас на глазах, мог облегчить ваши мучения хотя бы отчасти. Ваша душа знает жалость; не отказывайте же мне, ради бога, в этом последнем снисхождении, которого я прошу у вас в благодарность за мое чистосердечное стремление быть вашим вечным слугой.

На это скорбная, изнемогающая от грусти и сострадания принцесса (для которой исповедь ее несчастного губителя стала целительным елеем) отвечала, крепко его обнимая:

— О дорогой друг, неужели вам кажется, что меня мало терзает моя жестокая болезнь? Нужно ли наносить мне еще один удар и усугублять мои мучения зрелищем вашей незаслуженной казни? Не требуйте от меня согласия на это, и я умру довольной и счастливой. Ибо если я и вправе роптать на судьбу, обрекшую меня во цвете лет на столь печальную кончину, то, с другой стороны, мне есть и за что благодарить небо: ведь оно своей милостью и благоволением сократило долгие страдания, уготованные мне любовью, да еще и подало мне исцеление чрез того, кто был причиной моего недуга-

га. Недаром мудрый Аполлоний на вопрос, как лучше наказать влюбленного, отвечал, что следует сохранить ему жизнь. Ах! Близок миг моего освобождения и радостного перехода в иное бытие: поэтому я признаюсь, мой Алегр, что ваша красота и редкая доблесть любви в моем слабом сердце чистую и благородную любовь, и она изо дня в день подтачивала мои жизненные силы. Яд же, который сожжет меня другим огнем, как мне кажется, возымел жалость к моему плачевному состоянию. Разве он не спас меня от великой муки? Вот почему, друг мой, я заклинаю вас тем несравненным чувством, которое хранила и буду хранить вечно, если только в новой жизни блаженные души помнят о том, что на земле им было дороже всего, и если любовь не погребает вместе с телом; я прошу вас последней просьбой, или, коль и впрямь я располагаю властью, какую вы мне некогда предоставили, повелеваю вам (под страхом, что я признаю вас непокорным и неверным слугой): живите счастливо и весело, ибо я, не имея причин роптать, прощаю вам от чистого сердца мою смерть, в которой вы несколько не виноваты, и соглашаюсь на то, чтобы другая, более удачливая девушка насладилась благом, предназначавшимся мне одной, — с тем, что вы не забудете меня, ожидающую вас в лучшем месте, так как этот мир не дал свершиться нашим чистым желаниям. Не посягайте же столь безрассудно на свою жизнь, если не хотите разрушить наш священный союз, хранителем которого вы остаетесь согласно моему завещанию и последней воле. И, уверясь, что этого не случится, я с радостью пойду навстречу смерти, которая была ко мне весьма милостива, позволив так долго с вами прощаться и беспечно кончить жизнь в ваших объятиях.

Тем временем любовь, не желавшая сдаваться, употребила последние силы и, подвергнув душу рыцаря яростной осаде, привела его наконец к славному торжеству одоления всех его несчастий. Ибо, как челн, сотрясаемый неистовыми ветрами и бушующими волнами, лишь до поры стремительно убегает от опасностей, с отвагой обреченного удерживаясь на вздымающихся пенных гребнях, а затем налетает на скалу и разбивается в щепки, — точно так же скорбное сердце д'Алегра, смертельно раненное мыслью, что он стал орудием гибели той, в ком заключалась вся радость его жизни,

окончательно сокрушила тоска, внушенная грустными жалобами его несчастной возлюбленной, которая заливалась горьким плачем, словно лебедь, оглашающий берега родной реки томной предсмертной песнью. И сраженный противоборствующими чувствами, он, упокоившись военачальнику, который, выдержав суровую осаду, но не получив никакой помощи, наконец сдает крепость, был вынужден уступить превосходящей силе врага и отдать свое тело победительнице-смерти. И принцесса, невольно исторгнувшая своими пылкими сетованиями душу бедного влюбленного, внезапно, глубоко изумясь, увидела, что он, ооченевший и бледный, застыл в ее объятиях, как дитя, усыпленное пением кормилицы. Когда пушка не может изрыгнуть пламя и железо, заключенные в ее утробе, она взрывается и разлетается на части; такова же была славная кончина нашего француза, который не вынес страданий, переполнявших его сердце.

О блаженный любовник, доказавший величие своего чувства этим бескровным жертвоприношением! Да сияет твоя воспарившая на третье небо душа между звездами самых знаменитых влюбленных!

Но кто мог бы — не говорю описать — вообразить ту боль, какую испытала потрясенная принцесса, ощутив на своих прелестных устах холод тела, уже заплатившего последнюю дань природе? Долго пребывала она в оцепенении, а когда пришла в себя, то опустилась наземь и, не отрывая взора от склонившейся ей на колени головы возлюбленного — теперь являвшей лишь слепок его красоты, — стала ломать руки и рвать свои дивные волосы, украшенные жемчугами и драгоценными камнями. Затем, испустив глубокий вздох, она воскликнула:

— Бедная я, несчастная! Для чего безжалостная судьба так долго сохраняет мне жизнь? Не затем ли, чтобы подвергнуть всем мыслимым мучениям? Почему, глаза мои, вы столь враждебны мне, что взираете на смерть того, чья жизнь была моим высшим наслаждением? О, лучше бы мне родиться слепой, чем терпеть от вас эту обиду! А вам, мой дорогой друг, дорогой д'Алегр, цвет французского рыцарства, разве пристало — если и вправду ваша любовь ко мне была так велика — лишать меня последнего утешения? Я надеялась, что умру на вашей нежной груди; что мои глаза закроет

ваша ласковая рука! Почему же вы похитили назначавшееся мне благо? Почему, жестокий, вы избрали себе легкую участь, а меня оставили страдать? О, сколь злым был рок, из вражды к вашей редкой добродетели приведший вас в эту страну, неблагодарные жители которой приняли вас совсем не так, как требовали ваши достоинства! А еще более несчастным был день вашего знакомства со мной, за которое вы слишком дорого заплатили. И все же природа вас вознаградила, в силу особой привилегии даровав возможность умереть тогда, когда вы этого пожелали. О несправедливая смерть, являющая мне здесь доказательство своей свирепости, почему ты не захотела мне помочь? Неужели для того, чтобы сделать меня виновницей горестной трагедии и обесславить мое имя в потомстве, которое вечно будет оплакивать этот несравненный цветок, увянувший из-за любви ко мне и сожженный жаром моего бедствия? О, я была бы стократ счастлива, если бы могла спасти его ценой моей гибели, как добросердая царица Фессалии, которая выкупила своего дорогого Аدمета, передав свою жизнь ему в наследство! Но судьба отказывает мне в этом благе и, желая окончательного моего уничтожения, более не ждет: недолго осталось мне быть рабой этого упрямого несчастья, ибо, чувствую я, близится моя кончина, открывающая мне восхитительный сад, где среди блаженных меня ждет мой д'Алегр, еще усталый и тяжело дышащий после ристания, в котором он меня опередил.

Кто видел голубя летом, когда он погружается в прохладный ключ, а затем плывет по воздуху на веслах крыльев, суша свои сверкающие перья в горячих лучах солнца, тот может представить себе очи несчастной Кларинды, которые то источали горькие слезы, то осушались пламенными воздыханиями, свидетельствуя со всей ясностью, что страдания, подобно злобным гончим, рвут ее на части, — пока яд, побеждая сопротивление природы, не начал разрушать прекрасное тело принцессы, возжигая в ее нежном сердце огонь, пылавший сильнее, чем негаснущее горнило сицилийской горы.

Ее голос (укрошавший своей нежностью любого строптивца) становился все глуше и глуше. Подобные небесным звездам очи, которые восхищали людей, озаряя их сердца тихим светом, заволакивала смертная пелена. Нежные ланиты, где неизменно цвели розы,

чело, где созидил свой рай Амур, уста, коими возглашал он свои оракулы, — все это поблекло и цветом стало неотлично от ее белоснежной шеи. И тело, которое еще недавно слыло сокровищницей красоты и храмом граций, простерлось, сокрушенное и сломленное суровой смертью. Так цветок, попавший под слишком жаркие солнечные лучи, поникает головой и увядает на своем стебле.

Увидев это, преданная камеристка, которая, будучи поверенной принцессы, обычно принимала участие в ее встречах с д'Алегром, а после того как случилась беда, тщетно старалась выходить госпожу, закричала как безумная, учинив смятение не только во дворце, но во всем городе, и так уже растревоженном смертью Адилонна. И это весьма удивило маркизу, заставшую по возвращении из Кремоны, куда она ездила отдать распоряжения о каких-то делах, всеобщий переполох. Она поспешила к себе домой, но когда вошла туда, то, лишившись чувств, пала на руки свиты, ибо увидела, что ее обожаемая дочь (сокровище, прославившее их род на всю Италию) лежит мертвая у подножия кровати, слив уста в поцелуе с бездыханным рыцарем.

Когда же маркиза пришла в себя и узнала от камеристки и Люцидана всю историю жизни и смерти двух влюбленных, ей не оставалось ничего иного, как оплакать это горестное событие, наполнив замок рыданиями и стонами. И, понимая, что помочь им нечем и что единственное, в чем нуждается их бедная плоть — это последняя постель, где ждет ее вечный покой, она велела похоронить их в склепе маркиза, куда и проводил влюбленных весь город, свидетельствующавший (и одеждami, и слезами) глубокую сердечную скорбь.

Так соединились в смерти те, кого в жизни прочно связала верная любовь. Поньше еще можно видеть на могиле их статуи, столь искусно изваянные из гранита, что если бы они двигались, их можно было бы счесть живыми. В самом деле, когда глядишь на эти печальные лица, думаешь, что лишь скорбь и тоска, сжимающая сердца влюбленных, мешает им говорить и сетовать на свою судьбу. Рыцарь опирается на правое колено, а под мышкой у него — обнаженная шпага, которая вытесана из крапчатой яшмы и оттого кажется окровавленной; он подносит принцессе яблоко из этого же камня (как если бы Адам вкушал Еву). За ними, с

прозенным плечом, Адилон (чье тело было увезено в его родной край): он льет на яблоко яд. Подле влюбленных черная колонна, на ней стоит Купидон, поправший одной ногой голову Фортуны, а другой — голову смерти; он увенчан короной с надписью «Победа побежденных», а в руках держит плиту из чистого золота, на которой можно прочитать:

Cor fuerat bini unum, mens una, viator,
Quarum nunc unus contegit ossa lapis.

Что на нашем языке означает:

Едины духом эти двое были,
И под одной плитой они почили.

Так начертано по-латыни, ибо латынь — преложительница всех наречий; внизу же к чести нашего французского языка сделана следующая надпись:

Яблоко, несчастный дар!
Роковою красотою
Древле ты зажгло пожар,
Обративший в пепел Трою.
А теперя твой злой обман
Погубил чету влюбленных:
Украшение двух стран,
Горной цепью разделенных.

Что думаете вы, досточтимые дамы и господа, об этой печальной и горестной истории? Мыслима ли более глубокая, более искренняя любовь? И со всем тем — могли ли влюбленные ожидать худшего воздаяния за свое чувство, притом совершенно незаслуженного, без всякой вины кого-либо из них? Этим и подтверждается мое мнение, согласно которому все несчастья происходят от превратностей судьбы. Таков закон дел человеческих: счастье и несчастье чередуются столь же неизбежно, как после дождя бывает солнце, а после солнца дождь; поэтому следует помнить, что колесо не перестает вращаться, и, возносясь наверх, ждуть падения вниз. Некоторые философы полагают даже, что больные счастливее здоровых: те ожидают выздоровления, а эти — болезни. Оттого-то благоразумный царь Египта расторг союз и договор с Поликратом, царем Самоса, который был так удачлив, что ни одно из его предприятий не

доставляло ему и малого огорчения: вспомнить хотя бы поимку рыбы, в чьем брюхе был найден бесценный перстень, нарочно брошенный в море этим баловнем судьбы, желавшим ощутить досаду и печаль. Египтянин же отверг его дружбу только потому, что знал: столь великое счастье не может не смениться столь же великой бедой. Так и случилось: спустя малое время счастливец лишился своего царства и позорно кончил жизнь на виселице. Приходят мне на память и слова Терамена, сказанные после того, как среди пира, где он был вместе с двадцатью девятью другими царями, дом рухнул и все, кроме него, погибли. Видя свою необычайную удачу, он вскричал: «О Юпитер, для какого несчастья ты меня бережешь?» По его примеру царь Македонии, слыша добрую весть, всякий раз молил богов оставить его счастье без внимания и смягчить бедствие, которого ему теперь следует ждать. Известно ведь, что у Юпитера, по словам мудрого поэта, есть два сосуда: один с благами, другой, гораздо больший, с напастями; и, проливая на смертных содержимое этих сосудов, он поступает как царь, угощающий свой народ питьем, в котором всегда больше воды, чем вина.

Итак, все мы должны ждать какого-нибудь несчастья, которое нас рано или поздно настигнет (что хорошо знал Солон, отказывавшийся называть кого бы то ни было счастливым, пока тот не умер), и Фортуна властвует в этом мире столь безраздельно, что справедливо именуется царицей и богиней: поэтому смеем ли мы думать, что ее суд, для которого нет ничего святого, не властен и над любовью? Я, впрочем, не хочу признать, что он в силах ее угасить, ибо любовь вечна и, побеждая земные законы, торжествует над смертью в венце нетленного бытия. Свидетельство этому — ярчайшие созвездия Персея и Андромеды, Вакха и Ариадны и многих других, чья любовь осияла небеса. Нельзя забыть и тех, которые нисходят в преисподнюю (о чем рассказала душа влюбленного Поликсена). Но эта мачеха Фортуна всячески препятствует благому стремлению любящих, муча и тираня их различными бедствиями. Так подрезают крылья птице, чтобы лишить ее природного совершенства. Однако смею утверждать, что Фортуна, подобно молнии, поражающей наиболее высокие вершины, обычно ополчается только против истинно сильной любви и, пренебрегая борьбой с

доживными противниками, ищет славы в одолении тех, кто возвышается над другими.

— Воистину так! — отвечала мадемуазель Мари. — Но чем вы на сей раз оправдываете порочность мужчин? Ведь из вашего рассказа явствует, что причиной этого ужасного несчастья стала их ревность. Вы поневоле должны осудить или скудоумие сеньора д'Алегра, который так слепо доверился Адилону, что, право же, заслуживал быть обманутым, если бы от этого пострадал только он сам, — или злокозненность его бессердечного приятеля, который, мстя врагу, умертвил собственную возлюбленную. Хотя любовь не терпит товарищества, мне думается, что если бы эти два дворянина прониклись теплом дружеского чувства, они были бы уступчивей и поладили между собой, как два греческих государя, которые прибегали к переговорам в любовных делах, не превращая любовь в противницу дружбы, ибо они родные сестры.

На это съёр де Бель-Акей возразил:

— Я согласен, сударыня, подобное и вправду случилось в древности, когда люди были так добры, что не только возлюбленную могли отдать по чьей-нибудь просьбе, но отказывались даже от жены, как Катон, сделавший это ради своего врага Гортензия, хотя тот не смел его просить. Тогда было признано, что у друзей все должно быть общим, — правда, скифы не включали сюда меч и чашу. Однако этот род людей вымер, и никто в наши дни не пожелал бы вести себя как великий воин, который поклялся вовек не сражаться, когда царь у него отнял его любимую Бризеиду, и все же нарушил данную клятву ради своего друга Патрокла, доказав этим, что дружба более властна над ним, чем любовь. И потому, как ни достоин осуждения поступок Адилона, я осудил бы принца еще сильнее, если бы он малодушно отступился от своей добычи. Так что, сударыня, прошу вас довольствоваться моей снисходительностью к принцессе, ибо я не ставлю ей в вину легкомыслие, с которым она покинула старого почитателя ради нового — чужеземца и человека неизвестного.

— Я не намерена, — смеясь ответила мадемуазель Мари, — с вами спорить: ведь вы решили внять разуму, заглаживая проступок сеньора Флер-д'Амура и воздавая наконец хвалу дамам, — ее, без сомнения, снискали им ваш рассказ и прекрасная Кларинда, достой-

ная жалости не только потому, что была отравлена возлюбленным, но и потому, что вместо утешения, которого она ждала среди ужасных страданий, ей пришлось воочию видеть прискорбную смерть того, чья жизнь была ее единственной отрадой. Его же я почитаю счастливецом не только потому, что он сподобился столь славной участи, как смерть от любви, но и потому, что имел несравненную свидетельницу искренности его чувства. И если избавление от зла должно называть благом, то этот влюбленный, полагаю я, истинно блажен, ибо вследствие своей смерти он избавился от величайшего зла, не увидев смерти возлюбленной. Так, Никокл, который вместе со своим лучшим другом Фокионом был приговорен выпить яд, хотел пить первым, а Фокион (никогда в жизни не отказывавший другу), согласился с ним и в смертный час, хотя это было ему горше всякого яда.

Когда она кончила, владелица замка распорядилась, чтобы дворецкий велел накрывать стол для ужина, и они просят у нас позволения туда идти.

СЕНЬОР ДЕ ШОЛЬЕР

ИЗ «ДЕВЯТИ УТРЕННИХ БЕСЕД»
И «ПОСЛЕПОЛУДЕННЫХ БЕСЕД»

О НЕКОЕМ КАСТРАТЕ

адо вам знать, что этот самый метр Никола взял в жены даму, которой отсутствие бороды не внушило никаких опасений; а ведь мужчина без бороды — что музыкант без рожка, — дуди не дуди, а толку — чуть!

Впрочем, как только он принялся заниматься с ней любовью, тут же и выяснилось, что всадникам вроде него на лошадку не взобраться! Вышедши замуж эдаким образом и уразумев, что к чему, она посчитала себя обделенной — и была права: ей, можно сказать, вручили кошелек, а внутри-то было пусто. Ее так называемый муженек в двери-то ломился рьяно, да запоры были для него чересчур крепки. Он же мерил жену на свой аршин и полагал, что раз уж он взял на себя столь тяжкий труд, то нечего и ей нос от него воротить, — пусть разделит с ним работу, тем паче, что в работе этой он находил не так уж много вкуса.

Протерпев, елико возможно, потуги и посулы супруга, дама, распаленная его авансами, взяла да и завела себе любовника, и уж он-то полностью заменил ей мессира Никола, которого сколько ни тряси, все равно ничего путного не вытрясешь. Так вот, для того, чтобы восполнить недостачу, она и завела знакомство, сеньор доктор, с одним, э-э... ну, да вы его не знаете. Этот ее милый оказался весьма прытким, и два месяца спустя добронравная дама убедилась, что она с прибылью, —

то-то было слез да огорчений, — только не со стороны метра Никола, который от радости раздулся, как жаба. Спустия девять лун пришла пора собирать урожай с посева — и дама разрешилась от бремени красивой девочкой. Узнав об этом, все только руками развели: «Чудеса, да и только!» — а с течением времени люди стали поговаривать, что метр Никола тут, собственно, *dominus non sunt*¹ и что ежели хорошенько обмозговать дельце, то выходит, что его женушкой пользовался не он один. Некоторые особенно злобствовали, видя, как адвоката обводят вокруг пальца, и весьма резонно ему доказывали, что сия монетка — не из его кошны. И подобными доводами так его настропалили, что едва его жена оправилась от родов, как он начал дурно с нею обращаться, осыпать попреками и чуть было не выгнал из дому. Родители ее бросились на защиту и сумели уладить дело настолько, что метр Никола приутих и сменил гнев на милость, однако, когда девочке пошел тринадцатый год, он решил раз и навсегда от нее откреститься и не давать ей приданого, с каковой целью и заявил жене, что он не признает девочку своею дочерью и посему не видать ей ни лиарда из его состояния. Вот и представьте себе печаль и злополучие женщины, очутившейся в таком положении. У метра Никола с его безволосой физиономией на ту пору явилась мысль подышать деревенским воздухом; он отправил за собою и свое семейство, думая, что вдали от города все как-нибудь образуется; но ничуть не бывало! Его жена держала довольно смазливую горничную, с которой метр Никола как-то попытался взимать недоимки, задержанные ему супругой, но тут кто-то некстати помешал ему на полдороге. Горничная пожаловалась хозяйке на бесчестье, которое хотели ей учинить, и просила ее заступиться.

— Напротив, — ответила та, — соглашайся на все, что он от тебя хочет; я потом выдам тебя замуж за моего лакея и свадьбу тебе справлю честь честью, если ты поведешь дело так, как я тебе укажу, и поддашься моему мужу, — да не бойся ничего, с ним ты, как была, так и останешься девицей.

Затем она позвала своего лакея и так его разохотила всякими обещаниями и посулами, что он не успокоился

---

¹ Ни при чем (*лат.*).

до тех пор, пока не опрокинул горничную. И так уж он постарался, что вскорости начало ее во все стороны разносить. Метр Никола, который также пригубил от этой чарки, забыл и думать о своей жене, — а та, распознав беременность, берет горничную в оборот и, вытянув из нее правду, заверяет, что, хоть она и побранит ее, но слово сдержит — при одном условии: пусть та объявит метра Никола отцом ребенка. Горничная ей это торжественно обещает. Заручившись ее клятвой, хозяйка принимается весьма ловко за дело. Однажды, улучив момент, когда ее супруг пошел прогуляться за лье от дома, она позвала трех или четырех соседок и давай им плакаться, какую скверную и подлую штуку сыграла с нею ее горничная; зовут ту, хозяйка на нее накидывается и бранит на все корки, крича, что сквернавка устроила в ее доме бордель. Поняв ее замысел, плутовка-горничная охотно созналась во всех грехах и, бросившись на колени, стала молить свою хозяйку о прощении, но от той так дешево не отделаешься — не говоря уж о том, что ей хотелось посмаковать грешок, вся штука была в том, чтобы заставить хозяина признать ребенка. Итак, хозяйка налегла покрепче на горничную, подхватившую столь странную водянку, и та в конце концов — вдоволь поломавшись и нарыдавшись — объявила, что ребенком ее наградил хозяин — Никола Мерин.

— Да ты лжешь, подлая! — кричит ей хозяйка. — У него не может быть детей, с чего бы это они у него взялись?!

Горничная, однако, упорно стояла на своем. Тогда, чтобы вконец заморочить свидетелей, хозяйка притворилась, что она вне себя от гнева и негодования и хочет прибить послушницу. Словом, когда метр Никола переступил порог своего дома, он застал там полный кавардак, — горничную в растерзанном виде, а супругу свою в таком раже, что она и говорить не могла.

— Да что тут у вас стряслось?

Тут-то хозяйка и раскрыла рот, и от метра Никола только клочья полетели:

— Ах ты, подлый кастрат! Ты все ныл, что никак с женой не сладишь, — хорошо же ты доказал это на моей горничной! Родной дочери хлеба пожалел, а на стороне байстрюков приживаешь?!

Женины подружки также на него насели, и тут уж языкам работа нашлась! Бедняга от бабьей трескотни так ошалел, что, и будь он взаправду мужчиной, он бы от одного визга евнухом стал.

Сперва он решил прикинуться дурачком и принял было невинный вид, но горничная представила такие доказательства дела, — как, где и когда, — что бедный наш Мерин совсем затих, прикусил язык и во избежание большего скандала признал, что преступление, в коем его обвиняли, совершил он.

Таким образом, дело было почти слажено, но его жена и тут не успокоилась и довела мужа до того, что он сам стал ее упрашивать выдать горничную за их лакея; и тут, поломавшись для виду, она дала наконец согласие справить свадьбу этих двух плутов, — разумеется, на денежки своего мужа, которого она столь хитроумно вынудила признать ее дочь.

КОММЕНТАРИИ

СТО НОВЫХ НОВЕЛЛ

Книга написана в 1456—1467 годах в Брабанте при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго (1396—1467). Авторство ее приписывалось разным лицам, в том числе даже королю Людовику XI. Впервые издана в 1486 году, затем много раз переиздавалась. Перевод выполнен в середине 30-х годов известным советским филологом Б. И. Ярхо (1889—1942) для издательства «Academia», видимо, по первому критическому изданию сборника, подготовленному Полем Лакруа (библиофилом Жакобом): *Les Cent nouvelles nouvelles dites les Cent nouvelles du roi Louis XI / Nouvelle édition par P. L. Jacob bibliophile. Paris, 1858.* Издание на русском языке осуществлено не было (в 1906 г. выходил очень неточный и слабый в литературном отношении перевод).

Стр. 39. Новелла XIV. — По сюжету эта новелла близка к одному из рассказов «Декамерона» (IV, 2).

Креки — Жан, сир де Креки (ум. после 1469 г.), приближенный герцога Бургундского.

Уш — небольшая речка в Бургундии, приток Соны.

Стр. 44. *Монсеньор де ла Бард* — Жан д'Эстюйе (ум. ок. 1488 г.), постельничий Людовика XI. Он исполнял многочисленные дипломатические поручения короля и занимал ряд важных государственных должностей, в частности был губернатором Перпиньяна.

Стр. 51. *Монсеньор де ла Рош* — Филипп По (1428—1494), один из советников герцога Бургундского Карла Смелого, затем французского короля Людовика XI. Де ла Рошу приписаны в сборнике двенадцать новелл, видимо, поэтому его считали одним из авторов книги.

«*Матеолз*». — Имеется в виду «Книга Матеолуса», стихотворная сатира на женщин, написанная в начале XIV в. Жаном Лефевром (ум. в 1390 г.), епископом Теруэна. Эта книга, восходящая к анонимной латинской поэме XIII в. «Жалобы Матвея», была очень популярна на исходе средневековья и не раз издавалась.

Ювенал. — В данном случае имеется в виду VI сатира древнеримского поэта.

Стр. 52. *Опасность* — типичный персонаж средневековой литературы, олицетворение тех сил, которые противостоят влюбленным; встречающийся в лирике, этот образ наиболее разработан в «Романе о Розе», аллегорической поэме XIII в., очень популярной на протяжении нескольких столетий.

Стр. 55. *Новелла L.* — Ее сюжет, по всей вероятности, заимствован из сборника новелл Франко Саккетти (нов. 14), а также из «Фацетий» Поджо Браччолини.

Де ла Саль Антуан (1390—1464) — самый крупный французский прозаик XV в., автор романа «Маленький Жан из Сантре». Ему приписывались многие анонимные произведения эпохи, в том числе «Пятнадцать радостей брака» и «Сто новых новелл». Ла Саль был одно время в окружении Филиппа Доброго и, возможно, редактировал книгу новелл.

...в Ланской земле... — то есть в окрестностях города Лана, в 140 км. от Парижа, на границе Иль-де-Франс и Пикардии.

Стр. 57. *Монсенор де Вилье* Антуан — главный конюший герцога Филиппа Доброго; позже он состоял на службе у Людовика XI. В «Ста новых новеллах» Антуану де Вилье приписано шесть новелл.

Стр. 59. *Новелла XCVI.* — Ни в дошедших до нас рукописях сборника, ни в первых печатных изданиях рассказчик этой новеллы не назван. Сюжет ее восходит к известному фавлю Рютбёфа (ок. 1230—1285) «Завещание осла» и к «Фацетиям» Поджо Браччолини.

Стр. 60. *Пресвитер* — католический священник, настоятель собора.

Стр. 61. *Официал* — назначаемый епископом чинов-

ник, который должен был рассматривать спорные дела перед передачей их на суд епископу (в средневековой Европе епископы занимались и судопроизводством).

Промотор — особый чиновник при епископе, кардинале и прочих духовных лицах высокого ранга, подготавливавший к рассмотрению дела в церковном суде.

Нотарий — чиновник, исполнявший при епископе обязанности, связанные с ведением различных дел (аналогичен нотариусу в гражданском судопроизводстве).

Филипп де Виньёлл

СТО НОВЫХ НОВЕЛЛ

Книга, над которой автор работал в 1505—1515 годах, несколько веков оставалась неопубликованной. Американский исследователь Ч. Ливингстон публиковал из нее отдельные новеллы в различных научных изданиях в 1923—1938 годах. Полностью сборник опубликован в 1972 году: *Philippe de Vigneulles. Les Cent nouvelles nouvelles / Editées par Ch. Livingston. Genève, 1972.* Перевод выполнен по этому изданию.

Стр. 62. *Кордельеры* — монахи одного из самых распространенных нищенствующих орденов (другое название — францисканцы), основанного Франциском Ассизским в 1209 г. Кордельеры ходили нередко босиком и подпоясывали рясы простой веревкой (откуда и название).

Benedicite — «благословите» (л а т.), начало многих католических молитв.

Стр. 63. *...исповедь Лиса...* — Намек на один из эпизодов средневекового французского «Романа о Лисе» (конец XII — начало XIII в.), яркого памятника сатирической литературы, где под видом мира животных изображена феодальная действительность.

Стр. 65. *Жеан Клере*. — Этот персонаж действительно существовал и был довольно известным проповедником на рубеже XV и XVI вв.; Филипп упоминает его и в своей «Хронике», где указывает, что тот проповедовал в Меце между 1495 и 1502 гг.

Орден Проповедников — один из монашеских орденов, основной обязанностью членов которого была проповедническая деятельность.

Стр. 69. *Богоматерь Ошская* — весьма чтимое изображение Богоматери в соборе города Ош (департамент Жер).

Богоматерь Рабасская — изображение Богоматери в небольшой церкви деревни Рабас, недалеко от Меца.

Стр. 70. *Жерар Тульский* — почитаемое изображение св. Жерара в соборе лотарингского города Туля.

Стр. 71. *Вьени* — старинная французская «земля» на западе страны с такими городами, как Пуатье и Лимож.

Стр. 74. *Май* — французская монета низкого достоинства, примерно равнявшаяся половине денье, основной денежной единицы средневековой Франции. Май чеканился в XIII—XV в.

Барруа — небольшое графство, затем герцогство, расположенное между Лотарингией и Шампанью; начиная с XV в. находилось в союзе с Лотарингским герцогством; главный город — Бар-ле-Дюк.

Стр. 75. *Талья* — основной налог в средневековой Франции.

...бриейский... — то есть из небольшого городка Брией на севере Лотарингии.

Стр. 78. *Ипокрас* — очень распространенное в средние века подслащенное вино, в которое добавляли также корицу.

Гро — серебряная монета достоинством в несколько денье; так, турецкий гро, чеканившийся в XIII в., равнялся двенадцати денье.

Су — монета, приблизительно равная двенадцати денье; значительно позже «су» стали называть монету, равную $\frac{1}{20}$ франка.

Стр. 84. *...кончины папы римского Павла...* — Речь идет о папе римском Павле II, чей понтификат приходился на 1464—1471 гг.

Марвиль — небольшой городок в Лотарингии.

Плезанс — французское название итальянского города Пьяченцы, находящегося недалеко от Милана.

Стр. 85. *Алессандрия* — город в северной Италии.

Стр. 88. *Рейнские флорины* — синоним гульденов, золотой высокопробной монеты, чеканившейся в средние века в немецких землях.

Стр. 89. *Дукат* — золотая венецианская монета высокого достоинства; чеканилась с 1284 г.

Стр. 91. *Байокко* — мелкая итальянская медная монета; чеканилась с середины XV в.

Книга была завершена около 1536 года. Из рукописи Никола де Труа первый том утрачен, сохранился лишь второй, в который входит 180 новелл. Ни при жизни автора, ни в последующие два столетия сборник не издавался. Частично опубликован в 1866 и 1869 годах Эмилем Мабилем. Критическое издание осуществлено Кристиной Каспржык; *Nicolas de Troyes. Le Grand parangon des nouvelles nouvelles / Edition critique par K. Kasprzyk. Paris, 1977.* Перевод выполнен по этому изданию.

Стр. 92. «Б р ю х а т ы й м у ж». — По сюжету эта новелла отдаленно напоминает одну из новелл «Декамерона» (IX, 3).

Жеан Дюбуа — видимо, кто-то из современников Никола де Труа.

Стр. 99. «М у ж п о б и т ы й, н о д о в о л ь н ы й». — Сюжет этой новеллы также восходит к «Декамерону» (VI, 7), хотя у Боккаччо действие происходит в Болонье; помимо этого, у Никола де Труа фигурирует сводня, которой у Боккаччо нет.

Жемчужина с моста — по-видимому, прозвище, понятное лишь современникам автора (как и в ряде других случаев).

Перпиньян — город на юго-западе Франции, в Русильоне (был столицей этой старинной провинции), на границе с Испанией.

Стр. 105. «О д у р а ч е н н ы й д ь я в о л и н е в е д о м ы й з в е р ь». — Этот сюжет довольно распространен в фольклоре многих народов, встречается, например, в русских народных сказках.

Лангедок — юго-восточная провинция Франции.

Стр. 108. «К о р о л ь и а б б а т». — Сюжет этой новеллы встречается в народных сказках разных стран, а также во французском фарсе начала XVI в. «Новый превосходный фарс о мельнике и дворянине».

Пьер де Ролле — кто-то из современников Никола де Труа.

Стр. 111. *Жеан Гю с моста* — видимо, какой-то земляк автора.

Стр. 113. «О с м е я н н ы й в л ю б л е н н ы й». — По своему содержанию новелла отдаленно напоминает одно по-

пулярное фаблио XIII в. «О священнике и об Ализон», новеллу «Декамерона» (VIII, 4) и еще целый ряд других произведений. Мотив подмены молодой девушки старухой встречается уже в древнеримской литературе, в том числе у Плавта.

Ла-Фер — небольшой городок в Пикардии, на северо-востоке Франции.

Стр. 116. «Д о б р ы е ш у т к и». — По сюжету новелла отдаленно напоминает один из латинских «примеров» Жака де Витри (ум. ок. 1240), популярного французского средневекового писателя-моралиста, известное фаблио Жана Боделя «О Буренке, поповской корове» (первая половина XIII в.), новеллу Саккетти (нов. 134) и т. д.

Сеньор де Бовуа — лицо неустановленное.

Стр. 118. *Саркотский лес* — лесной массив в окрестностях Орлеана.

Стр. 119. «М у ж - с в о д н и к». — Начало новеллы очень близко к началу 28-й новеллы из сборника «Сто новых новелл».

Стр. 123. *Родос* — остров в Средиземном море, важный перевалочный пункт в торговле средневековой Европы с восточными странами.

Стр. 126. *Монфокоп*. — Это место, где в XIII в. находилась виселица, было расположено вне парижских стен, на северо-восточной окраине города.

Лоран Жиру — видимо, современник Никола де Труа; его имя (или имя однофамильца?) встречается в архивных документах Турени XVI в.

Сантьяго-де-Компостелла — город в Галисии (на северо-западе Испании), где в XII в. был воздвигнут существующий и ныне собор, к которому стекались паломники со всей Европы, так как здесь хранились реликвии святого Иакова, самого почитаемого в Испании христианского святого.

Стр. 127. *Дамá* — изготовлявшаяся в Дамаске и ввозившаяся в Европу дорогая шелковая материя с вытканными на ней цветами.

Буасо — старая мера сыпучих тел, примерно равная 13 литрам.

Стр. 128. «П р и к л ю ч е н и я к о р о л е й Ф р а н ц и и н а о х о т е». — В этой новелле соединены рассказы о трех французских королях (причем о Людовике XII сообщается две истории). Мотивы рассказа о Людовике IX есть в немецкой поэме XIII в. «Соломон и Морольф» и в «Ста

новых новеллах» (нов. 75). Два рассказа о Людовике XII имеют ряд параллелей в фольклоре. Рассказ о Франциске I таких параллелей не имеет.

Виллье. — С таким именем есть рассказчик в «Ста новых новеллах» (см. примеч. к с. 57).

Людовик Святой — французский король Людовик IX, правивший с 1226 по 1270 г.

Мелен — небольшой город в 40 км. на юго-восток от Парижа.

Фонтенбло — старинная резиденция французских королей, километрах в 12 от Мелена. Основная часть сохранившегося до наших дней дворца построена при Франциске I. Между Меленом и Фонтенбло расположен большой лесной массив, место королевской охоты в XVI в.

Стр. 129. *Людовик XII* — французский король с 1498 по 1515 г. О нем ходило немало легенд, где он изображался добрым и справедливым монархом, и он носил прозвание «Отца народа».

Стр. 130. *Блуа* — замок на Луаре, одна из резиденций французских королей.

Су — см. примеч. к стр. 78.

Пьер д'Амбуаз. — Возможно, имеется в виду Жорж д'Амбуаз (1460—1510), кардинал и политический деятель, один из советников Людовика XII.

Стр. 132. *Франциск* — французский король с 1515 по 1547 г. Его простые нравы и доступность для людей любого звания породили немало легенд.

Сен-Жермен-ан-Лэ — королевский дворец в окрестностях Парижа. Окружен большим лесом, где любил охотиться король Франциск.

Стр. 134. *Турнель* — небольшой королевский дворец в Париже, на бывшей Королевской площади (ныне площадь Вогезов). Не сохранился.

Клод (1499—1524) — дочь Людовика XII, жена Франциска I.

Стр. 135. *Господин Шодри с моста* — кто-то из земляков Никола де Труа.

Стр. 136. *Беляк* — монета, соответствующая пяти денье, то есть невысокого достоинства.

Стр. 137. «Три справедливых решения». — Сходный сюжет есть среди «примеров» из «Наставления клирику» Петра Альфонси, латинского дидактического сочинения первой половины XII в., и в его различных французских средневековых переводах и переработках.

Жеан Испанец — какой-то современник автора.

Стр. 142. *Монсеньор Де Крепи* — современник Никола де Труа; ему приписаны в книге шесть новелл.

Стр. 145. *Святой Лу* — католический святой, епископ Труа (ум. в 479 г.).

Стр. 147. *Жеан де Куси* — современник и земляк Никола де Труа, упоминается в ряде документов эпохи.

Бонавантур Деперье

НОВЫЕ ЗАБАВЫ И ВЕСЕЛЫЕ РАЗГОВОРЫ

Книга, очевидно, была написана в 1532—1538 годах, когда автор входил в личный штат Маргариты Наваррской. Издана посмертно в 1558 году. В сборнике было 90 новелл. Во второй половине века (начиная с 1569 года) появилось несколько новых изданий, где число новелл было увеличено до 129. Однако эти дополнительные новеллы, как показали исследователи, не принадлежат Деперье. Впрочем, на протяжении XVI и XVII веков авторство Деперье вообще иногда бралось под сомнение, и книгу приписывали его современникам и друзьям Жаку Пеллетье и Никола Денизо. В настоящее время авторство Деперье относительно 90 «основных» новелл не берется под сомнение. Перевод В. И. Пикова, выпущенный издательством «Academia» в 1936 году, осуществлен по изданию Поля Лакруа: *V. Des Périers. Les Nouvelles Récréations et Joyeux Devis /éd. par P. Lacroix. Paris, 1858.*

Стр. 151. *Кайет* — шут при дворе короля Франциска I.

...государя... — то есть короля Франциска.

Шталмейстер — в феодальной Европе — королевский конюший.

...как апостол Петр... — Намек на евангельский рассказ о том, как ученик Иисуса Петр трижды отрекался от своего учителя (Ев. от Матф., XXVI, 69—75; Ев. от Марка, XIV, 66—72; Ев. от Луки, XXII, 54—62; Ев. от Иоанна, XXVIII, 16—18, 25—27).

Стр. 152. *Трибуле* (ум. ок. 1528 г.) — известный шут при дворах королей Людовика XII и Франциска I.

Дядька — воспитатель королевских шутов; такая должность, по-видимому, действительно существовала при французском дворе.

Стр. 153. *Полит*. — Имя этого шута не фигурирует в до-

кументах эпохи; ученые предполагают, что он состоял не при королевском дворе. Рассказанная о нем история имеет аналогию в новелле 99 «Ста новых новелл».

Бургейль — небольшой городок в Турени, в центре Франции.

...на все двадцать пять каратов... — то есть абсолютнейшими дураками (золото высшей пробы определялось в двадцать четыре карата).

Стр. 156 *...насье и триори...* — старинные бретонские танцы.

...с теми бретонками... — Эта шутка основана на одинаковом написании и произношении старого названия жителей Бретани, длинной шпаги и кокетливых женщин (bretes).

...уплачено за оглашение... — В феодальной Франции разрешение на заключение брака выдавал епископ (или помогающий ему викарий); перед бракосочетанием полагалось делать в церкви «оглашение», то есть объявление о предстоящем браке, дабы можно было заранее отменить церемонию, если бы она вдруг оказалась незаконной (если кто-то из брачующихся уже состоял в браке и т. д.).

Стр. 157. Экю — большая золотая монета.

Барбара — общеутвердительный силлогизм в формальной логике.

Стр. 158 *...сказано в «Пантагрюэле».* — Деперье имеет в виду следующее место из «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле (кн. III, гл. XXVIII): «Если ты окажешься рогоносцем, ерго жена твоя будет красива; ерго она будет с тобой хорошо обходиться; ерго у тебя будет много друзей; ерго ты спасешь свою душу» (слова брата Жана, обращенные к Панургу).

Quosinqe — термин, обозначающий обряд пострижения.

Бенефиция — доход, связанный с занятием какой-либо церковной должности.

Requiet — заупокойная служба.

Veata — месса, посвященная Богоматери.

Стр. 160. *Косская речь* — то есть наречие одной из областей Нормандии («земли» Косс).

Парламентский прокурор — судейский чиновник при местном парламенте, в средние века органе городского самоуправления и судопроизводства.

Стр. 161. *Аркейль* — небольшая деревня недалеко от Парижа, на реке Бьевр, впадающей в Сену.

Стр. 163. *Шателле* — старинная крепость в Париже, в центре города на правом берегу Сены; служила местом разбирательства уголовных дел и тюрьмой.

Баньо — небольшой городок на Сене.

Стр. 166. *Лиард* — французская серебряная монета низкой пробы; чеканилась со второй половины XV в.

Стр. 167. *Аламбик* — небольшая реторта для перегонки жидкостей.

Мария-Пророчица — библейский персонаж, Мариам, сестра Моисея и Аарона. Ей в средние века приписывали составление латинского трактата «О философском камне», и поэтому она весьма почиталась алхимиками.

Соломон — древнееврейский царь, правивший в X в. до н. э.; библейская традиция приписывает ему особую мудрость.

Венсенский лес — обширный лесной массив на восток от Парижа.

Стр. 168. *Замазка мудрости* — смесь, употреблявшаяся алхимиками при их опытах; якобы открыта Гермесом Трисмегистом, покровителем алхимиков.

Стр. 171 ...*черти, которые хуже свиней*. — Видимо, намек на евангельский рассказ о том, как Иисус Христос вселил бесов в стадо свиней, которые кинулись в море и потонули (Ев. от Марка, V, 11—13).

Стр. 172. *В Париже по Сене три лодки плывут...* — Очевидно, первые слова когда-то популярной народной песни.

Круа-дю-Тируар — парижский перекресток, на котором в старину стоял позорный столб (а может быть, располагался небольшой рынок).

Биллонный — то есть изготовленный из серебра невысокой пробы; из такого металла обычно чеканилась мелкая разменная монета.

Стр. 174. *Анжер* — город на Луаре, старинная столица провинции Анжу.

Пьер Фефе — герой комической поэмы Шарля де Бурдинье «Веселая легенда о метре Пьере Фефе», изданной в Анжере в 1532 г.

Вийоновские фокусы — то есть мошенничества и грабежи (по имени знаменитого поэта Франсуа Вийона, который был хорошо знаком с представителями преступного мира своего времени и, видимо, сам порой принимал участие в уличных драках и даже разбое).

Пройдоха сметливый и прыткий — своеобразная пародия (скорее подражание) на известное сатирическое стихотворение Клемана Маро «Баллада о брате Любене».

Ла-Флеш — небольшой город в северной части провинции Анжу.

...пользовался славой седого волка... — то есть старого волка, поседевшего на кражах.

Стр. 175. *...похож на святого Георгия верхом на кобыле!* — Святой Георгий в христианской иконографии всегда изображается верхом на коне и с копьем в руке.

Стр. 177. *Конданада* — старинная азартная карточная игра.

Мен — старинная французская провинция, граничащая с провинцией Анжу.

Прево — основной полицейский чин с весьма широкими функциями в средневековой Франции.

Мельяр Жиль — известный парижский судья первой половины XVI в., отличался быстротой и суровостью своих решений.

...под Павией... — то есть во время рокового для Франции сражения, когда армия Франциска I была разбита войсками императора Карла V и сам французский король был взят в плен (1525 г.).

Лорж Жак — военачальник Франциска I.

Де Лотрек (ум. в 1528 г.) — Оде де Фуа, сеньор де Лотрек, французский военачальник, принимавший участие почти во всех войнах Франциска I.

...во время осады Милана... — то есть во время одного из эпизодов так называемых итальянских войн, которые вели с Испанией за преобладание в северной Италии французские короли Карл VIII, Людовик XII и Франциск I.

Стр. 178. *Понтале Жан д'Эпин* — прославленный французский актер, режиссер и, видимо, драматург первой половины XVI в.; получил известность изобретательными постановками моралите, мистерий и фарсов, в которых играл главные роли.

Брат Круазе — персонаж одной из новелл Деперье, монах, постоянная жертва розыгрышей пажей.

Стр. 181. *Албанские шляпы* — шляпы с высокой тульей, напоминающие сахарные головы; назывались так потому, что их носили наемные солдаты-албанцы.

Стр. 182. *Бру* — небольшой городок близ Шартра.

Брионский — по названию города Брион в Нормандии.

Ланселот — герой средневековых легенд и романов,

приближенный короля Артура, возлюбленный его жены королевы Генъевры.

Тристан — герой популярной средневековой легенды, повествующей о его любви к Изольде, ирландской принцессе, жене его дяди короля Марка.

Антифон — церковное песнопение, исполняемое хором, разделенном на две половины, поющие попеременно.

Kyrie, Agnus Dei — слова из католических молитв.

Пилат — прокуратор (наместник) Иудеи, судивший Иисуса Христа.

Шатодюн — город в долине Луары.

Стр. 183. *Каиафа* — первосвященник Иудеи, в доме которого было решено взять Иисуса Христа под стражу и предать суду.

Стр. 184. *Ле-Ман* — главный город провинции Мен.

Стр. 186. *Катон*. — Имеется в виду очень популярный в средние века латинский сборник моральных изречений и наставлений, составленный в IV в.

«De syntaxi» — «О синтаксисе» — учебное пособие по латинскому языку Жана Депотера, впервые изданное в 1513 г.

«Fauste precor gelida» — начало первой эклоги итальянского латиноязычного поэта Мантуануса, пользовавшегося большой популярностью в Европе XVI в.

Стр. 189. *Руэрг* — старинная французская область («земля») в провинции Овернь.

Стр. 190. ...к английскому королю... — то есть к Генриху VIII (1509—1547), поддерживавшему императора Карла V в его войнах с Франциском I.

Там же, в Пуатье... — В предыдущей новелле рассказывалось об одном дворянине из Пуатье.

Стр. 191. ...любил оставлять себе на знамя... — то есть на знамя цеха портных.

Стр. 194. ...хоть она и была оса... — Осами в старой Франции называли за злоязычие жителей Орлеана.

Стр. 196. *Трюбер*. — Это имя героя одноименного фаблио XIII в., рассказывающего о каверзах и плутнях деревенского парня Трюбера.

Стр. 197. *Актуариус* — то есть судебный исполнитель.

Стр. 198. *Стриж*. — Так называли школяров, постоянно переходивших из одного учебного заведения в другое.

Малый мост. — Этот парижский мост соединяет Латинский квартал с островом Ситэ.

Жоан — обидная кличка (от прозвища слуг школьных учителей).

Стр. 199. *Галошник* — кличка состоятельных школяров, носивших специальные туфли, надевавшиеся поверх обычных башмаков, что позволяло им ходить по парижским улицам, вечно утопавшим в грязи.

Стр. 200. *Алекто, Мегера, Тезифона* — имена трех Эриний, богинь мщения и хранительниц кровных уз материнского рода в древнегреческой мифологии.

Калепин — латинский словарь, составленный в конце XV в. Амброзием Калепинусом.

Стр. 201. *Коллеж Монтегю* — основанный в 1314 г. парижский коллеж, ученики которого славились своим плохим поведением и нечистоплотностью.

...*по бекар и бемоль*... — то есть натуральным дураком; здесь употреблена в переносном смысле музыкальная терминология: согласно средневековой теории музыки, натуральной считалась гамма с переходом от минорных к мажорным тонам через бемоль и бекар.

Стр. 202. *Гревский ангел* — возможно, висельник (по названию Гревской площади в Париже, где совершались казни).

Стр. 203. *Гареа, Фрементин, Брише, Кастен* — клички волов по цвету их шерсти (соответственно пестрый, пшеничный, рыжий, каштановый).

Стр. 205. *Шательро* — небольшой город в 32 км. от Пуатье.

Колокольня святого Илария — одна из самых высоких колоколен в Пуатье.

Стр. 206. *Диссе* — небольшое селение в 20 км. от Пуатье.

Пойте — название Пуатье на местном наречии.

Босс — старинная область («земля») в районе Орлеана с главным городом Шартром. Благоприятные условия для сельского хозяйства привели к большому наплыву населения, в результате чего не только крестьянские надель, но и дворянские землевладения становились все меньше; это породило немало поговорок и шуток о бедности и жадности местных жителей.

Коделе — так называлась похлебка, которой в старину угощали новобрачную.

Стр. 207. *Новелла LXXIII*. — Сходный сюжет есть в одном из рассказов «Ста новых новелл» (нов. 83).

«*Беленькие*» — см. примеч. к с. 135.

Бо-Лье — небольшой городок в Оверни.

Каноник — священник при соборе.

Стр. 208. ...как король под Аррасом, стрелявший до последнего заряда... — Имеется в виду французский король Людовик XI, который в 1477 г. осадил город Аррас (принадлежавший тогда Габсбургам), подверг его сильному артиллерийскому обстрелу и овладел им.

Стр. 209. *Камблес*. — Вероятно, имеется в виду Кандавл, легендарный царь Лидии, на которого разгневанные на него боги наслали нестерпимый голод, настолько сильный, что однажды ночью царь съел свою жену.

...забавляться с манекенами... — то есть предаваться любовным утехам (происхождение выражения неясно).

Стр. 212. *Тревизанский танец* — эротический намек (почему здесь упомянут итальянский город Тревизо — неясно).

Стр. 213. *Кладбище святого Иннокентия* — одно из старинных парижских кладбищ; ныне не существует.

Стригуны — отрезыватели кошельков. Во времена Деперье кошельки завязывались специальными шнурками и подвешивались на поясе.

Стр. 214. ...хотя и носят вопреки своему уставу деньги... — Монахам нищенствующих орденов запрещалось иметь при себе деньги.

Пейрская площадь — рыночная площадь в Тулузе (ныне площадь Пейрад).

Стр. 217. ...как у Робена флейты... — Возможно, имеется в виду герой известной средневековой пьесы-пасторали «Игра о Робене и Марион» Адама де Ла Аля (конец XIII в.), исполнявшейся с песнями и музыкальным сопровождением.

Нозль Дю Файль

СЕЛЬСКИЕ БЕСЕДЫ МЕТРА ЛЕОНА ЛАДЮЛЬФИ, ДЕРЕВЕНСКОГО ДВОРЯНИНА

Книга Дю Файля «Сельские шуточные беседы и смешные забавы» впервые издана в Лионе в 1547 году под псевдонимом Леон Ладюльфи (анаграмма имени и фамилии автора). Затем неоднократно переиздавалась. Перевод сделан по критическому изданию: Noël Du Fail. Propos rustiques suivis des Baliverneries /éd. par L.-R. Lefèvre. Paris, 1928.

Стр. 223. «*Пастушеский календарь*» — очень популярная в народной среде книга, впервые изданная в 1493 г. Одно

из изданий календаря можно было найти в доме почти каждого грамотного крестьянина.

...*басни Эзопа*... — Речь идет о латинских и старофранцузских обработках басен древнегреческого баснописца Эзопа (V в. до н. э.). На всем протяжении средних веков эти обработки были популярным дидактическим чтением.

«*Роман о Розе*» — большая аллегорическая поэма, первая часть которой написана между 1225 и 1237 гг. северофранцузским трувером (куртуазным поэтом) Гильомом де Лоррисом, вторая — между 1266 и 1277 гг. поэтом-горожанином Жаном де Меном. Книга была очень популярна в самых разных кругах средневекового общества. Свою популярность «*Роман о Розе*» сохранил и в эпоху Возрождения (особенно в народных кругах), книга много раз издавалась (в том числе Клеманом Маро), и о ней все еще спорили, хотя она уже перестала быть эталоном дидактики и сатиры.

Стр. 225. *Перелой* — старое название гонореи.

Стр. 227. *Святой Кене*. — В действительности такого католического святого не существовало; возможно, это святой Кеннет, чей культ был довольно распространен в Уэльсе и валлийскими переселенцами мог быть занесен в Бретань.

...«*От этого огня*»... — Здесь Дю Файль, видимо, перечисляет популярные в свое время любовные песенки.

Стр. 229. *Святой Обер* — католический святой; он был епископом Авранша в начале VIII в. и основал знаменитый монастырь Мон-Сен-Мишель, где затем хранились его реликвии.

Стр. 231. *Ведский брод*. — Этот брод на реке Вьенне, недалеко от Шинона, описан у Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (кн. I, гл. 36). Из книги Рабле и заимствовал это название Дю Файль, в Бретани же брода с таким названием не существовало.

Стр. 232. ...*времен битвы при Монлери*... — Эта битва произошла 16 июля 1465 г. между войсками французского короля Людовика XI и герцога Бургундского Карла Смелого. Отряды бретонцев выступали в этом сражении на стороне бургундцев.

Стр. 234. *Ландскнехт* — наемный солдат, чаще всего выходяец из немецких земель. К услугам ландскнехтов широко прибегали во Франции XVI в. как во время войн в Италии, так и в период Религиозных войн.

Книга не была завершена и не была издана при жизни автора. Видимо, Маргарита успела написать лишь 72 новеллы. Первое издание появилось в 1558 году. В нем было только 67 новелл и не было деления на «дни». Книге было дано совершенно произвольное название — «Истории счастливых любовников». В 1559 году появилось более точное издание, подготовленное Клодом Грюже. В нем последовательность новелл, их распределение по «дням» соответствовали наиболее авторитетным рукописям (их сохранилось пятнадцать). Однако осторожный Грюже в пору нарастания религиозной полемики накануне Религиозных войн самые резкие антимонашеские новеллы (11-я, 44-я, 46-я) заменил другими, более нейтральными текстами. В этом издании книга получила название «Гептамерон». Затем неоднократно переиздавалась.

Первое русское издание книги вышло в 1907 году. Перевод А. М. Шадрина, издававшийся полностью в 1966 и 1982 годах, выполнен по изданию: Marguerite de Navarre. L'Héptaméron/Nouvelle édition revue sur les manuscrits par M. François. Paris, 1943.

Стр. 241. *Котерэ* — небольшое местечко в Пиренеях; было водным курортом уже в XVI в.

Стр. 243. *Тарб* — главный город графства Бигорр, расположенного недалеко от Котерэ.

Беарнский ручей — небольшая речка, протекающая через Котерэ.

Арагон — сначала самостоятельное королевство, затем (с 1479 г.) область на северо-востоке Испании.

Руссильон — графство на границе Франции и Испании; в описываемую эпоху входило в состав Испанского королевства (было уступлено Карлом VIII Фердинанду Арагонскому).

Нарбонна — город на юго-западе Франции, недалеко от Руссильона.

Эг-Морт — город в устье Роны, недалеко от Нима; в XVI в. был крупным морским портом.

Уазиль. — Под этим именем, как полагают исследователи, в книге изображена мать Маргариты и Франциска Луиза Савойская (1476—1531). Уазиль — анаграмма имени Луиза.

Монастырь Серранской божьей матери — монастырь в Наварре (на крайнем юго-западе Франции), в предгорьях Пиренеев. Маргарита не раз посещала этот монастырь, в том числе в 1546 г., когда, возможно, было написано Вступление к книге.

Стр. 245. *Иркан*. — Под этим именем, являющимся анаграммой имени Анри (в гасконском произношении Анрик), выведен второй муж Маргариты Анри д'Альбре, король Наварры, в то время маленького независимого государства.

Парламанта. — Как полагают исследователи, ссылаясь на мнение современников (в том числе такого видного мемуариста конца XVI в., как Брантом), под этим именем Маргарита изобразила себя.

Лонгарина — Анн де Лафайет, дам де Лонгре, приближенная Маргариты.

Дагусен. — Под этим именем изображен Никола Дангю, аббат Сен-Савена и епископ Сеэзский, один из приближенных наваррской королевской четы.

Сафредан — Жан де Монпеза, беарнский дворянин.

Аббатство Сен-Савен — бенедиктинское аббатство, расположенное на северных склонах Пиренеев.

Пьерфит — Пьерфит-Нестала, небольшая деревня, расположенная недалеко от аббатства Сен-Савен.

Номерфида — анаграмма фамилии Фимаркон; под этим именем в книге изображена Франсуаза де Фимаркон, жена Жана де Монпеза.

Эннаскуита. — Так названа в «Гептамероне» Анна де Вивонн, жена барона де Бурдейль, мать Брантома и придворная дама Маргариты.

Стр. 246. *Жебюрон*. — Так назван в книге сеньор М. де Бюри, королевский наместник в Гиенни, входивший в ближайшее окружение Маргариты.

...ходил в сентябре на богомолье в Серранс. — 8 сентября католическая церковь отмечает рождество Богоматери.

Симонто — под этим именем изображен в книге барон де Бурдейль, муж Анны де Вивонн (Эннаскуиты).

Стр. 247. *...короля Наваррского* — то есть Генриха д'Альбре, мужа Маргариты.

Стр. 248. *Олерон* — небольшой городок в Наварре.

Стр. 249. *Давид* — царь Израиля, живший в X в. до н. э. Библейская традиция наделила его поэтическим даром и сделала автором псалмов.

Стр. 251. *...совсем недавно были переведены с италья-*

янского на французский... — Маргарита имеет в виду «Декамерон» Боккаччо, который был широко известен во Франции по старому переводу Лорана де Премьефе; в 1545 г. вышел новый перевод книги Боккаччо, автором которого был Антуан Ле Масон, секретарь Маргариты.

Монсеньор Дофин — второй сын Франциска I, будущий король Генрих II (1519—1559). Генрих стал «дофином», то есть официальным наследником престола, в 1536 г. после смерти его старшего брата Франциска.

...его супруга... — Екатерина Медичи (1519—1589), будущая французская королева.

Королева Маргарита — то есть сама автор «Гептамерона», которая, как известно, была горячей поклонницей Боккаччо.

...мир... — Имеется в виду заключенный в 1546 г. в Ардре мирный договор между Франциском I и английским королем Генрихом VIII.

...разрешение от бремени супруги Дофина... — Речь идет о рождении принцессы Елизаветы, дочери дофина Генриха и Екатерины Медичи (родилась в 1545 г.).

Стр. 252. *...Симонто начать свой рассказ.* — В первой новелле первого дня Симонто повествует о любовных похождениях жены прокурора из Алансона и о кровавой расправе мужа с любовником жены.

Стр. 253. *...заставить забыть о горькой истине, которую я вам высказал вчера.* — В последней новелле предыдущего дня Сафредан рассказывал о некоем сеньоре де Риан, который утратил любовь к своей даме, когда узнал, что она ему не верна.

Стр. 254. *Была во Франции королева...* — Имеется в виду Анна Бретонская (1477—1514), жена французских королей Карла VIII и Людовика XII.

Роландина. — Как полагают исследователи, это Анна де Роган, вышедшая в 1515 г. замуж за своего кузена Пьера де Роган. Тем самым в основу новеллы положено имевшее место в действительности событие. Впрочем, не все его детали поддаются точной идентификации. Так, остается неясным, кто этот бастард, возлюбленный героини; предполагают, что им мог быть кто-то из рода Гонзаго или Луи Бурбон, внебрачный сын Льежского епископа.

Стр. 260. *Ко двору приехала знатная дама... вместе с сыном...* — Это вне всяких сомнений Луиза Савойская и Франциск; они действительно были призваны ко двору вскоре после вступления на престол Людовика XII (1498).

Стр. 261. «*Рыцари Круглого Стола*» — поздняя прозаическая обработка средневековых рыцарских романов о сподвижниках легендарного короля Артура и их приключениях. Во второй половине XV и в начале XVI в. таких обработок появлялось немало, и их охотно печатали первые французские издатели.

Стр. 269. ...*отправил ее в замок...* — Этот замок (Жослен) упоминается и в сороковой новелле книги.

Стр. 272. ...*я начал уже говорить о францисканцах...* — В данном случае имеется в виду рассказанная Жебюроном в первый день история о двух монахах-францисканцах, пытавшихся изнаsilовать перевозившую их через реку лодчицу.

Бенедиктинцы — члены монашеского ордена, основанного святым Бенедиктом в 529 г. Бенедиктинцы имели большие библиотеки и скриптории, вели погодную запись событий и слбы образованными и учеными людьми.

Стр. 273. *Сен-Мартен-де-Шан* — парижский монастырь. Описанный в новелле приор этого монастыря действительно существовал; это Этьен Жантиль, возглавлявший монастырь с 1508 по 1536 г.

Визитатор — духовное лицо, в обязанности которого входило посещение определенных монастырей с целью их инспекции.

Фонтевро — женский монастырь в провинции Анжу, недалеко от Сомюра, основанный в XI в.

Стр. 274. *Монастырь Жиф* — старинный монастырь под Парижем, недалеко от Версаля.

Мария Эроз. — Это реальное лицо. Ее хорошо знала Маргарита Наваррская, так как Мария была сестрой известного поэта эпохи Антуана Эроз (ок. 1492—1568), автора лирических стихов и поэмы «Совершенная возлюбленная» (1542). Эроз входил в так называемую «лионскую школу» поэтов, находившуюся под покровительством Маргариты. Полагают, что рассказанная в новелле история действительно имела место.

Стр. 281. *In pace* (с миром) — формула заупокойной церковной службы; эту формулу писали на гробницах, а в некоторых монастырях так называли специальные тюремные камеры, куда заточали особенно провинившихся монахов (из таких камер им уже не суждено было выйти живыми).

Стр. 283. *Королева поручила ему заботу о своих двух золовках...* — Речь идет о сестрах Генриха д'Альбре, мужа Маргариты, — Екатерине д'Альбре, которая была аббатисой

монастыря Монтивилье недалеко от Гавра, и Мадлене д'Альбре, аббатисе монастыря Святой Троицы в Кане (Бретань).

Королевский канцлер. — Имеется в виду Антуан дю Пра (ум. в 1535 г.), кардинал и папский легат, затем канцлер Франции.

Стр. 284. *Аббатство Жи.* — Это аббатство также когда-то существовало.

Монтаржи — небольшой городок недалеко от Орлеана.

«Ибо всякий возвышающий себя...» — Слова из Евангелия от Луки (XIV, 11).

Стр. 292. *Метр Франсуа Оливье* — видный в свое время юрист; он был назначен канцлером Франции в 1545 г.

Стр. 303. *Молодой принц.* — Это вне всяких сомнений молодой Франциск, брат Маргариты. В новелле рассказывается о его любовной аванюре с Жанной Ле Кок, женой парижского адвоката Жака Дизома.

Стр. 309. *...сеньор по имени д'Авинн...* — Это Габриэль д'Альбре, съёр д'Авен и де Леспарр, дядя Генриха д'Альбре, мужа Маргариты.

Памплона — город в предгорьях Пиренеев, до 1511 г. входивший в Наваррское королевство; затем отошел к Испании.

Стр. 310. *...назвал его отцом.* — Подобное названное родство было распространенным явлением в описываемую эпоху.

Стр. 311. *Монастырь Божьей матери в Монсеррате* — весьма чтимый монастырь недалеко от Барселоны.

Стр. 317. *Олита* — город в Наварре; в описываемую эпоху принадлежал Испании.

Таффала — небольшой город недалеко от Памплоны.

Стр. 320. *«Вруки твои...»* — слова из Псалтири (XXXIX, 6).

Стр. 322. *«Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, прелюбодействует в сердце своем, и всякий ненавидящий ближнего своего — человекоубийца!»* — Соединение двух евангельских изречений: первое — Ев. от Матф. (V, 28), второе — Первое послание Иоанна (III, 15).

Стр. 323. *...упомянутой принцессы...* — то есть самой Маргариты.

Стр. 325. *Байонна* — город на юго-западе Франции, в провинции Гасконь.

...некий Жан. — По всей вероятности, это Жан де Фротте, управляющий финансами королевы Маргариты.

Стр. 328. *Графство Мен* — одноименная французская провинция.

Деревня Каррель. — Такая деревня действительно существовала, она находилась в провинции Мен, недалеко от города Майена.

Стр. 331. *...один из представителей рода Амбуазов...* — Имеется в виду Луи д'Амбуаз, племянник Жоржа д'Амбуаза (см. примеч. к с. 130), епископ Альби и папский легат в Авиньоне с 1474 по 1502 г.

...племянник легата Французского... — то есть Жоржа д'Амбуаза (см. выше).

Стр. 333. *Капитан Монтесон* — французский военачальник, прославившийся своей храбростью во время войн в Италии.

...главнокомандующего Шомона. — Имеется в виду Шарль д'Амбуаз (ум. в 1509 г.), французский военачальник, участник войн в Италии, военный губернатор Милана в 1507 г.; он также был племянником Жоржа д'Амбуаза.

Стр. 334. *Королева Екатерина Наваррская*. — Речь идет о сестре Гастона де Фуа (1489—1512), прозванного «Гастоном Фебом», герцога Немурского, племянника Людовика XII, прославленного французского военачальника. Екатерина была женой Иоанна д'Альбре, короля Наварры, и тем самым свекровью Маргариты.

Стр. 335. *«Господи, тесно мне, спаси меня!»* — Слова из Библии (Исайя, XXXVIII, 14).

Стр. 336. *...архиепископ города Милана... вынужден был разделить мужчин и женщин...* — Возможно, здесь имеется в виду событие, о котором рассказывают некоторые итальянские хронисты: в XIV в. в Милане якобы была создана тайная обитель, в которой процветал крайний разврат; по приказу церковных властей она была разогнана, а ее основатели подвергнуты суровой каре.

Святой Иероним (ум. в 420 г.) — католический святой и богослов, переводчик Библии на латинский язык. Этим переводом (так называемой «Вульгатой») пользовались на протяжении всего средневековья.

Стр. 338. *...когда Маргарита Австрийская приезжала в Камбре...* — Речь идет о так называемом «Дамском мире», заключенном в 1529 г. между Францией и империей Карла V. От имени Франции мир подписала Луиза Савойская, мать Франциска, а Карла V — его тетка, Маргарита Австрийская.

Графиня Эгмонт — Франсуаза Люксембургская, жена Иоанна IV, графа Эмонта.

Фьенны — владения Люксембургского дома, к которому принадлежала и графиня Эгмонт.

Стр. 343. *Молодой принц* — опять юный Франциск, брат Маргариты. Упомянутая ниже «сестра принца» — сама писательница.

В одном из лучших городов Турени... — Имеется в виду город Амбуаз, одна из королевских резиденций, где одно время жила с детьми Луиза Савойская.

Стр. 351. *Лукреция* — героиня истории Древнего Рима, о которой рассказывает, в частности, Тит Ливий. Ею обманом овладел Секст Тарквиний, сын царя Тарквиния Гордого, и Лукреция, не перенеся позора, закололась кинжалом. Этот сюжет был очень популярен в эпоху Возрождения (обработывался Шекспиром и многими другими писателями).

Стр. 354. *...некий дворянин.* — Согласно указанию Брантома, это был его дядя съёр де ла Шатеньере, повеса и волокита, убитый на дуэли в 1547 г.

Стр. 360. *Господин де Седан.* — Имеется в виду Робер де Ла Марк, сеньор де Седан, женившийся в 1491 г. на Екатерине де Круа.

Стр. 363. *Герцог Орлеанский.* — Имеется в виду третий сын короля Франциска Карл, скончавшийся в сентябре 1545 г.

День избияния младенцев. — Этот день приходится на 28 декабря, когда, согласно евангельской легенде, по приказанию царя Ирода были перебиты все младенцы в Иерусалиме. В старой Франции 28 декабря молодые люди старались застать женщин в постели и шутя били их за лень, имитируя «избиение невинных младенцев».

Стр. 367. *Граф Карл* — Карл Ангулемский (1459—1496), отец Франциска и Маргариты; принадлежал к боковой ветви королевской семьи, так называемым Валуа-Ангулемам.

Стр. 370. *Пери* — старинное французское графство недалеко от провинций Анжу и Мен.

Стр. 371. *...все трое укладывались вместе спать...* — В описываемое время это случалось сплошь и рядом; кровати были столь широки, что в них вместе с хозяевами могли лечь несколько гостей.

Стр. 376. *...следовать завету Святого Иакова...* — Ссылка на Послание апостола Иакова (I, 27): «Чистое и непорочное благочестие перед богом и отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира».

Стр. 377. *Король Карл* — французский король Карл VIII, правивший в 1483—1498 гг.

Графиня — прототип этого персонажа установить не удалось.

Стр. 378. *Астильон*. — Под этим именем в новелле выведен камергер короля Жак де Шатийон (убит в 1512 г.).

Вальнебон — Жермен де Бонневаль, приближенный Карла VIII, Людовика XII и Франциска I; убит в 1525 г. в битве при Павии.

Дюрасье — Жак Гальо де Жернуйак, сеньор д'Ассье, придворный и военачальник, командующий королевской артиллерией.

Стр. 383. *...книги Круглого Стола...* — См. примеч. к с. 261.

Стр. 384. *Кремона* — город в северной Италии; в описываемую эпоху принадлежал миланским герцогам.

Стр. 388. *...Послание апостола Иоанна, посвященное любви...* — Речь идет о Первом послании апостола Иоанна.

Стр. 390. *Герцог Урбинский*. — Имеется в виду Франческо-Мария делла Ровере (1491—1538), племянник папы Юлия II. Он командовал папскими войсками и поэтому носил прозвище «римского префекта». Он был женат на Элеоноре Гонзага, сестре Федерико, герцога Мантуанского.

...был сын лет восемнадцати — двадцати... — Гвидобальдо делла Ровере (род. в 1514 г.), впоследствии тоже герцог Урбинский.

Стр. 392. *Ривольта* — небольшой город близ Милана; во время итальянских войн город был захвачен войсками Людовика XII в 1509 г.

...тот был гвельф, а сам он гибеллин... — Речь идет о длившейся несколько веков борьбе двух политических партий, сторонников и противников распространения императорской власти в Италии.

Стр. 394. *Тирельер* — небольшой городок близ Алансона.

Стр. 398. *Госпожа де Нефшатель*. — Возможно, речь идет о Жанне де Нефшатель, вдове герцога Людовика Орлеанского, умершей в 1543 г.

Князь де Бельост — лицо неустановленное.

Сеньор де Шериотц. — Кто был прототипом этого персонажа, также не установлено.

Стр. 405. *...как Церковь послушна Иисусу Христу.* — Ссылка на Ев. от Луки (VII, 32).

Стр. 409. *...слова, некогда сказанные господом...* — Ссылка на Псалтирь (L, 18).

...говорит апостол Павел... — Ссылка на Второе послание к коринфянам (VI, 16).

Стр. 410. ...о ком Вергилий сказал Данте... — Цитируется «Ад» Данте (песнь III, стих 51, перевод М. Л. Лозинского). У Данте эти слова сказаны о равнодушных, не заслуживающих, по мнению поэта, никакого внимания, поэтому их не принимают ни в Ад, ни в Рай.

Стр. 411. *Товий* — библейский персонаж (из ветхозаветной Книги Товит).

Стр. 415. «Красавица, не знающая жалости» — поэма Алена Шартье (1386—1449), написанная как диалог умирающего от любви кавалера и его жестокосердной дамы.

Стр. 416. *Сеньор де Монморанси*. — Как установили исследователи, имеется в виду Гийом де Монморанси, действительно ездивший в Англию с дипломатическим поручением в 1482 г.

Стр. 419. ...заповедью апостола Павла... — Ссылка на Послание к римлянам (XVI, 16).

Стр. 421. *Принцесса Маргарита*. — Имеется в виду Маргарита Французская (1523—1574), дочь Франциска I, вышедшая в 1559 г. за герцога Савойского. Маргарита дружила с поэтами и учеными, покровительствовала им.

Герцогиня де Монпансье — Жаклина де Лонгвик, вышедшая замуж в 1538 г. за герцога де Монпансье.

Стр. 432. *Королева Клод* — жена Франциска I.

Регентша — видимо, Луиза Савойская, которая обычно управляла страной в отсутствие сына, короля Франциска I.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПРЕКРАСНЫХ ИСТОРИЙ О ЛЮБОВНЫХ И ПРОЧИХ ПОХОЖДЕНИЯХ, РАССКАЗАННЫХ А. Д. С. Д.

Этот анонимный сборник был впервые издан в Париже в 1555 году и затем несколько раз перепечатывался на протяжении XVI века. Сборник в основном состоит из переработок рассказов итальянских новеллистов эпохи Возрождения, но есть в нем и произведения, разрабатывающие национальные сюжеты.

Стр. 435. «Преподобный отец и старуха». — Мотив подмены молодой девушки старухой встречается уже у писателей Древнего Рима, нередок он и в литературе средневековья (например, мы находим его в самом старом французском фаблио «Ришэ» и в ряде других фаблио).

Вакх и Церера — божества виноделия и жатвы у древних римлян.

Стр. 439. ...*приходили на ум Вулкан и Венера*... — Имеется в виду известный эпизод из древнеримской мифологии: богиня красоты Венера стала женой хромого и безобразного Вулкана, бога огня и кузнечного ремесла.

Целестинец — член монашеского ордена, основанного в 1251 г. Петром Мурроне, ставшим затем папой под именем Целестина V. Устав этого ордена был очень суров, что обрекло его членов на самый скромный образ жизни.

Жак Ивер

ВЕСНА

Жак Ивер происходил из состоятельной буржуазной семьи; он родился в Ниоре (провинция Пуату), учился в Пуатье. Совершил путешествие по Италии и, возможно, по Германии; в 1556 году стал мэром родного города. Его единственная книга вышла в Париже в 1572 году. «Весна» Ивера была, видимо, очень популярна; так, между 1572 и 1618 годами вышло 17 ее изданий. В книге есть небольшое обрамление: в некоем пуатевинском замке у его владелицы, уже немолодой вдовы, живущей с дочерью Марией и племянницей Маргаритой, гостят три дворянина. Они названы в книге на средневековый лад — прозвищами, которые обычно носили персонажи куртуазных аллегорических поэм: Бель-Акей («Добрый прием»), Флер-д'Амур («Цвет любви») и Ферм-Фуа («Твердая вера»). Это маленькое общество из шести человек развлекается, в пору Религиозных войн, рассказыванием занимательных историй и их обсуждением. Критического издания книги Жака Ивера нет. Перевод выполнен по следующему изданию (где «Весна» опубликована не полностью): *Conteurs français du XVI siècle /Textes présentés et annotés par P. Jourda. Paris, 1956.*

Стр. 440. ...*основная часть Западной империи*... — Имеется в виду так называемая Священная Римская империя германской нации, куда входили в основном мелкие немецкие княжества. И хотя империя (и ее императоры, особенно Карл V) старалась играть заметную роль в европейской политике, это было совершенно эфемерное, лишненное какого бы то ни было единства государственное образование.

Стр. 445. ...пения коварных сирен... — К этой уловке прибегал Одиссей, о чем рассказано у Гомера.

...по словам царственного пророка... — Имеется в виду Соломон.

Медя — колхидская царевна, полюбившая почти помимо собственной воли предводителя аргонавтов Ясона (греч. миф.).

Елена. — Эта легендарная красавица была в юности похищена Тесеем, затем — троянцем Парисом.

Ариадна. — Она была увезена с Крита Тесеем, а затем досталась Дионису.

Стр. 446. ...подобно древней Сивилле... — Речь идет о Кумской Сивилле, которая помогла Энею проникнуть в царство мертвых.

...золотые яблоки Гесперид... — Имеется в виду легенда о чудесном саде, находящемся где-то на крайнем западе земного круга.

Стр. 448. *Мерлин* — герой валлийских легенд, а затем западноевропейских средневековых рыцарских романов так называемого «бретонского цикла», прорицатель и волшебник.

...повествование Кардана о шотландке... — Намек неясен.

Лактанций (ум. в 325 г.) — христианский богослов и писатель; в одном из своих сочинений он действительно сообщал о том, что ангелы, как и бесы, могут иметь любовную связь с земными женщинами.

Стр. 449. *Аталанта* — героиня древнегреческой мифологии, знаменитая дева-охотница; с претендентами на ее руку она состязалась в беге, неизменно выходила победительницей и убивала копьем незадачливых женихов. Полюбивший ее Меланион пошел на хитрость: на пути девушки он разбросал золотые яблоки, Аталанта останавливалась, собирая их, и проиграла состязание.

Деянира — жена Геракла. По неведению, обманутая кентавром Нессом, она пропитала его отравленной кровью одежду мужа (думая, что это возвращает утраченную любовь) и тем погубила героя.

Стр. 450. *Ликург* — легендарный спартанский законодатель и общественный деятель.

Марк Антоний (83—30 гг. до н. э.) — племянник Юлия Цезаря, военачальник и политический деятель Древнего Рима. Известна его любовь к египетской царице Клеопатре, что в конце концов и привело его к гибели.

Стр. 451. *Паламед* — герой древнегреческой мифологии; он враждовал с Одиссеем, который его погубил.

Стр. 452. ...*мудрого царя Иудеи*... — Имеется в виду Соломон.

...по слову *мудрого римского императора*... — Имеется в виду Марк Аврелий (правил в 161—180 гг.), политический деятель и виднейший философ своего времени.

Лукреция — см. примеч. к с. 350.

Кассандра — героиня древнегреческой мифологии, дочь троянского царя Приама. После гибели Трои она досталась в качестве добычи Агамемнону.

Стр. 453. *Перикл* (499—429 гг. до н. э.) — замечательный политический деятель Древних Афин. Здесь имеется в виду его любовь к жене красавице Аспазии.

Стр. 454. *Митридат* — понтийский царь с 123 до 63 г. до н. э.

Стр. 455. *Шпейер* — город в Баварии в долине Рейна.

Стр. 457. ...*спасшая Сусанну*... — Намек на известный библейский рассказ о красавице Сусанне (Книга пророка Даниила, XIII).

Стр. 458. *Пирр* — царь Эпира (III в. до н.э.). Об упоминаемом эпизоде рассказывает Плутарх в своем жизнеописании Пирра.

Клавдий — римский император с 41 по 54 г.; он находился под сильным влиянием своей второй жены Агриппины, по приказу которой он был отравлен.

Стр. 461. *Муки английского принца*... — Имеется в виду герцог Кларенс, брат короля Эдуарда IV, по приказу которого он был утоплен в бочке с вином (1478 г.).

Одебунт — легендарный английский король.

Офиль Бателер — лицо неустановленное, возможно, какой-то современник Ивера.

Стр. 462. *Дионисий Старший* — тиран Сиракуз с 405 по 368 г. до н. э. Страдал манией преследования и прибегал к всевозможным способам, чтобы предотвратить покушение, которого постоянно ждал.

Фалес (ок. 640—548 г. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, автор «Космологии».

Фалерей. — Скорее всего имеется в виду Фаларис, тиран Агригента (середина VI в. до н. э.).

Кратес — древнегреческий философ-киник, ученик Диогена (IV в. до н. э.).

Трость Цирцеи — то есть волшебная палочка, ибо Цир-

ца (Кирка) считалась у древних греков искусной волшебницей, умевшей превращать людей в животных.

Стр. 464. *Хилон* — один из семи легендарных мудрецов Древней Греции.

...женщины, выпившей пополам со своим возлюбленным Синорином яд... — Речь идет о Камме и князе малоазиатских галлов Синориксе. Об этом рассказывает Плутарх в сочинении «О доблестях женщин».

...отмстила поруганную честь, хитростью свалив в колодец недогадливого воина. — Имеется в виду жительница Фив Тимоклея, поступившая так в тот момент, когда армия Александра Македонского разорвала Фивы. Об этом также рассказывает Плутарх.

...римлянку, которая из беспредельной любви к умершему супругу последовала за ним, проглотив пылающие угли. — Такой поступок легенда приписывала Порции, жене Брута и дочери Катона Утического.

Валерия — вдова римского консула Сервия Сульпиция Комерина (I в. до н. э.).

Артемиза. — Очевидно, речь идет об Артемизе II, царице Галикарнаса, жене царя Мавзола, воздвигнувшей ему знаменитую гробницу (IV в. до н. э.); она была символом супружеской верности.

Стр. 465. *Дарий.* — Видимо, Дарий I, персидский царь с 521 до 485 г. до н. э.

...любомудрствования Платона об Андрогине. — О двухпольх существах андрогинах Платон рассказывает в своем диалоге «Пир».

...чему свидетель поэт... — намек неясен.

Стр. 466. *...история любви Кефала и Прокриды.* — Речь идет о древнеримском мифе об охотнике Кефале, который, желая испытать жену Прокриду, сказал, что уезжает на восемь лет, но вернулся раньше положенного срока и под чужим обличем с помощью подарков склонил Прокриду к измене. Когда обман обнаружился, Прокрида бежала на Крит, где стала обладательницей чудесного копья. Затем неузнанная Прокрида склонила Кефала к измене в обмен на это копье. Когда и этот обман раскрылся, супруги примирились. Более распространен миф о том, как Кефал случайно убил Прокриду на охоте, так как она тайно следила за ним, опасаясь измены с его стороны.

Король Альфонс. — Возможно, речь идет об Альфонсе I, короле Арагона и Наварры с 1104 по 1134 г., носившем прозвище «Доблестный».

...как Деянире у Овидия... — Речь идет о следующем месте из «Героид» Овидия (IX, 29—34):

Разного роста быки под одно ярмо не годятся,
Муж великий жену скромную тяжело гнетет.
Честь это? Бремя скорей, личина, что давит лицо нам,
Хочешь счастливою быть — замуж за ровню иди.
Вечно в отлучке мой муж, так что гость мне привычнее мужа,
Вечно преследует он чудищ и страшных зверей.

(Перевод С. Ошерова)

Стр. 467. *Сарданопал* — легендарный ассирийский царь IX в. до н. э., прославившийся своей порочной жизнью, полной оргий и развлечений.

...как мы читаем об Оресте... — Имеется в виду миф об Оресте, сыне Агамемнона и Клитемнестры. Мстя за смерть отца, Орест убил свою мать, предательски погубившую Агамемнона и вышедшую за Эгиста, но был за это преследуем Эриниями, богинями мщения.

...страх попасть в руки врага, как у Ганнибала... — Речь идет об одной из черт характера великого карфагенского полководца Ганнибала (247—183 гг. до н. э.).

Галл (66—26 гг. до н. э.) — древнеримский поэт, друг Вергилия, описавшего его в своих «Буколиках». С именем Галла были связаны две легенды; согласно одной он был предан своей возлюбленной, согласно другой, будучи назначен правителем Египта, требовал воздания себе божественных почестей и был за это осужден Сенатом.

Порций Латрон — древнеримский общественный деятель, друг Сенеки (I в. н. э.).

Тисба и Пирам — герои античной мифологии, верные любовники, не мыслящие жизни без любимого и предпочитающие смерть разлуке.

Дидона — легендарная карфагенская царица; она была брошена Энеем и покончила с собой.

Софрония. — Ее домогался император Максим, против чего не возражал муж Софронии, добродетельная же женщина наложила на себя руки (310 г. н. э.).

Демокл — македонский общественный деятель; Плутарх рассказывает, что Демокл покончил с собой, чтобы избежать противоестественных ухаживаний царя Македонии Деметрия I (III в. до н. э.).

Клеомброр. — Согласно легендам, он покончил с собой, прочитав у Платона о бессмертии и слепо поверив в это.

Жительницы Милета. — Возможно, речь идет о последовательницах древнегреческой поэтессы Сапфо.

Марций. — Имеется в виду легендарный римлянин Куртий, который во время землетрясения бросился в разверзшуюся землю на Римском Форуме и, пожертвовав собой, спас город от гибели.

Отон — римский император; по свидетельству Светония, он покончил с собой, чтобы предотвратить гражданскую войну (69 г. н. э.).

Фемистокл — афинский полководец V в. до н. э. Легенда о его смерти не вполне верна: в действительности в 471 г. до н. э. он был изгнан из родного города, бежал в Персию, где и умер ок. 460 г. до н. э.

Помпоний Атик — древнеримский общественный деятель, друг Цицерона (I в. до н. э.).

Великий Плиний. — Имеется в виду Плиний Старший (ум. в 79 г. н. э.), древнеримский ученый и писатель, автор «Естественной истории» (Ивер в данном случае ссылается на кн. XXVIII этого труда).

Стр. 468. *Анахарсис* — легендарный древнегреческий философ, живший в VI в. до н. э.

Пифагор. — Этот великий математик древности, живший в VI в. до н. э., был также видным философом своего времени, отстаивавшим принципы умеренной, даже суровой жизни.

Стр. 469. ...*Диана из Сиракуз и римлянка Медуллина...* — Об этом действительно рассказывают древние историки.

Стр. 470. *Массанисса.* — Правильнее Масинисса (238—148 гг. до н. э.), Нумидийский царь, союзник римлян.

Катон Цензор (237—142 гг. до н. э.) — древнеримский общественный деятель, поборник суровых гражданских добродетелей.

Стр. 471. *Катилина* (ок. 109—61 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, боровшийся с Сенатом; участник знаменитого заговора, разоблаченного Цицероном.

Сулла (136—78 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, вождь аристократической партии.

Август. — Имеется в виду римский император Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.); тонкий политик, он установил в Риме единоличную императорскую власть.

Стр. 472. *Карл Великий восстановил права двух из них...* — Речь идет о папе Адриане I (понтификат — 772—795 гг.), которого Карл поддержал в его борьбе с лангобар-

дами, и о папе Льве III (понтификат — 795—816 гг.), провозгласившем в 800 г. Карла императором.

Утвердив попирающую стопу не только на горле... императора... — Намек на «Каноссу», эпизод борьбы императорской власти с папством, когда император Генрих IV после безуспешного противоборства с папой Григорием VII, вынужден был признать свое поражение и публично (и унижительно для себя) признал верховную власть папы; это произошло в 1077 г.

...папа Пий... — Имеется в виду папа Пий II (понтификат — 1458—1464 гг.), который помог Неаполитанскому королю Фердинанду I (1458—1494) вновь занять неаполитанский престол. Фердинанд (или Ферран) назван здесь бастардом, так как был незаконным сыном короля Арагона Альфонса V, захватившего в 1416 г. Неаполь.

...а герцогство миланское — Франциску... — Речь идет о герцоге Миланском Франческо Алессандро Сфорца (1401—1466).

Бонифаций VII. — Ошибка Ивера; речь идет о папе Бонифации VIII (понтификат — 1294—1303), который вел безуспешную борьбу с французским королем Филиппом Красивым.

Карл Простоватый — французский король Карл III (879—929), вступивший на престол в 896 г., а в 923 г. с него свергнутый.

Юлий. — Имеется в виду папа Юлий II (понтификат — 1503—1513), воевавший с французским королем Людовиком XII.

...подарил ему Болонью... — Болонью и другие итальянские города, которые перечисляет Ивер, Людовик XII вернул не Юлию II, а папе Александру VI.

Стр. 474. *...после снятия миланской осады...* — Это было в 1511 г.

Маркиза Гонзага — Елизавета д'Эсте (1474—1539), жена герцога Мантуанского Франческо Гонзага (1466—1519).

Стр. 476. *Кассандра.* — Имеется в виду Кассандра Фидели (1465—?), знатная итальянская дама, славившаяся в свое время отменным вкусом и ученостью.

Стр. 477. *...подобно Ахиллу среди дочерей Ликомеда...* — Имеется в виду один из эпизодов древнегреческой мифологии: у Ликомеда, царя долопов на острове Скирас, скрывался Ахилл, которому была предсказана гибель в Троянской войне. Дочь Ликомеда Деидамия имела с Ахиллом любовную связь.

Стр. 480. *Цезарь Борджиа* — итальянский политический деятель и военачальник, сын папы Александра VI; он был убит в одном из сражений в 1507 г. и не мог принимать участие в описываемых событиях.

Луго. — Имеется в виду битва под Равенной 11 апреля 1512 г.

Гастон де Фуа — см. прим. к с. 333.

Стр. 481. *...ученик Платона...* — Имеется в виду Аристотель.

Крез (ок. 560—548 гг. до н. э.) — последний царь Лидии, славившийся своим богатством.

...теснимые лигой... — Эта лига, направленная против французского короля Карла VIII, была образована в 1495 г. императором Максимилианом, королем Арагона, Миланским герцогом Лодовико Сфорца и Венецианской республикой.

...д'Алегра-отца... — Имеется в виду Ив д'Алегр, один из видных французских военачальников.

Фердинандо Гонзага. — Ошибка Ивера: речь может идти о Франческо Гонзага, так как в момент описываемых событий его сыну Фердинанду было только четыре года.

Стр. 482. *...осадили Теруан*. — Это произошло в 1513 г. Теруан был крупной крепостью в проливе Па-де-Кале, и около него не раз велись военные действия.

Стр. 485. *Мандрагора* — таинственное растение, якобы обладавшее различными замечательными свойствами (оно считалось надежным приворотным зельем, усыпляющим средством и т. п.).

Стр. 486. *Актеон* — герой древнегреческой мифологии, охотник, случайно увидевший Артемиду (Диану) обнаженной, за что был превращен в оленя и растерзан своими собственными собаками.

...кто смотрел на Медузу. — Речь идет об очень популярном древнегреческом мифе об одной из Горгон — жещин-чудовищ, чей взгляд превращал в камень.

Стр. 491. *Гигес* — легендарный молодой лидийский пастух, у которого было волшебное кольцо, делавшее его невидимым. Он стал первым министром царя Лидии Кандавла, затем убил его и завладел его тронem.

Стр. 493. *Бион* — древнегреческий поэт-буколик, живший в III в. до н. э.

...один из пап... — Имеется в виду папа римский Александр VI, чей понтификат приходится на 1492—1503 гг.

Стр. 494. *Митридат*. — Что это за средство — неясно.

Стр. 494. *Ломбардская трава* — так тогда назывался

любой яд, изготовленный в Италии, где практика политических убийств путем отравления получила очень большое распространение.

...как герой в отравленной рубахе... — Речь идет о Геракле; не вынеся мук из-за яда, которым была пропитана его одежда, он бросился в костер.

Стр. 497. ...мудрый Аполлоний... — Здесь комментаторы колеблются между пифагорейцем Аполлонием Тианским и стойком Аполлонием Эвбейским, учителем Марка Аврелия.

Стр. 499. Царица Фессалии. — Речь идет об Алкестиде, жене Адмета (г р е ч. м и ф.).

...горнило сицилийской горы. — Имеется в виду вулкан Этна.

Стр. 501. Поликрат — легендарный царь (точнее, тиран) Самоса, живший в VI в. до н. э.

Стр. 502. Терамен — афинский государственный деятель, способствовавший установлению тирании (V в. до н. э.).

Царь Македонии. — Возможно, речь идет о Филиппе, отце Александра Македонского.

...по словам мудрого поэта... — О каком древнеримском поэте идет речь — неясно.

Солон (640—558 гг. до н. э.) — замечательный афинский мудрец и законодатель.

Персей и Андромеда. — Имеется в виду популярный мифологический сюжет: юный Персей спас Андромеду, отданную чудовищу, пожиравшему людей; он поразил чудовище, женился на Андромеде и увез ее в Аргос (г р е ч. м и ф.).

Вакх и Ариадна. — Здесь имеется в виду мифологический рассказ о том, как Вакх (Дионис) полюбил Ариадну и женился на ней.

Поликсен — один из царей Эллады, безуспешно сватавшийся к Елене перед Троянской войной (г р е ч. м и ф.).

Стр. 503. ...как два греческих государя... — О каких государях или правителях идет речь — неясно.

Катон. — Имеется в виду Катон Утичский (95—46 гг. до н. э.), древнеримский философ-стоик и общественный деятель.

Гортензий (114—50 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель и оратор.

...у него отнял его любимую Бризеиду... — Речь идет о пленнице и возлюбленной Ахилла, у которого ее отнял в начале Троянской войны Агамемнон. Тогда герой отказался принимать участие в сражениях. После примирения в стане

греков Бризеида была возвращена Ахиллу. Об этом подробно рассказывается в «Илиаде».

Патрокл — друг Ахилла; когда последний из-за ссоры с Агамемноном отказался сражаться, Патрокл вступил в бой в доспехах Ахилла и был убит Гектором.

...Никокл... со своим лучшим другом Фокионом... — Фокион (400—317 гг. до н. э.) был видным общественным деятелем Афин. Ошибочно обвиненный вместе с Никоклом, он спокойно выпил яд.

Сеньор де Шольер

Жан Дагоно (1509—1592), прозванный сеньором Шольером, был плодовитым писателем. О его жизни почти никаких достоверных сведений нет. Его основные сочинения — «Девять утренних бесед» и «Послеполуденные беседы» — были напечатаны в Париже в 1585 году. В этих книгах среди рассуждений на морально-этические, исторические, бытовые и другие темы («О золоте и железе», «О женщинах безобразных и красивых», «О ревности мужской и женской», «О семейном согласии», «О браке», «О болтовне и кокетстве женщин» и т. д.), обнаруживающих большую начитанность писателя, разбросано несколько вставных новелл, призванных проиллюстрировать то или иное положение автора. Научное издание сочинений Шольера было осуществлено лишь однажды — в 1879 году Полем Лакруа.

Стр. 505. «О некоем кастрате». — Из книги «Девять утренних бесед» (из беседы 4-й — «О кастратах»).

А. Д. Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

А. Михайлов. Новеллисты французского Возрождения 7

Н О В Е Л Л Ы

Сто новых новелл. <i>Перевод Б. Ярло</i>	39
* Филипп де Виньель. Сто новых новелл. <i>Перевод Н. Мавлевич</i> .	62
* Никола де Труа. Великий образец новых новелл. <i>Перевод И. Волевич</i>	92
Бонавантюр Деперье. Новые забавы и веселые разговоры. <i>Перевод В. Пикова</i>	151
Нозль дю Файль. Сельские беседы метра Леона Ладюльфи, деревенского дворянина. <i>Перевод Я. Лесюка</i>	222
Маргарита Наваррская. Гептамерон. <i>Перевод А. Шадрина</i> . . .	241
Некоторые из прекрасных историй о любовных и прочих похождений, рассказанных А. Д. С. Д. <i>Перевод И. Волевич</i>	435
* Жак Ивер. Весна. <i>Перевод М. Гримберга</i>	440
Сеньор де Шольер. Из «Девяти утренних бесед» и «Послеполуденных бесед». <i>Перевод И. Волевич</i>	505
Комментарии <i>А. Михайлова</i>	509

Французская новелла Возрождения.
Ф 84 Пер. с фр. / Сост., вступ. статья и примеч.
А. Михайлова. — М.: Худож. лит., 1988. —
543 с. (Б-ка Возрождения).
ISBN 5-280-00444-8

В сборник войдут произведения наиболее выдающихся французских новеллистов XVI века: Маргариты Наваррской, Бонавантюра Деперье, Никола де Труа, Жака Ивера и др.

Ф 4703000000-311 161-87
028(01)-88

ББК 84.4Фр.

ФРАНЦУЗСКАЯ НОВЕЛЛА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Редактор *Н. Кулиш*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *Н. Пехтерева, О. Левина*

ИБ № 4556

Сдано в набор 25.09.86. Подписано к печати 21.09.87. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 57,65. Уч.-изд. л. 30,42. Тираж 300 000 экз. (1-й завод — 1 — 100 000). Изд. № VI-2233. Заказ № 463. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5